А.С. ДОНЧЕНКО

ОТ ТРАКТОРИСТА ДО АКАДЕМИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

НОВОСИБИРСК
2019

УДК 619(092)
ББК 48д(2) Донченко А.С.
Д 67

А.С. Донченко. От тракториста до академика. Книга первая. – Новосибирск, 2019. – 742 с.
ISBN 978-5-94477-251-0

Автору книги воспоминаний, доктору ветеринарных наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ, академику РАСХН, РАН А.С. Донченко 25 июня 2019 г. исполняется 80 лет. Данная книга представляет собой первую часть дилогии, повествование в которой разделено на два 40-летних периода. В первой книге воспоминаний А.С. Донченко описал первые 40 лет свой жизни в сложных периодах развития нашего общества – довоенном и послевоенном: целину, учебу в техникуме и институте, работу в Министерстве общественного порядка Казахской ССР, Гурьевской научно-исследовательской ветеринарной станции, Казахском научно-исследовательском ветеринарном институте. Автор описывает многие события и большой круг лиц – от близких родственников, друзей, коллег до руководителей, с которыми работал, имел личные встречи. Кроме этого, раскрываются некоторые аспекты социально-экономической и политической жизни страны.

Книга может быть поучительна для молодого поколения, ищущего себя в жизни, а также полезна старшему поколению, которое может в чем-то сравнить и свою линию жизни с описанной автором в воспоминаниях.

Издание иллюстрировано фотографиями из альбомов семьи Донченко, а также другими снимками, переданными коллегами и друзьями.

УДК 619(092)
ББК 48д(2) Донченко А.С.

ISBN 978-5-94477-251-0

С глубокой признательностью
посвящаю свои мемуары родителям –
Семену Васильевичу
и Евгении Игнатьевне Донченко,
супруге Валерии Николаевне, детям,
внукам, близким родственникам, друзьям,
а также руководителям, коллегам,
ветеринарным специалистам-практикам,
преподавателям и ученым, с которыми
прошел длинный, тернистый и все же
замечательный производственный
и научный путь.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед тем, как взяться за описание своего жизненного пути, долго сомневался, прикидывал необходимость издания книги, размышлял, как воспримут мои опусы близкие, друзья, коллеги...

И все же я решился. Скоро мне исполнится 80 лет. Эта дата, которая позволяет оценить себя как личность многочисленными родственниками, учеными, производственниками, руководителями научных коллективов, с которыми я работал, дружил, сотрудничал.

В работе и жизни я никогда не переступал через человека и, видимо, поэтому не подхожу под определение русского поэта В.А. Жуковского: «Кто втерся в чин лисой, тот в чине будет волком». Встречал подобных руководителей и работал с ними, поэтому с самого раннего периода моего руководства дал себе зарок: не ущемлять подчиненных, не преследовать даже тех коллег, которые предпринимали существенные выпады против меня. Время и Всевышний рассудят...

Думаю, мой жизненный опыт продвижения по научной лестнице будет интересен, может быть, и полезен молодым ученым, которые приходят на смену старшему поколению или только начинают свой путь в науке.

В моих записях нет вымысла. Может быть, есть некоторые неточности, субъективная оценка времени, современников, с которыми трудился, жизненных фактов и событий, участником которых я был. Прошу искреннего прощения у моих близких, товарищей, коллег, если я не сумел в своих воспоминаниях осветить их достоверно, образно и обстоятельно.

Буду всем признателен и благодарен, кто найдет время на прочтение моих воспоминаний и выскажет свои замечания, пожелания, подвергнет их бескорыстной критике.

Александр Семенович Донченко

Член президиума СО РАН, научный руководитель СФНЦА РАН, доктор ветеринарных наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАСХН и РАН

Родился 25 июня 1939 г. в Чите в семье военнослужащего. В 1956 г. окончил Пресновскую среднюю школу Пресновского района Северо-Казахстанской области. Его трудовая деятельность началась в 1956 г. в совхозе «Пришимский» Северо-Казахстанской области в качестве разнорабочего и тракториста. В 1960 г. окончил ускоренный (2,5 года) курс Ленинского сельскохозяйственного техникума. В 1960 г. поступил в Алма-Атинский зооветеринарный институт. По его окончании с отличием в 1965 г. работал преподавателем ветеринарных дисциплин в Актюбинском сельхозтехникуме Актюбинской области, служил в МООП Казахской ССР в качестве офицера-инспектора ветеринарно-охранной карантинной службы.

Закончив в 1971 г. аспирантуру в Казахском научно-исследовательском ветеринарном институте (КазНИВИ) ВО ВАСХНИЛ (Алма-Ата) и успешно защитив кандидатскую диссертацию, в течение 6 лет работал директором Гурьевской научно-исследовательской ветеринарной станции (г. Гурьев Казахской ССР), затем – старшим научным сотрудником в КазНИВИ.

В мае 1979 г. по конкурсу был избран заведующим лабораторией туберкулеза Института экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока СО ВАСХНИЛ (Новосибирск). С 1988 г. – заместитель директора по научной работе, с февраля 1996 г. по март 2012 г. – директор. В 1990 г. защитил докторскую диссертацию: «Туберкулез крупного рогатого скота, верблюдов и овец», в этом же году ВАК присвоила ему звание профессора по специальности «ветеринарная микробиология».

В марте 1997 г. на общем собрании СО РАСХН А.С. Донченко избран заместителем председателя СО РАСХН, в 2001 г. – первым заместителем, в 2004 г. – вице-президентом РАН и председателем СО РАСХН. В 2014 г. в связи с реорганизацией государственных академий наук Российской Федерации был избран академиком РАН и членом Президиума

РАН, введен в состав бюро Совета академии по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН. В 2015 г. он одновременно стал заместителем председателя СО РАН по науке.

Научные исследования А.С. Донченко посвящены разработке высокоэффективных научно обоснованных ресурсосберегающих технологий в сельском хозяйстве, в том числе животноводстве и ветеринарной медицине, а также ветеринарных диагностикумов, химпрепаратов и ветеринарных аппаратов.

А.С. Донченко в соавторстве принимал участие в разработках на основе биотехнологических методов, эффективных тест-систем для диагностики туберкулеза, лейкоза, классической чумы свиней, инфекционного ринотрахеита, вирусной диареи крупного рогатого скота и болезней маралов. Им в соавторстве предложен для ветеринарной практики высокоэффективный противотуберкулезный препарат ниазон. Под его научным руководством и непосредственном участии оздоровлены от туберкулеза стада крупного рогатого скота в Сибирском регионе.

Совместно с учеными ГНЦ «Вектор» разработаны способы повышения естественной резистентности организма животных с использованием иммуномодуляторов (полирибонат, ридостин). Препараты служат адъювантами, повышающими протективные свойства слабоиммуногенных вакцин (туберкулез, мыт лошадей).

А.С. Донченко в соавторстве опубликовано 812 научных работ, в том числе 70 монографий, учебники, справочники, учебные пособия, научно-методические рекомендации. Ряд научных разработок защищено 30 патентами и авторскими свидетельствами. Он является соавтором алтаесаянской породы маралов (2007 г.) и зугалайского типа овец (2016 г.). Под его научным руководством защищено 25 докторских, 32 кандидатских диссертаций. Ученики А.С. Донченко успешно трудятся в Новосибирской, Омской, Челябинской,

Амурской областях, Приморском и Алтайском краях, Республиках Саха (Якутия) и Алтай, Таджикистане, Казахстане и Канаде.

А.С. Донченко как заведующий кафедрой эпизоотологии и микробиологии в Новосибирском государственном аграрном университете (1997–2018 гг.) уделял большое внимание подготовке практических ветеринарных специалистов для сибирских субъектов Российской Федерации.

Во многих регионах Сибири успешно функционировали организованные при участии А.С. Донченко научно-образовательно-производственные комплексы – новая форма интеграции науки, образования и производства.

В период работы с 2004 по 2016 г. А.С. Донченко как вице-президент РАСХН и председатель СО РАСХН курировал научные исследования в Сибирском регионе, направленные на развитие сельскохозяйственного производства, в том числе животноводства и ветеринарной медицины, был председателем сибирской подсекции инфекционных и инвазионных болезней сельскохозяйственных животных отделения ветеринарии РАСХН, председателем специализированного совета по защите докторских диссертационных работ при Институте экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока. Он является главным редактором журнала «Сибирский вестник сельскохозяйственной науки», членом редколлегии четырех научных журналов (одного зарубежного).

А.С. Донченко был дважды избран депутатом Новосибирского областного совета (1999–2002 гг., 2002–2005 гг.), занимался научными проблемами сельского хозяйства, природными ресурсами и охраной окружающей среды Новосибирской области.

За личный вклад в развитие сельскохозяйственной науки, образования и производства А.С. Донченко удостоен государственных наград. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, а также Петра Великого I степени, Высшим национальным орденом общест-

венного признания заслуг и достижений Великая Россия «Персона эпохи», орденом «За заслуги перед Отечеством и казачеством» III степени. Также награжден 26 медалями: «Ветеран труда», «За освоение целинных и залежных земель», «За заслуги перед Новосибирской областью», «40 лет Советской милиции», Золотой медалью академика С.Н. Вышелесского, несколькими медалями ВДНХ и ВВЦ, медалями «За служение Кузбассу» и «Сибирский казачий крест» III степени, медалью Т.С. Мальцева, памятной медалью энциклопедии «Лучшие люди России», медалью Министерства обороны Российской Федерации «200 лет Министерству обороны», медалями «Совет Федерации. 15 лет», «90 лет Монгольской народной революции», «140 лет со дня рождения В.И. Ленина», медалью Законодательного собрания Новосибирской области «Общественное признание», нагрудными знаками «300 лет Российской армии», Федерации независимых профсоюзов России «За содружество», знаком «Почетный фермер».

А.С. Донченко избран действительным членом (академиком) сельскохозяйственной академии республик Монголия и Казахстан, почетным доктором Болгарской сельскохозяйственной академии. Ему присвоены звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки» и «Заслуженный работник сельского хозяйства Монголии», «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)», «Заслуженный работник сельского хозяйства Республики Алтай», он кавалер Золотого Почетного знака «Достояние Сибири».

Ученые, думающие о спокойствии и удобствах, не заслуживают этого звания.

Кун-фу-цзы (Конфуций)
(551–479 гг. до н.э.)

ГЛАВА 1

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

История фамилии Донченко

Никакой человек в мире не родится готовым,
то есть вполне сформировавшимся,
но всякая его жизнь есть не что иное,
как беспрерывно движущееся развитие,
беспрестанное формирование.

В.Г. Белинский (1811–1848 гг.)

В переводе с латинского «familia» означает семья. Изначально фамилия объединяла целую общность людей, состоящую из семьи хозяев и принадлежащих им рабов. В общем же случае фамилия – это наследственное родовое имя, которое указывает на принадлежность человека к определенному роду. Происхождение фамилии, ее история ведут к определенному предку, семье, которая и стала родоначальником каждой конкретной фамилии. В современном толковании фамилия – это наследственное семейное именование, которое прибавляется к личному имени.

На мой взгляд, очень точно выразил связь фамилий с историей страны поэт Г. Грабунин:

Свою фамилию спроси.
Звучат, как музыка, как стих,
Фамилии простые.
Вглядись, и ты увидишь в них
Историю России.

Прежде чем определиться с повествованием своего трактата, я изучил многие источники, раскрывающие сведения о происхождении моей фамилии. Оказалось, что имеется несколько ее вариантов, но в целом они по-своему близки. Одни указывают на то, что представители фамилии Донченко могут гордиться своими предками, сведения о которых содержатся в различных документах, подтверждающих след, оставленный ими в истории. В.А. Никонов (1958 г.), А.В. Суперанская, А.В. Суслова (1981 г.), Б.О. Унбегаун (1995 г.) считают, что фамилия Донченко происходит от древнейшей формы славянских фамильных прозвищ, образованных от географического названия местности, выходцем из которой являлся один из предков. Традиция давать человеку в дополнение к крестильному имени прозвище издревле существовала на Руси и сохранялась вплоть до XVII в. Это объясняется тем, что в обычной русской жизни бытовало относительно немного канонических церковных имен, которые в результате этого часто повторялись. Запас же прозвищ был неисчерпаем и позволял выделить человека в обществе. В связи с этим прозвища широко употреблялись и нередко заменяли крестильные имена и в обиходе, и в официальных актах.

Множество славянских фамилий произошло от прозвищ, образованных по названию местности, откуда человек был родом. Обычно такие фамилии появлялись в тех случаях, когда их обладатели переселялись из одного места в другое. Топонимические фамилии были широко распространены во всех сословиях. Изначально они также представляли собой прозвище или семейное имя. Такие фамилии-прозвища были очень популярны в XVI–XVII вв. у крестьян-беглецов, которые часто за основу своих фамилий брали названия родных городов и сел. Так, человек, приехавший на новое место жительства с берегов реки Дон, получал прозвищное именование Донец. Обычно суффикс -ец означал жителя города, региона.

Во времена Киевской Руси патронимический суффикс -енко у южных славян означал «маленький» или «сын такого-то». В XIII–XV вв. немалая часть фамильных прозвищ, записанных на Украине, в южных землях Белой Руси и на юго-западе Московской Руси, была образована при участии этого суффикса. С этим и связана распространенность таких фамилий на Украине, а также юге Белоруссии и России. Позднее древний суффикс перестал пониматься буквально и сохранился лишь в качестве фамильного, а в семнадцатом столетии фамилии на -енко стали преобладающими на территории всей Восточной Украины. Так на основе прозвища Донец и появилась **фамилия Донченко**.

Говорить о точном времени возникновения моей фамилии в данный момент не представляется возможным. И хотя в настоящее время ее обладатели могут жить в самых разных регионах, фамилия эта, сохранившая в себе память о родине ее основателя, имеет богатейшую историю и может рассказать немало интересного о жизни наших далеких предков.

Вторая версия происхождения фамилии Донченко указывает на то, что она относится к распространенному типу украинских и образована от крестильного имени Донат. После 988 г. каждый славянин во время официальной церемонии крещения получал от священника крестильное имя. Такое именование позволяло решать проблему идентификации, то есть выделения конкретного человека из общества. В связи с этим именно церковные имена и стали активной базой для создания фамилий.

Производную форму Донат может представлять собой фамилия Донко, которая в переводе с латинского означает «дарованный». По другой версии, в основе фамилии Донченко лежит прозвище Донка, которое мог получить человек, мастеривший лодки-донки. Также возможна связь фамилии Донченко с названием реки Дон. Из письменных источников известен город в Придонье, называющийся Донко. Следовательно, основатель рода Донко мог быть выходцем из этого города.

Вероятнее всего, образование фамилии Донченко началось приблизительно в XIV в., что обусловлено историческими процессами. Так, с шестнадцатого столетия Украина тесно контактировала с европейскими народами.

Третья версия в какой-то степени близка к двум предыдущим, но имеет свои особенности. В ней указывается на то, что фамилия Донченко относится к распространенным типам украинских фамилий, которые формируются из крещения имени Донат.

Известно, что на Руси фамилии появились лишь после отмены крепостного права в 1861 г. Процесс этот оказался медленным. Лишь в 1888 г. был издан указ о том, что у каждого человека должна быть фамилия и использовать ее необходимо в документах. В настоящее время появляются новые фамилии, но, скорее, это происходит из-за ошибок паспортного стола (опечаток) или из-за сложения двух фамилий. В настоящее время имеется так много разных фамилий, что и незачем придумывать новые.

Обобщая материалы по источникам возникновения фамилии Донченко, я встретил достаточно большое число людей, носящих эту фамилию. Я думаю, что читателю будет интересно ознакомиться с людьми, носящими мою фамилию и внесших свой посильный вклад в строительство нашего общества.

Одним из представителей нашей фамилии является Семен Алексеевич Донченко (род. 26 февраля 1908 г., умер в 1994 г.) – советский военный летчик времен Второй мировой войны, генерал-майор авиации. Родился С.А. Донченко в городе Кременчуг на Полтавщине в семье железнодорожника. Украинец. Окончил школу ФЗУ, работал слесарем на вагоностроительном заводе. В 1930 г. как отличник труда направлен на обучение в Киевский железнодорожный институт. Член ВКП(б) с 1930 г. В ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) призван в 1931 г. Окончил военную авиационную школу, годичные курсы командиров авиаци-

онных звеньев. Летом 1934 г. назначен командиром авиазвена одной из авиационных частей Сибирского военного округа. До начала Великой Отечественной войны командовал авиационным отрядом, был инспектором-летчиком авиационной бригады, инспектором-летчиком ВВС Сибирского ВО, командиром 1-го скоростного бомбардировочного авиационного полка того же округа. В январе 1940 г. майор С.А. Донченко был понижен в должности до командира авиационной эскадрильи, однако в октябре того же года вновь стал командовать полком. Участник Великой Отечественной войны с октября 1941 г. В декабре 1942 г. направлен на курсы усовершенствования командиров и начальников штабов, по окончании которых был назначен заместителем командира 260-й смешанной авиационной дивизии. В начале 1944 г. назначен заместителем командира, с ноября того же года – командиром 9-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии. После войны продолжил военную службу в ВВС СССР. В октябре 1946 г. полковник С.А. Донченко был назначен начальником 2-го отдела Управления боевой подготовки штурмовой авиации. В феврале 1951 г. окончил Военную академию Генштаба и назначен командиром 68-го штурмового авиационного корпуса. Впоследствии занимал должность помощника командующего воздушной армии. С 1959 г. генерал-майор авиации С.А. Донченко вышел в запас. Жил в Киеве, работал в военно-научном обществе при Доме офицеров Киевского ВО. Он награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени, Кутузова II степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями и иностранными наградами.

Глубокий след в корабельном деле оставила Александра Николаевна Донченко (1910–1983 гг.) – инженер, капитан 1-го ранга, руководитель группы проектировщиков военных кораблей и подводных лодок. Она была единственной в СССР женщиной, окончившей военно-морскую академию. Родилась в 1910 г. в Николаеве в семье потомственных

черноморских корабелов. Ее отец Николай Тимофеевич пришел на «Наваль» (как тогда назывался Черноморский судостроительный завод в Николаеве) еще в 1909 г. Выпускница Николаевского кораблестроительного института, по окончании которого была направлена в числе других молодых специалистов на строительство новых кораблей. В РККА с 1936 г. Окончила Военно-морскую академию в Ленинграде. В марте 1939 г. Александра Донченко с отличием защитила дипломную работу. Военным инженером 3-го ранга была аттестована как научно-исследовательский работник. Член ВКП(б) с 1939 г. Весной 1941 г. ей досрочно присвоено звание военного инженера 2-го ранга. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». За разработку и испытания бронированного морского охотника (БМО), сокращение сроков их постройки и, как следствие, перевыполнение плана на 50%, хорошую подготовку ходовых испытаний приказом по КБФ № 121 от 22.11.1943 инженер-майор Донченко награждена орденом Красной Звезды. По состоянию на 1962 г. имела звание инженера-капитана 1-го ранга, была наблюдающим строительства опытной атомной подводной лодки К-27. Это единственный случай, когда должность такого уровня занимала женщина-офицер.

Среди архитекторов России глубокий след в своей профессиональной деятельности оставил Александр Дмитриевич Донченко (1863–1916 гг.) – русский архитектор, военный инженер, начальник Санкт-Петербургской 2-й инженерной дистанции, известный строитель XIX – начала XX в.

Конечно, всем известен и Олесь Донченко (Донченко Александр Васильевич, 1902–1954 гг.) – украинский, советский детский писатель, поэт, публицист. Он родился в семье учителя в селе Большие Сорочицы Миргородского уезда Полтавской губернии. Рано начал писать. Первые стихи О. Донченко напечатал в 1918 г. Литературную деятельность начал, издав в 1926 г. несколько поэм и сборник стихов

«Красная писанка». В 1928 г. вышел его второй поэтический сборник «Окраины».

Молодой О. Донченко был членом комсомольской писательской организации «Молодняк», литературной организации «Пролитфронт». Он был автором пьес «Комсомольская глушь» (1927 г.), «Маскарад» (1929 г.). С 1927 по 1931 г. О. Донченко издал более 30 книг своих стихов и сказок для маленьких читателей, впоследствии перешел к прозе – рассказам и повестям, в основном предназначенным для детей и юношества. В начале 1930-х годов опубликовал повести и романы об индустриализации в СССР: «Две весны» (1931 г.), «Звездная крепость» (1933 г.), «Море отступает», «Разведчики недр» (обе в 1934 г.).

В творческом наследии О. Донченко около 100 книг для детей и юношества. В повестях «Школа над морем» (1937 г.), «Карафуто» (1940 г.), «Сердце беркута» (1945 г.), «Лесничиха» (1947 г.), «Заветное слово» (1949 г.), «Юрко Васюта» (1950 г.) и рассказах создал яркие образы учеников и учителей, показал процесс воспитания молодежи в духе коллективизма и патриотизма. Важные проблемы коммунистического воспитания поставлены в романе Донченко «Карборундовый камень» (1946 г.) и «Золотая медаль» (1954 г.). Многие произведения его переведены на языки народов СССР.

Я не могу не упомянуть и других выдающихся людей, носящих эту фамилию: Александра Анатольевича Донченко (1988 г.), немецкого шахматиста, гроссмейстера (2015 г.); Даниила Михайловича Донченко (1971 г.), артиста Новгородского академического театра драмы, заслуженного артиста России (2006 г.); Наталью Донченко, украинскую хоккеистку, игрока женской сборной Украины, участницу Чемпионата Европы (1995 г.); Наталью Сергеевну Донченко (1932 г.), советскую конькобежку, серебряного призера VII зимних Олимпийских игр в Скво-Вэлли (1960 г.) на дистанции 500 метров, заслуженного мастера спорта СССР.

Хочу сказать несколько слов о Тамаре Семеновне Донченко, бывшем главном враче поликлиники № 30 Новосибирска. Когда прочел в новосибирских газетах об активной общественной работе Тамары Семеновны, я позвонил ей. Мы очень хорошо поговорили, она была поражена совпадением не только наших фамилий, но и отчества. Впоследствии мы встретились. Это была небольшого роста женщина, очень уважительная, с красивым обличием. Я и моя супруга Лера много общались с Тамарой Семеновной, приглашали друг друга в гости. Все думали, что мы брат и сестра, а мы и не разубеждали в этом людей. У Тамары Семеновны были две сестры и брат. Одна сестра долгое время жила в Израиле. Будучи там в командировке, я встречался с ней и ее супругом – преподавателем университета. Очень приличные люди, прекрасно отзывались о нашей стране. Тамара Семеновна как-то мне под большим секретом сказала, что, может быть, у ее отца действительно был в жизни какой-то роман и я являюсь его плодом. Однако в длительных разговорах с отцом и мамой Тамары Семеновны все это, к большому ее сожалению, не подтвердилось. Тем не менее моя семья и семья Тамары Семеновны до последних дней ее жизни тесно общались, мечтали съездить по маршруту наших семей из Украины в Россию, побывать в местах проживания наших предков. Мечты, мечты нашей молодости, жаль, что они не так часто сбываются... Об этом хорошо сказал Луи Арагон: «Молодые люди мечтают, старики вспоминают». Видимо, и я уже отношусь ко второй категории людей, но все равно мечтать надо: даже если из сотни воздушных замков своей мечты построишь один-два, то ты уже немало сделал, многое создал.

Я привел далеко не полный список моих однофамильцев. Их жизненный путь был непрост. Благодаря труду, уму, таланту, самоотдаче они снискали глубокое уважение и современников, и потомков.

Анализируя историю людей, носящих мою фамилию, я с трудом осмысливаю все то многообразие жизненных фак-

тов, коллизий, достижений моих однофамильцев. Я прихожу к мысли, что все люди, жители нашей планеты, живущие под одной фамилией, в большинстве случаев все же имеют в своей основе одних прародителей, сходный набор генов. Этому утверждению мы должны быть благодарны Гансу Винклеру, который с 1920 г. ввел понятие гена человека – врожденной особенности человека передавать через гены участки ДНК, несущие информацию о наследственности. Гениальные дети, как считают ученые, рождаются в паре, где матери 27 лет, а отцу 38. У моих родителей я появился на свет, когда моей маме было 26, а отцу – 34. Немного не попало мое рождение под эти показатели возраста моих родителей. Может быть, моя жизнь сложилась бы по-иному, но я нисколько не жалею о моем настоящем проживании в нашем непростом мире.

Известно, что гены определяют наши задатки, возможности и склонности, но не нашу судьбу. Гены определяют стартовую площадку для деятельности: у кого-то она лучше, у кого-то труднее. Однако что будет на базе этой площадки сделано – это уже забота не генов, а людей: самого человека и тех, кто с ним рядом. Думая о генетике, важно помнить, что человек живет и строит себя не в одиночестве. Если полагаться только на собственную генетику, можно остаться дикарем. Нас окружает культура, создававшаяся поколениями много сотен лет, вобравшая лучшее из генетики каждого. Нас учат, и мы можем учиться. То, что трудно в себе развить самостоятельно, может помочь развить учитель, друг, родители или круг работающих с тобой людей. Люди должны помогать друг другу. Что один не сделает, сделаем вместе, сообща!

Генеалогическое древо, представители рода, родители, родственники

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»

Сергей Есенин

Народная мудрость гласит: «Без корня и полынь не растет». Это очень точное заключение, касающееся не только растений, но и человека, судьбы каждого индивидуума, живущего на нашей прекрасной планете.

А.С. Пушкин очень точно подметил в своем афоризме: «Неуважение к предкам есть признак безнравственности». Анализируя свое прошлое, жизнь родителей, их предков, понимая, что многое прошло из их жизни мимо меня, после долгих раздумий и сомнений я решил собрать все доступные мне материалы, вспомнить многие эпизоды своей жизни и попытаться оформить все это в виде мемуаров. Это оказалось сделать не так просто: пришлось восстанавливать те жизненные моменты, которые отложились навсегда в моей памяти, встретиться с большим количеством родственников, друзьями, сослуживцами, посетить различные места, где я проживал, учился и работал, собрать большое количество фотографий, документов. Проанализировав собранные материалы, я пришел к окончательному заключению: надо все это оформить в едином документе. Как он будет называться, я думаю, читатель сам разберется и или одобрит его, или, наоборот скажет, зачем он написал такой нудный фолиант.

Первую главу, в которой описаны моя родословная, детство, отрочество и юность, я осилил в достаточно короткое время. В ней я старался раскрыть сущность моего рода, жизнь близких, друзей, опираясь на ряд известных мне мыслей, на которые я в большинстве случаев ориентировался в

своей жизни. В частности, афоризмами Екатерины II (1729–1796 гг.): «Кто не обучался в юности, у того старость бывает скучна», а также Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.): «И, поняв, что пищей нашей старости является мудрость, действуй в юности так, чтобы старость не осталась без пищи». Разве это не сгусток энергии, мыслей для понимания жизненных устоев и действия человека в своей повседневной жизни? Я уверен, что это относится и к родословной, поэтому начну с предков по линии отца – Семена Васильевича Донченко.

Мой прадед по отцовской линии Иван Иванович Донченко жил в селе Анновка (по-украински Ганнівка, раньше до 1859 г. село называлось Васильщина) в Украине Херсонской губернии Днепропетровской области Днепровского района. Село Анновка и сейчас находится на правом берегу реки Омельник, выше по течению на расстоянии 1 км от него расположено село Лиховка (Пятихатский район), ниже по течению примыкает село Мосты. Известно сейчас, что на территории Украины 36 населенных пунктов с названием Анновка, но село, о котором я упоминаю, и есть родина моих предков. Оно возникло в первой половине XVIII в. и было в составе Запорожской сечи (украинское казачество). В 2001 г. в Анновке проживали 587 человек. В настоящее время в Анновке – сельсовет, объединяющий села Запелички, Мосты, Новоселовка и Поповка.

В этих местах в Великую Отечественную войну шли тяжелые бои, в которых участвовал и мой отец Семен Васильевич Донченко в чине капитана, начальника штаба (в то время эту должность называли адъютант старший) танкового батальона. Отец о войне говорил очень редко, но иногда вспоминал о жестоких боях под селом Пятихаткой. В этих боях при форсировании Днепра погиб Петр Илларионович Янцев, посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мой украинский друг Артур Сергеевич Кушнарев, доктор технических наук, профессор, почетный гражданин Мелито-

поля, побывав в тех местах, добавил к моим изысканиям о Героях Советского Союза следующие фамилии: Василий Сергеевич Гусев, Алексей Макарович Денисов и Владимир Михайлович Чханзе. Он же мне сообщил и о Герое Советского Союза, погибшем под Анновкой, – Иване Яковлевиче Воронкове. Его имя увековечено на Аллее героев у Монумента славы в Новосибирске.

Позже я стал обладателем дополнительной информации о Героях Советского Союза, погибших под Анновкой: Николае Петровиче Григоряне и Николае Петровиче Сенюкове. Видимо, непростые были у моего отца воспоминания о тех боях, которые проходили в селах его и моих родственников.

Исторической личностью, родом из Анновки, является Главный атаман Холодного Яра Кость Пестушко (Степовый Блакитный).

Мой прадед Иван Иванович Донченко работал в Экономии отца Льва Троцкого плотником. В семье прадеда было три сына – Иван, Захарий, Василий и сестра Килина. Все они работали в Экономии Троцкого до 1903 г. Из этого большого семейства я знал только моего деда Ивана Васильевича Донченко.

В 1903 г. умерли мой прадед Иван Иванович и его жена (о ней у меня нет никаких других сведений). Оставшиеся три моих деда, как мне рассказывал мой отец, переругались из-за земли, и двое из них – Василий Иванович Донченко (мой дед) и Захарий Иванович Донченко, взяв ссуду у государства для переселения в Восточную часть России, в 1903 г. со всеми членами семьи поехали при помощи правительства по «железке» на Восток и добрались до станции Петухово. Дорога, проходившая через эту станцию, называлась Сибирским трактом. По ней царское правительство гнало на каторгу в Сибирь заключенных. А вот их брат Иван Иванович Донченко, который остался в селе Анновка, удачно женился, как мне говорила родная сестра моего отца София Ва-

сильевна, на «хромоножке» – дочери богатого жителя села, и получил в пользование земли уехавших братьев и землю своей жены. Что с ними стало, какова их дальнейшая судьба, для нашего большого семейства осталось загадкой. Конечно, очень жаль: ведь у них были дети, внуки и правнуки, что с ними стало впоследствии, неизвестно.

Семьи Василия Ивановича и Захария Ивановича Донченко от станции Петухово на подводах доехали до села Троицкое, где уже жили ранее приехавшие из Украины другие семьи. В этом селе обосновалась и жила семья Митрофана Зубатенко, брата супруги моего деда. Как переселенцам им выделили участки земли у большого рыбного озера, по одной десятине на душу (члена семьи). Так как наши деды, а потом и мой отец, были хорошими плотниками, они построили из березовых бревен торцовые дома на расстоянии 100 метров друг от друга. У моего деда Василия Ивановича Донченко и его жены Ирины Зубатенко был сын Александр (1900 г.) и дочь Софья (1902 г.), которые родились на Украине. В Казахстане у них родились еще шестеро детей: Маша (1904 г.), Семен (мой отец, 1906 г.), Василиса (1908 г.), Андрей (1911 г.), Иван (1916 г., умер в младенчестве), Иван (1918 г.).

Как я уже упоминал, у моего прадеда Ивана Ивановича Донченко было три сына – Иван, Захарий и Василий. В дальнейшем известно, что сын Захария Ивановича – Прокопий Захарьевич – был одним из первых летчиков молодой России. Мои родственники, будучи хорошими плотниками, работали по найму, строили дома, церкви, животноводческие помещения. На заработанные средства обзавелись живностью, коровами, быками, имели лошадей. Как мне рассказывал младший брат моего отца, мой дядя, Иван Васильевич, в селе Троицкое большинство построек срублено моими дедами и старшими их сыновьями, в том числе и церковь.

Мне пришлось в детском возрасте жить в селе Троицкое (хотя родился я в Чите). Уже будучи взрослым, я неоднократ-

но посещал это село. В нем проживали в то время более 1000 человек. Люди работали в совхозе «Троицкий», выращивали пшеницу, занимались животноводством, рыбалкой, охотой, собирали грибы. У каждой семьи были огороды. Особенно хороша была рыбалка на Троицком озере.

Село Троицкое утопало в зелени, было много деревьев, кустарников. Жители знали друг друга со времен дореволюционной России, жили зажиточно, дружно и весело. Женой моего деда Василия Ивановича, как я писал раньше, была Ирина Михайловна Зубатенко. Она была мастерицей по швейному делу. На швейной машинке «Зингер», редко встречавшейся в то время в крестьянских семьях, она обшивала всю родню. В 1919 г. она тяжело заболела и умерла, оставив деду большое семейство, в том числе однолетнего сына Ивана.

Известно, что в 20-х годах XIX в. был неурожайный период. Люди голодали, в том числе плохо стало и семье моего деда. Старшая дочь София Васильевна вышла замуж за Марка Ивановича Пустового – профессионального кузнеца. Высокого роста, богатырского телосложения, он был искусным кузнецом, мастерил гладкоствольные ружья для охоты, небольшие приспособления для переработки пшеницы в муку с использованием каменных жерновов, как говорят, был мастером на все руки. Я его помню сызмальства большим, достаточно угрюмым человеком, немногословным, находившимся все время в работе. После так называемого бракосочетания (как такового его официально не было) он вместе с Софьей Васильевной уехал в село Лапушки, где жили сибирские казаки. Казачье общество выделило семье Марка Ивановича корову, построило хату из пластов, предоставило одну десятину пашни, которую он засеял рожью, что позволило им выжить в то сложное время.

Семья Пустового была большая, у них родились поочередно дети Нюся, Полина, Павел, Иван, Вера и Нина, мои двоюродные братья и сестры.

Нина Марковна 1940 года рождения в настоящее время живет в Сургуте. Мы с ней дружим, встречаемся, но крайне редко, чаще перезваниваемся по телефону или общаемся по скайпу. Из всей нашей родни ее голова украшена большой рыжей шевелюрой, очень красиво и эффектно она выглядела в молодости. Удачно вышла замуж за Николая Ивановича Карпенко, который будучи военным-срочником, служил в период конца срока службы, как говорят, перед дембелем, шофером на автомашине, убирал целинный урожай в совхозе «Приишимский». Здесь они и образовали семью. У них родились два сына Евгений и Владимир, которые работали, как и их отец, шоферами. Один из них погиб в автокатастрофе. Очень близок я был с Иваном Марковичем Пустовым, моим двоюродным братом 1930 года рождения, высоким, красивым, хорошо сложенным парнем. Помимо близких родственных отношений мне пришлось работать трактористом в его тракторной бригаде. Это важный период в моей жизни, о котором я особо остановлюсь в своем повествовании. Жизнь Ивана Марковича закончилась трагически: он умер, несмотря на свое богатырское здоровье, от туберкулеза. Оставил в наследство дочь Валю.

Выдающейся личностью был мой двоюродный брат из семьи Пустовых Павел Маркович, который родился 3 ноября 1924 г. в селе Лапушки Пресновского района Северо-Казахстанской области. Павел Маркович прошел Великую Отечественную войну в должности заместителя наводчика 77-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 92-й стрелковой дивизии. Награжден медалями “За оборону Ленинграда”, “За трудовую доблесть”, “За Победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг.”, Орденом Славы III степени и др.

Павел Маркович начал фронтовую службу с августа 1942 г. по февраль 1944 г. в составе 1428-го артиллерийского полка, там же 25 октября 1942 г. принял присягу. Продолжил воинскую службу в 770-м отделе противотанкового диви-

зиона с февраля 1944 г. по сентябрь 1945 г. Был участником героической обороны Ленинграда от блокады фашистских войск. Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина ему была объявлена благодарность за овладение штурмом древней столицы и одним из важнейших культурно-политических центров Польши – городом Краковом. Он участвовал в боях по овладению крупными центрами Домбровского угольного бассейна – городов Сосновец, Бендзин, Домброва Гурне, Челядзь, Мысловице, Катовице, Семяновиц, Крулевска Гута (Кенигсхютте), Миколув (Николай) в немецкой Селезии, крупным промышленным центром городе Беутен. Именно тогда и было завершено полное очищение от противника Домбровского угольного бассейна и южной части промышленного района немецкой Верхней Селезии. Здесь Павел Маркович был ранен в правую руку и ногу (23 февраля 1944 г.). После войны он выучился на токаря и начал работать в Приишимском совхозе, где и проработал всю жизнь. Умер 17 августа 1986 г. в совхозе Приишимский Сергеевского района Северо-Казахстанской области. Оставил троих детей, четверых внуков и внучку.

Вот с таким героем войны я прожил вместе часть своей жизни в Приишимском совхозе, когда учился в 9-м классе Николаевской средней школы (село Николаевка, расположенное примерно в 25–30 километрах от центральной усадьбы совхоза Приишимский), а также во время работы трактористом и учебы в Ленинском сельскохозяйственном техникуме (село Петровка Явлинского района Северо-Казахстанской области).

Это было время освоения целинных и залежных земель, становления целинных хозяйств, в том числе и Приишимского совхоза, которым руководил мой родной дядя по отцовской линии, неординарный человек – Андрей Васильевич Донченко, Герой Социалистического Труда. В совхозе жили и работали мои родственники, жили небогато, но очень дружно. Как мне тогда казалось, в целом не бедство-

вали, содержали живность, имели огороды, рыбачили и охотились. Все это у меня стоит перед глазами, в том числе Павел Маркович, с которым я, молодой парень, рыбачил и охотился, ловил ондатр, которые в то время в большом количестве водились в близлежащих озерах. Многие из нас ходили, а вернее, щеголяли в ондатровых шапках, а у моего отца даже была шуба из меха ондатры.

Жаль, что о таких интересных людях мы не слагаем песни, не снимаем кинофильмы. Это были настоящие труженики, на которых в то время держалось сельскохозяйственное производство. Работая в совхозных мастерских, рабочие сами мастерили и делали различные прилады к сельскохозяйственным машинам, вытачивали необходимые детали (болты, гайки, даже шлифовали коленвалы), в общем, жили в своем замкнутом натуральном хозяйственном пространстве. Рабочие не имели хорошего образования, но были спецы в своем деле. Я видел, как Павел Маркович точил детали, и всегда ему завидовал, думал, а смогу ли я научиться этому ремеслу? Когда он давал мне поработать на станке, я вытачивал болты и гайки, конечно, часто с браком, за что он меня дружески, но строго ругал.

У других трех моих двоюродных сестер Нюси Марковны, Полины Марковны и Веры Марковны жизнь сложилась по-разному. Тяжелая судьба была у Полины Марковны. Ей даже пришлось пожертвовать своей свободой, чтобы поддержать большую семью в тяжелое голодное время. Работая в магазине, она изъяла солидную сумму денег из оборота магазина и отдала своей матери, которая эти деньги положила за икону. При обыске милиция их не нашла. Вот и думай, помог ли моей большой родне Всевышний выжить в то непростое время. Полина Марковна получила 10 лет и большую часть этого срока отбыла в лагерях Казахстана под Карагандой. Это была красивая умная женщина, прекрасно знающая казахский язык. Впоследствии ее расконвоировали. После освобождения она приехала в Приишимской сов-

хоз, где удачно вышла замуж за Ивана Ивановича Якунина, бывшего целинника. Мне пришлось с ним в паре работать на одном тракторе ДТ-54, заниматься ремонтом техники. Иван Иванович был большим тружеником, со своим крестьянским мировоззрением. Он мне многое передал, особенно уважение к старшим, любовь к земле. Полина Марковна и Иван Иванович прожили долгую, трудную, но интересную жизнь. Жить начинали в полуземлянке, потом построили свой небольшой камышитовый дом, а когда наша семья уезжала в Алма-Ату, где я уже учился в зооветеринарном институте, они вселились в наш дом, построенный из сосновых бревен, и жили в нем до переезда в Петропавловск. До настоящего времени этот дом сохранился. Недавно я был в селе Повозочное (бывший центр Приишимского совхоза) и с большими теплыми воспоминаниями о своих родственниках посидел на крылечке этого дома, вспоминая то время, когда я с отцом строил его, сделал несколько фотографий и с большой тоской о своей молодости уехал из села. У Полины Марковны и Ивана Ивановича родились два сына и дочь. Полина Марковна часто говорила мне: «Шурик (так звали меня близкие), вот увидишь, если у меня будут дети, то обязательно я их выучу на милиционеров». Так это и вышло: сыновья ходили в достаточно больших милицейских чинах.

Надо сказать несколько теплых слов и о Вере Марковне Пустовой, еще одной моей двоюродной сестре, красивой умной женщине (родилась в 1936 г.) Удачно вышла замуж за Виктора Андреевича Ткаченко, веселого, рослого человека, хорошего специалиста. Он работал шофером, механиком в совхозе. Виктора очень уважал мой отец. Вечерами они играли в шахматы. Видимо, поэтому отец и помог ему построить дом рядом со своим. Очень жаль, что Виктор Андреевич в 2016 г. скоропостижно умер в Петропавловске, где жил в последние годы. Последняя из этого большого семейства – Анна Марковна Пустовая, после замужества – Придворная,

родилась в 1926 г. Мудрая красивая женщина. Муж ее Петр Федорович Придворный (1924 года рождения) был высокого роста, любил пошутить, посмеяться. У них была большая дружная семья.

Теперь конкретно о нашем семейном клане. Мой отец Семен Васильевич Донченко родился в селе Троицкое, по паспорту в 1906 г., но он говорил, что дата его рождения 1905 г. Может быть, он и был прав, так как в те времена на селе регистрировали рожденных не сразу, потому что многие из них умирали с диагнозом «младенческая». Сегодня нам этого не понять, так как такого диагноза умерших при рождении нет. Со слов тети Софии Васильевны и дядей Андрея Васильевича и Ивана Васильевича, отец был очень бойкий мальчик и всегда давал сдачи обидевшим его ребятам. Семья жила бедно. Мой отец с ранних лет стал вникать в плотницкое дело, что ему помогло в дальнейшей жизни. Когда ему было 13 лет, от брюшного тифа умерла его мама. Как мне рассказывал отец, она уже практически выздоровела, но еще обессилевшая лежала в постели и попросила одного из младших детей дать что-то покушать. Так как все старшие были на работе, то дети дали ей свежеиспеченных пирожков с картофелем. Это и привело ее к гибели. Большая семья осталась без матери. Василий Иванович вначале растерялся, очень переживал, но жизнь продолжалась, и он женился на молодой вдове Евгении Антоновне Яцун, у которой было трое своих детей (сын и две дочери). Евгения Антоновна была крепкого здоровья и прожила более 100 лет. Будучи взрослым, наблюдая за своим отцом, я понял, что большого уважения у него к мачехе не было. Видимо, детские воспоминания его были не особенно в ее пользу. Хотя его младшие братья хорошо относились к мачехе, даже называли ее мамой (дяди Андрей и Иван).

В 1927 г. отец стал вести совместное хозяйство с местной девушкой Ефросинией Никифоровной Белой, которая ранее проживала в селе Спасовка. С ней он прожил всего до

1928 г. и ушел служить в Красную Армию. Имел он в ту пору пару быков, лошадь, корову и надел пахотной земли. Всем этим мой 22-летний отец не воспользовался, оставил молодой супруге. Совместная жизнь их на этом прервалась, общих детей у них не было.

У Василия Ивановича, моего деда, была дочь Василиса (1907 г.). Многие парни сватались к ней, но она вышла замуж за Григория Шишкина. Муж уехал из дома на заработки, они ждали потомство. Васса, так ее звали близкие, оставалась дома одна. В те времена в селах не было заведено закрывать дверь на замки. Ночью неизвестные открыли внутреннюю щеколду двери, проникли и смертельно ранили спящую, ни в чем не повинную женщину. Отец подозревал одного человека из этого же села. Рассказывают, что после войны приехавший к нам отец, у которого было оружие, встретил этого человека в лесу, который заготавливал дрова, выхватил пистолет и выстрелил в его сторону. Видимо, очень хотелось его напугать, пуля прошла мимо. На этом и закончился процесс их взаимоотношений.

Большой след в моей жизни оставил родной брат отца, дядя Андрей Васильевич Донченко. Он родился в селе Троицкое Пресновского района Северо-Казахстанской области 5 июня 1911 г. До 1930 г. работал плотником, с 1933 г. – строителем в совхозе «Кзыл-Аскерский». С 1933 по 1935 г. служил в Красной Армии на острове Русский в береговой охране. С 1935 по 1938 г. работал в Явленском отделении связи (село Явленка Ленинского района Северо-Казахстанской области), затем в Ленинском райкоме комсомола. С 1940 по 1941 г. Андрей Васильевич был замполитом по комсомолу совхоза «Тарангульский», с 1941 по 1942 г. – парторгом этого хозяйства, с 1942 по 1943 г. – начальником политотдела совхоза «Кызыл-Аскерский». В 1943 г. по решению ЦК Компартии Казахстана направлен директором совхоза «Приишимский» Северо-Казахстанской области, где проработал в этой должности до 1973 г., то есть 30 лет. Андрей Василье-

вич неоднократно был избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР и членом ЦК Компартии Казахстана. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многими медалями, знаками «Отличник просвещения» и «Отличник здравоохранения» Казахской ССР. Умер Андрей Васильевич в 1988 г., похоронен в Петропавловске. Женой Андрея Васильевича была Нина Федоровна Жандармова. Нина Федоровна родила пятерых детей: Владимира (1933 г.), Бориса (1937 г., погиб в автокатастрофе в 1992 г.), Светлану (умерла в младенчестве), Тамару (умерла в полтора года), Тамару (1942 г.). Андрей Васильевич был мне очень близким человеком, относился ко мне как к сыну. Такое же отношение ко мне было и со стороны Нины Федоровны. Я до настоящего времени помню вкус приготовленных ею «караликов». В целом вся наша родня жила в тесной дружбе, взаимопомощи и глубоком уважении друг к другу.

Теперь хочу остановиться на жизненном пути моего отца Семена Васильевича Донченко. Все мои знания о его юности основаны на беседах с близкими отца – его родной сестрой Софией и братьями Андреем и Иваном. В 1928 г. отец был призван в Красную Армию. У меня очень мало сведений о первых 10–15 годах службы отца в армии. Он мало рассказывал об этом периоде. Конечно, молодому человеку, да еще с образованием церковно-приходской школы нелегко было проходить военную службу. Видимо, низкий уровень образования армейской среды в те времена, в которой он находился, давал основание воспринимать будничные армейские дни как должное. Все солдаты, сержанты и младшие офицеры «варились» в одной армейской среде, они были по интеллекту равны и, видимо, однозначно понимали ту среду существования, в которой жили. Отец был хорошо подготовлен физически, был прекрасным конником. У меня есть фотография, где он «висит» на перекладине на шее. Это очень трудный гимнастический прием. Занимаясь гимна-

стикой, неплохо работая на турнике и брусьях, я многократно пробовал повторить этот номер, но так и не смог. Моя мама рассказывала, что отец верхом на коне с легкостью перепрыгивал через повозки. Я ни разу не видел, чтобы отец был пьян, правда, периодами покуривал. Видимо сказывалась армейская фронтовая привычка.

В начале войны нашу семью, как и все семьи военных, переселили из Читы, где я родился, в совхоз «Кзыл-Аскерский» (красный воин) Пресновского района Северо-Казахстанской области. Мама работала в совхозе кассиром. Брат Борис (1932 г.) учился в школе, он на 7 лет старше меня. А мы с бабушкой Анной Ивановной коротали время, особенно зимой, в одной комнате, где жила вся наша семья. У нас была корова Красуля. Бабушка была прекрасным человеком. Она в основном меня и нянчила, носила на руках. У нее всегда во рту красовалась «закрутка» с табаком, так что один раз она меня даже обожгла. До настоящего времени у меня на шее есть ее, знаменательная для меня, отметина. Прожила бабушка с нами до конца жизни и умерла в возрасте более 90 лет, когда мы жили в Алма-Ате, где и похоронена.

Необходимо остановиться подробнее о родословной со стороны моей мамы Евгении Игнатьевны Брынцевой, уроженки Баку (1913 г.). Девичья фамилия ее матери, моей бабушки, была Рязанова. Известно, что роду Рязановых более 250 лет. Один из наиболее известных людей из этого рода – Николай Петрович Рязанов (1764–1807 гг.) – был русским государственным деятелем, камергером, одним из основателей «Русско-американской компании», дворянином. Все это было в период царствования Екатерины II.

Первым поколением рода Рязановых, которые были нам прямыми родственниками нам по материнской линии, был мещанин города Дмитрова Московской губернии Константин Иванович Рязанов и его супруга Екатерина Нестеровна Рязанова. Семья К.И. Рязанова в 1900-е годы переехала жить в Баку.

Константин Иванович был специалистом по водоснабжению, заведовал водокачкой в Баку. У К.И. Рязанова было 13 братьев и сестер. Старшая сестра Антонина Ивановна (Белявская по мужу) родила сына Петра и дочь Ларису. Следующей сестрой была Мария Ивановна (по мужу Бодрикова). Ее муж, Семен Максимович Бодриков, был атаманом станицы Кужорская Кубанской области Майкопского уезда (необоснованно расстрелян при советской власти). Следующий брат Константин Иванович Рязанов, его жена Тамара. Следующая дочь – Евгения Ивановна (по мужу Мартынова), ее мужем был Афанасий Никифорович Мартынов. Их сын Михаил Афанасьевич служил в Красной Армии, погиб на войне. Ну и одной из дочерей в этой огромной семье была моя бабушка Антонина Ивановна (по мужу Брынцева). Моя бабушка вышла замуж за Игнатия Михайловича Брынцева, венчаны они в городе Майкопе (Адыгея). И.М. Брынцев был хорошим врачом, во время войны работал главным врачом городской больницы в городе Майкопе. У моей бабушки и дедушки остались в живых четверо детей: Валентина, Нина, Евгения (моя мама) и Николай. Жили они в казачьей станице Кужорская, в 12 километрах от Майкопа.

Станица Кужорская расположена в Адыгее и находится в двух десятках километров от ее центра Майкопа в живописных кавказских предгорьях, представляет собой административный центр всего Кужорского сельского поселения. Кужорская была основана в год отмены крепостного права в 1861 г. Уже тогда была одним из важных индустриальных поселений Кавказа: жители массово занимались изготовлением сукна и изделий из шерсти, число торгово-промышленных объектов достигало тридцати двух.

В годы Второй мировой войны и Великой Отечественной Кужорская оказалась под немецкой оккупацией и стала одним из мест массовых расстрелов еврейского населения. Трагедия жителей станицы запечатлена в памятнике жертвам Холокоста, установленном в начале XXI в. недалеко от границы поселения.

Современная станица Кужорская имеет более чем четырехтысячное население, отличается достойно развитой инфраструктурой. Здесь построен храм в честь Казанской иконы Божией Матери.

Род Брынцевых очень большой. Жили родственники в основном в станице Кужорской, были верующие, жили в достатке, даже чуть не попали под статью «кулачество». Но как они говорят: «Только Бог нам помог».

Второй сын из семейства Брынцевых, мой двоюродный дедушка Стефан, служил в Белой гвардии – погиб. Его дочь (моя тетя) Раиса Стефановна была замужем за полковником КГБ Михаилом Яковлевичем Петровым, проживали они в Москве. Их дочь Нина была замужем за племянником маршала Ротмистрова, также живет в Москве. Мои бабушка и дедушка были очень красивые и статные. Рассматривая старые фотографии, ими можно залюбоваться. Тем не менее, И.М. Брынцев ушел из семьи и в Майкопе женился на медицинской сестре Анфисе. У них был сын Борис (1930 г.). Вскоре Анфиса умерла. После развода моя бабушка Анна Ивановна с четырьмя детьми уехала в Баку к своей сестре. О судьбе моего дедушки ходят разные версии. Одна из них говорит о том, что он прожил большую жизнь и умер в 1972 г., его сын Борис (мой дядя по дедушкиной линии) до 2008 г. проживал в Майкопе. Другая версия, более близкая к действительности, указывает на то, что во время войны, немцы арестовали в Майкопе Игнатия Михайловича, долго и жестоко пытали, мучили, надевали специальную рубашку для удушения, а затем расстреляли вместе с сыном Борисом. Дочери моей бабушки Валя, Нина, Евгения и сын Николай выросли, все обрели семьи, но судьба у них сложилась по-разному. Старшая Валентина Игнатьевна (1910 г.) от первого брака с Анатолием Соколовым родила в 1930 г. дочь Жанну, от второго брака с Виктором Заудальским, военным летчиком, родилась дочь Людмила.

Моя двоюродная сестра Жанна Анатольевна Соколова воспитывала сына Игоря, который после учебы в десантном училище Баку погиб – разбился на мотоцикле, возвращаясь с другом с рыбалки, Он был очень видный, высокий парень, которого я хорошо знал, так как он воспитывался несколько лет, примерно до школьного возраста, в нашей семье. Жанна Анатольевна окончила два высших учебных заведения, была хорошим экономистом, преподавала в институте в Баку, а затем в среднем учебном заведении в Петропавловске Северо-Казахстанской области. Попав в страшную стрессовую ситуацию, потеряв мужа и сына, она приняла монашеский сан, посвятила свою жизнь Богу.

Вторая дочь Валентины Игнатьевны Людмила тоже воспитывалась в нашей семье во время нашего проживания в Слуцке. Она вышла замуж за военного. Он дослужился до капитана первого ранга, командовал на Камчатке подводной лодкой, там умер и был похоронен в камчатской земле. В его семье родился сын Борис. Он также был офицером-подводником, капитаном второго ранга. Сейчас живет в Подмосковье с женой Светланой, воспитывает двух дочерей – Дарью и Ирину.

Следующим ребенком в семье Брынцевых была Нина Игнатьевна (по мужу Грошева) 1911 года рождения. Муж ее Виктор Алексеевич Грошев (1912–1981 гг.) родился в Дагестане городе Хасавьюрте. В семье Грошевых родились двое детей: Виктор и Аза. Семья Грошевых-старших прожила трудную, но интересную жизнь, которая была связана с железнодорожным транспортом. После окончания техникума Виктор Алексеевич работал диспетчером на железнодорожной станции Баку. С 1944 г. его перевели работать в Латвию, где он также плодотворно служил на железной дороге в различных должностях. Закончил трудовую деятельность начальником Риго-товарной и Риго-сортировочной станций. Умер в Риге 26 июля 1981 года. В семье Грошевых двое детей. Сын Виктор Викторович родился в Баку (1939 г.), окончил

Киевское высшее инженерно-авиационное училище, дослужился до военного звания полковник, имеет государственные награды, живет в Подмосковье. Жена Виктора Викторовича Светлана Иосифовна, девичья фамилия Барыбина (1939 г.), окончила Институт советской торговли. Работала в организациях торговли в военных городках.

Дочь Грошевых Аза (по мужу Стригун) родилась в 1941 г., окончила медицинский институт, работает в Риге офтальмологом. Ее муж Александр Владимирович (1937–2015 гг.) работал на предприятии «Гидрометприбор». Они оба отлично знают латышский язык, свободно, без акцента общаются с местным латышским населением.

Сын моей бабушки Анны Ивановны Николай Игнатьевич Брынцев (мой дядя) был сыном полка, хорошо служил и учился, окончил Московское высшее военное командное училище. Дослужился в армии до должности майора и ушел в отставку. В моем присутствии состоялся разговор дяди Николая и моего отца Семена Васильевича о том, почему дядя досрочно ушел в отставку. Он сказал, что просто невозможно было работать политработником в армии в тот период. А это было то время, когда министром обороны СССР был маршал Советского Союза Г.К. Жуков, которому приписывали в те времена негативное отношение к политработникам, служащим в советских войсках. Его слова в отношении политработников в армии: «Привыкли за сорок лет болтать. Потеряли нюх, как старые коты», видимо, подтверждают увольнение моего дяди. Николай Игнатьевич был высокого роста, кучеряв, очень похож на Анну Ивановну, свою маму, мою бабушку. Он был очень музыкален, играл на тромбоне. От первого брака у него и его жены Галины родился сын Валерий. Он окончил институт иностранных языков, был женат, умер от неизвестной болезни.

Моя бабушка Анна Ивановна, после того как ее супруг ушел в другую семью, осталась одна с четырьмя детьми. Всех их я хорошо знал. До конца своей жизни они очень тесно

общались между собой и дружили семьями. До настоящего времени я созваниваюсь с их детьми, редко, но бываю в гостях у моего двоюродного брата Виктора Викторовича Грошева, матерью которого являлась сестра моей мамы Нина Игнатьевна Грошева. Виктор долгие годы служил в ракетных войсках. В настоящее время он пенсионер, полковник в отставке, живет в военном городке в Подмосковье вместе с супругой Светланой Михайловной в небольшой двухкомнатной квартире. Вот и все, что заслужил мой брат, кроме нескольких орденов и инфаркта, отдав лучшую часть своей жизни служению нашей родине.

От своей бабушки Анны Ивановны я узнал, что моя прабабушка была черкешенка, а прадед – кубанский казак. В период кавказских войн в то время были постоянные военные стычки казаков и местного населения. Видимо, мой прадед и нашел там себе жену из этого гордого кавказского народа. Черкесы, да и вообще горцы, очень красивые и стройные люди, влюбиться молодому казаку в местную красавицу не составило труда.

Конечно, я не могу не рассказать о таком гордом, воинствующем и честном черкесском народе, кровь которого есть у меня. Черкесы жили на Кавказе почти на тех же самых местах с древнейших времен: первые исторические сведения о них восходят к началу VI в. Название «черкесы» дано им окружающими их народами, сами же себя они всегда называли «адыгами». Юлиус Клапрот выводит название «черкесы» из тюркских слов: «чер» (дорога) и «кесмек» (отрезывать), так что «черкесы» – синоним разбойника. Но название это, по-видимому, происходит от древнего появления тюркских племен в Средней Азии. Уже у греческих историков встречается название «керкет», которое относят именно к черкесам. Греки их называли также «зюхой».

В древности территория черкесов, кроме Западного Кавказа, простиралась и на Крымский полуостров. Еще в 1502 г. они занимали весь восточный берег Азовского моря до Бос-

фора Киммерийского, откуда были вытеснены русскими и татарами. О древнейшей истории черкесов сохранилось очень мало данных. Достоверно только то, что они постепенно пережили целый ряд культурных влияний, начиная с греков, персов, византийцев, тюрков и кончая османами и русскими.

Связь черкесов и русских прослеживается еще со времен Киевской Руси. Черкесы внесли посильный вклад в развитие военного дела в царской России. Стоит отметить верховного князя Кабарды-Темрюка Идарова, который являлся праправнуком Инала – родоначальника адыгских князей. Темрюк правил Кабардой с середины 50-х годов XVI в. до 1571 г. Он был известен как инициатор заключения военно-политического союза между Кабардой и Россией (1557 г.). После того, как Темрюк отдал в жены царю Ивану Грозному свою дочь Гуащэнэ (Марию), его связи с русским правительством стали еще прочнее.

Достойным продолжателем политики Темрюка стал его младший брат – Камбулат Идаров, который правил Кабардой 12 лет (1577–1589). Камбулат возглавил кабардинское посольство в Москве в 1578 г., в результате чего получил от Ивана Грозного жалованную грамоту, в которой оговаривались условия вступления Идаровых под покровительство России. Камбулат Идаров являлся организатором обороны южных рубежей Российского государства.

Младшая дочь верховного черкесского князя Кабарды Гемрюка Идарова Гуащэнэ (Мария) сыграла достаточно большую роль в истории России. Русский царь Иван Грозный 21 августа 1561 г. сочетался с ней вторым браком. Именно этим браком был закреплен военно-политический союз Российского государства и Кабарды. У Марии Темрюковны и Ивана Грозного родился сын Василий, который умер в младенчестве.

Внук Темрюка Идарова Дмитрий Черкасский был видным российским военным и государственным деятелем.

Под его предводительством были освобождены от польско-литовских войск Вязьма и Дорогобуж. Через 5 лет Дмитрий разбил орды польского королевича Владислава под Можайском. При освобождении Москвы от поляков в 1612 г. Темрюк был ближайшим сподвижником Дмитрия Пожарского. Выдвигался на царский престол как родственник Ивана Грозного, но отказался выставлять свою кандидатуру в пользу Михаила Романова.

Одним из образованнейших людей своего времени был Иван Черкасский – видный государственный и военный деятель. Иван доводился двоюродным братом основателю новой царской династии Романовых Михаилу Федоровичу. Иван Черкасский, командуя большим полком, разбил на подступах к Москве претендента на русский престол – польского королевича Владислава. Иван был председателем Правительства с 1633 г. В 1638 г. Ивана Черкасского назначали главным воеводой русской армии.

Доверенное лицо и ближайший сподвижник Петра Великого – Михаил (Алей) Алегукович Черкасский – представляет особую гордость черкесского народа, так как именно он 14 декабря 1695 г. стал первым российским генералиссимусом. В 1679 г. под предводительством Михаила Черкасского русское войско удержало османов и крымцев от вторжения на Украину и нанесло им значительный урон.

Не менее высоких чинов добился другой представитель царской семьи Черкасских – Алексей Михайлович Черкасский. С 1719 по 1725 г. он являлся губернатором Сибири.

Эпоха княжества закончилась в Кабарде с уходом его предводителя Кучука Жанхотова (1809–1822 гг.). Он стал последним верховным князем, так как в связи с окончательным утверждением в Кабарде российской административной и судебной систем (1822 г.) произошло упразднение должности верховного князя.

Потомки черкесов отличились не только в политике, но и в освоении новых земель и составлении подробных карт.

Александр Бекович-Черкасский происходил от княжеского рода Бекмурзиных. В числе молодых офицеров Петр I отправил его за границу для изучения военно-морского дела. Александр стал тем, кто впервые составил подробную карту Каспийского моря. Через 3 года Петр I отправил Бековича-Черкасского в Хиву, где лейб-гвардии капитан Преображенского полка погиб в результате предательства хана Ширгази.

Великий русский флотоводец, адмирал, командующий Черноморским флотом Федор Ушаков являлся потомком адыгского князя Редеда. Он разработал и применил маневренную тактику, одержав ряд крупных побед над турецким флотом в Керченском морском сражении, у Тендры и Калиакрии. В 38 морских сражениях одержал 38 побед. Помимо этого Федор Ушаков канонизирован русской православной церковью 5 августа в 2001 г. как святой праведный воин, адмирал Флота Российского.

В истории черкесов также оставил свой след Султан Казы-Гирей, сумевший связать военную деятельность с литературой. Император Николай I назвал Султана Хан-Гирея «черкесским Карамзиным». Перу талантливого исследователя принадлежат работы «Князь Канбулат», «Черкесские предания». Хан-Гирей был уверен, что в составе России адыги получат «новую, изящную жизнь посредством образования». Также хорошо, как в литературе, он разбирался и в военном деле. Хан-Гирей был командиром Кавказско-горского полуэскадрона в Санкт-Петербурге. Участник Русско-персидской войны (1826–1828 гг.).

Своим неоспоримым наследием древние адыги оставили после себя то, что мы в настоящее время называем адыгским воспитанием, черкесским, нартским эпосом. Это не самый полный список того, что практически весь Кавказ перенял от черкесов. И самое главное, что никто не забывает, от кого все это пришло. Черкесы всегда считались очень спокойным, мирным и свободолюбивым народом.

К этому необходимо добавить, что черкесы были прекрасными воинами. Вот что по этому поводу писал Петру I астраханский губернатор: «Только одно могу похвалить, что все они такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо, где шатар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двухсот. И никто против них не стоит, и все от них трепещут».

Детство, отрочество, юность

Человеческая жизнь не бесконечна,
продлить ее может лишь память,
которая одна только побеждает время.

Светлана Алексиевич,
белорусская писательница,
лауреат Нобелевской премии 2015 г.

Я уже упоминал, что из Читы ввиду военной обстановки в Забайкалье наша семья переехала в Северо-Казахстанскую область в совхоз «Кзыл-Аскерский». Хозяйство было организовано в 1930 г. Оно было в основном расположено в хуторах, основанных во времена Столыпинской реформы, и аулах. Центр этого совхоза находился на территории бывшего Дарьиного аула, отделения – на хуторах Зерюн, Байкотал, Романовский, Оседлый, Муромск, Минеевка, Астаган, Веселое, Белеган, а также Повозинск – место, где сейчас размещается село Повозочное. Население жило в плохих условиях: люди зимовали в землянках, в которых вечно царил полумрак. Кзыл-Аскерский совхоз в основном был овцеводческий. В совхозе содержали 6000 овец. Посевная площадь была по тем временам в пределах 10 000 га. Техника состояла всего из 15 колесных тракторов и трех автомобилей, поэтому вся работа проводилась вручную. Труд людей был тяжелым. Рабочий день начинался с раннего утра и продолжался до позднего вечера. Такой рабочий день был для всех одинаков: и для мужчин, и для женщин, и для подростков. Дети начи-

нали работать с 10–11 лет. Заработки людей были скудными, кое-как хватало, чтобы не умереть с голоду. Люди были неграмотными. В этом хозяйстве мы жили весь период войны. Отец остался служить в Забайкалье.

Отца, Семена Васильевича, я помню с того времени, когда он приехал за нами в совхоз «Кзыл-Аскерский» после окончания войны в июне 1945 г. В погонах майора, вся грудь в орденах, особенно мне запали в память его хромовые сапоги. Отец привез всей семье подарки: мне белые хромовые (как я думал) сапожки. Я их надел и щеголял перед друзьями, пробовал их на прочность, бегая через лужи и ямы с грязью. К вечеру от подарка остались лишь одни голенища. Перед отъездом моего отца по месту службы в Белорусскую ССР в совхозе была большая гулянка. Нас провожали всем селом и множеством родни. Наш небольшой скарб погрузили на ЗИС-5, основной транспорт того времени в нашей стране, и мы поехали на станцию Петухово, где сели в вагон. Дальше наш путь лежал в белорусский город Пружаны, где мы обосновались в военном городке.

Есть несколько легенд относительно появления названия города Пружаны. Согласно одной из них, название происходит от основной сельскохозяйственной культуры в этих местах – проса. Другие источники утверждают, что на территории современных Пружан когда-то жили болтские племена пруссов, которые спасли местное население от крестоносцев в конце XIII – начале XIV в. Как утверждают ученые-археологи, земли нынешнего Пружанского района, расположенные возле западной границы Польши, начали заселяться около 8–9 тысяч лет тому назад. Первые исторические свидетельства о «волости Пружанской» относятся к 1433 г. Над Пружанским районом (в летописях говорится о Пружанщине) пронеслись своим кровавым потоком Русско-польская (1654–1667 гг.) и Северная (1700–1721 гг.) войны, наполеоновское нашествие в 1812 г. Первая и Вторая мировые войны.

В 1920 г. Пружанщина была захвачена польской армией и на основании Рижского мирного договора перешла в состав Польши. После почти двадцатилетней белопольской оккупации Пружанский узел вошел в состав Белорусской ССР. Указом Президиума Верховного Совета Республики от 15 января 1940 г. вместо уездов были созданы районы, и Пружаны стали районным центром.

Земля Пружанщины с первых часов Великой Отечественной войны оказалась в очаге пожарищ и стала местом жестоких боев. Первыми в бой с фашистами вступили летчики 33-го истребительного авиаполка, который дислоцировался под Пружанами. Именно тогда старший лейтенант С.М. Гудимов совершил один из первых таранов в истории Великой Отечественной войны. Воинская часть, в которой служил отец, – 25-й танковый батальон Кировоградской дважды краснознаменной ордена Суворова бригады – располагалась возле Пружан в урочище Слабудка. Здесь за три военных года, по неполным данным, фашисты уничтожили более 10 тысяч военнопленных, местных жителей и граждан еврейской национальности.

Слабудка находится в 6 километрах от Пружан. Под статусом этой деревни скрывался уникальный исторический комплекс, богатый памятниками прошлых лет. Это был в Белоруссии единственный военный городок Российской Империи (IX–XX вв.) в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.), Советско-польской войны (1919–1939 гг.) и Второй мировой войны (1939–1945 гг.). На протяжении этих лет через Слабудку не единожды пронеслись военные и политические бурные метели.

В этом месте сплелись многие тысячи судеб военных и гражданских лиц. Я помню большие немецкие, польские и русские захоронения. В памяти и сейчас стоит передо мной большой обелиск из крупных блочных камней-булыжников. На мраморной плите обелиска помню последние цифры – 1918 г. Памятник размещен на русско-немецко-австрийском

захоронении Первой мировой войны. Я не раз подходил к нему. Хотелось узнать, а что же там, внутри? Но обелиск сложен капитально, его, видимо, можно было только взорвать для этих целей. Однако это было бы настоящим кощунством над памятью погибших воинов.

На окраине Слабудки были размещены большие помещения, как их называли «Артиллерийские казармы», а по-польски «Кашары», поэтому место это и назвали «Кашары». Часто все это место называли Слободка (Кашары). Здесь в основном и размещались воинские части, в которых служил мой отец Семен Васильевич, а также жила наша семья.

Пружаны, в том числе и Слабудка, были освобождены от фашистов частями 28-й армии 1-го Белорусского фронта 17 июля 1944 г. Первое, что бросилось в глаза, когда мы приехали в Пружаны, это большие разрушения, в том числе старинного замка в Лысково (XV–XVI вв.), принадлежащего польской королеве Боне С., разгромленные церкви и монастыри. Сейчас Пружаны и его окрестности выглядят прекрасно, отстроены собор Александра Невского, храм Вознесения Богородицы, дома для жителей, положен асфальт.

Однако в период нашего приезда ничего этого не было. Я помню большое количество военной техники: машины-студебекеры, английские танки, немецкие подбитые машины. Мы, ребята, конечно, обшаривали всю местность, искали оружие, патроны, всевозможные другие вещи. Мне помнится картина, когда наши солдаты в больших емкостях варили танковые снаряды. Когда я спросил об этом отца, он сказал, что это делается для того, чтобы извлечь из снарядов порох, который был в виде длинных макарон. Что дальше с таким порохом делали солдаты, я так и не выяснил. Помню только, что мы поджигали один конец такого пороха – «макаронину», а ногу ставили на другой конец, вследствие чего происходил небольшой взрыв и часть «макаронины» прыгала, как лягушка, вперед, что нас очень веселило. Так и забавлялись,

не зная меры предосторожности. До нас доходили слухи, что варка снарядов не проходила бесследно, говорили, что были случаи взрыва снарядов и гибель солдат.

В Слабудке я пошел в 1-й класс, мой брат уже учился в 6-м. Школа была одноэтажная, расположенная вне военного городка, и напоминала большой сарай. Мы жили в военном городке, где было лучшее обеспечение продуктами, чем в сельских магазинах. Видимо, поэтому моя учительница, молодая мама, иногда просила меня купить для ее детей шоколадки. Я исправно их покупал, хотя дома меня не баловали такой вкуснятиной. Мне так хотелось попробовать вкус шоколада, что я осторожно, как мне казалось, вскрывал упаковку, отламывал маленький кусочек шоколадной плитки и с жадностью съедал. Упаковку тщательно закрывал и относил учительнице. Видимо, она поняла мои «махинации» и перестала через меня покупать шоколад.

Через несколько лет, когда уже сам мог делать подобные покупки, вспоминал свои детские проделки, очень сожалел о своих похождениях. Это были мои первые, но не последние жизненные грехи, за которые человеку всегда приходится отвечать и сожалеть о них.

Отец с мамой жили дружно. Мама в то время не работала, как тогда было негласно заведено среди жен старшего офицерского состава. Наше хозяйство: стирка, топка печей, приготовление пищи, работа на небольшом огородике и многие другие повседневные заботы – держалось на ней и моей бабушке. У отца в то время был ординарец, помню, звали его Николай, он часто играл с нами, детьми офицеров, в футбол, волейбол. Мы, дети военнослужащих, играли в войну, рыли небольшие блиндажи – представляли себя солдатами или партизанами и «воевали» с мальчишками, родители которых были, как мы их называли, гражданскими. У нас были на вооружении рогатки, стреляли из них сплющенными пулями, которые собирали на стрельбище. Доставалось за эту стрельбу и тем и другим, адреналин зашкаливал, мы ходили гордыми и считали себя великими воинами.

Вскоре батальон отца перевели в другой город Белоруссии – Слуцк. В начале семьи военнослужащих жили в большой трехэтажной казарме. Ввиду тесных условий, я спал на одной кровати валетом с Инной Головяшкиной, с которой учился в одном классе. Впоследствии она и ее семья исчезли из моего поля зрения, а я и сейчас хорошо помню ее лицо. Вскоре нас расселили по квартирам. Нам достался одноэтажный дом на две семьи прямо в городке войсковой части. Возле дома был большой огород и стояли в ряд танки Т-34. Танкисты знали, что я сын командира батальона, очень хорошо ко мне относились и разрешали мне обследовать все места и детали боевой машины.

В Слуцке военные размещались в 15 военных городках. Наш дом располагался в 10-м военном городке. Там стояли две воинские части: батальон отца и второй – 81-й танковый учебный батальон. В этом батальоне обучали молодых солдат воинскому искусству: от стрельбы до вождения и ремонта техники. Так получилось, что отец вскоре стал командиром второго батальона. Это были переходные 1946–1950-е годы. В армии служили молодые военнослужащие и «старые», прошедшие тяжелую войну. Это были лихие воины, с усами и орденами, своеобразной выправкой, никого они не боялись. К моему отцу, как воевавшему и показавшему себя с хорошей стороны на войне, о чем говорили его ордена на груди гимнастерки, они относились с уважением и называли его «батей», хотя ему было немного больше 40 лет.

Часть семей военнослужащих была размещена рядом с нами в деревянном двухэтажном доме. Там жили и мои одноклассники, с которыми мы вместе интересно проводили время. Вспоминаю офицера Шостака. В его семье были две девочки Софья и Инна и сын, видимо, ровесник моего брата Бориса. Инна училась со мной в одном классе и была круглая отличница.

В Слуцке моя мама начала работать в Доме офицеров, где регулярно шли киносеансы, концерты, театральные по-

становки, работали спортивные залы. Мой брат занимался там гиревым спортом и штангой. Дома у нас были две «гири» по 18 килограммов, а точнее, буксирующие танковые крюки, используемые при транспортировке танков, вытаскивании их из грязи или болота, а в военное время – с поля боя. Вместе с братом я начал приобщаться к поднятию тяжестей, регулярно занимался на турнике и брусьях.

В Слуцке мы прожили более восьми лет, с 1945 по 1954 г. Это было очень запоминающееся время, годы учебы в двух школах № 10 и 1. По прошествии многих лет, уже окончив институт, живя в Алма-Ате, часто, даже по ночам, вспоминал свои детские и юношеские годы, проведенные в Слуцке. Мой интерес подогревал и мой брат Борис, который ездил туда на встречу с одноклассниками, рассказывал мне о новом перестроенном городе, нашем доме. Я непременно поставил перед собой задачу побывать в моем детстве и юношеских годах. Конечно, это произошло гораздо позже.

Теперь немного истории. Что из себя представляет этот замечательный город и почему он так глубоко запал в мою душу?

Слуцк – город в Беларуси, административный центр Слуцкого района Минской области. Он расположен на реке Случь в центральной части Беларуси, в 105 километрах к югу от Минска в пределах Слуцкой равнины. Старое городище Слуцка находится при впадении реки Бычок в реку Случь. Площадь города 24,6 км^2, население – 61 444 человека (2009 г.). В наше время население здесь было больше за счет расквартированных воинских частей.

История Слуцка начинается с 1116 г., о чем свидетельствуют археологические находки и рукописные записи о нем в «Повести временных лет». В начале своей истории город именовался Случевском. Изначально Слуцк являлся столицей части княжества, лишь затем вошел составной частью в Турово-Пинское княжество. В XIV в. он был составляющей частью Литовского княжества и третьим по величине и зна-

чению городом Беларуси, основным центром политики и культуры. В 1569 г. была подписана Люблинская уния, по результатам которой Слуцк стал частью Речи Посполитой. Такой статус он носил до начала XVIII в.

Многое пришлось испытать жителям города за время его существования. В начале XVI в. земли его не единожды подвергались грабежам со стороны крымских татар. Во времена Северной войны Слуцк оккупировали шведские войска, но, несмотря на это, в первой половине XVIII в. он все еще был крупным центром экономики и культуры. Несмотря на лихолетья, город не прекращал свое развитие. К 40-м годам XVIII в. он мог гордиться собственным пороховым заводом и воскобойной литейной мастерской, известными в Европе ткацкими фабриками и типографией.

В 1791 г. Слуцкое княжество распалось. В результате город стал центром нового Случерецкого уезда Новогрудского воеводства. Когда же во второй раз произошло разделение Речи Посполитой, Слуцк стал входить в Минское наместничество, а потом Минскую губернию. Серьезные потери городскому хозяйству принесла Отечественная война 1812 г. По окончании XIX в. стал резко меняться облик города: взамен деревянных строили каменные дома, начали прокладывать железнодорожные линии.

С июля 1917 г. власть в Слуцке стала принадлежать большевикам. Но в феврале 1918 г. городом овладели войска Германии. Освободить город от немцев удалось лишь в декабре этого года войсками Красной Армии. Во времена Второй мировой войны, в 1941 г., Слуцк был взят фашистами. Освобожден он был лишь в 1944 г. За этот период большая часть городских зданий была уничтожена.

Видимо, имя городу дала река Случь. Возможно, в названии кроется несколько смыслов: соединение (по-белорусски «злук», «злучына») и изгиб («лука»). Случь в те далекие времена была судоходной. По ней купцы перевозили свой товар: мед, меха, ткани и другие товары. Имеется та-

кая притча, что однажды жарким днем караван богатого купца остановился в чудесных местах. Перед ним открылась красивейшая панорама: сливаются две реки, а на возвышении между ними растут могучие дубы, словно приглашая отдохнуть в своей тени. Купец приказал причалить к берегу. В мягкой душистой траве приятно утопали ноги. Не заметил купец, как наступил на змею. А та отомстила за нарушенный сон – укусила путешественника, которому с каждой минутой становилось все хуже. Почувствовав, что умирает, приказал купец в память о нем на этом месте построить город, завещал на эти цели все свое богатство и просил назвать Случеском. Воля его была выполнена.

Легенда остается легендой, однако историческая наука утверждает, что в XII в. на месте слияния рек Случь и Бычок славянским племенем дреговичами был основан детинец Случеска. Впервые Слуцк (летописный Случеск) упоминается в 1116 г. в «Повести временных лет» как один из городов Туровской земли. Во времена князя Владимира Мстиславовича, внука Владимира Мономаха, в 1160 г. город выделился как центр удельного Слуцкого княжества. Окончательно оформилось это княжество в 1190-е годы, и в 20–30-х годах XIV в. вошло в состав Великого княжества Литовского. В 1395 г. его владельцем стал сын великого князя литовского Ольгерда – Владимир, а затем его наследники князья Олельковичи. Некоторые из этого рода сидели на киевском престоле и захоронены в Киево-Печерской лавре, которую при жизни опекали и помогали ей материально, другие были князьями Новгорода Великого. С Московской державой Слуцкие князья поддерживали не только династические связи (Семён I Александрович и Михаил Александрович Олельковичи – двоюродные братья московского князя Ивана III), но и политические. В 1446–1447 гг. на помощь московскому князю Василию II против князя Дмитрия Шемяки, захватившего московский трон, было направлено слуцкое войско во главе с князем Олелько.

Когда в 1430 г. умер великий князь литовский Витовт, среди тех, кого хотели видеть его преемником на государственной должности, называли Олелько Владимировича Слуцкого. Его знали не только как заботливого хозяина своей земли, но и как талантливого военачальника, вдумчивого дипломата. Вместе со своим полком он принимал участие в битве народов на Грюнвальдском поле, где объединенные войска победили ранее непобедимых крестоносцев. Это его подпись стоит на мирном Мельнском договоре с Тевтонским орденом. В результате крестоносцы вынуждены были навсегда прекратить набеги на наши земли. Однако великим князем литовским Олелько Владимирович Слуцкий все-таки не стал.

Слуцк был одним из политических центров Великого княжества Литовского в XV в., и в очередной раз стал центром антиправительственного заговора. Целью ставился государственный переворот с убийством великого князя Казимира Ягеллончика и получением великокняжеского престола Михаилом Олельковичем. Кроме Олельковича заговорщиками руководили князья Иван Голыпанский и Фёдор Бельский. Однако заговор раскрыли, князей схватили. Мятежных князей приговорили к смерти – в августе 1481 г. на одной из площадей Вильно в присутствии великокняжеской рады им отрубили головы.

Олельковичи по-прежнему остались богатейшими магнатами, но уже прав на трон не предъявляли. Для них стало очевидным, что Слуцк не временное место остановки, а родной дом. Они сконцентрировали свою энергию на благоустройстве своей вотчины и процветании края.

В XV в. Слуцк считался значительным по величине городом. В грамоте 1441 г. великий князь Казимир Ягеллончик перечислил 15 наиболее крупных городов Великого княжества Литовского, семь из которых находились на территории Беларуси. Самым крупным из них был Полоцк, Слуцк занимал одно из первых мест.

Однако развитие города тормозили опустошительные пожары, сильное разорение несли войны. С 1502 по 1521 г. город накрывала лавина набегов крымских татар. Летом 1506 г., после смерти мужа князя Семёна Михайловича, оборону Слуцка возглавила княгиня Анастасия. Четырнадцатитысячное войско крымского хана Бити-Гирея осадило город. Татары сожгли посады, сделали десятки подкопов, но замок взять так и не смогли. В августе того же 1506 г. татары были наголову разбиты под Клецком Михаилом Глинским, который, будучи восхищен красотой и отвагой Анастасии, позже сватался к ней, но получил решительный отказ. Почувствовав себя оскорбленным, Глинский решил отомстить строптивой княгине и взять Слуцк силой. Однако неприступная для татар крепость не сдалась и ему. Чем не белорусская Жанна Д'Арк?

Княгиня Анастасия и далее обороняла Слуцк от непрошенных гостей, восстанавливая и ремонтируя стены и башни, которые вытерпели многочисленные осады. Она возводила храмы как благодарность Богу за спасение края от татар и в память о погибших слуцких воинах, изменила планировку города, перенеся торговую площадь на новое место, за Бычок. Оставила сыну Юрию богатое наследство. Позже она выдала замуж дочь Александру за князя Константина Острожского, выдающегося полководца, гетмана Великого княжества Литовского, порадовалась их счастью и отошла в мир иной, оставив о себе такую память, которая не гаснет и по сегодняшний день.

Одним из богатейших людей Беларуси XVI в. был князь Юрий II Юрьевич Олелькович (1531–1578 гг.), известный меценат, полководец. Владея большим богатством, Олелькович давал деньги в долг самому великому князю Сигизмунду Августу, за что получал крупные земельные владения (например, в 1559 г. Пинское княжество). Как меценат Юрий Юрьевич Олелькович заботился и о Слуцке как средоточию белорусской культуры: при его дворе существовала

богатейшая библиотека с трудами античных и средневековых авторов, фондами которой пользовались многие историки, литераторы.

Древний род Олельковичей всегда придерживался православного вероисповедания. В связи с этим и Слуцкое княжество на протяжении многих веков было надежной опорой православия, центр которого находился в Свято-Троицком монастыре. Здесь существовал скрипторий, где монахи переписывали конфессиональные книги. О поддержке православия свидетельствует и тот факт, что в 50-х годах XVI в. при дворе князя жил общественный деятель и публицист, представитель религиозного свободомыслия Артемий, изгнанный из Московского государства. Писатель-полемист считал единой «Божьей церковью» только Православную церковь. В 1570-х годах пристанище на Слутчине нашел Марк Сарыгозин, ученик Артемия.

Продолжал заложенные предками традиции православия на Слутчине Юрий III Юрьевич Олелькович (1559–1586 гг.). Он собственноручно переписал Слуцкое Евангелие 1582 г. Теперь это одна из национальных православных святынь Беларуси. Работа самого князя в качестве переписчика книги – исключительное явление в истории, так как переписыванием книг в основном занимались люди духовного звания. У Слуцкого Евангелия – непростая судьба: в годы Великой Отечественной войны оно было утеряно. Лишь в 2003 г. оно вновь заняло свое почетное место среди духовных святынь белорусского народа.

Слуцкая земля прославилась не только воинами, меценатами, государственными деятелями. Она воспитала свою святую, Софию Слуцкую, которая входит в Собор белорусских святых. Княгиня София, последняя из рода Олельковичей, – идеал благочестия и огромной духовной щедрости.

Родилась она весной 1585 г. в княжеской семье. На современный взгляд, судьба девочки из магнатской семьи во времена минувшие была печальна. Ей предписывалось стать инструментом чьих-то политических либо экономических

интересов. А уж если она оставалась сиротой, могла разыграться настоящая трагедия. Так произошло и с юной Софией, когда ее опекун Иероним Ходкевич и Криштоф Радзивилл по прозвищу Перун, отец ее жениха Януша, не могли поделить приданое невесты. Чуть не началась междоусобная война. Известие о противостоянии двух магнатских родов дошло до короля Сигизмунда III, он отправил в Вильно четырех влиятельных послов. Сама София также не хотела, чтоб из-за нее пролилась кровь. Она проводила все время в молитвах, а во всех слуцких церквях шли богослужения.

Молитвы Софьи были услышаны, состоялось примирение. Радзивиллы отказались от своих судебных претензий, а Ходкевичи согласились на свадьбу княжны Софии с князем Янушем. Удалось решить и религиозные разногласия, так как будущий муж исповедовал кальвинизм, а невеста – православие. Папа Римский дал разрешение на брак, и 1 октября 1600 г. в Бресте молодые повенчались. София и после брака осталась православной.

Ее жизнь была посвящена беззаветному служению православию, при участии княгини был основан Преображенский монастырь в Слуцке. София Слуцкая опекала монастыри и церкви, щедро жертвовала дорогие, шитые золотом и серебром, облачения для священников, осуществляла паломничества в дальние церкви.

Земная жизнь слуцкой княгини закончилась в 1612 г. Она была похоронена в Слуцком Свято-Троицком монастыре. В начале XX в., по воспоминаниям современников, ее саркофаг был покрыт покрывалом из красного сукна, к которому крепился изготовленный на жести герб князей Олельковичей. Еще в давние времена на родине Софию почитали как святую, считалось, что особенно она помогает женщинам. Ныне нетленные мощи святой благоверной Софии хранятся в Свято-Духовом кафедральном соборе в Минске, напоминая нам о святом подвиге слуцкой княгини. В 2012 г. частица ее мощей перенесена в Слуцк и хранится в раке церкви Козьмы и Дамиана.

Сохраняется память о Софии и на ее родине – в Слуцке. Поклониться иконе с частицей ее мощей идут верующие в Михайловскую церковь. В 2000 г. в центре города был открыт памятник Софии Слуцкой (скульптор М. Иньков, архитектор Н. Лукьянчик). В скульптурном портрете – та же преданность своей вере, служение ей.

В настоящее время Слуцк является промышленным городом. Ведущая отрасль – пищевая и перерабатывающая промышленность. В городе функционируют сахарорафинадный комбинат, мясокомбинат, льнозавод, хлебозавод, уксусный завод, комбинат хлебопродуктов, консервные заводы, фабрика художественных промыслов «Слуцкие пояса».

Слуцкие пояса ткали из тонких шелковых, золотых и серебряных нитей. Одно изделие могло содержать от 65 до 200 граммов драгоценного металла. Секрет поясов – разные узоры на сторонах. Проще говоря, слуцкие пояса не имели лицевой либо оборотной стороны – носить можно было и с одной, и другой стороны в зависимости от обстоятельств. Слуцкие пояса стали выдающимся художественным явлением не только белорусского, но и западноевропейского декоративно-прикладного искусства XVII–XIX вв.

В Слуцк из Пружан переезжала не только наша семья, но и весь 25-й танковый батальон. Ехали солдаты, офицеры, их семьи в вагонах, перевозили и всю материальную часть батальона, в том числе и танки. Разгружались недалеко от вокзала. Слуцкий вокзал я хорошо помню, отсюда в феврале – марте 1955 г. наша семья после ухода отца в отставку уезжала на целину в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР. Этот вокзал был построен в 1916 г. на окраине города, вначале было открыто движение поездов от станции Осиповичи до Слуцка.

В 1920 г. отступающими из Слуцка поляками вокзал был разрушен, в том числе сожжены и все станционные здания. В начале 1925 г. вокзал был отстроен заново. Через 30 лет

здание железнодорожного вокзала было восстановлено. В середине 1982 г. произошла перепланировка зала ожидания для пассажиров и билетных касс. В 2005 г. вокзальный комплекс был приведен в надлежащее состояние: реконструированы главное здание вокзала, пассажирские платформы, благоустроена прилегающая территория. В 2012 г., когда я вновь приехал в Слуцк, решил пройтись из центра города до вокзала. Оказалось, что расстояние не такое большое, как мне казалось в моей юности: прошел туда и обратно безо всякой усталости.

Нас с братом определили в школу № 10, которая находилась недалеко от городского базара. В этой школе в одном классе со мной учились Валерий Малышев, Александр Маркевич, Инна Головяшкина, Степанов, Батурин, Корбут, Трояновский, Толя Маркин. В ней до 1948 г. работала мама моего одноклассника Валеры Маглыша, Евгения Исидоровна. После двух лет учебы в этой школе многих из учеников перевели в школу № 1, которая впоследствии получила статус гимназии. Школа № 1 была создана 20 мая 1617 г., следовательно, в 2017 г. ей было 400 лет. Вначале это учебное заведение называлось Слуцким кальвинистским училищем, образованным при Януше VI Радзивилле, которое он и закончил. Хотя Януш VI Радзивилл родился 1612 г. и умер 31 декабря 1655 г., видимо, его знатные родители Христофор Радзивилл (1585–1640 гг.) – гетман Великой Литвы – и мать Анна Кишка называли это учебное заведение в честь своего единственного сына. Кроме него у них была дочь.

В 1630 г. на основе этого училища князем Христофором Радзивиллом была открыта гимназия. Современники назвали ее Слуцкими Афинами и Образцовой Слуцкой гимназией. В 1919 г. в Белоруссии вышло постановление «Положение об единой трудовой школе», и Слуцкая гимназия была переименована в школу. Решением Слуцкого горисполкома от 14 марта 1998 г. школа № 1 была реорганизована в гимназию № 1.

Кальвинистское учебное учреждение уже в XVII в. завоевало известность и славу далеко за границами Беларуси. Кальвинизм, или реформаторская церковь, – одна из главных разновидностей протестантизма, основанного Жаном Кальвином (1509–1564 гг.). Он утверждал, что государство обязательно должно сотрудничать с церковью в управлении обществом и следовать предписаниям церкви, неуклонно добиваться божественной справедливости. Эту установку Кальвин осуществлял на практике во время своего правления в Женеве (1536–1538, 1541–1564 гг.). Он постепенно сосредоточил всю религиозную и светскую власть в руках послушной ему консистории, состоящей из проповедников и высших государственных лиц, принесших присягу на верность Реформации. Поскольку, учил Кальвин, вне церкви нет спасения, то любое диссидентство – это преступление против Закона и оно должно быть ликвидировано. Тем самым кальвинизм фактически стал официальной религией города.

Согласно Кальвину, Бог время от времени посылает на землю «небесных мстителей», чтобы сокрушить «кровавые скипетры тиранов», то есть противников протестантизма. Это учение придавало кальвинистским деятелям веру в собственное провиденциальное призвание, неиссякаемую силу и энергию в борьбе с монархами и католическими иерархами. Примером может служить деятельность «железного канцлера» Оливера Кромвеля в Англии и шотландского проповедника Джона Нокса.

Благодаря великим учителям своего времени, таким как Андрей Добрянский, Андрей Музоний, Рейнгольд Адам и других, основавших педагогические основы Слуцкой школы, она получила высокий образовательный статус. К слову, по пособию по риторике, созданном Рейнгольдом Адамом, позже учился Михаил Ломоносов. Гимназистами в соответствии со статусом могли стать практически все способные подростки независимо от вероисповедания и социального

происхождения. В обучении использовались лучшие известные методики того времени. Были и такие, которые в настоящее время ни в коем случае не применялись бы в педагогике. Например, чтобы заинтересовать учеников лучше и глубже знать латинский язык, который тогда являлся языком науки, на протяжении 250 лет в Слуцкой школе за дополнительное изучение латинских текстов ученики получали пиво. Гимназист за день мог заработать два стакана.

Исследователь Яков Порецкий в Ленинграде отыскал «Статут Слуцкой школы», который был издан в Любче в 1628 г. На основе этого источника ученый утверждает, что в начале XVII в. центр гуманистической педагогической мысли, по сути, переместился из Западной Европы в Слуцк. Определенно, такое утверждение не преувеличение. Недаром же появилось название «Слуцкие Афины». В стенах школы каждому не только давали большой объем знаний, но и учили по-настоящему мыслить. При этом умело использовался диалог учителя с учеником. Именно такой прием, как плодотворную форму обучения, ввел Платон в своей знаменитой Афинской академии. В гимназию принимали шляхетских детей, горожан, иногда крестьянских детей, которые учились 6–8 лет.

В 1809–1836 гг. Слуцкое учебное заведение дважды реформировалось: вводились новые предметы, впервые был назначен светский директор. Постепенно школа начала переходить с польского языка обучения на русский. В стенах гимназии развернулась борьба между сторонниками польской и русской культур. Она достигла своей кульминации в 1862–1863 гг. В 1863 г., после подавления восстания под руководством Калиновского, преподавание польского языка в Слуцкой гимназии было отменено навсегда.

В гимназии выступал великий белорусский поэт Якуб Колас. В 1923 г. на курсах повышения квалификации для учителей он читал лекции по методике преподавания белорусского языка. Для слушателей курсов поэт впервые прочитал свою поэму «Новая зямля».

В школе училась целая плеяда великих людей, впоследствии ставших философами, поэтами, просветителями, учеными, художниками, медицинскими и ветеринарными врачами, преподавателями ведущих вузов Европы и нашей страны, военнослужащими, лауреатами различных высоких премий, кандидатами и докторами наук, профессорами, действительными членами различных академий.

Изучив исторические аспекты, посвященные становлению школы № 1, с большим удовольствием хочу привести фамилии некоторых людей и их короткие биографические данные. В XVII в. в школе учился будущий философ и поэт Ян Белобоцкий. По происхождению он был поляком из Перемышля. Окончил слуцкую кальвинистскую гимназию, позже Краковский университет, путешествовал по Европе, учился во Франции, Италии, Испании, Фландрии. Был кальвинистским проповедником в Слуцке, преподавателем в Могилёве. Из-за преследования иезуитами переехал в Смоленск, в 1681 г. – в Москву, где принял православие и православное имя Андрей (1682 г.). Занимался переводческой и литературно-педагогической деятельностью, преподавал латынь. Находился в составе китайского посольства Ф.А. Головина как переводчик.

Необходимо упомянуть и о первом просветителе Илье (Элиаш) Федоровиче Копиевиче (Копилевский) – просветителе, издателе и писателе. И.Ф. Копиевич (1651–1714 гг.) – уроженец Великого княжества Литовского – родился в Мстиславле. Во время русско-польской войны подростком был насильно вывезен в Россию. По возвращении учился в кальвинистской гимназии в Слуцке, где позже стал преподавателем. Позднее уехал в Нидерланды, где занимался издательской деятельностью. В 1697 г. он был кандидатом в пасторы в Амстердамском соборе. В том же году встретил Петра I. По заказу царя стал печатать русские книги. Илья Копиевич является создателем современного варианта кириллического печатного шрифта. В число более 20 издан-

ных за 1698–1706 гг. книг учебного и просветительского характера входили «Краткое собрание Льва миротворца» (1698 г.), «Руковедение в грамматику славенороссов» (1706 г.). Он был автором стихов в честь Петра I. И.Ф. Копиевич – один из сподвижников Петра I по распространению просвещения в России.

В 1842 г. окончил Слуцкую гимназию, а потом Киевский университет Антон Антонович Петкович (Адам Плуг) – польский и белорусский писатель (1823–1903 гг.). Это была незаурядная личность. Помимо писательской деятельности, он был издателем, вел обширную антицарскую общественно-политическую деятельность, за что в 1864–1866 гг. отбывал наказание в тюрьме. Умер А.Н. Плуг 2 ноября 1903 г. в Варшаве.

Следует сказать несколько слов и о художнике XIX в. Кондратии Ильиче Кирсалине. Он родился 9 марта (21 марта) 1809 г. в Слуцке, окончил гимназию и с 12-летнего возраста стал заниматься иконописью. Учился в качестве вольнослушателя в Императорской академии художеств Санкт-Петербурга. По окончании академии ему было присвоено звание «свободного», «неклассного» художника. К.И. Кирсалин принимал участие в росписи храмов в Польше и в других странах. Четыре его работы хранятся в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Имел звание академика пейзажной живописи. Умер К.И. Кирсалин приблизительно в 1883 г.

Как ученому мне близок академик Белорусской АН, доктор биологических наук БССР Александр Степанович Вечер. Он родился 25 марта 1905 г. в деревне Мащицы Случного района Минской губернии Российской Империи. Автор 420 научных работ, 6 монографий и 10 изобретений. Награжден в 1981 г. Орденом Дружбы народов. Его научные труды посвящены изучению химической природы и функций пластид, химии технологии переработки плодов и овощей, технологии виноделия. Он занимался и поэтическим творчеством. Скончался 4 мая 1985 г. в Минске.

Не могу не упомянуть об Анатолии Владимировиче Федюшкине, ученом, преподавателе, который в 1933 г. работал заведующим кафедрой зоологии и дарвинизма Омского сельскохозяйственного института. Родился он 11 мая 1891 г. По окончании Слуцкой гимназии поступил на физико-математическое отделение Московского университета. Его научная деятельность началась в стенах Московского университета. Еще студентом он начал изучать птиц Белоруссии. В 1912 г. в журнале «Орнитологический вестник» напечатана его первая статья «О некоторых птицах Минской губернии». По окончании университета в 1913 г., работая преподавателем Пинского реального училища, он продолжал изучать птиц Пинского Полесья.

Научная и педагогическая деятельность А.В. Федюшина связана с Белорусским государственным университетом. С первых дней формирования этого учебного заведения Анатолий Владимирович активно участвовал в его работе, был одним из организаторов кафедры зоологии и Зоологического музея. А.В. Федюшин читал лекции студентам педагогического и медицинского факультетов университета, а также лесного факультета Белорусского института сельского и лесного хозяйства (впоследствии Горецкой сельскохозяйственной академии), участвовал в организации Института белорусской культуры (руководил сектором зоологии АН БССР), совмещая преподавательскую работу с научно-методической и организационной деятельностью в области охраны природы и развития охотничьего хозяйства.

Неоценимы заслуги ученого в деле сохранения и реакклиматизации бобра. По его инициативе был разработан проект создания в Беларуси Березинского охотничьего заповедника площадью 72 тысяч га (открыт постановлением Совнаркома Республики от 30 января 1925 г.).

Представляя Республику Беларусь на I Всероссийском (1929 г.) и I Всесоюзном (1933 г.) съездах по охране природы,

он говорил об успехах и проблемах охраны природы в Белоруссии, о необходимости организации Полесского заповедника.

В 1933 г. Анатолий Владимирович переехал в Омск, где до последних дней жизни работал заведующим кафедрой зоологии и дарвинизма Омского сельскохозяйственного института. Своими научными трудами он внес большой вклад в изучение Барабинских озер как кормовой базы для птицеводства, разработал методы борьбы с геморрагической лихорадкой и трансмиссивными заболеваниями, впервые в стране определил значение геотермальных вод для развития прудового рыбоводства. В 1948–1950 гг. ученый был избран действительным членом Всесоюзного географического общества и Всесоюзного общества гельминтологов при АН СССР. С 1960 г. Анатолий Владимирович – член Комиссии по охране природы при Сибирском отделении АН СССР. за работы по орнитофауне и охотничье-промысловой фауне Беларуси, монографию о речном бобре и другие исследования, получившие всеобщее признание, А.В. Федюшину без защиты диссертации присуждена ученая степень доктора биологических наук.

Будучи широко эрудированным специалистом и отличным педагогом, Анатолий Владимирович в своих экспедициях интересовался не только промысловыми животными, но и насекомоядными, грызунами, птицами, земноводными, насекомыми, производил сборы коллекционного материала для зоологических музеев Белорусского государственного университета и Инбелкульта.

Им опубликовано более 200 научных и научно-популярных работ. Награжден рядом государственных наград, почетными грамотами, являлся заслуженным деятелем науки РСФСР. Умер 10 марта 1972 г. в Омске.

Хочу сказать несколько теплых слов о Шоломе (Семене) Ариевиче Косберге, который с 1917 по 1918 г. учился в школе № 1 Слуцка. В эти же годы он работал кузнецом и мастером

по металлу в кузнице своего отца, чтобы помочь своей большой семье, где было девять детей. Отслужив два года в Красной Армии и демобилизовавшись, был слесарем на фабрике имени С. Халтурина в Ленинграде. С 1927 по 1929 г. учился в Ленинградском политехническом институте имени М.И. Калинина, затем в Московском институте авиации, который закончил в 1930 г. В 1931 г. С.А. Косберг был направлен на работу в Центральный институт авиационного моторостроения (ЦИАМ), где прошел путь от инженера-конструктора до начальника научно-исследовательского отдела.

В 1940 г. Косберг был назначен заместителем главного конструктора ОКБ завода № 33 Народного комиссариата авиационной промышленности (НКАП) и начальником КБ по разработке систем непосредственного впрыска на этом заводе.

С началом Великой Отечественной войны в Сибири были созданы новые исследовательские и производственные мощности. В 1941 г. Косберг в качестве главного конструктора ОКБ-154 (КБ химической автоматики) возглавил проектирование и производство агрегатов непосредственного впрыска в Сибири в городе Бердске около Новосибирска. В тяжелейших условиях горстка людей в три десятка человек в скором времени создала и запустила в серийное производство агрегат непосредственного впрыска НВ-ЗУ для авиационного двигателя АШ-82ФН генерального конструктора А.Д. Швецова.

Использование этих двигателей существенно улучшило полетные характеристики (скороподъемность, маневренность, скорость, дальность полета), который гарантировал преимущество для советских воздушных истребителей по сравнению с лучшими немецкими машинами. Бесспорное преимущество системы, подтвержденное операцией в полевых условиях, привело к ее использованию в 1943, 1944 гг. на всех недавно созданных поршневых двигателях. Моторы АШ-82ФН с агрегатом НВ-3 устанавливали во время Великой Отечественной войны на самоле-

тах-истребителях Ла-5 и Ла-7 генерального конструктора С.А. Лавочкина, бомбардировщиках Ту-2 и торпедоносцах Ту-2Д генерального конструктора А.Н. Туполева, после войны – на самолетах-истребителях Ла-9, Ла-11 С.А. Лавочкина, пассажирских самолётах Ил-12 и Ил-14 генерального конструктора С.В. Ильюшина.

Семён Косберг познакомился с Сергеем Королёвым, лидером советской космонавтики, 10 февраля 1958 г. Эта встреча отметила начало их сотрудничества. После войны работы КБ продолжились разработкой жидкостных ракетных двигателей (ЖРД).

Двухступенчатая ракета-носитель, разработанная Королёвым, успешно запустила на орбиту три первых земных спутника. Однако дальнейшее увеличение массы выводимых на орбиту аппаратов для исследования космоса было невозможно без создания третьей ступени для достижения второй космической скорости. Третья ступень ракеты была разработана в 1958 г. в рекордное короткое время – девять месяцев.

Двигатель РД-0105 в составе третьей ступени позволил 2 января 1959 г. автоматической межпланетной станции «Луна-1» впервые в мире достичь второй космической скорости. При этом сам двигатель стал первым в мире двигателем, который запустили в космическом пространстве. Станция «Луна-1» 4 января 1959 г. пролетела на расстоянии 5–6 тысяч километров от лунной поверхности и стала первым искусственным спутником Луны.

Двигатель РД-0105 использовался 14 сентября 1959 г. в составе третьей ступени для вывода в космическое пространство станции «Луна-2», которая впервые в мире достигла лунной поверхности и доставила на нее вымпел с изображением Государственного герба СССР.

Двигатель РД-0105 4 октября 1959 г. использован в составе третьей ступени для вывода в космическое пространство станции «Луна-3». Использование третьей ступени позволя-

ло увеличить массу космического корабля от 1400 до 4500 килограммов и достигнуть скорости, которая давала возможность полета на Луну и вокруг Луны, чтобы сфотографировать ее обратную сторону.

С бесспорно важным личным вкладом Семёна Косберга 12 апреля 1961 г. в космос был запущен космический корабль с первым человеком – советским космонавтом Юрием Гагариным.

За свой вклад в возможность осуществления этих полетов Косберг был удостоен степени доктора технических наук и Ленинской премии. За выдающиеся заслуги в обеспечении первого в мире полета человека в космическое пространство Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1961 г. Семёну Ариевичу Косбергу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот».

После этого успеха в КБ Косберга спроектировали и произвели новую, более мощную ракету, которая позволила совершить полет космических зондов к Марсу и Венере, и орбитальных космических кораблей с двумя и тремя людьми. Эти двигатели позволили осуществить первый выход человека в открытый космос и стыковку на орбите. Ракета-носитель «Союз» используется для доставки людей и грузов в космическое пространство, в том числе к долгосрочным космическим станциям.

Проработав в космонавтике всего 7 лет, Косберг достиг крупных успехов. Он был очень энергичным человеком, поэтому его внезапный уход ошеломил всех, кто его знал. Косберг умер через несколько дней после автомобильной катастрофы, в которой он получил серьезные травмы. Его не стало 3 января 1965 г. Семён Ариевич похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве (участок 6).

Очень интересные мысли высказывал на встрече с учениками школы № 1 Владимир Александрович Гилеп, председатель Белорусского фонда культуры, в прошлом заместитель

министра культуры Белоруссии. Он выпускник школы № 1 1955 г. Хотя 10-й класс я заканчивал в другой школе, мне как выпускнику 1956 г., видимо, приходилось контактировать с Владимиром Гилепом. Может быть, даже где-то и толкались локтями в тесных коридорах нашей школы. В своем выступлении на встрече выпускников он поднял вопрос о создании в школе настоящего музея (это было в 2005 г.), сохранении основного здания школы с той же мебелью, атрибутикой, библиотекой как памятника для Слуцка и Республики Беларусь. Особенно к такому юбилею, как 400-летие!

Необходимо привести еще одну фамилию выпускника школы № 1, за которым стоят большие научные, производственные и военные дела. Это Николай Михайлович Слюсарь, академик Международной академии информационных технологий (1997 г.), профессор (1995 г.), доктор наук в области информационных технологий (1996 г.), заслуженный изобретатель БССР (1988 г.), ученый в области военной техники.

Николай Михайлович родился 25 сентября 1947 г. в станице Ольгинской Краснодарского края РСФСР. В 1965 г. в Слуцке окончил среднюю школу с золотой медалью. В 1970 г. окончил Минское ВИЗРУ ПВО по специальности «Радиотехническое вооружение ракетных зенитных войск» с золотой медалью и дипломом с отличием.

По окончании училища Н.М. Слюсарь в 1970–1972 гг. служил в войсках ПВО в должности начальника отделения зенитного ракетного дивизиона (Бакинский округ ПВО). С 1973 по 1995 г. был в Минском высшем инженерно-зенитном ракетном училище (МВИЗРУ) в должностях начальника отделения, младшего научного сотрудника НИЛ-2, преподавателя, профессора кафедр радиолокации, приемопередающих устройств. В 1976 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. С 1995 по 2003 г. – профессор кафедры приемопередающих устройств. С 2003 г. – профессор кафедры радиолокации и приемопе-

редающих устройств. В настоящее время Николай Михайлович – профессор кафедры УО «Военная академия Республики Беларусь».

Н.М. Слюсарь – ведущий ученый Республики Беларусь и стран СНГ по проблемам динамических радиолокационных характеристик целей и их практическому использованию для повышения эффективности вооружения и военной техники, а также проблемам мониторинга динамических объектов (двигателей машин, механизмов и т.п.). Автор более 230 научных работ, в том числе 55 изобретений. Лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники (1989 г.). Награжден золотой и бронзовой медалями ВДНХ СССР, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и девятью медалями СССР, а также нагрудными знаками ЦС ВОИР «Отличник изобретательства и рационализации», «Лучший изобретатель МВИЗРУ», «Лучший молодой рационализатор Минской области», «Лауреат Всесоюзного смотра НТТМ», «Лауреат Республиканского смотра НТТМ-80», имеет почетное звание «Заслуженный изобретатель Республики Беларусь» (1988 г.), «Почетный педагог Военной академии Республики Беларусь» и многие другие.

Это далеко не полный список великих учащихся школы № 1 Слуцка. Необходимо упомянуть имена других знаменитых выпускников школы № 1. Это Альгерд Абухович-Бандынели (белорусский баснописец), Витольд Карлович Церасский (профессор, директор Московской обсерватории), Бронислав Белобоцкий (социолог, литературный критик 1876 г.) и многие, многие другие.

В 1829–1838 гг. старое деревянное здание нашей школы заменило новое каменное, построенное по проекту Кароля Подчашинского. Проект гимназии сохранился до настоящего времени. Здание является памятником архитектуры эпохи классицизма, в настоящее время в нем находится один из старых корпусов школы. В этом двухэтажном здании мне

пришлось учиться на протяжении более 8 лет. Отопление в школе было печное, в каждом классе размещались большие, покрытые жестью печки. Очень хороший был двор с физкультурной площадкой. Из нашего класса многие, в том числе я и Саша Маркевич, увлекались волейболом, даже имели какие-то достижения. В целом в школе очень хорошо была поставлена физкультура: зимой – лыжи, летом – велоспорт, различные игры. Всем этим руководил наш учитель по физкультуре Семен Михайлович Фурман. Военному делу обучал нас И.С. Могилевец.

Мне приходилось даже участвовать в велогонке на 25 километров. У меня был немецкий велосипед марки «Диамант», у которого легко, без особых усилий, крутились колеса, но была одна беда – велосипед в силу конструктивных особенностей не развивал большой скорости. Конечно, я страшно намучился, но достойно (самое главное не был последним) завершил такую длинную дистанцию. Хорошими велосипедистами в нашем классе считались Станик, Голубев и Гокинаев. К моему сожалению, я не любил лыжи, больше катался по реке Случь на коньках. Уже с 6–7-го класса несколько ребят и я в том числе начали «качаться», используя для этого турники и брусья. Леня Чуприс даже крутил солнце на турнике и единственный из школы мог подтянуться одной рукой на турнике.

Время было послевоенное, нечего скрывать – иногда хулиганили, пропускали уроки, и я был в этом не на последнем месте. Часто в учебное время бегали купаться на реку Случь, на берегу которой и располагалась наша школа. Напротив школы была расположена электростанция, которую топили торфом. Кстати, этого материала было вдоволь вокруг Слуцка. Торф по специальной технологии добывали, сушили и грузили в железнодорожные вагоны. Эшелон такого топлива по узкоколейке доставлялся к теплоэлектростанции. Я пишу об этом так подробно, потому что для охлаждения котлов теплоэлектростанции использовали воду

реки Случь, а горячая вода по большой трубе обратно вытекала в реку. Это был для нас «кайф», мы часто купались даже в холодное время года, используя горячую воду.

Живя только с бабушкой, я был вольным казаком, потому что постоянного надзора за мной не было. Обо всех своих похождениях, видимо, не стоит вспоминать, но то, что их было множество, можно понять по следующему эпизоду. Когда отец забирал мои школьные документы при отъезде в Казахскую ССР, директор школы Леонид Николаевич Кузнецов сказал ему: «Семен Васильевич, большое вам спасибо, вы забираете у нас самого главного хулигана школы». Об этом мне рассказала мама, когда я уже учился в институте. Мне даже стало немного обидно за такую «высокую» оценку как ученика школы.

В моей памяти остался светлый образ учителей и моих одноклассников. В настоящее время школа значительно расширена, в ней много больших и светлых классов, построены новые здания, которые связаны со старой школой широким переходом. А в моем воображении осталось прежнее двухэтажное здание, окруженное забором, с набором физкультурных площадок.

В школе № 1 со мной учились Александр Маркевич, Валерий Маглыш, Александр Степанов, а также Светлана Святкина, Николай Дубов, Валентина Соколова, Зина Скрипковская, Геннадий Бойко, Лев Поскрёбко, Видлога, Сева Стецов, Семен Янович, Володя Гокипаев, Вова и Сара Станик, Голубев, Леня Полищук. К сожалению, с моими одноклассниками после отъезда из Слуцка в Казахстан я больше не встречался, но память о многих из них сохранится, видимо, до конца жизни. Хорошо помню Николая Дубова. Этому помогает и его фотография, которую он передал мне перед отъездом. Гораздо позже мне приходилось встречаться с Семеном Яновичем в Москве, где он работал в строительном тресте. Мы с ним провели несколько вечеров, тепло вспоминали наше отрочество. Семья Яновичей была

большой, мой старший брат Борис, как мне кажется, очень хорошо относился к старшей сестре Семена. О многочисленной семье Яновичей рассказал мне наш одноклассник Валера Маглыш. Мама этой большой семьи во время Великой Отечественной войны участвовала в партизанской войне, имела государственные награды. После войны она со своим супругом усыновили осиротевшего еврейского мальчика Сему к трем своим детям – Эрику, Инне и Сене. В период апробации и защиты докторской диссертации в Ленинграде неоднократно встречался с Валерием Маглышем и Александром Маркевичем. Первый преподавал русский язык иностранцам в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. Кстати сказать, его закончили мой брат Борис и его жена Елена. Валера гостил у меня дома в Краснообске. Образованный, легкий в общении и, что очень мне импонировало, – одной крови со мной, так как он и я – дети науки. Саша Маркевич несколько другого типа. Он увлекался спортом, мы вместе с ним играли в школе в волейбольной команде, несколько лет сидели за одной партой. Учился он лучше, чем я, ему легче давались математические дисциплины, поэтому он и окончил престижный вуз – ЛВИМУ имени адмирала С.О. Макарова. Когда мы встречались в Ленинграде, Саша работал инженером в «ЛОМО» – предприятии по выпуску оптики контрольно-измерительных приборов. Третий наш друг Александр Степанков служил на флоте, вышел в отставку и вел фермерское хозяйство под Санкт-Петербургом. К сожалению, его уже нет среди нас.

В нашем классе учились два брата Степановы, тоже дети военных. Один из них сидел впереди меня и во время уроков читал беллетристику. Как говорил Валера Маглыш, это наш большой книгочей. Эти ребята со мной и Валерой Маглыш учились еще в 10-й школе. С нами учились в это время Степакова небольшого роста девочка с большим белым бантом в волосах по фамилии Корбут. Также учился высокого роста

парень по фамилии Трояновский с другом Бабуриным. С нами в 1-ю школу перешел и Толя Миркин.

Несколько слов о Валере Гузмане. По окончании нашей школы он стал военным, многие годы работал в Слуцке начальником завода по ремонту военной техники. Окончил военную карьеру в звании инженера-полковника. Его старшая сестра Клара Владимировна преподавала у нас историю, ушла из жизни в 1983 г. в возрасте 85 лет. Их отец до войны работал в Слуцке председателем горисполкома, служил в армии и погиб в 1944 г. в Югославии в Белграде. В 1990 г. Валера Гузман разыскал его могилу.

Преподавательский состав в школе был высокой квалификации. После моего отъезда в Казахстан в школу пришли молодые учителя братья Головковы, которые приходились двоюродными братьями Саше Маркевичу. Старший брат Аркадий преподавал историю, младший Леонид – физику. Обоих братьев уже, к сожалению, нет в живых.

Леонид Головков учился в одном классе с моим старшим братом Борисом. Они дружили, я иногда бывал с ними, вместе купались на реке Случь. Не забуду такой случай, когда я, будучи в командировке в Минске, выбрал два дня с целью посетить Слуцк, школу, увидеть вновь наш военный городок. Устроившись в гостиницу, я пошел по знакомым местам. Почему-то меня потянуло к дому, где жил Леонид Головков, расположение дома которого я даже по прошествии многих лет хорошо помнил. В усадьбе дома Головковых мы вместе с Сашей Маркевичем долгое время проводили вместе, здесь с нами не раз был и Валера Маглыш. Рано утром, подойдя к дому Леонида Головкова, вмиг вспомнил все наше детство и отрочество, как будто все было вчера. Постучал в дверь, слышу голос Леонида: «Кто там?». Я ответил: «Донченко». Он начал открывать дверь и спросил: «Борис (имя моего брата), это ты?». Я ему с удивлением сказал: «Да нет, это его брат Александр». Леонид быстро открыл дверь, увидев меня, узнал и очень обрадовался: «Знаешь, у вас с

Борисом одинаковый тембр голоса». Пригласил меня в дом. Я, осмотревшись, понял, что здесь живет холостяк. Так оно и было, видимо, у Леонида были какие-то личные семейные неприятности, о чем я его, естественно, не спрашивал. Леонид моментально приготовил на большой сковородке яичницу с салом и мы ее с прекрасным серым хлебом навернули. Был длительный разговор, воспоминания. Он очень хорошо вспоминал о встречах учеников их 10-й школы, на которые приезжал брат Борис. Вот этот момент мне навсегда врезался в память, больше я Леонида Головкова не видел, о дальнейшей его судьбе узнал из письма Валеры Маглыша.

Сталинскую конституцию и обществоведение преподавал нам Козлов. Это был в моей памяти уже достаточно взрослый человек. Одежда его была с военным уклоном, жил он на территории школы в доме в виде барака. Работал Козлов, если мне не изменяет память, в горисполкоме, даже чуть ли не его председателем. Он был участником войны, очень выдержан и интеллигентен. Нам, пацанам, было с кого брать пример.

Химию вела Александра Силивестровна Неронен. В памяти ее образ не сохранился. Очень хорошо помню преподавателя математики Ивана Ивановича Борисевича. В нашем классе он не преподавал, но мы все знали его как очень квалифицированного учителя. Мне с Иваном Ивановичем посчастливилось встречаться в неофициальных обстоятельствах, в том числе и у него дома, так как я очень близко дружил с его сыном.

Русский язык и литературу преподавала Нина Трофимовна Синевич, английский – Тамара Османова, белорусский язык и литературу – Мария Михайловна Хейфец (Фурманова). Мы, дети военных, учили белорусский язык и литературу до седьмого класса. Потом нам предложили на выбор учить или не учить белорусскую «мову». Многие, и я в их числе, решили не посещать занятия по этому предмету. Здесь все было просто: семьи военных часто пе-

реезжали с одного места на другое, в том числе и за пределы Белоруссии. Видимо, это сыграло на принятие такого решения в отношении изучения белорусского языка. Однако надо сказать, что изучение этого языка с первого класса позволило мне не только его понимать (это довольно несложно), но и общаться со своими одноклассниками, в магазинах, на базаре. Хотя в то время в Белоруссии в основном разговаривали на русском языке. Следует сказать, что дети военных, не изучающих белорусский язык, не могли претендовать на серебряную или золотую медаль. Среди нас я помню только одного ученика из нашей среды – Виктора Хоробрых, который учился на отлично, школу закончил с золотой медалью.

Английский язык преподавала Эфрон. Мне тяжело всегда давался английский язык, так я его и не освоил. Для человека, окунувшегося всем телом и душой в научную пучину, конечно, надо досконально знать этот общенациональный язык. Я понял это гораздо позже, когда стал принимать в силу своего научного статуса зарубежные делегации, особенно во время посещения иностранных государств. Тем не менее, основы знаний этого языка в пределах программы института я сдал на отлично. В числе многих моих товарищей я активно занимался спортом, поэтому не могу не упомянуть фамилию нашего учителя по физкультуре Семена Михайловича Фурмана. Это был небольшого роста учитель с залысинами, всегда вежливо с нами разговаривал, неплохо знал азы физкультурного дела. Зимой мы бегали на лыжах или занимались в обширном коридоре школы на втором этаже. Бегали, прыгали через «козла», делали какие-то разминочные упражнения. Так как с нами были и девочки, было весело, слышались шутки и различные прибаутки. Здесь мастерами в этом деле был Валера Маглыш со своей неподражаемой мимикой, Саша Степаньков, видимо, и я не отставал от них.

Военное дело нам преподавал Иван Сергеевич Могилевец. Почему-то мы его величали «ефрейтор». Солидный человек,

хорошо разбирался в оружии, учил нас быстро разбирать и собирать в основном винтовки старого дореволюционного изготовления. Время было непростое: закончилась война, в обществе еще блуждали всевозможные негативные настроения, в том числе опасались возникновения новой войны между нашей страной и нашими, так называемыми, союзниками по коалиции. Такому настроению способствовала речь Уинстона Черчилля, произнесенная 4 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже в Фултоне штата Миссури США, где он дал сигнал для начала холодной войны против соцлагеря и в первую очередь – нашей страны. Несмотря на то что в это время У. Черчилль уже не был председателем правительства Великобритании и выступал в США как частное лицо и лидер оппозиции после поражения его консервативной партии, его выступление вызвало, как оно и было задумано, негативные провокационные действия против СССР. В связи с этим мы очень серьезно относились к боевой и военно-политической обстановке того времени и прилежно изучали все то, что нам преподавал И.С. Могилец.

Директором школы долгие годы был Леонид Николаевич Кузнецов, завучем школы также в течение многих лет – Розалия Григорьевна Блантер, преподаватель русского языка и литературы. Первой нашей учительницей в 10-й школе была Татьяна Михайловна Кухаренко. Пристально изучаю фотографии нашего класса 10-й школы и вижу эту учительницу в темном строгом платье с белым воротничком. Здесь я вижу Валеру Маглыша, Инну Головяшкину, Виктора Хоробрых, Олега Степанова, Н.И. Левчишину, скрестившую впереди руки и стоящую на наружней поверхности ступней, Севу Стецова и многих других наших пацанов и девушек. Лица некоторых помню, но их фамилии и имена выпали из памяти. Нас уже не так много осталось на этом свете, а те, кто живы, где-то затерялись. Как мне писал мой школьный друг Валера Маглыш: «В августе 2016 г. я выбрался на 60-летнюю годовщину окончания нашей школы. Координировала это меро-

приятие Валя Соколова (Ратушная). Из Минска в Слуцк мы отправились втроем: Валя, Коля Хоменко (10 А класс) и твой покорный слуга. Лева Поскребко, проживающий в Минске, не нашел возможности приехать, хотя и обещал Вале. В Слуцке нас встретили Валера Гузман (10 В класс) и Таня Самиусевич (1955 года выпуска), в доме, в котором все время жила семья Вали Соколовой. Толя Данилов, которому в тот год «стукнуло» 80 лет, сослался на нездоровье и нашу встречу проигнорировал. Мы впятером зашли в наш 10 А класс на втором этаже в том углу, что одной стороной смотрит на электростанцию (о ней я писал), повспоминали, кто, где сидел и на кого смотрел. Время от времени заглядывали в выпускную фотографию». «Здесь – пишет Валера – уместно вспомнить один анекдот. Профессор (на экзамене): «Что вы можете сказать об английских писателях 19-го века?» Студент(ка): «Могу сказать, что они все умерли!» Приблизительно так обстоял и наш разговор-воспоминание: кого бы мы не назвали». Жаль, что многих наших одноклассников уже нет с нами. Давно ушли в иной мир Руслан Голубев, Володя Гокинаев, Витя Смирнов (отличник, скромный был парень, видимо, из очень бедной семьи), Витя Хоробрых (наш отличник), Сара Станик. Сравнительно недавно не стало Вовы Станика. Во время учебы в школе я не раз бывал у них дома, они жили недалеко от молзавода, Владимир очень здорово бегал. Также ушли в другой мир Саша Цивенков, Сева Стецов. Говорят, Сева в последние годы увлекался спиртными напитками, а был прекрасным спортсменом, но очень ершистым. У меня с ним даже случались какие-то мелкие конфликты.

В 2018 г. нашей школе исполнилось 400 лет. Мне в силу объективных причин не пришлось съездить на празднование этого юбилея. Я попросил Валеру Маглыша поделиться своими впечатлениями о юбилее нашей школы, так как он принял в нем участие. Валера выслал мне копию своей небольшой статьи, которую он отправил в издание «Информ-курьер». Я без всяких изменений прилагаю его впечатления

в своих воспоминаниях. Он пишет: «Шура, исполняю твою просьбу: пересылаю написанное по впечатлениям от Слуцка письмо в «Инфо-Курьер».

«Почему-то пришли на память стихи В.В. Маяковского»:

Кроха-сын к отцу пришел,
И спросила кроха:
Что такое «хорошо»?
Что такое «плохо»?

И от этих стихов никак не отделаться, когда вспоминаешь всю эпопею с празднованием 400-летнего юбилея нашей средней школы № 1 г. Слуцка.

Этого праздника ожидали многие, ожидали с вполне понятным нетерпением: как-никак юбилей исчисляется сотнями лет, а это значит, что подобного ему следующего вряд ли дождется кто-либо из ныне живущих современников. Даже с учетом баснословных достижений медицины. Так что приближавшееся событие можно было называть безо всяких преувеличений неповторимым. К тому же совершенно нельзя быть уверенным в том, что в ближайшие 50–100 лет школа вообще сохранится как общественная институция – с отдельно выделенными зданиями, учебными классами и т.д. и т.п. Ведь цифровые технологии, новые гаджеты, облегченный доступ к любой информации, множество способов ее получения, методы дистанционного обучения тоже делают свое дело, принципиально меняя как роль ученика и учителя, так и соответственно их образ. Иными словами, скорее всего, никакого 500-летнего юбилея слуцкой школы № 1 нашим потомкам ожидать не стоит, хотя, честно говоря, хотелось бы. Но это уже не имеет прямого отношения к нашему нынешнему празднику.

Хорошо, что он все-таки (хотя и с 3-месячным опозданием, и не в юбилейный год) состоялся. Хорошо, что некоторые люди, с таким нетерпением его ожидавшие, дожили до этого праздника и даже смогли на нем присутствовать.

Это событие стало широко известно, как говорится, urbi et orbi. Школу отремонтировали, а ее историческое здание подвергли основательной реконструкции (хотя здесь есть свои «но»). Хорошо, что не были забыты имена хотя бы некоторых людей, возрождавших школу в послевоенные годы, что в поколениях современных ее учеников воспитывается гордость за свою alma mater и уважение к ее истории. Хорошо, что 1-я гимназия прибавила известности нашему городу и стала еще одним слуцким «брендом». Таким образом, мы видим в этом юбилее много хорошего

Но можно ли сказать, что все в нем было хорошо, буквально все-все? А вот это едва ли. Раз уж дни празднования юбилея пришлись на начало февраля, вполне логично было бы совместить этот праздник с днем встречи бывших выпускников, традиционно назначаемым как раз на первую февральскую субботу. Кто, как не ученики и выпускники разных лет, исчисляемые многими сотнями, составляют, так сказать, основное материальное «тело» школы? Ведь именно они совокупно проживают в ней многие десятки и сотни лет, они же затем несут по миру и добрую славу о ней, основы которой только закладываются педагогами. Выпускники в любом случае заслуживают большего внимания, чем было уделено, скажем, нам – группе из 8 человек выпусков 1955–1956 годов, в этот раз. Только после нескольких настоятельных попыток нам разрешили посетить родную для нас школу и провели по отремонтированным помещениям в ее историческом здании, но именно те классы, из которых нас «выпустили» в большой мир, открыть посчитали почему-то излишним. А ведь для выпускников праздник – это именно встреча в школьном здании, а не в городском Доме культуры!

Чего не хватало в ДК? Странно, что не было искренних и радостных поздравлений от смежных школ: в наше время мы соревновались и с 5-й, и с 9-й, и с 10-й. Как-то не слишком убедительно звучит “лучшая гимназия 2017 года”, когда

четко не определен круг соревнующихся: в городе ли, в области, в Беларуси или вообще во всем мире?

Если бы в зал ДК зашел случайный прохожий, ему было бы трудно понять, что дело происходит именно в Беларуси, так как никакого особенного национального колорита концертная программа не предложила: ни белорусской речи, ни музыки, ни танца, ни даже орнаментов. Казалось бы, «Лявониха», «Крыжачок», «Юрачка» – это нечто само собой разумеющееся, но увы! – ничего подобного и близко не было. Яркий и самобытный белорусский национальный костюм подменили чем-то условно «польским», приправленным к тому же невыразительным звуковым сопровождением (язык не поворачивается назвать это музыкой), которое следовало, видимо, воспринимать как «звуки полонеза». Массовое действо на сцене больше напоминало разухабистую дискотеку в ночном клубе, чем торжественный школьный вечер. Не берусь судить обо всем более профессионально, но одно бесспорно: чувства меры (а заодно и вкуса) устроителям празднества явно не хватило. Может быть и потому, что все было задумано в расчете на удовлетворение прежде всего каких-то «вышестоящих» чиновничьих требований. Думаю, что с этой стороны никаких нареканий не поступило. Возвращаясь к ремонту, нельзя не сказать опять же о «вкусе». Один мой хороший слуцкий знакомый, довольно заслуженный профессиональный строитель, заметил, что после дорогого ремонта интерьеры нового здания школы своим фривольным «убранством» скорее напоминают некое увеселительное заведение, чем образовательное учреждение. Когда мы своей группой в 8 человек посмотрели все это сами, мы не нашли что возразить профессионалу.

Про историческое здание старой школы скажу от собственного имени. Здание, как известно, строили в 1-й половине XIX века под руководством (а возможно, и по проекту) архитектора Кароля Подчашинского в довольно строгой традиции, близкой к так называемому «русскому» класси-

цизму. В той же манере и тем же архитектором несколько раньше построен и дворцовый комплекс в Жиличах, заслуживший в Беларуси славу «Жиличского Версаля». Так что внимательное и бережное отношение к наследию названного зодчего – это, казалось бы, уже нечто обязательное и само собой разумеющееся. Эту несложную истину понимали и в предшествующих столетиях: оба упомянутых памятника белорусской архитектуры удостоились быть изображенными кистью известного живописца Наполеона Орды, причем его изображение Слуцкой мужской гимназии стало теперь почти «каноническим» и потому часто репродуцируемым. Понятно, что подобного рода памятники национальной культуры требуют к себе особо бережного отношения.

При взгляде на отремонтированное историческое здание школы даже снаружи возникает определенное недоверие к цветовому решению его архитектурных деталей (по моему непросвещенному мнению, они смотрятся довольно аляповатыми). Во всяком случае, мне показалось, что здесь недоставало квалифицированной архитектурной экспертизы. Говорю об этом просто как человек небезразличный: в «Жиличском замке» семья моего отца жила до и после войны и в нем я родился, а в здании школы № 1 в 1956 г. я получил «аттестат зрелости». В Слуцкой мужской гимназии экстерном держал экзамен на звание учителя и мой отец, о чем делопроизводителем 1 мая 1913 г. была сделана за № 532 соответствующая запись. Поэтому, надеюсь, мне простится некоторая пристрастность в этом вопросе, если она покажется кому-то излишней.

Напоследок скажу еще более откровенно: если бы делами школы ведали ее бывшие выпускники, а в городе Слуцке установилось подлинное самоуправление (наподобие «магдебургского права»), при котором тон задавали бы сами слутчане, все выглядело бы еще привлекательнее. Остается только пожелать этого на будущее.

А пока вот уж во второй раз после краткого посещения уезжаю из Слуцка с чувством некоторого разочарования: в

2016 г. здесь не удосужились изготовить никакой сувенирной продукции по случаю 900-летия города; в 2018-м – та же «история» с 400-летием прославленной Слуцкой гимназии. Мои попытки разыскать в Слуцке что-нибудь памятное на эти темы закончились безрезультатно. Впрочем, маленькую декоративную тарелочку с изображением гимназии все-таки удалось купить, но к юбилею этот сувенир не имеет прямого отношения, т. к. надпись на нем гласит (лишь) следующее: «Малюнак Наполеона Орды XIX ст. Слуцк». По-видимому, дизайнер изделия был убежден, что будущий покупатель его продукции заранее обязан знать: изображена именно Слуцкая мужская гимназия (и кальвинистское училище с часовней на переднем плане) и что в 2017 г. она отмечает свое 400-летие.

Трудно объяснить такое небрежение к историческим достопримечательностям своего города, которых в многострадальном Слуцке сохранилось не так уж и много.

Но самое сильное чувство я испытал в Слуцке на его главной улице, и, к сожалению, чувство это нельзя назвать положительным. Зашел в магазин с претенциозной вывеской «Кнiжны свет», в переводе на русский это значит «Книжный мир». Помня прежние книжные магазины Слуцка, я, естественно, предвкушал увидеть здесь настоящее книжное царство. Но меня здесь ждало разочарование: тесное помещение напоминало скорее что-то наподобие привокзального книжного киоска; здесь продавалась всякая дребедень, и только в одном углу скромно ютился один узенький стеллаж с книжками более или менее серьезного содержания.

В общем, это был не «весь мир», а какая-то его очень дальняя окраина, медвежий угол. На мой вопрос, а где теперь находится главный книжный магазин, продавщица отвечала, что вот этот и есть «главный», он же – единственный. Честно говоря, с первого раза я не поверил ей: может быть, просто разыгрывает заезжего гостя веселая женщина. Но

она повторила свое утверждение, а потом сослалась на городское начальство, считающее излишним иметь более обширную книжную торговлю. Гнетущее впечатление от этого «шопинга» прошло у меня только тогда, когда увидел, зашел и осмотрел прекрасную библиотеку на ул. Копыльская, д. № 1. От сердца малость отлегло: нет, не так уж все безнадежно по части книжного дела в этом крае, издревле известном своими «книжными людьми»!

Понравились оба памятника слуцким княгиням Анастасии и Софии. О месте и способе их размещения можно бы, правда, и порассуждать, но это дело не так уж трудно и поправить, если на то будет воля горожан. Мне кажется, что дойдет очередь и до памятника белорусским патриотам, участникам Слуцкого вооруженного выступления 1920 г., в котором командиром 2-й роты 1-го (Слуцкого) полка был мой отец – прапорщик Маглыш Наум Дмитриевич (1893–1989).

Слуцкие храмы, и существующие издавна, и вновь построенные, подтверждают репутацию Слуцка не только как оплота православия в Беларуси, но и как обеспечивающего свободу любого вероисповедания, что, несомненно, идет только на пользу городу. Вообще говоря, свобода, как показывает мировой опыт, больше способствует процветанию, чем ее утеснение. Поэтому мое искреннее пожелание: «Квітней Беларусь!».

После Великой Отечественной войны Слуцк начал обустраиваться. Моему отцу как командиру батальона предоставили недалеко от десятого военного городка небольшую трехкомнатную квартиру на втором этаже двухэтажного двухподъездного дома. Удобства были, как говорят, во дворе, правда, в доме была холодная вода, а также две печки, которые топили дровами. Это было в те времена очень хорошее жилье в городе. Отец утром уезжал на «виллисе» в свою часть и поздно вечером возвращался домой. Так текла его и наша повседневная послевоенная жизнь.

Во втором подъезде нашего дома жила семья Макаровых. С двумя братьями Макаровыми я дружил. Старший Юра был крепким парнем, хорошо играл в футбол, особенно в защите. Младший Олег был юрким, пронырливым пацаном. Также старался играть в футбол, но по какой-то причине носил на себе жесткий корсет. Однако это не мешало ему не отставать от наших повседневных забав. После просмотра фильма «Тарзан», где главную роль сыграл профессиональный пловец Дженни Вайсмюллер, который установил 67 мировых рекордов по плаванью, мы очень увлекались лазаньем по деревьям, изображая Тарзана, стараясь подражать его специфическому гортанному крику.

Рядом жила семья офицера Лученка. Глава семьи был страстным охотником. У них были сын Игорь и дочь. Жаль, что я потерял их из виду. Мои родители и семья Лученка дружили. В Слуцке, рядом с нашим домом, было большое поле, которое, мы использовали как футбольное поле и волейбольную площадку. Ребят было много, так как возле поля размещался большой жилой военный городок, где жили семьи военнослужащих. Городок строили из специально изготовленных деревянных щитов, крыши домов были покрыты красной черепицей. Строительство шло за счет средств по договору о «репарации».

В военном городке фильмы часто показывали прямо на свежем воздухе на небольших площадках. Солдаты вместе с нами лежали на земле и смотрели кинокартины. В основном фильмы были из числа немецких кинофондов, кроме того смотрели и увлекательные американские и английские фильмы. Наших кинофильмов практически не показывали, так как их, видимо, было не очень много.

В юношестве мы мало интересовались биографиями своих родителей, даже тех, кто был с нами рядом, не вникали глубоко в их жизнь. Кажется, все идет своим чередом: ты растешь, учишься, занимаешься спортом, читаешь книги, хулиганишь. Очень жаль, что мне и в голову не приходили

мысли подробнее узнать о жизненном пути отца, матери, бабушки и других близких мне людей. А ведь у отца и матери был свой духовный мир... Отец старше мамы на семь лет, женился на ней, когда ей было 17 лет. Прожили они в мире и согласии долгую и трудную жизнь. Особенно тяжелыми для нашей семьи были военные и послевоенные годы. Я навсегда запомнил, как почтальон приносил домой с фронта письма-треугольники, как у мамы и бабушки дрожали руки, когда они разворачивали эти весточки с фронта... Я видел их радостные лица, слезы, когда они читали скудные сообщения о фронтовой будничной жизни отца, о том, что он жив и здоров. О тягостном военном лихолетии он нам не сообщал. Видимо понимал, что в семье и так нелегко жить в это далеко не простое время.

О войне от отца я не слышал полных рассказов о боях или других жизненных ситуациях. Если он что-то и вспоминал, то это были очень короткие зарисовки эпизодов военной жизни. Помню его рассказ о тяжелых днях битвы на Курской дуге. Несмотря на то, что некоторые зарубежные ретивые критики не усматривают разгромное поражение немцев на Курской дуге, всему миру известно, что наша победа там стала историческим переломным этапом в Великой Отечественной войне. Такого человеческого и технического противостояния в мировой военной истории не было, да и, дай Бог, больше не будет. Боевыми действиями на Курской дуге руководили маршалы Георгий Жуков и Александр Василевский. Численность Красной Армии составила более одного миллиона человек. Солдат поддерживали более 19 тысяч орудий и минометов и 2 тысячи самолетов. Противостояли Красной Армии в этой битве 900 тысяч фашистов, 10 тысяч пушек и 2 тысячи самолетов. Особенно тяжело было у деревни Прохоровка. Как раз там со своим батальоном, находясь в танке, участвовал в боях и мой отец. Этот факт я узнал из газеты, для которой он давал интервью. Под Прохоровкой сошлись друг против друга около 800 танков.

Наши лучшие в то время танки «Т-34» схлестнулись с лучшими немецкими танками «Тигр». Здесь же впервые был опробован «Зверобой» – наша 57-мимиллиметровая пушка, пробивавшая броню «Тигра. Сражение на Курской дуге продолжалось около 50 дней! С немецкой стороны было уничтожено 30 дивизий, в том числе 7 танковых, 1,5 тысячи самолетов, 3 тысячи пушек, 1,5 тысячи танков и более 500 тысяч фашистов. Конечно, были существенные потери и с нашей стороны. Бойцы и командиры насмерть стояли на своих позициях. За храбрость и мужество были награждены более 100 тысяч участников этой страшной битвы. Мой отец также отмечен государственной наградой. За боевые заслуги отец был награжден тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу», медалями за взятие Кенигсберга, Праги, Берлина и ряда других европейских столиц. В послевоенное время он был награжден орденом Ленина, орденами Красного Знамени, «Знак Почета» и несколькими медалями, в том числе медалью «За освоение целинных и залежных земель».

Мне пришлось через Интернет узнать, за какие действия мой отец получил такие военные награды. Вот несколько примеров. Из наградного листа Донченко Семена Васильевича, капитана, воевавшего в должности адъютанта старшего штаба (начальник штаба) 2-го танкового батальона 25-й танковой Кировоградской дважды Краснознаменной ордена Суворова бригады узнал, что он был представлен к ордену Красного Знамени 14 октября 1944 г. командиром танкового батальона капитаном Алферовым. Однако высшее начальство сначала исправило эту награду на орден Отечественной войны I степени, а еще более высший по званию командир (фамилия Кротов) 25.10.1944 г.исправил эту награду на орден Отечественной войны II степени, которую отец и получил. Так что оценка ратного подвига была дважды скоординирована.

В следующем наградном листе отец был представлен к ордену Красной Звезды. В наградном листе указано, что

«в боях по освобождению Советской Белоруссии от немецких захватчиков проявил личное мужество и бесстрашие. Весь период боевых действий батальона с 27.06 по 10.07.44 г. находился вместе со своими танками, четко и своевременно выполнял боевые приказы и распоряжения командира батальона. Умело организовал работу штаба, связь между отдельными экипажами и подразделениями велась беспрерывно. Своевременно обеспечивал боеприпасами и горючим боевые машины. В проведенных боях показал себя тактически грамотным и бесстрашным офицером. Достоин правительственной награды ордена Красной Звезды. Командир 25 танкового звена гвардии майор Шведов. 23 июля 1944 г.».

В следующем наградном листе отец также был представлен к ордену Красной звезды. Однако высшее начальство посчитало, что за боевые действия в этот период времени Донченко Семен Васильевич должен быть удостоен ордена Отечественной войны II степени. Хочу привести определенные действия отца в этот период боя, описанные в наградном листе. «В боях за Социалистическую Родину проявил личное мужество и бесстрашие. В период боевых действий батальона с 6 по 11 октября 1944 года в районах Советской Прибалтики точно и в срок выполнял боевые приказы командования, беспрерывно поддерживал связь с действующими соседними частями, умело организовывал связь с подразделениями и вышестоящими штабами. В результате проведенных операций батальон выполнил поставленную задачу и за период боя уничтожил: танков – Т-IV – 12, «Пантер» – 7, ПТО – 4, бронетранспортеров – 5, тракторов – 10 и до 100 вражеских солдат и офицеров. Батальон первым ворвался и овладел населенными пунктами Медынчяны, Плунчяны и много других. Батальон прорвал 5 оборонительных линий противника, захвачено 2 продсклада и 4 платформы с военным грузом. В районе Александровка лично руководил обороной правого фланга, в результате умелой и крепкой обороны выдержал и отбил контратаки противника. В про-

веденных боях показал себя тактически грамотным, смелым и решительным штабным офицером. Достоин правительственной награды ордена Красное Знамя. Командир танкового батальона капитан Алферов 14 октября 1944 года».

Отец был награжден также медалью «За отвагу». За какие военные действия был награжден мой отец этой очень высокой наградой, указано в наградном листе: «В боях за освобождение Советской Литвы от немецко-фашистских захватчиков проявил личное мужество и отвагу. В период боевых действий батальона с 4.08.1944 по 15.08.1944 г. в районах: Утяны, Милошайцы, Шилинки, Роситней все время находился в боевых порядках батальона, организовывал связь внутри батальона и с другими частями. Отлично налаживал взаимодействие с пехотой и артиллерией, организовывал танковую разведку, добывал сведения о противнике и своевременно доставлял их вышестоящим начальникам. Своим умелым, тактически грамотным решением помогал командованию в решении боевой задачи. Во время осады противником г. Роситней и блокировки единственного здания в городе – монастыря, руководил боем оставшихся бойцов и офицеров, а сам лично уничтожил из автомата до 20 немецких солдат и офицеров, при отражении в целом уничтожили до 150 немецких солдат и офицеров. Организовал выход личного состава из осажденного дома, прошел с боем передний край обороны и прибыл без потерь в расположение Советских войск. В проведенных боях показал себя тактически грамотным, храбрым офицером, не теряющимся в трудной обстановке».

Еще об одном эпизоде из жизни моего отца я узнал из рассказа офицера Роберта Федоровича Сверчкова, который служил вместе с ним в Германии после войны. Отец был командирован из Слуцка в Германскую Демократическую Республику (ГДР) в 1950 г. в город Фюрстенвальде. Он командовал танковым учебным батальоном. Там с ним находилась и моя мама. Мы с братом и бабушкой остались жить в Слуцке.

Брат вскоре уехал в Ленинград, где поступил учиться в институт. Фюрстенвальд – древнее поселение, образованное в 1272 г., примерно в это время был основан Берлин – столица Германии. Исторически это поселение было удобно для квартирования воинских частей. Здесь стояли войска Наполеона, кайзеровские уланы, фашистские части и советские войска после Второй мировой войны (до 1994 г.). При посещении этого города, что знаменательно, вместе с сыном Роберта Федоровича Сверчкова – Сергеем Робертовичем (работал вместе со мной в СО РАСХН заместителем председателя), родившимся в этом городке, мы с большим удовольствием и вниманием осмотрели строения в военном городке. Это бывшие большие казармы, как сказала девушка – водитель такси, переоборудованные в шикарные востребованные квартиры для местных жителей. Консультируясь по телефону с отцом Сергея Робертовича, мы восстановили практически всю инфраструктуру городка, от школы (здесь учились дети военнослужащих) до штаба батальона, больницы и других объектов. В батальон, которым командовал мой отец, и был направлен лейтенант Роберт Федорович Сверчков, который рассказал мне об их совместной службе: «Меня направили в войсковую часть, которая была расположена в г. Фюрстенвальде. Я у начальства уточняю: "А как мне найти эту часть?". Мне говорят: «Приезжаете на вокзал и рядом увидите большой бетонный забор, а на нем метровыми буквами написано "Хозяйство Донченко"». Так и получилось, что я увидел большой забор и по нему дошел до проходной, меня сразу представили командиру батальона подполковнику Донченко Семену Васильевичу. Командир был выше среднего роста, подтянут, вежлив, вся грудь в орденских колодках. Я понял, что командир наш участвовал в военных действиях. Он расспросил обо мне, о моей семье и уже через 10 дней представил офицерскому собранию. На следующий день всех офицеров срочно собрали в офицерскую комнату. Входит командир, в руках держит телеграмму. Спокойно,

тихим голосом он говорит: "В Восточной Германии очень сложная обстановка, идут забастовки жителей, они могут вылиться в кровопролитие. Объявляю полную боевую готовность". Командир говорил точно, уверенно, как, наверное, командовал в бою, дал нам всем конкретные распоряжения, где выставить охрану, куда разместить танки, снайперов, автоматчиков, выйти на мост реки Одер и блокировать его».

«Очень сложное было время», – говорит Роберт Федорович. Буквально через некоторое время по дороге на вокзал было отмечено громадное движение людей с плакатами «Хлеб – пиво» (дословная фраза). Подполковник Семен Васильевич Донченко «выскакивает на дорогу с пистолетом в руке и стреляет вверх. Первые шеренги толпы остановились, к нему подошли трое из первой шеренги, видимо, люди возглавляющие колонну. Короткий разговор. Семен Васильевич на что-то показывает рукой с пистолетом. Парламентеры, посоветовавшись, подошли к стоящей толпе людей, энергично жестикулируя, также стали размахивать руками, что-то говорить, после чего вся эта громадная масса людей пошла обратно по дороге от вокзала». Инцидент был ликвидирован, хотя в Берлине и ряде других больших городов были очень активные и продолжительные выступления, вплоть до выстрелов по нашим военнослужащим. Когда мы спросили у командира, о чем он говорил с парламентерами, Семен Васильевич сказал: «Я им указал места расположения танков, снайперов, автоматчиков и сказал, что у меня есть приказ остановить движущуюся толпу вплоть до применения военной силы». Видимо, такой жесткий ультиматум эффективно подействовал на немцев. Тогда же Роберт Федорович сказал: «Настоящий командир, чувствуется боевая хватка».

Можно привести и другие примеры боевых действий, в которых участвовал мой отец. Жаль, что я, моя семья, мои близкие узнали об этом так поздно, когда отца не стало. Можно было еще подробнее, с большой достоверностью,

услышать от него, в каких условиях находились наши воины – солдаты и офицеры, о чем они думали, мечтали и многое, многое другое. Мне нечасто приходилось быть вместе с отцом, когда он был непосредственно на работе. Когда наша семья жила в военном городке, то бывал в его кабинете в казарме. Мы, дети офицеров, тесно общались с солдатами непосредственно в казарме, на плацу, иногда ели вместе с ними в столовой (как было вкусно!). Сержантский и старшинский состав военнослужащих, те, кто воевал, вели себя более свободно, чем молодые солдаты, но выйти им из военного городка, который был огражден высоким забором и охранялся военнослужащими, было невозможно. Если военнослужащего задерживал вне городка военный патруль и у него не было специального разрешения, то он считался в «самоволке» и подлежал наказанию. Поэтому военнослужащие, в основном участвовавшие в боевых действиях, просили нас, пацанов, «сбегать за горючим» в ближайший ларек, что мы с успехом делали, проникая из территории военного городка через танковые ворота по вырытым их гусеницами глубоким колеям. Этот участок территории городка не охранялся, и мы хорошо это знали. Я не видел пьяных солдат, все было в рамках соблюдения определенной «секретности». Они мне говорили, что только «бате» не сообщай, зная, что я сын командира батальона. Видимо, верили мне. Меня это воодушевляло, и я бегал, выполняя поручения военнослужащих как заведенный. В свободное время, особенно в воскресные дни, мы, дети, проживающие в городке, проводили время на физкультурной площадке, лазали по специально закрепленным канатам, подтягивались на турниках, кольцах, играли вместе с солдатами в футбол и волейбол, смотрели кино. Одеты мы были обычно в сшитую для нас дома военную форму: гимнастерка, штаны-галифе, сапоги.

Вот и описан определенный период моей жизни, прошедший вблизи военнослужащих, что конечно наложило на мой менталитет и характер определенный отпечаток, осо-

бенно на взаимоотношения с друзьями, товарищами, в дальнейшей жизни – с коллегами по работе. Я более глубоко стал понимать, в какое время мне и моей семье пришлось жить. Это был период послевоенной разрухи, принесшей громадный ущерб инфраструктуре сел и городов, но особенно тяжелая доля досталась жителям страны и в первую очередь тем, кто жил в оккупации. Мы, молодые ребята, как губки, впитывали и плохое, и хорошее, что-то уходило из нашего сознания, на что-то осталось навсегда в памяти.

Размышляя о учебе в школе и особенно душевной привязанности к Слуцку, школе, я сделал для себя следующий вывод. Причина моей ностальгии кроется в том, что в этой школе я проучился наибольшее количество школьных лет – более шести. Проведенные учебные годы в моем юношеском сознании стойко отложились в памяти, она сохранила образы большинства одноклассников. Этому способствовала и та серьезная послевоенная обстановка. Мы все вышли из семей, не имеющих высоких достатков, чувствовали себя единым целым и жили в одном интернациональном поле. Я с благодарностью и душевным трепетом встречаюсь со своими одноклассниками, переписываюсь с ними, и это, видимо, продлевает мою жизнь.

Вот с таким житейским багажом в моем духовном сознании наша семья уехала из Белоруссии в Казахстан, где начался новый длительный период жизни нашей семьи.

Василий Иванович Донченко с супругой Ириной Михайловной Зубатенко (бабушка и дедушка)

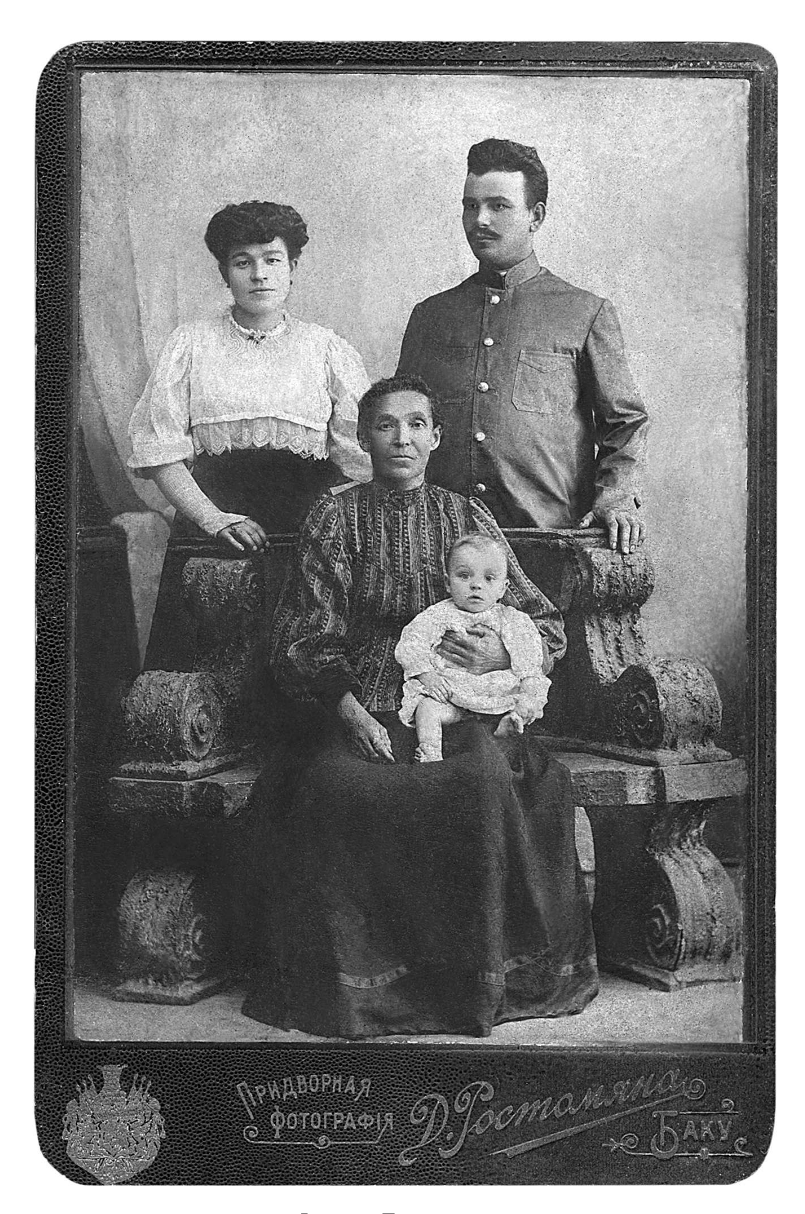

Василий Иванович Донченко с супругой И.М. Зубатенко и сыном Иваном Васильевичом Донченко

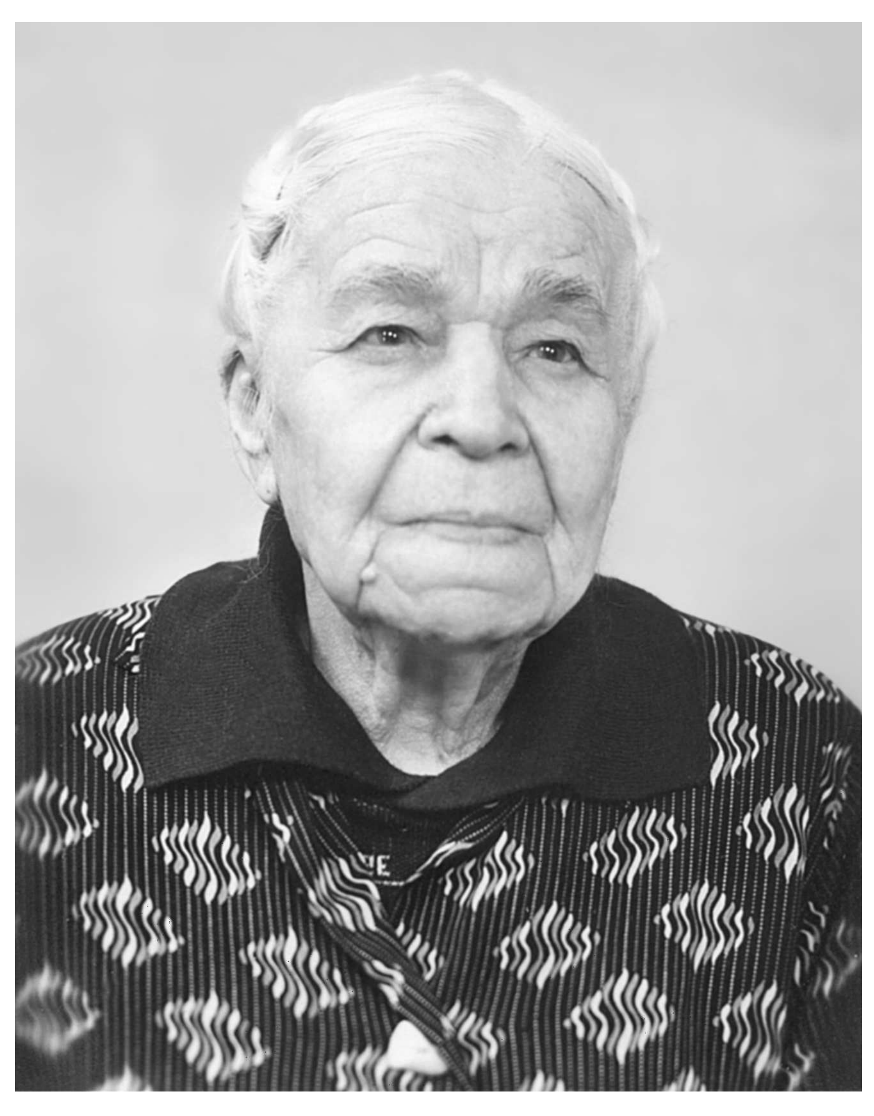
Семья Рязановых.

Верхний ряд (слева) – бабушка Анна Ивановна, первый ряд (третья слева) – моя мама Евгения Игнатьевна

Семья Рязановых

На руках у бабушки моя мама Евгения Игнатьевна, верхний ряд: Анна Ивановна (моя бабушка) с супругом. (Баку, 1914 г.)

Анна Ивановна Брынцева, моя бабушка

Евгения Игнатьевна Донченко (моя мама)
(Слуцк, 1954 г.)

После войны. Три брата Донченко: Семен, Андрей, Иван
с женами Ниной Федоровной и Евгенией Игнатьевной

Семен Васильевич Донченко (отец)

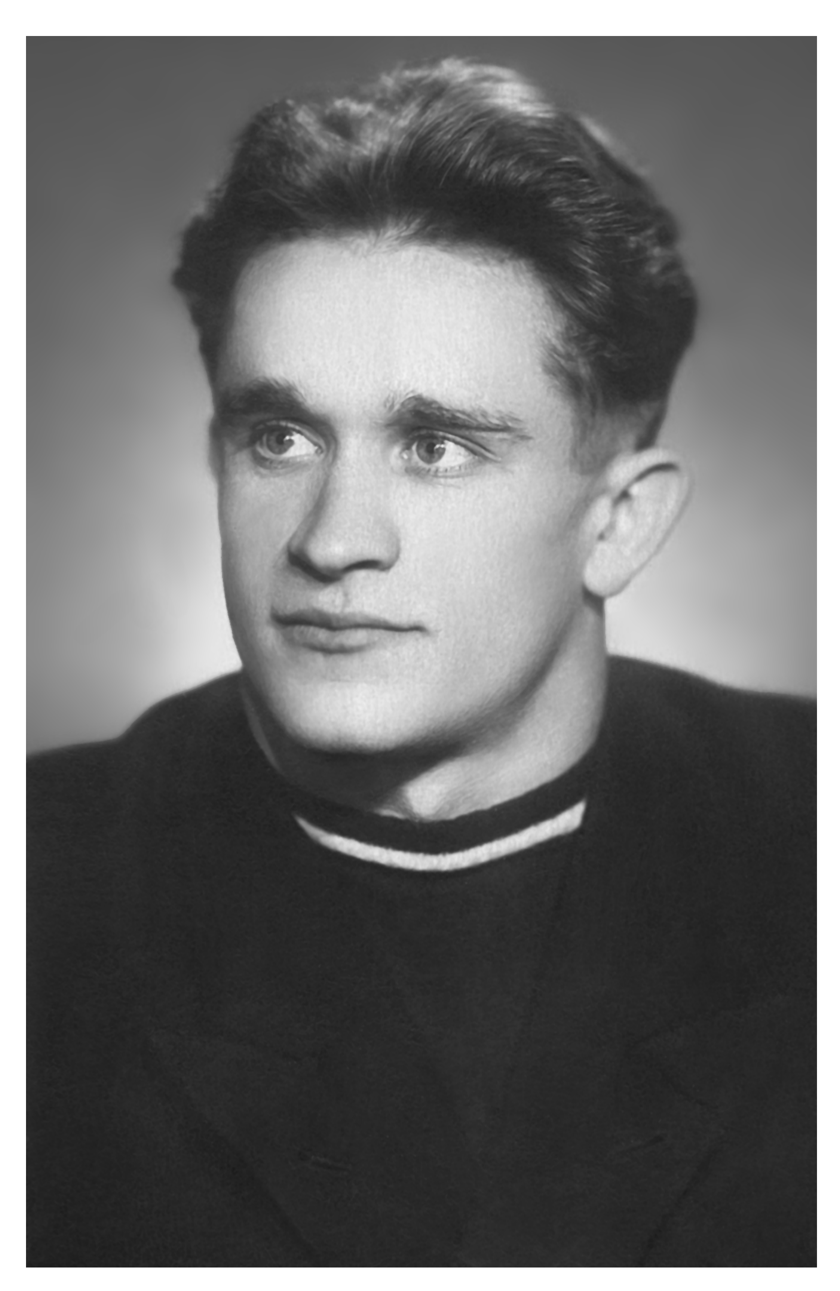
Семен Васильевич Донченко (ГДР, г. Фюрсенвальде)

Евгения Игнатьевна Донченко (моя мама)

Семья Семена Васильевича Донченко

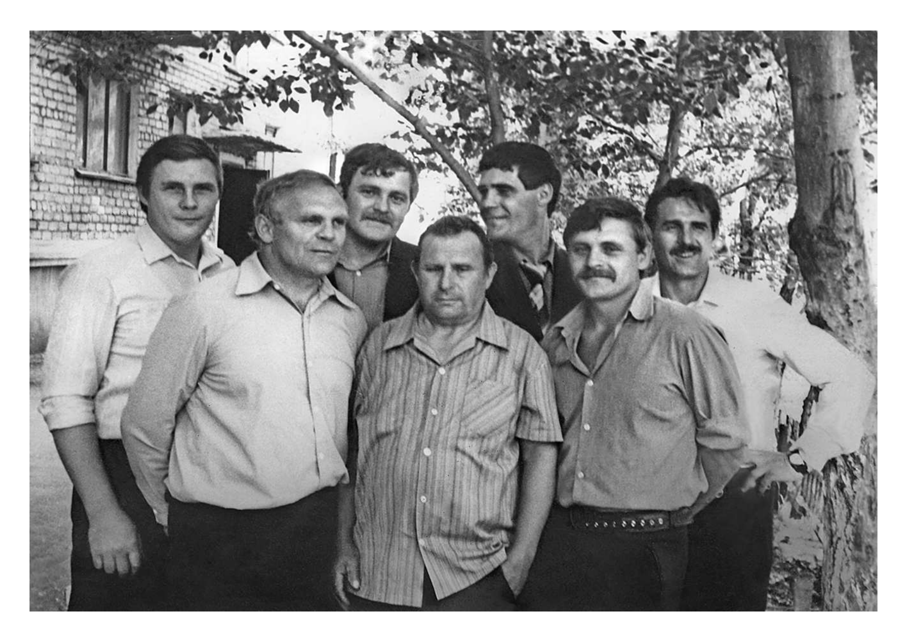
Брат Борис Семенович Донченко (окончание института, 1956 г.)

Слуцк, школа № 10, класс моего брата Бориса
(первый ряд, слева)

Семья Андрея Васильевича Донченко

Иван Васильевич Донченко с детьми

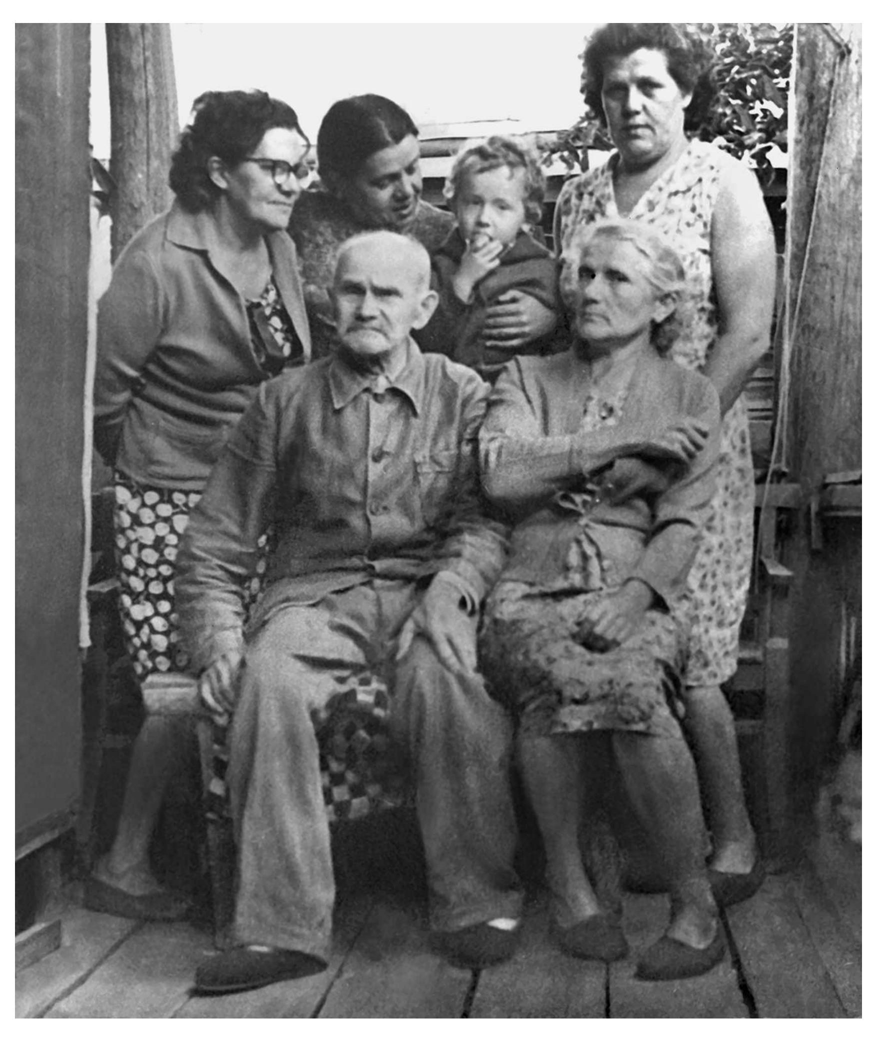
Семья Ивана Васильевича Донченко

Брат Павел Маркович Пустовой

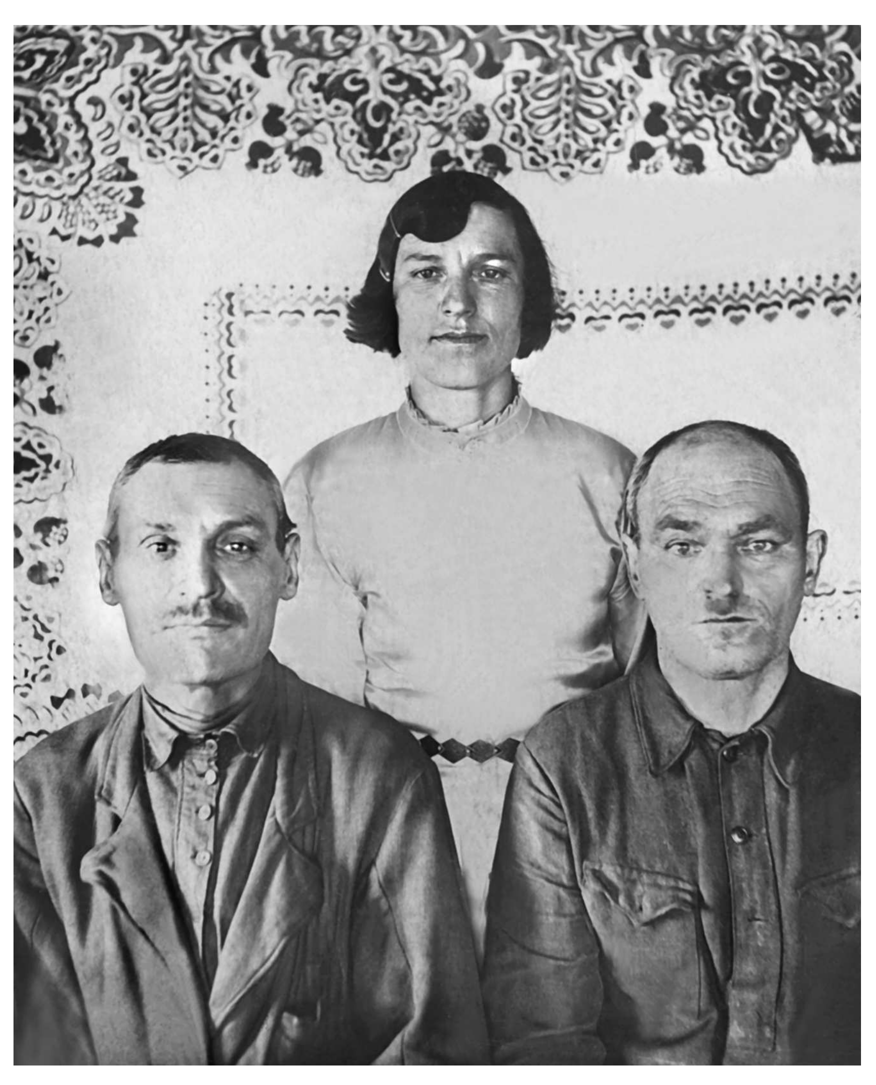
Семья Грошевых. В центре тетя Нина – сестра моей мамы

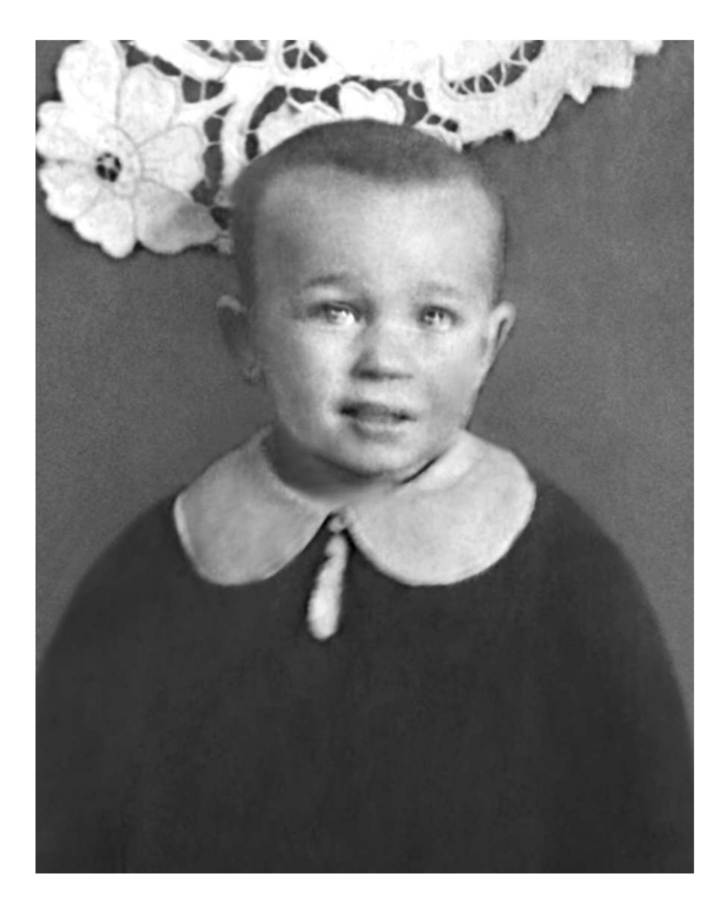
Семья Белозеровых
(мальчик на руках – Николай Донченко)

Пустовые. Первый ряд: Софья Васильевна (сестра отца), ее муж
Марк Иванович Пустовой, в центре моя мама
Евгения Игнатьевна Донченко

Марк Иванович Пустовой (дядя), Килина (тетя)

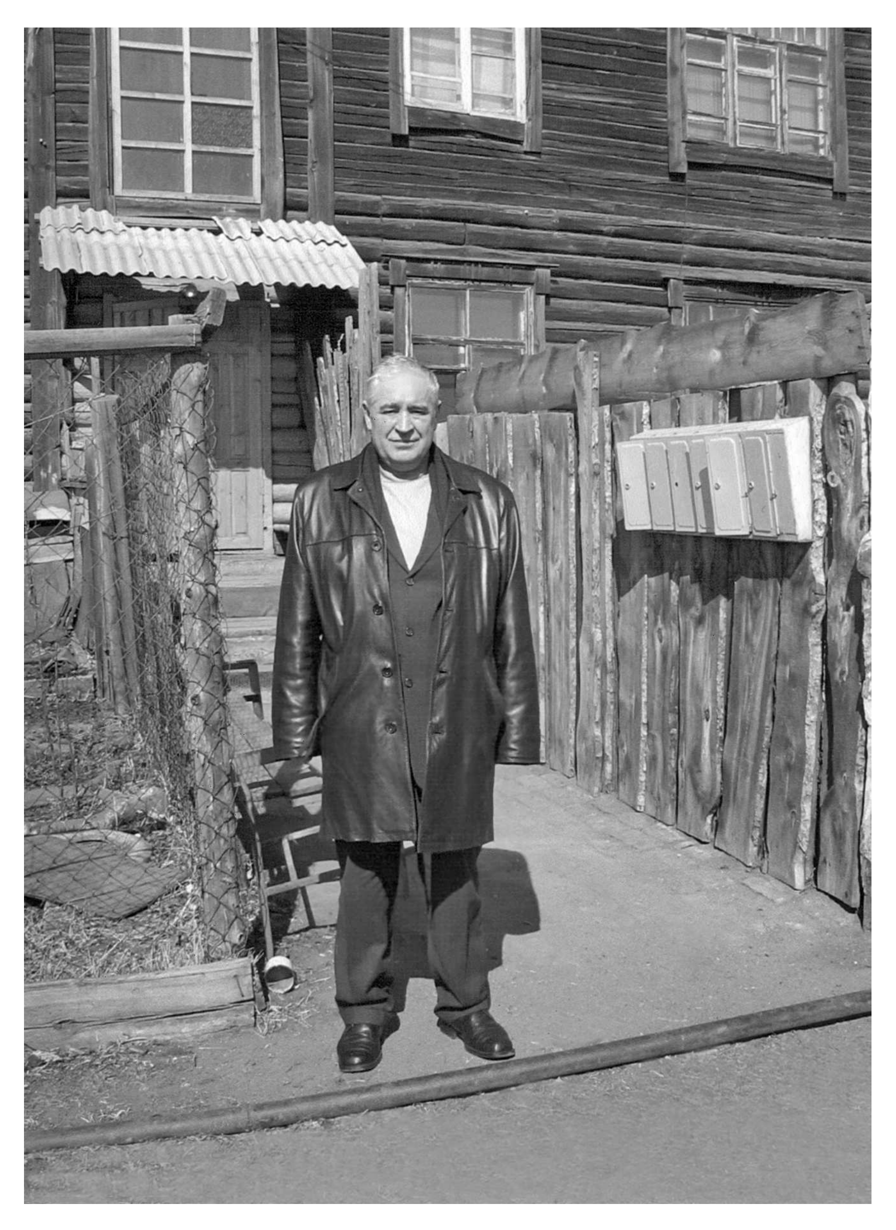
Шурик (я в возрасте 2 года)

Я в возрасте 10 лет (Слуцк, казарма)

Брат Борис Донченко, я (в центре),
Жанна Анатольевна Соколова

Чита. Я у подъезда дома, где родился

Слуцк. Я с мамой Евгенией Игнатьевной

Слуцк. Семен Васильевич Донченко (отец) и я возвращаемся с базара

Семья Пустовых. В центре София Васильевна Пустовая

Николай Игнатьевич Бринцев (мой дядя) с семьей

Слуцк. Средняя школа № 1 после войны

Слуцк, школа № 1. Основное здание. Верхний этаж слева – наш класс

Слуцк. Наш дом. Наша семья жила на втором этаже

Слуцк. Основное здание школы № 1. Выход во двор

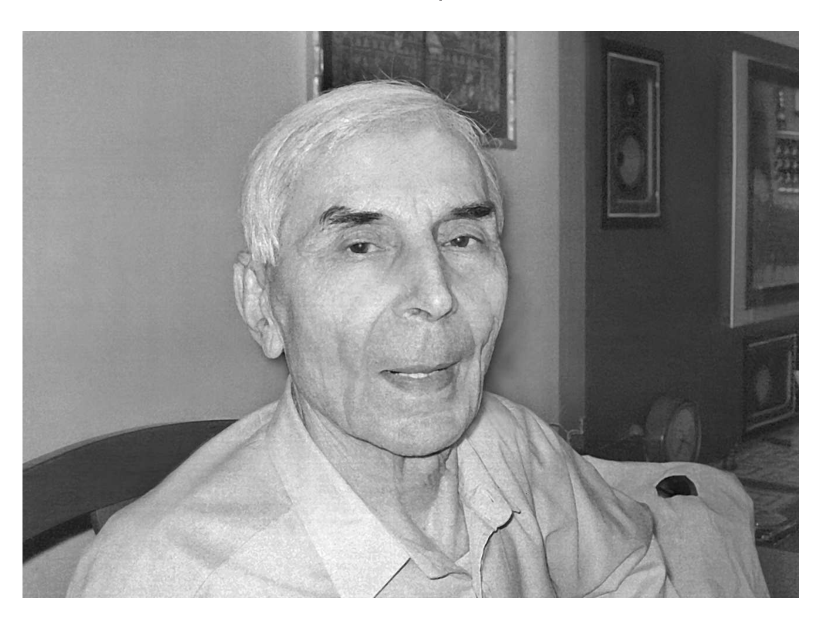
Слуцк. Гимназия № 1. Директор Владимир Владимирович Яблочкин (слева) и я, бывший ученик

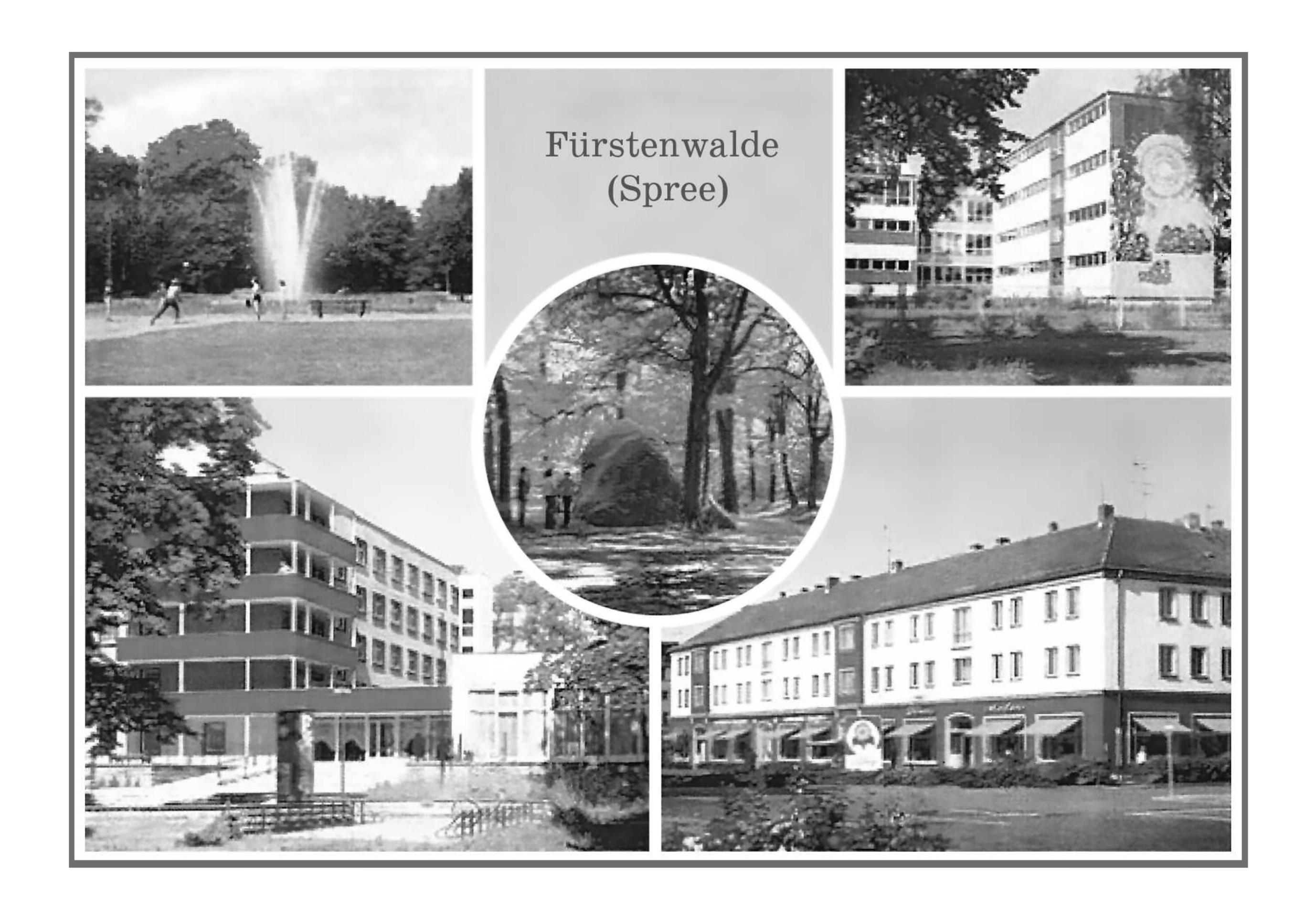
Слуцк. Городской стадион

Река Слуцк

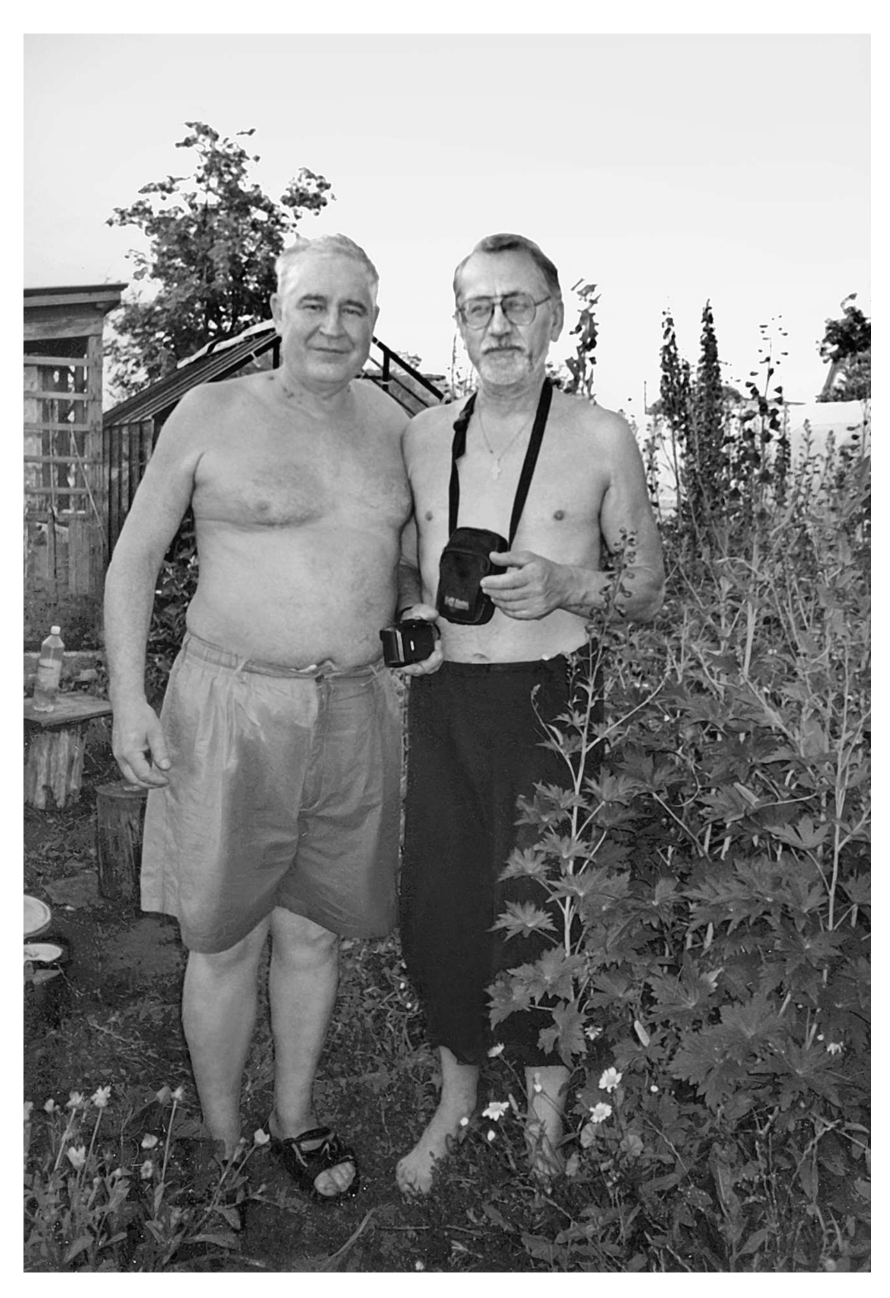

Роберт Федорович Сверчков, 90 лет. Служил вместе с отцом С.В. Донченко ГДР (Фюрсенвальде)

Fürstenwalde
(Spree)

Школьный друг Валерий Наумович Маглыш

Два школьных друга. В.Н. Маглыш (справа) и я

В.Н. Маглыш (слева) у меня на даче, Валерия Николаевна (жена), сын Николай с внуком

Танк Т-34. На таком танке воевал мой отец
Семен Васильевич Донченко

Город Слуцк. Казарма в военном городке

ГЛАВА 2

ПЕРЕЕЗД В КАЗАХСКУЮ ССР

Окончание школы, целина, учеба в Ленинском сельскохозяйственном техникуме

Помнить — это все равно, что понимать,
а чем больше понимаешь, тем более видишь хорошего.

Максим Горький

По прошествии многих лет по-другому понимаешь ту социально-политическую обстановку, в которой жили мои родители. Эти годы ознаменовались попытками реформирования, как в то время считалось, советской тоталитарной системы, либерализацией политической жизни, отказом от репрессивной политики. Тем не менее, основы советского строя и экономической «машины» остались без изменения, что в конце концов привело к стагнации и кризису.

На 74-м году жизни 5 марта 1953 г. умер И.В. Сталин. Смерть человека, который около 30 лет стоял на вершине власти огромного государства, подвела черту под сложным, неоднозначным, героическим и в значительной степени кровавым периодом истории советского общества. В 1959 г., вспоминая своего фронтового союзника и политического противника, У. Черчилль назвал Сталина «восточным тираном и великим политиком», который «взял Россию лапотной, а оставил ее с ядерным оружием». Со смертью Сталина закончилась целая эпоха в жизни нашей страны.

Я хорошо помню реакцию моих родителей, которые были членами коммунистической партии и верили ей, как самим себе. Вспомним слова Бориса Крутнера: «Все мы вышли из КПСС, даже те, кто в нее никогда не входил».

Я видел их искреннюю скорбь, слезы, когда объявили о смерти И.В. Сталина. В семье никогда не было каких-то негативных разговоров о Сталине, партии, положении в стране, армии. Видимо, даже если родители и обсуждали эти вопросы между собой, то делали это уединившись от меня и моего брата. К такому выводу я пришел несколько позже, просматривая альбомы нашей семьи. На многих фотографиях, где были сняты военнослужащие, у некоторых из них, в основном у начальства, были затерты краской лица. Когда я спросил у отца, почему затерты лица командиров, он сказал: «Это враги народа», и добавил: «Так их оценивали в то время». Говорил он без злости, просто констатировал факт.

Второй пример того, что мои родители, особенно отец, жили в непростое время. Во время службы в Забайкалье будучи еще солдатом он в разговоре с ближайшими соседями по казарменной койке рассказывал, как жил в Сибири до призыва в армию. Он перечислил, что у него в семье были две лошади, четыре быка и несколько овец. Через какое-то время отца вызвал особист, которому он подтвердил этот разговор и наличие у него в прошлом скота. Особист обвинил его в кулачестве. Отца изолировали до окончательного разъяснения этого вопроса. Из запроса особого отдела по месту жительства отца выяснилось, что он не подходил под марку кулака, и с него сняли все обвинения. Так в то время практически под строгим оком государственного надзора жило все население нашей страны.

Борьба за власть среди наследников вождя носила непрерывный характер вплоть до весны 1958 г. и прошла несколько этапов. На первом из них (март – июнь 1953 г.) ключевые позиции в руководстве страны заняли новый председатель Совмина Г.М. Маленков и Л.П. Берия, назначенный главой объединенного Министерства внутренних дел. В этот короткий отрезок времени началась первая кампания по осуждению культа личности Сталина.

С лета 1953 г. по февраль 1955 г. борьба за власть вступила во второй этап, когда на вершине власти оказались Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев (избранный в сентябре 1953 г. первым секретарем ЦК КПСС, но по-прежнему не занимавший государственных постов). Этот период характеризуется неуклонным усилением позиций Хрущева и ослаблением роли Маленкова.

На третьем этапе (с февраля 1955 г. по март 1958 г.) Хрущеву пришлось уже с позиций силы вести борьбу за власть «с объединенной оппозицией» в лице Маленкова, Молотова, Кагановича и других, которые летом 1957 г. приняли решение об упразднении поста Первого секретаря ЦК КПСС и о назначении Хрущева министром сельского хозяйства. Однако Хрущев потребовал обсуждения этого вопроса на Пленуме ЦК КПСС, который согласно уставу компартии, один мог решить этот вопрос. На Пленуме 1957 г. (состав которого Хрущев еще ранее сформировал из поддерживавших его функционеров) «оппозиционеры» были объявлены антипартийной группой и лишены своих постов. Маленков был назначен вначале на работу директором Усть-Каменогорской ГЭС, затем директором Экибастузской ГРЭС, находящейся около Павлодара Казахской ССР. Молотов направлен послом в Монголию, Каганович – директором Уральского комбината «Союзасбест» в городе Асбесте.

В октябре 1957 г. был лишен полномочий член Президиума ЦК КПСС и снят с должности министра обороны маршал Г.К. Жуков с формулировкой «за авантюризм». Получив во время июньского Пленума КПСС поддержку Жукова, Хрущев вынужден был не допустить усиления его влияния в армии и стране. А это влияние было огромно.

Хрущев испытывал от этого постоянный дискомфорт и искал повод, чтобы сместить Жукова. В марте 1958 г. при формировании нового состава правительства с поста был снят Н.А. Булганин, поддержавший оппозицию летом 1957 г. Его вернули на пост председателя правления Государствен-

ного банка, затем вывели из состава политбюро и назначили председателем Ставропольского совнархоза, а в 1960 г. отправили на пенсию. Председателем Совета Министров был избран Хрущев, сохранивший также пост Первого секретаря ЦК КПСС. Это означало не только его полную победу в борьбе за власть, но и отказ от коллегиальности в руководстве, возврат к сталинской практике единоличного управления.

С лета 1953 г. новое руководство страны взяло курс на реформирование экономики, что положительно отразилось как на темпах развития народного хозяйства, так и на благосостоянии народа. Главная причина успеха реформ, вошедших в историю как «реформы Хрущева», состояла в том, что они были начаты с сельского хозяйства, возродили экономические методы руководства и получили поддержку крестьян, интеллигенции и ученых-аграриев. Однако реформы не были подкреплены последовательной демократизацией политической системы. Это и стало главной причиной поражения антипартийной группы. Сломав сложившуюся в 30-е годы командно-репрессивную систему правления, реформаторы сохранили ее основу – командно-административную. В связи с этим уже через 5–6 лет многие реформы были свернуты. Новый курс внутренней политики СССР был провозглашен в августе 1953 г. на V сессии Верховного Совета СССР. Необходимо подчеркнуть, что глава правительства Г.М. Маленков впервые поставил вопрос о повороте экономики лицом к человеку, первоочередном внимании государства к нуждам народа, его благосостоянию. Новый курс предполагалось обеспечить через ускоренное развитие сельского хозяйства и производство предметов потребления.

Реформы были начаты и в сельском хозяйстве. Им был посвящен доклад Н.С. Хрущева на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС. В основе доклада лежал спорный тезис о том, что в СССР созданы предпосылки для одновременного и ускоренного решения двух задач: развития тяжелой

промышленности и сельского хозяйства. В докладе не было глубокого анализа истинного положения в сельском хозяйстве и постановки коренных задач по его развитию. Хрущев обещал в кратчайшие сроки, а по ряду продуктов за 2–3 года, достичь научно обоснованных медицинских норм питания. Однако жизнь и статистика не подтвердили впоследствии обоснованность такого обещания.

Сентябрьский пленум наметил курс на интенсификацию сельского хозяйства, увеличения продукции путем повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Это предполагало комплексную механизацию и электрификацию сельского хозяйства на основе широкого тракторостроения, сельхозмашиностроения, строительства гидро- и тепловых электростанций. Обозначенный курс интенсификации включал в себя орошение и обводнение сельхозполей путем строительства каналов и оросительных систем, создание полезащитных полос, рациональные севообороты, селекцию, семеноводство, породное районирование скота и многое другое. Кстати, это и в настоящее время является актуальной задачей для власти страны.

Продовольственные затруднения конца 40-х – начала 50-х годов XX в. привели к поискам властями путей выхода из кризиса. Началось повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию колхозов, уменьшение обязательных поставок, списывалась часть долгов колхозов, находившихся на грани банкротства. Однако без коренной ломки всей экономической системы поднять сельское хозяйство было не только затруднительно, но и невозможно. В связи с этим увеличения объема продукции решено было достигнуть путем механического расширения посевных площадей.

23 февраля – 2 марта 1954 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Он рассмотрел вопрос «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и освоении целинных и залежных земель». Целина – собирательное название слабо осво-

енных земельных ресурсов в Казахстане, Поволжье, на Урале и Дальнем Востоке. Термин приобрел широкое распространение в СССР в 1954–1960-х годах, когда проводилось массовое освоение целины. Пленум определил конкретные задачи для Казахстана, Западной Сибири, Урала, Поволжья, Северного Кавказа: расширить посевы зерновых культур в 1954, 1955 гг. за счет освоения целинных и залежных земель не менее чем на 13 миллионов гектаров и получить в 1955 г. с этих земель 1100–1200 миллионов пудов зерна, в том числе 800–900 миллионов пудов товарного зерна.

В стране началось массовое движение за освоение целинных земель. В 1954 г. было распахано 13,4 миллиона гектаров новых земель, в том числе в Казахстане 6,5 миллиона, то есть почти 50% целинных земель. К началу 1955 г. площадь обрабатываемых земель выросла на 8,5 миллиона гектаров, было создано 90 новых совхозов. С осени 1954 г. началось создание еще 250 совхозов.

Всего в годы освоения целины (1954–1960) было распахано 25,5 миллиона гектаров. Для обеспечения новых земель рабочей силой была проведена мобилизация добровольцев из западных районов страны, которым давали значительные льготы: бесплатный проезд с имуществом, денежные пособия до одной тысячи рублей, кредит на постройку жилья до 20 тысяч рублей на 10 лет, до 2 тысяч рублей на приобретение скота, освобождение от сельхозналога от двух до пяти лет. Всего на освоение целины в 1954–1959 гг. было выделено более 20 миллиардов рублей. В Казахстан и Западную Сибирь прибыли сотни тысяч новоселов, в том числе более 350 тысяч юношей и девушек. По призыву комсомола на целину ежегодно выезжали студенческие отряды.

Первые годы освоения целины, кроме засушливого 1954 г., были достаточно благоприятными. В 1956 г. в стране был собран рекордный урожай – 125 миллионов тонн зерновых, из которых 50% получено на целинных землях. Было создано более 340 зерновых совхозов, построены

склады, элеваторы, проложены дороги. За 5 лет (1950–1954) освоено 42 миллиона гектаров целинных и залежных земель. Страна получила дополнительно десятки миллионов тонн зерна. Однако целина в конечном счете не решила зерновую проблему. Для этого требовалось производить 1000 кг зерна на человека в год. В 1959 г. в СССР его произвели немногим более 500 кг на человека. Проблема производства фуражного зерна на корм для скота и птицы также оставалась нерешенной.

Недостатком целинной эпопеи было отсутствие севооборотов, пренебрежение правилами агротехники, недостаток собственных сортов зерновых, бобовых и овощных культур. Все это обусловило разрушение структуры почвы. К началу 60-х годов на миллионах гектаров бывшей целины появилась и разрослась эрозия почвы. Черные бури поднимали и уносили ее самый плодородный слой за сотни километров. Огромные территории посевов зерна превратились в океан сорняков. В Казахстане из-за нерационального освоения целинных земель из хозяйственного оборота было выведено более 9 миллионов гектаров почв. С начала 60-х были периодические засухи, приведшие к катастрофе 1963 г., когда впервые страна была вынуждена для обеспечения продовольствием закупить за границей 12 миллионов тонн зерна на 1 миллиард долларов.

Распашка гигантских площадей целинных земель привела к резкому сокращению в Казахстане сенокосных и пастбищных угодий. Это стало началом длительного кризиса традиционной отрасли сельского хозяйства республики – животноводства. В 1955 г. пришлось принять специальное постановление ЦК КПСС – обязать 47 степных районов и 225 совхозов разводить мясной скот. Начались работы по орошению земель и расширению кормовой базы. С большим трудом удалось поднять общую численность скота в республике к 1960 г. до 37,4 миллиона голов (в 1928 г. – 29,7 миллиона).

Экономические меры были дополнены увеличением государственных расходов на нужды деревни, прежде всего путем увеличения производства сельскохозяйственной техники. Для ликвидации «двоевластия» на земле (МТС и колхозы) правительство в 1958 г. решило укрепить материально-техническую базу колхозного села, реорганизовав машинотракторные станции (МТС) в ремонтно-тракторные станции (РТС). Пленум ЦК КПСС 26 февраля 1958 г. принял постановление «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинотракторных станций». Верховный Совет СССР 31 марта решение ЦК оформил в виде закона. На основании постановления Пленума и Государственного закона ЦК КПСС и СМ СССР 18 апреля 1958 г. принято специальное постановление, которое определило порядок реорганизации МТС. На 1 января 1959 г. 56 791 колхоз приобрел 482 тысячи тракторов и 214,5 тысячи комбайнов. Это составило четыре пятых тракторного и две трети комбайнового парка, находившегося тогда в системе МТС.

Предпринятые государством шаги несколько укрепили сельское хозяйство, способствовали раскрепощению крестьян. Деревня начала вставать на ноги. Однако с конца 1960-х годов аграрная политика в стране стала принимать откровенно административные формы. Материальные стимулы были вытеснены принуждением. Этот поворот прикрывался заботой о крестьянине, его досуге и благосостоянии.

В 1958, 1959 гг. два негативных действия правительства подорвали экономику села, сорвали процесс расширенного воспроизводства. Во-первых, технику МТС не отдали колхозам, не продали в рассрочку по остаточной стоимости. Ее заставили выкупать по достаточно высоким ценам в сжатые сроки, в течение года (до марта 1959 г.). Всего за купленные машины колхозам надлежало уплатить 16,6 миллиарда рублей. Поскольку не все товаропроизводители смогли рассчитаться в срок, расчеты продлили еще на год. При этом РТС

(государственные предприятия) стали диктовать свои цены за ремонт колхозной техники.

Второе негативное действие было нанесено по личному подсобному хозяйству, которое в конце 50-х годов давало от 40 до 60% мясомолочной продукции, овощей, фруктов, ягод, занимая при этом менее 10% сельскохозяйственных земель. Начался новый поход против личного подсобного хозяйства. На декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев призвал сельских жителей и рабочих совхозов освободиться от скота, в первую очередь от коров. Он предложил продать его колхозам или государству, а взамен покупать у них мясомолочную продукцию.

Хорошо помню, как в газетах и по радио убеждали тех, кто жил в сельской местности: зачем вам содержать скот, птицу, выращивать помидоры, картофель и другую сельхозпродукцию, готовить дома обеды? Все это вы можете купить дешево в магазинах, а сытно поесть в общественных столовых. Многие, особенно те жители села, которые ленились работать на личном подворье, с большим удовлетворением откликнулись на такую политику партии и правительства. Пленум ЦК КПСС также поручил государственным органам в 2–3 года скупить скот у рабочих совхозов и рекомендовать руководителям колхозов провести аналогическую работу.

Началось второе раскрестьянивание советских сельчан. Всем известно, что в 30-е годы их освободили от лошади-труженицы, а в начале 60-х годов – от коровы-кормилицы. Мой отец, обсуждая эту проблему в нашей семье, отрицательно отнесся к ней. Он рассуждал так: «Это все приведет к анархии, мы привыкли к пище, которая готовится в домашних условиях, а не в каких-то столовых». Это было его умозаключение, как и многих, если не большинства, крестьян. Поэтому такая политика руководства страны, конечно, не была реализована. Известно, что крестьяне – консерваторы, они привыкли жить по своим многолетним жиз-

ненным канонам. В 1958–1964 гг. были также сокращены размеры приусадебных участков в колхозах на 12% (до 0,29 га), в совхозах – на 28% (до 0,18 га). В результате к середине 60-х годов личные подсобные хозяйства деградировали до уровня начала 50-х. Такая государственная политика резко обострила продовольственную проблему в СССР. В связи с этим 1 июня 1962 г. правительство приняло решение стимулировать государственное животноводство повышением в полтора раза розничных цен на мясо. Однако новые цены не увеличили количества мяса в стране, что вызвало волнение в городах. В 1963 г. возникли перебои не только с мясом, молоком и маслом, но и с хлебом, особенно белым. У магазинов с ночи выстраивались длинные хлебные очереди, которые провоцировали антиправительственные настроения. Пришлось ввести закрытое распределение продуктов: прикрепление населения к магазинам, появились списки потребителей, хлебные карточки.

Недостаток продуктов моя семья испытала на себе. Когда в марте 1964 г. у нас с супругой Валерией Николаевной появился первенец – сын Николай, по карточкам получали белый хлеб для рожениц. Я бегал по городу (жили в Алма-Ате) в поисках этого хлеба, и не всегда удавалось его купить. В дефиците были и другие продукты.

Стране пришлось открыть государственные хлебные резервы, которые сохранялись даже в годы войны, приступить к импорту зерна из Канады, США, Австралии, муки из ФРГ. На это ушли многие тонны золота из неприкосновенного золотого запаса, копившегося десятилетиями на случай войны. Хрущев объяснял этот шаг тем, что «из золота каши не сваришь». Вывоз золота в переводе на валюту составлял от 200 до 500 миллионов долларов, или в объемном запасе 500 тонн золота в год. Таким образом, вывоз золотого запаса СССР значительно поддержал зарубежных фермеров, в то время как наши хозяйства, наши крестьяне попали в очень тяжелое финансовое положение.

Поскольку вопрос жизнеобеспечения населения определяет политическую и хозяйственную атмосферу в стране, продовольственный кризис 1962, 1963 гг. стал одной из главных, если не главной, причиной падения Хрущева. Семилетний план развития экономики (1959–1965) в части сельскохозяйственного производства был провален, вместо плановых 70% рост составил лишь 15%.

В 1957 г. Хрущев выступил инициатором проведения новой, на его взгляд, реформы управления экономикой. Были ликвидированы промышленные и строительные министерства. Их функции раздробили между советами народного хозяйства (совнархозами). Реформа управления промышленностью и строительством была одобрена февральским (1957 г.) Пленумом ЦК КПСС. Вслед за этим в мае 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Этим законом было упразднено 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств. Страну разделили на 105 экономическо-административных районов, в каждом из которых был образован свой совет народного хозяйства. В Казахстане, например, был образован Республиканский совнархоз и восемь региональных советов. Вместо расширения хозяйственной самостоятельности предприятий был выбран путь децентрализации управления экономикой. В результате несколько улучшилось положение производства, однако в то же время осложнилось проведение единой технической политики, упали качественные показатели. Реформы потерпели крах и после 1964 г. были свернуты. Территориальный принцип управления экономикой вновь был заменен отраслевым.

В 50-е годы началось строительство крупных промышленных предприятий, в том числе Карагандинского металлургического и Соколовско-Сарыбайского горно-обогатительного комбинатов. Всего в 50-е годы вступило в строй почти 700 новых предприятий, в том числе такие крупные,

как Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, ряд гидроэлектростанций на Иртыше, бурно развивалась сеть железных дорог, составившая к 1960 г. 11,47 тысячи километров. В 1958 г. было создано Управление Казахской железной дорогой, объединившее магистрали, проходившие по территории всей республики.

В начале 60-х годов встал вопрос о техническом перевооружении предприятий и внедрении новых технологий, электрификации, механизации и автоматизации производства. Это привело к некоторому росту наукоемких производств.

После смерти Сталина его место заняла группа приближенных ему – Маленков, Молотов, Берия и Хрущев. Уже в конце марта 1953 г. новое руководство предприняло меры по либерализации системы. Была объявлена амнистия для всех заключенных, чей срок не превышал пяти лет, несовершеннолетних и осужденных за экономические, административные и военные правонарушения. Через несколько дней было принято постановление о нарушении законности органами госбезопасности в ходе следствия по крупным политическим делам конца 40-х – начала 50-х годов. В июле 1953 г. арестован, как в то время считался, главный организатор репрессий 30–50-х годов Берия. Гулаг был передан из ведения МВД министерству юстиции, политическая полиция стала самостоятельной организацией – Комитетом госбезопасности (КГБ). В 1955 г. была объявлена амнистия осужденным за «пособничество фашистам» во время Второй мировой войны, сняты с учета и освобождены из-под административного надзора спецпереселенцы.

В то же время ограничения по свободе передвижения сохранялись, политические обвинения с немцев и крымских татар не были сняты. Большая часть политзаключенных амнистирована только в начале 1957 г. после знаменитого доклада Н. Хрущева на XX съезде КПСС, где впервые было заявлено о существовании культа личности Сталина и массовых репрессиях. Однако либерализация политической системы была толь-

ко частичной. Несмотря на отказ от репрессивных методов, административно-командный принцип управления сохранился и продолжал развиваться. Союзные республики, в том числе Казахстан, оставались под непосредственным контролем высшего руководства страны, которое назначало и смещало руководителей республик по своему усмотрению. Так, в феврале 1954 г. на VII съезде компартии Казахстана по решению Кремля Ж. Шаяхметов был заменен П. Пономаренко.

Жумабай Шаяхметов (1902–1966 гг.) был видным партийным и государственным деятелем, первым секретарем ЦК КП Казахстана (1946–1954 гг.). Шаяхметов родился в бедной крестьянской семье, учился в начальной школе, окончил двухклассное казахско-русское училище. С 1917 по 1919 г. батрачил у баев, с 1918 г. работал в школе учителем. В 1921–1923 гг. был секретарем Текинского волостного исполнительного комитета, в 1923–1926 гг. работал в органах уголовного розыска. В 1926–1928 гг. – ответственный секретарь Петропавловского окружного комитета союза «Кошчи», что в переводе на русский язык значит пахарь. Союз был создан в 1921 г. и занимался вопросами земельно-водных ресурсов, культурно-просветительской работой, участвовал в деятельности профсоюзов и советских учреждений. В 1928–1938 гг. Ж. Шаяхметов работал на оперативной работе в органах ОГПУ–НКВД, с 1936 г. – заместителем начальника областного Управления НКВД (Северо-Казахстанского, в 1938 г. – Алма-Атинского). В 1932, 1933 гг. учился в Московском институте востоковедения имени Нариманова, азербайджанского писателя, крупнейшего общественного и политического деятеля, наркома иностранных дел Азербайджанской ССР. С 1938 г. работал третьим секретарем ЦК КП Казахстана, с 1939 г. – вторым, в 1946–1954 гг. – первым. Одновременно с 1950 по 1954 г. был председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. И.В. Сталин называл Жумабая Шаяхметова «Орлом востока».

На февральском (1954 г.) Пленуме ЦК КП Казахстана за несогласие с масштабом предлагаемой программы массово-

го освоения целины Ж. Шаяхметов был снят с должности за «недостатки в руководстве промышленностью, сельским хозяйством, идеологической и организационно-партийной работой». Новые условия, как говорило руководство страны, требуют новых масштабов и методов работы. Ж. Шаяхметов же, учитывая тот факт, что Казахстан превратился в крупнейшую животноводческую базу на востоке СССР, считал, что целину надо осваивать постепенно, создавая для этого необходимые условия и возможности, «иначе мы можем потерять свои земли». Этот тезис не совпадал с мнением кремлевского руководства партии и правительства. В связи с этим в феврале 1954 г. Ж. Шаяхметов лишился высокого партийного поста и был избран первым секретарем Южно-Казахстанского обкома КП Казахстана, а в мае 1955 г. был отправлен на пенсию. В 1966 г. Ж. Шаяхметов умер и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

В эти времена (военные и целинные годы) мой тесть Николай Александрович Ерофеев работал в правительстве Казахской ССР и тесно контактировал с Ж. Шаяхметовым, а позже с П. Пономаренко, Л.И. Брежневым и Д.А. Кунаевым. Он очень тепло отзывался о Жумабае Шаяхметове, рассказывал, как тот помогал молодым руководителям, изыскивал возможность подобрать на перспективу грамотных руководителей Казахстана, в том числе будущего первого руководителя Казахской академии наук Каныша Имантаевича Сатпаева (1899–1964 гг.).

В дальнейшем К.И. Сатпаев посвятил свою жизнь науке. Судьба его была очень сложной, но насыщенной многими положительными фактами: открытием новых рудных мест, повторным (1955 г.) избранием президентом Казахской академии наук. Многие достижения и награды нивелировали отрицательные моменты его жизненного пути. К.И. Сатпаев умер 31 января 1964 г. в Москве после продолжительной болезни, похоронен на центральном кладбище Алма-Аты. Возле его могилы и величавого памятника похоронен и мой

тесть Николай Александрович. Когда я посещаю его могилу, то кладу цветы и к памятнику Каныша Имантаевича Сатнаева, беззаветно любившего родину, прекрасный казахский народ.

В 1942 г. Ж. Шаяхметов пригласил горного инженера Динмухамеда Кунаева из Лениногорска на работу в Алма-Ату, где будущий руководитель ЦК компартии Казахстана был назначен заместителем председателя Совета Народных Комиссаров.

Ж. Шаяхметова на посту первого секретаря ЦК компартии Казахстана сменил известный советский партийный и государственный деятель СССР Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984 гг.). Родился он в крестьянской семье на хуторе Шелковский Белореченского района Краснодарского края. У него богатая биография: от рабочего на нефтепромыслах до первого секретаря ЦК ВКП(б) Белоруссии (1938–1947 гг.). П.М. Пономаренко – участник Великой Отечественной войны (член Военного совета ряда фронтов, руководитель партизанского движения). Партизанское движение в Белоруссии и на Украине он возглавлял в чине генерал-лейтенанта. Был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и многими другими государственными наградами. В январе 1952 г. П.К. Пономаренко избрали секретарем ЦК ВКП(б). Одновременно он работал министром заготовок СССР, был членом Президиума ЦК КПСС, с 12 декабря 1952 г. по 15 марта 1953 г. – заместителем председателя Совета Министров СССР. Существует суждение, что И.В. Сталин в качестве своего преемника видел П.К. Пономаренко. Есть даже неподтвержденная версия о том, что Сталин перед своей смертью хотел назначить Пономаренко на должность Председателя Совета Министров СССР. Видимо, не случайно после смерти Сталина Пономаренко в 1954 г. избрали первым секретарем ЦК КП Казахстана, подальше от столичных дел. Там он активно проводил политику Н.С. Хрущева по освоению целинных и

залежных земель. Через год на этой должности его сменил Л.И. Брежнев, который возглавлял республику до 1956 г.

В феврале 1957 г. были реабилитированы чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и калмыки, которым разрешили вернуться на родину. Началась реабилитация жертв политических репрессий, однако она носила выборочный характер и не была завершена. В 1958 г. в новом Уголовном кодексе появилась статья об отмене понятия «враг народа», было запрещено прибегать к угрозам и насилию во время следствия, узаконена презумпция невиновности.

В 1957 г. Н. Хрущевым был выдвинут лозунг «Догнать и перегнать Америку!», нацеленный на быстрый рост производства сельскохозяйственной продукции. В это время в народе появилось острое выражение – «догоним Америку, если разуемся». Так оно в конечном итоге и вышло: преобладание внеэкономических, административных методов управления экономикой привело к серьезному экономическому и социальному кризису в конце 50-х – начале 60-х годов. Непродуманные реформы в области управления экономикой страны привели к новому нарастанию продовольственных проблем и недовольству населения.

В августе 1959 г. произошли массовые беспорядки в Темиртау, одном из быстро растущих индустриальных центров Казахстана. Бытовая неустроенность, недостаточное обеспечение продовольствием и питьевой водой привели к стихийным выступлениям рабочих, перешедшим в трехдневные волнения, подавленные лишь с помощью войск. Многие активные участники темиртауских событий были осуждены.

Несмотря на тяжелую социальную и экономическую обстановку был принят семилетний план (1959–1965), по которому к 1965 г. Советский Союз должен был выйти на первое место в мире по объему производства. Декларировалось, что строительство социализма в стране завершено и долгожданный коммунизм наступит в начале 80-х годов.

В то время тезис Хрущева – «нынешнее поколение будет жить при коммунизме», мы, студенты 4–5 курсов, воспринимали с некоторым юмором. Если бы мы понимали, что эта идея нашего «вождя» неосуществима, о чем говорили и думали более образованные, увидевшие и пережившие многое люди нашей громадной страны... На что надеялся Хрущев и близкое к нему окружение, запуская такую идею в общество? Думали ли они о том, как люди будут интерпретировать их дела и высказывания, какое суждение сложится о них как о политиках в стране? Считаю, что они не полностью сознавали все последствия своих идей и реформ, которые сказались на продолжительности их нахождения у власти.

В это время крутой поворот претерпела и национальная политика. В целях создания новой общности – «советского народа» – началось поощрение властями процесса русификации, сопровождавшегося закрытием национальных школ, сокращением сфер применения национальных языков и шовинистической пропагандой. Была выдвинута задача слияния всех этносов СССР и ликвидации национальных республик к началу 80-х годов. Без учета интересов республик стали меняться их границы. Так, в 1962 г. Узбекистану были переданы три хлопкосеющих района Южного Казахстана, Украине – Крым.

В 1961 г. руководителем Казахстана стал Д.А. Кунаев, работающий до этого Председателем Совета Министров республики и впоследствии бессменно руководивший Казахстаном четверть века. В 1962 г. Хрущев предложил партийную реформу, изменявшую структуру партии и делящую ее на две части – промышленную и сельскохозяйственную. Роль партии сводилась только к управлению экономикой, что вызвало недовольство верхушки партии и региональных функционеров. В обстановке секретности был подготовлен так называемый государственный переворот, и в 1964 г. Н.С. Хрущев был отстранен от власти. Первым секретарем ЦК стал Л.И. Брежнев, главой правительства – А.Н. Косыгин.

Известно, что отношение Н.С. Хрущева к армии никогда не было особенно хорошим. Он ответствен за громадное сокращение вооруженных сил страны. Это решение вызвано необходимостью: держать армию фактически такую, какой она была в военное время, было невозможно. На 1 марта 1953 г. в штате армии числилось 5 396 038 человек (Военный архив России. М. 1993, вып. 1, стр. 283). Однако сокращение в течение 3–4 лет численности армии на 2140 тыс. военнослужащих жестоко ударило по судьбам офицерского состава. Оно затронуло боевых офицеров, органы управления, военно-учебные заведения, промышленные и ремонтные предприятия.

В этот период моему отцу было 48 лет. Перспектива очередного звания была первостепенной, однако этому не суждено было сбыться, несмотря на то, что документы на очередное звание полковника были направлены в Москву. В этот период в батальоне случилось чрезвычайное происшествие: один из офицеров, находясь в ресторане города и будучи в крепком подпитии, стал стрелять вверх. Его собутыльники стали его утихомиривать, заламывая руку с пистолетом с целью отобрать его у офицера. Он непроизвольно выстрелил себе в голову и скончался на месте. Как мне рассказывал Роберт Федорович Сверчков, служивший в это время в батальоне, отец взял всю вину на себя. И поплатился очередным званием...

Следует признать, что отцу, ушедшему в отставку, положили хорошую пенсию – 2323 рублей (директор совхоза в тот период получал 700–1000 рублей). Правда, через какое-то время пенсия отца была уменьшена на 1000 рублей. Отец по-военному громко (дома) возмущался. Но что оставалось делать? Надо было продолжать жить дальше.

Я учился в 9-м классе, брат был студентом, учился в Ленинграде. Наша семья из пяти человек (с бабушкой) могла безбедно проживать в Слуцке в трехкомнатной квартире. Мама работала в доме офицеров. Но, видимо, ностальгия по

своей родине (село Троицкое Северо-Казахстанской области), где жили практически все близкие родные (братья, сестры, племянники), сыграла свою роль. Отец решил переехать на родину, тем более в это время в стране был большой шум о развернувшейся кампании по освоению целинных и залежных земель в стране и Казахской ССР. Тогда в Слуцке среди старших школьников ходила идея отправиться «поднимать» целину. Одним из первых уехал на целину Леонид Чуприс, который учился в нашей школе.

Казахстан – родина отца, моя вторая родина

Смелым помогает судьба.

Вергилий
(70–19 г. до н.э.)

Думаю, только мои отец и мама могли решиться на такие резкие жизненные изменения: имея хорошую квартиру, благополучные рабочие позиции, переехать в Казахстан. Правда, Казахстан – родина моего отца, то особое место, куда всегда хочется приехать. Там жили в это время его отец, братья, сестра, там были его корни.

В Казахстане отцу сразу предложили хорошую работу. Тот подъем в нашем обществе в те времена, поднятие целины объединял всех от молодых до убеленных сединой, и тех, кто воевал. К переезду готовились отец, мама, бабушка и я. Брат Борис уже учился в институте в Ленинграде. Мы в Слуцке сели в вагон, который доставил нас до Москвы, там была пересадка из Белорусского вокзала на Ярославский. Они находились рядом, но в то время было много народа, спешившего с одного вокзала на другой. Отец тащил громадные чемоданы, а мы в силу своих возможностей помогали ему, несли меньшую поклажу.

В Казахской ССР наш поезд остановился на станции Макушино. С этой станцией у меня связан ряд воспомина-

ний, так как значительно позже, по окончании Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, там работал мой родной брат. В Макушино была зима. Это был март 1955 г. Нас встречал родной брат отца Андрей Васильевич. Как мы все поместились в так называемый в народе «бобик» (Газ-69), понятия не имею. Было очень холодно, сугробы по сторонам дороги возвышались выше автомашины. Всем было весело, отец и дядя всю дорогу вспоминали свое детство, родителей и многое другое. Андрей Васильевич любезно предоставил нам свое жилье, расположенное на центральной усадьбе под названием «Повозинское» совхоза «Приишимский», директором которого он был.

Приишимский совхоз был организован в 1935 г. путем разделения «Кзыл-Аскерского» совхоза на два хозяйства. В Приишимский совхоз вошли хуторы Астаган, Бексеит, Повозинское, Веселое и Минеевка. Центральная усадьба была сначала в Минеевке. На хуторе Повозинское стояла кошара и около пяти жилых домов. Школы здесь не было, дети ходили учиться в Минеевку, в которой было лишь два класса. Затем центральной усадьбой совхоза Приишимский стало село Повозинское. Началось строительство, стали приезжать семьи из ближайших сел, в основном из Троицка, Спасовки, Семиполки и Николаевки. Несколько семей приехали из Кокчетавской области, из Молотовского совхоза – Мельниковы, Маханько, Зинченко.

В 1935, 1936 гг. в Повозинском было построено 10 саманных домов, а также несколько деревянных, перевезенных из других сел, четырехлетняя школа. Основателем совхоза «Приишимский» был Иван Емельянович Зинченко. Он проработал директором 5 лет – с 1935 по 1940 г., далее с 1940 по 1943 г. работали директорами этого совхоза Акимов, Щербаков, Уванов, Кучерявый, с 1943 по 1972 г. – Герой Социалистического Труда А.В. Донченко, родной брат моего отца, мой дядя.

Совхоз «Приишимский» до освоения целины имел овцеводческое направление. Из 52 000 гектаров земли посевная

площадь составляла всего 7000. В совхозе содержали 18 000 овец, которые входили в зимовку, в целом в обороте было более 30 000 голов. Кроме этого в хозяйстве имелось 800 голов крупного рогатого скота, 80 лошадей, 30 свиней. Совхоз сдавал государству 150 000 центнеров зерна в год, 5000 – мяса, 400 центнеров шерсти.

В хозяйстве были две грузовые машины, 17 колесных тракторов, 2 гусеничных трактора НАТИ и 7 комбайнов. Рабочий день был неограниченным, заработки небольшие – 40–50 рублей в месяц.

К 1943 г. в центральной усадьбе хозяйства было не более двух с половиной десятков домов.

С периода освоения целинных земель хозяйство выросло: посевных площадей стало 27 000 гектаров, увеличились поголовье скота и численность машинотракторного парка. Жизнь людей стала лучше, так как возросла производительность труда. Среднемесячный заработок за 1966 г. составил 117 рублей. В совхозе уже было 137 тракторов, 103 комбайна, 93 автомашины. Появилась бригада Коммунистического труда – дойный гурт фермы № 2. В ее состав входили Иван Наумович Коваленко, Людмила Тимофеевна Сухарева, Ирма Крайск, Мария Каспаровна Айрих, Клавдия Алексеевна Кошик, Раиса Петровна Милентиева, Варвара Васильевна Терехина, Эмма Боргарт, Ирина Цубикс, Эмилия Андреевна Нохрина, Степан Максимович Корчагин, Андрей Яковлевич Иордан, Елизавета Коржикова, Татьяна Милентьевна Наточий, Ирма Александровна Шайдт. Годовой план надоя молока на одну фуражную корову составлял 1902 килограмма. Среди передовиков производства были Виктор Филиппович Вегель, дояр фермы № 3, который надоил 2907 килограммов молока на корову; Иван Иванович Уточенко – обмолотил 445 гектаров и намолотил 6252 центнера зерна.

На территории совхоза появились клуб, больница на 35 мест, комбинат бытового обслуживания, баня, столовая.

Повысилась грамотность населения, почти все специалисты хозяйства имели восьмилетнее образование, появились специалисты и с высшим образованием.

В декабре 1970 г. состоялось торжественное открытие Дома культуры с профсоюзной библиотекой. В 1972 г. был создан вокально-инструментальный ансамбль «Мечта», в составе которого хорошо себя зарекомендовали В. Динер, Л. Евров, В. Романихин, Б. Придворный (мой родственник), О. Куликов, Ю. Смагин. В этом же году начала свою деятельность агитбригада «Золотой колос», руководителем которой долгое время был Л. Карпенко. Коллектив агитбригады не раз занимал призовые места на смотрах художественной самодеятельности. Кроме того, эта агитбригада помогала и непосредственно производству. С разных участков совхозного производства была собрана молодежь, чтобы помочь в важной для совхоза компании – окоте овец. Бригадиром была Т. Юдакова, групкомсоргом – экономист Н. Косабокова, члены бригады Н. Карпенко, В. Васильев, А. Сень, Л. Халилова, Е. Виноградов, В. Кузнецова.

Упомянутые и многие другие жители хозяйства жили очень дружно, многие были со мной в родстве, я с ними или их детьми вместе рос, учился и работал, поэтому я хорошо помню и так подробно описываю эти важные моменты жизни совхоза.

После ухода на заслуженный отдых в августе 1972 г. директора совхоза А.В. Донченко его сменил начальник Сергеевского районного управления сельского хозяйства А.А. Князев. В селе началось бурное строительство жилых домов, возведен торговый центр, дом быта, гостиница. К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 1975 г. состоялось открытие обелиска в память о погибших в годы войны жителей сел Минеевка, Берлик, Повозинское.

В январе 1977 г. директором совхоза «Приишимский» был назначен В.А. Чебоксаров, который проработал в совхозе 17 лет. Я его впервые встретил, когда он пришел из армии, –

молодой, красивый, высокого роста, в морской форме. В то время я учился в Ленинском сельхозтехникуме, где работала его мама, которую мы с большим уважением называли тетей Клавой.

В 1980-е годы средняя урожайность зерновых составляла 21 центнер с гектара. Наибольший вклад в заготовку хлеба внесла бригада № 2: бригадир Герой Социалистического Труда А.М. Брагин, хлеборобы А.В. Луговой (вместе работали трактористами), В.И. Катрупов, А.Е. Кооль, Н.В. Алешин, В. Шрейдер. Главный агроном совхоза Ф.П. Батрак был квалифицированным земледелом, грамотно вел экономическую политику в совхозе главный экономист М.Х. Нестеренко.

В 1981 г. в животноводстве была создана комсомольско-молодежная бригада, в которую входили шесть человек: Ж. Зикирина, А. Жамукова, А. Ярославцева, С. Омарова, А. Цубикса, Е. Голуб. Бригада надаивала 2060 килограммов молока на одну фуражную корову. В 1982 г. за высокие показатели в труде бригадир Ж. Зикирин был направлен делегатом на XIX съезд ВЛКСМ в Москву. Лучшими скотниками совхоза в те годы были В.Е. Шаповалов и М.А. Богачев.

С 1992 г. директором совхоза стал Н.А. Луговой, умный, знающий себе цену специалист. Отец его работал трактористом со мной в одной тракторной бригаде. Это был веселый человек, легкий в общении. Он запомнился мне тем, что, когда бы я его не встречал на пашне, он со своим сменщиком все время ремонтировал свой трактор С-100. В 1996 г. совхоз стал называться коллективным предприятием «Приишимское». Одними из первых организованных крестьянских хозяйств были «Надежда» (руководитель И.Я. Мартын) и «Тулпар» (руководитель М.Б. Каражигитов).

В марте 1997 г. КП «Приишимское» было переименовано в ТОО «Агросервис», исполнительным директором остался Н.А. Луговой. Хозяйство занималось выращиванием масленичных культур и производством зерна.

В 1935, 1936 гг. в селе Повозинское открылась первая начальная школа: сначала 1–2-е классы, затем – 3–4-е. Разместили ее в жилом доме, затем в здании, в котором в настоящее время находится детский сад. Впоследствии село Повозинское было переименовано в Повозочное.

Первыми учителями Повозочной школы были В.И. Онищенко (директор школы, погиб на фронте), О.Я. Колесникова, Н.Д. Струков, Н.И. Лаптев – учитель математики, П.П. Гусев – старший пионервожатый, М.Д. Попова, Ф.Ф. Шерстобитов, Н.П. Литвененко – в довоенные годы преподававший историю и ботанику, после войны – математику.

В первые годы в школе не хватало учебников и других письменных принадлежностей. Учебники были лишь у учителей. К 1940 г. в образовательной сфере дела стали налаживаться. Школу укомплектовали кадрами, было организовано много интересных кружков. Летом дети отдыхали в пионерском лагере, который располагался на берегу реки Ишим.

В 1941 г. учителя-мужчины были призваны на фронт. Большие трудности пришлось перенести как взрослым, так и детям в военные годы. Ощущался большой недостаток в учебниках, бумаге. Чернила делали из свекольного сока, сажи, писали на старых книгах и газетах между строчек, но требования к учащимся оставались высокими. Начиная с 4-го класса они сдавали экзамены по русскому языку, арифметике, истории, географии, ботанике. Старшеклассники сдавали экзамены в других школах, там, где учились, – в селах Архангелка и Николаевка.

В начале 1940-х годов на центральной усадьбе Приишимского совхоза начали строить саманную школу, которая размещалась там, где сейчас находится школьная мастерская. В 1943 г. строительство новой школы было закончено, она переехала в новое здание, здесь открылся 5-й, а затем 6-й и 7-й классы. В строительстве школы принимали участие старожилы села Ф.С. Карамышев, Федосья Каканова, Вера Димитрова, Прасковья Науменко и другие.

В годы войны ученики принимали активное участие в сельскохозяйственных работах. В основном все работы выполняли женщины, старики и подростки. По окончании 7-го класса девочек на следующее же утро отправляли в Бексеит ухаживать за ягнятами, мальчики работали в сенокосной бригаде. Детям приходилось чистить кошары, обмазывать их, возить и скирдовать сено. Во время уборки урожая, зерно возили с полей на быках, вручную на веялках очищали его. Зимой пионеры и комсомольцы принимали участие в сборе теплых вещей и продуктов, которые отправляли для бойцов на фронт. Вместе с родителями ученики сушили картофель, сухари, толкли табак. Девочки в школе вечерами шили и вышивали бойцам кисеты.

Машин в то время почти не было. На полуторках работали Е. Вегель и Алибаба. В основном они возили горючее для тракторов со станции Мамлютка.

В большинстве семей ощущался недостаток в питании, одежде. Во многих семьях на фронте погибли отцы: это Соморуковы, Стругановы, Мельниковы, Воскобей, Щукины, Чаплыгины, Юдаковы, Стригуновы. В семье Милентьевых сначала погиб отец, вскоре умерла мать. Отдали свою жизнь за Родину и совсем молодые военнослужащие Петр Индюк, Иван Халой, Гриша Браташ, Д. Замиралов, П. Котляр. Тяжело раненым вернулся с фронта классный староста Виктор Задорожный.

Несмотря на все трудности, дети работали и учились. Средней школы в селе не было. Старшеклассники зимой и летом ходили или ездили на подводах в Николаевку, Архангелку, Марьевку, Пресновку. Когда старшеклассников стало много, родители, школа, общественные организации стали ходатайствовать об открытии при центральной усадьбе совхоза средней школы.

В 1955 г. было построено новое кирпичное здание школы, в 1956 г. открылся 8-й, потом 9-й и 10-й классы. Сельская школа, начиная с момента ее открытия, постоянно

была на хорошем счету как по успеваемости, так и по дисциплине, по кружковой, пионерской и комсомольской работе. Из стен школы вышли сотни учащихся, которые с успехом трудились на самых различных участках производства и в самых разных местах России и Казахстана.

Много лет работал директором школы Петр Семенович Шкабура, наш сосед по дому. Его работа была очень трудной и ответственной. Кроме основной работы, он также выполнял общественную. Министерством образования Казахской ССР Петр Семенович был награжден знаком «Отличник народного образования» и орденом «Знак Почета».

Вот в этом совхозе начала обустраиваться и наша семья. Нам выделили двухквартирный домик. Отца приняли на работу. Он возглавил небольшую плодово-овощеводческую ферму, где выращивали яблоки, смородину, малину, землянику, овощи. Он с воодушевлением погрузился в эту интересную и новую для него работу. Ферма была расположена недалеко от дома, за озером. Отец запрягал лошадку Серко и с удовольствием, видимо, вспоминая свою молодость, ездил на ходке к месту работы.

Хочу подробнее остановиться на близких мне людях, которые жили в совхозе.

Самой колоритной фигурой был, конечно, директор – мой дядя Андрей Васильевич Донченко. Это был крупный мужчина, красивый, статный, с юмором. При необходимости мог жестко, даже грубо поставить на место того или иного работника хозяйства, даже специалиста, если он качественно не выполнял работу. Начал он свою трудовую деятельность пастухом у богатого крестьянина Ивана Осьмака. За работу, как вспоминал Андрей Васильевич, Осьмак сытно его кормил, хорошо платил, чем значительно помог большой семье его отца Ивана Васильевича, моего деда.

В 1929 г. стали создаваться колхозы и МТС. В селе Троицкое был создан совхоз Кзыл-Аскерский (Красный воин), в котором Андрей Васильевич устроился в пекарню помощ-

ником пекаря, впоследствии он стал хорошим специалистом этой профессии. В 1932 г. Андрей Васильевич женился на Нине Федоровне Жандармовой, с которой прожил всю жизнь. Нина Федоровна была крепкой сибирской казачкой, хорошо пела, стряпала, была доброй и хлебосольной. Я и до настоящего времени помню вкус ее бубликов. В семье Андрея Васильевича родились пятеро детей. В 1933 г. Андрея Васильевича призвали в армию. Служил он в береговой охране Владивостока на острове Русский в роте связи. Служба связи требовала грамотности, а у Андрея Васильевича в то время было всего три класса церковно-приходской школы. Он служил и одновременно учился в находящейся при воинской части вечерней школе, где экстерном сдал экзамены за семь классов. После этого он был зачислен в школу младших командиров. После демобилизации в 1936 г. Андрей Васильевич приехал домой в с. Троицкое, где был организован совхоз «Троицкий». Забрав семью, жену и родившегося, когда он был в армии, сына Владимира, моего двоюродного брата, уехал в село Явленка, центр Ленинского района Северо-Казахстанской области. Там он устроился на работу в районном отделении связи по своей армейской специальности. Андрей Васильевич в армии показал себя хорошим спортсменом. Учитывая это, ему вскоре предложили работу в райкоме комсомола инструктором по физической культуре и спорту.

В 1937 г. 11 февраля в семье Андрея Васильевича родился второй сын Борис. Проживать на съемной квартире им стало накладно, и семья переехала в Тарангульский совхоз этого же района, где его назначили замполитом по комсомольской работе (в хозяйстве тогда были организованы политотделы). Совхоз был молочного и мясного направления, разводили герефордскую породу крупного рогатого скота. В хозяйстве было три отделения. Кроме крупного рогатого скота содержали свиней, выращивали подсолнечник, сажали картофель. Вскоре Андрея Васильевича назначили начальни-

ком политотдела этого совхоза. Директором Тарангульского совхоза тогда был Касым Искакович Искаков, кавалер ордена Ленина, главным зоотехником – Манкевич (погиб на фронте), главным ветврачом – Куделко, главным агрономом – Капитолина Николаевна Крюкова (жена Манкевича).

Судьба Капитолины Николаевны Крюковой очень интересная, тесно связанная с судьбой моего дяди. Капитолина Николаевна работала с Андреем Васильевичем в Приишимском совхозе агрономом. Она, имея глубокие знания сельскохозяйственного производства, богатый жизненный опыт, прошла многие ступени власти вплоть до председателя президиума Верховного Совета Казахской ССР (1960 г.).

Интересны и судьбы их детей. Дети Андрея Васильевича дружили с детьми Капитолины Николаевны. Когда она работала в Верховном Совете Казахской ССР, ее дочь Людмила и моя будущая супруга Валерия учились в одном классе и были очень дружны.

За период работы Андрея Васильевича в Тарангульском совхозе в семье родились три дочери. Первые две умерли в раннем возрасте, а последняя Тамара 1942 года рождения к большой их радости осталась жива и здорова. О дальнейшей судьбе детей Андрея Васильевича я расскажу позже.

Тарангульский совхоз в то предвоенное время успешно развивался, имел высокие производственные показатели. Народ жил дружно, имел неплохой личный достаток. В 1940 г. политотделы в хозяйствах упразднили, Андрея Васильевича избрали освобожденным секретарем партийной организации этого совхоза.

Вскоре пришла лихая беда – 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Вновь были образованы политотделы и машинотракторные станции (МТС). Андрея Васильевича направили работать начальником политотдела в Кзыл-Аскерский совхоз, где он в юности трудился в пекарне. Наша семья: мама, бабушка, брат и я – тоже жила в этом совхозе. Перед войной мы вынуждены были уехать из

Читы (в Забайкалье всем хорошо известны события на Халкин-Голе). Отец остался в армии и принял участие в военных действиях с японцами.

Шла война, появились первые эвакуированные с запада нашей страны беженцы, особенно много их было с Украины и Кавказа. Здесь большое значение отводилось политработникам, так как люди были шокированы, потрясены лихолетьем. Их надо было подбодрить, устроить на работу, обеспечить хотя бы каким-то жильем. Эвакуированные беженцы все это отлично понимали и трудились и днем, и ночью. Андрей Васильевич в 1943 г. подал рапорт с целью отправки его на фронт. Рапорт удовлетворили, и в июле 1943 г. его призвали в армию. Провожали его всем совхозом, так как моего дядю уважали и любили за общительность и заботу о людях.

Жили наши семьи дружно и переживали вместе за судьбы близких, которые служили в армии. Мы жили в небольшой комнате с кухонькой в бараке, держали корову, кличка ее была Красуля. Помню очень сильные морозы, большие сугробы, завывание ветра и вой волков из близлежащих лесов. Мама работала продавцом в сельпо, брат учился в школе. Бабушка хлопотала по хозяйству, а я, как босяк, бегал и играл в войну вместе с местными ребятами. Мы, дети войны, были всегда голодными, несмотря на то, что лучший кусок в семье всегда отдавали детям. Жизнь наша была горьковатой, но разнообразной, были и радости, и огорчения. В это время в действующей армии находился еще один мой дядя – Иван Васильевич, младший брат моего отца, и мой двоюродный брат Павел Маркович Пустовой.

Нахождение в армии Андрея Васильевича в качестве политработника было недолгим. ЦК КПСС, несмотря на тяжелое положение на фронте, для укрепления руководителей сельскохозяйственных предприятий отозвал многих специалистов из армии и направил работать в хозяйства. В 1943 г., когда ему было 33 года, Андрей Васильевич стал директором

Приишимского совхоза. В этой должности он проработал до 1972 г., то есть 29 лет. За этот период совхоз стал передовым хозяйством в Северо-Казахстанской области. Андрей Васильевич был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многими медалями. Неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР и членом ЦК Компартии Казахстана, был отличником просвещения и отличником здравоохранения Казахской ССР.

Я очень хорошо помню, как однажды Андрей Васильевич гостил в моей семье. Он был тогда на сессии Верховного Совета Казахской ССР в Алма-Ате. Сидели за столом, обедали, и вдруг звонок из приемной председателя Верховного Совета Казахской ССР. Попросили Андрея Васильевича, он взял трубку и очень волновался во время разговора, лицо его то бледнело, то краснело. Закончив разговор, он долго не мог собраться с мыслями. Успокоившись, сказал: «Звонила Капитолина Николаевна Крюкова», и с восторгом выпалил: «Мне присвоили звание Героя Социалистического Труда».

С Андреем Васильевичем мне приходилось тесно контактировать на протяжении практически всей его жизни. Начиная с младенческого возраста, когда он нянчился со мной (по его рассказу я его даже один раз описал, когда спал вместе с ним). Была целая эпоха наших отношений, когда я был трактористом, потом веттехником на ферме и главным врачом совхоза. Впоследствии, когда я работал в Алма-Ате, Гурьеве и в Новосибирске, он всегда внимательно выслушивал мои рассуждения, очень мягко давал советы по работе. Я ни разу не слышал от него каких-то грубых фраз, даже если я где-то допускал грубые ошибки в своей работе. Кстати, в Приишимском совхозе в то время практически нас был целый родовой клан, но все мы были добросовестными работниками. Мне пришлось видеть Андрея Васильевича в зрелом возрасте и тогда, когда он болел и ему сделали опера-

цию. Он остался без ноги, ходил на костылях. На все это было больно смотреть, но он не показывал вида, всегда шутил, спрашивал у меня о моей научной работе (я тогда работал в Новосибирске), советовал, как лучше организовать работу по внедрению научных разработок в сельскохозяйственное производство. Я, уже сам глава семьи, часто задумывался, почему он так тепло со мной обращался. Все, на мой взгляд, было просто. Он следил за моим продвижением по работе, переживал за меня, так как я один из близких ему родственников непосредственно работал в сельском хозяйстве, начинал с низов и достиг достаточно впечатляющих для нашей большой семьи показателей в научной деятельности. В отличие от меня его дети посвятили жизнь преподаванию в школе, техникуме и институте. Видимо, то, что они близко не были связаны с сельским хозяйством, его немного огорчало, но он ни с кем никогда не говорил на эту тему. Вероятно, поэтому он относился ко мне по-отечески и с большим вниманием.

Моя жизнь и жизнь моей семьи в дальнейшем будет на многие годы тесно связана с судьбой наших родственников. Я более подробно описал жизнь семьи Андрея Васильевича, моего любимого дяди, потому что хотел показать, как в то время жили люди, в каких социально-экономических условиях продвигались по карьерной лестнице (не шли по жертвам) и какие из них получились руководители.

Вот к такому руководителю Приишимского совхоза, его семье, близким родственникам наша семья – Семена Васильевича Донченко – и перебазировалась из Слуцка Белорусской ССР.

Окончание школы, получение среднего образования

Задавая домашнее задание,
учителя метят в учеников,
а попадают в родителей.

Жорж Сименон
(1903–1989 гг.)

Вот и Казахстан... Надо дальше продолжать школьное обучение. В Приишимском совхозе, где мы начали обустраивать свою жизнь, была только семилетняя школа. Ближе к совхозу располагалась средняя школа в селе Николаевка. Село основано в 1894 г. крестьянами-переселенцами из России, расположено на левом берегу реки Ишим. Там мне пришлось заканчивать 9-й класс. Директором школы был Василий Прокопьевич Олейник, первый целинник, большого роста, всегда спокойный и вежливый. Запомнился мне и преподаватель русского языка Павел Сергеевич Слухоевский, видимо, тем, что он меня часто нахваливал на уроках. Математику преподавал Давид Петрович Эйхнер, рассудительный пунктуальный человек. Школа в Николаеве была старенькой, одноэтажной, деревянной. Не всегда в школе был электрический свет, бывали случаи, когда мы учились при керосиновых лампах. Жил я на съемной квартире вместе с моим двоюродным братом Владимиром, сыном Андрея Васильевича. Володя старше меня на 6 лет, он уже в это время окончил институт и преподавал в школе физику и математику. Правда, он не преподавал в нашем классе, но при необходимости я у него консультировался, особенно по решению задач по математике и физике.

В школе учились 78 человек. В 1964 г. было построено типовое двухэтажное здание, в 1986 г. – трехэтажное. В 2015 г. школе присвоили имя Аскара Игбаевича Игбаева. Он родился в семье простого крестьянина в селе Берлик Приишимского района. Начальную школу окончил в Берлике,

затем продолжил обучение в Петропавловске, где окончил 10 классов с серебряной медалью. За время учебы Аскар Игбаевич проявил себя активным общественником. Видно, эта активная жизненная позиция подтолкнула Аскара Игбаевича к изучению гуманитарных наук, поэтому он поступил в Казахский государственный университет им. С.М. Кирова на исторический факультет. В 1954 г. по окончании учебы по комсомольской путевке он уехал работать в сельскую местность, в Николаевскую среднюю школу. С 1956 по 1992 г. он возглавлял педагогический коллектив школы, в которой учились 1500 человек. Аскар Игбаевич очень много сделал для развития школы: были построены новые здания, школа многие годы занимала первые места в области. Неудивительно, что его именем названа Николаевская средняя школа.

От совхоза Приишимский Николаевская школа находилась примерно в 10–15 километрах, если идти пешком напрямую через лес и перелески. После учебы свободное время мы проводили в Доме культуры, где шли различные фильмы, в фойе играли металлическими шарами на старом бильярде. Это было по тем временам даже очень неплохое развлечение. Летом ходили купаться на реку Ишим.

Учеба мне давалась легко, так как я до этого учился в Слуцке в школе, как мне казалось, с более высоким уровнем преподавания. Беда для меня была в том, что в Слуцке я изучал английский язык, а в Николаевской школе преподавали только немецкий. Понятно, что кроме «хендэ хох» я практически ничего не знал. Затрудняло изучение этого языка и то, что преподаватель был по национальности казах, не очень хорошо говоривший на русском языке. Немецкий язык он выучил в период, когда находился в плену у немцев. Так что у нас были очень интересные занятия. Географию преподавала молодая учительница Зинаида Михайловна Олейник, очень спокойная, всегда опрятно одетая, говорила тихим голосом, но достаточно строгая. Так получилось, что она в период моей учебы в Николаевской школе стала женой моего

двоюродного брата Владимира Андреевича, с которым и до настоящего времени живет в Петропавловске. Владимир Андреевич и Зинаида Михайловна всю жизнь преподавали в школе. Владимир Андреевич был директором двух школ в Петропавловске, а до этого он с Зинаидой Михайловной переехал из Николаевки в Приишимский совхоз, там они длительное время учили детей в средней школе. У них родились двое детей: Вячеслав (1956 г.) и Ирина (1967 г.). Вячеслав окончил Целиноградский сельскохозяйственный институт, стал инженером, трудился в хозяйстве, возглавлял Тарангульский совхоз, где ранее работал его дед Андрей Васильевич. В настоящее время Вячеслав предприниматель, у него и его жены Галины Ивановны Черновой двое замечательных сыновей – Денис (1980 г.) и Владимир (1985 г.). Они успешно трудятся на благо Казахстана и России. Дочь Владимира Андреевича Ирина (1969 г.) много лет работает в администрации одного из районов Новосибирска, ее племянник, сын Вячеслава Владимировича, Владимир трудится в Новосибирске в Сбербанке.

К концу 1955 г. моему отцу предложили работу в качестве заместителя председателя райисполкома в Пресновке – районном центре Пресновского района. В селе Пресновка нам предоставили отдельный дом, где жил его предшественник Нель Адгамович Болатбаев – второй секретарь Пресновского РП Казахстана, впоследствии знаменитый человек, многие годы работавший председателем Северо-Казахстанского облисполкома (1970–1986 гг.). Нель Адгамович был участником Великой Отечественной войны, прошел большой производственный путь, прекрасно проявил себя при освоении целинных и залежных земель Северо-Казахстанской области, много сделал для подъема ее агропромышленного комплекса. Заслуги Н.А. Болатбаева отмечены орденами Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета». В честь его названа одна из

улиц Петропавловска. Он был очень дружен с моим дядей Андреем Васильевичем и моим отцом. Мне тоже приходилось не раз с ним встречаться, тем более он, имея высшее партийное образование, в 1964 г. окончил Ленинский сельскохозяйственный техникум, чтобы освежить знания по сельскому хозяйству.

После переезда нашей семьи в Пресновку, я начал учиться в 10-м классе Пресновской средней школы. Это село тогда и в настоящее время является райцентром Пресновского (Жамбыльского) района. В 2009 г. там проживали 5725 человек. Это одно из старейших линейных русских поселений не только в Северном Казахстане, но и в Западной Сибири. Станица Пресновка возникла в 1752 г. на пограничной для того времени линии, называемой в официальных бумагах «десятиверстною полосою». Во исполнение сенатского Указа с 1752 г. началось возведение Новоишимской (Горькой – по цепи горько-соленых озер) линии, которая кратчайшим расстоянием в 565 верст соединила Омск и Звериноголовскую станицу. Объекты «Горькой линии» сооружались одновременно на всем протяжении летом 1752 г. в пределах нынешней Северо-Казахстанской территории области. Были возведены 11 крепостей, 33 редута и 42 маяка, среди них и крепость Пресновская. Крепость была четырехугольной, построенной по типовому проекту. При крепости были станичное управление, церковь, казачья школа. В словаре Брокгауза и Эфрона про нее написано: «Пресновская – бывшая крепость Ишимской, или Горькой, линии, ныне казачья станица Пресновского станичного юрта сибирского казачьего войска, Акмолинской области, Петропавловского уезда». В то время там жили около 1400 так называемых сибирских казаков, которые несли службу по охране границы по "Горькой линии"».

По другой версии, Пресновка была образована в 1894 г. К осени этого года в эту местность, в район родника, прибыли первые переселенцы из Украины, трое крестьян, му-

жиков. Известна фамилия одного из них – Тарас Кирнос. Они вырыли возле ручья землянку и там перезимовали. По весне, вспахав землю и посеяв остатки зерна, поехали за своими семьями. Все лето на телегах добирались до нового места. Так, по этой версии, 1 октября 1895 г. (по старому стилю) вблизи озера образовалось поселение, которое и назвали Пресновка. Хотели вначале поселиться здесь же у озера, да вода в нем оказалась соленой. Пришлось перебраться к другому озеру с пресной водой.

Первоначально село Пресновка относилось к Тобольской губернии Ишимского уезда Соколовской волости. В начале XX в. (1911 г.) в нем уже проживали «808 душ мужского полу и 710 душ женского полу». В основном это были переселенцы из Киевской, Полтавской, Черниговской, Херсонской губерний Украины. К этому времени в селе уже существовали церковь, церковно-приходская школа и, что очень интересно, общество трезвости.

Церковь была деревянная на каменном фундаменте с одним куполом (однокрестовая), названа в честь Святой Троицы. При церкви была колокольня. Сама церковь построена в 1906 г. на средства фонда императора Александра III усилиями самих жителей-прихожан.

Церковно-приходская школа была открыта в 1907 г., в 1911 г. в ней обучались 95 детей. В Пресновке в 1907 г. образовали Общество трезвости, которое содержало читальню, чайную и мелочные лавки. В селе Ишимском, в 60 верстах от Пресновки, находилась участковая больница.

Главным занятием сельчан было земледелие, скотоводство в то время было развито слабо. Зажиточные крестьяне засевали до 50 десятин земли, середняки – по 20, а бедняки – 3–4 десятины. Трудно приходилось переселенцам на новых местах. Землю обрабатывали деревянной сохой и боронами. Вручную выделывали холст, сукно, валенки. Хлеб жали серпами, вязали в снопы и молотили вручную железными цепами. Только после 1910 г. появились первые маши-

ны для обработки зерна с ручным приводом или на конной тяге.

В 1918 г. в Пресновке установилась Советская власть. Первым председателем сельского совета стал Степан Бородавкин. Село в это время было большое и красивое, все в зелени, особенно много было высоких тополей.

С 1920 г. были организованы первые кооперативы, которые с 1926 по 1929 г. объединили в коммуну. В 1930 г. организован колхоз «Совет Пролетария», первым председателем которого избрали Павла Григорьевича Воробьева. Первые колхозные годы были трудными. В 1931 г. случился неурожай, жители и работники колхоза стали уезжать из села. Население в Пресновке резко сократилось.

До 1938 г. в колхозе имелось всего три трактора, на которых работали Иван Гусев, Кузьма Будин, Семен Кляцких. Трактора были без фар, в ночное время женщинам приходилось по очереди ходить по полю впереди трактора с фонарем, так как работали круглые сутки, посменно. В труде женщины не отставали от мужчин. Особенно в этом плане были отмечены первые комсомолки-активистки Пелагея Шилова и Анна Сербина.

С 1938 г. в колхоз стала поступать новая техника, но комбайны все еще приходилось тянуть быками. Постепенно сельское хозяйство стало подниматься. Механизация пришла на смену старым орудиям труда. Стали возвращаться уехавшие ранее люди. Население стало многонациональным. В 1940 г. колхозу присвоено имя И.В. Сталина.

Новый колхоз не успел набрать производственные силы, как грянула Великая Отечественная война. На фронт из села ушли все мужчины, остались женщины, старики и дети. Из 37 мужчин, ушедших на фронт, домой возвратились только семеро. В настоящее время в селе стоит окруженный тополями обелиск в память павших на полях сражений Великой Отечественной войны героев-сельчан.

Всю тяжесть войны вынесли на своих плечах замечательные труженики Е.Л. Корнет, А.П. Лупаревич, Н.Т. Губер, М.М. Горшкова и многие другие. На их плечи легло и восстановление разрушенного хозяйства. Многое пришлось им пережить в те годы. Трудно было, но люди работали не покладая рук, на совесть, старались, чтобы как можно быстрее хозяйство вновь поднять на ноги и жизнь стала богаче и краше.

В Пресновку на освоение целины было направлено 20 человек. Из них организовали бригаду «Целинная», которая на тракторах ДТ-54 распахивала новые участки земли. Для многих целинников эта земля стала вторым родным домом. Так, навсегда остались в Пресновке Н.Д. Буряков, В.В. Ходаковский, А.Д. Пазыч, П.Г. Гриб. Эти люди и их дети до сих пор помнят, как начиналась целина, как ставили первую палатку в степи и проложили первую борозду, как впоследствии целина надела золотой наряд из пшеничных полей.

Постановлением Совета Министров Казахской ССР 2 марта 1972 г. на базе двух отделений Петропавловского совхоза был создан совхоз «Лесной» с центральной усадьбой в селе Пресновка. Село Глубокое стало отделением № 2 совхоза. Сельскохозяйственное производство было направлено на селекцию с целью улучшения генофонда крупного рогатого скота, производство картофеля и выращивание зерновых. Первым директором совхоза «Лесной» был назначен Сабит Сыздыкович Кеженев.

Перед коллективом нового совхоза стояла задача – получить максимальную прибыль не только экстенсивным путем, то есть расширением посевных площадей, увеличением поголовья, а прежде всего за счет интенсификации производства. Первый же год после основания совхоз дал ошеломляющие по тем временам результаты. Селекционная работа по выращиванию высокоудойных коров, повышение плодородия земли, большой объем в строительстве, ударный

труд всех передовиков – все это позволило добиться хороших производственных успехов. Был построен отапливаемый гараж и МТМ, сдана в эксплуатацию общественная баня, магазин промышленных товаров, совхозная контора. Детский сад переехал в кирпичное здание, вступила в строй котельная, которая отапливала школу, клуб, контору, баню, детский сад и первые восемь благоустроенных квартир.

В 1973 г. за передовые достижения в развитии сельского хозяйства директор С.С. Кеженев был награжден орденом Ленина.

В настоящее время Пресновка – красивый, зеленый, ухоженный, с добротными домами районный центр. Мирно живут и трудятся здесь люди разных национальностей и поколений, воспитывая у своих детей и внуков любовь к Родине, глубокое почтение к традициям и обычаям своих предков.

Пресновская средняя школа, которую я окончил в 1956 г., имеет свою историю. С 1909 до 1917 г. она была начальной школой и размещалась в небольшом здании. Обучение было раздельным. В 1917 г. открылось высшее начальное училище, соответствующее современным восьми классам обучения. В начальных классах директором школы второй ступени была Нина Сергеевна Шевелева. Во время кулацких восстаний учителя школы Н.С. Шевелева, М.С. Садчикова, В.М. Воропаев были расстреляны.

До 1925 г. школой руководил Н.Н. Тумысов. В то же время открыли первую школу крестьянской молодежи в Казахстане. Заведовал ею Г.Д. Овчинников. Позже школа получила название районной, где директором была Т.В. Овчинникова, ее сменила Казанцева.

Первый выпуск Пресновской средней школы состоялся в 1938/39 учебном году. Десятый класс закончили всего семеро учеников. В предвоенные годы директором был И.И. Прядко. В 1940/41 учебном году школу закончили 22 человека. С 1939 г. средняя школа выпустила 3720 учеников, 148 уча-

щихся закончили среднюю школу с отличием и являются ее гордостью. В 1975 г. школа стала работать в новом типовом здании. Учителя П.П. Шухова, Е.И. Лысакова, Д.А. Дюгай, Д.П. Эйхер, С.Г. Телепин и многие другие внесли большой вклад в образование и воспитание подрастающего поколения.

В апреле 1978 г. Постановлением Верховного Совета Казахской ССР Пресновской школе было присвоено имя писателя-земляка Ивана Петровича Шухова. Присвоение школе имени И.П. Шухова не случайно. Знаменитый писатель-публицист родился в Пресновке. В своих произведениях он описывал быт и жизнь крестьян, сибирских казаков, жителей казахских степей. Кто читал его прекрасную книгу «Горькая линия», тот сможет понять, как жили люди в то непростое время, каков был их быт, о чем они думали, какие трудности и беды испытывали. Чувствуется глубокая заинтересованность писателя судьбами героев книги, искренняя любовь к ним, к Родине. Ему было незатруднительно писать о тех временах, потому что еще было живо старшее поколение сибирских казаков, жителей казахских степей, от которых он смог черпать все необходимые материалы для создания своих произведений.

Иван Петрович Шухов родился 6 августа 1906 г. в станице Пресновской Петропавловского уезда. Его отец Пётр Семёнович Шухов был гуртоправщиком. Мать Ульяна Ивановна, будучи неграмотной, знала множество русских народных сказок, прибауток, поговорок, песен. Мальчик много ездил с отцом по казахской степи, что позже отразил в автобиографических «Пресновских страницах», повестях и романах, романтических новеллах. Получил образование в Петропавловском педагогическом техникуме, затем учился на рабфаке в Омске и Литературном институте в Москве. С конца 1920-х годов будущий писатель работал журналистом. Он отмечал: «К литературе я пришел из газеты». В течение 11 лет Шухов руководил изданием республикан-

ского литературно-художественного журнала «Простор», который в 1960–1970-е годы был значительным явлением культурной жизни Казахстана, имел своего читателя и дал путевку в жизнь многим казахстанским прозаикам и поэтам. Впечатления детства и юности, а также жизненный опыт, накопленный во время журналистских поездок, вылились в два первых романа «Горькая линия» и «Ненависть», опубликованных в 1931 г. Романы молодого писателя были высоко оценены Максимом Горьким и впоследствии неоднократно переиздавались. В 1935 г. вышла в свет книга «Родина», в 1940-м – «Действующая армия». После Великой Отечественной войны одна за другой публикуются «Облик дня», «Покорители целины», «Золотое дно», «Степные будни», «Родина и чужбина», «Степные ночи Америки». Наряду с литературной и журналистской деятельностью, Шухов занимался переводами великих казахских писателей Мухтара Ауэзова, Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Габидена Мустафина.

Иван Петрович много трудился для развития литературы, публицистики, культуры края. Его произведения оставили заметный след в истории русской литературы Казахстана. Скончался он 30 апреля 1977 г. в Алма-Ате.

В станице Пресновке Иван Петрович Шухов построил на трудовые гонорары большой дом около озера. Из окон дома видна прекрасная панорама озера, красивые берега и невдалеке – сама станица Пресновка. В настоящее время здесь находится музей писателя И.П. Шухова. Знающие его люди, в том числе мой отец и дядя Андрей Васильевич, говорили, что он был немногословен в общении, даже скупым на слова. Видимо, хорошо знал цену душевной энергии, которую трудно восстановить в том непростом мире, в котором он жил. Иван Петрович не раз бывал в Приишимском совхозе, где его хлебом-солью встречали мой дядя и его супруга Нина Федоровна. В доме-музее есть фотография, где запечатлены Иван Петрович Шухов и мой дядя Андрей Ва-

сильевич Донченко, директор Приишимского совхоза, при посещении писателем его хозяйства. Мой двоюродный брат Владимир Андреевич рассказывал, как часто сопровождал Ивана Петровича на автомашине до Пресновки. Он отмечал его простоту в общении, широту знаний, искренний интерес к различным технологиям производства в сельском хозяйстве.

В Доме-музее И.П. Шухова хранится более 2550 экспонатов и документов, собранных родственниками и односельчанами писателя. Кроме документов, книг и рукописей писателя в фондах представлены многочисленные фотографии и киноматериалы. Традиционным в Пресновке стали ежегодные «Шуховские чтения». Они проводятся на усадьбе Дома-музея в виде литературных встреч писателей и поэтов Казахстана. В юбилейные даты организуются большие фольклорные праздники, литературные вечера, читательские конференции. На праздник съезжаются гости из соседних районов области, звучат песни в исполнении фольклорных ансамблей.

В Пресновской школе с нами училась дочь И.П. Шухова, скромная и умная девочка.

Сама Пресновская станица интересна своими строениями. Памятник архитектуры –дом купца Боярского. Он построен в 1915 г. скототорговцем Боярским. Здание кирпичное, одноэтажное, с декоративными элементами на уличных фасадах в виде вертикальных полукруглых пилястр по обеим сторонам оконных проемов, фигурных сандриков сверху и снизу по всей плоскости наружных стен. В 1918 г. Боярский добровольно передал дом в распоряжение органов Советской власти. С этого года в здании разместилась районная больница, где некоторое время работал врачом сын Боярского. В 1974 г. больницу перевели в новое здание, а дом передан правлению Островского совхозрабкоопа. В 90-х годах в нем размещался Дом детского творчества, затем районный налоговый комитет, в настоящее время – редакция местной газеты «Ауыл-Арайы».

Районный Дом культуры Пресновки славится своим самодеятельным театром. Он создан в 1912 г. коллективом учителей Пресновской сельской школы. В 1959 г. ему присвоено звание Народного театра. Художественным руководителем этого коллектива с 1955 по 1976 г. был заслуженный работник культуры Казахской ССР В.Е. Дробышев. Он поставил более 100 спектаклей. Народный театр – лауреат Республиканского смотра народных театров (1974, 1981 гг.), участник фестиваля народных театров Средней Азии и Казахстана, проводимых под названием «Рамка дружбы» в Кокшетау (1984, 1989 гг.).

В Пресновке установлены памятники односельчанам, погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной войны, в том числе комиссару Кириллу Осиповичу Раевскому, зверски замученному в 1919 г. белогвардейцами в Пресновке. Кирилл Осипович Раевский 1829 года рождения, чуваш, выходец из деревни Старое Сережкино (ныне Черемшанского района Татарстана). До окончания гражданской войны деревня входила в состав Старо-Кувакской волости Бугульминского уезда Самарской губернии. До 1916 г. фамилии в деревне давали по имени отца, поэтому Кирилл Осипович вначале носил фамилию Осипов. Он окончил Казанскую школу прапорщиков, участник Первой мировой войны. За братание с немецкими солдатами и пропаганду против войны был арестован и заключен в Витебскую крепость. Освобожден после февральской революции. Перед захватом колчаковцами Бугульмы (1918 г.) командовал отрядом, к осени 1919 г. уже был комиссаром 310-го полка 5-й дивизии Красной Армии.

Именами директора школы Н.С. Шевелевой и учительницы М.С. Садчиковой, расстрелянных в годы Гражданской войны, названы улицы в селе Пресновка.

В 1937 г. в Пресновке проходил открытый показательный судебный процесс над группой руководящих работников района. Суд проходил 23 сентября по 3 октября 1937 г. по уго-

ловному делу, возбужденному Северо-Казахстанским УНКВД против В.С. Конюхова – первого секретаря райкома партии, К. Капарова – председателя райисполкома, Н. Уразбаева – заведующего районным отделом образования, К. Фазылова – прокурора района, А. Майкотова – народного судьи, С.Г. Калугина – заведующего районным земельным отделом, А.М. Гаменюка – председателя колхоза, И.И. Гребешка – председателя колхоза. Им было предъявлено обвинение в «проведении контрреволюционной, национал-фашистской работы, направленной на низложение Советской власти, реставрацию капитализма». Спецколлегия областного суда приговорила В.С. Конюхова, К. Капарова, Н. Уразбаева, К. Фазылова к высшей мере наказания – расстрелу, остальных к различным срокам заключения (от 8 до 10 лет). Необоснованность и тенденциозность по делу определил Верховный суд СССР, рассмотревший дополнительно в 1940 г. материалы по судебному процессу по ходатайству родственников. Действия осужденных были переквалифицированы со статьи 58 на статью 109 УК СССР (злоупотребления служебным положением). Но четверо из восьми уже были казнены. Пленум Верховного суда СССР от 23 сентября 1959 г., рассмотрев протест Генерального прокурора СССР, отменил приговор за отсутствием состава преступления.

В Пресновке некоторое время проживал русский ученый, исследователь Сибири и Центральной Азии, в том числе востока, юго-востока и севера Казахстана Григорий Николаевич Потанин (1835–1920 гг.). Григорий родился в станице Урлютюбинской Павлодарского уезда. Его отец Николай Ильич, казак редута Островского станицы Пресновской, был незаурядным человеком. Вскоре умерла мать, и мальчик был отвезен в станицу Пресновскую, где на попечении тетушек провел свои детские годы вплоть до поступления в Омский кадетский корпус, где подружился со своим сверстником Ч. Валихановым. Потомок степного аристократа и сын казачьего офицера сблизились на почве любви к родному

краю, неуемной страсти к знаниям, искренней веры во всемогущество просвещения, которое, по их мнению, только и способно принести счастье народам.

Только по прошествии многих лет я стал понимать, в какое необыкновенное время и с какими выдающимися людьми я учился, дружил, занимался спортом, проводил свободное время, вел откровенные беседы.

Первого сентября 1955 г. я стою у входа в школу. Мимо меня проходят веселые нарядные ученики, не обращая на меня никакого внимания. Смотрю, рядом со мной стоит парень в невзрачной одежде, озирается по сторонам, тоже разглядывает прохожих. Наши взгляды встретились, и я понял, что он такой же новичок, как и я. Познакомились, договорились вместе держаться, особенно в первые месяцы учебы. Этот эпизод у меня хорошо сохранился в памяти, потом, к сожалению, этого парня я потерял из поля зрения. Я быстро освоился в большом коллективе моего нового 10 «а» класса, сдружился с большинством ребят. У нас появились общие интересы, особенно спорт: волейбол, шахматы, гимнастика, футбол. Здесь я себя чувствовал прекрасно, особенно в волейболе и шахматах. В школе была приличная волейбольная команда. Я волейболом занимался, еще учась в школе Слуцка, имел второй юношеский разряд, поэтому меня приняли в школьную команду. В то время техника игры в волейбол разительно отличалась от сегодняшней. Мячи мы брали пальцами рук снизу, падая под него. Мне это очень хорошо удавалось. Тогда не отбивали мячи тыльной стороной нижней части рук, как делают сегодняшние спортсмены-волейболисты. Когда я переехал работать в поселок Краснообск Новосибирской области и в возрасте 41–42 года вновь начал играть в волейбол, долго учился этому приему, но в конечном итоге его освоил.

Возле школы было небольшое футбольное поле. Мы жили недалеко от школы, и я часто проводил время, играя на этом поле в футбол. Я хорошо бегал, сильно бил по мячу и

водил его левой ногой (я левша). Все это неплохо получалось, поэтому постоянно играл в школьной команде. Призы мы выигрывали с большой помпой, их передавали в учительскую школы. Часто мне приходилось принимать участие и в школьных турнирах по шахматам.

Директором школы в это время работала Александра Степановна Савина, которая преподавала химию. Особенно мне запомнилась учительница русского языка Августа Ильинична Такмина. Мне в то время казалось, что она несправедлива ко мне, занижает преднамеренно оценки, придирается по пустякам. Она часто при моих ответах делала замечания по поводу моего украинско-белорусского произношения буквы «г». «Когда вы перестанете гэкать при ответах на уроках», – ставила мои недостатки речи мне в укор.

Встретив однажды в Петропавловске бывшего моего учителя русского языка по Николаевской средней школе Павла Сергеевича Слухоевского, я пожаловался на Августу Ильиничну. Мол, вы мне ставили хорошие отметки, хвалили меня, а здесь все наоборот вплоть до мелких придирок. Он мне спокойно, рассудительно разложил все нюансы наших недопониманий, успокоил меня, обратил внимание на мои неправильные действия, сказав: «Надо проанализировать создавшуюся ситуацию». Видимо, этот разговор не прошел бесследно. Я стал спокойнее вести себя на уроках русского языка, успешно сдал выпускные экзамены по этому предмету, хотя сильно волновался, особенно во время экзамена по сочинению. По прошествии многих лет я осознал свои ошибки во взаимоотношениях с конкретным учителем, полностью избавился от разговорного «гэканья».

Очень интересно преподавал уроки учитель истории. Этот предмет я любил, много читал и, видимо, знал об этом предмете шире школьной программы. Особенно хорошо запоминал даты (годы) каких-либо знаменательных событий. Вообще, исторические аспекты, особенно археологического изыскания, меня очень увлекали. Даже была мысль по окон-

чании школы пойти учиться в археологический институт. Мечты наши, к сожалению, не всегда сбываются... Правда, в дальнейшем, когда уже работал директором Института экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске, моя мечта в отношении изучения и анализа исторических факторов моей основной специальности сбылась. Я организовал в институте лабораторию по истории ветеринарной медицины и с удовольствием до сегодняшних дней занимаюсь этой проблемой.

В школе хорошо была поставлена спортивная работа. Нам очень интересно было общаться с учителем физкультуры Григорием Сергеевичем Телепиным и участвовать во внешкольных мероприятиях. Мне запомнилось его всегда веселое настроение, внимательное и уважительное отношение к ученикам, а также его одежда – вельветка светло-коричневого цвета. У нас была хорошая волейбольная команда, неплохо поставлена была спортивная гимнастика, в зале мы активно осваивали брусья, турник, кольца. В школе я выполнил третий разряд по спортивной гимнастике.

Учился я в 10 «а» классе. В 2017 г. при посещении Пресновской средней школы-гимназии имени И.П. Шухова я познакомился с очень доброжелательным директором школы Александром Валентиновичем Непомнящих. Он показал музей школы, познакомил меня с его работниками. Они любезно показали все документы, какие имелись в музее на тот момент, в том числе тетрадь-папку, где были указаны фамилии учеников, окончивших школу в 1956 г. В 10 «а» классе под № 8 была обозначена и моя фамилия – Донченко Александр. Я записал в свой блокнот весь список учащихся нашего класса, но хочу привести несколько фамилий близких мне ребят. Это Геннадий и Александр Васильевы, Николай Кайгородцев, Анатолий Денисов, Николай Кушнир, Эльвира Македонова, Иван Шерстобитов (он, мне кажется, никогда не расставался с велосипедом), Виталий и Геннадий Ганцевы. Жаль, что жизнь нас разбросала по громадной тер-

ритории Советского Союза, а теперь по странам СНГ. Я уверен, что мои одноклассники в силу возможности, одаренности, личной удачи сделали хорошую карьеру, внесли свой посильный вклад в развитие нашего общего государства – обитаемой Земли. Прожив уже многие годы, понимаешь, что можно было чаще посещать свою альма-матер, тем более мне: многие годы я работал, учился, еще раз работал, выполняя кандидатскую диссертацию в Мамлютском племзаводе Северо-Казахстанской области, расположенном недалеко от Пресновки. Однако человек порой умнеет задним числом. В какой-то мере я попытался восполнить тот пробел в своей жизни. Посетив родные места, почувствовал дух нашего прошлого сообщества, вспомнил ребят, учителей, посмотрел, чем живет сегодняшняя школа. С большими эмоциями я уехал в Петропавловск, где меня ждали уже сегодняшние дела, о которых я буду еще писать.

И вот целина!

Родины просторы, горы и долины,
В серебро одетый зимний лес грустит,
Едут новоселы по земле целинной,
Песня молодая далеко летит.

Из песни «Едут новоселы
(автор слов Н. Солохина)

Окончание в 1956 г. Пресновской средней школы совпало с разгаром освоения целинных и залежных земель в Казахстане. В нашей семье состоялся так называемый консилиум. Как мне жить и что делать дальше? Поступать в институт или работать в сельском хозяйстве, поднабраться житейского и производственного опыта, а в дальнейшем уже возмужавшим попробовать повысить свое образование? Так совпало, что в это время моего отца потянуло опять ближе к крестьянской жизни. Он решил построить свой дом из хвойного леса в

Приишимском совхозе. Так и порешили. Мы переехали в Приишимский совхоз и занялись строительством своего очага. Строительный лес привезли из Тюменской области, и, как говорят, всем миром навалились на строительство нашего жилья. Дом возводили возле дома директора совхоза Андрея Васильевича Донченко. Между нашими домами располагалось жилье директора школы Шкабуры. Всю планировку дома отец делал самостоятельно. Он сам обтесывал топором бревна, я ему помогал. С нами работал еще один человек, которого отец в своей юности хорошо знал. Он руководил укладкой бревен и сам участвовал в ней, заделал углы, возвел крышу. В целом получился хороший добротный дом из четырех комнат, с погребом. Позднее мы оборудовали большой крытый двор, сарай для коровы и теленка, уличный погреб и баню. Какое личное хозяйство, если нет огорода? Мы распахали не менее гектара земли, огородили забором из кольев и прутьев ивы. Хорошо, что в то время не было никаких запретов на размеры огородов. Прутья ивы заготавливали на реке Ишим, на машине привозили на центральную усадьбу совхоза к своему дому.

Комнаты дома отапливались круглой печью, в столовой была сложена настоящая крестьянская печь, уж очень ее хотел в доме иметь отец. Отец с мамой спали в одной маленькой комнате, я с бабушкой – в другой. Брат Борис в это время учился в институте в Ленинграде. Мама и бабушка быстро освоились с крестьянским бытом. Доили корову Красулю, взбивали сливки, выпекали сами хлеб. Жизнь налаживалась. Я в это время учился на четырехмесячных курсах трактористов-комбайнеров прямо в совхозе. Преподавали нам главный инженер и главный агроном совхоза. Ребят было человек 25, со средним образованием нас было несколько человек. Учеба давалась легко. Мы быстро усваивали материальную часть, в основном трактора ДТ-54 и комбайна СК-8.

Трактор ДТ-54 был тогда основным тягловым агрегатом, который сыграл огромную роль в поднятии целинных и за-

лежных земель. Его выпускал Харьковский тракторный завод (ХТЗ) с 1949 г. взамен СХТЗ-НАТИ. На нем стоял новый дизельный двигатель – 54 лошадиные силы. До этого крестьяне в основном использовали тракторы СХТЗ-НАТИ, которые работали на керосине. У этих тракторов был «прожорливый» мотор. В отличие от них трактора ДТ-54 работали на солярке, имели закрытую кабину. Выпускали их также на Сталинградском (Волгоградском) и Алтайском тракторных заводах. Всего было выпущено 957 900 экземпляров таких тракторов. Вторым по популярности на целине был трактор Сталинец-80 (С-80) с тягловым усилием 1800–4000 кг (ДТ-54 имел этот показатель в рамках 1000–2850 кг). Этот трактор начали выпускать в 1946 г. (по 1958 г.) в Челябинске. Их было выпущено более 200 тысяч. Почему-то мне запомнился этот трактор частыми поломками. Жаль было моих товарищей, так как они все время жаловались на невыполнение норм вспашки земли. Может быть, это мое личное предубеждение, но оно осталось у меня в памяти. Тем не менее, у С-80 была большая мощность двигателя, а также большая максимальная скорость.

Надо отметить, что трактор С-80 был разработан на отечественных прототипах тракторов С-60 и С-65, которые выпускал Челябинский тракторный завод с 1933 г. В 1954 г. Таганрогский комбайновый завод – головное специализированное конструкторское бюро – представил для испытания в Сибирскую МИС (Омск) экспериментальный самоходный комбайн СК-8 с 8-метровой жаткой. Передние колеса комбайна были самоходные, задние – рулевые. Длина комбайна составляла 10,35 метра, ширина – 8,8, высота – 4 метра. Рабочая ширина захвата составляла 8 метров, объем бункера 2,8 м^3, емкость копнителя – 10 м^3, заправка – 182 литра, рабочая скорость 5,97 км/час, производительность за смену (10 часов) – 19,2–28,2 га, общие потери – 4,19%, потери молотилки – 0,54%, чистота зерна доходила до 99,3%.

В 1954 г. на целину было отправлено 120 тысяч пахотных тракторов (в 15-сильном исчислении) и 10 тысяч комбайнов. Всего наша промышленность в этом году выпустила 137 тысяч тракторов и 37 тысяч комбайнов. Все, что я сообщил об этих видах инженерной мысли, мы знали, как говорят, назубок. Помимо этого на стендах и чертежах изучали материальную часть и ходовые особенности тракторов и комбайнов, были и практические занятия.

Мне пришлось работать на тракторе ДТ-54. Его инженерные особенности я изучил основательно, особенно во время зимнего ежегодного ремонта. У меня был отличный наставник Иван Иванович Якунин, прекрасный специалист-технарь. Он был женат на моей двоюродной сестре Полине Марковне (о них я упоминал выше). Все что я мог у него перенять и узнать, с успехом использовал в своей работе.

По окончании курсов я получил диплом тракториста-комбайнера и стал работать на тракторе. Вначале на легких работах, перетаскивал грузы на тележках, позже зимой – на санях. Первая поездка на тракторе вместе с Иваном Якуниным была в зимнее время. К нашему трактору подцепили вагончик на санях, в нем была печка. Такое сооружение было подготовлено для перевозки людей. Мы с Иваном везли около 20 рабочих и служащих совхоза на учительскую конференцию в Пресновский совхоз, расположенный примерно в 80 километрах от нашего хозяйства. В вагончике было весело, пели песни, но нам с Иваном было не до веселья. Шла страшная пурга, дорогу замело, мы часто съезжали с нее и буксовали. Мне как младшему в команде приходилось идти впереди трактора с палкой в руках, прощупывать дорогу. В общем намучились мы основательно, но довезли наш бесценный груз до Пресновского совхоза. Кстати, среди участников ехал и мой двоюродный брат Владимир Андреевич Донченко, работавший в школе учителем.

Второй мой опыт как тракториста-целинника я получил на посевной. Это были последние дни апреля – начало мая.

В Северном Казахстане в то время уже с 9–10 мая начиналась посевная кампания. Тракторные бригады в Приишимском совхозе обычно размещались в 20–25 километрах от центральной усадьбы. Рабочие бригады жили в вагончиках. Вокруг все было обустроено, проложены дорожки. Нас хорошо кормили специалисты-повара. Как положено на головном вагончике, висел красный флаг. Там жил наш бригадир Иван Маркович Пустовой, мой двоюродный брат, старше меня на 6 лет. Он был хорошим организатором, имел большой стаж тракториста-комбайнера. Там, где, по мнению агронома отделения, надо было сохранить влагу, мы обрабатывали почву зубчатыми боронами. Первая моя работа по боронованию закончилась крайне неудачно и даже плачевно. Я залез с трактором ДТ-54 и набором борон в низину пашни, где она еще не была готова для обработки. Трактор встал, я вылез из кабины, сгоряча прыгнул на землю и утонул по колено в грязь. Что делать? Опытные трактористы посмеивались надо мной, а я стою в глубоком раздумье, ищу выход. Он нашелся быстро, благо мои родители меня не обидели силенкой. Пришлось все бороны перевернуть на беззубую сторону, и только после этого мой трактор вылез из этого грязного ада. Весь агрегат привел в порядок, сам очистился от грязи, умылся из-под краника радиатора горячей водой, и дело пошло дальше. Работали, конечно, на износ, по 10–12 часов, до следующей пересменки. Умывались, ужинали и отправлялись на боковую, спать. Обрабатываемые нами земли имели огромные площади, загоны в длину составляли от 5 до 10 километров.

Следует отметить, что сложившиеся годами в тракторных бригадах микроклимат, образцовый порядок, понимание значения поставленных перед нами задач и не самое последнее – финансовая составляющая – позволяли нам в короткие сроки (15–20 дней) заканчивать посевную кампанию. После этого на каждой ферме (их в совхозе было пять) организовывали небольшой праздник, так называемый «са-

бантуй». Хотя слово сабантуй – народный праздник окончания весенних полевых работ или праздник труда (татарское или башкирское слово), но в Казахстане оно тоже нашло аналогичное значение. В праздник обязательно резали барана. Особенно вкусное блюдо готовили из баранины под названием бешбармак (в переводе с башкирского и киргизского языка – пятипалое блюдо), которое я всегда по местному обычаю ел пятерней (беш – пять, бармак – пальцы). Особенно вкусное это блюдо, когда оно приготовлено из баранины с добавлением конины (особенно соленой), говяжьей грудины и конской колбасы – казы. Все это помещается на раскатанные тонкие пласты теста. Мясо режут острым ножом на кусочки, сдабривают луком, перцем, по краям кладут вареный картофель (не во всех случаях), поливают сверху мясным бульоном (сурпой). Сабантуй не обходится без горячительного, танцев и казахской борьбы казахша-куреш (кюреш). Спортивных костюмов у нас не было, но основное правило этой борьбы – не захватывать руками ноги – мы выполняли. Вот здесь уж я находил себе как человек, занимающийся спортом, выход своему адреналину. Обычно мне доставался главный приз – живой крупный баран.

После посевной ремонтировали технику и готовились к уборочной работе. Уже в практику вошли самоходные комбайны, но оставались еще и комбайны С-4 («Сталинец»), которые буксировали тракторами. Часть из нас, в том числе я, работали на уборке, другие занимались ремонтом или хозяйственными работами. Бывали случаи, что на трактор навешивали лопату, и мы с Иваном Якуниным сгребали в кучи навоз от животноводческих ферм, рыли траншеи, убирали различный мусор на фермах. Зима в Северном Казахстане довольно суровая, выпадает большое количество снега, вследствие чего дороги становятся непроходимыми. Все необходимое для жизни и производственной деятельности совхоза привозили из Петропавловска на центральную усадьбу на автомашинах. От Петропавловска до Берлика (ферма совхоза) машины шли

по более или менее хорошей асфальтированной дороге. Далее 7–12 километров от основной трассы, где была расположена ферма Берлик, дорога была неасфальтированной, поэтому приходилось самую тяжелую груженую машину цеплять за трактор и тащить ее до центральной усадьбы. За этой сцепкой гуськом шел весь скопившийся на основной дороге транспорт совхоза. Такую процедуру в достаточно холодных условиях мы с моим напарником осуществляли в позднее вечернее время или рано утром.

Занятый в совхозе на тяжелой, но интересной работе, общаясь с другими рабочими, я невольно думал о своей дальнейшей жизни. Интересно, что ни отец, ни мама не вмешивались в этот процесс. Может, мой «статус кво» их удовлетворял, так как моя семья всегда чувствовала, что дома есть здоровый «боец», который может накосить сена, заготовить на зиму дрова, вспахать огород да и в целом разрешить любые домашние проблемы. Видимо, родители были бы не против, если бы я женился и жил вместе с ними одной семьей. Я же думал несколько иначе, советовался с дядей Андреем Васильевичем, моей бабушкой Анной Ивановной, двоюродными братьями и в конце концов решил дальше продолжить образование.

Ленинский сельскохозяйственный техникум

Считай несчастным тот день и час,
в которые не усвоил ничего нового
и не прибавил к своему образованию.

Я.А. Каменский
(1592–1670 гг.)

Мой двоюродный брат, который преподавал в Николаевской школе математику, часто мне говорил: «Шурик (так меня называли близкие), надо иметь специальную профессию. Иди в Петропавловский пединститут на физико-математический факультет». Я взялся за учебники, вечерами и в воскресные дни штурмовал материалы, которые нам препо-

давали в школе. Чтобы было веселее, я уговорил своего двоюродного брата Ивана Донченко, моего одногодка, вместе поехать для сдачи экзаменов в Петропавловский пединститут. Готовясь к поступлению, посетили несколько консультаций, и вот первый письменный экзамен по математике. За партой я решал задачи, начал оформлять в целом работу, вдруг слышу крик моего брата. Обернулся, а он дерется с двумя такими же «балбесами», как и мы. Я быстро сдал свою работу и побежал его выручать. Мы утихомирили ребят, нам тоже немного досталось. Не дожидаясь учителей, может быть, и милицию, ретировались во двор пединститута. В горячах с обоюдного согласия забежали в деканат и под каким-то убедительным предлогом забрали свои документы.

Жили мы с Иваном в заезжем доме Приишимского совхоза. Переночевав, на следующее утро решили вернуться домой. Как всегда, в таких случаях, денег у нас не оказалось. Решили подзаработать. На автобусе поехали на кирпичный завод (местечко «Якорь»), где устроились на два дня на заработки. Работа была нелегкой – выгружали кирпич из печи после заключительного цикла его выжига. Нам выдали небольшой расчет. Мы сели в автобус поехали в село Явленку, районный центр Ленинского района, где у Ивана жила тетя, сестра его матери. Там мы решили немного передохнуть, успокоиться, собраться с мыслями и определиться с нашей дальнейшей судьбой: что делать дальше, как себя вести и оправдываться перед родителями.

Во время подготовки к экзаменам в Петропавловский пединститут в свободное время играли в волейбол на площадке пединститута. У меня был второй юношеский разряд. Видимо, я попал в поле зрения учителя физкультуры, который тренировал волейбольную команду института. Кстати, в ней одним из лучших нападающим в свое время был мой двоюродный брат Владимир Андреевич. Буквально через две недели он, будучи в Петропавловске, заехал в пединститут

поинтересоваться, как мы с братом сдаем экзамены. Ему сообщили о наших похождениях. Тренер волейбольной команды очень сожалел о моем бегстве, тем более, что мне выставили первую экзаменационную оценку по математике «хорошо».

Вот так закончилась моя первая попытка получения высшего образования. Здесь можно сделать одно заключение: все хорошо, что хорошо кончается. Видимо, не судьба мне была стать педагогом, тем более математиком. Жизнь показала, что это было к лучшему.

На второй день пребывания у тети Ивана в Явленке, где брат учился раньше в школе, его друзья узнали о нашем бедственном положении. Они посоветовали поехать в село Покровку, что располагалось в шести километрах от Явленки и попытаться поступить в Ленинский сельскохозяйственный техникум. Понимая, что этот год уже потерян, мы с братом решили съездить по указанному адресу и еще раз испытать судьбу.

В техникуме в учительской нас встретил дежуривший преподаватель, которому мы все рассказали, конечно, в усеченном виде, показали наши документы. Сожалея, он сообщил, что приемная комиссия уже закончилась. Мы вышли из учительской и сели на лавочку в большом раздумье. Видим, мимо нас проходит человек небольшого роста, как мы поняли, преподаватель. Увидел на наших лицах печаль, с улыбкой спросил: «Кого вы ждете?». Мы ему рассказали о наших перипетиях. Он, пристально посмотрев на нас, позвал в свой кабинет. Видим, на двери табличка – «Заместитель директора техникума Белоглядов Иосиф Федорович». Воодушевленные, мы зашли в кабинет. Внимательно ознакомившись с документами, Иосиф Федорович предложил нам поступить на очное ускоренное зооветеринарное отделение с продолжительностью обучения 2,5 года с учетом того, что мы имели десятилетнее образование. Мы, не раздумывая, согласились. Тогда он пригласил преподавателей по матема-

тике и русскому языку. Пришли две женщины, как нам показалось тогда, уже в возрасте, ознакомились с нашими документами, задали несколько вопросов по математике русскому языку и дали заключение о возможности принятия нас в техникум на очное отделение. Иосиф Федорович подписал приказ о зачислении нас в техникум и сказал: «Ну вот, теперь вы студенты первого курса, прошу не опаздывать на учебу 1 сентября».

Воодушевленные, мы с братом на попутке поехали домой в Приишимский совхоз. Какое было отношение к нашим скитаниям со стороны родителей, я уже не помню. Думаю, что оно было примерно на три с плюсом. Родители понимали, что произошел небольшой прогресс в устройстве моей жизни, что я все-таки решил приобрести специальность, да еще крайне необходимую в условиях сельской жизни.

Жили мы с Иваном рядом через дорогу. Наши отцы, родные братья, очень хорошо относились друг к другу. Оба воевали. Иван Васильевич на войне был тяжело ранен, ему сделали большую резекцию живота. Как он говорил: «Прополоскали на моих глазах все кишки в холодной воде, что-то подремонтировали во внутренних органах и зашили обратно». Надо сказать, что на тот момент его здоровье было хорошее. Помимо работы он рыбачил, охотился, занимался личным хозяйством. Мне с ним приходилось заготавливать сено на болотах. Надо сказать, что это тяжелая физическая работа. Кругом комары, но свежий воздух, тлеющий с дымком костер, круто заваренный чай с бубликами скрашивали все житейские неурядицы. В течение трех-четырех суток мы заготавливали необходимое количество сена (примерно 35–40 центнеров на корову с будущим молодняком). Через неделю в зависимости от погодных условий приезжали вновь с конными граблями, собирали и скирдовали сено. Скирды складывали на срубленные березы и в первые заморозки вывозили такое сено обычно трактором на дорогу. Там его гру-

зили на автомашину, увозили домой, разгружали на огородах и вновь скирдовали. Это был «неприкосновенный запас» для кормления животных в зимне-стойловое время.

В деревне сельские жители обычно имели запас продуктов – картофель, квашеную капусту, иногда с арбузами, свеклу, морковь. Зимой хватало мяса, в основном свинины, яиц, молока, творога, сливок и масла. Все это выращивали или получали от своих животных и готовили сами под руководством моей мамы и бабушки Анны Ивановны. В магазине иногда покупали хлеб, но в основном пекли его сами. Мука была из пшеницы, полученной за работу в совхозе. Некоторые из пшеницы готовили самогон, этот продукт в деревне был достаточно востребованным. В нашей семье и в семьях моих дядей – Андрея Васильевича и Ивана Васильевича – его не особенно употребляли. По окончании летнего сезона осенью мы с братом Иваном приехали в Ленинский сельскохозяйственный техникум, который расположен возле села Покровки, на берегу реки Ишим.

Покровка, первоначальное название – Покровское село, было центром Покровского округа. Село расположено на правобережье реки Ишим, в 10 километрах от райцентра, в 95 километрах от Петропавловска. Основано оно крестьянами-переселенцами из России в 1891 г. на урочище Кресты, где вначале поселились 174 семьи. К 2010 г. население села составило 1886 человек, которые в основном занимались сельским хозяйством, частной торговлей и личным подворьем.

Приказом Акмолинского губернского земельного управления от 25 сентября 1923 г. в Покровке на базе сельскохозяйственной школы, открытой в 1885 г., был организован сельскохозяйственный техникум. В 1935 г. Акмолинскую губернию ликвидировали, и село перешло в новообразованный Кызыл-Джарский (с 1928 г. – Петропавловский) округ. Постановлением ВЦИК Казахской ССР от 29 июля 1936 г. село Покровское в составе северных районов области и Каркара-

линского округа вошло в Северо-Казахстанскую область, в составе которой оно остается до настоящего времени.

После 1997 г. сельскохозяйственный техникум был преобразован в Есильский сельскохозяйственный колледж. В 2001 г. ему присвоено имя Героя Советского Союза Жалела Кизатова, бывшего студента техникума. В его честь на территории колледжа установлен бюст. Все бывшие студенты и учащиеся в настоящее время с большим уважением относятся к замечательному сыну казахского народа.

Жалел Кизатов родился 9 октября 1920 г. в селе Булак, ныне – аул Акколь в Северо-Казахстанской области. В 1940 г. окончил три курса техникума. В том же году был призван на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, на фронте – с сентября 1941 г. В 1942 г. окончил курсы младших командиров при Сталинградском фронте. Сражался в составе артиллерийского полка 157-й (позднее 76-й гвардейской) стрелковой дивизии на многих фронтах. Участвовал в обороне Одессы, Крыма, Сталинграда, в сражении на Курской дуге, освобождении Украины и Белоруссии. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многими медалями.

В ходе Черниговско-Припятской наступательной операции 28 сентября 1943 г. Ж. Кизатов одним из первых переправился с пехотой через Днепр в районе села Мысы Черниговской области Украины и, разведав положение огневых систем противника, под ураганным артиллерийским огнем успешно корректировал артиллерийский огонь, чем способствовал удержанию и расширению захваченного плацдарма.

«Лучше умереть со славой, чем посрамить честь свою», – говорит казахская пословица. Крепко помнил ее Жалел Кизатов, идя в бой 28 сентября 1943 г. Командиру взвода батальона 154-й гвардейской стрелковой Черниговской дивизии Ж. Кизатову было приказано разведать огневую систему противника на правом берегу Днепра и место для

Жалел Кизатович Кизатов

переправы наших войск. Вот что об этом рассказывает сам Жалел: «Наш взвод совершил стремительный обходной маневр и в сумерках подошел к реке. Под покровом темноты мы бесшумно переправились на лодках, доставленных нам партизанами. Притаившись в овраге, выслали вперед разведку. Она установила, что оборона немцев состоит из системы окопов и 12 блиндажей со скрытыми подступами к ним.

Умело сняв часовых и разбившись на небольшие группы, начали автоматным огнем блокировать блиндажи. Мало кому из врагов удалось спастись. Захватив плацдарм, мы прочно закрепились на нем. Утром фашисты при поддержке пяти танков перешли в контратаку. Я связался по радио с нашими артиллеристами. С их помощью нам удалось отсечь немецкую пехоту от танков. Два из них подбили из противотанковых ружей, но остальные продолжали ползти и достиг-

ли переднего края нашей обороны. Я метнул под гусеницу головной машины противотанковую гранату и подорвал ее. Экипаж подбитого танка был сражен автоматной очередью. Другие бронированные чудовища повернули обратно. Неудача взбесила немцев. Они усилили натиск. Контратакам был потерян счет. Немцы совсем близко подошли к нашим позициям... Тогда я вызвал огонь своей батареи на себя.

Не помню, сколько длился обстрел, но когда поднялся из укрытия, увидел незабываемую картину: передо мной лежали горы вражеских трупов, дымили разбитые танки».

Указом Президиума ВС СССР от 15 января 1944 г. за мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра, Жалелу Кизатовичу Кизатову присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны Ж. Кизатов проживал в Кзыл-Орде, находился на партийной и хозяйственной работе. В 1952 г. окончил партийную школу при ЦК КП Казахской ССР, в 1969 г. – Целиноградский сельскохозяйственный институт. До выхода на пенсию работал начальником Кзыл-Ординского областного производственного управления хлебопродуктов. Умер в 1999 г., похоронен в Кзыл-Орде. Уже в послевоенное время он был награжден орденом Ленина, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и рядом медалей. Вот такой незаурядный человек учился в нашем техникуме.

Техникум закончили также известные в Казахстане, странах СНГ и России руководители: Байкен Ашимович Ашимов, Токпай Симбаев, Михаил Трошихин и многие другие. Вот судьба студента Ленинского сельскохозяйственного техникума Байкена Ашимова (1917–2010 гг.), известного советского, партийного, государственного и общественного деятеля. Он с 1935 по 1938 г. учился в Ленинском сельскохозяйственном техникуме, был участником Великой Отечественной войны, дважды ранен. Работал председателем Президиума Верховного Совета Казахской ССР (1984, 1985 гг.), председателем Совета

Министров Казахской ССР (1970–1984 гг.), занимал высшие должности в Талды-Курганской, Карагандинской областях. Байкен Ашимов – Герой Социалистического Труда (1977 г.), награжден высшим орденом Республики Казахстан «Отан» (2007 г.), орденом Парасат (2007 г.), четырьмя орденами Ленина и многими другими наградами. Умер Байкен Ашимов в возрасте 92 года 16 января 2010 г.

Широко известен в Республике Казахстан и бывший студент Ленинского сельскохозяйственного техникума Тасбай Кабашевич Симамбаев. Мне очень приятно, что он родился в Сергиевском районе Северо-Казахстанской области, где я долгие годы жил и работал. В 1974, 1975 гг. он работал секретарем парткома Троицкого совхоза, где родился мой отец, жила вся наша большая родня. Особенно для меня значимым является то, что Тасбай Кабашевич по своему основному образованию является сельхозником. Он еще много может сделать для этой важной отрасли Казахстана, несмотря на солидный возраст (родился в 1947 г.).

Какая же все-таки наша земля-глобус: и велика, и не такая большая... Все мы ходим кругом, возле наших потомков, даже не всегда зная об этом.

Не менее известен в Казахстане и Михаил Васильевич Трошихин, который родился в селе Красный Бор Ленинского района Северо-Казахстанской области в 1949 г. Где Михаилу Васильевичу сподручнее было получить начальное специальное образование? Конечно, рядом со своим домом, в Ленинском сельскохозяйственном техникуме, который он окончил в 1971 г. На этом он не остановился. В 1981 г. окончил Целиноградский сельскохозяйственный институт и стал специалистом высшей категории по вопросам сельского хозяйства. Кроме этого, он стал квалифицированным юристом, окончив в 1999 г. Евразийский государственный университет им. Л.Н. Гумилева. В настоящее время Михаил Васильевич занимает высокие административные и законодательные должности в Республике Казахстан.

Очень интересна биография Серика Султангазизовича Билялова. Он родился в 1958 г. в селе Сартомар Булаевского района Северо-Казахстанской области. Окончив годичную ветеринарную школу (1974 г.), затем Ленинский сельскохозяйственный техникум (1976 г.), впоследствии – два высших учебных заведения, он стал дипломированным специалистом зоотехником и экономистом. Серик Султангазизович прошел большой трудовой путь от веттехника до Акима Северо-Казахстанской области (2007–2013 гг.) и депутата сената Парламента Республики Казахстан (с 2013 г.).

Мне особенно приятно вспоминать о Серике Султангазизовиче, так как судьба свела с ним во время его работы Акимом Северо-Казахстанской области. Делегация ученых Сибирского отделения Россельхозакадемии приехала в Петропавловск для заключения договора о сотрудничестве сибирской сельскохозяйственной науки и руководства Северо-Казахстанской области. Мы провели совместное совещание с работниками сельского хозяйства области, заключили договор. Особенно тепло я вспоминаю наши разговоры о техникуме, Приишимском совхозе, моем дяде Андрее Васильевиче и многих наших общих знакомых.

Наш техникум (зооветеринарное отделение) окончил и директор ТОО «Пушкинское» Николай Петрович Козленко. Работал веттехником, в 1990 г. окончил ветеринарное отделение Целиноградского сельскохозяйственного института. В настоящее время он плодотворно трудится на своем нелегком поприще. Николай Петрович тесно связан с научными подразделениями бывшего Сибирского отделения Россельхозакадемии – Омским СибНИИСХозом по вопросам семеноводства (директор – академик РАН И.Ф. Храмцов). Совместно они создали новый сорт пшеницы Волошинка. На чествовании в СО РАН в связи с 60-летием И.Ф. Храмцова (май 2017 г.) я спросил его, как они работали в ТОО «Пушкинское». Иван Федорович в восторженных тонах охарактеризовал работу директора хозяйства Козленко. Нико-

лай Петрович также очень высоко оценил работу Омского СибНИИСХоза и отношение его руководителя к сельскохозяйственной науке. Своему сыну он посоветовал заниматься научной деятельностью именно в Омском СибНИИСХозе. Значит, не зря преподаватели нашего техникума дали первоначальные знания (я говорю и о себе) будущим специалистам сельскохозяйственного производства и тем, кто участвует в научном процессе. Необходимо им сказать за это большое спасибо.

Мною приведено несколько примеров в отношении тех специалистов, которые получили среднеспециальные знания в области сельскохозяйственного производства в нашем техникуме и в дальнейшем использовали их на сто процентов и более в своей работе. Следует сказать, что нам, студентам тех лет, все приведенные положительные примеры о лучших студентах техникума не были доступны. Преподаватели не говорили о ставших после окончания техникума знаменитыми студентах, широко известных в нашей необъятной стране. Это, видимо, был значительный пробел в воспитательной работе преподавательского состава техникума. Студенты, вооруженные такими патриотическими примерами, по-другому относились бы к своей профессии. Повышая образование в институте, аспирантуре и в других образовательных учреждениях, около 20 лет заведуя кафедрой эпизоотологии и микробиологии в Новосибирском агроуниверситете, работая 16 лет директором Института экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук (СО РАСХН), в качестве вице-президента РАСХН, председателя СО РАСХН 12 лет, возглавляя сибирскую сельскохозяйственную науку, я давно понял, что первые знания, полученные в школе, вторые, специальные, – в Ленинском сельскохозяйственном техникуме, дали мне значительный толчок в дальнейшем образовательном процессе, получении расширенных специальных углубленных знаний, в том чис-

ле и в чисто житейских позициях, как члену российского научного общества.

Вот в такое среднее специальное учебное заведение – Ленинский сельскохозяйственный техникум – мы с братом Иваном и приехали учиться. Нам было легче приспособиться к местным условиям, так как в техникуме, старше нас на два года, учился на агрономическом отделении наш третий двоюродный брат Борис Андреевич, сын Андрея Васильевича Донченко, директора Приишимского совхоза. Вот такая тройка двоюродных братьев осела в техникуме для познания сельскохозяйственных знаний.

Директором техникума в это время был Сергей Васильевич Гладков, который руководил техникумом с 1949 по 1957 г. Сергей Васильевич и вся большая его семья – два сына, две дочери, бабушка и его супруга – жили в большом, как казалось в то время, особняке, расположенном вблизи учебного корпуса. Правда, он был не особенно в хорошем техническом состоянии. Образ директора техникума у меня как-то не сохранился, тем более что он проработал на этой должности при нас небольшой промежуток времени. После него пришел более молодой специалист – Яков Яковлевич Бойко. Почему-то у меня в памяти отложилось, что он приехал к нам чуть ли не из Москвы. По специальности он был агрономом. С ним мне, студенту, приходилось иметь личные и даже в некотором роде неприятные контакты. С его стороны они были объективными, и по прошествии многих лет я их воспринимаю с должным пониманием. Но об этом позже. Пусть в этом будет некоторая интрига, так как мои жизненные поступки иногда имели достаточно крутые повороты. Как принято говорить в эпизоотологии, жизненный процесс развивался по спирали. А у кого они развивались по прямой или прямо по восходящей линии? Думаю, да и знаю, что таких людей нет.

Если я с первым директором техникума не имел никаких контактов, то с его сыновьями, особенно с Борисом, кото-

рый учился на агрономическом отделении, были дружеские отношения. Родной брат Бориса Николай учился со мной в одной группе. В дальнейшем Николай получил высшее ветеринарное образование. Последняя его должность, о которой я знаю, – главный ветеринарный врач одного из районов Северо-Казахстанской области. С Николаем Гладковым у меня по жизни сложилась казусная ситуация, после которой я повел себя неадекватно, что стоило мне пережить достаточно неприятные моменты в личной жизни. С его братом Борисом мы тесно общались, несмотря на то, что он как сын директора техникума до моего приезда держал, как в определенных «пацанских» кругах говорят, «мазу» среди студентов. Почувствовав, что мы, трое братьев, достаточно сильны физически и дружны между собой, он пошел на сближение с нами, особенно со мной. В результате этого получился отличный «силовой» блок в студенческой семье. Видимо, не надо много об этом говорить. Кто прожил студенческую жизнь, тот знает, что сильный неглупый студент всегда будет на верху студенческого сообщества, к тому же, если он еще занимается спортом и неплохо учится. Я к этому времени имел неплохие личные результаты в волейболе, футболе, гимнастике, любил играть в шахматы, с 10-го класса занимался тяжелой атлетикой (штанга, гири).

Борис Гладков по окончании техникума по каким-то причинам не пошел сразу работать в сельскохозяйственное производство. Имея шоферские права, он начал трудиться в одном из предприятий водителем. Ему дали еле-еле двигающуюся автомашину ЗИС-130. Он ее отремонтировал и капитально освоил. В свободное время и я крутился около этой машины, помогал ему в ремонте. В первый рейс мы поехали вместе. Не помню, что перевозили, но на обратном пути машина несколько раз ломалась. Приехали в техникум далеко за полночь, все перепачканные машинным маслом, бензином, но веселые и одновременно злые. Примерно через год Борис как-то выпал из поля зрения, видимо, уехал куда-то

работать по специальности. Уже работая в Новосибирске, в разговоре с директором ОПХ «Ишимское» Тюменской области Виктором Николаевичем Никоновым, который, как оказалось, также закончил наш техникум и даже жил на его территории, я выяснил, что Борис Гладков женился на его родной сестре Вале (которую я хорошо знал) и в это время жил в Москве. К моему большому огорчению, он безвременно ушел из жизни. Почему я подробно остановился на этой жизненной ситуации? Потому что в жизни не так часто встречаешь людей, которые по интеллекту, духовным и жизненным позициям на тот период жизни были мне близки. Таким в моей памяти остался Борис Сергеевич Гладков.

Студенты в техникуме жили в длинных бараках по 4–5 человек в комнате. Убирали свое жилье, мыли пол, топили углем печь по установленному графику. Питались по-разному: в студенческой столовой или по обоюдной договоренности в какой-нибудь семье, проживающей на территории техникума. Студенческое общежитие в то время состояло из двух длинных бараков, в одном отсеке можно было умыться, все остальное – вне общежития. Преподаватели и обслуживающий персонал жили в отдельно стоящих домах, небольших жилых помещениях. Мылись студенты в бане, и это было очень хорошо. В столовой дежурили по очереди: вставали рано утром, убирали и мыли посуду, помогали поварам, боролись с тараканами на кухне. Вечера проводили в двухэтажном клубе. Там, как мне в то время казалось, был хороший кинозал, имелись и другие помещения, в которых студенты играли в шахматы, занимались музыкой. Клуб располагался около прекрасного парка, в котором находилась волейбольная площадка, где мы по вечерам «рубились» в волейбол. В парке была танцплощадка, и в летнее время студенты допоздна танцевали под гармошку. Обычно играли на ней мои братья Иван и Борис, они были в этом деле виртуозами. Возле общежитий было расположено неплохое футбольное поле, где студенты гоняли мяч. Одну

из комнат общежития руководство техникума выделило под занятия тяжелой атлетикой. Там стояли брусья, были гири разного веса и две штанги. Зимой играли в хоккей с мячом, для чего на реке Ишим расчищали от снега лед, ставили ворота. Клюшки и коньки были или свои, или их нам покупал техникум. Было интересно, собиралось много зрителей-зевак. В хоккее я обычно стоял на воротах, хотя мог играть полевым игроком.

Техникум расположен на окраине села Покровка, на крутом берегу реки Ишим. В летнее время студенты загорали и купались в реке. В период обучения недалеко от техникума начали строить мост через Ишим. Все строительство проходило на наших глазах. Учились мы в отдельном, добротном, построенном из объемного леса, помещении. На первый взгляд оно было небольшим, но нам хватало для обучения. Я не помню, чтобы были какие-то недоразумения по поводу проведения уроков.

Преподавательский состав техникума подбирали из числа специалистов, хорошо знающих свои предметы. Некоторые из них были закреплены за студенческими группами. В нашей группе куратором была Татьяна Сергеевна, небольшого роста, всегда аккуратно одетая. Отличительной чертой ее лица были большие, широко открытые красивые глаза. С нами она вела себя ровно, хорошо знала свой предмет – эпизоотологию и инфекционные болезни сельскохозяйственных животных. Ее лучезарная искренняя улыбка настраивала нас на положительные эмоции. Сразу в воображении всплывал дом, родители и все хорошее, что сопутствовало этому. Когда я был аспирантом и оздоравливал от туберкулеза стадо крупного рогатого скота в Мамлютском племзаводе Северо-Казахстанской области, мне довелось встретиться с Татьяной Сергеевной. Она преподавала биологию в Петропавловском пединституте, где мой двоюродный брат Борис Андреевич работал проректором по административно-хозяйственной работе и одновременно препода-

вателем. Был какой-то праздник, и Борис пригласил меня посмотреть концерт. После торжеств большая группа преподавателей вышла из пединститута на улицу и бурно обсуждала репертуар концерта. Вдруг меня кто-то потянул за рукав пальто. Я обернулся и, о боже, увидел Татьяну Сергеевну! Такая же лучезарная улыбка, правда, в глазах была видна затаенная грусть... Мы обнялись, она говорит: «Саша, я давно наблюдаю за твоей профессиональной деятельностью (видимо, так же, как и за другими студентами), очень рада, что ты занимаешься наукой». Я понял причину ее грусти, когда она мне сказала: «Я наукой уже не могу заниматься – семья, работа, да и возраст». Я, конечно, попытался сгладить ее грустные мысли обычной фразой: никогда не поздно заняться наукой, у вас имеется большой практический и преподавательский опыт. Она печально сказала: «Все это уже в прошлом, в том числе и мои мечты». Мы поговорили о моих однокашниках. Она многое о них знала и тепло обо всех отзывалась. Мы с братом проводили ее до автобуса. Это была последняя встреча с Татьяной Сергеевной, позже я узнал, что она рано ушла из жизни.

Глубокий след в моей жизни оставило близкое знакомство, даже можно сказать дружба, с преподавателем техникума Петром Ивановичем Сутуловым. Он преподавал животноводство. П.И. Сутулов окончил отделение зоотехнии Алма-Атинского зооветеринарного института. Он состоялся и в науке – защитил кандидатскую диссертацию по зоотехнии в Алма-Атинском зооветинституте. В это время я учился в этом институте и тесно общался с ним и его супругой Верой (девичья фамилия Пильгуй), которая в техникуме была в одной группе со мной. Петр Иванович был симпатичным, даже красивым мужчиной с очень искренней улыбкой. Об этом мне не раз говорила моя супруга Валерия Николаевна. Приятная улыбка, хорошее чувство юмора, дружелюбное поведение выделяло его из среды многих преподавателей техникума. Он играл с нами в волейбол, ездил на охоту и

рыбалку. Петр Иванович имел достаточно твердую позицию в отношении студентов, преподавателей и даже начальства, если он не сходился с ними по каким-то учебным, научным и житейским вопросам. В этом случае он был жестким оппонентом, что иногда вредило его карьере. Однако человека переделать не только сложно, но и при больших стараниях часто невозможно, особенно его внутреннее содержание. Поэтому, несмотря на большой авторитет, глубокие знания, Петр Иванович так и не вышел из научного ранга заведующего отделом научно-исследовательского института.

Когда я поступил в Алма-Атинский зооветеринарный институт (1960 г.), Петр Иванович был аспирантом этого института. Вместе с Верой они жили в студенческом общежитии в небольшой полуподвальной комнате. Петр Иванович успешно защитил кандидатскую диссертацию, Вера окончила зоотехническое отделение этого же института, и они уехали работать в Бишкуль, в Северо-Казахстанский научно-исследовательский институт животноводства и растениеводства. Институт им выделил пятикомнатную квартиру. У них пошла размеренная личная и научная жизнь. Будучи уже директором Института экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске, я по делам неоднократно посещал этот институт. Это было непростое время для Российской Федерации, да и для Казахстана. На науку стали мало обращать внимания. Старшие по возрасту ученые, видя бесперспективность работы в науке, увольнялись и искали более оплачиваемую работу или уходили на пенсию. Жилые дома в Бишкуле не стали отапливать централизованно, каждый житель сам решал свои проблемы в этом плане. В один из моих приездов в Бишкуль я посетил Петра Ивановича и с удивлением и большим сожалением увидел, что он сидит в маленькой коморке возле железной печи и подбрасывает уголь, чтобы отопить свое жилье и жилье богатого соседа, который содержал минико-

тельную и покупал уголь. Известный ученый-зоотехник на период отопительного сезона стал простым кочегаром...

Мы посидели вместе, погрустили, вспомнили прошлые прекрасные времена, немного приняли на грудь для устранения стрессовой ситуации и на этом расстались. Через некоторое время мне позвонила Вера и сказала: «Пети больше нет». Так безвременно уходят настоящие ученые, специалисты широкого профиля с громадными научными знаниями.

Вера защитила кандидатскую диссертацию, долгое время работала в институте заведующей лабораторией шерсти. Директор института Канат Исмаилович Минжасов всегда дорожил семьей Сутуловых, знал их как высококлассных специалистов. Петр Иванович и Вера Сутуловы вместе прожили трудную, но интересную жизнь и оставили большое наследие: двух дочерей и сына, трех правнуков. Одна из дочерей (Сапрыкина) закончила Гнесинку по вокалу, была ученицей Народной артистки СССР певицы Зары Долухановой. Вера Сутулова сейчас живет в Бишкуле, ее не забывает уже новое руководство института.

Очень продуктивно работал преподавателем в техникуме А.Н. Гришин. Он доходчиво объяснял материал на уроках, видно было, что хорошо знал не только преподаваемый материал, но и ветеринарную практику. Он приходил к студентам в общежитие, в том числе в нашу комнату. Под мышкой всегда держал шахматную доску и искал, с кем бы сыграть. Когда я был в общежитии, он предлагал мне зарубиться с ним в шахматы. Так как я давно был неравнодушен к этой игре, с удовольствием принимал его вызов. Не помню все наши многочисленные баталии на шахматной доске, но когда он проигрывал, то на его лице было видно крайнее неудовлетворение. В целом А.Н. Гришин прекрасно относился ко мне. Может, на это влияло и то, что в нашей комнате жил его родной племянник Алексей Гришин, с которым у меня были дружеские отношения. У Алексея, как говорят в народе, были слабые легкие. Кто-то ему посоветовал каждый

день пить 100–150 миллиграммов бараньего жира, что он и делал, растапливая баранье сало в печке, предварительно поместив его в консервную банку. По утрам он делал пробежки, особенно летом. По окончании учебы Алексей Гришин женился на студентке техникума и уехал работать в хозяйство. Мне запомнился Алексей своим немногословием, сдержанностью, погруженностью в свои мысли. В делах он был до предела объективен, честен, правдив и ценил наши дружеские отношения. Я ему отвечал тем же. Позже невольно анализируя его поведение в студенческой среде, учитывал его хорошее внутреннее содержание в своей повседневной жизни. Это факт, и не признать его я не имею права.

Интересным преподавателем был Владимир Федорович Дымов, бывший офицер старой закваски, большой любитель лошадей и отлично знающий людей. Он преподавал организацию ветдела, коневодство и, как мне помнится, экономику. Видно было, что он с интересом общался со старшими по возрасту студентами, каковые были в нашей группе зооветеринарного ускоренного профиля. Он с удовольствием острил с нами, положительно воспринимал наши ответные шутки. Мы много говорили о настоящем, но я ни разу не слышал, чтобы Владимир Федорович что-то рассказал о своем прошлом. Вот таким «человеком в футляре» и запомнился мне этот своеобразный, умный, глубоко знающий жизнь преподаватель.

Свиноводство вела Мария Максимовна Дорофеева. Она прекрасно знала свой предмет, его технологические тонкости, поэтому ее уроки были интересными и, как мне казалось, заканчивались быстро. Жаль, что не было у нас практических занятий по свиноводству, видимо, из-за отсутствия вблизи техникума свиноводческих ферм. Я нечаянно освоил горловое хрюканье, хорошо подражая звуку обращения одного кабанчика к другому. На одном из уроков, проводимом Марией Максимовной, по просьбе «публики», когда она вошла, я захрюкал. Она с улыбкой очень быстро отреагирова-

ла: «Ой, у нас появился хороший кабанчик». На этом мое хрюканье закончилось, так умно Мария Максимовна поставила меня в надлежащее стойло.

В последние годы учебы в техникуме начали преподавать Николай Васильевич Варковский и его супруга Валентина Прокопьевна. Они работали в техникуме с 1959 по 1970 г. У нас они не вели занятия, но те студенты, которых они учили, их очень хвалили. Впоследствии я встретил их в Колыванском сельхозтехникуме Новосибирской области, где они преподавали. Я тогда баллотировался в Совет народных депутатов Новосибирской области и проводил встречи с избирателями. Была очень теплая встреча, много говорили о Ленинском сельхозтехникуме, вспоминали общих знакомых. Необходимо отметить, что Николай Васильевич был участником Великой Отечественной войны. Кстати, в этот год я стал депутатом Областного совета Новосибирской области.

С большим удовольствием вспоминаю еще одного преподавателя – Георгия Ивановича Калинина. Он вел у нас физкультуру. Ранее он серьезно занимался тяжелой атлетикой, выступал в легкой весовой категории (до 67,5 килограмма). Был накачен, с прекрасными бицепсами, хорошим торсом, мощными мышцами ног. Он на восемь лет был старше и для меня в физкультурном деле был непререкаемым авторитетом. Георгий Иванович прекрасно разбирался в волейболе, футболе, зимних видах спорта. Он, как мне сказал, перестал «тягать железо» из-за расширения вен бицепсов (это хорошо было видно), вследствие чего могла произойти их закупорка (тромбоз). Врачи запретили ему активные упражнения с отягощениями. Мы, студенты и ребята из Покровки, усиленно тренировались с отягощениями, в том числе и со штангой. Мой старший брат Борис, живший в Петропавловске, в этом виде спорта добился хороших результатов и был для меня примером. Я уже неплохо владел техникой жима и рывка, выступал на соревнованиях в полу-

средней весовой категории (до 75 килограммов). Наша команда участвовала в районных, а я – даже в областных соревнованиях. Мое участие в них протежировал мой брат Борис, так как он, работая на железной дороге, выступал за спортивное общество «Локомотив», был чемпионом его в легком весе. Для того чтобы как-то адаптироваться среди тяжелоатлетов области, поднабраться техники выполнения тяжелоатлетических упражнений, я летом и зимой не менее двух раз в месяц ездил на попутном транспорте в Петропавловск, где тренировался вместе с братом в хорошем тяжелоатлетическом зале. На тренировках боковым зрением тщательно следил за спортсменами-разрядниками, перенимал у них технические приемы, вникал в методику их тренировок, все записывал в блокнот, старался использовать в своей технике все передовое, которое я фиксировал у лучших штангистов Петропавловска. Сегодня, вспоминая свои поездки в Петропавловск из техникума (а это около 100 километров) особенно зимой, когда не всегда удавалось сесть в кабину машины, думаю: какое у меня было здоровье, если все удавалось преодолевать! Мои показатели в то время были около второго разряда. Особенно мне удавался рывок, который в то время я выполнял техническим приемом ножницы. Однако какие большие тяжелоатлетические показатели можно было иметь при низком рационе питания, а также условиях, в которых мы тренировались? Хотя родители помогали в основном харчами (картофель, немного мяса, вермишель), этого, конечно, было крайне недостаточно для растущего, развивающегося молодого организма. Все это я уже осознал, когда полупрофессионально продолжил заниматься этим видом спорта во время учебы в институте, аспирантуре и последующие годы своей работы. Когда мы по другим видам спорта выигрывали какие-либо соревнования (футбол, волейбол), то возвращаясь из района (это примерно 10 километров от техникума), находясь в кузове автомашины, при подъезде к дому во все горло исполняли наш постоянный

гимн – песню «Варяг». Автор слов этой песни австриец Рудольф Грейнц, написал их, впечатленный результатами сражения у Чемульпо (1904 г.), когда погибли, взорвав себя и не сдавшись японцам, наш крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Слова этого стихотворения были переведены с немецкого на русский язык Евгенией Михайловной Студенской и положены на музыку Алексеем Сергеевичем Турищевым. В наши юные годы слова песни были у всех на устах, даже, можно сказать, в душе и сердце. Слова «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает...» звучали особенно звонко, когда подъезжали к техникуму. Все знали, что мы приехали с «мечом», то есть с победой. Уже значительно позже я узнал, что около 50 вариантов этой песни бродили по свету, но особой популярностью пользовался вариант этой песни-гимна поэта-песенника В.И. Лебедева-Кумача.

Учеба в техникуме проводилась на достаточно высоком методическом уровне. По прошествии многих лет я это могу профессионально оценить, так как сам преподавал ветеринарные дисциплины в Темирском сельскохозяйственном техникуме Акмолинской области Казахстана, а затем работал в течение 20 лет заведующим кафедрой эпизоотологии и микробиологии Новосибирского аграрного университета. Наши преподаватели имели хорошие профессиональные знания, прекрасно ориентировались в теории и практике ветеринарной медицины. Мы осваивали на практике взятие крови, введение в организм животных различных ветеринарных препаратов, делали многие хирургические операции – от кастрации до более сложных, обрабатывали копыта и различные поверхностные раны и многое другое. Все это проводилось на животных – крупном рогатом скоте и лошадях, которые содержались непосредственно в животноводческих помещениях техникума. При этом студентам приходилось по очереди дежурить и ухаживать за животными. Мне, как человеку, прожившему достаточное время в сельской местности,

в семье, где содержали корову с теленком и свинью, все это давалось без особого труда. Такие же ребята, как и я, в основном были в нашей группе.

В первый год учебы в техникуме в сентябре наш курс направили на сельхозработы в ближайший совхоз. Жили мы все вместе в вагончиках, спали вперемешку. Все это нас сплотило, мы хорошо узнали друг друга, что помогло в дальнейших повседневных студенческих буднях. Мы занимались на току подработкой зерна, сортировкой и погрузкой его для реализации другим хозяйствам. Жили весело, дружно, думая о предстоящем учебном процессе. Видимо, не зря студентов в наше время посылали в первый год обучения на сельхозработы. После них, войдя в учебный процесс, мы чувствовали себя единой семьей, называли друг друга даже по прозвищам. Меня назвали «Дон», под этим прозвищем я был в течение всего обучения в техникуме.

Прежде чем охарактеризовать круг студентов, с которыми я учился, дружил, ссорился и вновь мирился, что обычно случается в студенческой семье, я хочу вспомнить ребят, не учившихся в техникуме, но живших на территории техникума и Покровки. Они также были моими близкими друзьями. Близко сошелся характером и дружил с Леонидом Макаревичем. Он жил с мамой в небольшом домике. Она работала на молочном заводике, где принимали и перерабатывали молоко коров, принадлежащих техникуму. Леня был крупным парнем, много не говорил, любил пошутить, занимался вместе с нами спортом, хорошо играл в волейбол. Он был незаменимой бойцовской единицей в нашей небольшой команде. Ходили слухи, что он был двоюродным братом известного музыканта, певца и барда Андрея Вадимовича Макаревича. Во всех наших хороших делах и неурядицах Леня везде был рядом с нами. Как-то незаметно его забрали в армию, и я потерял с ним связь. Позже узнал, что Леонид пришел из армии, окончил наш техникум, стал настоящим спортивным человеком. Очень хорошо показал себя в таком

виде спорта, как борьба, хотя в наше время этих наклонностей мы у него не наблюдали. Потом его взяли в районные спортивные структуры, где он руководил в Ленинском районе спортом (село Явленка). Дальше его жизненный путь мною потерян.

Большим моим другом был и Володя Дудко. Он жил в техникуме, отец его работал шофером. Володя также пошел по стопам отца. После его работы мы были все вместе, занимались спортом. Володя хорошо играл в футбол и волейбол. Он иногда надевал боксерские перчатки и пробовал себя в этом виде спорта – боксе. Мы все в то время были «боксерами», правда, боксировали без перчаток и по-настоящему с нашими так называемыми оппонентами. Происходило это в основном на танцах, особенно летом, в нашем прекрасном саду. Нашими противниками были часть ребят из Покровки и рабочие, которые появились в это время в техникуме (начали строить новый учебный корпус). Строительством занимались два десятка взрослых мужчин, часть из них, видимо, побывала в местах, не столь отдаленных. Некоторые были в наколках, с длинными волосами и вели себя очень своеобразно, завоевывая свое место под солнцем. Жили они в одном из наших общежитий.

Еще одним из моих друзей был Булат Курманов, который тоже жил в техникуме. Его младший брат на лошаденке развозил по общежитиям уголь для топки печей. Булат прекрасно играл в волейбол, был очень хорошо координирован. При среднем росте хорошо разыгрывал и подавал мячи под удары и сам неплохо их осуществлял. Его даже в этом качестве использовали в областной команде, которая выступала среди ведомственных команд. Он играл отлично, и я, смотря на его пируэты, просто любовался и гордился им. Булат был верным другом. Он быстро и легко стал любимцем нашей ватаги и всегда готов был вступиться за любого из нас. Булат был талантлив не только в спорте, но и в повседневной жизни, но по натуре у него не было врож-

денного чувства ответственности и дисциплины. Однако в целом он соответствовал своему имени (с персидского языка – стальной). В дальнейшем я не знаю, как сложилась его судьба, но в моей памяти Булат остался надежным другом. Дружба с ним дала мне много положительных эмоций.

Я не могу не сказать несколько слов и о моем старшем товарище Николае Казаченко. Он жил в Покровке, был старше всех в нашей компании, работал молотобойцем, был прекрасно одарен природой физически. Один недостаток: иногда, особенно на спор или в какой-то подходящий момент, мог в большой дозе употребить винно-водочные изделия. Однако я никогда не видел его, как говорят, в стельку пьяным. Думаю, Коля (так я его называл) больше в этом плане «нес» себя перед нами, так как мы по сравнению с ним были в отношении выпивки младенцами. Я его не помню грустным. Он часто любил подшутить над нами, выступал в качестве судьи между нашими враждующими группировками, иногда нас мирил, так как его уважали за силу и характер и те и другие конфликтующие стороны. Серьезность его внешности придавал глубокий шрам-впадина на лбу. Как-то в драке ему ударили обухом топора и проломили наружную лобную часть головы. Как говорят, бойца украшают его шрамы, что конкретно относилось и к моему старшему товарищу. Он без всякой подготовки брал на грудь запредельный вес, поставленный на штангу. Правда, и весил сам за 90 килограммов. Почему-то Коля очень дружелюбно относился именно ко мне. Вероятно, видел во мне одного из старших нашей группы, подмечал, что и я не обделен силенкой, так как вес, который я поднимал в соревновании, ему не всегда удавалось поднять, особенно в рывке. Николай, в отличие от нас, уже ухаживал за девчатами. В последние годы моей учебы он серьезно дружил с одной красивой девушкой, которая жила в техникуме, Марией Тушковой. Жизнь его кончилась трагически. Мы все, его друзья, искренне переживали. При последнем посещении техникума в 2017 г. я с

удивлением и большим удовольствием узнал, что Николай Казаченко оставил после себя сына, который работает в техникуме. Правда, у меня не было времени познакомиться с ним, но этот пробел можно будет в дальнейшем восполнить.

В моей жизни в это время произошел крутой поворот. Я долго думал, надо ли об этом упоминать? Это эпизод, который я, мои друзья и родители по-разному пережили, глубоко засел у меня в памяти и стал такой стенкой, которая всегда в дальнейшем отражала мои ненужные амбиции. Я мог, иногда и без причины, подраться, показать, как говорят, свой крутой характер. Это в то непростое время было у многих из нас в норме: играли гормоны и, следовательно, мускулы.

Так вот, в вечернее время я и мои друзья собрались в общежитии, вели как обычно различные разговоры. Вдруг забежал один из студентов с криком: «Дон, бьют брата Бориса Гладкова – Николая». Ну и как же я не мог не откликнуться на такой крик души? Мы выбежали из общежития. Я увидел Николая Гладкова, у которого все лицо было разбито, по нему текла кровь. Я подбежал к нему и спросил, кто бил. Он сказал, что Иван Соколов, который учился со мной в одной группе и был моим товарищем. Я был просто взбешен, нашел его и без выяснения причин серьезно поколотил. На этом, вроде, конфликт и закончился. Утром, войдя в комнату Ивана, увидел неприглядную картину: лицо его было опухшее, в кровоподтеках, он еле-еле открывал рот, чтобы попить воды из носика железного чайника. С Иваном мы были друзьями, но что случилось, то случилось. Наши похождения стали достоянием руководства техникума. На педсовете техникума преподаватели очень долго совещались. Голос директора техникума решил спор не в нашу пользу. Нас отчислили из техникума с правом вновь возобновить учебу в следующем учебном году.

Сейчас, рассуждая о случившемся, я ловлю себя на мысли: почему за меня не вступились так называемые «внешние силы»? У моих родителей, дяди и отца была возможность

вмешаться в эту неблагоприятную историю, надавить на директора и восстановить меня, следовательно, и Ивана в техникуме. Если бы это произошло с моим сыном, то я, конечно, вмешался бы в этот конфликт. А в то время это было не принято, а может быть, моя родня решила, чтобы я из этой ситуации вынес для себя определенный урок надлежащего поведения в студенческой семье, в учебном заведении.

Наша отлучка из техникума была примерно пять месяцев. Мы с Иваном через этот промежуток времени вновь оказались в одной группе и возобновили учебу, но уже с другими студентами. Прежняя наша группа уже закончила обучение, студенты разъехались по домам. Многие из них начали работать по специальности: одни – ветеринарами, другие – зоотехниками.

В промежутке между учебой мне пришлось много пережить и переосмыслить. Собрав свои пожитки, я поехал не домой, а на станцию Макушино, находящуюся в Курганской области, к своему брату Борису. Он после окончания Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта работал на железнодорожной станции инженером, специалистом по электронике, новом на тот период направлении регулирования железнодорожных стрелок. Я ему вначале ничего не рассказал о своем неблаговидном проступке, он с радостью меня принял. Жил Борис в небольшой комнате. Он в то время еще не был женат, и мы уже на второй день пошли в зал заниматься тяжелой атлетикой при депо станции. Мне было известно, что в Макушино функционировал аналогичный сельскохозяйственный техникум, как и наш. Я попросил брата сходить со мной к директору по поводу перевода меня в этот техникум. Директор внимательно выслушал нас и дал согласие на перевод при предоставлении в отдел кадров моих документов. После посещения техникума мне пришлось обо всем, что случилось, рассказать брату. Он очень огорчился, посоветовал сначала съездить домой в Приишимский совхоз, сообщить обо всем

родителям, а после этого на семейном совете решить, что делать дальше.

Домой пришлось ехать через Покровку. Конечно, я посетил техникум, зашел к заместителю директора Иосифу Федоровичу Белоглазову. Зная, что он активно отстаивал нас с Иваном в отношении отчисления из техникума, решил откровенно поговорить с ним. Иосиф Федорович тепло меня встретил, пожурил, отметил мою хорошую учебу и спортивную деятельность и сказал, что все это необходимо переосмыслить, перетерпеть и обязательно вернуться в техникум для продолжения учебы. Мне пришлось рассказать о посещении сельхозтехникума в Макушино, возможности там продолжить учебу. Иосиф Федорович мне не посоветовал это делать, набраться терпения и все же закончить наше учебное заведение, как он сказал, «родной техникум». Воодушевленный таким приемом, я, приехав домой, откровенно рассказал о своих мытарствах родителям. Они, к моему удивлению, без резких эмоций выслушали меня и на семейном совете в присутствии дяди Андрея Васильевича приняли решение в отношении продолжения учебы в Ленинском сельскохозяйственном техникуме. Андрей Васильевич сделал предложение вернуться на работу в совхоз и предложил мне принять тот же трактор, на котором я ранее работал и, самое главное, в пару к тому же трактористу Ивану Ивановичу Якунину.

Ваня, так я звал Ивана Ивановича, с радостью принял меня в свою компанию, и мы поочередно начали работать на одном тракторе. Эти месяцы пролетели, как один день, и я вновь на учебе в техникуме. Осталось учиться около года. В этот отрезок времени мы с Иваном Соколовым, который также вернулся в техникум, быстро влились в новый-старый коллектив зооветеринарного курса, так как в прежние времена мы с новыми одногруппниками все вместе жили в одном общежитии и тесно общались друг с другом. Через небольшой промежуток времени Иван Соколов вновь нару-

шил правила внутреннего распорядка общежития, его повторно исключили из техникума. О его дальнейшей судьбе мне неизвестно. Надо откровенно сказать, что в целом это была достаточно сильная мужская натура. Иван был прекрасным спортсменом-лыжником. Уровень его спортивных достижений в лыжных гонках был выше первого разряда. Как товарищ, он мне всегда нравился, был объективен, дружелюбен даже уже после всех наших общих с ним неурядиц. Я уверен, что он в дальнейшем нашел свой путь в жизни.

Последние месяцы учебы в техникуме были весьма напряженными. Готовились к экзаменам, вели достаточно аскетичный образ жизни: учеба – спорт – кино – отдых. Незаметно подошли экзамены. Наша группа достаточно хорошо их сдала, в том числе и я – практически на одни пятерки. Был у нас небольшой выпускной вечер, и в марте 1960 г. нас выпустили из стен альма-матер, присвоив квалификацию по специальности «зооветеринария». В хозяйствах мы могли работать и как зоотехники, и как веттехники. Последняя специальность мне больше нравилась, видимо, подходила под мою натуру.

Из студентов, закончивших техникум, мне вспоминаются мои товарищи, которые плодотворно трудились после его окончания. В частности, Геннадий Глазырин, рассудительный, думающий, хорошо ладивший со всеми, с кем учился. Я знаю, что он работал главным врачом в одном из районов Северо-Казахстанской области. Вспоминается Николай Карабейников, веселый, державшийся всегда самостоятельно, имеющий свое мнение о многих сторонах жизни. Одно время он работал преподавателем в нашем техникуме. Очень тесно контактировали с Верой Пильгуй и ее подругой Ларисой Снегиревой, красивой, всегда веселой и приветливой. Запомнилась и Валентина Плаксина, самостоятельная, думающая, имеющая большое влияние на других студенток, которые жили с ней в общежитии. Из Сергеевского района Северо-Казахстанской области в техникуме учились три

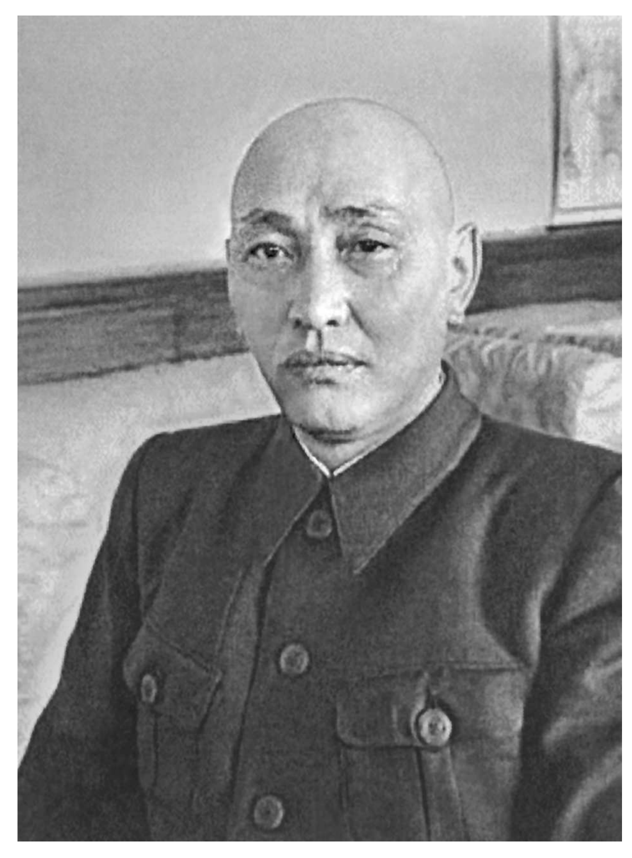
студента: Анатолий Власенко, Геннадий Ложкин и Иван Алексеенко. Геннадий Ложкин сделал неплохую карьеру: работал в райкоме партии, областном управлении сельского хозяйства Северо-Казахстанской области. Иван Алексеенко, староста группы, был очень общительным: по-моему, он дружил со всеми студентами не только нашей группы, но и всего техникума. Знаю, что он плодотворно трудился в Сергеевском районном управлении сельского хозяйства главным зоотехником, занимался животноводством района. Душой коллектива группы был Виктор Шацких, веселый, достаточно приспособленный к повседневной жизни человек. Мне пришлось два раза встречаться с Виктором по прошествии длительного времени после окончания техникума. Первый раз это было, когда он работал главным зоотехником Николаевского совхоза и жил в Николаевке, где он окончил школу. Я работал в это время в Министерстве охраны общественного порядка Казахской ССР ветврачом-инспектором. По долгу службы меня направили в это хозяйство, так как там коровы были поражены некробактериозом. Приехав в хозяйство, я с удовольствием увидел Виктора Шацких, который работал главным зоотехником совхоза. Вместе с ним поехали на ферму. Много коров были поражены некробактериозом, у животных очень интенсивно протекала эта болезнь, встречалось поражение конечностей. Мы с Виктором наметили необходимые мероприятия по борьбе и профилактике этого заболевания, составили необходимые документы. Он пригласил меня домой перекусить. С удивлением я увидел в доме его супругу, нашу однокашницу по техникуму Машу. Состоялась дружеская встреча с теплыми воспоминаниями. Второй раз встреча состоялась летом 2016 г. У меня была командировка в Приишимский совхоз. По дороге, конечно, заехал в Николаевку, чтобы повидать Виктора. Проезжая на машине по улице, где проживал мой друг, спросил у прохожих, где находится его дом. Мне сказали, что Виктор сейчас ушел в магазин. Подъехав к

магазину, через открытую дверь я услышал громкий голос Виктора. Он, как всегда, шутил с продавцами, они отвечали ему тем же. Я подошел к нему и говорю: «Что здесь за старик так громко кричит?» Он повернулся ко мне и с радостью воскликнул: «Саша, это ты!». Мы обнялись и вышли из магазина. Смотрю, он заметно хромает на левую ногу, но идет бодро. Сели в машину, подъехали к его дому, вошли. Передо мной было скромное сельское жилище, старенькая мебель, стол, стулья, диван. Сели, обнялись, я спросил о его жизни. Оказалось, что он потерял жену Машу, живет с сыном. С большой грустью мы с ним расстались. Как смог, я подбодрил его, пожелал здоровья и терпения.

После выпускного вечера закончилось наше обучение в техникуме. Кто-то смеялся, многие плакали, но жизнь на этом не остановилась, надо было думать о будущем. После выпускного вечера, переночевав на голых железных койках, так как матрасы, подушки и одеяла были сданы в хозчасть техникума, утром мы навсегда разъехались по домам. Было грустно, но такова жизнь...

По приезде домой передо мной встал вопрос: что делать дальше, идти на работу в совхоз или дальше продолжать свое образование. Я выбрал второй путь, мои родители благословили меня. Прочитал в республиканских газетах о наборе на подготовительные курсы для поступления в Алма-Атинский зооветеринарный институт лиц, окончивших школу или техникум. Посоветовавшись с родителями, я решил поехать в неизвестный мне город Алма-Ату, столицу Казахской ССР, на четырехмесячные подготовительные курсы.

На этом перелистана страница моей юношеской жизни, началась пора возмужания. Выбор сделан, передо мной открылась, как я считал, широкая столбовая дорога жизни.

Жумабай Шаяхметович Шаяхметов
первый секретарь ЦК КП Казахстана (1902–1966 гг.)

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко
первый секретарь ЦК КП Казахстанской ССР (1954–1955 гг.)

Динмухамед Ахмедович Кунаев
первый секретарь ЦК КП Казахстанской ССР (1912–1993 гг.)

Целина. Второй справа Н.А. Ерофеев, представитель ЦК КП Казахской ССР на уборке урожая (Карагандинская область)

Приишимский совхоз. Мой отец (в военной форме с родней)

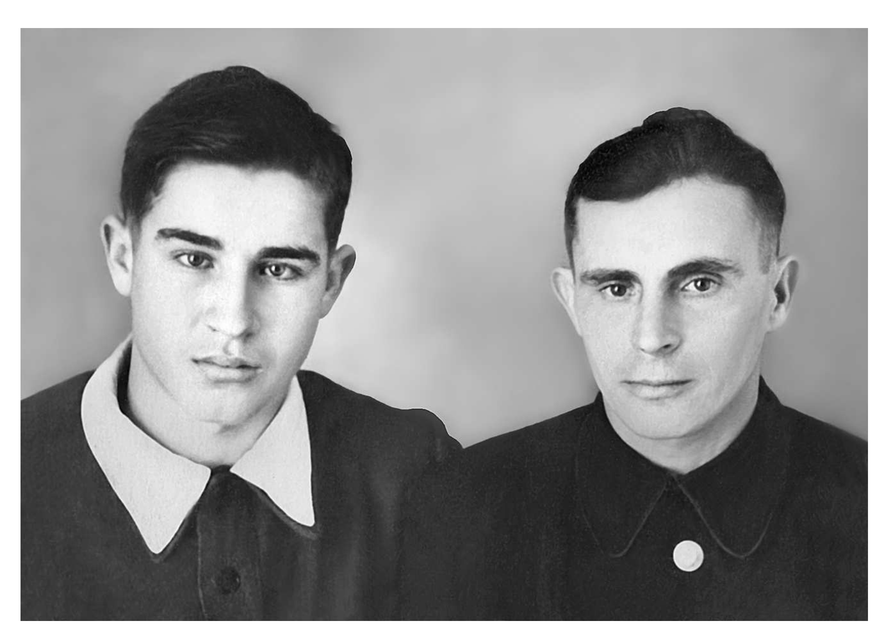
Андрей Васильевич Донченко (мой дядя)

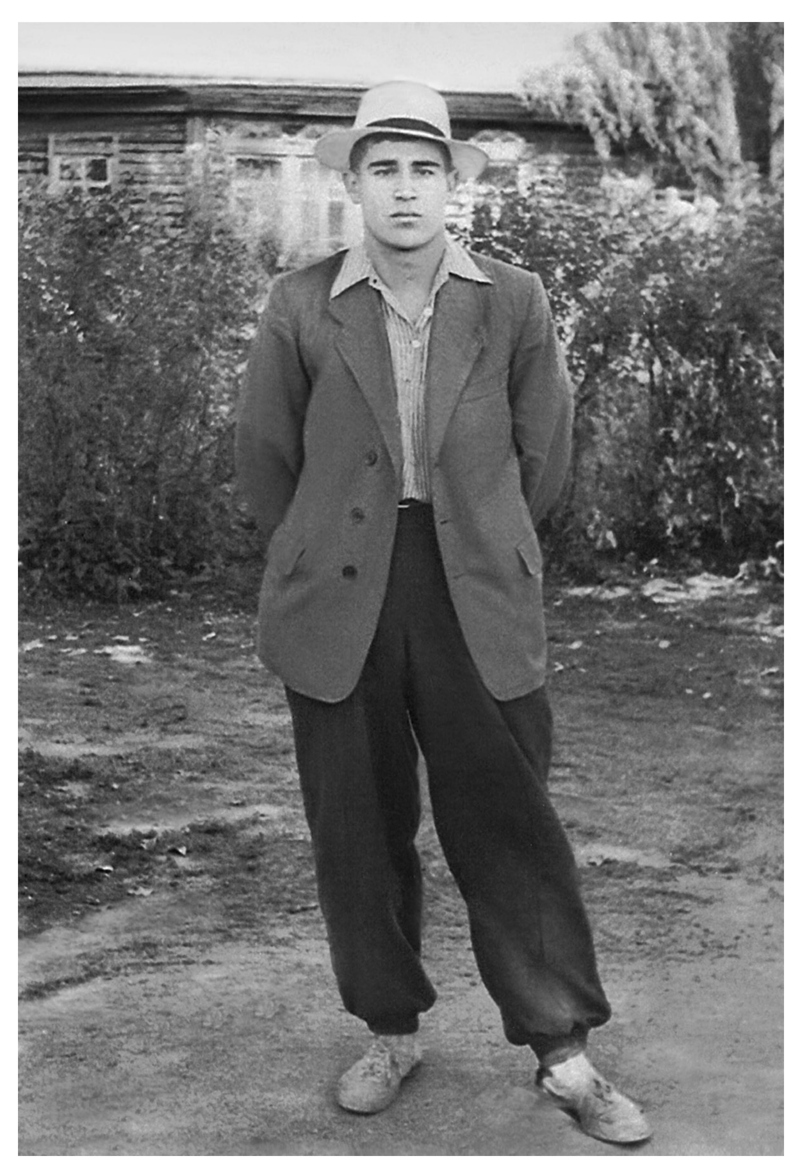
Справа – Андрей Васильевич Донченко, Нина Федоровна Донченко, Евгения Игнатьевна (моя мама)

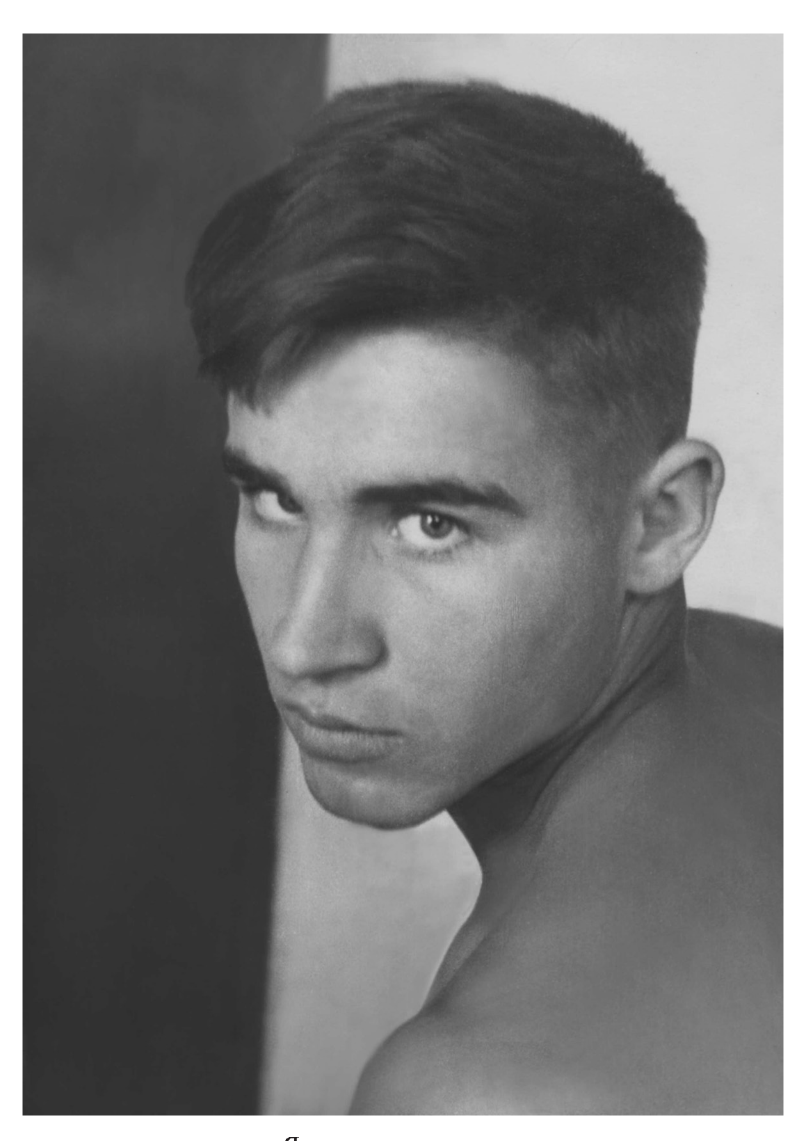
Кто-то пахал целину, а моя мама тренировалась ее защищать

Я и И.В. Донченко (мой дядя)

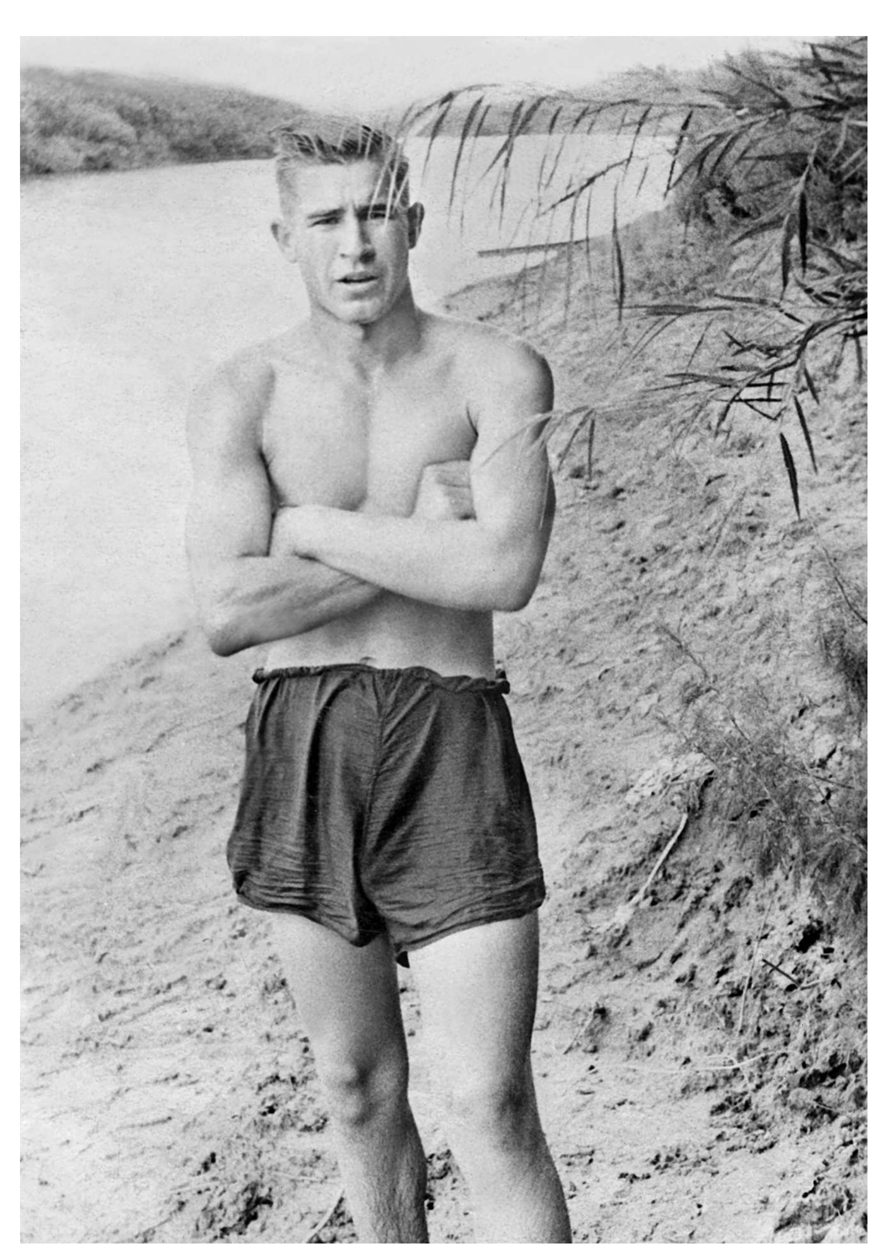
Я на фоне учебного корпуса техникума

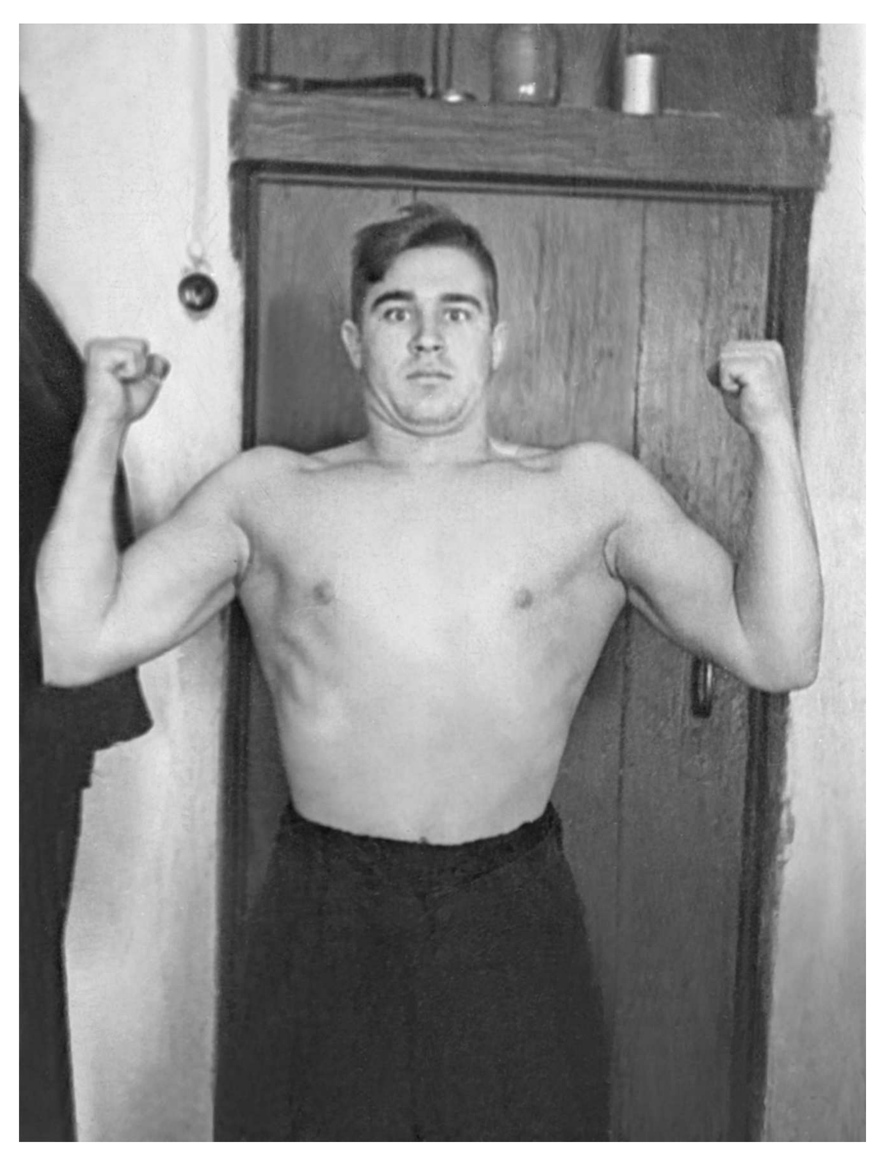
Я студент техникума

Я студент техникума

Я на пляже. Река Ишим, техникум

Я тяжелоатлет, шире двери студенческого общежития

Наша группа на занятиях по фармакологии. В центре Т.Е. Юшина – любимый преподаватель

Я третий слева

Г. Калинин, наш преподаватель (второй слева)

Друзья юности. Я слева

Студенты первого курса на работе в колхозе «Путь к коммунизму». Я справа

Каждый хотел стать шофером

Я и В. Никонова, слева – супруга Бориса Гладкова,техникум

Три друга. В. Подоксенов, я, Нефедов

Я и Т. Семенцова. Как молоды мы были

На практике. Я за рулем, рядом И. Соколов

Студенты техникума Н. Власенко (слева) и я

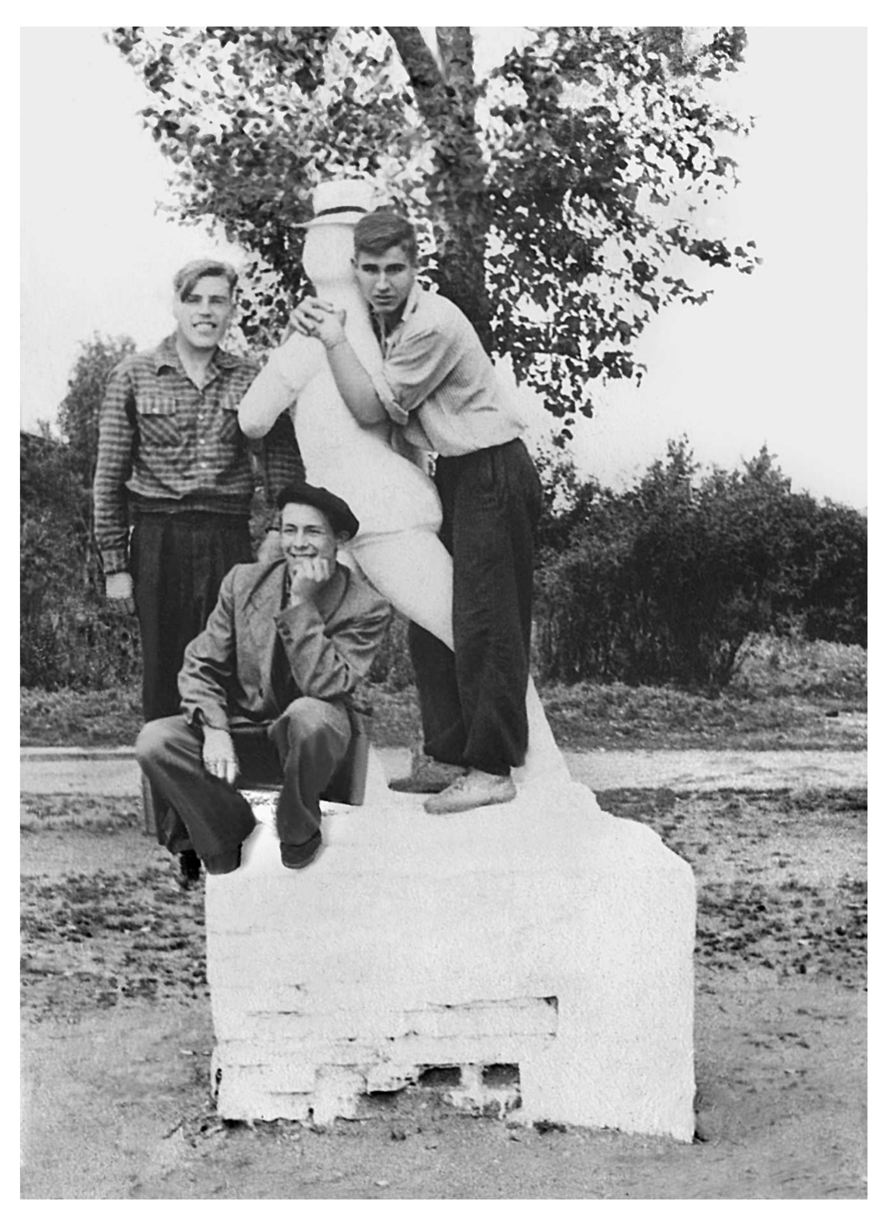
Поход в столовую. Слева Г. Непорожный, И. Донченко, четвертый – я

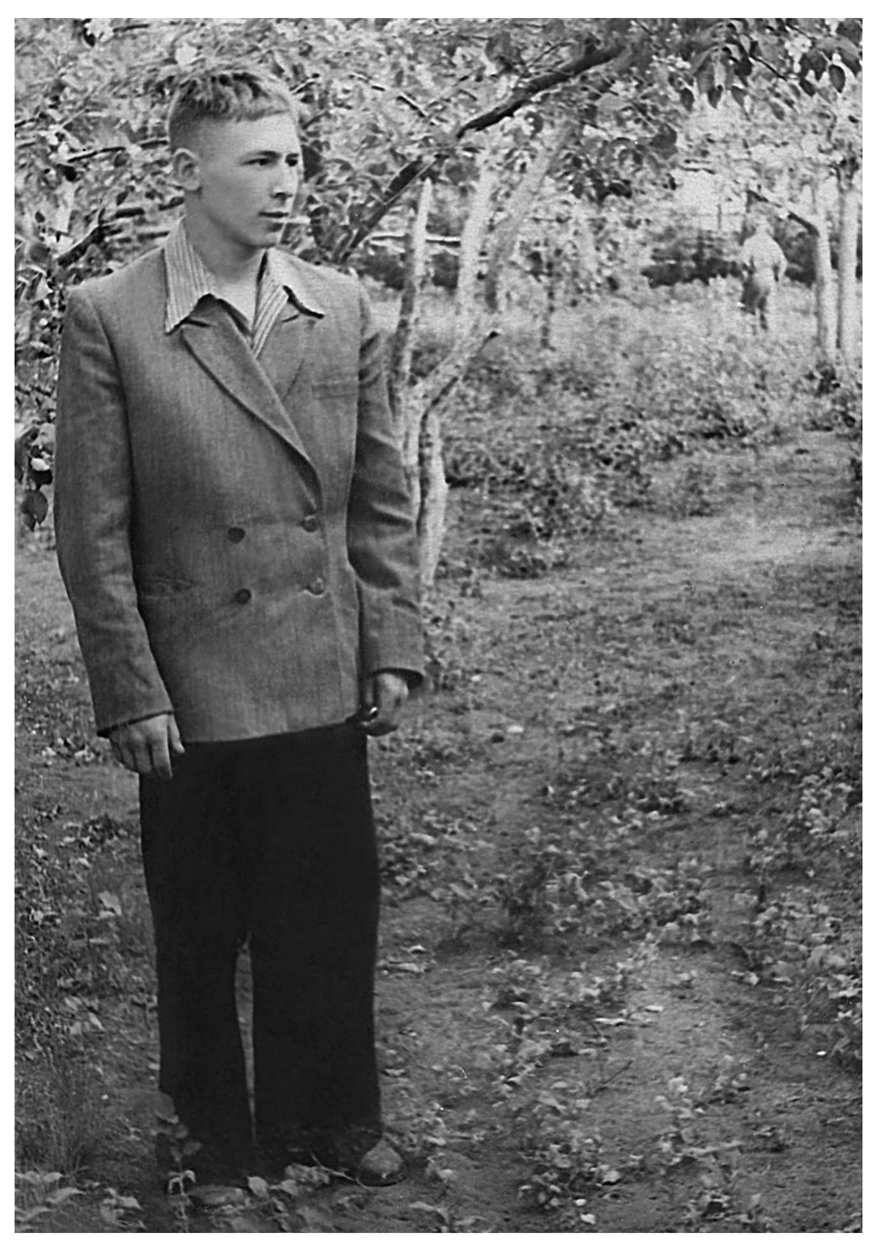
Я с моим тренером по штанге Г. Калининым

Студенты техникума. Нефедов, я, О. Сапаров,

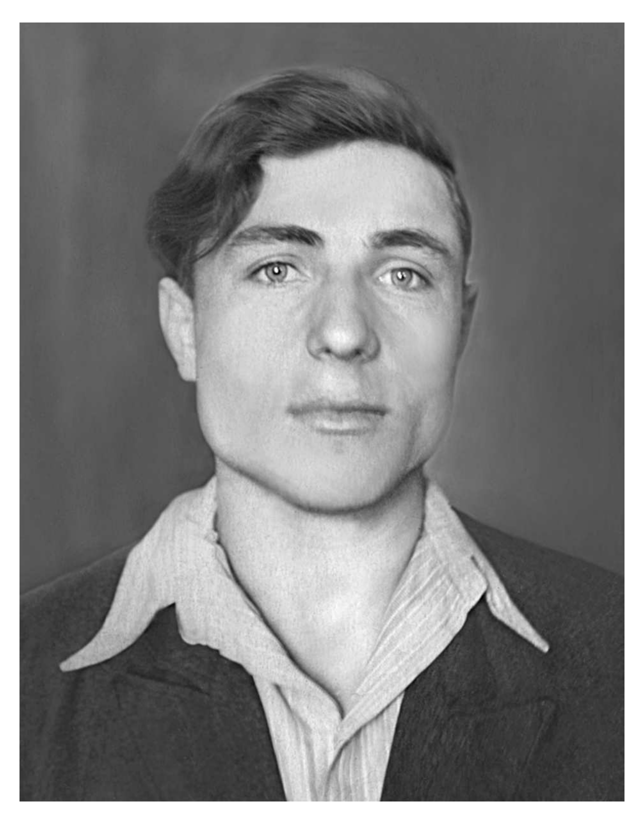
Друзья. Нефедов, Б. Гладков и я

Друг Борис Гладков

Иван Алексеенко – однокашник

Андрей Мертц – друг по техникуму

Два друга. Я и В. Подоксёнов

Я, Нефедов, Б. Гладков в парке

Свободное время, играем в домино, Я слева

Наша группа возле коровника

На футбольном поле. Я вратарь сборной техникума

Дом С.В. Донченко в Приишимском совхозе (2017 г.)

Студенты техникума. Я слева

Я с другом А. Гришиным

С.В. Донченко показывает направление развития целины в Северо-Казахстанской области как заместитель председателя Пресновского райисполкома. Я слева

Я с другом Л. Макаревичем

Наш класс. Справа я, с подбитым глазом И. Донченко

Я с братом после соревнования по штанге. Петропавловск
Северо-Казахстанской области

ГЛАВА 3

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Алма-Атинский зооветеринарный институт. Преподаватели

Если запастись терпением и проявить старание,
то посеянные семена знания непременно дадут добрые всходы.
Ученья корень горек, да плод сладок.

Леонардо да Винчи
(1452–1519 гг.)

Кто-то из великих людей сказал: «Смелому помогает и Венера, и счастливый случай». Этот афоризм определил суть моей поездки в столицу Казахстана Алма-Ату. Мне 21 год, впервые еду в большой город. Родители собрали меня в дорогу, купили билет на поезд Петропавловск – Алма-Ата. В купейном вагоне вместе со мной ехала семья – муж, жена и дочь. Оказалось, что в Алма-Ате у них есть знакомые, которые живут недалеко от вокзала и сдают комнату. В Алма-Ате мои попутчики познакомили меня с хозяевами квартиры Аржаковыми, которые показали небольшую, с отдельным входом пристройку к дому. В этой комнатке я и поселился на четыре месяца моей учебы. Начались будни – учеба на подготовительных курсах. В нашей группе было человек сорок из многих областей Казахстана. Среди них оказался близкий мне человек Володя Подоксенов, которого я знал по учебе в Ленинском сельскохозяйственном техникуме. Он тоже занимался тяжелой атлетикой, мечтал стать зоотехником. Мы вскоре познакомились со штангистами института и стали с ними по вечерам «таскать железо». Конечно, это было не в ущерб учебе.

На курсах нам преподавали предметы, которые необходимо было сдавать при поступлении в институт: химию, фи-

зику и русский язык. По окончании школы прошло четыре года, много выпало из памяти, поэтому пришлось вспомнить формулы, химические реакции, правописание, литературные образы героев. Наши преподаватели, хотя и не работали в институте, но принимали вступительные экзамены. Это было всем нам, как говориться, на руку. Помимо уроков и спортивных занятий мы знакомились с городом, ходили в кино, на спортивные соревнования, в частности, на футбол, смотрели игру известного тогда в СССР казахстанского футбольного клуба «Кайрат». Кстати, я и моя супруга Валерия Николаевна, будучи жителями столицы Казахстана, многие годы болели за эту футбольную команду.

Слово «Кайрат» с казахского на русский переводится как «сила, энергия, мощь». Команда играла в высшей лиге, и все годы учебы в институте я старался не пропускать их игру. Жаль, что в 1965 г. команда не смогла удержаться в высшей лиге. «Кайрат» играл на прекрасном, построенном в 1958 г. стадионе, где могли разместиться более 23 тысяч болельщиков. Под трибунами были хорошие помещения, где тренировались боксеры и штангисты. Со второго курса я стал заниматься в тяжелоатлетическом зале этого стадиона.

Команда «Кайрат» играла хорошо. Я помню игру Леонида Остроушко, центрального защитника Вадима Степанова, Сейльду Байшакова, нападающего Сергея Квочкина, Станислава Каминского. Последнего мы за глаза звали «мандибула» за своеобразную нижнюю челюсть. Значительно позже, будучи в командировке в Омске, я попал в областную больницу и (так бывает только в кино) познакомился со Станиславом Каминским, который там лечился. В то время он был тренером «Кайрата», мастером спорта СССР и заслуженным тренером по футболу Казахской ССР. Станислав оказался не только хорошим защитником, но и прекрасным специалистом в области футбола. Мне очень интересно было с ним общаться. Я многое узнал о внутренней футбольной кухне, в частности о сложностях, какие испытывает

тренер небольшого, но своеобразного коллектива футболистов. Может быть, от него я взял что-то полезное для моей дальнейшей профессиональной деятельности, когда пришлось руководить малыми и большими научными коллективами – от лаборатории, кафедры – до института, коллектива Сибирского отделения Россельхозакадемии.

Хорошо защищал ворота «Кайрата» Куралбек Ордабаев, интересными также были игроки Сергей Стукашов, Виктор Абгольц (перешел из Карагандинского «Шахтера»), Валерий Гладилин, Сергей Рожков, Тимур Сегизбаев, Курбан Бердыев (ныне известный футбольный тренер). В памяти сохранились и другие тренеры «Кайрата» – Н.Я. Глебов и А.А. Келлер, работавшие в разное время с командой.

Я был поражен столицей Казахстана. У этого прекрасного города очень интересная, трагическая и патриотическая судьба.

По памятникам древности, обнаруженным археологами на территории современной Алма-Аты, можно судить, что данная местность издавна была заселена кочевыми и полуоседлыми племенами. Наиболее характерными памятниками региона являлись самые крупные курганы саков VI–III вв. до нашей эры. Некоторые из них были высотой до 20 метров, диаметром основания более 100 метров и располагались на берегах рек Большая и Малая Алматинка, Есентай (Весновка), Аксай. В настоящее время большинство курганов находятся под жилой застройкой города.

Сменившие саков племена усуней, судя по находкам археологов (серпы, зернотерки, простейшие оросительные системы и другие), были хорошо знакомы с земледелием и жили в постоянных поселениях.

В дальнейшем территория Семиречья последовательно входила в Западно-Тюркский, Тюргешский и Карлукский каганаты, государства Караханидов. При карлуках в предгорной полосе Заилийского Алатау начали появляться оседлые земледельческие поселения на местах постоянных зимовок (кыстау) и города как ставки кочевой знати.

В VII–X вв. на территории современной Алма-Аты размещалось несколько небольших поселений. Одно из них предположительно называлось Алмату (Алматы) и находилось на Великом щелковом пути.

В начале XIII в. регион Алма-Аты, как и все Семиречье, подвергся монгольскому нашествию. События того времени были описаны известным государственным деятелем Захиром ад-Дином Мухаммедом Бабуром. В его мемуарах Алма-Ата названа в числе разрушенных городов. В источниках, повествующих о событиях XIV в., этот город назывался Алмалык. Так, Шереф ад-Дин Йезди, описывая поход Тимура в Могулистан в 1390 г., писал, что тимуридское войско двигалось из Ташкента к Иссык-Кулю, затем на Кок-Тобе, миновало Алмалык и далее через Каратал на Иртыш. К концу XVI в. от Алматы (Алмалыка) осталась лишь небольшая часть, в которой проживали казахи рода дулат – Старшего жуза.

В эпоху саков (VII в. до нашей эры – рубеж нашей эры) район Алма-Аты стал местом обитания сакских и позднее усуньских племен. От этого времени остались многочисленные курганные могильники и поселения; среди них выделяются огромные курганы знати – сакских царей. В эпоху саков и усуней территория Алма-Аты стала центром раннегосударственного образования на территории Казахстана.

В эпоху бронзы на территории этого города появились первые поселения ранних земледельцев и скотоводов (X–IX вв. до нашей эры). Об этом свидетельствуют следы древних поселений Теренкара и Бутакты, располагающиеся на территории города. При раскопках найдены керамика, каменные орудия, изделия из кости и металла.

На следующем этапе жизни (VIII–X вв. нашей эры) территория Алма-Аты связана с эпохой средних веков, временем развития городской культуры, переходом к оседлости, развитием земледелия и ремесел.

В X–XIV вв. города, находящиеся на территории «Большой Алма-Аты», втягиваются в орбиту торговых связей,

функционировавших на трассе Великого шелкового пути. В этот период Алма-Ата стала одним из торговых, ремесленных и сельскохозяйственных центров, даже имела свой монетный двор. Об этом свидетельствуют находки на территории нынешнего Алма-Атинского погранучилища – датируемые XIII в. две серебряные дирхемы, где впервые упоминается название города – Алмату.

Начало современному городу положено 4 февраля 1854 г., когда русским правительством было принято решение построить на левом берегу реки Малая Алматинка военное укрепление Верное.

С середины 1855 г. в укрепление начали прибывать русские переселенцы. В 1859 г. командированный из Петербурга геодезист Голубев отметил Верное точкой, и это место впервые появилось на картах мира. Город Верный 11 апреля 1867 г. стал центром Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Укрепление Верного представляло собой в плане неправильный, обнесенный частоколом пятиугольник, одна сторона которого располагалась вдоль реки Малая Алматинка. Впоследствии деревянный частокол был заменен стеной из сырцового кирпича с бойницами. Основные строения возводились вокруг большого плаца для военных смотров и учений.

В 1855 г. прибыли первые поселенцы из Центральной России, заложившие основание Большой и Малой Алматинских станиц и Татарской слободки. В этом же году в Верное был перенесен административный центр Алатауского округа, а 13 июля 1867 г. учреждено Семиреченское казачье войско. 28 мая 1887 г. произошло сильнейшее Верненское землетрясение, в котором погибли 322 человека, было разрушено 1798 кирпичных домов. Некоторые постройки того периода сохранились и до настоящего времени являются памятниками истории, архитектуры, которые охраняются государством. В память о трагедии горожане поставили часовню. Жаль, что она была снесена в 1927 г.

В городе Верный в 1897 г. проживали 22 744 человека. Распределение населения по родному языку было следующим: великорусский (русский) – 58,3%, таранчи (уйгурский язык) – 8,7, киргиз-кайсакский – 8,2, сартский – 7,0, малорусский (украинский) – 5,5, китайский – 5,4, татарский – 5,3%.

Накануне 1913 г. в городе уже проживали более 41 тысяч человек и имелось 59 промышленных предприятий.

В 1918 г. в Верном была установлена советская власть. Город с областью вошли в Туркестанскую автономию (ТАССР) в составе РСФСР. 5 февраля 1921 г. было решено переименовать Верный в Алма-Ату по старинному названию местности: Алматы – «Яблоневое». Столица Казахской АССР в составе РСФСР 3 апреля 1927 г. из Кызылорды была перенесена в Алма-Ату. Это стало дополнительным толчком к интенсивной застройке города. С 1936 г. (с момента образования Казахской ССР) Алма-Ата стала столицей сначала Казахской ССР, а затем независимой Республики Казахстан.

Со 2 по 13 января 1918 г. в Верном состоялся Второй областной съезд Советов крестьянских депутатов. На съезде принято решение о передаче власти в городе Советам. Совнарком Семиреченской области 22 марта ликвидировал органы переселенческого управления и принял решение публиковать официальные постановления на русском и казахском языках.

В мае 1919 г. в Верном был проведен областной слет акынов (поэтов), в котором активное участие принимал Жамбыл Жабаев (Джамбул Джабаев, 1846–1945 гг.).

На начало 1920 г. в городе насчитывалось пять концертных залов и цирк-шапито на Гостинодворской площади. По инициативе Д. Фурманова 24 мая 1920 г. в Верном открыты Казахские педагогические курсы.

В ночь с 8 на 9 июля 1921 г. на город по руслу реки Малая Алматинка обрушился гигантский грязекаменный поток.

Почти три миллиона кубических метров селевой массы разрушили 65 и повредили 82 жилых дома, 18 мельниц, 177 хозяйственных построек, 2 кожевенных завода, табачную фабрику.

В 1874 г. крестьянин-переселенец Егор Васильевич Редько (садовод-любитель) привез из Воронежской губернии России саженцы яблонь. Гибрид с дикой местной яблоней стал прародителем знаменитого алматинского апорта, достигавшего массы одного плода 500–800 граммов.

После 1941 г. вследствие массовой эвакуации заводов и рабочих из Европейской части СССР во время Великой Отечественной войны Алма-Ата из административно-торгового пункта с приграничнo-охранным назначением и слаборазвитой промышленностью превратилась в один из крупнейших промышленных центров Советского Союза. Особое значение в этом процессе сыграло расположение города, находившегося в глубоком тылу. За 1941–1945 гг. промышленный потенциал города увеличился в несколько раз. Население города выросло от 104 тысяч человек в 1919 г. до 365 тысяч в 1968 г.

В 1967 г. в городе насчитывалось 145 предприятий, причем основная их масса – предприятия легкой и пищевой промышленности, что несколько отличало город от типичного советского уклона в сторону тяжелой промышленности и производства средств производства.

В Алма-Ате довольно сложная экологическая ситуация из-за расположения города в предгорной котловине, поэтому она страдает из-за сильной загазованности воздуха. Город изначально был рассчитан проектировщиками на 400 тысяч жителей, однако численность в последние годы приближается к двум миллионам человек. Над городом постоянно висит серый смог. Более 80% загрязнения воздуха приходится на автотранспорт. По последним данным, в Алма-Ате 800 тысяч автомашин, и число их с каждым годом растет. По версии международной рейтинговой компа-

нии «NYC Partnership Consulting» в 2010 г., город Алма-Ата вошел в число самых загрязненных городов мира.

Это послужило причиной перенести столицу Казахстана в город Акмолу (1902–1998 гг.), который был переименован 10 июня 1998 г. в Астану (столица), которая стала столицей Республики Казахстан. Следует добавить, что ранее Акмолу называли Целиноградом (1992–1990 гг.), еще ранее – Акмолинском (1961–1998 гг.). Перенос столицы Республики Казахстан позволил несколько уменьшить диспропорциональное миграционное давление на Алма-Ату, направить почти 300 тысяч внутренних мигрантов в новую столицу. Однако многие проблемы, имеющиеся в этом городе, так и не решены.

С 1993 г. в связи с переименованием в официальном употреблении государственными органами Казахстана на русском и казахском языках город называется Алматы.

По мнению Виктора Храпунова, бывшего с 1997 по 2004 г. акимом города, тот стал называться Алматы в результате подтасовок. Он говорил: «Это сделал Серикболсын Абдильдин в бытность свою председателем Верховного Совета Казахской ССР». «Когда принимали Конституцию, написали и в русском, и в казахском вариантах, что столицей нашего государства является город Алматы. Я был тогда депутатом Верховного Совета и читал этот документ. Но я не смотрел преамбулу – смотрел каждую статью Конституции, и мы боролись за каждую запятую в этих статьях. А насчет Алматы решили, что это просто опечатка. Думал, корректоры и редакторы будут проверять – поправят и сделают все, как надо. Но когда мы получили на руки готовую Конституцию, то увидели, что в обоих вариантах так и осталось название Алматы. Хотя никаких решений горсоветом, маслихатом, акиматом не принималось и никаких документов на этот счет подписано не было». Позже вышел имеющий силу закона Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 1995 г. № 2457, в котором было написано: «...столицей Республики Казахстан является город Алматы».

В 1995 г. в России было опубликовано Распоряжение Администрации Президента Российской Федерации № 1495 от 17 августа 1995 года «О написании названий государств – бывших республик СССР и их столиц» в соответствии с которым «в документах, создаваемых в Администрации Президента Российской Федерации, в служебной переписке и официальных переговорах» столицу Казахстана следует именовать «Алма-Ата». В соответствии с этим распоряжением в картографических изданиях Росреестра употребляется наименование «Алма-Ата».

Герб Алма-Аты представляет собой основу в виде круглого восточного щита. На переднем плане изображен снежный барс, держащий в пасти ветку с восемью яблоневыми цветами, которые олицетворяют собой восемь районов города. Барс уверенной поступью идет вперед, его правая лапа приподнята вверх для следующего шага, но при этом голова его обращена чуть назад, что говорит о преемственности в развитии города от древнейших эпох до современности. На заднем плане изображена снежная вершина гор Заилийского Алатау в местности, на которой расположен город. Фоном всего герба является голубой цвет – цвет флага Республики Казахстан. Круг обрамлен декоративными линейными лентами и гнездами уыка (элементам шанырака). На золотом фоне красным цветом по кольцу изображен казахский национальный орнамент, который переплетается со словом «Алматы».

В настоящее время Алма-Ата – крупнейший город Казахстана, известный как «Южная столица». На 1 февраля 2016 г. его население составляло 1 716 779 человек. Город является ядром Алма-Атинской агломерации с населением 2460,4 тысячи человек на 1 января 2015 г. На начало 2015 г. в Алма-Ате казахи проживали в количестве 936 063 человек (56,99%), русские – 467 541 (28,47%), уйгуры – 88 (5,41%), корейцы – 30 376 (1,85%), татары – 23 193 (1,41%) и многие другие национальности. Характерной чертой современного

города является его многоязычие. Здесь широко используются русский и казахский языки.

В столицу Казахской ССР мне посчастливилось приехать в 1960 г. Алма-Атинский зооветеринарный институт находился в то время на улице Арычная, 46. Нашел свою группу таких же «недотеп», что приехали пополнить свои знания по дисциплинам, которые необходимо было сдавать на вступительных экзаменах. Предварительно я уже определил свою судьбу, решив получить профессию ветеринарного врача. Все было просто: я выбрал ту специальность, которая, как я считал, была одна из основных, необходимых для жизни в селе.

Очень хорошо, что я определился с поступлением именно в Алма-Атинский зооветеринарный институт, а не в Омский ветеринарный, который ближе расположен к Приишимскому совхозу, где я жил с родителями. Алма-Атинский зооветеринарный институт имел впечатляющую историю. Институт организован в 1929 г. для подготовки ветеринарных врачей и зооинженеров широкого профиля со специализацией по каракулеводству, птицеводству, коневодству и другим отраслям животноводства. Это было первое специализированное высшее зооветеринарное учебное заведение в Казахстане. При моем поступлении в институт в 1960 г. его возглавлял Г.К. Конакбаев (1958–1963 гг.). Четыре месяца учебы на подготовительных курсах закончились быстро. За это время мы достаточно поднаторели по необходимым вступительным дисциплинам и были готовы к сдаче экзаменов.

Я сдал в приемную комиссию документы для поступления, уехал домой в Приишимский совхоз и стал ждать вызова на экзамены. Волновался, конечно, и с нетерпением бегал на почту. Штудировал записи по физике, химии и русскому языку, просматривал учебники. Вызов пришел, сборы были недолгими. Бабушка в дополнение к костюму сшила, как мне тогда казалось, шикарные брюки из ситца с пуго-

вичными застежками на лодыжках. Надев сандалии и эти брюки, которые держались на резинке, взяв небольшой скарб, поехал в Алма-Ату. Все это уже было для меня не в новинку.

В вызове было указано общежитие, где я должен был проживать на период сдачи экзаменов. Оно располагалось на улице Арычная, возле учебного корпуса института. В дальнейшем периоде нашего обучения там жили студенты зоотехнического факультета. Нас, абитуриентов, разместили в большой комнате, где вмещались примерно 10–15 человек. Вначале мы общались между собой не особенно активно. Было не до этого: каждый, видимо, прокручивал в голове ответы на вопросы экзаменационных билетов. Мне опять повезло, так как в это время в аспирантуре уже год учился мой бывший преподаватель по Ленинскому сельскохозяйственному техникуму Петр Иванович Сутулов. Жил он в полуподвальном помещении этого же общежития со своей молодой супругой, моей однокашницей по техникуму Верой Пильгуй, теперь уже под фамилией Сутулова. Общение с ними давало мне много положительных эмоций: я был не один, со мной мои друзья, которые всей душой поддерживали меня. Кстати, в это же время Вера поступала на зоотехническое отделение заочного обучения, так что Петр Иванович переживал за нас обоих. Я перенес свой скромный багаж к ним в комнату, что в дальнейшем мне очень помогло. Ночью нашу комнату в общежитии обокрали, воры залезли через открытые окна. Многие лишились всего необходимого, в частности и одежды. Один я отделался легко, у меня сперли только «бабушкины» ситцевые штаны стоимостью в несколько рублей. Я спустился вниз в одних трусах к Сутуловым и под общий хохот переоделся. В жизни и не такое бывает.

Вот и экзамены. Математику и химию сдал на «отлично», русский письменный – на «хорошо». Такие баллы были проходными, и меня зачислили на первый курс Алма-Атинского зооветеринарного института – на ветеринарный фа-

культет. Я попал в десятую группу. В основном там были ребята из Гурьевской области, несколько человек из Актюбинской и один я из Северного Казахстана. Несколько человек поступили также из Алма-Атинской области и Алма-Аты. Из Алма-Аты на нашем факультете учились всего несколько студентов. Это и понятно: в таком большом научно-образовательном анклаве, как Алма-Ата, можно было поступить и в более престижный для жителя города институт, как считали местные городские ребята. Здесь был большой выбор учебных заведений, начиная от Казахского государственного университета, медицинского, политехнического институтов, Института физкультуры и целого ряда других. Наш институт, как мне позже сказала моя жена Валерия Николаевна, которая закончила биологическое отделение Казахского государственного университета, называли «конно-балетным институтом». У меня такое определение вызывало только улыбку. Я точно знал, что моя специальность – ветеринарный врач – очень нужна сельскому хозяйству, особенно Казахстану, где животноводство в то время по своей значимости не уступало, а, может быть, даже превалировало над другими отраслями сельскохозяйственного производства.

Приезжим студентам предоставили общежитие в полуподвальном помещении. В нашей комнате жили, наверное, не менее десяти студентов. В студенческой семье больше всего было казахов, остальные – русские, белорусы, украинцы, азербайджанцы, китайцы (два студента), уйгуры, татары и ребята других национальностей. За весь период учебы и в дальнейшей моей жизни в Казахстане я не встречался с какими-то национальными баталиями, интригами, даже бытовым недопониманием. Мы жили единой семьей, и я с большой теплотой вспоминаю своих однокурсников, моих коллег и друзей.

Помимо учебы сразу стал заниматься тяжелой атлетикой. В институте имелся неплохой спортивный зал, где зимой шли уроки физкультуры, играли в волейбол, а вечером

можно было «тягать железо». К нашему поступлению произошла смена поколений тяжелоатлетов. Из числа студентов первого и второго курсов таких было человек восемь, которые организовались в одну группу-команду.

Первые наши успехи были не слишком высокие: примерно около второго (или чуть выше) разряда. Это и понятно: подготовительные курсы (я и о себе), потом сдача вступительных экзаменов отняли много не только физических, но и эмоциональных сил. Еще не был налажен быт, не отрегулировано питание, было много суеты по устройству и адаптации к институтской жизни. Однако все шло своим чередом, последовательно и с нарастающими положительными результатами.

Студенческий распорядок обычно начинался с семи часов утра: подъем, после необходимых сборов примерно 500–700 метров пешком, столовая, после нее уроки, которые продолжались до обеда. Далее обед из первого, второго и третьего (компота или чая). Кстати, в то время хлеб лежал на столах и был бесплатным, и в нашем рационе он занимал ощутимое место. На питание обычно тратили один рубль в день. После обеда небольшой отдых в общежитии: кто спал, кто читал, кто играл в шахматы. Некоторые ребята готовились к следующему учебному дню.

Следует заметить, что учебников по специальности было мало, точнее, их практически не существовало. Компьютеров в то время также не было. Мы сразу поняли, что только конспектирование лекционного материала позволит нам в дальнейшем сохранить преподносимые нашими преподавателями специальные знания и в дальнейшем успешно сдавать зачеты и экзамены. В связи с этим подавляющее большинство студентов конспектировали практически все лекции. Из-за этого в группах не было прогульщиков. У меня и до настоящего времени есть записи лекций практически по всем предметам. По ним затем учились и закончили ветеринарный факультет сын Николай и дочь Ольга.

Вечером три раза в неделю я занимался по полтора-два часа тяжелой атлетикой: это и бег, и работа со штангой и с 32-килограммовыми гирями. Особенно я любил такие упражнения – броски гири через себя. С удовольствием делал становые тяги штанги. Проводил работу с небольшим весом над освоением техники по поднятию штанги по трем тяжелоатлетическим упражнениям: жиму, рывку и толчку. В начале 60-х годов при жиме и толчке взятие штанги на грудь проводили техническим приемом под названием «ножницы». Этому техническому приему уделяли большое внимание на тренировках, брали со стоек штангу и приседали с ней на груди в ножницах: одна нога была впереди, другая – сзади. Уже гораздо позднее подъем штанги на грудь начали проводить техническим приемом разножкой – подседом под штангу.

После тренировок (а это уже был вечер), идя в общежитие, думал: где бы и что бы перекусить? Молодому организму нужны были хорошие калории. Пополнял их я следующим образом. Наше студенческое общежитие было расположено около военного пограничного городка, где жили семьи офицеров. На его территории был небольшой колхозный ларек, в котором продавали овощи. Один килограмм прекрасных помидоров стоил (не удивляйтесь) пять копеек. Купив два-три килограмма помидоров и булку серого хлеба, я с большим аппетитом все это съедал в общежитии. У многих моих однокурсников даже такого ужина иногда не имелось. В таком ракурсе шли недели и месяцы первого года моего обучения в институте. Мы посещали и кинотеатры, особенно ТЮЗ, расположенный на улице Калинина, где сеансы шли в неблагоустроенном помещении. Однако для нас это был «кайф»! На улице Калинина размещался театр юного зрителя. Рядом с ними была расположена одноэтажная деревянная школа № 10, которую окончила моя супруга Валерия Николаевна. Сама улица у молодежи называлась «Бродвеем». Здесь перед киносеансами фланировали влюб-

ленные пары, спортсмены (рядом было общежитие института физкультуры), группами ходили «качки» и много другого народа. Мы, первокурсники из деревень и аулов, приглядывались ко всей этой мишуре, наверное, завидовали и, как говорят, все это брали на свой ум. Я и не представлял тогда, что через два года я буду жить на этой улице как член семьи Ерофеевых – Донченко. Но об этом разговор будет позже.

Деканом ветеринарного факультета в начале нашей учебы был доцент Василий Степанович Козлов, в последующем – доцент А.А. Сазонов, далее П.М. Бутов. Занятые в учебном процессе как преподаватели, они тесно контактировали со студентами.

Нашу группу курировал Алексей Иванович Гуляев, доцент, преподаватель кафедры клинической диагностики. Алексей Иванович пришел в институт из науки, точнее, из Казахского НИИ ветеринарии. Занимался тематикой бруцеллеза сельскохозяйственных животных, защитил диссертацию, как я помню, о роли в эпизоотологии бруцеллеза крупного рогатого скота собак, инфицированных возбудителем бруцеллеза. В результате его исследований в дальнейшем эпизоотологи и практическая ветеринарная служба учитывали роль таких собак, как индикаторов благополучия стад крупного рогатого скота по бруцеллезу. Алексей Иванович много нам помогал в повседневной жизни, часто рассказывал о практической ветеринарной службе, так как сам работал непосредственно в хозяйстве. Он был заядлым рыбаком и охотником, любил и знал место шутки в студенческой жизни, был не обделен габаритами и силушкой. Я знал, что он в результате научных поисков заразился бруцеллезом, активно переболел, лечился и в конце концов практически освободил свой организм от возбудителя этой инфекции. Память о бруцеллезе осталась у него лишь в виде небольших поражений суставов пальцев рук. Алексей Иванович был супругом очень уважаемой в студенческой среде Галины Максимовны Ивановой, которая работала на кафедре мик-

робиологии. В период нашего обучения она была кандидатом ветеринарных наук, позже защитила докторскую диссертацию. Надо отдать ей должное: именно она определила мою дальнейшую судьбу в науке, предложив мне и моему одногруппнику Володе Мартыненко помогать ей в проведении научных исследований.

Отец Галины Максимовны Максим Иванович Иванов был видным казахстанским микробиологом. Родился он в селе Варыпаевка Аткарского уезда Саратовской губернии в семье крестьянина. Получив начальное образование в двухклассном железнодорожном училище, дополнительно окончил Саратовское четырехклассное городское училище. В 1911 г. поступил в нотариальную контору города Саратова на должность переписчика. С 17 лет начал работать конторщиком на Рязано-Уральской железной дороге. Одновременно занимался повышением своего образования и к 1915 г. экстерном сдал экзамен на звание двухклассного учителя.

В 1915 г. Максим Иванович был призван в царскую армию, затем направлен на учебу в школу прапорщиков. По окончании ее в звании офицера отправлен на германский фронт. После демобилизации из российской армии в чине штабс-капитана вернулся на гражданскую службу конторщиком Рязано-Уральской железной дороги.

В 1918 г. Максим Иванович был избран членом Главной военной коллегии Рязано-Уральской железной дороги, после реорганизации которой зачислен на должность помощника начальника Главного военно-дорожного отдела Рязано-Уральской железной дороги, затем командира отдельного железнодорожного батальона. В 1921 г. переведен на должность помощника начальника Волжской милиции, в 1922 г. назначен командиром батальона в войска частей особого назначения. В 1922 г. поступил в Саратовский государственный ветеринарный институт, совмещая учебу со службой в Красной Армии вплоть до демобилизации. В эти же годы одновременно работал в Саратовском сельскохозяйст-

венном институте в должности делопроизводителя. В мае 1926 г. защитил дипломную работу с присвоением квалификации ветеринарного врача.

Вплоть до 1928 г. М.И. Иванов работал ветеринарным врачом в Саратове. В 1928 г. поступил на работу в Государственный перипневмонический институт (село Левашово Саратовской губернии) вначале на должность ассистента, затем старшего ассистента и впоследствии – заместителя директора института по научной части.

В 1930 г. Государственный перипневмонический институт был переведен в Сибирь и соединен с Западно-Сибирским краевым научно-исследовательским ветеринарным институтом (Омским НИВИ), в котором М.И. Иванов выполнял обязанности старшего научного сотрудника и заместителя директора института по научной части.

В марте 1934 г. М.И. Иванов был введен в число ста крупных специалистов, утвержденных НКЗ СССР для работы в сфере ветеринарной науки. В начале октября 1934 г. он перешел на работу в Омский ветеринарный институт и был зачислен на должность заведующего кафедрой эпизоотологии. Во второй половине 1934 г. приглашен в Казахстан руководителем Казахского научно-исследовательского ветеринарного института. При этом институт письменно гарантировал ему создание благоприятных, по меркам того времени, социальных и бытовых условий. Он 1 мая 1935 г. переехал в Алма-Ату на работу в КазНИВИ (в то время Казахская научно-исследовательская ветеринарная опытная станция) на должность научного руководителя.

В августе 1935 г. Ветеринарное управление Казнаркомзема и КазНИВИ командировали М.И. Иванова в Восточный Казахстан для налаживания работы одного из филиалов КазНИВИ – Семипалатинской научно-исследовательской ветеринарно-бактериологической лаборатории.

В силу постановления СНК СССР от 13 января 1934 г., касающегося правил представления к званиям и ученым

степеням, Западно-Сибирский краевой научно-исследовательский ветеринарный институт (Омский НИВИ) дал высокую оценку научных трудов М.И. Иванова для дальнейшего представления их в соответствующее учреждение и получения искомой степени.

На основании уведомления ВИЭВ от 13 октября 1935 г. № 3206/25 и в соответствии с приказом № 171 по КазНИВИ от 1 ноября 1935 г. Максиму Ивановичу Иванову была предварительно присвоена ученая степень кандидата ветеринарных наук и звание исполняющего обязанности действительного члена научно-исследовательских учреждений.

На заседании Квалификационной комиссии ВАСХНИЛ 29 июля 1936 г. (протокол № 36) М.И. Иванов как автор более 18 научных работ, посвященных проблемам ликвидации перипневмонии крупного рогатого скота, выполненных им самостоятельно и в соавторстве, был утвержден в ученой степени кандидата ветеринарных наук без защиты диссертации. Протокол заседания 16 ноября 1936 г. утвердил президент ВАСХНИЛ.

С момента назначения ученого научным руководителем КазНИВИ уровень выполнения НИР в институте качественно улучшился.

В апреле 1938 г. Максим Иванович был принят на должность заведующего кафедрой эпизоотологии Алма-Атинского зооветеринарного института. Одновременно ему была предоставлена научная командировка для защиты докторской диссертации.

На заседании ученого совета Казанского государственного зоотехническо-ветеринарного института 22 октября 1938 г. Максим Иванович блестяще защитил диссертацию «Серологические методы исследования при перипневмонии крупного рогатого скота» на соискание ученой степени доктора ветеринарных наук. После защиты диссертация получила высокую оценку в ветеринарной печати.

М.И. Иванов – автор более 70 научных работ по проблемам ветеринарной микробиологии, иммунологии и эпизоотологии. В 30-е годы в СССР была актуальной проблема полной ликвидации перипневмонии крупного рогатого скота. Одно из ранних исследований Максима Ивановича посвящено этой проблеме. Несколько позже им были разработаны научные подходы к практическому разрешению в перспективе проблемы борьбы с бруцеллезом сельскохозяйственных животных, в их числе применение сапонин-вакцины против бруцеллеза овец. Результаты его десятилетней работы по применению метода активной иммунизации против бруцеллеза сельскохозяйственных животных были представлены Алма-Атинским ЗВИ на соискание премии Академии наук СССР – Золотой медали имени И.И. Мечникова. Ивановым и его учениками выполнены научные исследования и по другим инфекционным болезням: энцефаломиелиту и лимфангаиту лошадей, паратифу овец, бешенству животных, чуме собак, паратуберкулезу крупного рогатого скота. Эти исследования имеют большое теоретическое и практическое значение. М.И. Иванов был научным руководителем целой плеяды блестящих ветеринарных ученых, в том числе докторов наук и профессоров, которые длительное время работали в КазНИВИ. Многие его научные работы использованы в инструкциях, учебниках и цитировались многими исследователями, в том числе учеными с мировым именем.

Максим Иванович награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Похоронен на Центральном кладбище Алма-Аты.

Подробно хочу остановиться на семье Г.М. Ивановой – А.И. Гуляева, потому что считаю их крестниками, благословившими меня заниматься научной работой. В дальнейшем (так сложилась судьба) мы очень близко общались многие годы. Я бывал у них дома, они хорошо знали мою семью, так как мы в Алма-Ате близко жили друг от друга.

Я должен, даже обязан, упомянуть фамилии моих однокашников по 10-й группе. С некоторыми из них работал в Гурьевской области, с другими непосредственно контактировал уже по работе в хозяйствах других областей Республики Казахстан.

Близко я дружил с В.И. Мартыненко, А.С. Жумашевим, А. Тажибаевым, С. Гаджиевым. С последними тремя однокурсниками дружу и до сегодняшнего дня. С ними и после окончания института приходилось встречаться, решать производственные, бытовые и научные проблемы.

Будучи директором Гурьевской научно-исследовательской ветеринарной станции (г. Гурьев) на протяжении шести лет работал с С. Кустановым, К. Исамберлиевым, И. Альмухановым, С. Хамиевым и другими. В нашей группе учились ребята из других областей Казахстана: Ш. Колтаев, Р. Сапаков, Р. Сулейменова, А. Литке, С. Джайкиев, Б. Дуйсенов, Н. Жугунисов, Г. Антоненко, Т. Акбаев, К. Нигматулин, М. Акнозаров, М. Мухитов.

На втором курсе студентов, которые были отмечены как наиболее способные в учебе и имеющие неплохие спортивные и общественные результаты, «подняли» на третий этаж нашего общежития, предоставили лучшие комнаты. Со мной жили два студента, занимающиеся борьбой, – С. Дошпанов и Ж. Избасаров (будущий мастер спорта) и Сайляу Кайербеков – штангист. Правда, Сайляу не окончил институт, стал профессионально заниматься тяжелой атлетикой, выполнил в легком весе норму мастера спорта, часто выступал на соревнованиях.

Конечно, у меня были друзья и из других групп нашего курса. К четвертому году обучения некоторые студенты были отчислены из института по разным причинам, и наша десятая группа стала девятой. Было у нас много товарищей из других образовательных и научных учреждений. Одним из первых моих тренеров в Алма-Ате по штанге был Владимир Иванович Хох. Он тренировал штангистов Казахского

государственного университета. Владимир Иванович был к нам очень внимателен, часто подсказывал, как и в какой последовательности тренироваться, как подготовить себя к соревнованиям. Тренировались мы в двух небольших комнатках Дома спорта Казахского государственного университета. Здесь же было неплохое футбольное поле, беговые дорожки. Зимой футбольное поле заливали водой, и получался прекрасный каток. Для втягивания в тренировочный процесс (бег, прыжки, катание на коньках) мы использовали и зимний, и летний варианты футбольного поля. В Казахском государственном университете были хорошие штангисты – братья Харламовы, Лема Хасуев и многие другие. В.И. Хох неоднократно после моей свадьбы предлагал мне перейти из Алма-Атинского зооветинститута в Казахский государственный университет на биологическое отделение: «Там у нас же учится твоя супруга»,– говорил он мне. Меня и Валерию Николаевну этот вариант перехода как-то не особо вдохновил. Мы оставили все, как было. Видимо, это предначертано судьбой.

Особенно я был дружен со штангистом Михаилом Вязниковым. Он года на два был моложе меня, учился в Институте физкультуры. У Миши были прекрасные физические данные. Выступал он в среднем весе. Хорошие у него были результаты в жиме (здесь он был лидером среди студентов), хуже – в рывке, в толчке – примерно на 5–10 килограммов выше результатов жима. Результат в троеборье у него был где-то около мастера спорта. Миша дружил с девушкой Машей, она училась на биофаке госуниверситета. Он мне все время говорил, что как только она закончит учебу, то они уедут на свою родину – в Алтайский край, город Рубцовск. Мы с Мишей дружили, даже носили общие куртки. Один раз после тренировки взяли билеты в кино, попили виноградного сока (на большее не было денег), после кино вышли из кинотеатра. Было уже 11 часов ночи. Он мне говорит: «Знаешь, Саня, а мне негде сегодня ночевать». Я не стал

спрашивать, почему он оказался без ночлега. Стали искать выход из этого положения. Идти (ехать) ко мне в общежитие далеко, да его туда и не пустят. Решили переждать ночь вместе, пошли в сад, сели на скамейку. В разговорах прошла ночь. Вот такая дружба может быть у двух «пацанов». Жаль, что я не смог проследить его дальнейшую судьбу: где он и его семья находятся в настоящее время.

Считаю, что нам, студентам, поступившим в Алма-Атинский зооветинститут, очень повезло. Во-первых, вуз имел большие учебные и научные традиции. Он был организован 1 сентября 1929 г., в 2019 г. институту будет 90 лет. Это впечатляющая дата! Во-вторых, здесь в наше время работала в силу объективных факторов высокопрофессиональная команда преподавателей и научных сотрудников. Многие, в частности, старшие из них, во время Великой Отечественной войны были эвакуированы в Алма-Ату, одни из них позже вернулись на прежнее место работы, другие так и остались в Алма-Ате.

Я упоминал, что во время нашего поступления ректором вуза был Г.К. Конакбаев. Мы, студенты-первокурсники, его видели только со стороны. Он запомнился мне тем, что был всегда очень серьезным, даже угрюмым. Честно говоря, я ни разу не слышал его голос, точнее, какое-то выступление. В 1963 г. ректором назначили Муслима Амирхановича Ермекова, который работал на этой должности до 1970 г. Он окончил в 1930 г. Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. М.А. Ермеков всегда был бодрым, в нем чувствовалась большая внутренняя сила. До назначения ректором АЗВИ Муслим Амирханович с 1961 по 1963 г. работал первым заместителем министра сельского хозяйства Казахской ССР. Он являлся членом-корреспондентом АН Казахской ССР и специалистом по содержанию, селекции овец, в том числе тонкорунного и мясо-сального типов.

После М.А. Ермекова ректором института стал Зейнулла Камалиевич Кожебеков (1929–2009 гг.), который в наш

период обучения был доцентом кафедры и проректором. Он очень дружелюбно относился к студентам, хорошо играл в настольный теннис, вообще был спортивным человеком. Мне пришлось многие годы близко общаться с Зейнуллой Камалиевичем в научном плане, особенно в те годы, когда он работал директором Казахского НИИ ветеринарии (1986–1997 гг.). З.К. Кожебеков в соответствии с приказом Министерства сельского хозяйства СССР № 346-к 3 апреля 1972 г. был назначен ректором Алма-Атинского зооветеринарного института.

Зейнулла Камалиевич родился в селе Ново-Украинка Мамлютского района Северо-Казахстанской области в крестьянской семье. По окончании 7 классов средней школы в сентябре 1944 г. поступил в Петропавловский сельскохозяйственный техникум на ветеринарное отделение, который окончил в 1947 г. Как отличник учебы был рекомендован для обучения в высшее образовательное заведение. В 1947 г. поступил в Омский государственный ветеринарный институт, в июле 1952 г. с отличием его окончил. Ему была присвоена квалификация ветеринарного врача.

Окончив аспирантуру на кафедре физиологии сельскохозяйственных животных Алма-Атинского зооветеринарного института, З.К. Кожебеков защитил диссертацию на тему «Некоторые особенности пищеварения у ягнят» на соискание ученой степени кандидата биологических наук. В соответствии с решением ученого совета Алма-Атинского зооветеринарного института от 31 мая 1956 г. (протокол № 16) ему была присуждена ученая степень кандидата биологических наук, 4 сентября 1956 г. ВАК выдан диплом. З.К. Кожебеков был утвержден проректором зооветинститута по учебной работе 31 мая 1961 г.

В 1980 г. З.К. Кожебеков в Московской ордена Трудового Красного Знамени ветеринарной академии имени К.И. Скрябина защитил докторскую диссертацию «Возрастные и породные особенности белкового и газоэнергетического обменов у

овец Казахстана» на соискание ученой степени доктора биологических наук. Через год ему было присвоено ученое звание профессора кафедры физиологии сельскохозяйственных животных.

В 1983 г. З.К. Кожебеков был освобожден от должности ректора Алма-Атинского зооветеринарного института. На конкурсной основе он стал заведующим кафедрой физиологии сельскохозяйственных животных в этом же институте. В 1986 г. назначен директором Казахского научно-исследовательского ветеринарного института и одновременно выполнял обязанности вице-президента ВО ВАСХНИЛ. В 1995 г. З.К. Кожебеков по возрасту был освобожден от этих двух должностей и стал почетным директором и главным научным сотрудником технического отдела КазНИВИ. Умер З.К. Кожебеков в 2009 г.

Я хорошо знал Зейнуллу Камалиевича. При встрече в Москве на различных совещаниях он дружески махал рукой, подзывая меня. Я садился с ним рядом, и мы обменивались мнениями по тому или иному докладу. Он часто задавал вопросы о том, как мы живем в Сибири (я тогда работал директором Института экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока), как функционирует наша наука, какие у нас научные и производственные достижения. Ему было интересно знать о состоянии сибирской науки, так как он себя считал сибиряком.

Хочу еще раз подчеркнуть, что мне повезло в жизни: я поступил в очень хорошее ветеринарное учебное заведение, правильно выбрал, вернее, продолжил профессию ветеринарного врача. И в те годы, в дальнейшем в течение всей жизни я всегда с большим теплом относился и отношусь к животным. В жизни и работе я всегда руководствовался где-то вычитанным афоризмом «Человечность определяется не по тому, как мы обращаемся с другими людьми, человечность определяется по тому, как мы обращаемся с животными. Человек – царь природы. Жаль, что звери (в том числе

домашние животные в моем понимании) об этом не знают, они неграмотные». Как это точно сформулировано! Если многие годы контактируешь с животными на производстве или близко с ними соприкасаешься в домашних условиях, то можешь определить, что они тоже следят за тобой, а близкие тебе собаки и кошки даже хотят порой что-то сказать. Я в этом не только уверен, но многократно испытывал на себе их говорящие взгляды, осознанные повадки. Сейчас я могу с точностью определить, хороший или плохой человек по тому, как он относится к животным или что он о них говорит. С супругой Валерией Николаевной и нашими детьми в отношении к животным у нас выработалось одно чувство – любовь. Вот с такой жизненной позицией и философией я осознанно решил по окончании зооветеринарного техникума посвятить себя ветеринарной медицине.

Ветеринарный факультет Алма-Атинского зооветеринарного института, где я получил высшее образование, имеет впечатляющую историю. Первым деканом ветеринарного факультета был профессор А.Я. Лукин. Профессор В.В. Авербург возглавлял кафедру гистологии и эмбриологии. С 1936 г. кафедрой заведовал доцент (впоследствии профессор) В.В. Колесников, создавший лабораторию гистологии.

Приехавший из Киева вместе с группой преподавателей профессор Б.А. Домбровский организовал и возглавил кафедру нормальной анатомии, приглашенный из Омска профессор М.П. Калмыков (ученик И.П. Павлова) – кафедру нормальной физиологии сельскохозяйственных животных.

Профессор Н.Л. Караваев стал организатором кафедры неорганической и аналитической химии, которую с 1932 г. на протяжении двух десятилетий возглавлял доцент С.Д. Рождественский.

Кафедра ветсанэкспертизы была основана в 1930 г. под названием «Мясоведение». Первым заведующим (1930–1935 гг.) был профессор А.Я. Лукин, последующим (1935–1937 гг.) –

доцент Е.И. Василец, далее – доцент Н.С. Наконечный (1937–1939 гг.), профессор В.И. Ряховский (1939–1980 гг.), профессор Н.Ф. Шуклин (1980–1987 гг.), профессор Т.М. Телеугали (1987–1996 гг.), профессор КА. Сагындыков (1996–2001 гг.), профессор С. Кырыкбайулы. В настоящее время кафедра называется «Ветеринарно-санитарная экспертиза и гигиена», заведующий кандидат ветеринарных наук профессор А.А. Жумагелдиев.

В период моего обучения заведующим кафедрой ветсанэкспертизы был профессор Владимир Иванович Ряховский. Это был довольно строгий преподаватель, среднего возраста, полноватый, с небольшими усиками. Читать лекцию он всегда шел в сопровождении своих сотрудников, которые несли с собой демонстрационные плакаты. С большим знанием дела читал лекции по конструкциям и работе мясокомбинатов, роли ветеринарно-санитарной экспертизы в определении качества пищевых продуктов и технического сырья животного происхождения и определения правила их ветеринарно-санитарной оценки.

Программой обучения было предусмотрено, что ветеринарный врач должен уметь осуществлять ветеринарно-санитарные мероприятия, решать вопросы санитарно-гигиенического исследования и ветеринарно-санитарного благополучия пищевых продуктов, а также технического сырья животного происхождения при их производстве на всех этапах технологии переработки.

Также важное место в деятельности ветеринарного врача занимают вопросы ветеринарно-санитарной экспертизы мяса диких промысловых животных и дичи. Нас учили, что основная цель ветеринарно-санитарной экспертизы – оберегать людей от зоонозных болезней, возбудители которых могут передаваться через мясомолочные, рыбные и яичные продукты, животное сырье.

Длительное время в качестве заведующего кафедрой эпизоотологии и паразитологии, в дальнейшем и микробио-

логии Новосибирского аграрного госуниверситета мне в теоретическом и практическом плане довелось ближе познакомиться с проблемами ветеринарно-санитарной экспертизы, уточнить, как разрабатывались научные основы этого очень важного предмета для специалистов сельского хозяйства.

Большой вклад в ветеринарную науку, в том числе в ее санитарное направление, внес Николай Николаевич Мари (1858–1921 гг.). Он родился в Казани в обрусевшей итальянской семье. Среднее образование получил в Казанской гимназии № 3. В 1879 г. поступил в Казанский ветеринарный институт, окончив его в мае 1881 г. со званием ветеринарного врача. В том же году начал служить в Цивильском земстве Казанской губернии, через год – в Космодемьянском земстве.

Николай Николаевич Мари

После выхода в отставку в 1883 г. Мари переехал в Казань, где занимался гистологией и физиологией в лаборатории доктора медицины И.Г. Навалихина.

В 1888 г. Мари сдал экзамен на магистра ветеринарных наук в Казанском ветеринарном институте. В следующем году его перевели в Москву на должность заведующего станцией, проводящей микроскопические исследования в городских бойнях. В 1891 г. в Харьковском ветеринарном институте Мари защитил докторскую диссертацию «Материалы к учению об актиномикозе». Затем был переведен в Варшаву штатным доцентом кафедры общей патологии, патологической анатомии и гистологии. Ряд его работ посвящен совершенствованию бактериологических методик. В 1902 г. переехал в Санкт-Петербург и занял должность экстраординарного профессора Военно-медицинской академии кафедры эпизоотологии с ветеринарной полицией. В 1903 г. он стал совещательным членом Военно-Медицинского ученого комитета, а в 1909 г. – ординарным профессором академии.

В 1912–1913 гг. Мари издал первый отечественный учебник по мясоведению, участвовал в гигиенических выставках в Дрездене и Петербурге, исполнял обязанности начальника Военно-Медицинской академии.

В 1919 г. Варшавский ветеринарный институт был преобразован в Донской ветеринарный институт, и Николай Николаевич был избран его ректором. Умер 31 июня 1921 г. в Новочеркасске.

Сотрудники Донского государственного аграрного университета к Н.Н. Мари относятся с большим уважением. Особенно отмечают его участие в создании этого вуза, а также громадную роль в новых для того времени научных изысканий в ветеринарной науке и практике. Ученый впервые отметил значение трупных явлений у животных при ветеринарно-санитарной экспертизе, внес новые предложения к вопросу утилизации мяса животных, страдающих повальной

плевропневмонией, раскрыл ряд вопросов по таким болезням, как актиномикоз, трихинеллез и финоз, обобщил эпизоотические данные о вспышках чумных эпизоотий в Казанской губернии, бактериоскопии сибирской язвы, посмертном диагнозе собачьего бешенства.

В настоящее время во многих ветеринарных образовательных учреждениях созданы кафедры ветеринарно-санитарной экспертизы. Студенты с конкретным образовательным уклоном получают капитальные знания в этом направлении. Их практическая работа состоит в контроле выпуска качественной сельскохозяйственной продукции и ветеринарно-санитарной оценки пищевых продуктов, их качества при поступлении на реализацию и попадания на стол потребителя.

В течение более 40 лет кафедрой ветеринарной санитарии в Алма-Атинском зооветинституте успешно руководил профессор В.И. Ряховский. Под его руководством К.Е. Едыгеновым, М.И. Зелинским, Э.Ф. Ложкиным, Н.А. Золотаревым и Н.В. Куриным были защищены первые кандидатские диссертации.

В настоящее время сотрудники кафедры ведут целенаправленную работу по подготовке специалистов в области ветеринарии, а также ветеринарно-санитарной экспертизы и зоогигиены.

В 1931 г. в Алма-Атинском зооветинституте была организована кафедра эпизоотологии. Основателем ее стал доктор ветеринарных наук, профессор, академик АН БССР, почетный член Российской академии сельскохозяйственных наук Сергей Николаевич Вышелесский. Родился он 20 октября (1 ноября) 1874 г. в местечке Оболь Витебской губернии (ныне Шумилинский район Республики Беларусь). В 1889 г. он учился в Брянской гимназии, затем в Витебской духовной семинарии. В 1899 г. окончил Варшавский ветеринарный институт, начал работать ветеринарным врачом и принимал активное участие в ликвидации чумы крупного рога-

того скота в Азербайджане. В течение восьми лет работал сотрудником Петербургской ветеринарной лаборатории при МВД России, участвовал в ликвидации вспышек сибирской язвы во многих губерниях Российской империи. При выполнении экспериментальных работ заразился сапом и с научной целью описывал течение собственной болезни. Это был подвиг ученого. Рискуя жизнью, он на себе изучал течение этой очень опасной болезни, возможность ее лечения.

В 1927 г. С.Н. Вышелесский был назначен директором Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ, Москва). Этому факту в ВИЭВ, со слов директора института академика РАН Михаила Ивановича Гулюкина, сотрудники уделяют большое внимание и в юбилейные годы проводят специальные семинары. С 1931 по 1933 г. С.Н. Вышелесский возглавлял кафедру эпизоотологии в Алма-Атинском зооветинституте. Будучи действительным членом Академии наук БССР (1928 г.), заслуженным деятелем науки РСФСР (1940 г.), лауреатом Государственной премии СССР (1941 г.) он был признан одним из создателей отечественной школы эпизоотологов в СССР и РФ.

С.Н. Вышелесский работал в Казахстане в 1931–1933 гг. С 1931 по 1932 г. заведовал кафедрой эпизоотологии Алма-Атинского зооветеринарного института, одновременно руководил в Казахском краевом научно-исследовательском ветеринарном институте (в настоящее время КазНИВИ) исследованиями в области инфекционных болезней животных. В вузе, исследовательском институте, ветуправлении Казнаркомзема С.Н. Вышелесский вскоре стал большим авторитетом. Ни одно ветеринарное противоэпизоотическое мероприятие крупного масштаба не начиналось без обсуждения его в деталях с Сергеем Николаевичем, без одобрения с его стороны.

Грозными по экономической значимости болезнями в Казахстане тогда были инфекционный энцефаломиелит (ИЭМ) лошадей, или менингитоподобное заболевание (МПЗ) лоша-

дей, повальное воспаление легких крупного рогатого скота (ПВЛ), паратиф телят. Избегая повторения того, что уже опубликовано в отношении научных достижений С.Н. Вышелесского, все же нельзя не сказать о таких его крупных работах, как открытие возбудителя вируса ИЭМ и разработка лечения ПВЛ сальварсаном (новоарсенолом). С.Н. Вышелесского старшее поколение ученых помнят и в Казахстане, и в России до настоящего времени. Оставленный им след в науке продолжает приносить большую пользу развивающемуся животноводству, разработке эффективных средств и методов борьбы с инфекционными болезнями животных, подготовке молодых ветеринарных врачей и научных работников.

Если Сергей Николаевич как крупнейший ученый советской ветеринарии уже достаточно хорошо известен в нашей научной печати, то его личные качества заслуживают дополнительного рассказа. Как педагог, он не обладал выдающимся красноречием, однако его лекции были насыщены богатым фактическим материалом, удивительно доходчивы для слушателей, легко усваивались студентами.

«Неизгладимое впечатление, например, описывал его ученик Кирилл Николаевич Бучнев, – на нас, студентов, произвела его лекция о сапе, которым он переболел. Особенно запомнился рассказ о восприимчивости к этой болезни человеком. Каким нужно было быть оптимистом, чтобы верить в свое выздоровление от почти смертельной, как тогда считалось, болезни! Более того, говоря об этом, он хитровато прищуривался и, иронизируя, заметил, что он своей супруге, ухаживающей за ним, больным, сказал тогда: "...если я в науке пока не прославился, то первой такой славой станет сам факт моего выздоровления"».

Сергей Николаевич вселял в умы будущих врачей не только специальные знания, но и веру в торжество науки, необходимость, если нужно, жертвовать не только своим благополучием, но здоровьем и даже жизнью. Он был непреклонен в отстаивании своих научных позиций.

Работая по лечению ПВЛ крупного рогатого скота новосальварсаном, он получил положительный терапевтический эффект. Однако, как позже было выяснено, леченые животные оставались длительное время вирусоносителями. Исследователям, особенно молодым, хотелось, чтобы Сергей Николаевич согласился с их выводом о полном выздоровлении животных. Однако с таким выводам он относился очень осторожно и говорил: «Подождем, что скажет господин эксперимент». Как теперь известно, «господин эксперимент» подтвердил сомнения С.Н. Вышелесского в отношении вывода о стерилизующем действии на организм животных новосальварсана при ПВЛ. Чаще всего в решении того или иного научного вопроса С.Н. Вышелесский полагался на эксперимент.

Сергей Николаевич был человеком большой собранности и дисциплины. В каждый час дня было известно, чем он занят: работой, отдыхом, едой, прогулками. Вставал он в 6 часов и до 7 гулял в городском парке Алма-Аты (теперь «Парк имени 28 панфиловцев»), затем следовали завтрак, работа, обед, опять работа, отдых и вновь работа дома по оформлению научных статей или освоению новой литературы. Трудно представить столь пунктуального и дисциплинированного в соблюдении распорядка дня человека. Однако именно таким был Сергей Николаевич. Как вспоминал К.Н. Бучнев: «С.Н. Вышелесский не имел в научно-исследовательском институте отдельного кабинета. Его рабочий стол находился в общей большой лаборатории. Все мы, его сотрудники, всегда были у него на виду. Каждый наш шаг был ему известен. В зиму 1931/32 г. у Сергея Николаевича в течение двух месяцев умерли в Москве обе его дочери. Получив утром телеграмму, он до обеденного перерыва продолжал оставаться в лаборатории. Лишь уходя на перерыв, сказал всем нам, как бы извиняясь: «Я что-то неважно себя чувствую, может быть, задержусь». О содержании телеграммы мы узнали позже и не от него».

К.Н. Бучнев отмечал удивительное расположение С.Н. Вышелесского к своим слушателям. При этом он оставался строгим, непреклонным в суждениях, но всегда справедливым, внимательным, готовым помочь. «Никогда не забуду случившегося со мной, – отмечал он. – Я работал по выяснению причины гибели в местном зверинце диких животных семейства кошачьих (1931 г.). Очередным был труп погибшего уссурийского тигра. Вскрывая животное, я сильно порезал руку. Обработав рану, довел вскрытие до конца, сделал высевы из органов и ушел домой. После я получил замечания С.Н. Вышелесского о недостаточной осторожности и необходимости всегда предвидеть худшие возможности. На другой день я заболел ангиной, поднялась температура. Ко мне на квартиру пришел Сергей Николаевич. Ознакомился с причиной неявки на работу, с характером болезни. Еще два дня подряд он посещал меня. Когда же я затем явился в институт, то узнал, что причиной смерти тигра был сап и что в посевах через двое суток, как то и полагалось, выросла чистая культура. Было установлено, что сап у хищников кошачьего семейства протекает аналогично сапному бактериосепсису у домашних кошек. Узнав через двое суток результаты посевов, помня о собственном заражении сапом, С.Н. Вышелесский, видимо, заподозрил возможность заражения и меня при травме на вскрытии, о чем он сказал мне много позже. Так или иначе, но проявленное тогда ко мне внимание таким ученым производило очень большое впечатление, особенно на нас, молодежь».

«Наш учитель, – говорил К.Н. Бучнев, – всегда был для нас примером для подражания как в отношении поведения в обществе, так и в отношении к работе, к учебе, к науке, а также в быту».

Лишь однажды заметили Сергея Николаевича за общественным столом с бокалом в руке. Это было в 1935 г. в Москве на квартире у его ученика аспиранта Михаила Никифоровича

Сухова после успешной защиты им кандидатской диссертации. Обстановка была удивительно товарищеская, теплая, уютная. Стали просить С.Н. Вышелесского что-либо сыграть и спеть. Без больших уговоров Сергей Николаевич сел за пианино, взял несколько аккордов и, сказав: «Спою вам любимую нашу студенческую песню», запел приятным баритоном так хорошо известную в нашей стране песню «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой...».

Далее К.Н. Бучнев вспоминал: «В 1959 году, приехав в Москву, я пошел вместе с его же учеником В.В. Павловским на могилу нашего учителя, похороненного на кладбище вблизи Московской ветеринарной академии, в которой он до конца своих дней возглавлял кафедру эпизоотологии. Мы, сняв шапки, долго молча стояли у могилы большого ученого, каждый из нас по-своему думал о величии и бессмертии Сергея Николаевича. Да, он прожил большую жизнь, оставил хороший след на земле. Когорты его учеников идут указанными учителем путями, открывая новые и новые тайны сущности инфекционных болезней, все полнее и выше ставя ветеринарную науку в служение человечеству, расцвету экономики и мощи нашей страны».

С.Н. Вышелесскому принадлежат более 100 научных работ, посвященных различным вопросам эпизоотологии. Он автор первого в нашей стране учебника и руководства по эпизоотологии «Частная эпизоотология» (1935 г.), выдержавшего несколько изданий (1940, 1954 гг.). Разработал методику изготовления сибиреязвенных вакцин Ценковского на агаре, теоретически и практически обосновал метод комбинированных прививок против сибирской язвы и предложил способы вакцинации животных. Изучая биологию возбудителя рожи свиней, С.Н. Вышелесский установил наличие различных модификаций этого микроба, впоследствии получивших название «диссоциированные формы»; разработал диагностику активных и латентных форм туберкулеза крупного рогатого скота. Исследуя бруцеллез животных,

предложил аллергический метод диагностики бруцеллеза крупного рогатого скота и комплекс ветеринарно-санитарных мероприятий по борьбе с этой болезнью. С.Н. Вышелесским выполнен ряд работ по изучению повального воспаления легких крупного рогатого скота, для лечения этой болезни был разработан препарат новарсенол. Им совместно с К.Н. Бучневым открыт возбудитель инфекционного энцефаломиелита лошадей и проведена большая научно-исследовательская работа по этой инфекции. Работы С.Н. Вышелесского по изучению сапа лошадей послужили основой для организации мероприятий по ликвидации этой болезни. За выдающиеся научные труды по эпизоотологии в 1974 г. Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук Советского Союза (ВАСХНИЛ) была учреждена медаль имени С.Н. Вышелесского.

Я горжусь, что Президиумом Российской академии сельскохозяйственных наук Российской Федерации такой медалью под № 7 был награжден и я как эпизоотолог. Приведенные выше заслуги С.Н. Вышелесского представляют лишь малую толику его эффективной научной деятельности. Об этом говорят его научные звания: академик АН БССР (1928 г.), Почетный член ВАСХНИЛ (1956 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (1941 г.), лауреат Сталинской премии (1941 г.). Он был членом ЦИК Белорусской ССР (1929–1930 гг.).

Я уже упоминал о том, что С.Н. Вышелесский похоронен в Москве на Кузьминском кладбище, вблизи Ветеринарной академии и Всероссийского института экспериментальной ветеринарии. Мы, академики РАСХН и РАН, в частности, М.И. Гулюкин, Ф.И. Василевич и я, награжденные медалью имени С.Н. Вышелесского, разыскали его могилу, которая была в не особенно хорошем состоянии, произвели ремонт и на плите выгравировали мелкими буквами имена и фамилии всех академиков, которые были награждены памятной медалью этого великого эпизоотолога.

Может, и не надо было к тому, что я сказал, еще что-то добавлять. Однако после неоднократных раздумий, сомнений, все же я решился привести негативные материалы о С.Н. Вышелесском, представленные Н.Ш. Мамедовым в статье «Состояние изученности истории ветеринарии в Казахстане и перспективы ее преподавания в вузах республики». Он пишет, что в фундаментальном издании «Ветеринарная энциклопедия» (1969 г.) приводятся данные о том, что С.Н. Вышелесский «открыл совместно с К.Н. Бучневым возбудителя инфекционного энцефаломиелита лошадей и провел по этой инфекции большую работу», а по утверждению Т.И. Минеевой, академик Вышелесский самостоятельно проводил исследования «по... инфекционному энцефаломиелиту лошадей». Работа по выявлению возбудителя МПЗ лошадей и его культивированию проводилась в КазНИВИ. К исследованиям по данной работе в 1932 г. были привлечены научный сотрудник К.Н. Бучнев (впоследствии доктор ветеринарных наук, профессор АЗВИ) и младший научный сотрудник Л.М. Целищева (впоследствии кандидат биологических наук, ветеринарный микробиолог и видный ученый-протозоолог Казахстана). Курировал тематический план научный руководитель КазНИВИ по заразным болезням домашних животных профессор С.Н. Вышелесский.

После поспешного отъезда профессора С.Н. Вышелесского в 1933 г. из Алма-Аты в Москву 17 апреля 1934 г. по распоряжению ГУВ Наркомзема СССР состоялось «подробное обследование» деятельности КазНИВИ, которое, в частности, установило, что «Имеющийся в 1933 году в НИВИ вирус был увезен в августе командированным в Москву научным сотрудником К.Н. Бучневым, который перед отъездом не только взял штамм, но и уничтожил опытных животных (кошек), на которых пассажировался вирус МПЗ. Захватив с собой все протоколы и записи, Бучнев из командировки не вернулся. На самом деле сбежал...». С.Н. Вышелесский в начале апреля 1933 г. был командирован в Москву

«для доклада о работе Института, как-то: лечение повалки, установление возбудителя МПЗ лошадей, причем дал слово вернуться для окончательного оформления намеченных и законченных работ. В итоге не вернулся и, ссылаясь на климатические условия, потребовал расчета. Потеря этого работника очень серьезно отразилась как на авторитете Института, так частично и на качестве работы».

Принадлежность открытия вируса энцефаломиелита лошадей Казахскому НИВИ подтверждается в фундаментальной работе АН СССР «Труды Всесоюзного совещания по изучению ультрамикробов и фильтрующихся вирусов». Таким образом, открытие вируса энцефаломиелита лошадей принадлежит КазНИВИ, а его бессрочными авторами являются С.Н. Вышелесский, К.Н. Бучнев и Л.М. Целищева.

Далее Н.Ш. Мамедов пишет, что «При исследовании материалов биографии К.И. Скрябина и С.Н. Вышелесского нам удалось установить, что известные ветеринарные ученые подвергались репрессиям со стороны большевистской власти. Вот что писал в 1969 г. академик К.И. Скрябин в своей книге «Моя жизнь в науке»: «В 1931 году группа ветеринарных и медицинских микробиологов была заподозрена во вредительских действиях. По-видимому, по чьему-то доносу и я был причислен к микробиологам и заключен в тюрьму. Пробыл я в заточении 84 дня, после чего был освобожден и снова занял все служебные посты, которые занимал до ареста». Н.Ш. Мамедов пишет, что «это не совсем верное пояснение К.И. Скрябина о его скором освобождении из заключения, так как в начале 30-х гг. XX в. ОГПУ, наряду с микробиологами, арестовывало и паразитологов».

Я не могу конкретно комментировать эти события, но длительно работая в КазНИВИ, встречаясь и близко общаясь с ведущими учеными этого института, не слышал от них ни одного плохого слова о С.Н. Вышелесском и К.Н. Бучневе. Все может быть, но если их детище – штамм вируса инфекционного энцефаломиэлита лошадей – и был вывезен в

Москву, думаю, что все это было согласовано с ветслужбой и руководителями научных учреждений Алма-Аты и Москвы (ВИЭВ). Видимо, С.Н. Вышелесский и К.Н. Бучнев хотели в лучших лабораторных условиях из этого штамма изготовить вакцину, но, к сожалению, и до настоящего времени такой вакцины нет. В отношении репрессий конкретно к К.И. Скрябину, хочу сказать, что, занимаясь со своими сотрудниками многие годы историей ветеринарии, мы не нашли таких сведений. Маловероятно, чтобы органы НКВД конкретно применили какие-либо репрессии к К.И. Скрябину, так как он был в каком-то родстве с В.И. Молотовым, занимавшего в то время пост министра иностранных дел. Об этом свидетельствует то, что настоящая фамилия В.И. Молотова была Скрябин. Действия НКВД затронули заместителя К.И. Скрябина – члена-корреспондента ВАСХНИЛ Рихарда Соломоновича Шульца, поэтому он и очутился в Казахстане. Там ему разрешили работать в КазНИВИ, где мне и особенно супруге Валерии Николаевне посчастливилось работать непосредственно с ним.

Ниже в своей статье Н.Ш. Мамедов рассуждает о К.И. Скрябине и С.Н. Вышелесском, сравнивая их по научным критериям, говоря, что К.И. Скрябин был академиком ВАСХНИЛ, а С.Н. Вышелесский – академиком БССР. Действительно, это так, но последний был еще и Почетным членом ВАСХНИЛ. Мне не пришлось видеть и знать С.Н. Вышелесского, так как он умер в 1958 г., когда я работал трактористом в совхозе. А вот с К.И. Скрябиным приходилось встречаться. Этих двух ученых нельзя сопоставлять друг с другом. Они вели свои научные исследования в разных направлениях, первый – в области инфекционной патологии, второй – в области паразитологии. Ими обоими гордится наша российская и зарубежная наука и практика. Конечно, К.И. Скрябин – это апологет паразитарной науки, с ним не может сравниться никто из ученых мира по внесенному им вкладу в это направление.

То же можно сказать и в отношении С.Н. Вышелесского, который внес неоценимый вклад в развитие ветеринарной инфекционной патологии, особенно в такое ее направление, как эпизоотология.

Я не могу не сказать добрых слов о продолжателе дела С.Н. Вышелесского – эпизоотологе Игоре Алексеевиче Бакулове (1925–2010 гг.), на научных работах которого мы (и я в том числе) познавали многие аспекты ветеринарной эпизоотологии.

Игорь Алексеевич Бакулов родился в Свердловске. Трудовую деятельность начал в ноябре 1941 г. слесарем, работал радистом. С 1943 по 1954 г. служил в рядах Советской Армии, был участником Великой Отечественной войны. В 1944 г. окончил Камышловское пехотное училище и был командиром взвода на 4-м Украинском фронте.

В 1951 г. с отличием окончил Военно-ветеринарный факультет при Московской ветеринарной академии. После демобилизации работал главным ветврачом молочного хозяйства. С 1956 по 1959 г. обучался в аспирантуре на кафедре эпизоотологии Московской ветеринарной академии, затем работал ассистентом, доцентом этой кафедры, одновременно был секретарем партийной организации академии. С 1962 по 1963 г. И.А. Бакулов работал инструктором сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС по РСФСР. В ноябре 1963 г. его назначили директором Всесоюзного (впоследствии Всероссийского) научно-исследовательского института ветеринарной вирусологии и микробиологии (ВНИИВВиМ), расположенного в поселке Вольгинский Петушинского района Владимирской области. Под его руководством был построен, оснащен и укомплектован этот громадный институт. В 1990 г. он стал советником директора этого института.

Научная деятельность И.А. Бакулова посвящена ветеринарной микробиологии и эпизоотологии. Особенно большой вклад он внес в изучение листериоза сельскохозяйственных

животных. Ему принадлежат многочисленные исследования в области общей и географической эпизоотологии. Проведена большая работа по классификации инфекционных болезней и внедрению унифицированной эпизоотологической терминологии.

И.А. Бакуловым впервые в нашей стране издана монография по вопросам изучения географии болезней животных зарубежных стран.

Игорь Алексеевич провел углубленные исследования по изучению сибирской язвы, результатом которых стало создание вакцины из штамма 5-ВНИИВВиМ, усовершенствованы методы диагностики этого заболевания.

Активное участие И.А. Бакулов принимал в разработке и внедрении в практику аэрозольного метода иммунизации животных, а также в области санитарной микробиологии и усовершенствования систем обеззараживания сточных вод. Он участвовал в изучении африканской чумы свиней, катаральной лихорадки овец, везикулярной болезни свиней, пастереллеза оленей.

Лично и в соавторстве И.А. Бакуловым опубликовано свыше 600 научных работ, в том числе монографий, 44 учебника и пособия. Им оформлено 60 авторских свидетельств на изобретения, 4 патента и одно открытие «Свойство L-форм Listeria monocytogenes вызывать расстройство кроветворения у животных и людей», которое зарегистрировано Международной ассоциацией авторов научных открытий (диплом № 83 ОТ-11831 от 30.09.1998).

И.А. Бакулов подготовил 44 кандидата 14 докторов наук. По учебникам и учебным пособиям, изданным И.А. Бакуловым, более 45 лет готовятся в вузах и техникумах специалисты по эпизоотологии и ветеринарной микробиологии.

За заслуги в области эпизоотологии и микробиологии он стал Героем Социалистического Труда, награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, «Знак

Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, 15 медалями.

Это далеко не вся характеристика Игоря Алексеевича. Он прожил очень трудную жизнь как сын репрессированного отца (1946–1954 гг.), занимавшего высокую должность в прокуратуре СССР. Кстати, его отца Алексея Ильича Бакулова дважды подвергали аресту, что, конечно, отразилось на бытовых условиях и особенно на психологическом состоянии его семьи и близких.

Игорь Алексеевич это достойно пережил и стал выдающимся ученым в области эпизоотологии. Мне пришлось с ним близко общаться, работать и проводить длительные беседы. Это был человек с глубокими знаниями в области биологии. Я считаю, что И.А. Бакулов был значительной фигурой в сегодняшнем понимании эпизоотологии как науки.

У него был приятный, хорошо поставленный голос. Когда он садился за фортепиано и пел, это всегда был кульминационный момент любой дружеской встречи.

В период моего обучения в Алма-Атинском зооветинституте эпизоотологию нам преподавал К.Н. Бучнев. Он, аспирант С.Н. Вышелесского, к этому времени был уже сложившимся ученым. Одновременно с преподаванием в это время руководил лабораторией вирусологии в Казахском НИИ ветеринарии. Я очень хорошо помню его первую лекцию, когда он, встав за трибуну, сказал: «Уважаемые студенты, я не работал преподавателем, и если в моей лекции будут какие-то огрехи или ляпы, я заранее прошу меня извинить». Для нас это было, конечно, удивительно, но Кирилл Николаевич с достоинством прочитал (я не ошибся – прочитал, редко отрываясь от текста) свою первую лекцию. В дальнейшем он быстро освоил лекторскую риторику и без заглядывания в текст грамотно, с практическими примерами (чувствовалось, что он хорошо знал ветеринарную практику) знакомил нас с теми или иными инфекционными болезнями сельскохозяйственных животных.

Докторскую диссертацию Кирилл Николаевич защитил в 1952 г. под названием «Горохово-гидролизные питательные среды». Впоследствии его научные интересы были связаны с вирусной этиологией инфекционных болезней. Я уже упоминал, что в 1932 г. в Казахстане он изолировал от больных энцефаломиэлитом лошадей фильтрующиеся формы вируса. В Монголии совместно со своими аспирантами Росляковым, Тулебаевым изучал свойственное верблюдам заболевание – контагиозную эктиму, с которой я сталкивался, работая в Гурьевской области Казахстана. Они изолировали специфический вирус (штамм «Ауздык») и доказали его патогенные свойства для верблюдов. Были разработаны мероприятия по профилактике и ликвидации этой инфекции, чем эффективно помогли ветслужбе Монголии в организации мер борьбы с этим заболеванием.

В Алма-Атинском зооветинституте в последние годы жизни Кирилл Николаевич сосредоточился на изучении бешенства сельскохозяйственных животных, имевшего в то время большое распространение в Казахстане. Он и его ученики разрабатывали методы диагностики этой инфекции, изучали варианты вируса бешенства, разрабатывали питательные среды для культивирования опасного для животных и человека возбудителя. Вокруг Кирилла Николаевича сложилась большая группа сотрудников и аспирантов, плодотворно работающих по означенной проблеме.

Одним из его аспирантов был Юрий Анатольевич Макаров. Я о нем уже упоминал, описывая свои школьные будни. Наши отцы вместе работали в Пресновском райисполкоме Северо-Казахстанской области. В 1971 г., готовясь к защите кандидатской диссертации, в период оздоровления от туберкулеза поголовья крупного рогатого скота в племзаводе «Мамлютский» Северо-Казахстанской области встретился с Юрием Анатольевичем в этом хозяйстве, куда он приехал в качестве начальника областной противотуберкулезной экспедиции. В разговоре он упомянул, что и сам не против за-

няться наукой. Я ему посоветовал поступить в аспирантуру к К.Н. Бучневу. Так он и сделал, впоследствии успешно защитив кандидатскую диссертацию по бешенству сельскохозяйственных животных. О нем я подробнее расскажу в главе об аспирантских буднях и о своих учениках. Здесь хочу сказать, что Юрий Анатольевич при моем научном консультанстве защитил докторскую диссертацию по туберкулезу сельскохозяйственных животных. Потом он стал директором Благовещенского ветеринарного института, академиком Россельхозакадемии и Российской академии наук. Я считаю, что через него духовно связан с Н.К. Бучневым – большим ученым и блестящим преподавателем. Не скрою, мне это немного льстит, и я этим горжусь.

Лекции читали и вели практические занятия на кафедре эпизоотологии доктор ветеринарных наук Г.И. Лопатиков, ассистент Н.Г. Самойлов и доцент В.И. Глебова. Все они были высококлассными специалистами и преподавателями. Тот, кто хотел, взял для себя из этих лекций и практических занятий максимум знаний по общей и частной эпизоотологии.

Зоологию нам преподавал профессор К.Б. Бердонгаров, выдержанный, немногословный человек с богатым запасом знаний, которые он старался нам передать.

Кафедру хирургии (в разное время она называлась поразному) возглавлял кандидат ветеринарных наук Жакип Омарович Омаров. У меня с ним был небольшой казус, когда мы оба стали заложниками случайных обстоятельств. Группа наших студентов выезжала на практику на мясокомбинат, где Жакип Омарович показывал способ операции – овариоэнтомию, удаления яичников у свиней. Все шло хорошо, операцию он проводил мастерски. Одни студенты забирали с операционного стола подвергнутых овариоэктомии свиноматок, другие, в том числе и ваш покорный слуга, ловили и доставляли их для операции. Тут вдруг произошла заминка. Профессор посмотрел в мою сторону и вежливо

попросил поднести ему животное для операции. Впопыхах я схватил ближайшего поросенка и положил его на операционный стол. Жакип Омарович быстро разрезал у животного пах, но к своему удивлению долго никак не мог обнаружить яичники. Нам он в это время говорил, что бывают случаи, что сразу яичники и не найдешь. В это время поросенок неожиданно пустил струйку мочи на халат Жакина Омаровича. Тут-то мы поняли, что на столе лежит подсвинок мужского пола. Жакин Омарович через толстые стекла очков пристально посмотрел на меня, ничего не сказал, дал команду зашить рану-разрез. На этом операция закончилась. На следующий день мои товарищи и даже преподаватели начали меня с ехидцей подкалывать в отношении Ж.О. Омарова, что он не разобрал пол животного, а меня, – что я специально подсунул ему хрячка. Несмотря на мои заверения, что никакого злого умысла у меня не было, многие не верили. Переживая этот случай, я с еще большей прилежностью стал относиться к лекциям по хирургии, читать дополнительную литературу, активно наблюдал и старался сам участвовать в различных операциях, проводимых Ж.О. Омаровым и его ассистентами. Сам он ни разу не выразил какие-то отрицательные эмоции по отношению ко мне.

Наступили экзамены. Я с большой ответственностью готовился к ним и сдал на отлично. Ж.О. Омаров даже похвалил меня. Видимо, он оценил мои старания, а я в свою очередь хорошо освоил его предмет. Уже работая на практике, часто делал различные операции на животных и вспоминал профессора с большим уважением.

На кафедре работал высококвалифицированный педагог Г.И. Лопатников. В наше время он был ассистентом. В последующем Геннадий Иванович работал на кафедре эпизоотологии, стал заслуженным работником высшей школы, лауреатом Государственной премии, доктором ветеринарных наук, профессором. Необходимо сказать хорошие слова и о преподавателях этой кафедры М.А. Ханине, В.М. Пани-

не, доценте Н.Ф. Фатькине. Надо отметить, что на кафедре хирургии в 1941 г. работал санитаром Алиакпар Касаев (1905–1941 гг.) один из 28 героев-панфиловцев. Под Москвой в 1941 г. у разъезда Дубосеково он, будучи тяжело раненым, подорвал фашистский танк. Посмертно ему в 1942 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Этим человеком гордился не только институт, Казахстан, но и вся страна. Надо добавить, что 206 студентов и преподавателей Алма-Атинского зооветинститута приняли участие в Великой Отечественной войне. В частности, студентка 4-го курса ветеринарного факультета Ася Филиппова в августе 1941 г. добровольно ушла на фронт, проявила мужество и отвагу в боях против немецко-фашистских захватчиков. На многих фронтах доводилось громить врага с воздуха бывшему боевому летчику, преподавателю М.М. Шахматову. Защищал Ленинград А.И. Арсеньев. Освобождали Прибалтику Н.И. Соломатин, С.М. Басов. Отважно сражался за освобождение Польши В.С. Козлов, громили врага на территории Белоруссии Г.К. Конакбаев, И.С. Подлиннов, И.А. Тыныбеков. На других дорогах войны успешно сражались внесшие в послевоенные годы большой вклад в развитие ветеринарного факультета нашего института защитники Родины К.Б. Бердонгаров, Е.К. Голимбет, П.А. Дианов, А.И. Изатулаев, Ж.О. Омаров, В.М. Панин. Доблестно сражались с врагом и женщины – Л.М. Крашевская, Л.Г. Рюшина.

В моей памяти сохранился Тихон Савельевич Минкин, доктор ветеринарных наук, профессор. Под его руководством защитили докторские диссертации хирурги Н.Ф. Фатькин и М.А. Ханин, стали кандидатами наук шесть человек. Интересно вел практические занятия по хирургии Э.П. Шоль. Мне очень приятно, что на этой кафедре по окончании института работали мои сокурсницы Т.Х. Хафизова (Ленинский стипендиат нашего курса) и М.М. Илибаева.

Колоритной фигурой на кафедре хирургии был сам Тихон Савельевич Минкин. Это был видный по габаритам че-

ловек, как нам говорили, крещеный татарин. Он очень уважительно относился к студентам, прекрасно знал не только ветеринарную хирургию, но и был эрудитом во всей аграрной науке. Я запомнил его две, как он называл, головоломки, которые он нам загадывал. Первая: «Вы помните, – говорил он, – эпизод из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», где он описывал момент верховой езды есаула Половцева на прекрасной кобыле, у которой в тишине было слышно, как «ёкала» селезенка?» Конечно, мы все были в недоумении. Шолохов как истинный казак, видимо, знал, о чем он писал. Причина ёканья у кобылы, как мы все думали, являлась ее селезенка. Тихон Савельевич, хитро прикрыв глаза, с небольшой усмешкой отверг нашу догадку, объяснив, что такой эффект ёканья отмечается только у жеребцов, а специфический шумовой эффект у него образуется в результате небольшого удара пениса о брюшину во время быстрого аллюра лошади. Впоследствии я иногда также ставил в тупик своих студентов во время лекционных занятий.

Вторая головоломка Тихона Савельевича состояла в следующем. Он приводил нам строки стихотворения «Иван Сусанин» (1822 г.) русского поэта-декабриста Кондратия Федоровича Рылеева, которые он с большой выразительностью цитировал:

Куда ты ведешь нас?.. Не видно не зги! –
Сусанину с сердцем вскричали враги: –
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега,
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти.

Здесь же он нам напомнил те трагические времена России, нашествия поляков и борьбу с ними народа. В этом четверостишии есть очень интересное слово – зга. «Что это за слово, о чем идет речь?», – спрашивал у нас профессор.

Примерно 300 студентов, находившихся в аудитории, только переглядывались между собой, не зная ответа.

Т.С. Минкин очень доходчиво объяснил нам, что зга – это деталь конской упряжи, кольцо у дуги, через которую продевают повод уздечки. Когда темно, ямщик это кольцо не видит, хотя оно находится недалеко от его взгляда. Во время плохой погоды наездник часто не видит это кольцо (згу), и тогда говорит, что дальше невозможно продолжать путь. Можно привести еще ряд каверзных примеров, которыми пользовался уважаемый профессор для взбадривания нас во время лекционных занятий. Этот прием очень эффективно переключал наши головы на позитивный момент, и мы вновь с большим вниманием слушали лектора.

Хорошие знания мы получили на кафедре патологической физиологии. Кафедра была создана в 1930 г. профессором С.Л. Аманжоловым. В период нашего обучения кафедрой заведовал П.А. Карасев. Нашу группу вел кандидат ветеринарных наук Ефрем Фомич Дымко. На кафедре был заведен обычай делать зарисовки в специальный альбом картины гистологических изменений в органах и тканях животных при различных инфекционных болезнях (туберкулез, паратуберкулез, лейкоз, виды воспалений и др.). Такой альбом в процессе экзаменов и в дальнейшей моей профессиональной работе очень пригодился. По этому альбому учились в институте и мои дети Николай и Ольга.

Ефрем Фомич интересно читал лекции и вел практические занятия. У него был низкий голос, он чеканил каждую фразу, без всяких повторов, как будто читал текст лекции из учебника. На лекциях часто предлагал студентам сделать анализ развития того или иного патологического процесса, который может возникнуть при различных инфекциях в органе животного. Это было достаточно трудное для нас задание. Для его решения необходимо было знать и представлять в совокупности многие специфические патологоанатомические и патологофизиологические изменения, которые про-

текают в органах, тканях и в целом организме животных при инфекционных заболеваниях.

Такие занятия эффективно заставляли напрягать извилины нашего мозга. Не все мы, конечно, моментально ориентировались в таких случаях, но ряд моих товарищей (Володя Мартыненко, Галина Антоненко, Саша Гаджиев, Абай Тажибаев) достаточно быстро воспроизводили в уме патофизиологические процессы, которые могут возникнуть у больных животных и досконально отвечали на поставленный преподавателем вопрос. Позже, по окончании института, мы узнали, почему Ефрем Фомич читал лекции и проводил с нами семинары, не заглядывая в конспекты. Оказывается, у него было не все благополучно со зрением, что он компенсировал своей феноменальной памятью. Ефрем Фомич ко мне относился очень хорошо. Впоследствии, после института, он предложил мне поступить к нему в аспирантуру. Об этом я постараюсь рассказать несколько позже. Необходимо сказать хорошие слова и о преподавателях этой кафедры С.И. Севостьянове и М.М. Шахматове, которые с глубоким знанием своего предмета могли раскрыть сущность патофизиологических процессов, возникающих в организме животных при инфекционных болезнях.

Хочу остановиться на других видных ученых – преподавателях нашего института, оставивших значительный след в биологической и ветеринарной науке и в нашем образовании. К таким ученым необходимо отнести академика Фазулу Мухамедгалиевича Мухамедгалиева (1911–1989 гг.). Это был выдающийся биолог, генетик, академик Академии наук Казахской ССР, академик ВАСХНИЛ, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Казахской ССР, участник Великой Отечественной войны. Он родился 15 ноября 1911 г. в ауле Мечет-Кум Урдинского района Уральской области. В 1929 г. окончил среднюю школу в городе Урде и поступил в Алма-Атинский зооветеринарный институт. По окончании института был зачислен в аспиран-

туру, в 1936 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата биологических наук. После аспирантуры работал в этом же институте, занимая должности ассистента доцента, заведующего кафедрой и заместителя ректора по научной работе.

С 1950 по 1951 г. Ф.М. Мухамедгалиев работал в должности заместителя председателя Президиума Казахского филиала ВАСХНИЛ, с ноября 1951 по ноябрь 1957 г. – директора Алма-Атинского зооветеринарного института. В ноябре 1957 г. при организации в республике Казахской Академии сельскохозяйственных наук был избран ее президентом. С мая 1960 г. работал заведующим кафедрой гистологии и эмбриологии сельскохозяйственных животных Алма-Атинского зооветеринарного института, с мая 1962 г. руководил Институтом экспериментальной биологии Академии наук Казахской ССР. В качестве заведующего кафедрой гистологии и эмбриологии сельскохозяйственных животных он читал нам лекции. Запомнилось, что на его занятия всегда приходило большое количество студентов. Обычно лекции Фазул Мухамедгалиевич проводил в актовом зале института, где он, медленно расхаживая по сцене и не заглядывая в конспект, преподносил нам необходимый лекционный материал. На этой кафедре прекрасно преподавали нам учебные материалы Н.П. Шахворостова, В.В. Колесников, О.И. Бердончарова.

Один раз в жизни мне посчастливилось встретиться с великим, как тогда я его представлял, Ф.М. Мухамедгалиевым, когда он возглавлял Институт экспериментальной биологии Академии наук Казахской ССР. В этом институте был объявлен конкурс на прием в аспирантуру. Я по окончании института с красным дипломом, набравшись храбрости, пришел прямо к директору, чтобы он дал устное согласие для подачи моих документов для поступления в аспирантуру. Предварительная договоренность с заведующим лабораторией этого института Умрали Ташмухаметовичем Ташму-

хаметовым у меня была. Он предложил мне аспирантскую тематику. Им было ранее отмечено, что овцы, находясь на выпасах, где в почвах имелось много микроэлемента бора, не болеют паратуберкулезом, а у больных животных отмечается быстрая регрессия специфических для этой инфекции клинических признаков, таких как понос. Определили выполнение этой работы в Гурьевской области, в районе, где добывают бор.

Ф.М. Мухамедгалиев посмотрел мои документы, отметив прекрасные отметки (все экзамены и зачеты были сданы на «отлично»), сказал: «Уважаемый доктор, по закону вы должны отработать три года, а потом, пожалуйста, мы вас примем в аспирантуру нашего института». После этого больше я с Фазулом Мухамедгалиевичем не общался и не встречался. Так мне было объективно отказано в поступлении в аспирантуру. Впоследствии, уже по окончании аспирантуры в КазНИВИ, будучи кандидатом ветеринарных наук, я работал в Гурьевской области. Я вспомнил эти первые аспирантские научные наметки и при организации в области мероприятия по борьбе с паратуберкулезом овец, отметил справедливость приведенных выше рассуждений У.Г. Ташмухометова в отношении положительного влияния боратов на течение паратуберкулезной инфекции. Не знаю, воплотилась ли в жизнь его идея. Я в дальнейшей моей научной работе к этому вопросу не смог приступить, так как переключился на другую не менее важную инфекцию – туберкулез сельскохозяйственных животных.

Карьера Фазулы Мухамедгалиевича шла в гору. В марте 1970 г. он стал академиком-секретарем Отделения биологических наук и членом Президиума Академии наук Казахской ССР. В декабре 1971 г. его избрали академиком-секретарем и вице-президентом вновь организованного Восточного отделения ВАСХНИЛ.

Научная деятельность Фазула Мухамедгалиевича была обширна и многогранна. Им опубликовано более 120 науч-

ных работ, в том числе 8 крупных монографий в области эволюционной теории, породной и возрастной биологии, по проблемам гетерозиса и частной генетики сельскохозяйственных животных, имеющих важное теоретическое и практическое значение в создании новых типов и пород животных в Казахстане. Научная деятельность Ф.М. Мухамедгалиева начинается с его интереснейших морфологических исследований по «эволюции брюшного типа дыхания у наземных позвоночных». Этот вопрос он разработал с позиции эволюционного учения: исследуемые структуры рассматривались на фоне целостного развития организма. Эта фундаментальная научная работа была выполнена им в 1936– 1940 гг. и имела большое научное значение. Результаты его трудов нашли широкое применение в практике животноводов республики и научных изысканиях его последователей, работающих в области экспериментальной биологии.

Фазул Мухамедгалиевич совместно со своими учениками разработал решение по одной из актуальных задач для республики – «перевод овец на зимние сроки ягнения». Исследования способствовали более широкому внедрению зимнего ягнения овец. Под его руководством впервые были начаты крупные научные исследования в области частной генетики сельскохозяйственных животных. В данном направлении научные исследования ученого посвящены наиболее актуальным вопросам – закономерностям наследования многих важнейших хозяйственно полезных признаков и методам выведения новых типов сельскохозяйственных животных. Начиная с 1957 г., он дважды возглавлял сельскохозяйственную науку республики: первый раз в качестве Президента бывшей Казахской сельскохозяйственной академии, второй – в качестве руководителя Восточного отделения ВАСХНИЛ. Следует отметить и значительную работу, которую провел Ф.М. Мухамедгалиев в качестве ректора Алма-Атинского зооветеринарного института по

созданию материальной базы, подготовке научных кадров – специалистов сельского хозяйства.

Фазул Мухамедгалиевич создал большую научную школу биологов. Под его руководством 30 человек защитили кандидатские диссертации, 5 – докторские. Он принадлежал к числу тех ученых, у которых редкое научное дарование сочеталось с выдающимися организаторскими способностями. Его личность характеризовали ясный и творческий ум, склонность к комплексному анализу и научному предвидению.

Нельзя не сказать добрые слова об еще одном преподавателе нашего института – о Найле Уразгуловне Базановой (1901–1993 гг.), ветеринарном враче, основателе Казахской школы физиологов сельскохозяйственных животных, академике АН Казахской ССР (1951 г.), докторе биологических наук (1945 г.), профессоре (1946 г.), заслуженном деятеле науки Казахской ССР, первой женщине-академике в Казахстане и Средней Азии, депутате Верховного Совета СССР 2–5-го созывов, заместителе Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР (1958–1962 гг.), Председателе Казахского комитета защиты мира (1949–1986 гг.).

Родилась Н.У. Базанова в Киргизии городе Пишпеке (Фрунзе, Бишкек). В 1932 г. окончила Алма-Атинский зооветеринарный институт, затем аспирантуру (1935 г.). В этом институте работала доцентом, заведующей кафедрой нормальной физиологии (1932–1966 гг.), впоследствии директором Института экспериментальной биологии АН Казахской ССР (1948–1951 гг.), академиком-секретарем Отделения биологических и медицинских наук АН Казахской ССР (1951–1962 гг.), директором Института физиологии АН Казахской ССР (1966–1986 гг.), научным консультантом этого же института (1986–1993 гг.).

В 1945 г. Н.У. Базанова защитила докторскую диссертацию «Развитие регуляции кровообращения и дыхания у некоторых сельскохозяйственных животных в онтогенезе». Основные работы Н.У. Базановой посвящены физиологии

сельскохозяйственных животных и изучению особенностей пищеварения. Выявлены основные закономерности функции многокамерного желудка жвачных животных. Доказано наличие мембранного расщепления питательных веществ корма в микроворсинках кишечника и структурах разных отделов преджелудка. Она автор нескольких монографий, книг и учебников.

Найля Уразгуловна награждена орденами СССР (орден Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Дружбы народов», Знак почета). Она была супругой академика Ф.М. Мухамедгалиева.

Одним из ведущих ветеринарных патоморфологов 50–70-х годов XX в. был Борис Павлович Всеволодов (1909–1981 гг.), доктор ветеринарных наук, профессор, заведующий кафедрой патологической анатомии Алма-Атинского зооветеринарного института, заслуженный деятель науки Казахской ССР, многолетний бессменный вице-президент общества патоморфологов Казахстана.

Б.П. Всеволодов после окончания с отличием в 1932 г. Московской ветеринарной академии (ныне академия имени К.И. Скрябина) поступил на работу во Всесоюзный институт гельминтологии, директором которого был основатель гельминтологической школы Советского Союза академик К.И. Скрябин. В 1937 г. по рекомендации своего учителя Бориса Карловича Боля он переехал в Алма-Ату и возглавил кафедру патологической анатомии Алма-Атинского зооветеринарного института, которой заведовал до конца жизни. Борис Павлович соединил в себе знание и опыт двух школ великих ученых – академика К.И. Скрябина и основателя советских патоморфологов К.Г. Боля. Всю жизнь он посвятил изучению патоморфологии гельминтозов сельскохозяйственных, домашних и диких животных. Им был открыт новый для науки гельминт у сайгаков, который назван в честь одного из своих учителей – «Скрябинодера».

Борис Павлович впервые в СССР в 1959 г. диагностировал неизвестную до того времени болезнь крупного рогатого скота – безноитиоз – и дал подробное описание патоморфологии этого заболевания. Являясь высокоэрудированным ученым, кристально честным со студентами и своими коллегами по работе, Борис Павлович внес огромный вклад в профессиональное и этическое воспитание многих поколений ветеринарных врачей и ученых Казахстана и других республик Средней Азии. Под его руководством в разных республиках бывшего Советского Союза защищено около 20 докторских и более 50 кандидатских диссертаций. Его работы по патоморфологии гельминтозов животных вошли в учебник для высших учебных заведений Советского Союза – «Основы патоморфологии сельскохозяйственных животных», который переиздавался три раза.

Результаты изучения безноитиоза крупного рогатого скота в СССР были доложены Б.П. Всеволодовым на конференции, проходившей в Самарканде Узбекской ССР, где он не только сообщил об обнаружении нового, неизвестного до того времени заболевания крупного рогатого скота – безноитиоза, но и подробно продемонстрировал макроскопические и микроскопические изменения в коже и во внутренних органах животных, убитых с диагностической целью на мясокомбинате Алма-Аты.

Профессионально преподавала на этой кафедре М.Т. Клейнбок, проводившая глубокие исследования по болезням собак, изучении иммунитета при гельминтозах.

Длительное время кафедру агрономии возглавлял Д.А. Зыков, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик АН Казахской ССР. В период Великой Отечественной войны он был ректором нашего института. Настоящий интеллигент, ученый, каких мы видели в различных кинофильмах старой формации. Нам он уже не читал лекции, но издалека мы его видели на кафедре.

Еще мне запомнилось, как преподаватели постоянно мучили нас отгадыванием растений, находящихся в гербариях (пшеница, овес, ячмень, просо, кормовые травы и др.). Почему-то этот ребус я решал не с первого раза. Пришлось больше внимания уделить изучению высушенных и собранных в гербарии растений. После этого стал довольно быстро определять их название.

Я уже упоминал, что многие наши преподаватели были участниками Великой Отечественной войны: М.М. Шахматов, Н.И. Соломатин, С.М. Басов, В.С. Козлов, Г.К. Конакбаев, И.С. Подлинов, И.А. Тыныбаев. Удивительно, почему в то время об их подвигах, пусть даже невеликих, не было известно нам – студентам. Их авторитет на несколько порядков вырос бы у нас.

Очень хорошо помню интересные и глубокие лекции по акушерству. Их читали нам Борис Сергеевич Волженин, Василий Степанович Козлов, Юрий Григорьевич Карзаев. Б.С. Волженин, кандидат ветеринарных наук, занимался изучением плаценты свиней, течением родов, послеродового периода и абортов у овец. Проводил исследования по сравнительной оценке методов искусственного осеменения свиней.

В.С. Козлов, кандидат ветеринарных наук, успешно проводил работу по выявлению эффективности АЦС совместно с микроэлементами на половую функцию коров. Василий Степанович, будучи деканом ветфака, был очень внимателен к нуждам студентов, вникал в наши проблемы и решал иногда неразрешимые, как нам казалось, вопросы. Касательно меня был такой случай. Я, будучи на каникулах, опоздал на занятия на трое суток ввиду объективных причин. Заместитель декана в отсутствие В.С. Козлова вынес решение о лишении меня стипендии, даже не удосужившись выяснить причину моего опоздания. Для меня это был достаточно неприятный жизненный факт. По приезде Василия Степановича мне пришлось в деталях пояснить ему причины опозда-

ния. Он внимательно выслушал и пообещал положительно разрешить мою проблему. Так в дальнейшем и вышло.

В 1990–1993 гг. кафедру акушерства возглавлял мой одногруппник Шора Калтаев. Он был небольшого роста, над ним все время подшучивал Володя Мартыненко, но Шора всегда с успехом отшучивался. Он примерно в одно и тоже время грыз науку в КазНИВИ, как и я. Впоследствии Ш. Калтаев стал автором вакцины, успешно защитил кандидатскую диссертацию, был хорошим преподавателем. Жаль, что он безвременно ушел из жизни.

Прекрасно преподавали нам свои знания по клинической диагностике А.А. Сазонов, Г.Я. Лейбрих, Ш. Токбанов, П.М. Бутов, А.И. Гуляев, Н.И. Соломатин. Эта кафедра была организована в 1931 г., первым заведующим был профессор Л.А. Дейбин (1931–1937 гг.). В последующие годы его заменил заслуженный деятель науки Казахской ССР член-корреспондент АН КазССР, профессор Яков Исакович Клейнбок (1937–1961 гг.). Мне удалось из любознательности один раз побывать на лекции Якова Исаковича. Я даже в мелких деталях помню его лекцию о проблемах патологии желудочно-кишечного тракта у лошадей. Это был первый курс моего обучения (1960 г.), в январе 1961 г. Яков Исакович покинул наш мир.

Фундаментальные знания мы получили и на кафедре фармакологии, которая была организована в 1930 г. Первым заведующим ее был И.Д. Приселков (1930–1933 гг.). В наше время кафедрой заведовала доцент Л.Ф. Абакумова (1945–1969 гг.). В моей группе преподавала Сара Борисовна Хвалибова, красивая, видная женщина. Здесь нас научили правилам составления рецептов, многое дали в изучении латинского языка, мы прошли большой курс фармакологии, приготовлению и применению ветеринарных препаратов для лечения животных.

Было бы неправильно не остановиться и на других кафедрах института, преподаватели которых также внесли

свой вклад в наше общее развитие как личностей широкого круга мышления. Это кафедра экономики и организации сельхозпредприятий (заведующий М.А. Чебышев), кафедра политэкономии (И.В. Русанов), кафедра марксизма-ленинизма (К.И. Сафранков). Да, в настоящее время те идеи, которые нам преподавали, либералы нашего общества отвергают напрочь. Однако жизнь показывает, что нельзя все отбрасывать огульно из прошлого мира. Разве можно сегодня строить наше будущее, говорил в своем выступлении доцент, кандидат экономических наук К.И. Сафранков, без понимания значения производительности труда для нашего общества, приводя цитату В.И. Ленина: «Производительность труда – это в последнем счете самое главное для победы нового общественного строя». Что, это сегодня не является объективностью в развитии нового российского общества?

Число ученых, значимых для ветеринарной науки, практики и ветеринарного образования, с которыми мы, студенты, контактировали, можно увеличить на несколько рядов, и все равно кого-то упустишь.

В настоящее время «Ветеринарный факультет» бывшего Алма-Атинского зооветинститута состоит из четырех кафедр: «Акушерство, хирургия и биотехнология воспроизводства», «Клиническая ветеринарная медицина», «Биологическая безопасность», «Ветеринарная санитарная экспертиза и гигиена», 33 научно-учебных лабораторий, двух музеев (акушерства, патологии и паразитологии), одного физиотерапевтического кабинета, пяти манежей, расположенных в ветеринарной клинике животных (два акушерских, два хирургических и один клинико-терапевтический), а также отвечающего современным требованиям вскрывочного.

На факультете трудятся 113 преподавателей, из них 3 академика НАН РК, 24 доктора наук, 54 доцента, 7 PhD докторов, 25 магистров. Контингент обучающихся составляет 665 студентов, 11 магистрантов, 2 докторанта PhD.

В 2014 г. на первый курс были приняты 675 студентов, из них 269 на специальность 5В120100 – ветеринарная медицина, 140 студентов на специальность 5В120200 – ветеринарная санитария. По государственному образовательному гранту поступили 459 студентов, на платно-договорной основе – 216. С 2000 г. на факультете подготовлено 11 докторов наук, 36 кандидатов наук. С 2004 г. факультет в соответствии с принципами Болонской декларации перешел на трехуровневую модель подготовки кадров: высшее специальное образование – магистратура – PhD докторантура. С 2004 г. подготовлены 117 магистров и 15 PhD докторов ветеринарной медицины.

В 2014/15 учебном году внедрены четыре образовательные программы на государственном и русском языках для магистрантов специальности 6М120100 – Ветеринарная медицина и три программы по специальности 6М120100 – Ветеринарная санитария. Кроме этого имеется еще восемь программ: № 1 – «Биологическая безопасность при инфекционной патологии», № 2 – «Биологическая безопасность при инвазионной патологии», № 3 – «Диагностика и терапия болезней животных», № 4 – «Ветеринарная репродуктология и хирургическая патология», № 5 – «Ветеринарная санитария», № 6 – «Санитарная паразитология», № 7 – «Экспертиза качества продуктов и безопасность продуктов», № 8 – «Гигиена и санитария».

Большое внимание факультетом уделяется профессиональной подготовке студентов, магистрантов, докторантов PhD. Практическая подготовка осуществляется в основном в 30 филиалах кафедр, с которыми заключены специальные договора.

Хотелось более объемно раскрыть глобальность Алма-Атинского зооветеринарного института, показать его многогранность как в преподавательской деятельности, так и в научном поиске. Но ушли годы, многое стерлось из памяти, поэтому те, кто причастен к приведенным мною

воспоминаниям, не осудит меня за достаточно скудные эпизоды, сохранившиеся в памяти. Часть их даже пришлось восстанавливать с использованием всех доступных в настоящее время различных средств (интернет, публикации, разговоры с коллегами и др.). Пользуясь ими, я взял ряд примеров, событий, биографий с целью более подробного описания событий, случаев, встреч, раскрыть некоторые личные качества преподавателей, с которыми встречался и которые оказали существенное влияние на формирование моего мировоззрения, характера, внутренней культуры, мою судьбу.

В институте уже со второго курса нас стали привлекать к научным исследованиям. Видимо, преподаватели внимательно наблюдали за студентами, особенно за теми, которые лучше усваивали преподаваемые дисциплины.

Нам с Володей Мартыненко семья А.И. Гуляева и Г.М. Ивановой предложила попробовать себя в науке, дополнительно к получаемым в институте знаниям освоить ряд новых методик, поучаствовать в опытнической работе с оформлением результатов исследований, в том числе в написании статейных материалов. Конечно, мы безоговорочно согласились и по вечерам приступали к освоению самых необходимых манипуляций для проведения научных исследований. Галина Максимовна учила нас как правильно мыть лабораторную посуду (пробирки, стаканы, пипетки). Осваивали способы стерилизации шприцев, игл, скальпелей, а также взятие крови для лабораторного исследования у кроликов (из ушной вены), морских свинок и рыб (из сердца). Этому нас учил виртуоз в этом деле Алексей Иванович. Взятие крови у крупных животных из ярёмной вены мы до этого уже освоили на практических занятиях кафедры клинической диагностики. Также освоили постановку серологических реакций (РСК, РДСК, РА), обработку биоматериала с целью изоляции возбудителей туберкулеза, бруцеллеза, паратифов.

На втором курсе руководство ветеринарного факультета решило провести научную конференцию, где бы аспиранты и мы, студенты, начинающие заниматься научной работой, должны выступить со своими сообщениями минут на десять. Окрыленный такой возможностью, я с большим энтузиазмом оформил свое выступление в виде доклада и думал, что это будет мой небольшой шедевр. Я удивлю полученными результатами исследований нашу небольшую молодую научную среду. С такой надеждой я передал Галине Максимовне на просмотр написанное мною выступление. На другой день она мне его вернула с множественными исправлениями, восклицательными и вопросительными знаками. Я был удивлен, если не сказать, расстроен. Первое, что мне пришло в голову: Галина Максимовна или не разобралась в моей писанине, или просто придирается ко мне. В голове была каша из различных негативных мыслей – бросить все и не заниматься этой чепухой. Видимо, наука – это не моя судьба. Поговорил с Володей Мартыненко. У него такая же ситуация и в голове аналогичные мысли. Однако решили все же попытаться исправить те огрехи, на которые Галина Максимовна указала нам в текстах для выступлений. Я перепечатал новую версию доклада. Галина Максимовна, посмотрев ее, сказала: «Ну, это намного лучше, исправляйте те замечания, которые я вам вновь сделала». В общем, с окончательными исправлениями мы с Володей выступили на конференции с докладами. Все прошло буднично, а для меня, конечно, это была первая пытка и большая жизненная наука. Уже имея своих аспирантов, я ставил их в аналогичную ситуацию. Я видел их переживания, может быть, и внутреннюю злость, но в конечном случае все обходилось на достаточно интеллигентном уровне и, как правило, аспиранты успешно проходили защиту.

Так прошло два года моего обучения в институте. Все экзамены я сдал на отлично, на каникулы уехал к себе до-

мой в Приишимский совхоз. Как хорошо дома! Отец работал в совхозе, был очень доволен своей судьбой. Видимо, его крестьянское прошлое, чуть ли не на генетическом уровне, занимало основное место его внутреннего содержания. Он легко вошел в сельскую жизнь, на работу ездил в конной кошелке, с большой любовью ухаживал за своей лошадью Серком. Лошадь он содержал во дворе нашего дома, привязав к ходку, хорошо ее кормил и ласково с ней общался. Меня это умиляло. Отец в моих глазах еще вырос на несколько «метров», так как я его хорошо помнил в должности командира батальона, где он всегда был суров, практически не улыбался. А здесь полная метаморфоза в его характере и жизненных устоях.

Отдыхать на каникулах не приходилось. Надо было выкопать картофель, заготовить на зиму дрова и сено для коровы. Завезенные заранее отцом длиннющие хлысты берез необходимо было распилить на чурки, порубить их на дрова. Резка хлыстов бревен в деревне была механизирована специальной бензопилой, сконструированной местными умельцами. Я очень любил рубить чурки на части. Этот процесс для меня был частью тренировки, особенно он способствовал развитию плечевого пояса.

К моему приезду отец, как правило, забивал кабанчика. Мама с бабушкой были большие мастерицы по переработке мясной «кабаньей» продукции. Делали сальтисоны, кровяные колбасы, готовили «кавардак» (жареные мелко нарезанные почки, печень, легкие). Это была для меня необыкновенная вкуснятина, особенно после студенческой еды. До сегодняшнего дня я помню специфический вкус этого блюда. А кровяная колбаса с гречкой, вареная и поджаренная – это божественная пища! За период моих каникул я все это использовал для восстановления своих физических кондиций. Обычно за каникулы я набирал 6–10 килограммов, и мои коллеги при встрече в институте всегда подтрунивали надо мной. Зато в спортивном зале я чувствовал себя королем, легко работая со штангой.

Любовь, начало семейной жизни, родители супруги

Ни один человек не способен понять,
что такое настоящая любовь,
пока не проживет в браке четверть века.

Марк Твен

В 1961 г. 6–7 августа наша страна отмечала второй полет человека в космос. На орбите Земли был Герман Степанович Титов. Мы, студенты, с восторгом восприняли этот замечательный полет. Герман Титов сделал за 25 часов 11 минут 17 витков вокруг Земли на корабле «Восток». В общей сложности маршрут космонавта составил 703 143 километра. Его позывной был весьма оригинальным – «Орел». Все радиостанции в СССР и за рубежом сообщали о нахождении человека в космосе.

Герман Степанович Титов родился 11 сентября 1935 г. в селе Верхнее Жилино Косихинского района Алтайского края. Отец был сельским учителем. В его родительском гнезде в настоящее время функционирует прекрасный музей, где собрано все, что возможно было туда представить. Большую роль в создании музея внес губернатор Алтайского края Александр Богданович Карлин, очень колоритная фигура. Он автор нескольких книг, имеет ученую степень.

В период активной политической карьеры мне в качестве секретаря обкома КПРФ Новосибирской области пришлось быть на съезде партии, проходившем в Кремлевском дворце, где мы, сибиряки, встречались с Германом Степановичем. Он многое нам рассказывал о космосе. Чувствовалась его эрудиция, глубокие знания, в том числе и о текущих делах в политике и экономике страны. Мы были все очарованы нашим земляком, пожелали ему сибирского здоровья и дальнейших успехов в его многогранной деятельности. Герман Степанович Титов оставил очень заметный след не только в космонавтике, военном деле, но и в политике, за-

конотворческой деятельности. Он был Героем Советского Союза, лауреатом Ленинской премии, им написано несколько интересных и познавательных книг. Скончался Герман Степанович, второй космонавт СССР, от сердечного приступа 20 сентября 2000 г.

В честь полета второго космонавта в Алма-Ате на площади возле здания ЦК КП Казахстана и Правительства Казахстана намечалось торжественное мероприятие с салютом, музыкой, весельем. Зная об этом, я со своим другом-однокурсником Сашей Гаджиевым из нашего общежития пошли пешком вниз по улице Куляш Байсентовой к месту народного гуляния. Не доходя улицы Арычной, догнали небольшого роста девушку с кудрявыми, веером распущенными до поясницы волосами, точеной фигуркой. Моросил мелкий дождь. Девушка прикрывала голову от дождя большим зонтом. Мы начали к ней подкатываться, считая, что она учится примерно в 9–10-м классе, задавали всякие каверзные вопросы. К удивлению, она очень обстоятельно на них отвечала. Когда я спросил, в каком классе она учится, она на полном серьезе ответила: «Я учусь на 4-м курсе биофака Казахского госуниверситета». «А вы где учитесь? – задала нам встречный вопрос. Мы, чтобы быть с ней в равных условиях, приврали и сказали, что учимся на 4-м курсе ветфака Алма-Атинского зооветеринарного института. Слово за словом, быстро дошли до улицы Калинина. Девушка говорит: «Ну, вот мы и пришли к моему дому».

Это было трехэтажное здание, которое и в настоящее время сохранилось. Оно расположено напротив сквера Алма-Атинского оперного театра имени Абая. Она нас поблагодарила и хотела войти в подъезд. Мы спросили ее имя. «Лера», – сказала она, мы назвали свои имена. Вроде бы, познакомились, поэтому предложили ей сходить с нами на всенародный праздник. Лера сказала: «Я пойду отпрошусь у родителей». Нас это очень удивило, мы стали ждать, не надеясь на ее возвращение. И вдруг открывается дверь подъез-

да и из него выпорхнула еще более красивая, переодевшись в другую, очень идущую ей одежду, фея.

Мне она сразу понравилась, но это было где-то на третьем-четвертом уровне подсознания. Во время гуляния мы еще ближе с ней познакомились. Я узнал, что мы с ней одногодки, она даже на месяц старше меня. Я не поверил: уж очень она выглядит молоденькой девочкой. За разговорами время прошло быстро. Лера говорит: «Мне мама разрешила погулять с вами до десяти часов вечера». Мы проводили ее до подъезда дома, я попросил номер ее телефона, договорились еще встретиться. После этого было еще несколько встреч. Мы гуляли по городу, ходили в кино, в общем, я старался ей понравиться. Она расспрашивала про мою семью, быстро раскола меня в отношении курса, на котором я учусь в институте. Оказывается, у нее была знакомая по фамилии Гончарова, которая училась на нашем курсе, но в другой группе. Мне пришлось сознаться, что я ей тоже не поверил, что она уже практически заканчивает университет. В общем, этот инцидент был исчерпан, и она, видимо, поняла, что все это делалось с моей стороны без всякого целенаправленного обмана. У меня жизнь шла своим чередом: учеба, трехразовые недельные тренировки в тяжелоатлетическом зале. У нее был интенсивный учебный процесс, и ежедневных встреч у нас не получалось.

Однажды Лера меня пригласила на какой-то маленький пикник, который проводили в их группе. Я растерялся. У меня не было хорошего костюма, поэтому сильно переживал. Мои друзья по комнате тоже стали думать, как мне помочь. Мой друг борец Жумаш Избасаров предложил надеть его костюм. Я его примерил, он оказался впору, помню даже его цвет – синий. Кстати, это мой любимый цвет.

Я нарядился в предложенный мне костюм и представился на смотрины группе студентов, в которой училась Лера. Девушки и парни были уже немного принявшие горячительного, весело общались друг с другом, а тут появился я –

«принц», который не употреблял ни грамма спиртного. Посмотрев на Леру, я не увидел в ее глазах той искорки, которая у нее была при наших встречах. Потом все пошло своим чередом. Мне запомнился один студент, самоуверенный, знающий себе цену. Это был Мурат Айтхожин, Ленинский стипендиат, будущий доктор биологических наук.

М.А. Айтхожин родился в городе Петропавловске Северо-Казахстанской области. В Петропавловске его отец был главным бухгалтером областного управления сельского хозяйства. В будущем Мурат Айбенович стал директором института молекулярной биологии и биохимии АН Казахской ССР, позднее – президентом Казахской национальной академии наук. Жаль, что умер он очень рано, в возрасте 48 лет.

В целом встреча прошла неплохо. Расставшись с группой и Лерой, я вернулся к себе в общежитие. По прошествии нескольких наших семейных лет, Лера мне сказала: «Хочешь, я испорчу тебе настроение?». Оказывается, когда она меня увидела на их вечеринке в синем костюме, то обомлела: на свету на костюме ясно просвечивались темные пятна. «Это так ударило по моему сознанию, – сказала она, – что я подумала, что же это за парень, у которого нет хорошей выходной одежды».

Подобный второй случай произошел со мной во время встречи с Лерой на вокзале, когда я приехал в Алма-Ату после каникул. Я вышел из вагона сияющий и вдруг увидел на ее лице недовольную гримасу. Она холодно встретила меня. Я по ее просьбе проводил до школы, где она вела уроки биологии как студентка-практикантка. Разговор не клеился, внутренним чутьем понял, что Лера не та, что была раньше. Вскоре она остановилась и говорит: «Ну вот моя школа, я пойду». Потом, посмотрев на меня, сказала: «Знаешь, давай больше не будем встречаться». Быстро повернувшись ко мне спиной пошла в сторону школы. Я был в трансе, в голове мелькали разные мысли. Но что делать? Сел на троллейбус и поехал вверх по улице имени Сталина до своего общежития.

На душе скребли кошки, конечно, я не ожидал такой встречи. Через некоторое время, набравшись храбрости, решился позвонить ей на домашний телефон. В телефонной трубке мужской голос мне ответил: «Больше сюда не звони, Лера не хочет тебя видеть». Вот так и закончилось мое первое рандеву с девушкой, которая крепко запала мне в молодую и неопытную в этом плане душу.

Ушел 1961 г. Смирившись с тем, что я, сельский парень, не пара столичной девушке, какой мне тогда казалась Лера, продолжал жить своей студенческой жизнью. Как-то в марте 1962 г. после тренировки как обычно наша группа тяжелоатлетов прохаживалась по так называемому «Бродвею» – улице Калинина, на которой жила Лера. Я ребятам в разговоре упомянул о своих жизненных неурядицах, назвал их причину – Валерию Ерофееву, отец которой работал заведующим кафедрой промышленности в Казахском государственном университете. Кто-то из ребят, видимо, студент университета, сказал, что у нее недавно умер отец. Меня это до глубины души потрясло, я расстроился и не знал, что делать. Прошел апрель, наступил май. Первого мая после салюта на той же правительственной площади, где мы с Лерой познакомились, были различные торжества. Мы вместе с Петром Ивановичем Сутуловым и его супругой Верой решили тоже посетить это торжество, пройтись по площади. Народу было много, люди улыбались, организовывали хороводы, танцевали. И вдруг я нос к носу столкнулся с Лерой, которая была на торжествах со своей подругой. Мы переглянулись и к большому удивлению наших попутчиков пошли навстречу друг к другу, словно нас притягивала какая-то неведомая внутренняя сила. Мы поздоровались, взялись за руки. Я высказал ей соболезнование по поводу безвременной кончины ее папы Николая Александровича. У Леры из глаз покатились слезы. Потом я неоднократно убеждался о ее большой любви к отцу и глубоком к нему уважении.

Взявшись за руки, мы пошли гулять, оторвавшись от наших попутчиков. Между нами шли откровенные разговоры,

выяснения тех причин, в результате которых мы расстались и перестали встречаться. На вопрос Леры: «Почему ты мне не звонил?», я ей рассказал ту историю, о который упоминал выше, когда мужской голос сказал мне по телефону, чтобы я больше не звонил. Лера улыбнулась и сказала, что это выходка ее двоюродного брата, который так шутил с теми парнями, которые хотели поговорить по телефону с ее сестрой. Были еще какие-то уточнения, в том числе и о моем «прикиде», когда я приехал из дома в Алма-Ату и Лера встречала меня на вокзале. Вообще, молодость и ее разнообразные флюиды непостоянны, могут быстро возникать и тут же исчезать. Она мне рассказала, как ее отец хотел познакомиться со мной, с моими родителями, но меня невозможно было затянуть к ним домой. Это была моя большая оплошность, я в дальнейшем неоднократно об этом сожалел. Лера мне сказала: «Несмотря на это, мой папа тебя неоднократно рассматривал, когда ты приходил ко мне на свидание». Действительно, я начал вспоминать наши встречи.

Обычно мы встречались возле ее дома, где я прогуливался или просто стоял и ждал, когда она выйдет из подъезда, который хорошо был виден через дорогу. Возле меня неоднократно прохаживался человек среднего роста с кудрявой головой, в тенниске, с небольшим животиком, который пытливо бросал на меня пристальный взгляд. Оказывается, это и был папа моей будущей супруги Николай Александрович. Он Лере сказал: «Если будешь выходить замуж, то выходи за парня из деревни, так как они порядочные, разбираются в жизни и трудолюбивые». Такое представление о выходцах из села было у Николая Александровича, отца Леры, видимо, потому, что он сам был родом из деревни.

Отец Леры – Николай Александрович Ерофеев (1909–1962 гг.) был уроженцем села Панская слобода Симбирской губернии (ныне Ульяновская область) России. В анкете, написанной его рукой, говорилось, что он родился на пароходе, так как его отец был кочегаром, мама – посудомойкой.

Летом, в пору навигации, они жили на пароходе. Вот там и появился на свет Николай Александрович. Естественно, его место рождения обозначено – село Панская слобода. По окончании школы он год работал рабочим по очистке котлов на пароходе «Красный волгарь» и чернорабочим на лесопилке. В 1928 г. был принят матросом-кочегаром на пароход «Астра». Николай Александрович все же думал о своем образования и в 1930 г. стал слушателем курсов по подготовке в высшее учебное заведение. По их окончании поступил в Ленинградский индустриальный институт (впоследствии Политехнический институт) на механо-технологический факультет, который закончил в 1935 г.

Кстати, как говорила мама Леры, Валентина Михайловна Белозерова (она не поменяла фамилию после замужества), с Николаем Александровичем вместе учился первый советский чемпион мира по шахматам гроссмейстер Михаил Моисеевич Ботвинник, будущий доктор технических наук, профессор. Помимо огромных достижений в области шахмат, Михаил Моисеевич с успехом занимался научной работой в области электротехники, был автором ряда изобретений, руководил созданием шахматной программы для компьютера под названием «Пионер». В семье о факте совместной учебы Н.А. Ерофеева и М.М. Ботвинника много не говорили. Я это узнал из общих разговоров, которые вели между собой члены семьи.

По окончании института Николай Александрович был направлен работать помощником начальника механического цеха Ярославского тормозного завода. Через год (1937 г.) он стал заместителем начальника инструментального цеха, потом механического цеха. Еще через год его назначили начальником механического цеха, затем начальником бюро инструментального хозяйства завода. Работая на заводе, Николай Александрович принимал активное участие в общественной жизни, был пропагандистом, неосвобожденным заместителем секретаря партийного комитета завода и членом

пленума Калиновического райкома ВКП(б) Ярославля. На пленуме этого райкома партии 13 мая 1938 г. был избран секретарем райкома.

Ярославль памятен мне тем, что в семье Ерофеевых 15 мая 1939 г. родилась дочь Валерия, названная в честь гордости нашей страны – летчика Валерия Чкалова. Жаль, что она ни разу не посещала Ярославль после отъезда семьи из города. Мне же посчастливилось там побывать, я был даже возле того роддома, где она появилась на свет.

По окончании партшколы Николай Александрович в 1941–1945 гг. работал заместителем председателя Совета народных комиссаров Казахской ССР. Семья Ерофеевых приехала в Алма-Ату в составе трех человек: он, его супруга и дочь Валерия. Разместили их в четырехкомнатной квартире № 23 дома 83, расположенного на улице Калинина. В этой квартире вначале они занимали две комнаты, их соседями в двух других комнатах были члены семьи министра МВД Казахстана. Семьи жили дружно, понимали, что времена очень сложные в политическом, экономическом, а также житейском плане. Мама Леры Валентина Михайловна иногда вспоминала то непростое время, говорила о тягостях повседневной жизни, недоедании, отсутствии в квартирах горячей воды, зимнем холоде. Комнаты отапливали печкой-буржуйкой. Жены высокопоставленных работников не работали, а оказывали посильную помощь раненым в госпиталях на правах сиделок, санитарок. Валентина Михайловна по образованию была зоотехником, имела навыки ветеринарного фельдшера (преподавала ветеринарию в институте), поэтому ей доверяли делать уколы, перевязки несложных ран нашим бойцам-красноармейцам.

Во время работы Николая Александровича в Совете Министров Казахской ССР он близко общался с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым (1912–1993 гг.), который в то время также работал заместителем председателя Совета народных комиссаров Казахской ССР, как дипломирован-

ный горный инженер курировал в правительстве это направление.

В 1950 г. Николай Александрович защитил диссертацию «Состояние и пути развития металлообрабатывающей отрасли в местной и кооперативной промышленности Казахской ССР» и стал кандидатом экономических наук. Он всегда тянулся к науке, опубликовал несколько научных работ: «Ведущая роль социалистической промышленности в развитии народного хозяйства СССР», «Развитие промышленности Казахской ССР», «Учись хозяйствовать», «Отраслевые структуры промышленности СССР». Наконец-то сбылась его заветная мечта – заняться непосредственно наукой. В 1952 г. он перешел работать в Академию наук Казахской ССР заместителем директора научно-исследовательского института экономики. В 1953 г. его избрали секретарем партийного комитета Академии наук Казахской ССР. Надо заметить, что в это же время президентом академии стал Д.А. Кунаев. Они близко сошлись друг с другом, и это было неслучайно. Как говорила Валентина Михайловна, у них было взаимное уважение и даже определенная семейная дружба. Валентина Михайловна хорошо знала супругу Д.А. Кунаева Зухру Шариповну. Подтверждению этому может служить такой факт: когда ушел из жизни Николай Александрович, Валентина Михайловна осталась с двумя дочерями без работы многие годы и без пенсии, так как она не была пенсионного возраста. Д.А. Кунаев помог их семье, а именно, оформить Валентине Михайловне персональную пенсию. К этому необходимо добавить, что в своем фундаментальном издании «От Сталина до Горбачева» (1994 г.) Д.А. Кунаев в числе лиц, которые тесно и плодотворно работали с ним на благо Казахской ССР, привел и фамилию Н.А. Ерофеева. Таких людей было приведено немного. Кстати, в этой книге были фамилии ряда высокопоставленных руководителей, которые были удостоены Д.А. Кунаевым отрицательным отзывом.

По окончании работы на выборной партийной должности Николай Александрович еще больше углубился в научную и преподавательскую деятельность. В 1954 г. он был избран на должность заведующего кафедрой отраслевых экономик Казахского государственного университета, где и работал до 15 марта 1962 г., вплоть до своей кончины.

Николай Александрович был человеком крепкого здоровья, но гигантская работа на руководящих постах Казахской ССР, особенно в военные и послевоенные годы, подорвала его мощное здоровье, замучила стенокардия. Московские хирурги сделали ему операцию на сердце, перенаправили кровообращение в сердечной мышце путем хирургического перемещения тока крови с помощью введения одного кровеносного сосуда в другой, который обслуживал плохо работающую часть сердца. Это позволило значительно улучшить работу сердца, временно поднять общее состояние здоровья Николая Александровича, но, к сожалению, на достаточно короткое время. Спустя год после операции, когда он выступал на партийном собрании в университете, ему стало плохо. Пока приехала скорая помощь, Николай Александрович скончался.

Так скоротечно промелькнула яркая жизнь этого прекрасного человека. Николай Александрович вышел из самых низов нашего общества. Благодаря личному труду, громадной воле, большому трудолюбию прошел многоступенчатую сложную жизнь, много сделал для укрепления народного хозяйства Казахстана, создал прекрасную семью. Что он имел от этой жизни? Несколько похвальных грамот, орден «Знак Почета» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», последние годы жил в четырехкомнатной квартире. Под конец жизни – плохое здоровье... Я считаю, что признанием его заслуг был выговор за подписью И.В. Сталина. Этот выговор говорит о многом, и что интересно – это не отразилось негативно на его дальнейшей судьбе.

Мама моей супруги Валентина Михайловна Белозерова родилась в 1912 г. в Ульяновске, на родине Ильича, в семье неплохо обеспеченных родителей. Отец Валентины Михайловны долгие годы трудился бухгалтером на Ульяновской верфи, прожил он более 90 лет. Когда у него спрашивали, как к нему относился хозяин, он всегда его хвалил, несмотря на то, как он говорил, что он был иностранцем-немцем. Из-за семейного положения Валентина Михайловна смогла поступить только в сельскохозяйственный вуз – институт птицеводства, расположенный около Москвы в Сергиевом Посаде. По специальности она работала непродолжительное время. Во время войны, я уже об этом упоминал, все жены высших руководителей трудились бесплатно санитарками, медсестрами и др.

Мне пришлось в течение продолжительного времени после нашей свадьбы с Валерией Николаевной жить вместе с Валентиной Михайловной. Много сложено анекдотов, присказок, серьезных статей о теще и зяте. Что я могу сказать в этом случае? Я прожил со своей тещей в большом комфорте, называл ее мамой. Таковой она и была для нас, особенно для наших детей. Старшего сына Николая (мы его назвали в честь дедушки) она практически вынянчила с пеленок, как в свое время меня моя бабушка. Никаких ссор между нами не было. Да и как можно ссориться с очень выдержанным, культурным и грамотным человеком?

В последние годы Валентина Михайловна жила с нами в Краснообске Новосибирской области. Два года тяжело болела и в 1989 г. тихо и мирно покинула нас, умерла она на руках Валерии Николаевны. В это время я выступал на большом ветеринарном форуме, проходившем в здании сегодняшней администрации Новосибирской области. На форуме присутствовал начальник Главного управления ветеринарии Российской Федерации Олег Зулиевич Исхаков. Мои коллеги не стали расстраивать меня и не сказали о смерти Валентины Михайловны. Закончился форум, я повез часть

ветеринарных врачей в Краснообск ознакомить их с работой Сибирского отделения Россельхозакадемии. По дороге мне сообщили о печальном известии. Для меня это был удар, хотя мы понимали, каков был исход ее болезни. Все это случилось 14 мая 1989 г.

Вернемся на 56 лет назад. С моей стороны на нашей с Лерой свадьбе, которая состоялась 23 июня 1963 г., практически через четыре месяца после смерти отца Леры Николая Александровича, присутствовали мои коллеги-студенты, мама с папой, со стороны Леры – ее подруги и родственники. Свадьба проходила на квартире Ерофеевых. Особых финансовых средств у нас не было, и мне пришлось «горячительное» покупать по знакомству в товарном складе. Это был не очень дорогой кубинский ром, в то время он был одним из лучших ликероводочных напитков. Все остальное было обычным: блюда из картофеля, мяса, различные салаты. Для женщин купили хорошее вино, Казахстан производил прекрасные вина. Все прошло как обычно. После свадьбы пошли будничные дни: опять учеба, домашние хозяйственные дела и, конечно, спорт.

В период моей учебы в институте эпохальным для нашей семьи событием стало рождение сына Николая. Валерия Николаевна работала в это время младшим научным сотрудником в лаборатории биохимии КазНИВИ. Будучи в положении, она посещала курсы по философии, чтобы сдать кандидатский минимум, так как ее мечтой (кстати, она осуществилась) было поступление в очную аспирантуру. В 1965 г. она успешно сдала аспирантские экзамены и была зачислена в аспирантуру в Научно-исследовательский институт вирусологии и микробиологии АН Казахской ССР. Руководителем ее аспирантской темы была кандидат биологических наук Раиса Демьяновна Зубкова.

В студенческие годы, занимаясь научными исследованиями, я сам убедился, какой тяжелый труд заложен в работе аспиранта. Принято считать, что аспирант учится в аспи-

рантуре. Я на примере моей супруги и впоследствии, пройдя аспирантские будни и с личным знанием этого вопроса, утверждаю, что аспирант не учится, а ежечасно, ежедневно выполняет тяжелую научную работу. Только в этом случае он может успешно завершить результаты своих исследований. Я стал непосредственным свидетелем кропотливой ежедневной научной работы Валерии Николаевны. Все ее мысли были направлены на выполнение поставленных перед ней научных задач. Я это хорошо понимал и всегда шел ей навстречу, по мере возможности оказывал помощь. Громадную лепту в создании комфортного микроклимата в нашей семье вносила мама Леры Валентина Михайловна. Она взяла на себя практически все заботы по уходу за нашим сыном, да и (что лукавить) за нами. Она готовила еду, убирала квартиру, ходила в магазины и на базар, все это делала без всякой суеты и упреков в наш адрес. Разве можно было не уважать главу нашей семьи? Мы с Лерой это хорошо понимали и по мере возможности помогали ей вести наше общее хозяйство.

После поступления в институт и нашей свадьбы мои родители решили переехать из Приишимского совхоза Северо-Казахстанской области в Алма-Ату. Этому намерению послужило в первую очередь то, что им очень понравился город, с которым они близко познакомились, когда были на нашей с Лерой свадьбе. Она состоялась 23 июля 1962 г., практически через четыре месяца после смерти отца Леры Николая Александровича.

Вот сейчас я пишу эти строки и вспоминаю свою юность. Сегодня февраль 2018 г. Около 56 лет прошло, как одно мгновение... Сколько часов, суток и лет прожито с моей супругой Валерией Николаевной! Все было, но мы прожили такую длинную жизнь вместе, дружно, воспитали двух прекрасных детей, похоронили своих родителей, многих из родни и друзей. Как все же коротка жизнь... Иногда мы с Лерой мечтали: вот бы сейчас с нами жили наши родители, как бы

они воспринимали сегодняшнюю ситуацию, что бы они думали, говорили, как бы гордились нами, своими внуками, правнуками. Жаль, что сбыться этому никогда не суждено.

Спорт – частица моей жизни

Человек испытывает удовлетворение от владения своим телом, выносливости в движении, силы в упражнениях с тяжестями. Он освобождается от слабостей, двигательных ограничений, присущих дряблости, при этом неизбежна и перестройка психики.

(Ю.П. Власов)

Тяжелой атлетике я отдал многие годы своей жизни и нисколько не жалею об этом. Я прошел ту стадию жизни, когда молодые и даже близкие мне люди спивались, прогуливали занятия, бросали учебу, теряли семьи, попадали не в столь отдаленные места. Меня это, к счастью, обошло стороной. Я так и не научился курить, по-настоящему употреблять горячительные напитки, особенно это важно стало для меня впоследствии, когда я стал возглавлять научные коллективы.

Помимо учебы в институте я продолжал упорно заниматься спортом. Три раза в неделю посещал тяжелоатлетический зал вначале на стадионе «Динамо», потом зал тяжелой атлетики, находящийся в подтрибунье футбольного стадиона Алма-Аты. Со мной часто тренировался и мой брат Борис. Он уже был признанным тяжелоатлетом старшего поколения. В последнее время больше тренировался для себя, чтобы поддержать форму. Весил Борис в это время от 90 до 95 килограммов, обладал очень хорошими тяжелоатлетическими габаритами, имел показатели в троеборье выше первого разряда. В период учебы в Ленинграде Борис в полулегкой и легкой весовой категории имел результаты, близкие к мастеру спорта СССР, был призером и занимал первые места среди тяжелоатлетов учебных заведений (общество «Буревестник») Ленинграда. Тренировал его известный в городе тренер Петров.

По окончании института Борис Семенович был направлен работать на железнодорожную станцию Макушино Курганской области. Там он работал инженером и не прекращал тренировки. Он неоднократно выигрывал первенство по тяжелой атлетике Курганской области. Переехав с повышением по работе в Петропавловск, он также не бросил тренировки и в период моего обучения в Ленинском сельскохозяйственном техникуме открыл мне дорогу в тяжелоатлетическое братство Северо-Казахстанской области. Я стал выступать на различных соревнованиях в Петропавловске. Это было незабываемое время! Я выступал в полусреднем весе (до 75 кг), имел результаты в троеборье выше второго разряда. Лучшие показатели были у меня в рывке и толчке, в жиме вначале получалось не особенно хорошо. А у брата наоборот: жим был его ведущим движением, хотя он показывал неплохие результаты в рывке и толчке.

Сорок – пятьдесят лет назад тренировка тяжелоатлета мало отличалась от работы грузчика. Теперь же это научно обоснованный процесс. Атлетам помогают квалифицированные тренеры. В настоящее время тяжелоатлеты знают, по какому пути экономно для тяжелоатлета должна подниматься вверх штанга, как реагирует организм на тренировочные нагрузки, какие целесообразно поднимать веса и с какой интенсивностью. Благодаря тому, что на занятиях используются приборы срочной информации и видеомагнитофоны, штангисты имеют возможность посмотреть на себя в деле как бы со стороны. Раньше на ошибки спортсмена мог указать лишь тренер или тренирующийся с тобой рядом штангист. Интенсивные, большие по тоннажу нагрузки – непременное условие тренировок для достижения высоких результатов. При этом важно постоянно следить за своим самочувствием, вовремя восстанавливать энергетические затраты, эластичность и силу мышц, знать реакцию сердца на повышенные нагрузки. Особое внимание необходимо уделять питанию тяжелоатлета. А в целом штанга любит тех,

кто страстно одержим, спортсменов с уравновешенным, сильным характером.

Тренировки со штангой – это не очень эмоциональное занятие. Изо дня в день упражняешься с тяжестями, качаешь мышцы спины, ног, рук, совершаешь сотни прыжков на «козла», бросаешь через себя двухпудовую гирю, поднимаешь за тренировки до 30 тонн железа, от 200 до 300 тонн за месяц. Для этого нужно иметь крепкое здоровье, стальной мужской характер и громадное терпение.

Люди в подавляющем большинстве не рождаются сильными, талантливыми, они становятся такими благодаря интенсивным тренировкам. Нас, новобранцев тяжелоатлетического спорта, не смущали великие рекорды лучших атлетов, тренирующихся с нами. Мы знали, что все чемпионы начинали с малых весов, даже с грифа штанги и добивались больших результатов. Такие или примерно такие мысли блуждали и в моей молодой голове.

Тяжелая атлетика в Казахстане начала развиваться примерно с 1935 г. Первый чемпионат по этому виду спорта состоялся в Алма-Ате в 1937 г. Авторами высших достижений и первыми чемпионами стали Ю. Касенков, А. Костин, М. Кемарский, Н. Пронин, В. Зимин, К. Сариков. Из этой большой плеяды чемпионов мне посчастливилось много общаться и тренироваться под руководством Александра Дмитриевича Костина. От него я многое узнал о тренировочном процессе. Он практически ввел меня в мир тяжелоатлетической штангистской братии. В 1937 г. казахстанские тяжелоатлеты приняли участие в первенстве СССР, где заняли, к сожалению, предпоследнее место. Однако в 1940 г. на Всеказахстанской спартакиаде соотечественники установили 11 рекордов. Александр Костин показал результат, соответствующий мастеру спорта СССР.

Начиная с 1954 г., штангисты Казахстана постоянно устанавливали мировые и всесоюзные рекорды, завоевывали высокие титулы на крупнейших соревнованиях. Степан Ива-

нович Ульянов дважды (1958 и 1960 гг.) завоевывал титул чемпиона СССР, устанавливал мировые рекорды. А. Колодков, П. Ким, В. Дрекслер, А. Храпатый и С. Филимонов также неоднократно устанавливали мировые и всесоюзные рекорды. Василий Мажейков (Алматы) в 1975 г. стал серебряным призером чемпионата мира, Анатолий Храпатый (Астана) – победителем Олимпийских игр (Сеул, 1988 г.), неоднократным чемпионом мира, Европы, СССР, Спартакиады народов СССР, Юрий Зайцев – победителем Олимпиады на играх в Монреале (Канада, 1976 г.), Виктор Мазин победил на Московской Олимпиаде (1980 г.). Сергей Копытов – чемпион СССР и IX Спартакиады народов СССР (1986 г.), Евгений Сыпко – победитель IX Спартакиады народов СССР (1986 г.), серебряный призер чемпионата Европы (1987 г.).

После распада Советского Союза именно А. Храпатый принес уже независимому Казахстану первую медаль чемпионата мира по тяжелой атлетике. С. Филимонов стал серебряным призером Олимпийских игр в Афинах. Спустя год состоялся феноменальный успех 17-летнего кызылординца Ильи Ильина, который на чемпионате мира в Дохе (Катар) сенсационно победил в весе до 85 килограммов. Еще через год он, перейдя в категорию до 94 килограммов, стал двукратным чемпионом мира, в 2008 г. – олимпийским чемпионом в Пекине (Китай). Настоящий фурор произвела сборная Казахстана в 2009 г. на чемпионате мира в Гойанг-Сити (Южная Корея) – четыре золотых медали и второе общекомандное место. Среди них 16-летняя Зульфия Чиншанло (попавшая в книгу рекордов Гиннеса как самая молодая чемпионка мира) и Светлана Подобедова, выигравшие золотые медали.

На Олимпиаде в 2012 г. в Лондоне казахстанские тяжелоатлеты Илья Ильин, Светлана Подобедова, Майя Манеза и Зульфия Чиншанло выиграли четыре золотые медали.

Активно занимаясь тяжелой атлетикой в период обучения в Алма-Атинском зооветинституте (1960–1965 гг.), по окончании учебы работая в ветеринарно-охранной каран-

тинной службе МООП Казахской ССР (1966–1969 гг.), обучаясь в аспирантуре (1969–1971 гг.) и в дальнейшем работая в научных учреждениях, я не прекращал тренироваться и выступать на соревнованиях. Был период, когда мне платили «тяжелоатлетическую» стипендию. Это было неплохое подспорье для моей семьи. В общем с небольшими перерывами этому виду спорта я отдал почти 17 лет, о чем нисколько не жалею. Тяжелая атлетика дала мне хорошее здоровье, помогала интеллектуально расти, воспитала волю, выработала упорство характера, уважение к старшим и личную обязательность в поступках и делах.

Профессионально я начал заниматься тяжелой атлетикой в 21 год, учась в институте. До этого прошел чистилище нескольких видов спорта – от шахмат, футбола, волейбола – до спортивной гимнастики. По шахматам я имел вторую категорию, волейболу – второй мужской разряд, спортивной мужской гимнастике – третий спортивный разряд. В футбол играли в детстве и юности, как подавляющее большинство моих сверстников. В футболе был в нападении и на позиции вратаря. Активное занятие несколькими видами спорта способствовало приобретению неплохой физической формы, что мне в дальнейшем помогло при занятии тяжелой атлетикой. Имея опыт занятий по штанге в техникуме, где я поднимал вес около второго мужского разряда, в институте я начал показывать неплохие для того времени результаты. Меня заметил тренер по тяжелой атлетике спортивного общества «Буревестник» Владимир Иванович Кох и пригласил тренироваться со сборной студенческого сообщества Алма-Аты в зале Казахского государственного университета имени С.М. Кирова. Здесь я вошел в среду штангистов, имеющих высокие спортивные достижения, – от первого разряда до мастера спорта СССР. Среди них братья Харламовы, Лёма Хасуев. В.И. Кох сам активно тренировался. Он мечтал, несмотря на возраст, выполнить норму мастера спорта СССР в полусредней весовой категории. На трени-

ровках во всех трех движениях он неоднократно выполнял норму мастера спорта. А вот на соревнованиях ему не удавалось показывать необходимые результаты: подводила спина, которая у него была травмирована. Владимир Иванович пользовался большим авторитетом среди штангистской братии, был высококвалифицированным тренером, хорошим старшим товарищем, уважительным и общительным человеком.

Колоритной фигурой среди тренировавшихся в зале университета был Лёма Хасуев. Высокий, красивый, остро реагирующий на шутки, любивший после тренировки станцевать немыслимые па с чеченским акцентом. Он и еще ряд тренировавшихся с нами ребят из Закавказья учились на юридическом факультете Казахского госуниверситета. В годы совместных тренировок Лёма в троеборье имел показатели выше первого разряда в средней и полутяжелой весовых категориях. Мне приходилось выступать с ним в одной категории и не всегда безуспешно. По прошествии нескольких лет я, будучи уже аспирантом, встретил Лёму в Алма-Атинском аэропорту. Проходя мимо, я почувствовал на себе пристальный взгляд. Невольно обернувшись, увидел Лёму, он стоял, опираясь на стойку кассы аэропорта. Лёма приветливо махнул мне рукой. Мы обнялись. Я посмотрел на него и увидел человека килограммов на 115–120. Лёма усмехнулся, густым басом сказал, что работает в городе Грозном в МВД Чеченской республики, выполнил норму мастера спорта по штанге и стал мастером спорта по вольной борьбе. Позже я узнал о его высоких спортивных достижениях и в боксе, где он также стал мастером спорта СССР. Подготавливая материал по штангистам, я в интернете с интересом обнаружил более обширные данные о Лёме Хасуеве. Он дослужился до полковничьих погон, был заместителем министра внутренних дел Чеченской республики, работал в Москве, в последнее время – в качестве уполномоченного по правам человека на своей родине. Вернувшись из Москвы в Чеченскую респуб-

лику (2005 г.), Лёма Хасуев закончил еще и Академию МВД СССР. Вот такой колоритный парень тренировался среди нас.

Я с удовольствием вспоминаю то незабываемое время нашей молодости.

Были у меня прекрасные дружеские отношения и с Михаилом Вязниковым. Он родом из Рубцовска Алтайского края, учился в Алма-Атинском институте физкультуры. Миша имел хорошие показатели в жиме. В среднем весе он в этом движении имел результат на 20–25 килограммов больше, чем в рывке. Не особо высокие показатели в рывке у него были связаны с закрепощением мощного плечевого пояса, что не давало ему надежно фиксировать легко вырываемые железные килограммы. Вместе со своей девушкой Машей, студенткой Казахского университета биологического факультета, он уехал на родину в Рубцовск, где успешно начал передавать свой тяжелоатлетический опыт молодым спортсменам.

Хорошие отношения у меня были с Александром Сидоровым. Он учился в Казахстанском институте физкультуры. У него были неплохие результаты в троеборье. Выступал в средней, иногда в полутяжелой категории, был моим соперником на соревнованиях. Александр Артемьевич на 3 года моложе меня. С 14 лет, как он сам говорил, начал заниматься тяжелой атлетикой, в юношеском возрасте повторил мировое юниорское достижение в толчке двумя руками. Неоднократно был призером первенства Казахстана. В период учебы в Казахском институте физкультуры у него была какая-то нестандартная ситуация. Он был поставлен в такие условия, ему пришлось заканчивать высшее образование в Омском госуниверситете физической культуры. Вернувшись на свою родину в город Атбасар (бывшая Акмолинская область Казахской ССР), Александр занялся общественной и тренерской деятельностью. В 1969 г. его избрали председателем Атбасарского добровольного общества «Кайрат».

С 1975 по 1980 г. его команда штангистов становилась чемпионом области, появились первые мастера спорта. Это учащиеся СПТУ 59 Бекбахыт Мананбаев, ставший впоследствии бронзовым призером Кубка СССР, девятиклассники СШ № 3 Анатолий Храпатый и Евгений Чернов. Учащийся Атбасарского техникума сельского хозяйства Виктор Лебедев стал мастером спорта международного класса. Анатолий Храпатый в 1980 г. в Мелитополе стал чемпионом СССР среди юношей и был включен в состав сборной команды страны. Затем последовали победы на чемпионатах мира среди юниоров в Сан-Марино, чемпионатах СССР и мира. В 1988 г. Анатолий Храпатый стал чемпионом Сеульской Олимпиады, в 1996 г. – серебряным призером Олимпиады в Атланте. Вот такого тяжелоатлета, пятикратного чемпиона мира и четырехкратного чемпиона Европы подготовил Александр Артемьевич Сидоров, сам ставший заслуженным тренером СССР. Жаль, что очень рано Анатолий Храпатый покинул наш мир, разбившись на мотоцикле 11 августа 2008 г. в возрасте 44 года.

Александр Сидоров воспитал более 40 мастеров спорта, 6 мастеров спорта международного класса и одного заслуженного мастера спорта СССР.

Не могу не остановиться на такой яркой личности в тяжелой атлетике, как Степан Иванович Ульянов. Когда я в 1960 г. начал свое обучение в Алма-Атинском зооветеринарном институте, Степан Иванович был на вершине своих тяжелоатлетических достижений. Он стал мастером спорта СССР в легчайшем весе, мировым рекордсменом в жиме (110 кг), на чемпионате СССР в Ленинграде в этом же году при весе 56 килограммов занял первое место с суммой в троеборье 337,5 килограмма (107,5; 102,5; 127,5), на 7,5 килограмма обыграв известного в нашей стране и мире неоднократного чемпиона мира, в дальнейшем призера Римских олимпийских игр Владимира Стогова.

С.И. Ульянов родился в 1929 г. в Уральске. Его отец в Великую Отечественную войну ушел на фронт и не вернулся. Семья жила тяжело и голодно. Подросток с весны до осени работал в поле села Дадьинское, стиснув зубы и переживая гибель родного человека. «За отца, за победу, за себя», – эти слова стали для него негласным правилом, помогавшим в особо трудные минуты жизни. Повзрослев, заинтересовался устройством радио – самым прогрессивным в то время средством вещания – и по окончании семилетки пошел обучаться профессии радиомонтера. Освоив ее, в качестве ученика приступил к работе.

Спорт и культура в те годы широко пропагандировались в нашей стране. Мужское население увлекалось футболом почти поголовно. Степан тоже не отставал, но его больше тянуло к штанге. Однажды он попробовал свои силы. Получилось. Вскоре занятия стали систематическими и обязательными. Вначале ребята соревновались между собой в спортивной секции, постепенно круг знакомых расширялся, витал дух соперничества. Состязания обрели серьезную направленность, выйдя за рамки клуба, а вскоре города и области. Спортивные наставники замечали: парень выделялся трудолюбием и целеустремленностью.

Победы следовали чередой, одна из них принесла титул чемпиона области. В 1954 г. Степан вошел в сборную команду республики. Следующий год принес ему новые достижения. На первенстве СССР его главным соперником стал Владимир Стогов, чемпион страны в легчайшей весовой категории. Всего немного пришлось Степану Ульянову уступить лидеру соревнований. Его пригласили в состав сборной Советского Союза. Тяжелоатлет переехал в Алма-Ату и поступил в техникум физической культуры.

Мировая известность к приуральцу пришла в 1956 г. Напряженный по накалу матч тяжелоатлетов Казахстана и Китая, посвященный дружбе наших народов, выявил имена сильнейших. Зрители не спускали завороженных взглядов с

мирового рекордсмена Чен Цзин Кая и были весьма удивлены русским силачом Степаном Ульяновым, одержавшим над ним победу. Более того, он установил тогда два рекорда республики – в толчке и сумме троеборья. Осенью на соревнованиях в Орле он, выжав штангу весом в 108 килограммов, празднует новую победу – первый мировой рекорд в своей весовой категории.

Спортивная общественность назвала эти годы звездным периодом Степана Ульянова. В печати появились хорошие публикации. В одной из них тренер сборной команды республики Александр Дмитриевич Костин с восхищением писал: «Выступая на Спартакиаде ВЦСПС (1958 г.), мастер спорта Степан Ульянов в жиме двумя руками показал результат 110 кг – рекорд мира в легчайшем весе». Многому Степан Иванович научился, проводя тренировки под руководством прославленного тяжелоатлета, чемпиона Европы, неоднократного чемпиона мира Л.Б. Механика.

Париж увенчал Степана Ульянова новыми лаврами. В столице Франции в 1959 г. на чемпионате мира среди железнодорожников он стал чемпионом мира. Чемпионаты следовали один за другим. На второй спартакиаде СССР Степан получил «бронзу». И вот ему уже рукоплещут болельщики Италии, Финляндии, Польши, Монголии – он в тройке сильнейших атлетов мира. За это время установил девять рекордов мира и четыре всесоюзных достижения, завоевал 17 медалей чемпиона СССР и спартакиад народов. В 1960 г. был награжден орденом «Знак Почета».

И вновь в его биографии произошли изменения: он поступил в школу милиции. Защищал спортивную честь общества «Динамо» и за успехи был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

Степан Иванович завершил свои выступления в 43 года, заняв первое место в турнире Республиканского Совета «Динамо», куда и перешел работать. Через какое-то время оставил столицу и возвратился на родину в город Уральск.

Работал тренером в областном совете «ДСО». В настоящее время в Казахстане проводится турнир, посвященный памяти легендарного атлета Степана Ивановича Ульянова.

Вот с таким неординарным, выплавленным из стали человеком-тяжелоатлетом мне посчастливилось быть лично знакомым, несколько лет тренироваться вместе, наблюдать за ним, беседовать. В процессе тренировок я с большим вниманием подсматривал за его подсобными упражнениями, направленными на технику и особенно развитие силовых качеств. Степан Иванович на тренировках уделял особое внимание развитию плечевого пояса, мышц рук и спины. Для этого он обязательно использовал брусья, на которых делал несколько (5–10) подходов отжимания с отягощением, навешивая блины штанги к ногам. Особенно меня поражала сила мышц его рук. Для развития и поддержания тонуса плечевого пояса он использовал специальные подставки, опираясь на которые, делал стойку на руках, касаясь ногами стенки тренировочного зала, и опять же с отягощениями делал несколько подходов, отжимаясь от стоек. Я видел его невероятное мышечное и волевое сосредоточение: это отражалось на его мужественном лице. Я привел только два тренировочных технических приема, которыми пользовался Степан Иванович для развития силы мышц своего тела. Таких технических приемов у него было несколько. Они позволяли ему развить прекрасную становую тягу, силу ног и спины. Имея небольшой рост, он был прекрасно физически сложен, имел красивую, статную фигуру. Мы все с белой завистью им любовались.

Тренировались мы со Степаном Ивановичем часто вместе, особенно когда я учился в аспирантуре и мог сам распоряжаться временем своих тренировок. Обычно он ждал меня. Когда я входил в тренировочный зал, ребята подшучивали надо мной и говорили: «Ждет тебя Степан Иванович, сегодня он в хорошей форме, не давай ему большой форы, особенно в жиме». Действительно, Степан Иванович ставил передо мной

дилемму, говоря: «Ну, Александр, сколько килограммов ты мне дашь в фору в жиме?». Я знал его лучшие результаты в жиме (110 кг), но на тренировках он, конечно, до таких весов не поднимался, однако 100 килограммов в жиме он всегда старался дойти. Для куража он просил у меня фору в 15–25, а иногда и 30 килограммов. Также мы с ним договаривались и по форам в двух других тяжелоатлетических движениях. Я соглашался, и в конце тренировки мы с ним соревновались с учетом форы в каком-то одном из тяжелоатлетических движений. Видя, что у меня хорошо на этой тренировке идет жим, он спорил со мной и просил увеличить фору в свою пользу. Так мы оба заводили себя. Степан Иванович, иногда с учетом форы обыгрывал меня, так как при желании мог легко выжать на тренировке 105 килограммов. Такие же соревновательные игры мы проделывали и при приседаниях со штангой на плечах и жиме лёжа.

Запомнился мне Степан Иванович веселым характером, справедливостью, невыпячиванием своих заслуг, вниманием к нам, молодым штангистам. Жаль, что ему не пришлось выступать на Римской Олимпиаде в 1960 г., где особенно отличился Юрий Петрович Власов, обновив мировой рекорд гиганта-американца Пауля Андерсона, равный 512,5 килограмма. Сам Пауль Андерсон не выступал на Олимпиаде. В.И. Власов стал автором четырех олимпийских рекордов: в жиме – 180 килограммов, рывке – 155, толчке – 202,5 и в троеборье – 537,5. Для того времени это был поразительный результат. Не зря организаторы Олимпиады вручили ему приз «За наиболее фантастический результат» и присвоили титул «Лучший спортсмен Олимпийских игр». Как мне рассказывал с некоторым сожалением Степан Иванович Ульянов, он был в числе кандидатов от нашей команды в наилегчайшем весе на Олимпиаде в Риме. Соперниками у него были американец Чарлз Винчи и Владимир Стогов.

Во время очередной тренировки в зал к нашим штангистам зашли американские тяжелоатлеты, в том числе и

Чарлз Винчи. В это время Степан Иванович как раз завершал прикидку результатов в жиме и достаточно свободно выжал 110 килограммов. Чарлз Винчи был поражен и быстро ретировался восвояси. Однако когда стал вопрос о том, кто будет выступать за нашу команду в наилегчайшем весе, выставили Владимира Стогова. Степан Иванович Ульянов в двух других движениях троеборья имел такие же результаты, как и Владимир Стогов, а в жиме его превосходил.

Соревнования показали, что Чарлз Винчи был посильнее Владимира Стогова и обыграл его на 5 килограммов, показав в жиме и рывке по 105 килограммов, в толчке – 132,5. Результаты Владимира Стогова были 105 + 105 + 127,5 килограмма. А ведь Ульянов мог серьезно соперничать с Чарлзом Винчи, даже выиграть Олимпиаду. К чести Степана Ивановича, об этом он рассказывал с юмором, без особого сожаления. Олимпийская медаль явно бы подошла ему ко многим другим его регалиям. Кстати, после Римской Олимпиады 4–7 июня в Ленинграде состоялся 35-й чемпионат СССР по тяжелой атлетике. Степан Иванович Ульянов здесь обыграл Владимира Стогова на 7,5 килограмма, показав его результат на Римской Олимпиаде.

В моей памяти сохранилась целая плеяда прекрасных штангистов Казахстана – Анатолий Небучин, Петр Гергель, Владимир Дрекслер, братья Берлизовы – Владимир и Анатолий, Александр Кубрин, Николай Пахутько и многие другие. Каждый из них – это целая эпоха в тяжелой атлетике. Многие из них стали тренерами.

С теплотой вспоминаю наши встречи с Александром Кубриным. По меркам Казахстана – это великий тяжелоатлет. Мне очень приятно было с ним общаться, так как он по профессии так же, как и я, ветеринарный врач, работал в Кокчетавской областной ветбаклаборатории. Я ему не раз советовал заняться научными исследованиями. Он обещал подумать, но, видимо, основная работа и спорт не позволи-

Команда штангистов Казахстана (С.И. Ульянов пятый слева)

ли ему переключить свой интеллект еще на одну, достаточно сложную работу – научную.

Следует заметить, что в наше время не было никаких разговоров, тем более целенаправленных действий в отношении каких-либо допингов. Может быть, в наивысших спортивных эшелонах и использовали стимулирующие препараты, но я в этом сильно сомневаюсь. В связи с этим наши результаты были истинные, соответствующие естественной силе тяжелоатлета. Я всегда с большой теплотой вспоминаю наше тяжелоатлетическое братство, людей умевших изо дня в день тренировать свой организм, поднимать тонны железа, порой даже во вред своей основной профессии, может быть, и своему здоровью. Но когда ты идешь домой с тренировки, чувствуя налитые огромной силой мышцы, понимаешь, что это наивысшее блаженство твоего внутреннего состояния.

Студенческие будни

Чтение для ума – то же,
что физические упражнения для тела.

Аддисон Джозеф
(1672–1719 гг.)

Занятие спортом помогало мне в учебе. Мозги были всегда ясными, я практически не уставал и всегда был энергичен и в быту, и в семейной жизни. Учеба в институте давалась мне легко, предметы усваивал быстро, имел отличные оценки по всем предметам.

В период учебы в институте нас, студентов, неоднократно отправляли на различные сельхозработы в хозяйства Казахской ССР. На втором курсе первая поездка была в Павлодарскую область. В Павлодаре, областном центре, из нашей среды выделили группу студентов, которые были знакомы со стрижкой овец. Таких набралось человек 15, в том числе Володя Мартыненко, Сабыр Гаджиев и я. Нам раньше приходилось заниматься с этим делом, поэтому мы согласились оказать посильную помощь животноводам. Таких групп оказалось несколько. Нас собрали вместе и повезли на встречу к первому секретарю обкома КП Казахской ССР Павлодарской области Василию Кузьмичу Шишонкову. Он с нами любезно поздоровался, кратко рассказал об области, сельском хозяйстве и попросил оказать посильную помощь животноводам в заготовке овечьей шерсти. Нас разместили в кузов грузовой автомашины. Мы расселись поудобнее и по достаточно сложным дорогам выехали в хозяйства. По мере удаления от Павлодара нас становилось все меньше, поскольку очередную группу студентов оставляли для работы в намеченном хозяйстве.

Нам достался самый отдаленный совхоз «Майский», который находился в более 200 километрах от Павлодара. Измученные сложной дорогой, мы выгрузились из машины, еле дошли до предоставленной нам комнаты и без ужина за-

снули мертвым сном на дощатых настилах. Утро нас встретило прекрасной погодой – солнцем и теплом. Пришел работник совхоза, повел нас троих в столовую, по пути коротко рассказал о совхозе «Майский». Мы узнали, что в хозяйстве имеется большое поголовье тонкорунных овец. В настоящее время затягивается их стрижка, требуется наша помощь. Мы заметили, что наша рабочая единица, состоящая из трех студентов, не великая помощь совхозным стригалям. Он нас успокоил, заверив, что приедут еще несколько студентов. Так и случилось, прибыли четыре группы наших коллег, которые были распределены по чабанским бригадам. Мы остались в прежнем составе и работали на ферме около месяца. Центральная усадьба совхоза находилась на берегу Иртыша. Район граничил с Семипалатинской областью.

Казахская тонкорунная порода овец, выведенная в XIX в. во Франции, является разновидностью мериносовых овец. Ее и сейчас разводят у нас в Курской, Брянской, Белгородской областях, а также в Сибири в Красноярском крае. В то время эта порода овец в Казахстане была основная, характеризовалась хорошей скороспелостью, мясной и шерстной продуктивностью. Структура руна у породы отличалась однородностью, средний настриг у баранов составлял до 8–9 килограммов, у овцематок – в 2 раза меньше.

Овцеводческая ферма была расположена примерно в полутора километрах от нашего жилья. Рано утром пешком мы отправились к кошарам, где стригли овец. Заведующий фермой, поздоровавшись, ввел нас в курс дела, познакомил с тремя местными стригалями. На ферме в стригальном пункте имелось три электрические машинки для стрижки овец, закрепленные за местными стригалями. Мы это приняли как должное, так как машинка для стрижки овец всегда должна находиться в одних руках, да и местные жители в первую очередь имели право на большие заработки, чем студенты. Нам все это популярно объяснили и выдали два ком-

плекта ручных ножниц для стрижки овец. В настоящее время существует несколько марок электрических стригальных машинок и ручных ножниц. Тогда была одна советская стригальная машинка, ломавшаяся после стрижки десятка овец, и неломавшиеся наши отечественные ручные ножницы. Последние необходимо было точить после стрижки каждой овцы. Нам выдавали два комплекта стригальных ножниц, поэтому мы решили стричь овец по очереди. Один из нас в это время исполнял обязанности ветсанитара, обрабатывая порезы, ранки у животных спиртовым раствором йода. Конечно, мы не обладали какой-либо сверхъестественной техникой стрижки, просто фиксировали животное на специально сделанном из досок настиле и, как «бог положил на душу», старались стричь овцу так, чтобы получить хорошую шерсть в виде единого руна. Работали от зари до зари. Уже через день на ладонях появились мозоли и кровавые пузыри. Однако дело шло, нас начали допускать к работе с электрическими стригальными машинками.

В воскресные дни мы рыбачили на Иртыше. Когда рыбалка была удачной, готовили на берегу реки уху. Все было прекрасно. В один из ясных солнечных дней вечером мы шли домой. Вдруг небо стало хмурым, пропало солнце и послышался отдаленный страшный гул. Сильная воздушная волна сбила нас с ног. Мы, закрыв голову руками, прильнули к земле. Сколько так лежали, не помню. Встали и быстро пошли к своему жилью, трясясь от страха, легли в кровати под одеяла.

Утром выяснилось, что на Семипалатинском ядерном полигоне произошло очередное испытание атомного оружия. Не зря утром до взрыва высоко в небе кружил самолет, видимо, контролировал местность будущего испытания атомной бомбы. Взрывной волной в поселке снесло крышу школы и еще у нескольких домов.

На следующий день в поселок прибыли военные со своим стройматериалом для ремонта разрушенной кровли. Через два дня все крыши блистали новизной.

Позже, изучая материалы распространения радиационной загрязненности после испытания атомного оружия на Семипалатинском полигоне, волна которого прошла через Алтайский край, затронула часть районов Новосибирской области, я нашел материалы Правительства РФ, подписанные председателем В.С. Черномырдиным (1995 г.), в котором был приведен перечень субъектовых пунктов, попадаемых под радиационное воздействие ядерных испытаний (1949–1962 гг.), куда попал и Майский район Павлодарской области.

Второй выезд нашего курса был вновь в Павлодарскую область, где мы занимались очисткой овцеводческих ферм от навоза. Это довольно трудоемкий и своеобразный процесс. Пласт примерно 30–40 сантиметров овечьих фекалий, смешанных с соломенной подстилкой, формируется в течение всего стойлового периода содержания животных на ферме. Фермы от навоза очищают один раз в году весной. У кошар были низкие потолки, поэтому удалять навоз механическим путем с использованием трактора со специальным навесным оборудованием не представлялось возможным. Поэтому студенческая рабочая сила это делала вручную, используя специальные, хорошо наточенные железные «рубильники».

Навоза на фермах было много: ведь от одной овцы в сутки образуется 2–3 килограмма этого ценного для чабанов органического вещества, а в течение года – от 70 до 100 килограммов фекалий. Рубленный на куски (30 × 30 см) овечий навоз вилами грузили на тележки и вывозили на отведенные места для сушки. Высохший навоз складывали в специальные в виде термитных образований кучи. Пласты овечьего навоза, называемые на местном наречии «кизяк», чабаны использовали как отопительный материал. Так наша работа обеспечивала чабанов на всю зиму топливом, очистку ферм от навоза, подготовку их к стойловому содержанию животных. Это было полезное дело для хозяйства, а мы

изучали все детали ручной технологии уборки овечьего навоза в кошарах.

По окончании работ нашу группу перевели ремонтировать кошары и животноводческие помещения. Где-то был мелкий ремонт, а в ряде случаев приходилось разбирать прогнившие крыши скотопомещений и восстанавливать их вновь. Здесь уже нужны были хотя бы первоначальные знания строительных работ. Так как мне раньше приходилось ими заниматься, когда мы с отцом строили наш дом в Приишимском совхозе, то я умел обращаться с топором и другими строительными инструментами. Одновременно я работал и консультировал, если так можно сказать, моих товарищей, когда мы восстанавливали крыши, особенно при укладке мауэрлатов – строительной основы для крепления стропил крыши.

Работа шла своим чередом. Вдруг приезжает наш руководитель Алексей Иванович Гуляев, весь возбужденный, и говорит, что нас срочно затребовали на тушение пожара в Баянаульских горах – уникального места в России, памятника природы под названием «Гусиный перелет». Баянаул – монголо-тюркское название, дословный его перевод – богатые, счастливые горы. В 1985 г. на этом месте был создан Баянаульский государственный национальный природный парк площадью 50 тысяч гектаров. Флористическое разнообразие этого заповедника насчитывало около 460 видов. Здесь палеонтологи обнаружили останки костей жирафа, носорога, гиеноподобных животных и гиппариринов (небольших тридактильных лошадей), которые жили от 7 до 10 миллионов лет назад.

Возле этого чуда света располагалась станица Баянаул, созданная русскими казаками в 1826 г. Первым атаманом станицы был Николай Потанин, отец будущего известного географа, этнографа, ученого и путешественника Григория Потанина. В этом районе родился первый казахский академик Каныш Имантаевич Сатпаев, философ и литератор

Машхур Жусуп Копеев, первый казахский кинорежиссер Шакен Кенжебаевич Айманов.

По какой причине произошло возгорание территории Баянаульских гор, нам было неизвестно. В этот период года была сильная сушь, почва и перелески были в дыму. Огонь фронтально распространялся в разные стороны, так как рельеф был гористый. У нас не было никаких технических средств, в руках были лишь еловые ветки, которыми мы и хлопали по горевшей листве, выстроившись в ряд близко друг к другу. Вроде тушишь огонь ветками перед собой, оглянешься, а он, как черт из табакерки, выскакивает за спиной. Отскакиваешь назад и продолжаешь вновь тушить огонь, как и раньше.

Тушением пожара мы усердно занимались целую неделю. Спали прямо в кузове машины, так как была очень хорошая погода, ясное небо, на котором были хорошо видны звезды. Мы, расположившись в кузове, упражнялись в астрономии. Несмотря на недосыпание и недоедание, были бодрые и веселились, кто как мог. Здесь, как нигде, познавались и характер, и в целом человеческие качества. Эту проверку тяжелой и опасной работой, плохим питанием, недосыпанием мы все прошли на должном уровне и еще ближе стали друг к другу. Во всяком случае, я это ощутил на себе.

Третий наш курсовой выезд был на уборку зерновых в одну из житниц Казахстана – Кустанайскую область. Мы приехали в административный центр город Кустанай (Костанай). Встретил нас директор совхоза «Целинный» одноименного района. Мне запомнилось яркое и длинное приветствие, произнесенное им. Он охарактеризовал сложившуюся хорошую ситуацию по урожаю, рассказал, чем мы будем заниматься, где намечено наше проживание. В завершение, приветствуя нас высоко поднятой рукой, сказал, что все наши дела будут в «абажуре». Видимо, перепутал слово ажур с абажуром. Мы все залились хохотом, он воспринял

наше веселье как положительный ответ на его пламенную речь и дал команду для посадки в машины. Ехали мы весело, хотя страшно трясло, так как сидели прямо на днище кузова. Привезли в совхоз и разделили на группы. Нас четверых, Володю Мартыненко, Сабыра Гаджиева, Абая Тажибаева и меня – направили на ток, где были громадные кучи зерна, расположенные в длинные бурты. Жили мы в небольшой полуземлянке с широкими деревянными полатями. Выдали нам не первой свежести ватные матрасы и подушки. Все остальное было на улице. Питались вместе с приезжавшими на ток жителями соседнего села в оборудованной для этих целей столовой. В этом плане у нас не было никаких вопросов, так как мы были не из числа избалованных.

Наша работа заключалась в следующем: загружали зерном автомашины, остальное время сушили его с использованием автопогрузчика ЗПП-125, передвигая его из одного места на другое. Когда все уезжали, на нас возлагали функцию сторожей тока. Наряды на работу вместе с заведующим током составлял Володя Мартыненко, он в этом вопросе был докой. Заведующим током был его тезка. Он часто ночевал на току в отдельном помещении. Мы заметили, что в это время обычно подъезжали какие-то грузовые автомашины. Нам давалась команда – загрузить их зерном, что мы и делали. Через некоторое время до нас дошло, что заведующий током по ночам делал свой личный бизнес – реализовывал государственное зерно на сторону. Между нами и заведующим состоялся довольно серьезный и откровенный разговор. Мы потребовали прекратить воровство зерна с тока. С большим сопротивлением и просьбами никому не говорить о его противоправных действиях он дал нам слово не делать больше этого. На этом у нас наступило перемирие, мы продолжали трудиться в прежнем режиме.

По окончании сельхозработ всех студентов собрали на центральной усадьбе совхоза, где начали, как говорят в народе, подбивать финансовые бабки по итогам работы. Ока-

залось, что нашей группе начислили большие денежные средства, в порядке 3–4 тысяч рублей каждому. Директор совхоза этим был недоволен и назначил комиссию по проверке табелей по начислению зарплат. С нашей стороны нас представлял наш куратор Алексей Иванович Гуляев. Долго спорили, но конечный результат был на нашей стороне, мы полностью получили заработанные деньги.

После расчета с бухгалтерией совхоза все студенты разместились в кузовах автомашин и с песнями отправились на вокзал в город Кустанай. Каждый из нас определился, куда будет возвращаться – кто в Алма-Ату, многие направились по своим домам, так как у нас до учебного года были небольшие каникулы. Я взял билет на самолет «кукурузник» до Петропавловска. Прилетев в столицу Северо-Казахстанской области, поехал домой к родителям в Приишимский совхоз с шиком на такси, что стоило по тем временам дороговато. Приехал примерно в обеденное время и увидел такую картину: папа, мама и моя супруга Лера только закончили копку картофеля. В ряд стояли, как солдаты, примерно 30 доверху заполненных картофелем мешков. Отец очень обрадовался, обняв меня, сказал: «Ну вот и приехал наш носильщик». Страшно уставший, я с показной бодростью перенес мешки с картофелем до лаза погреба, который находился в небольшом коровнике, где в хороших ветеринарно-санитарных условиях блаженно проживала наша коровка Красуля (килограммов на 500) с теленком. С отцом мы спустили мешки в погреб. Уставший, но с внутренним удовлетворением я направился в приготовленную специально для меня баньку, от души попарился, смыл с себя все, что накопилось на моем молодом теле за период работы на току.

Лера приехала в наш родительский дом, чтобы поближе познакомиться с моей семьей и большой родней, узнать наш быт, чем дышит мой род, как его называли в народе, «Донченки». Мне перед Лерой не пришлось краснеть и бледнеть: мои родственники были прекрасными людьми. Они были

менее образованные, трудяги, проживающие в селе, зарабатывающие своим трудом и потом насущный хлеб. У Леры родственники были более образованные, в основном городские жители, но никакой духовной разницы с моими близкими у них не было.

В период каникул мой отец всегда старался эффективно использовать меня как боевую рабочую единицу. За это время я должен был накосить с ним сена для коровы, заготовить на зиму дрова. Березовые хлысты к моему приезду уже лежали возле нашего дома. Вместе с отцом мы распиливали их специальным устройством, сконструированным умельцами нашего села. Оно состояло из электромотора с большим зубчатым диском-пилой, прикрепленным на железной, специально изогнутой трубе, которая находилась на шарнирах и легко поднималась вверх и опускались вниз. Необходимо было только подсовывать под пилу березовые хлысты (здесь нужна была недюжинная сила) и она легко их разрезала на пригодные для рубки чурбаки. После этого я колол их на части и складывал в крытый сарай. Это хорошо развивало плечевой и становой пояс, чему способствовало и прекрасное питание. В это время мы забивали кабанчика, мама делала очень вкусную кровяную колбасу, жарила «кавардак». В жаркое обязательно входили нарезанные на мелкие кубики сердце, почки, легкие и печень, хорошо приправленные луком, петрушкой и чесночком. Вот таким объедением я поддерживал свою спортивную форму и в целом здоровье. Никаких других излишеств, кроме парного молока, в нашей семье не было. Лере это все было в новинку, но она стойко переносила наше пищевое излишество. С такой едой она сталкивалась впервые, поэтому питалась она сообразно своим кулинарным запросам – чай, молоко, домашний хлеб, картошечка, зелень. Время каникул прошло быстро. Мы с Лерой обошли всю родню, следовательно, теперь и ее родственников. Нас хорошо принимали, ей это нравилось. Молодые и счастливые, довольные приемом родни, нагрузившись

пищевым багажом, поездом из Петропавловска выехали домой в Алма-Ату. У меня начался новый учебный год, Лера продолжала трудиться на ниве науки.

В период моего студенчества Лера закончила аспирантуру, в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые продукты обмена дрожжей первичного виноделия» по специальности № 096 – «микробиология». Руководителем ее диссертации была кандидат биологических наук Раиса Демьяновна Зубкова. Лера имела обширный практический и научный опыт в области виноделия. Защита диссертации состоялась в Институте микробиологии и вирусологии Академии наук Казахской ССР. Официальными оппонентами по диссертации были член-корреспондент АН Казахской ССР, доктор биологических наук Д.Л. Шамис и кандидат биологических наук Р.М. Кудрина. Ведущим учреждением был отдел микробиологии АН Узбекской ССР. В своей работе Лера доказала вредность диких дрожжей Pihia в виноделии. Она обосновала их роль в снижении качества молодого сухого вина за счет усвоения этим видом дрожжей не только спирта, но и органических кислот. Я присутствовал на защите, помогал развешивать таблицы и, конечно, чертовски переживал. Это был большой опыт и для меня в моей будущей научной стезе. После защиты диссертации Лера начала работать в Институте вирусологии и микробиологии Казахской академии наук. Этот институт был хорошо известен в Казахстане. Руководил им Альфазид Низалович Илялединов (1929–2010 гг.), крупный ученый-микробиолог, доктор биологических наук, профессор, академик АН Казахской ССР. В это время виноделие в Казахстане было на подъеме. Выпускались прекрасные сорта вин, приготовленные из растущего на юге Казахстана винограда: «Казахстан», «Ак-Булак», «Мускат» и целый набор шампанских вин. Вся эта продукция была высокого качества, цена ее была умеренной, даже мы, студенты, могли ее покупать.

Хочу еще немного остановиться на технических мероприятиях, которые возникали в то время при оформлении аспирантом автореферата. Очень сложно было опубликовать научные статьи по диссертационной тематике. Неслучайно в автореферате диссертации Валерии Николаевны было приведено всего три научные статьи, в том числе одна статья на момент защиты находилась в печати. Для того чтобы опубликовать автореферат Леры, я, объехав различные типографии и поняв, что издать его в срок не представляется возможным, обратился за помощью к Алексею Ивановичу Гуляеву. Я знал его широкие связи в типографской среде. Он назвал фамилию редактора Алма-Атинской типографии № 2, к которому я пришел со своей просьбой, хорошо загрузившись «стеклянной посудой». Он с пониманием взял машинописный экземпляр автореферата, и через двое суток я забрал из типографии напечатанный автореферат. Привел этот эпизод неслучайно. В период моей научной деятельности и подготовки аспирантов и соискателей иногда приходилось приводить подопечным примеры из наших мытарств, чтобы немного их встряхнуть, показать в сравнении те времена и времена уже нашего периода, где все направлено на быструю и эффективную подготовку научных кадров. Везде для аспирантов был зеленый свет: только не ленись, публикуй свои статьи, где хочешь. Издание диссертации и автореферата оплачивало учреждение, обычно институт, где они проходили аспирантуру. Надо сказать, что такие примеры эффективно действовали на моих подопечных.

Мои однокурсники...

Каждый кузнец своей судьбы.

Юлий Цезарь (100–44 гг. до н.э.)

На нашем курсе в основном обучались студенты из Казахстана, небольшая часть из Российской Федерации, единицы – из Китая, Азербайджана, Киргизии и других стран.

Необходимо сказать, что за прошедшие учебные годы среди нас не было никаких скандалов, драк и других инцидентов. Все шло своим чередом, мы хорошо знали друг друга, встречались вместе на лекциях или на каких-либо мероприятиях (праздниках, практических работах, соревнованиях, футболе, сельхозработах).

Хочу остановиться на характеристике студентов, с которыми был близок, дружил или часто встречался в повседневной жизни. С некоторыми из них уже по окончании учебы пришлось тесно контактировать по работе, с некоторыми близкими друзьями я встречаюсь и по сей день.

Многих моих коллег и друзей уже нет... Такова жизнь, она располагает нашими энергетическими и жизненными возможностями. Жаль, что человек так мало живет на этом свете. Однако я уверен, что все мои однокурсники, которые ушли из жизни, оставили свой след в развитии сельскохозяйственного производства, науки и образования. Я и мои товарищи, работавшие ветеринарными специалистами, всегда будем чтить эту профессию, ориентированную на благо здоровья человека и животных.

Начну с Аманжола Салимгиреевича Жумашева (сейчас после политической перестройки нашей огромной страны его фамилия стала Жумаш). Аманжол на 3 года моложе меня. Он родился в селе Ново-Алексеевка Кобдинского района Актюбинской области в семье крестьянина. По своему складу он был (и сейчас таким остался) лидером в любом сообществе людей. Он был секретарем комсомольской организации курса, активно отстаивал наши позиции, свои убеждения, поэтому у него было много сторонников. Однако были и студенты, относящиеся к нему настороженно. По окончании института Аманжол уехал к себе на родину и стал работать главным ветврачом колхоза «40 лет Октября», затем – совхоза «Кобдинский» Кобдинского района. За хорошую работу, умение контактировать с работниками сельского хозяйства его выбрали первым секретарем Кобдинского РК ЛКСМ Ка-

захстана и депутатом райсовета. Однако тяга к науке взяла свое. Аманжол решил продолжить образование и в 1969 г. поступил в аспирантуру в КазНИВИ. Я в это время тоже учился в аспирантуре этого института. Мы вновь встретились, проходили аспирантуру у одного и того же научного руководителя Владимира Ивановича Грязина. Успешно защитив кандидатскую диссертацию, Аманжол в течение 10 лет руководил Западно-Казахстанской НИВС (г. Уральск), затем по конкурсу перешел работать в КазНИВИ старшим, затем главным научным сотрудником, заведующим лабораторией туберкулеза КазНИВИ. Аманжол многое внес в научном и практическом плане в дело профилактики и ликвидации туберкулеза крупного рогатого скота в Казахстане.

Прямота в суждениях Аманжолу иногда вредила в студенческие годы, и особо обидчивые однокурсники иногда грозили сделать ему темную. Аманжол в таких случаях ссылался на меня: в случае чего, будете иметь дело с Доном. Мое прозвище было известно студентам. Я об этом узнал гораздо позже, когда мы уже закончили институт и вместе с нашими друзьями от души над этим посмеивались. Однако в этом была и доля правды. Я всегда был на стороне Аманжола, он отвечал тем же. Хорошо помню одну историю, когда наша дружба не только с Аманжолом, но и с другими сокурсниками помогла мне в непростой ситуации. В институте на втором курсе был студенческий вечер, где наши однокурсники танцевали, мирно беседовали, слушали концерт. Аманжол как секретарь комсомольской организации правил балом. Он попросил меня и еще нескольких студентов-спортсменов подежурить на входе в институт, чтобы на танцы не прошли посторонние, в том числе и студенты из других факультетов, особенно принявшие на грудь некоторую толику «бахуса». В качестве таких сторожей мы тщательно следили за входящими в зал. Видимо, нас что-то отвлекло, и мимо прошмыгнули несколько прытких чужаков. Я услышал громкий крик моего соратника по охране Кадыра Сагитова.

Он кричал: «Сашка, меня бьют!». Я обернулся и увидел парня, стоявшего ко мне спиной и бьющего кулаком в лицо моего сокурсника. Я, растолкав зевак, подошел к забияке, схватил его за руку, развернул к себе лицом и ударил его по подбородку. Парень упал. Нахлынула толпа зевак, мы с Кадыром отошли. Ко мне подбежал Аманжол и тихо на ухо сказал: «Саша, тебе надо срочно отсюда уходить». Я оделся и вместе с Кадыром и еще с несколькими студентами пошел в общежитие. В комнате вскипятили чай и начали чаепитие. Вдруг открывается дверь и входит в комнату заместитель декана ветеринарного факультета и вместе с ним пострадавший. Заместитель декана спрашивает у пострадавшего: «Среди присутствующих есть студент, который тебя ударил?» Парень обвел нас мутным взглядом, сказал: «Его здесь я не вижу». Мы облегченно вздохнули, но заместитель декана, указывая на меня, спросил: «А вот этого парня ты не знаешь?» Пострадавший, неуверенно мотнув головой, сказал: «Нет». Заместитель приказал: «Ну-ка, надень пальто и что у тебя там было на голове». Я надел коричневое пальто и черную папаху. Заместитель декана опять обратился к пострадавшему и спросил: «Ты не узнаешь в этом человеке того, кто тебя ударил?». Пострадавший, пристально глядя на меня и мой камуфляж, сказал: «Нет, это не он, у того было пальто в клеточку». Видимо, после моего хука в глазах парня все окружающие предметы представились в виде мелких клеток. Надо понимать мое внутреннее состояние. Нервное напряжение было на пределе. Вся ватага ушла, остался из числа пришедших Аманжол, весь потный, с красным лицом. Зная правду, он очень переживал за меня. Эта ситуация усугубилась тем, что пострадавший в течение пяти суток ходил по малому через катетер. Конечно, все мои товарищи переживали, знало о случившемся и руководство ветфака. Когда все благополучно закончилось, декан ветфака вызвал меня и сказал: «Ты родился в рубашке. В случае неблагоприятного исхода всей этой коллизии, ты бы загремел, как говорят,

в тартарары». Для меня это был последний урок, больше я никого никогда не бил.

Я считаю, что наиболее одаренным в студенческие годы из нас был Абай Тажибаев. Недюжинной силы, красивый, выдержанный, немногословный, с хорошим чувством юмора, он выделялся из массы студентов. Меня удивляло то, что он одновременно поступил в два института, – наш и политехнический, где учился до второго курса. Однако, видимо, его крестьянское кредо, наше ветеринарное содружество повлияло на него. Он выбрал профессию ветеринарного врача. В дальнейшем он стал видным ученым с глубокими специальными знаниями, кандидатом и доктором ветеринарных наук, успешно прошел научную школу во Всесоюзном научно-исследовательском институте ветеринарной санитарии в Москве. Абай специализировался на вопросах ветеринарной токсикологии, автор нескольких препаратов для дератизации грызунов. В настоящее время Абай как предприниматель эффективно занимается проблемами уничтожения вредителей-грызунов, наносящих значительный ущерб сельскому хозяйству, в том числе и здоровью человека, так как они разносят целый ряд возбудителей заразных болезней животных и человека.

Третьим моим другом был и остается Сабыр Гаджиев. Мы все его называли Сашей. Из семьи репрессированных, он очень прилежно учился в институте, всегда был вежлив и никогда не выделялся из студенческой среды. Видимо, такой сложный жизненный путь его семьи наложил своеобразный отпечаток на его поведение в студенческой семье. Это я понял гораздо позже, когда близко узнал жизненный путь моего друга. Сабыр очень сожалел, что не пошел по нашим научным стопам. Из него получился бы прекрасный ученый или преподаватель. У Сабыра и до настоящего времени хорошая память, аналитический ум, умение поставить себя в коллективе. Все эти качества позволили ему эффективно работать ветеринарным врачом на различных должно-

стях, вплоть до главного ветврача Каскеленского района Алма-Атинской области.

У трех моих друзей все хорошо сложилось в личном плане. У них хорошие семьи, они воспитывают достойных сыновей, дочерей и внуков. Я очень горжусь ими. Они ценят жизнь и наслаждаются ею.

Во время учебы я был также близок с Владимиром Мартыненко. В институт он поступил как абитуриент, отслуживший 4 года в военно-морском флоте. Володя всегда был веселым, общительным, часто подшучивал над нами. Родители его жили в Алма-Атинской области, в поселке Дегерес, где проживали казахи и русские. Володя прекрасно говорил на казахском языке. Я ему «по-белому» завидовал и был уверен, что знание языка коренной национальности Казахстана будет его путеводной звездой в продвижении по службе. К этому надо добавить, что он учился на одни пятерки и по окончании института получил красный диплом. Володя одним из первых женился, во время учебы у него родилась прекрасная дочка. Непонятна для меня причина его отъезда на работу в Кокчетавскую область, где он остался, как мне кажется, навсегда. Один раз, находясь в командировке в Кокчетавской области по вопросам дифференциации неспецифических туберкулиновых реакций в одном из хозяйств области, я попросил местных ветеринарных врачей найти Владимира Мартыненко и договориться с ним о встрече. Он работал главным ветврачом в хозяйстве. Встреча состоялась. Приехав к нему, я застал его в кабинете. Передо мной сидел солидный по телосложению человек, как и раньше, говорящий басом. Я отметил его большие руки с потрескавшимися пальцами. Я понял, что Володя, хоть и главный ветврач хозяйства, но, видимо, часто работает на производстве своими руками. Мы встретились, обнялись, он предложил посетить его жилье. Он жил в трехкомнатной квартире в обычном сельском доме. В сенцах у него в виде большой ледяной горки лежали замороженные куры. Это

для меня было откровением. Володя пояснил, что так обычно у них хранят различные припасы, потому что больших холодильников в тот период не было. В беседе обменялись своими семейными новостями. Он мне рассказал о неудачном опыте поступления в очную аспирантуру Московского научно-исследовательского института ветеринарной санитарии, где в это время обучался в аспирантуре Абай Тажибаев. Володя сожалел, что ему не удалось влиться в нашу научную когорту, а далее семейные дела уже больше не позволили ему делать повторные попытки поступления в аспирантуру.

Уже позже о неудачном поступлении Володи в аспирантуру мне рассказал Абай Тажибаев, который обо всем этом был хорошо осведомлен. Конкурентом Володи был наш сокурсник Александр Ярбаев, который посредственно учился в институте. По просьбе Ярбаева Абай достал ему экзаменационные билеты. Саша все свои старания вложил в изучение вопросов в этих билетах, по которым оценивались знания. Володя же понадеялся на свои хорошие знания, и это его подвело. Саша Ярбаев выиграл конкурс, успешно закончил аспирантуру и в качестве кандидата ветеринарных наук стал работать в одном из научных институтов Чечено-Ингушской АССР.

Когда я задумал воспроизвести нашу студенческую жизнь, попросил моих коллег написать о себе. Некоторые из них откликнулись на мою просьбу и подробно сообщили о себе. Хочу полностью привести письмо о жизни до института и после его окончания бывшего нашего студента Малибека Дилимбетова. Вот, что он написал о себе.

«Дилимбетов Малибек, казах, родился в 1940 г. в колхозе "Коминтерн" Жамбылской области Коктерекского района. В семье было четверо детей, я самый младший. Наш поселок расположен вдали от областного центра в 370 км вблизи горы Хантау, в Низовьях реки Чу. Основное направление хозяйственной деятельности – животноводство и полевод-

ство. Учился в казахско-русской средней школе, окончил ее в 1958 г. В 1955 г. вступил в ряды ВЛКСМ. После окончания школы два года работал по комсомольской путевке Коктерекского РК ЛКСМ Казахстана помощником чабана в совхозе "Коктерек". Здесь я влюбился в специальность ветеринарного врача, которая пользовалась среди животноводов огромным авторитетом.

В 1960 г. поступил в Алма-Атинский зооветеринарный институт на ветеринарный факультет. На первом курсе нас было 325 студентов, из них 25 кандидатов. Учился прилежно. Принимая активное участие в общественной жизни института, занимался спортом – классической борьбой, выполнил первый спортивный разряд. Участвовал в соревнованиях за первенство г. Алматы. На втором курсе в 1962 г. женился на Паше Далибаевне, с которой я учился вместе в средней школе. Она закончила физико-математический факультет Женского педагогического института с отличием. На нашей свадьбе присутствовал будущий доктор ветеринарных наук Аманжол Салимгерейулы Жумашев. Александр Семенович Донченко женился после меня на Валерии Николаевне. Саша был любимцем нашего курса. Он учился не только на отлично, но и был спортсменом, чемпионом по штанге среди студентов г. Алматы, а также хорошим организатором. Благодаря большому таланту Александра Семеновича и секретаря факультетской комсомольской организации Аманжола Салимгерейулы наш курс всегда был впереди на спортивных площадках, в учебе и общественной жизни института.

Институт окончил в 1965 г. и был направлен на работу в Карагандинскую область в совхоз "Путь к коммунизму" Шетского района, где проработал главным ветеринарным врачом до 1972 г. Совхоз был очень крупным, имел 18 тыс. га пашни, 7600 голов крупного рогатого скота, 12 000 голов овец и 1200 голов лошадей. За период работы я добился снижения падежа животных до 3%. По совхозу получили от ка-

ждых 100 маток по 97,8 ягнят, 94,6 телят. На откорме крупный рогатый скот давал привес более 1075 граммов в сутки. Хозяйство было неблагополучным по туберкулезу и бруцеллезу, и зараженность составила соответственно 7,3 и 4,9%. За четыре года добился полного оздоровления по обеим хроническим инфекциям.

А.С. Донченко я встретил в чине капитана ветеринарной службы, работающего в МООП КазССР, инспектировавшего проведение оздоровительных противотуберкулезных мероприятий в моем хозяйстве.

За хорошую работу неоднократно поощрялся денежными премиями, грамотами областного управления сельского хозяйства, был награжден медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина". Был неоднократным участником ВДНХ КазССР и ВДНХ СССР. Являюсь ветераном труда. В 1972 г. работал в ветеринарной лаборатории Мойынкумского района, заведовал бактериологическим отделом. А с 1974 по 1997 г. работал главным ветеринарным врачом колхоза им. Джамбула Чуйского района и совхоза "Хантауский" Жамбылской области.

Дочь Гульнара родилась в 1963 г., окончила Киргизский государственный университет с отличием, работает в одном из банков г. Алматы. Сын Сайлаубек родился в 1965 г., окончил Казахский сельскохозяйственный институт по специальности «ученый агроном». Он работает в Республиканской продкорпорации в г. Астана. Женат, имеет сына Ануара и двух дочерей: Айганым, Айзере. Айганым учится в Казахской национальной академии музыки г. Астана. В возрасте восьми лет (2003 г.) стала лауреатом и получила диплом первой степени в номинации фортепиано на Международном конкурсе юных музыкантов, проходившем в Италии».

Прочитав это письмо, с удовольствием отметил, какие прекрасные кадры готовил Алма-Атинский зооветеринарный институт. Студенты – ветеринарные врачи не ушли в другие специальности, до пенсионного возраста отдавали

свои знания и опыт профилактике и ликвидации болезней животных, тем самым внесли лепту в сохранение здоровья животных и человека.

Очень скромным был в нашей студенческой семье Аманжол Кобпаевич Кобпаев. Он родился в 1938 г. в селе Кокпак Райымбекского района Алма-Атинской области в крестьянской семье. По окончании института начал трудовую деятельность в качестве главного ветеринарного врача и директора совхоза, затем работал начальником районного управления сельского хозяйства, председателем райисполкома, секретарем райкома партии, начальником областного управления сельского хозяйства и секретарем Джезказганского обкома Компартии Казахстана. После распада Советского Союза работал начальником Главного управления внешнеэкономических связей Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан.

Благодаря высокому организаторскому таланту и профессионализму Аманжол Кобпаевич внес достойный вклад в развитие аграрного сектора экономики Джезказганской области и Казахстана в целом, выступал инициатором освоения новых технологий в сельскохозяйственном производстве и обеспечения продуктивности животноводства и земледелия. За многолетний плодотворный труд награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак почета», правительственными медалями. Ему присвоено звание Заслуженного работника сельского хозяйства Республики Казахстан. Имеет семью, воспитывает детей и внуков.

Мне посчастливилось учиться в институте вместе со студентами из Гурьевской (Арытауской) области, в частности, Сергеем Кустановым, Максимом Альмухановым, Нагидуллой Жугунисовым, Самигуллой Хамиевым, Куанышем Исамберлиевым, М. Исмагомбетовым, Н. Шахметовым. Этих студентов я попытаюсь охарактеризовать позже, когда буду писать о своей работе в качестве директора Гурьевской НИВС.

Основной контингент студентов на нашем факультете представляли мужчины, но были и девушки. Это Л. Галеева, А. Балышева, В. Муканова (она вышла замуж за однокурсника К. Каратаева), Г. Хафизова, Л. Гончарова, М. Илибаева, Л. Понамарева, Г. Аймбетова, Г. Тусшинбаева, К. Иманалиева, Г. Антоненко, Р. Сулейменова. Если кого-либо я упустил, прошу извинения.

Кого можно конкретно вспомнить из этого списка? Наверное в первую очередь Галину Хафизову. Она училась на отлично, закончила институт с красным дипломом, была Ленинской стипендиаткой на нашем курсе. Совсем недавно я узнал о том, что и я был в числе трех студентов, претендующих на эту стипендию. Когда решался вопрос, кого представить, то мой друг Аманжол Жумашев, находящийся в комиссии по присуждению премий, предложил меня. Однако наш декан, основываясь на том, что среди претендентов находится девушка, предложил кандидатуру Галины. Никто о таких коллизиях в то время ничего не знал. Мы все гордились тем, что среди нас имеется такая необычная студентка – Ленинский стипендиат. Галину оставили работать в институте, она защитила кандидатскую диссертацию, стала квалифицированным преподавателем. Также в институте были оставлены Людмила Гончарова и Мариам Илибаева в качестве лаборантов, а потом преподавателей. Людмила Понамарева, девушка небольшого роста с симпатичной внешностью, очень живая, работала впоследствии практическим ветврачом. О ней я впервые услышал в период ее работы в лаборатории Сибирского военного округа (Новосибирск). Многие годы мы находились недалеко друг от друга, но большая занятость на работе не позволила мне ее найти, о чем сейчас сожалею.

Галина Антоненко также нашла свое призвание, работая во многих ветеринарных лабораториях в качестве серолога. Последний раз я встретил ее в Алтайской НИВС (Барнаул) на научно-практической конференции. Мы успели погово-

рить и многое узнали друг о друге. Она мне показалась большим оптимистом, была вся в заботах.

Наиболее существенных результатов в профессиональной работе достигла Роза Сулейменова. В студенческие годы Роза была красивая, стройная и умная девушка, знавшая себе цену. Она долго работала в Главном управлении ветеринарии МСХ Казахской ССР. Это было в то время большим личным достижением. Я с удовольствием встретился с ней и ее сестрой на одной из научных конференций в Алма-Ате. Было много воспоминаний, они согрели нас, так как наше прошлое было достаточно хорошим и стабильным. Мы знали, что нас не ожидают какие-то неудачи, все шло своим чередом и зависело во многом только от нас, наших действий, понимания ситуации, в которой мы находились.

Достиг впечатляющих результатов на преподавательской стезе мой однокашник Шора Калтаев. Небольшого роста, хмурый на вид, с густыми черными бровями, всегда поглощенный какими-то своими заботами, Шора всегда был готов ответить на любой вопрос, который задавали студентам наши преподаватели. Я думаю, никто из нас и не подозревал, что он защитит докторскую диссертацию, возглавит кафедру акушерства в нашем институте, будет прекрасным преподавателем. Все мы рады за него.

Шора Калтаев родился в 1942 г. в селе Ворошилово Тюлькубасского района Чимкентской области. Институт закончил с красным дипломом и по комсомольской путевке поехал в Уральскую область, где в течение двух лет работал главным врачом Казталовского откормсовхоза. Затем вернулся в свой родной колхоз «Имени XX партсъезда». В 1969 г. он поступил в аспирантуру КазНИВИ (Алма-Ата), в лабораторию болезней овец, где занимался научными исследованиями по разработке вакцины против энтеротоксемии овец. Научная работа была успешно выполнена и представлена к защите. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию и через 2 года стал преподавателем, затем заведующим

кафедрой акушерства Алма-Атинского зооветинститута. В 2017 г. я был в институте и с большим удовлетворением услышал прекрасные отзывы о Шоре как о квалифицированном преподавателе. Отмечали его скромность, вдумчивость, глубокие специальные знания преподаваемого предмета, уважение студентов. Жаль, что он безвременно ушел из жизни, оставив значительный след в истории нашего института в подготовке специалистов сельскохозяйственного производства.

Можно еще многое вспоминать об однокурсниках: как мы жили, веселились, работали в учхозе, занимались спортом. С моим другом С. Допшановым вместе жили в одной комнате общежития, он занимался борьбой, был очень скромным, уважительным. О. Суюгалиев любил делать мне массаж после тренировок, У. Есентаев – был прекрасным другом, Т. Алимжанов – всегда веселым, Е. Лебедев – староста, футболист, с А. Унгаровым далее наши судьбы сойдутся воедино, Т. Тусупбаев – наш бессменный староста курса, всегда был занят чем-то дельным, Б. Алтынбеков женат на подруге моей супруги, с Д. Омиржановым впоследствии вместе работали в КазНИВИ, К. Рахимов успешно работал на производстве, Игорь Хабибулин – прекрасный с юмором человек. С ним дружил, были в гостях друг у друга.

В период обучения в институте папа, мама и бабушка переехали в Алма-Ату. Мы с отцом просмотрели несколько домов на предмет покупки. Отец выбрал достаточно вместительный дом с хорошим полуподвалом на пересечении улицы Баумана (№ 220) и проспекта имени Абая. Правда, земельный участок был небольшим, около пяти соток. Отопление печное, но в целом мои родители были очень довольны.

Отец устроился на работу в центральный шахматный клуб. Он неплохо играл в шахматы, поэтому такая работа была для него, как бальзам на сердце. Он пропадал в шахматном клубе, сам играл в шахматы. Обедать иногда ходил к

нам домой, так как клуб находился недалеко от нашего жилья. Я часто заглядывал в клуб, иногда садился за шахматный столик. Мне было интересно наблюдать, как играют маститые шахматисты, как ведут себя за шахматной доской. Отец играл в силу первого разряда, очень любил играть с мастерами. Он обычно проигрывал им, в результате ворчал на всех и на себя. После небольшого перерыва опять просил мастера сыграть с ним хотя бы еще одну партию. Конечно, маститые шахматисты обычно играли и тренировались с шахматистами своего уровня и не любили играть с шахматистами гораздо ниже их по рейтингу. Наблюдал такой случай, когда отец уговаривал молодого мастера Евгения Владимирова, будущего гроссмейстера (1989 г.) сыграть с ним хотя бы одну партию. Тот вежливо отказывался, но в конце концов, видимо, со скидкой на возраст и военное прошлое папы, о чем говорили его военные колодки наград на пиджаке, соглашался сыграть с ним одну-другую партию. Отец просил у него фору – хотя бы коня или офицера, а лучше туру. Евгений категорически был против этого. Конечно, папа с большим разгромом проигрывал, но в целом был доволен. Я как-то подсел к Евгению и спросил у него, почему он не дает фору игроку заведомо слабее его. Он мне ответил, что тогда теряется нить использования в игре того или иного шахматного гамбита, что, как он считал, крайне не полезно для него.

Позже к моим родителям в Алма-Ату переехал и брат Борис Семенович со своей семьей. Жили они в одном доме с родителями. Вот здесь-то и развертывались настоящие шахматные баталии. Если я играл с отцом, было всегда без инцидентов. Иногда выигрывал я, иногда проигрывал, а вот игра между отцом и братом часто доходила до скандала. Отец часто пользовался приемом возвращения ходов, говоря при этом: «Мне это так не надо!». После неоднократных возвращений ходов он выигрывал партию, очень веселился и подкалывал брата. Борис все это бурно переживал и часто не

давал отцу брать назад ходы. Здесь и заключалась вся суть их шахматных баталий. Были крики, нелицеприятные выражения и тому подобное. Тогда к ним подходила мама и ладонью сметала фигуры с шахматной доски. После этого все претензии были уже к ней. Отец с братом, зная достаточно крутой мамин характер, поворчав, опять садились за стол и начинали играть новую партию.

Нагрузив свой мозг за эти 5 лет специальными знаниями, мы, студенты, подошли к самому кульминационному моменту – выпускным экзаменам. Нам раздали экзаменационные билеты. С упорством начали подготовку к экзаменам. Это очень интересный тренинг памяти студента. Возможность головного мозга запоминать большой объем многообразной специальной информации – это не простой физиологический статус организма человека. Чтобы встряхнуть свою память, я за месяц до экзаменов обычно посещал шахматный клуб, где интенсивно играл в шахматы. Память взбадривалась, и я хорошо усваивал пройденный в течение пяти лет материал, вошедший в экзаменационные билеты. Помогало и то, что я записывал практически все лекции преподавателей. Если не хватало какого-либо материала, приходилось искать ответы на вопросы в специальной литературе или заполнять такие пробелы на консультациях у преподавателей. В целом мы подходили к выпускным экзаменам хорошо подготовленными. Наш курс имел неплохие знания по сдаваемым предметам.

На выпускных экзаменах председателем Государственной экзаменационной комиссии был широко известный в стране доктор ветеринарных наук, профессор, заведующий кафедрой внутренних незаразных болезней сельскохозяйственных животных Московской ветеринарной академии Иван Георгиевич Шарабрин (1905–1995 гг.). Его конек в научном плане тогда состоял в том, что он проводил научные исследования, посвященные взаимосвязи между почвой, растениями и обменом веществ в организме продуктивных живот-

ных. Иван Георгиевич автор свыше 130 научных трудов, трех монографий. Он участник Великой Отечественной войны, Заслуженный деятель науки РСФСР, награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной звезды, «Знак почета». Такой заслуженный ученый и преподаватель, в возрасте 60 лет, принимал у нас выпускные экзамены. Я не помню, задавал ли он мне вопросы, но то, что он помогал студентам, не в полном объеме знавших те или иные вопросы билетов, хорошо отложилось в памяти. Наш курс достойно сдал выпускные экзамены, проваливших экзаменационную сессию студентов не было. Наше студенческое братство и преподаватели были очень довольны результатами оценок, уровнем полученных знаний и руководителем Государственной экзаменационной комиссии.

Как-то, будучи в командировке в Москве, имея статус кандидата наук, я после решения своих вопросов в ВИЭВ сел в Кузьминках в автобус и поехал в центр Москвы. На остановке «Государственная ветеринарная академия» в автобус вошел невзрачный на вид мужчина, в потрепанной шапке. Примостившись рядом со мной на сиденье, сразу погрузился в свои мысли. Присмотревшись к нему, я узнал в нем Ивана Георгиевича Шарабрина. Он, должно быть, ехал домой из академии после лекций. Я с ним поздоровался, он энергично повернулся ко мне, пристально посмотрел мне в глаза, спросил: «Откуда знаете меня?» Я ему напомнил, что он был у нас в 1965 г. в Алма-Атинском зооветинституте на выпускных экзаменах председателем Государственной экзаменационной комиссии. Меня, видимо, он не помнил, но тщательно расспросил, где я работаю, узнал о моей кандидатской степени, стал нахваливать Алма-Ату, наш институт, высказался положительно в целом о высоких знаниях наших выпускников. Мне это очень импонировало. Я всегда при встречах с однокурсниками подчеркиваю высокую оценку И.Г. Шарабрина полученных нами в институте специальных знаний.

На курсе много было выпускников, которые стали обладателями красных дипломов, в том числе и я. В то время дипломы об окончании института не выдавали. Мы их должны были получить только через год, если проработали этот период времени в том месте, куда нас распределили.

Не буду лукавить: хотелось остаться после окончания института в Алма-Ате. Но как оказалось, для многих, в том числе и для меня, такого места не нашлось. Уезжать из столицы Республики Казахстан мне не хотелось, так как моя супруга работала научным сотрудником, у нас был сын Николай, своя квартира. Но, видимо, для меня и моей семьи это была не судьба. Что скрывать: были походы к заместителю министра сельского Казахской ССР, в научно-исследовательские институты, но везде руководство говорило: «Ты прекрасно окончил институт, перспективный специалист, но закон не позволяет без отработки трех лет принимать тебя на работу». Хотя впоследствии я узнал, что в отдельных случаях от такого закона отступали, и некоторые мои однокурсники остались в городе, в том числе и в нашем институте. Направили меня работать преподавателем в Актюбинский сельхозтехникум Актюбинской области. Выбора не было, да я вообще и не был против такой работы. Посоветовавшись с семьей, дал согласие. Собрав свой небольшой багаж, на поезде отправился в теперь уже «свой» Актюбинский сельскохозяйственный техникум (г. Гурьев). Поехал один, семья осталась в Алма-Ате. Это уже другая часть моей жизни.

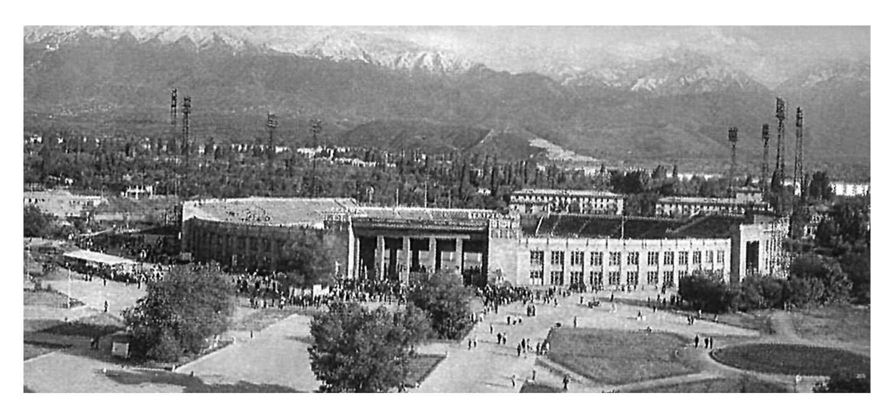
Старая Алма-Ата

Алма-Ата. Жилой дом

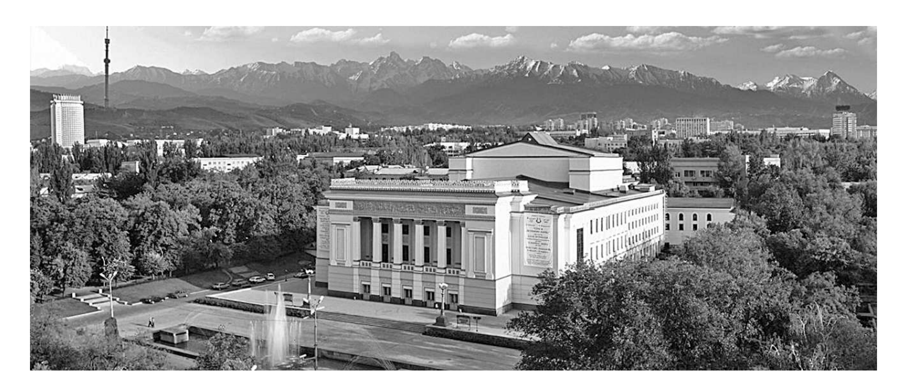
Алма-Ата. Улица Фурманова, дом, где жила моя семья

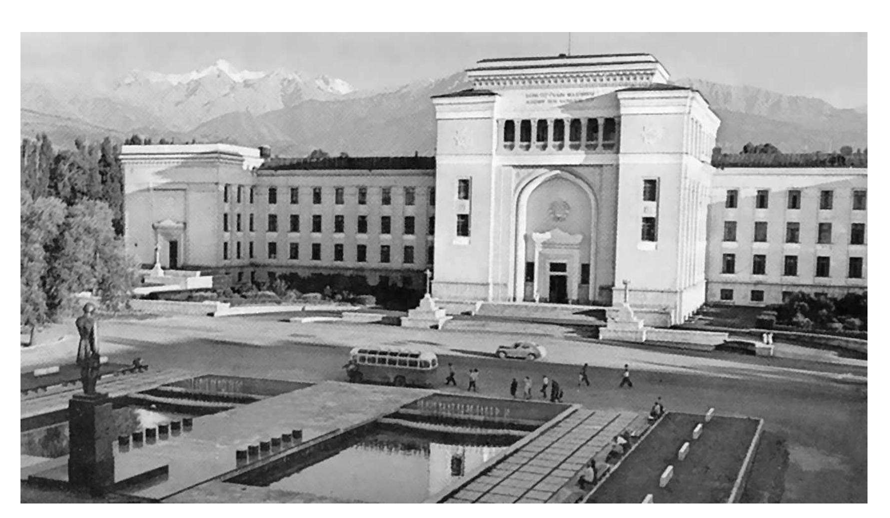
Алма-Ата. Стадион, где я занимался штангой

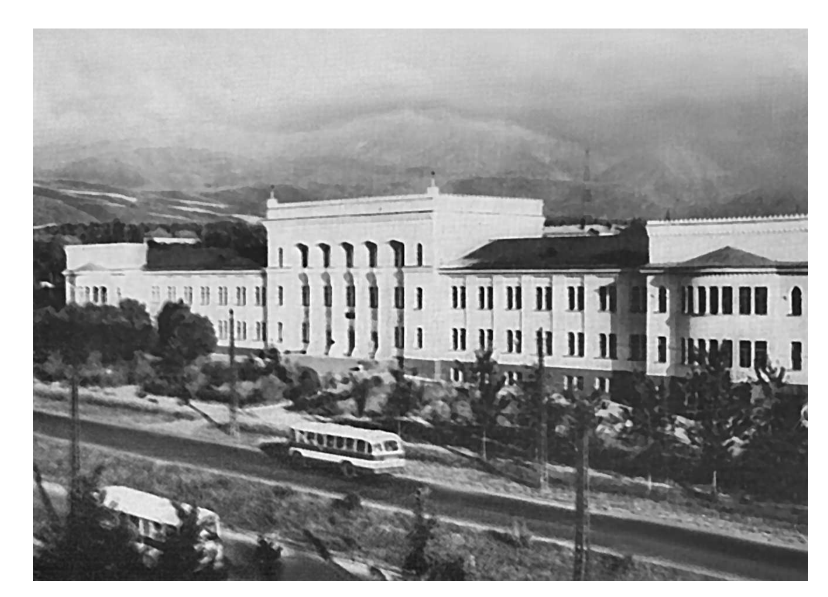
Вратарь «Кайрата» Куралбек Ордабаев

Алма-Ата. Театр имени Ауэзова

Алма-Ата. Здание Академии наук Казахской ССР

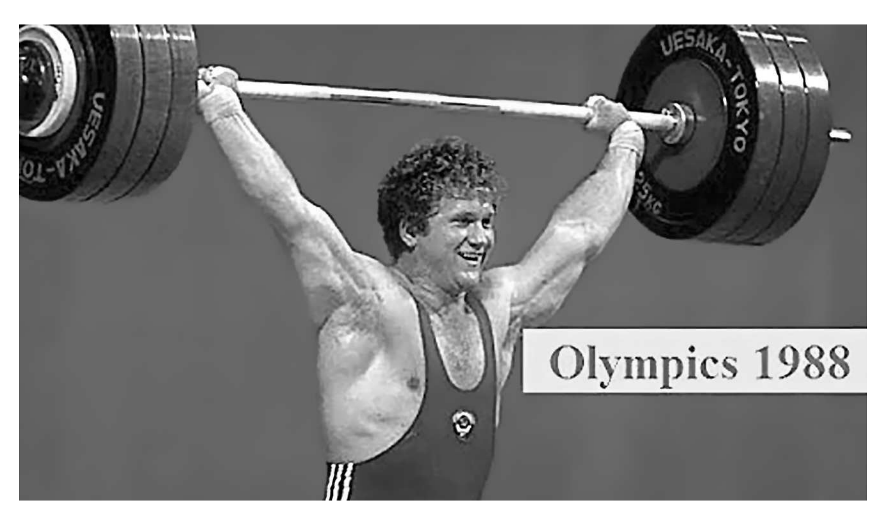
Алма-Атинский зооветеринарный институт

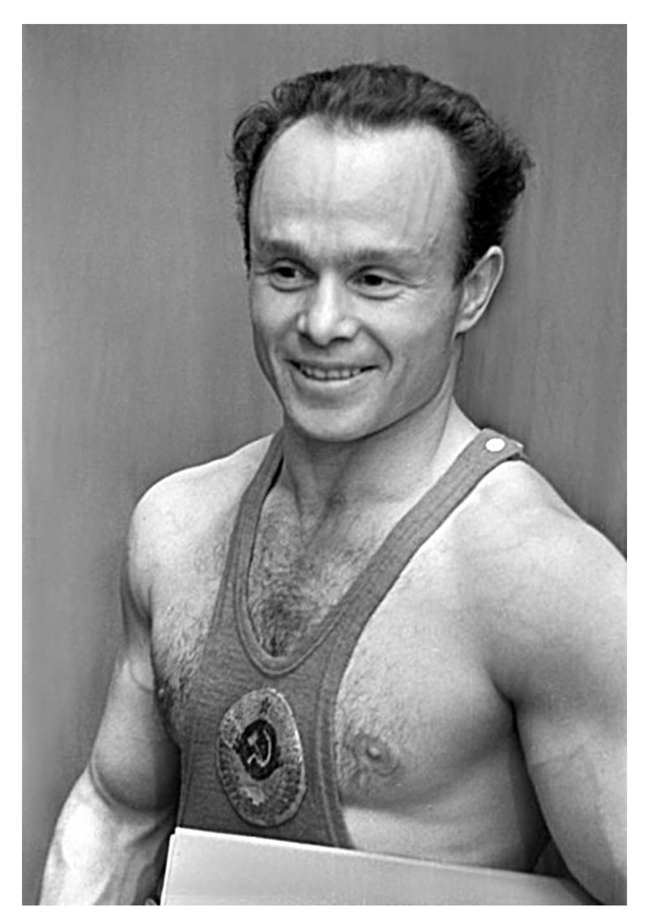
Новая Алма-Ата

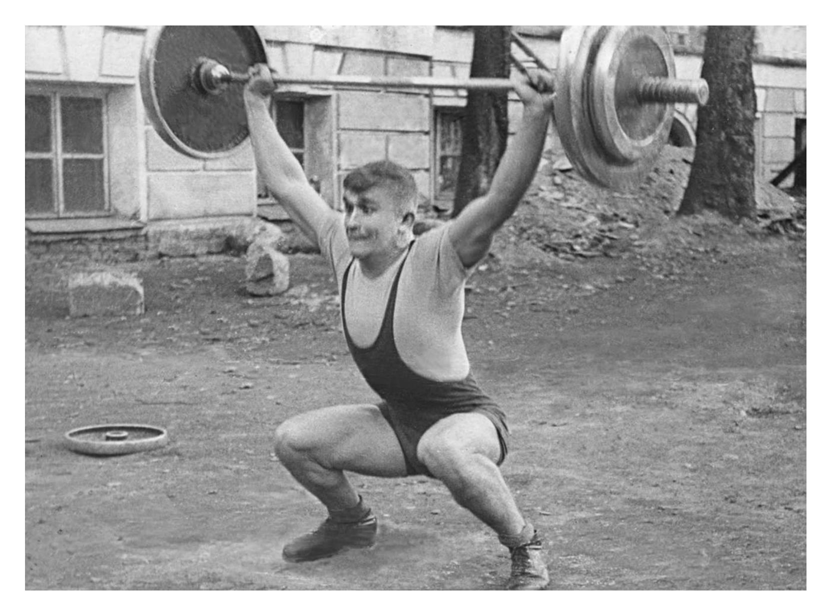
Алма-Ата. Каток «Медео»

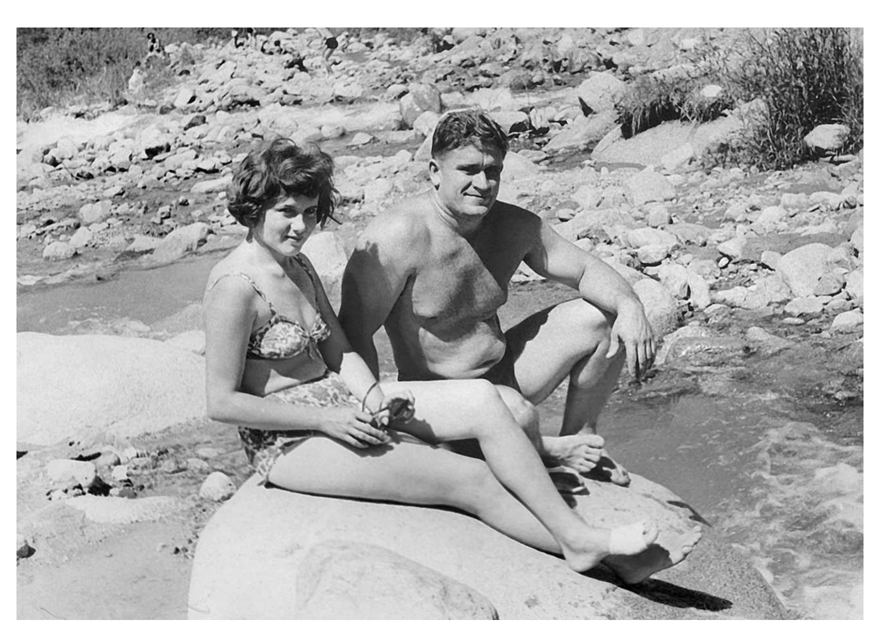
Анатолий Михайлович Храпатый

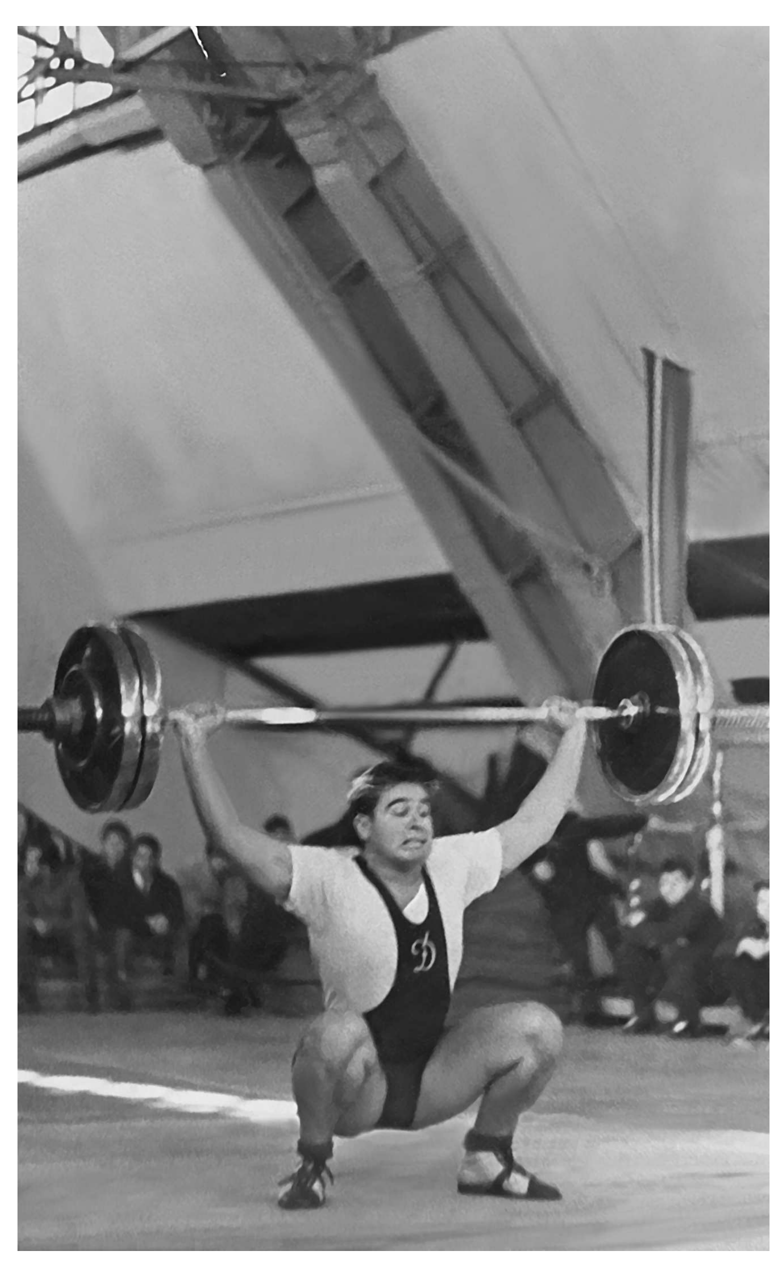
Степан Иванович Ульянов

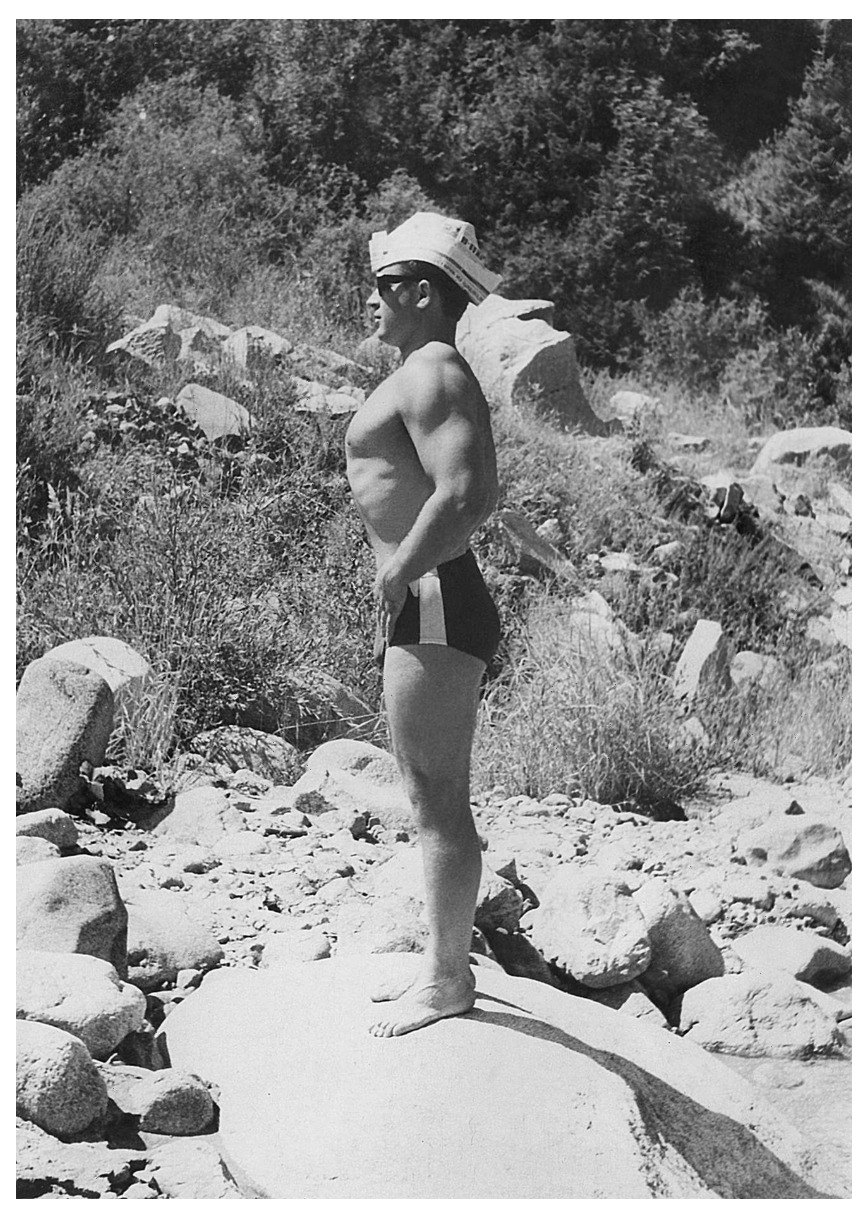
Борис Семенович Донченко – брат

Б. Донченко, В. Донченко, река Алма-Атинка

Я на соревнованиях

Я на тяжелоатлетических сборах в Алма-Ате

Константин Георгиевич Скрябин, академик РАН, РАСХН, РАМН

Сергей Николаевич Вышелесский

Семья Муслима Амирхановича Ермекова (второй слева)

Фазул Мухамедгалиевич Мухамедгалиев, академик ВАСХНИЛ

Найля Уразгуловна Базанова

Игорь Алексеевич Бакулов, академик РАН, РАСХН

Семен Васильевич Донченко, мой папа

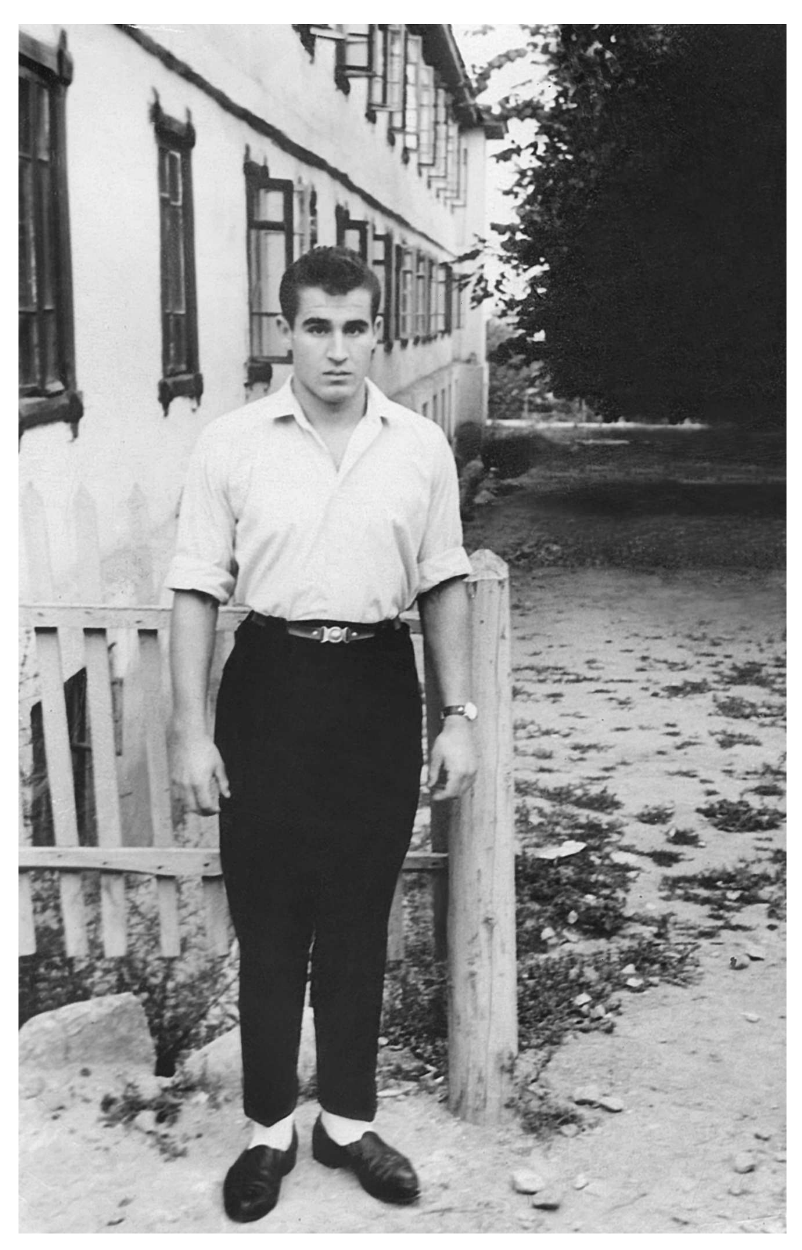

Николай Александрович Ерофеев, отец супруги Валерии Николаевны

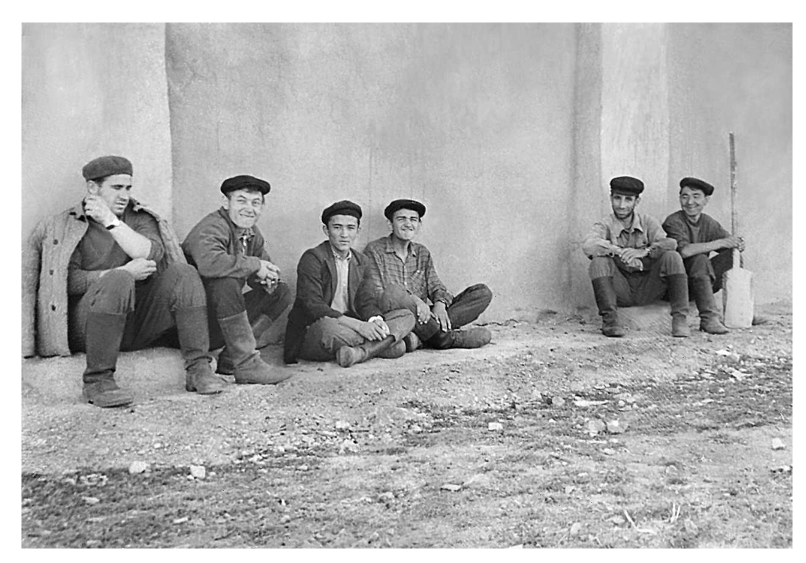

Николай Александрович Ерофеев и Валентина Николаевна Белозерова, родители Валерии Николаевны Донченко

СТУДЕНТЫ IV-го КУРСА IX-й ГРУППЫ
ВЕТЕРИНАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА
АЛМА-АТИНСКОГО ЗООВЕТЕРИНАРНОГО ИНСТИТУТА
Кустанов С.
Донченко А.
Ассистент Гуляев А.Ш.
Доцент Саломатин Н.Ш.
Зав. каф. доцент Сазонов А.А.
Ассистент Бутов П.М.
Ассистент Кыдырбаев К.М.
Жумашев А.
Калтаев Ш.
Исамберлиев К.
Дуйсенов Б.
Сулейменова Р.
Профорг
Комсорг Гаджиев С.
Губашева Б.
Исмагамбетов М.
Акбаев Т.
Сапаков Р.
Жугунисов Н.
Шахметов Н.
Литке Л.
Антоненко Г.
Джайкиев С.
Альмуханов М.
Нигметуллин К.
г. Алма-Ата, 1963-64 уч. г.

Я студент 2-го курса АЗВИ

На практике. Слева направо: я, В. Мартыненко, М. Мухитов, И. Подгорный, С. Гаджиев, М. Нурбергенов

На практике. Тушение пожара в Баянаульском районе

На практике. Слева направо: Л. Литке, Р. Сулейменова и я

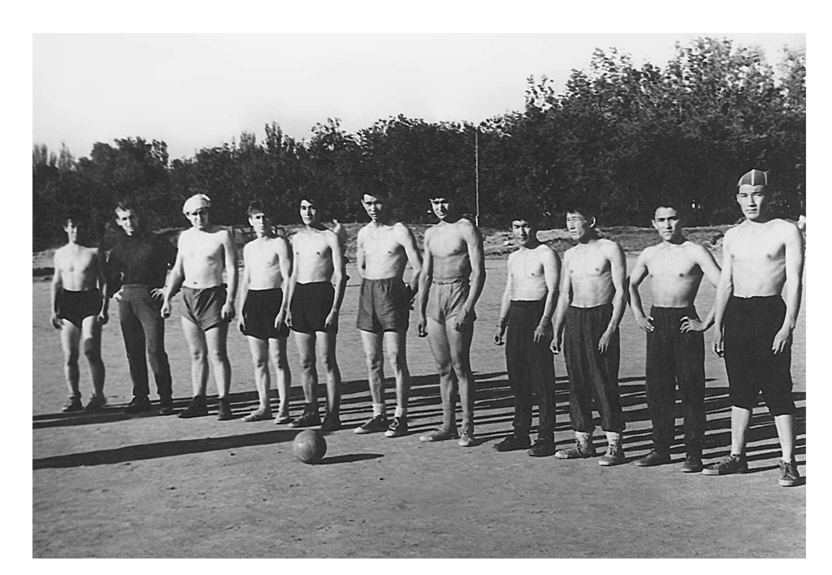
Семья Сутуловых: Петр Иванович и супруга Вера

Алма-Ата, 7 ноября 1964 г. Собираемся на праздничный парад

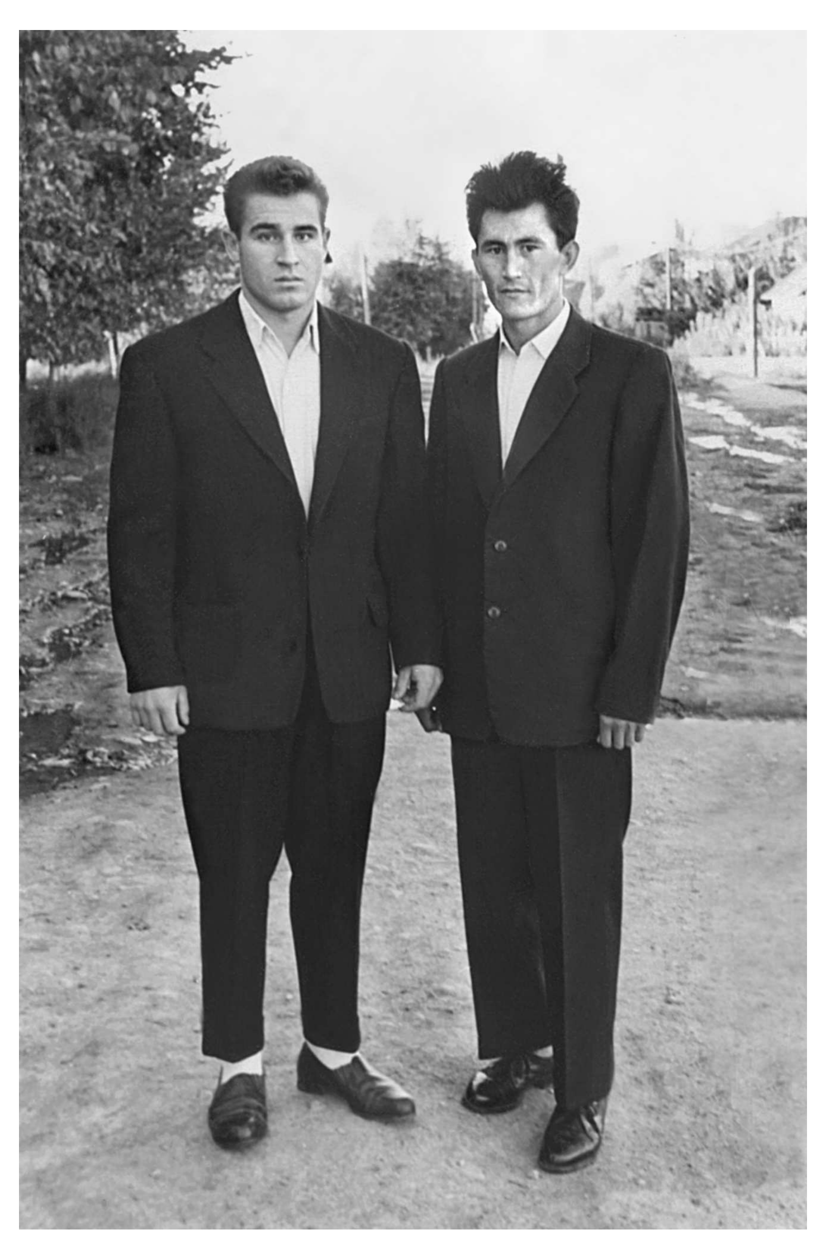
Однокурсники. Слева направо: В. Мартыненко, Д. Омиржанов и я

Наша курсовая футбольная команда. Я – третий слева

Алма-Ата. Слева направо: В. Мартыненко, Я,Е. Лебедев, я. Браун

Алма-Ата, 1961 г. Однокурсники – я и П. Серикбаев

Ветклиника института: Я. Браун, я, В. Мартыненко, И. Подгорный

На практике в ветклинике. Слева направо: А. Тажибаев,
К. Исамберлиев, я, Р. Сулейменова

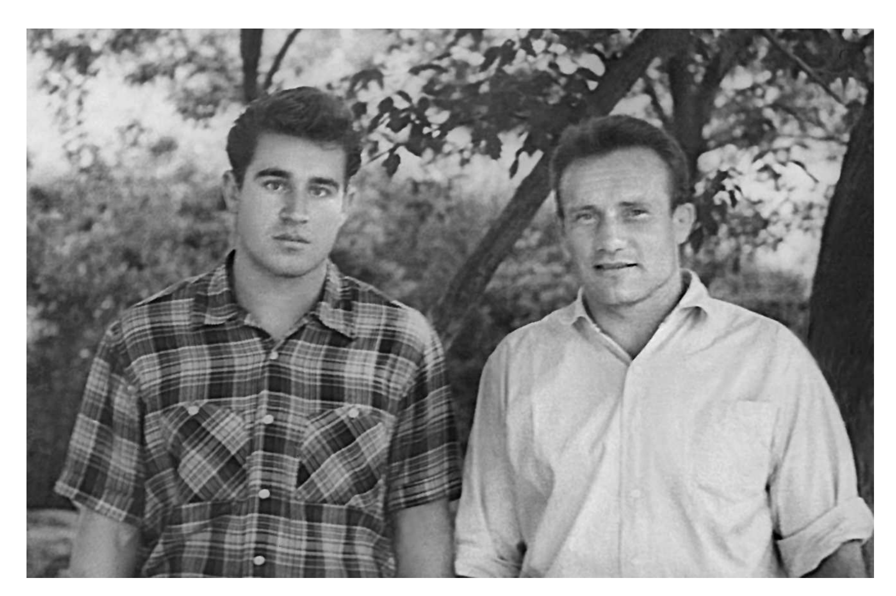
Мои однокурсники (7 ноября 1964 г.)

Алма-Ата, 17.04.1963 г. Однокурсники: слева направо: В. Мартыненко, М. Кадыров и я

Студенты идут на занятия в институт. Справа налево:
я и В. Мартыненко

Алма-Ата, АЗВИ. Я с моим другом борцом Виктором Фоминым

Алма-Ата. Дом на ул. Баумана, 220, где жили родители в период моего обучения в институте

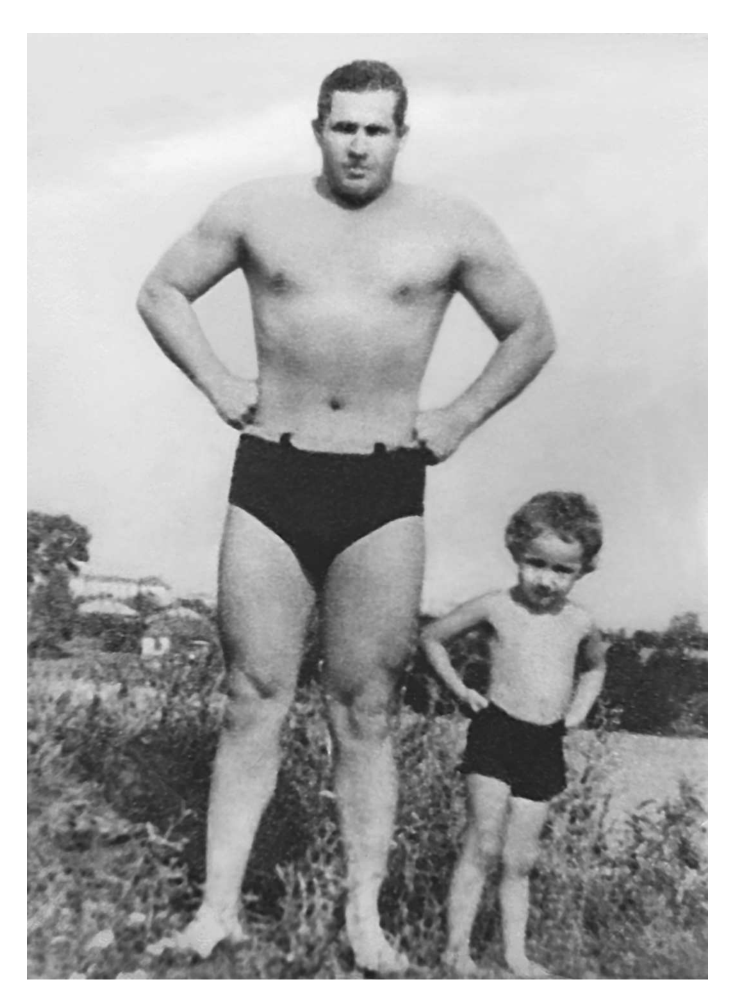
Я и Валерия Донченко, 1962 г. (после свадьбы)

Супруга Валерия Николаевна с детьми Николаем и Ольгой

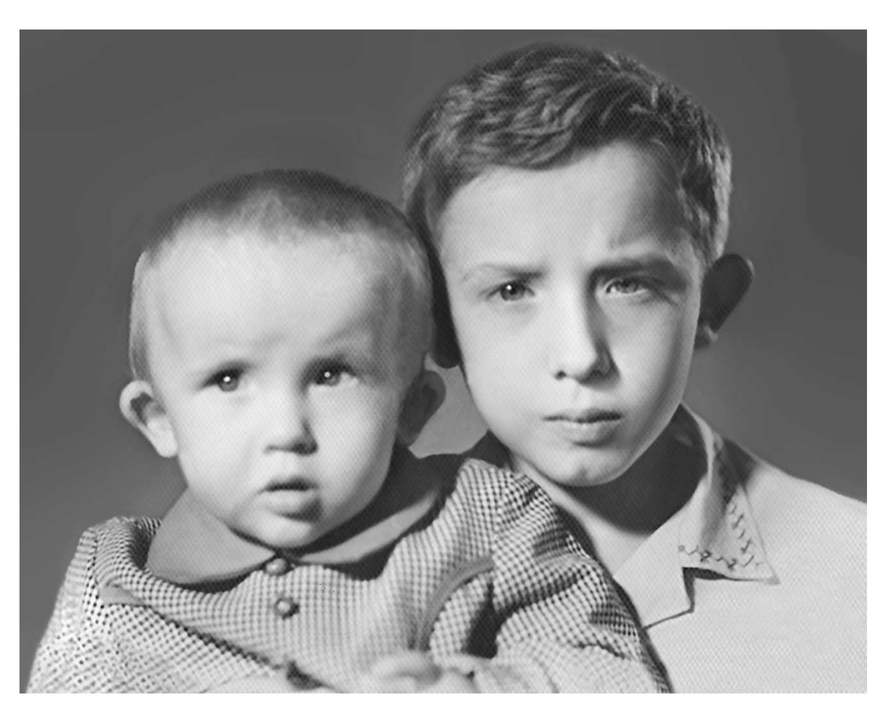
Я с детьми Николаем и Ольгой

Я с сыном Николаем на пляже

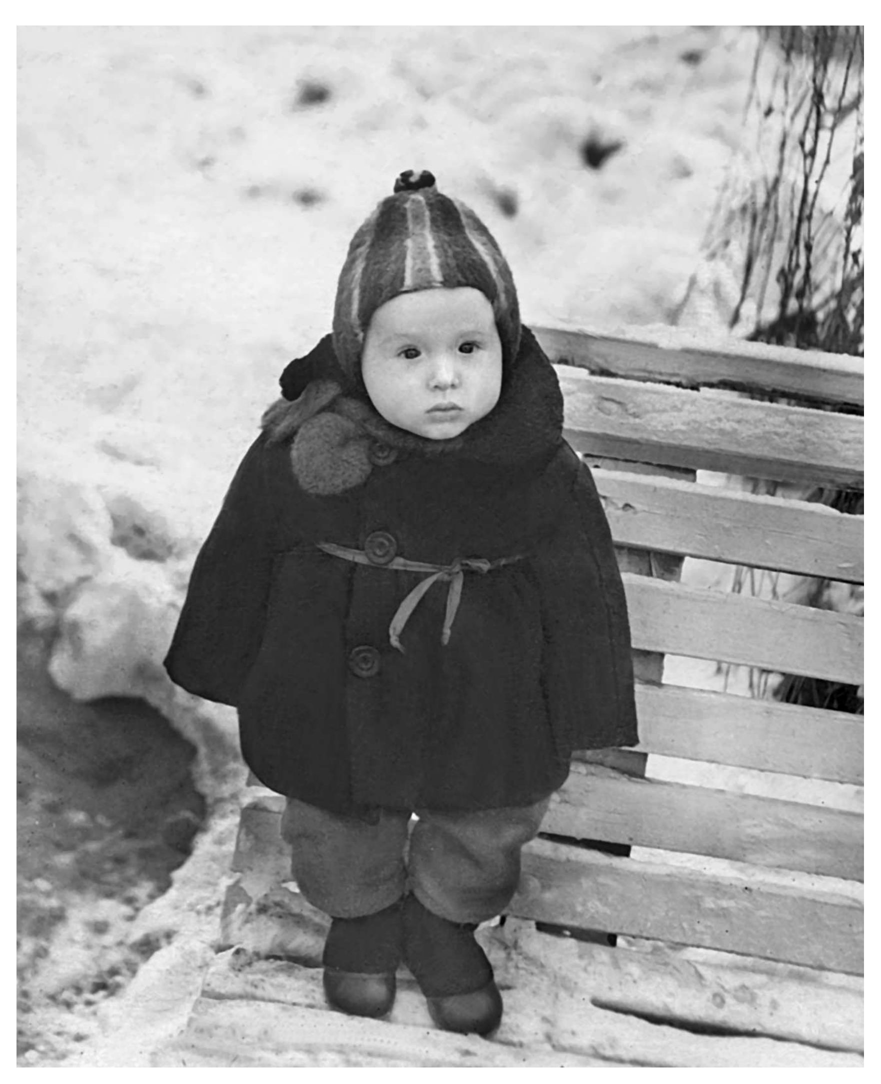
Валентина Николаевна Белозерова с внуками Колей и Олей

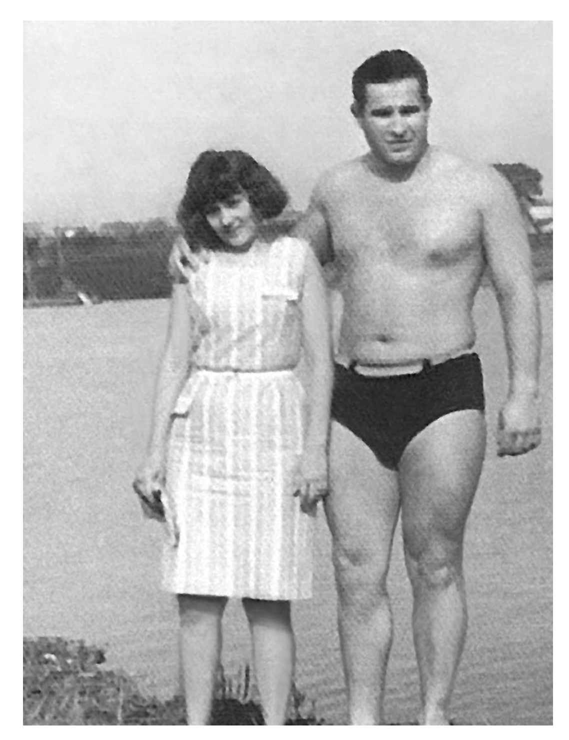
Николай и Ольга Донченко

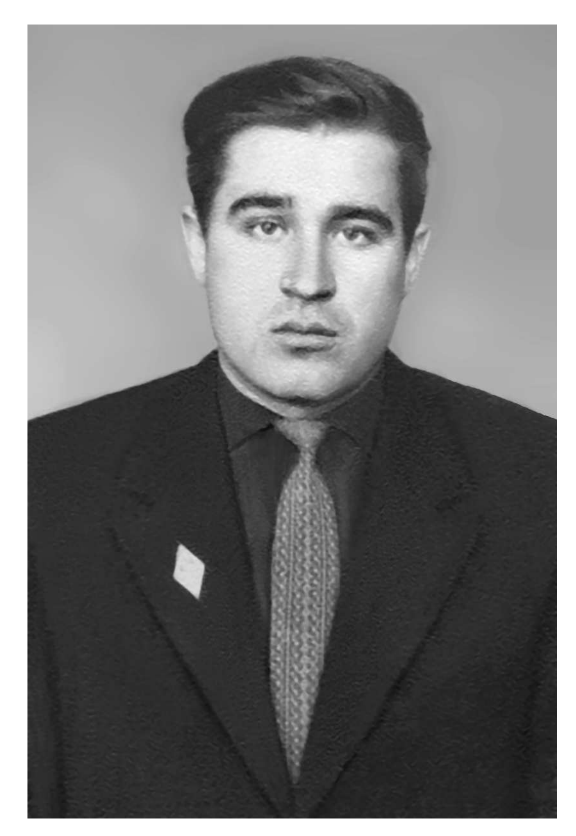
Супруга Валерия Николаевна с сыном Николаем

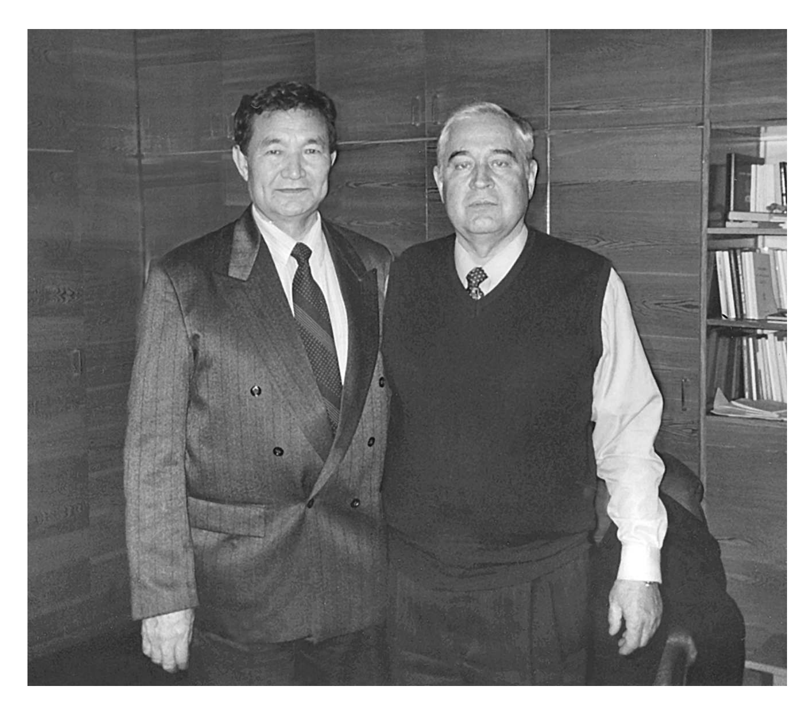
Коля Донченко, мой сын, 1964 г.

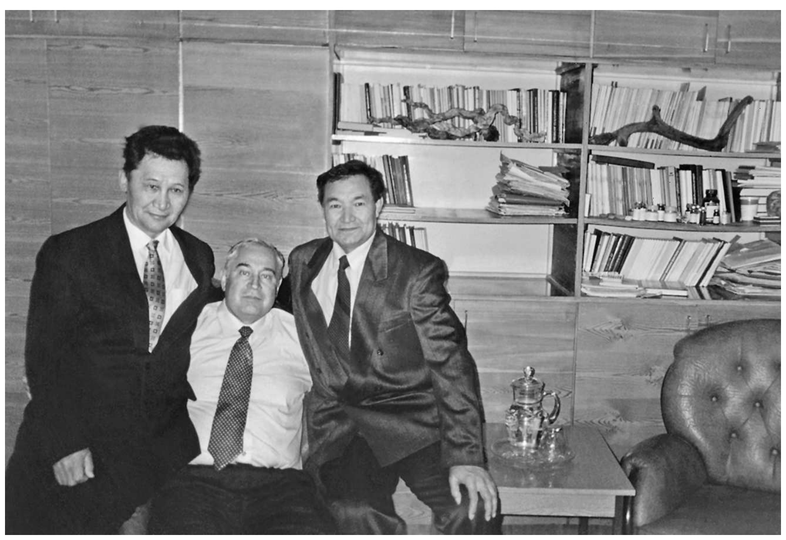
Я и Валерия Донченко

Я после окончания института

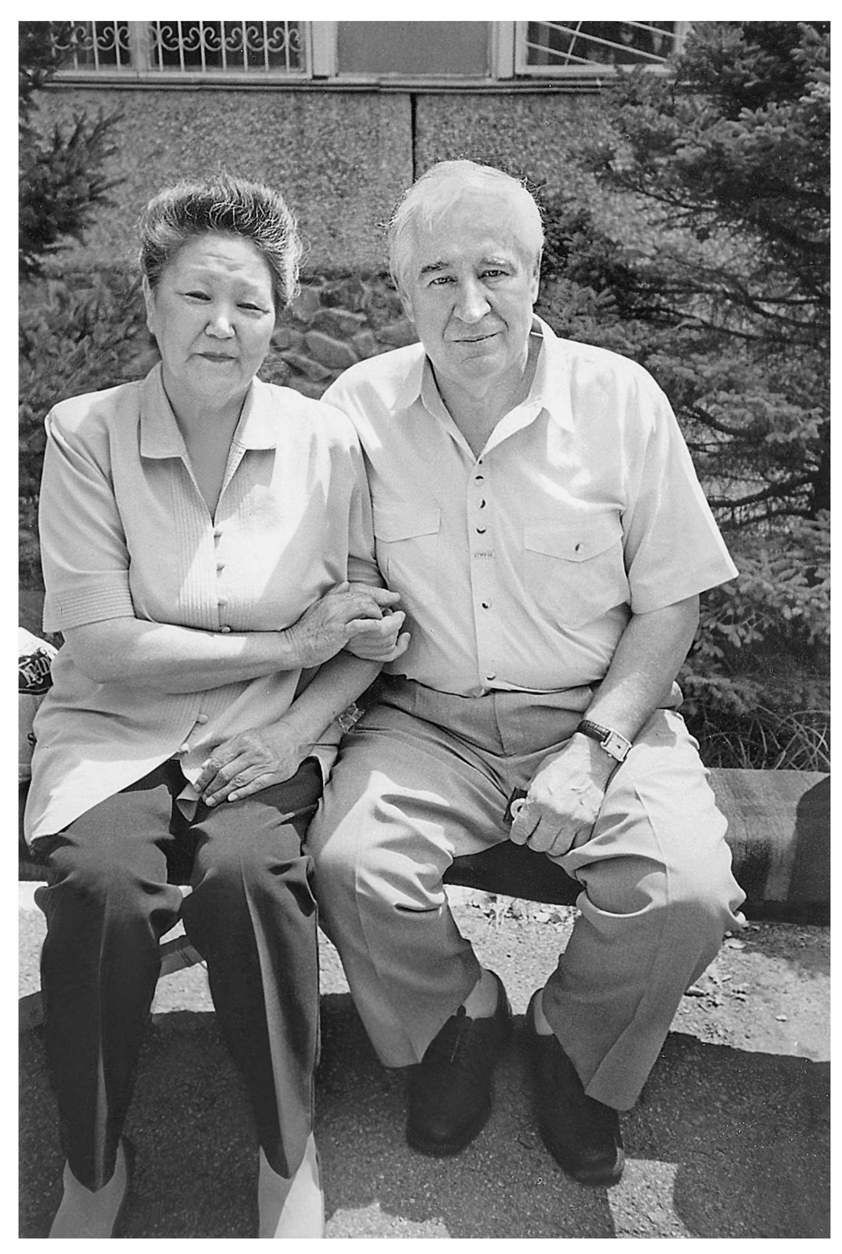
А. Тишибаев и я (р.п. Краснообск, СО РАСХН)

Мои друзья-однокурсники. Слева направо: Аманжол Жумаш, я и Абай Тажибаев

Мои друзья-однокашники: А. Тижибаев. С. Гаджиев, А. Копбаев,
А. Жумаш

Встреча через 45 лет на совещании в Алма-Ате. Я и Р. Сулейменова

ГЛАВА 4

АКТЮБИНСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТЕХНИКУМ

Жизнь – не те дни, что прошли,
а те дни, что запомнились.

П.А. Павленко,
(1899–1951 гг., русский писатель)

Ну, вот я и настоящий ветеринарный врач с высшим государственным образованием. Это моя мечта, которую я лелеял многие годы и, наконец, она свершилась. Я понимал, что то, что нам преподавали в техникуме и институте, – это первичный специальный образовательный капитал. Все остальное, которое должно основательно заполнить недостающие знания, – это дальнейшее ежедневное самообразование, контакты с профессионалами своего дела, практическими ветеринарными специалистами и научными сотрудниками. Наша специальность в народе, особенно в крестьянской среде, называется по-разному: ветврач, ветеринар, ветврач-коновал, скотоврач, конский врач, айболит, знахарь, лекарь, волхв, конеклад (кастрирует жеребцов), гипиатр (лекарь лошадей – древняя Греция). Такое разнообразие прозвищ в отношении моей профессии свидетельствует о том, что она пользуется большим уважением в обществе и впитала в себя основополагающую терминологию нашей профессии, определенную великими российскими учеными. Так, Иван Петрович Павлов (1849–1936 гг.) физиолог, основоположник учения о высшей нервной деятельности, академик Академии наук СССР, лауреат Нобелевской премии (1904 г.) сказал, что обычный врач лечит человека, ве-

теринарный врач – человечество. Позже и другой великий ученый Константин Иванович Скрябин (1878–1972 гг.), основатель отечественной гельминтологии, Герой Социалистического Труда, академик трех государственных академий (АН СССР, МАН СССР, ВАСХНИЛ) сказал: «Медицина лечит человека, а ветеринария – человечество». Он весьма точно определил, что от ветеринарной практики и науки зависит судьба здоровья не одного человека, а всего человечества, поскольку существует огромное количество болезней, общих для человека и животного. С его определением согласна медицина. Ветеринарная наука на протяжении многих столетий успешно разрешает эти проблемы, занимаясь профилактикой заболеваемости людей через прямые контакты с больными животными, употребление зараженных продуктов животноводства, предотвращая эпизоотии, спасая от голода население.

Еще раньше эту мысль высказал в своей работе «Эпизоотия как ближайший источник эпидемии» (1884 г.) Сергей Степанович Евсеенко (1850–1912 гг.), русский ученый-ветеринар, основоположник военно-полевой ветеринарной хирургии в России, магистр ветеринарных наук, публицист, тайный советник: «Медицина охраняет человека, ветеринарная медицина оберегает человечество». Считается, что первым, кто ввел в обиход термин «ветеринария» (ветеринарная помощь, ветеринар, ветеринарная медицина) был живший в Кадисе в I веке Луций Юний Колумелла, один из древнеримских авторов, осветивших в своих произведениях тему сельского хозяйства. Ветеринар с латинского означает «ухаживающий за скотом», «лечащий скот». Эта профессия одна из самых древних на земле, связанная со временем одомашнивания животных.

Собака – самое раннее из животных, которое было одомашнено 13–30 тысяч лет до нашей эры, крупный рогатый скот – 6–5, овца и коза – 5–6, свинья – 3, лошадь – 2, верблюд и олень – 1 тысяча лет до нашей эры («Ветеринарная энциклопедия». – М., 1968. Т. 1. Столб. 898).

Первые ветеринары появились в пастушеских племенах несколько тысяч лет назад. Уже в то время для лечения животных применяли некоторые травы, например полынь. Позднее их стали называть лекарственными растениями. В древних государствах понимали, как нужна профессия ветеринара и очень ценили таких людей. В Древнем Египте существовало учебное заведение, называвшееся «Дом жизни». Здесь наряду с другими науками учили, как лечить животных. В найденных при раскопках папирусах-лечебниках описаны рецепты по приготовлению лекарств для быков, овец, свиней, коз, гусей. Дошел до нас и папирус, являющийся одним из самых старых пособий по ветеринарии. В нем описаны болезни животных и способы их лечения. В Древней Греции были лекари лошадей. Их называли гиппиатрами. В Индии профессия ветеринара была очень почетной. Здесь лечением животных занимались жрецы. Нужны были ветеринары и в армии. Во время войн они сопровождали отряды в походах. Лечили лошадей, боевых слонов, верблюдов. В римском войске даже были лазареты для раненых лошадей.

На Руси ветеринарные ремесленники существовали уже в XVI веке, их называли коновалы. В своей профессии они использовали колдовство, молитвы, лечебные травы. Все это передавалось по наследству. Научной и практической профессией в современном понимании ветеринария стала примерно 250 лет тому назад. В 1761 г. король Франции Людовик XV, обеспокоенный заболеванием крупного рогатого скота, предложил организовать в городе Лионе ветеринарную школу.

В России при Петре I открылись первые ветеринарные школы, стали издавать книги по вопросам ветеринарии, появились указы по борьбе с недугами лошадей и крупного рогатого скота. С тех далеких времен в ветеринарной практике и науке произошли громадные перемены, разработаны эффективные лекарственные препараты, средства и методы защиты животных от заразных болезней, создан большой ареал учебных ветеринарных заведений – школ, технику-

мов, институтов. Появилась целая плеяда великих ученых, внесших громадный вклад в развитие ветеринарной медицины. Их разработки позволяют надежно контролировать эпизоотический процесс практически любых заразных болезней животных, что оберегает и людей от зоонозных заболеваний.

Вооруженный частью этих знаний, я направился по распределению на преподавательскую работу в город Темир Актюбинской области, где в то время находился Актюбинский сельскохозяйственный техникум. На поезде из Алма-Аты приехал на железнодорожную станцию Кандагач (до 1967 г. – город Октябрьск, в 1997 г. переименован в город Кандыагаш), оттуда на автобусе – до Темира. Когда ехал в поезде, то думал, что приеду в большой город, зная, что там есть река, буду рыбачить, заниматься тяжелой атлетикой. Мое видение перспектив городской жизни не состоялось. Не то, чтобы я был крайне расстроен, просто понял, что период моей работы в техникуме будет недолгим.

Город Темир расположен на юго-западе Казахстана и лежит на побережье одноименной реки. Ближайшая к нему железнодорожная станция Кандагач находится в 25 километрах от его окраин. Темир основан в 1870 г. (начальное название – Каракимыс). Когда сюда был переведен Эмбекский пост, с 1896 г. он стал уездным городом. В начале XX в. Темир стал крупным торговым центром, где ежегодно проводились две ярмарки. Город лежал на Великом шелковом пути, поэтому сюда съезжались купцы из Уфы, Оренбурга, Бухары, Орска, Ташкента и многих других восточных городов. В 1870 г. была открыта первая в поселке школа, старинная мечеть Ахмета-халфе, которой в 2018 г. исполнилось 110 лет. Мечеть построил на свои средства купец Мажит Батхуллии. Разрешение на постройку пришлось получать из России. Название мечеть получила в честь имама Насыр Ахмет-халфе, который встретил здесь революцию и был расстрелян большевиками в 1937 г.

Темир является родиной известного военного деятеля Шансена Кереева (1930–1983 гг.) – первого и единственного в советское время кадрового военного, генерал-лейтенанта вооруженных сил СССР. Здесь также родились ученые Абу Сактаганович Такенов (1930–1998 гг.) и Сактаган Баишевич Баишев (1905–1982 гг.).

С.Б. Баишев – советский и партийный деятель, ученый, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки Казахстана, председатель Верховного Совета Казахской ССР (1959–1963 гг.), вице-президент Академии наук Казахской ССР. Его именем названа Темирская средняя школа.

Темой научных изысканий Абу Шакенова являлось участие интернационалистов из Западной Европы в Гражданской войне и социалистическом строительстве в Казахстане в 20–30-х годах XX в. Абу Шакенов – известный ученый, доктор исторических наук, профессор Казахского государственного университета.

Возле города протекает река Темир, правый приток Эмбы, одной из самых больших рек Казахстана. Численность населения города небольшая, в разные годы она колебалась от 672 человек до 3,5 тысячи. Название города переводится с тюркского языка как «ручей» или «речка». Для меня река Темир была небольшой жизненной отдушиной. В наше время она была не очень широкой, не отличалась большой глубиной. Однако в ней можно было немного поплавать и, особенно важно, порыбачить. В реке и не только в ней, но и в ее протоках водилась такая рыба, как сом. Рыбачить на сома к нам ездили даже из достаточно далеко расположенных селений.

Вначале, в далеком прошлом, Темир был земляным укреплением. Число дворов было 120, жителей – 672 человека, из них 360 мужчин и 315 женщин. В этом месте проводились еженедельные базары (по средам) и ежегодные – с 20 мая по 20 июня и с 20 сентября по 10 октября – ярмарки (источник «ПКиАК-Урал». 1906, С. 139, С.Г. Ярошенко).

В XVIII и первой половине XIX в. торговля на ярмарках была преимущественно меновой, основной единицей расчета был годовалый баран (сек). Двухгодовалый баран (кунап) стоил полтора сека, трехгодовалый (дунен) был равен двум секам. Затем во второй половине XX в. в связи с необходимостью платить различные денежные налоги и сборы на ярмарках стали рассчитываться только денежными средствами. Обычно рабочий в конце XIX и начале XX в. получал в месяц 10 рублей. Обед в дешевом трактире стоил примерно 10 копеек, то есть 1 рубль Российской империи по своей покупательской способности соответствует нынешним 10 000 тенге (по текущему курсу 1860 рублей). Исходя из этого можно посмотреть на товарооборот того времени, проведение крупнейших ярмарок на территории Казахстана (Нижегородская ярмарка имела оборот около 160 миллионов рублей, вторая по величине Ирбитская – около 25 миллионов рублей). Ирбит – это село, расположенное в Свердловской области, где с 1643 г. начала функционировать ярмарка, на которой торговали широким ассортиментом товаров. В России она вновь стала действующей с 1922 до 1929 г. С 2001 г. она снова начала функционировать. Темирская ярмарка приносила гораздо меньше денежных средств ее организаторам.

Ко времени моего приезда в Темире имелось две школы, в одной преподавали на казахском языке, в другой, находящейся недалеко от техникума, на русском. Зооветеринарный техникум в Темире открыт в 1945 г. и располагался на окраине города. Студенты жили в общежитиях, корпуса, где велось преподавание, были одноэтажные, в виде бараков. Преподаватели жили в обычных крестьянских домах. Приехав в техникум, я встретился с директором, мы тепло переговорили. Меня разместили в двухэтажном доме в трехкомнатной квартире на втором этаже. Здесь же квартировали еще два преподавателя. Звали их Николаями. Один из них Николай Куликов (Коля большой) был родом из Украины, второй (Коля маленький) – из российского города Кстово.

Коля маленький очень любил свой город, много о нем говорил. Из его рассказов я запомнил несколько моментов. Его родной город находится недалеко от Нижнего Новгорода на берегу Волги. Он гордился тем, что возле города построен нефтеперерабатывающий завод. Еще Коля маленький с гордостью рассказывал о том, что в Кстовской тюрьме одним из заключенных был известный в нашей стране футболист Эдуард Анатольевич Стрельцов (1937–1990 гг.). Его жизненная история хорошо известна любителям футбола, а я отношу себя к таковым. Не буду приводить все коллизии, которые случились с Эдуардом Стрельцовым. К моему счастью, я впервые увидел его на футбольном поле в Алма-Ате после его освобождения из тюрьмы. Тогда его футбольная команда «Торпедо» играла с «Кайратом», и он вышел на футбольное поле. Что интересно, на поле Стрельцов не проявлял каких-то взрывных действий, в большинстве случаев стоял, чуть сместившись, на левом краю. Болельщики, а их был полный стадион, начали шуметь, потихоньку освистывать его невыразительную игру. И вдруг ему перепасовывают мяч. Взрывной старт с мячом, выход на ворота – и гол! Что творилось на стадионе, надо было видеть своими глазами. Хотя гол был забит нашей команде «Кайрат», но истинные болельщики высоко оценили высококлассные приемы футболиста, были поражены техникой ведения мяча, быстроте стартовой скорости, мощному удару. В этом был весь Эдуард Стрельцов.

Два Николая преподавали в техникуме экономику и бухгалтерский учет. В учебном процессе было еще два направления – зоотехния и ветеринария. Мне определили два предмета: фармакологию и патфизиологию. Это достаточно трудные ветеринарные дисциплины. Видимо, старших преподавателей, желающих их преподавать, не нашлось, поэтому их и закрепили за мной. Хорошо, что я захватил с собой все лекционные записи и основные учебники, в том числе и учебники по этим двум предметам. Я с большим старанием

стал повторно изучать лекции по патфизиологии моего любимого преподавателя Ефрема Фомича Дымко. Вот где пригодилось его своеобразное преподавание предмета. Он научил нас мыслить, развил наше воображение, которое позволяло ветеринарному врачу мысленно решить течение того или иного инфекционного процесса в организме животного, какими защитными внутренними силами такой организм борется с тем или иным возбудителем.

История развития фармакологии продолжительна. Корни ее уходят в такую глубину, что допускается мысль, будто бы человек возник сразу с пучком лекарственных трав в руке. В связи с этим у меня было достаточно материалов для их использования в лекционных и практических занятиях.

Я приехал в Темир один, Лера и сын Коля остались в Алма-Ате. Жена понимала, что мне необходимо отработать диплом. Лера, будучи кандидатом биологических наук, имела постоянную работу, связанную с научными программами. Коля рос и был при бабушке Валентине Михайловне, мамы Леры. У нас была хорошая трехкомнатная квартира и, конечно, моя семья не хотела менять свой быт. В то время достаточно своеобразные были законы. Тяжело было прописаться в крупных городах СССР, в том числе и Алма-Ате, поэтому я уехал из этого города, не выписываясь из квартиры, только отметил выбытие в Темир в военном билете. Это было необходимо сделать.

Со студентами я быстро сошелся как преподаватель. Преподавательскую «кухню» на уровне техникума я уже знал как бывший студент среднего учебного специального заведения – Ленинского сельхозтехникума Северо-Казахстанской области. Мне не составляло большого труда проводить занятия: знания были у меня неплохие, под рукой имелась специальная литература, куда можно было заглянуть в любое время. Обычно знакомя студентов с преподаваемым предметом, как в этом случае, так и когда я стал

преподавать эпизоотологию в Новосибирском государственном университете, я обычно начинал с истории развития преподаваемого предмета. Исторические аспекты знаний в целом по ряду направлений широкого спектра науки с молодых лет очень интересовали меня. Учась в школе, я увлекался археологией, читал статьи, очерки, собирал книги об археологии. Сейчас собираю редкие книги, мини-книги, монеты, оружие. У меня даже была коллекция собранных мною яиц (содержимое удалялось). Впоследствии, работая в качестве директора Института экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока СО РАСХН, я впервые в научном учреждении организовал лабораторию истории ветеринарии. На протяжении более 30 лет небольшой коллектив этой лаборатории успешно решал поставленные перед ним научные задачи. Коллективом лаборатории опубликовано четыре монографии по истории ветеринарного дела в Сибири и множество научных статей.

Когда на лекциях или практических занятиях студентам рассказываешь об истории развития преподаваемого предмета, в их глазах виден искренний интерес. Любой человек всегда желает познать новое, особенно если оно связано с материалом, который необходимо усвоить, а может быть, использовать его, преподнеся в качестве новинки в каких-либо определенных условиях – в беседе с товарищами, при ответе на билет преподавателю, да и просто прихвастнуть в разговоре с девушкой или парнем.

Патофизиология – одна из серьезных наук. По определению Г.Н. Крыжановского, она «возникла как экспериментальная наука в связи с необходимостью точного, естественнонаучного изучения механизмов возникновения, развития и ликвидации патологических процессов». Термин «патологическая физиология» впервые употребил в XVII в. И. Варандес, по другим источникам – Галиот, который в 1819 г. издал учебник под названием «Общая патология и патологическая физиология». В современной

литературе, как в научной, так и в учебной, вместо словосочетания «патологическая физиология» принято применять термин «патофизиология» (от греч. pathos – страдание; physis – природа, сущность; logos – учение). Патофизиология является теоретической базой системы подготовки ветеринарного врача, формирование основ его клинического мышления.

Вот такой довольно сложный для студентов среднего ветеринарного звена предмет мне пришлось преподавать в техникуме. Конечно, чтобы довести до сознания многоплановую дисциплину, студенты должны неплохо знать и другие ветеринарные дисциплины, хорошо ориентироваться в физиологических процессах, которые протекают в организме как здорового, так и зараженного патогеном больного животного. Следует прямо сказать, поначалу у меня не все получалось, то есть довести до студента необходимые знания. Я очень переживал. По ночам мне снились уроки, студенты, смотрящие мимо, как будто в глубь себя, в пустоту, а я старался изо всех сил разъяснить необходимый материал. Потом я решил разрубить этот «гордиев узел». Собрал наиболее шустрых студентов и прямо задал им вопрос: «Понимаете ли вы тот материал, который я освещаю на лекциях и практических занятиях?». Одни студенты сказали: «Мы понимаем», больше половины ответили: «Нет». Начал выяснять причину такой ситуации и понял, что те студенты, до которых не доходят материалы урока, имеют значительные пробелы по другим смежным дисциплинам. В дальнейшем, обрисовывая какой-либо патологический процесс, происходящий в организме зараженного инфекционным агентом животного, приходилось здесь же раскрывать студентам те патофизиологические нюансы, способствующие обострению инфекционного процесса. Они были тесно связаны с другими ветеринарными дисциплинами: эпизоотологий, гистологией, ветеринарной микробиологией, клинической диагностикой и др. Это занимало в ряде случаев одну треть

времени, отведенного на лекцию. Однако я отметил, что студенты стали лучше усваивать преподаваемый материал. Мне очень помогло и то, что с собой я привез альбом, где в институте на уроках патофизиологии мы записывали, зарисовывали патологические изменения, происходящие в организме животных при тех или иных заразных болезнях. Аналогичный альбом мои студенты завели и у себя.

Второй предмет, который мне пришлось преподавать в техникуме, – фармакология. Основной учебник, по которому обучали студентов, был учебник по фармакологии Н.П. Говорова, изданный в 1962 г. Николай Павлович Говоров (1902–1977 гг.) окончил Омский зооветеринарный институт. В 1940 г. защитил докторскую диссертацию «Использование отечественных растений для получения из них медикаментов стридиндиподобных». Длительное время Николай Павлович работал заведующим кафедрой фармакологии в Омском зооветеринарном институте.

Фармакология – это достаточно трудно усвояемый предмет. Здесь надо знать хотя бы азы латинского языка, химию, физику, токсикологию, физиологию, ботанику и математику. Предмет конкретен, и в основном те студенты, которые записывали преподаваемый материал, хорошо его запоминали. Особые затруднения у студентов вызывало оформление рецептов. Здесь нужны знания латинского языка, а в этом у многих студентов было не все в порядке. Я, часто исправляя уже написанные на доске студентами рецепты, один раз попал в неприятную историю. Был мой урок по патофизиологии. Я зашел в класс, посмотрел на доску и увидел там написанный мелом рецепт. Молодость... Мои мозговые синапсы быстро определи ошибки в рецепте, я их исправил, сказав с иронией, что написавшему рецепт необходимо еще работать над собой. Студенты как-то безразлично отреагировали на мою инсинуацию. Я стал дальше вести урок, попросив студента стереть с доски, что там было написано. По прошествии некоторого времени меня пригласил директор техникума и в домашней, очень не-

притязательной обстановке вспомнил тот инцидент с написанием рецепта на доске. Я, как было, рассказал директору об этом случае. Он мне заметил, что этот рецепт на доске написала преподаватель терапии.

В процессе обучения студентов терапии, синонимом которой является «лечение или уход за животными», студенты уже самостоятельно выписывают рецепты при тех или иных заболеваниях. Оказалось, что этот рецепт на доске в качестве примера для студентов написала преподаватель этого курса, учительница с большим стажем работы в техникуме. Ей, конечно, кто-то из студентов передал мои ироничные замечания об ошибках в рецепте. Она пожаловалась директору техникума. Был неприятный для меня разговор, при котором присутствовала обиженная учительница. Мне было очень неудобно. Мои объяснения о том, что я думал, что рецепт написали студенты, смягчили непростую ситуацию. Надо отметить, что я сам себя больше казнил, чем директор техникума. В общем, конфликт был исчерпан, мои извинения были приняты. Это был большой урок для меня.

Со студентами я быстро сблизился. Мои студенческие годы, проведенные в техникуме, позволили мне выработать характер взаимодействия с моими учащимися. Видимо, и те знания, которые я получил в институте, позволяли мне с пользой доносить до студентов необходимый учебный материал. Использовал я и всевозможные приемы, которые давали возможность переключить внимание студентов на несколько минут, расслабить их для того, чтобы в дальнейшем они более внимательно слушали и записывали лекции. Приведу один такой отвлекающий мысли студентов и ориентирующий их на усвоение знаний. Роб Натан, доктор ветеринарии и ветеринарной больницы Центра Шерона в Медине, штата Огайо США, рассказывал, что одна его клиентка переживала, что у ее кошки никак не проходит ушная инфекция. Оказалось, женщина засовывала таблетки, предназначенные для внутреннего

применения, кошке в наружный слуховой проход. Был общий хохот, студенты взбодрились, а дальше я им говорил: «Вот, будете плохо усваивать материал, уподобитесь той женщине, которая перепутала пасть животного с ухом». Дальше занятия шли своим чередом.

Наш быт, мой и двух коллег по квартире, был достаточно прост. Дежурили по очереди – убирали квартиру, мыли полы и готовили еду. Утром чай с хлебом и маслом плюс колбаска. Тогда колбаса была не в пример сегодняшней – чистое мясо. С обедом обычно каждый из нас сам определялся, где и с кем будет трапезничать. А уже вечером обычно варили в большой кастрюле картофель, в который добавляли 2–3 банки говяжьей тушенки. Надо обязательно испытать на себе, что это была за вкуснятина! Особенно, если тебе 26 лет и ты временно холостякуешь, обходишься без женских хозяйственных рук.

В техникуме существовала кафедра физкультуры, на которой работали два преподавателя. Я так и не уяснил, какими видами спорта занимались эти два взрослых мужчины. Они работали, не особенно сильно загружая физическими процедурами студентов. В связи с этим у молодых ребят оставалось достаточно много физической энергии, которую они изливали по разному. Я узнал, что где-то в коморке одной из комнат нашего Дома культуры хранится штанга. Разыскав ключи от этой комнаты, я обнаружил там 125-килограмовую штангу. По ее виду можно было заключить, что с ней долгое время никто не работал, не держал гриф штанги в руках. Выпросив у директора техникума небольшую комнату, соорудив вместе со студентами из брусьев помост, я и пять-шесть студентов начали потихоньку, как говорят спортсмены, подкачиваться. Мой организм за период сдачи экзаменов, поездки в Темир и двух-трех месяцев работы в качестве преподавателя, конечно, выбыл из обычного тренировочного режима. Этому способствовало и необычное, можно сказать, скудное питание. Однако по сравне-

нию с моими ребятами я был «богатырского» склада. Легко жал и рвал по 100 килограммов, приседал и толкал полную штангу. В глазах студентов я, конечно, выглядел впечатляюще, и они начали понемногу привыкать к железному грифу штанги. Я старался следить за ними, чтобы они постепенно получали физические нагрузки и не травмировали себя. Знал не понаслышке, что штанга – непростой спортивный снаряд. Если не умеешь с ним обращаться, можно нанести себе или окружающим спортсменам тяжелую травму. Студенты копировали с меня весь цикл разминки: легкие приседания, прыжки с места, разминка спины, коленей, рук и плечевого пояса. После этого уже можно было подходить к штанге. Вначале занятия у нас проходили 2 раза в неделю, обычно вечером. Крайне недоставало нам последней стадии тренировочного процесса – принятия, как говорят, водных процедур. Обычно я ополаскивался в своей комнате, а ребята в общежитии холодной водой. Тем не менее, дела шли хорошо, ребята чувствовали себя в физическом плане неплохо, активно усваивали на уроках учебный материал.

На второй день пребывания в техникуме меня вызвал к себе директор техникума Еулесизов и познакомил с интеллигентным, с небольшими усиками человеком, сказав: «Познакомьтесь, это директор нашей школы Н.А. Кунбаев». Я как обычно при этом говорят, сказал: «Мне очень приятно, здравствуйте, я Александр Семенович!». Наша встреча закончилась тем, что меня зажали в угол: просто обязали наряду с преподаванием в техникуме вести уроки химии в школе в 10-м и 11-м классах. Оказывается, в этой школе учитель химии по какой-то причине выехал из Темира, и ученики остались без преподавателя. Видимо, руководители техникума и школы просмотрели оценки в наших дипломах. У меня по всем предметам они были высшего качества, вот и остановились на мне. Я попытался отказаться, но безуспешно. Делать было нечего, пришлось срочно включаться в

эту работу, вспоминать не только азы, но и заглянуть глубоко в проблему органической, неорганической и биологической химии. Особенно необходимо было подтянуть себя в вопросах решения задач по химии. Моя супруга меня здорово выручила: где-то нашла и выслала мне капитальный сборник, в котором было множество задач по химии и их многовариантные решения. Это был для меня просто большущий подарок, который я с успехом использовал в процессе преподавания в школе.

Помню первый урок в школе. Я в костюме с галстуком пришел на урок и увидел множество оценивающих меня любопытных глаз. Ничего более умного сказать не смог, как заявить, что я буду у вас читать курс лекций (как обычно говорят студентам) по химии. Слышу из задних рядов голос высокого, красивого, хорошо сложенного парня (после я узнал его фамилию – Левин), который пробасил: «Читать мы можем сами». Класс насторожился, потому что Левин был лидером и душой класса, и с нетерпением ждал моего ответа на его реплику. Точно, что я ему сказал, не помню, но, видимо, как-то все свел к шутке. Ребята рассмеялись, и далее пошло все как по нотам. Учащимся я прямо сказал: «Ребята, в школе мне не приходилось преподавать, но так получилось, что директор школы выбрал меня из числа молодых преподавателей техникума, поэтому прошу правильно понять создавшуюся ситуацию. Давайте будем с вами вместе изучать этот предмет». Надо прямо сказать, что я к урокам химии готовился больше, чем к своим предметам в техникуме. В техникуме мне было все более знакомо. В памяти сохранились основные элементы лекций, остальное я восполнил из своих записей и учебников, которые я приобрел за период обучения в институте. Тяга к накопительству специальной литературы сидит у меня в крови и до сегодняшнего дня. Большая библиотека из специальной и художественной литературы – это мое хобби. Книги всегда выручают меня при необходимости восполнения каких-либо недостающих

знаний, изречений, целых выдержек определенных событий. Я и сейчас советую студентам покупать любую специальную литературу, какую они нашли в киосках, специальных магазинах, или находить необходимые материалы в Интернете.

Любой преподаватель всегда думает о хороших отношениях с учащимися, создании благоприятной атмосферы на уроках, недопущении всевозможных конфликтов в коллективе. Об этом, конечно, приходилось думать и мне. Студентов техникума объединить в единое целое было намного легче, чем в школе.

В процессе преподавания в школе я в первую очередь определил лидера в классе – Левина. Исходя из этого в ряде случаев я ему уделял больше внимания, чем другим учащимся. Вместе играли в футбол, поддерживал его шутки в коллективе. В целом он был неплохим парнем. Нашему сближению помог один случай. Левин, видимо, считал, что он физически превосходит меня и напросился побороться со мной на пляже. Был воскресный день, многие преподаватели, студенты и учащиеся отдыхали и купались в реке. Там был и я. Я не мог отказать ему и согласился померяться силушкой. Левин не знал, что в его возрасте я активно занимался борьбой и многие вечера отрабатывал различные приемы с братом Борисом. Я быстро скрутил парня и вынудил его в шутку сказать: «Я сдаюсь». После этого случая мой авторитет в школе и техникуме был непререкаем.

В Темир ко мне 2 раза приезжала Лера. Первый раз прилетела на самолете летом. В то время даже в такие отдаленные места можно было без всяких помех добраться на самолете. Самолет был чешского производства, небольшой, юркий, садился на земляную полосу аэродрома. Лера окунулась в мою жизнь, ей было, конечно, интересно, но большого разнообразия в повседневных моих баталиях она не увидела. Лера посетила мои уроки в техникуме и школе. В университете она прошла капитальную подготовку по ме-

тодике преподавания в школе, поэтому я получил от нее очень ценные замечания. Они касались первых минут моего появления в классе, обращения с учащимися, подведения итогов при опросе учащихся, порядке изложения преподаваемого предмета и многого другого. Где-то я был не согласен с моим учителем. Лера раскрыла очень ценные методические приемы преподавания в школе. Да и чему было удивляться? Полученные ею знания в этой области были для меня бесценны, и я стал в дальнейшем опираться на них при проведении занятий в школе и техникуме. Побывала Лера на футбольном матче, где я играл центральным нападающим. Я был молод, здоров, как хороший бычок, и в ее присутствии не мог уйти с поля, не забив в ворота соперника хотя бы один гол. Когда забивал, было много радости среди учащихся и преподавателей, которые тоже были здесь в качестве болельщиков. Погостив с недельку, Лера улетела через Актюбинск в Алма-Ату. Погрустив какое-то время, я окунулся в повседневную жизнь.

Второй раз Лера приехала ко мне зимой. Встретил я ее на железнодорожной станции Шубар-Кудук (раньше ее называли Чибар-Кудук). Сейчас эта станция является центром Темирского района. Расстояние между Темиром и Шубаркудуком 52 километра, доехать можно только автотранспортом. Из Шубаркудука в Темир мы удачно приехали на машине, снега было мало, дорога была накатанная. Что делать зимой? Квартира, приготовление еды хватало на всех четверых, двое из которых были мои соседи по квартире. В техникуме был небольшой кинозал и наша комнатка, где мы занимались тяжелой атлетикой. Днем занятия в техникуме или в школе. Вот и все прелести наших с Лерой будней. Правда, она сходила в Темирскую баню. Это был для нее эксклюзив, так как в Алма-Ате в нашей квартире были все удобства для водных процедур. Ну вот, надо отправлять Леру в Алма-Ату... Как назло, всю неделю шел снег и был сильный буран. Дороги были занесены. Что де-

лать: железнодорожный билет на руках, надо не опоздать на поезд. Решили ехать на машине, оборудованной будкой. Вместе с нами ехало несколько студентов, все мы разместились в будке. Вначале было весело, смеялись, ребята оказались веселые, все шло хорошо. Потом дорогу стало заметать, машина буксовала. Из мужчин нас было двое – шофер и я, поэтому совковой лопатой пришлось работать мне. Уставшие приехали на железнодорожный вокзал за 7–8 часов до прибытия поезда. Вокзальчик на станции был в то время небольшим. Еле-еле мы с Лерой устроились возле входной двери, она легла мне на колени, я, как мог, укрывал и обогревал ее, сам, конечно, замерз до состояния ледышки, но крепился, не подавал виду. Наконец подошел поезд. Я проводил Леру до плацкартного вагона, посадил на место. С грустью попрощались, и она поехала домой. Я нашел свою машину, и мы отправились домой. В общем, эти 50 километров мы одолели примерно за 7 часов. Руки от лопаты были в кровавых мозолях, но как увидели Темир, все встало на свои места, мы – дома. Вот так прошли два визита моей супруги в Темир. Она и сейчас иногда вспоминает те сложные времена. Лера молодец, она часто мне присылала из Алма-Аты посылки с мясными и рыбными консервами, конфетами, печеньем. Все это было дефицитом в Темире, мы в таких случаях кайфовали, ели различные, как нам казалось, деликатесы. Лера, зная, что я болельщик «Кайрата», каждый раз, когда проходила игра команды в Алма-Ате, присылала свой небольшой репортаж в ручной записи, добавляла различные вырезки из газет. Так что я был в курсе всех дел моей любимой футбольной команды. Нет-нет, я и сейчас иногда смотрю репортаж этой команды, вспоминаю прошлые ее игры и игроков. Сейчас я болельщик другого футбольного клуба – ЦСКА. За ЦСКА болел мой папа как военный человек, поэтому переехав в Россию, и я стал активным ее почитателем. О команде я, по-моему, знаю все – от игроков до тренеров. Недавно посетил с друзьями и но-

вый стадион этой команды в Москве, где она играла с английским футбольным клубом «Манчестер- Юнайтед». Игра была хорошая, но ЦСКА проиграл.

Директор техникума, отец большого семейства, хороший семьянин, с уважением относился к учителям, особенно к нам, молодым. Он часто спрашивал меня и других преподавателей о здоровье, о том, как идет учебный процесс, что необходимо для его улучшения. Это нас радовало, и мы старались отплатить директору хорошей работой. Он знал, что я после окончания учебного года вернусь в Алма-Ату, и неоднократно просил меня поработать хотя бы еще год, пока не подберет мне замену в техникуме и в школе. Честно сказать, мне нравилась преподавательская деятельность в техникуме. Нас окружали хорошие люди, был прекрасный личный контакт с учениками. Все жизненные неурядицы меня как-то лично не трогали: я не был избалован бытовым комфортом. Все хорошо, но семья в другом городе и, конечно, сюда она не переедет. Это понимал и директор техникума. Мы оба осознавали, что директору техникума необходимо вновь искать преподавателя по фармакологии и патофизиологии. В том же положении находились и два моих друга – Николай старший и Николай младший. Кажется, что они тоже уехали домой после годичного завершения программы обучения студентов. Подошло время, я выписался в военкомате и уехал в Алма-Ату, опять в непознанное жизненное пространство, так как у меня не было там конкретного места работы.

Итак, отработав преподавателем один год в Актюбинском сельскохозяйственном техникуме, в мае 1966 г. я приехал домой в Алма-Ату. Дома было все хорошо, сыну Коле было два года. Вначале он настороженно относился ко мне, потом освоился и мы с ним в обнимку начали гулять на улице, играть дома в различные игрушки, особенно он любил машинки. В дальнейшем из частых командировок я привозил ему по две-три машины, и у него через несколько лет образовался

целый автопарк, в котором он был главным автомехаником, особенно по разборке имеющегося автотранспорта.

Сходил в институт, получил диплом ветеринарного врача, встал на воинский учет и после этого был готов приступить к новой работе. В аспирантуру я не мог официально оформиться, так как туда принимали после трех лет отработки, а у меня не хватало еще двух лет. Никто мне не подсказал, что я мог поступить в аспирантуру, если бы имел на руках выписку из родного института, рекомендующую меня для поступления в аспирантуру. Но что было, то было. Год прошел для меня недаром. Я за это время окунулся в непростую человеческую жизнь. Познал на себе все горести, а также радостные моменты преподавательской жизни в среднем учебном заведении и школе в сельской глубинке. Понял, что и в таких условиях специалист может себя проявить, набраться опыта, возмужать, окрепнуть, понять почем, как говорят, фунт лиха.

Темир – старый город

Город Темир. Мечеть Ахмета-халфе

Город Темир – жилая хата

Река Темир

Город Темир – вокзал

Преподаватели Актюбинского зооветеринарного техникума

Посещение Валерией Николаевной нашего техникума

Я в кругу преподавателей техникума на отдыхе

Валерия Николаевна с сыном Николаем. Такое фото Лера присылала мне в Темир, чтобы я не забывал сына и ее

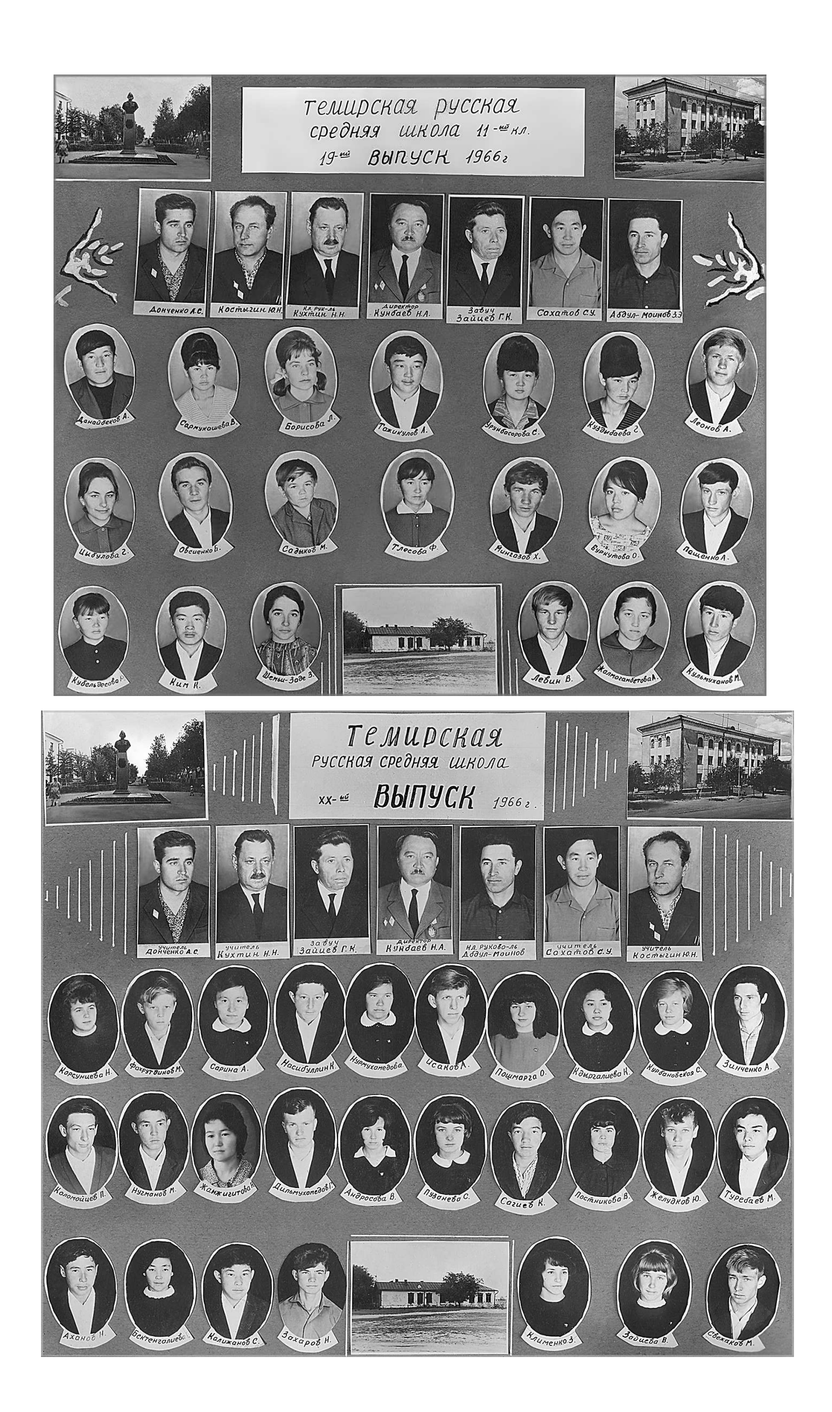
Валерия Николаевна. Такая она была, когда приезжала в Темир

Сыну Николаю 2 года, 1966 г.

Николай, мой сын. Разве можно длительное время жить без своих близких? Темир, 1966 г.

Темирская русская
средняя школа 11-ый кл.
19-ый выпуск 1966 г
Донченко А.С.
Костыгин Ю.Н.
Кл. рук-ль Кухтин Н.Н.
Директор Кунбаев Н.А.
Завуч Зайцев Г.К.
Сахатов С.У.
Абдул-Моинов З.Э.
Данайбеков А.
Сармукашева В.
Борисова Л.
Тажикулов А.
Урунбасорова С.
Куздибаева Г.
Леонов А.
Цыбулова Г.
Овсиенко Б.
Садыков М.
Тлесова Ф.
Мингазов Х.
Буркутова О.
Пащенко А.
Кубельдесова
Ким К.
Шемы-Заде З.
Левин В.
Жалмагамбетова А.
Кульмуханов М.
Темирская
русская средняя школа
XX-ый выпуск 1966 г.
учитель Донченко А.С.
учитель Кухтин Н.Н.
завуч Зайцев Г.К.
директор Кунбаев Н.А.
кл. руково-ль Абдул-Моинов
учитель Сахатов С.У.
учитель Костыгин Ю.Н.
Корсунцева Н.
Фахрутдинов М.
Сарина А.
Насибуллин К.
Нурмухамедова
Исаков А.
Пошмарга О.
Кдыргалиева К.
Курбановская С.
Зинченко А.
Коломойцев П.
Нугманов М.
Жанжигитова Н.
Дильмухамедов Г.
Андросова В.
Пузанева С.
Сагиев К.
Постникова В.
Желудков Ю.
Туребаев М.
Аханов Н.
Бектенгалиева
Калижанов С.
Захаров Н.
Клименко З.
Зайцева В.
Свежаков М.

ГЛАВА 5

ВЕТЕРИНАРНО-ОХРАННАЯ КАРАНТИННАЯ СЛУЖБА – МООП КАЗАХСКОЙ ССР

Если запастись терпением и проявить старание,
то посеянные семена знания непременно дадут всходы.
Корень ученья горек, да плод его сладок.

Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.)

Какое точное высказывание великого ученого, писателя, изобретателя, художника, музыканта, посвященное трансформации специалиста, стремящегося познать себя, жизнь, выбрать ту единственную для себя научную стезю в жизненном пути.

Гораздо позже, перебирая в памяти свой жизненный путь и аналогичное продвижение по служебным лестницам, я всегда удивлялся. Одни ученые двигались в жизни по восходящей научной лестнице: студент, научно-исследовательский институт – от лаборанта до директора, и все в одном научном заведении и одном анклаве. Хорошо это или плохо? Я думаю, жизнь сама в таких случаях расставляет приоритеты. Почему же мне, вроде, неглупому студенту, выходцу из хорошей трудовой семьи, пришлось подниматься по этой жизненной стезе, преодолевая глубокие рытвины и высокие преграды, а не бежать вверх без оглядки. И таких, как я, в нашей бурной и застойной жизни было множество. Видимо, такова судьба, а может, она определена на нашем генном уровне. Вот, где генетика должна приложить максимум своего исследовательского потенциала и в дальнейшем каждому человеку дать возможность исправить недостающие в геноме изъяны. Тогда продвижение по служебной лестнице любого индивидуума будет зависеть только от фенотипических внешнесредовых факторов – умения контактировать с

окружающими коллегами, не прогибаться перед начальством, не врать, не подделываться под общественное мнение, любить и уважать ближнего и еще много-много других фенотипических факторов.

Конечно, это мечта, в жизни так не бывает. Понимая все это, я медленно, но уверенно набирался жизненного опыта. Он был в виде того горького корня, о котором говорит Леонардо да Винчи, вернее, Леонардо, сын господина Пьеро из Винчи. Уж кому-кому, а ему пришлось в жизни преодолевать страшенные ухабы, но в конечном случае он познал сладости плода, держа его в своих руках многие годы.

Вскоре и мне подвернулся счастливый случай. Мое возвращение из Темира в Алма-Ату совпало с окончательной реорганизацией Министерства охраны общественного порядка (МООП) Казахской ССР. По предложению Министерства сельского хозяйства Казахской ССР, ввиду вспышек в республике эпизоотий ящура среди сельскохозяйственных животных в составе МООП Казахской ССР была организована ветеринарно-охранно-карантинная служба.

В главном ветеринарном управлении Министерства сельского хозяйства Казахской ССР подбирали кадры основного звена, то есть тех милицейских офицеров, которые должны служить непосредственно в МООП Казахской ССР. На работе Лера поделилась в кругу сотрудников своей лаборатории о возникшей ситуации с моим трудоустройством. Одна сотрудница обещала поговорить об этом со своим одноклассником Гавриловым. На другой день она дала его телефон и адрес. Я переговорил с ним по телефону, и он назначил мне время и место встречи. К большому моему удивлению, Гаврилова я нашел в ветеринарном отделе областного управления сельского хозяйства Алма-Атинской области, которым он руководил. Выслушав мою короткую биографию, посмотрев отметки в дипломе, он тут же переговорил с кем-то по телефону и, написав адрес на бумажке, сказал, чтобы я на следующий день прибыл по этому адресу и обратился в отдел кадров. Когда я

прочитал адрес, то понял, что это место расположения МООП Казахской ССР. Кстати, оно находилось на улице Калинина, практически в двух кварталах от нашего дома. Утром я был в отделе кадров министерства. Там мне выдали направление на обследование в министерскую поликлинику. На следующий день я начал сдавать анализы, был полностью уверен, что здесь-то у меня не будет никаких сбоев: мне 28 лет, занимаюсь спортом, на теле нет ни одной жиринки. Так и получилось, все анализы были прекрасными. Но вдруг внутрикожная проба на внутренней стороне запястья показала положительный результат на бруцеллезный антиген. На руке образовалась большая красная припухлость – положительная внутрикожная реакция. Я в трансе, в голове все перевернулось, все это, видимо, отразилось на моем лице. Врач, читавшая реакцию, с большим сочувствием смотрела на меня, очень хотела помочь, но не знала как. Так и сидели с ней друг против друга, потом она начала что-то писать. Вдруг внимательно всмотрелась в документ, где была написана моя фамилия и говорит: «Донченко, Донченко, где я слышала вашу фамилию?». Потом ударила себя по лбу и говорит: «Конечно, от папы. Вы знаете Баркана?». Я ответил: «Это был наш любимый заведующий клиникой, где мы дежурили, ухаживая за животными, а потом он был нашим деканом». Врач говорит: «Я его дочь, поэтому я обязательно тебе помогу. Давай так, на читку реакции ты подойдешь через два дня». Так я и сделал. Через два дня я показал руку ей и еще другому врачу в милицейских погонах. Они признали мою реакцию отрицательной и выдали все необходимые документы для передачи в отдел кадров, куда я их сразу же и отнес. Эту женщину, моего ангела-хранителя, я буду помнить до конца своей жизни. С ее легкой руки и пошла моя дальнейшая жизнь по восходящей, конечно, с перепадами, как говорят в эпизоотологии, по спирали.

Через несколько дней мне позвонили и назначили день и время моего прихода на работу, а также номер кабинета пребывания на службе. Я приступил к работе в качестве ин-

спектора, ветеринарного врача МООП Казахской ССР в чине лейтенанта милиции 9 августа 1966 г. Мне выдали форму, все необходимые принадлежности для работы, а также личный документ, по которому я мог представляться по работе и проходить через КПП МООП Казахской ССР.

Основной задачей нашего подразделения было оказание содействия областным и местным ветеринарным органам в организации контроля за выполнением охранно-карантинных мероприятий, предусмотренных Ветеринарным уставом Союза ССР на территории Казахской ССР при возникновении инфекционных заболеваний. В первые годы мы в основном занимались обеспечением охранно-карантинных мероприятий в очагах такого зоонозного заболевания, как ящур сельскохозяйственных животных. В те годы в Казахстане ящур свирепствовал. Этим в первую очередь и была вызвана организация нашей службы для того, чтобы иметь возможность использования прав милиции в наведении порядка в очагах этого зооноза.

Руководителем нашей службой был подполковник Мамбетжан Ажгиреевич Галиев. Он до этого служил в армии, в чине майора перешел работать на гражданку, где дослужился до старшего ветеринарного врача МСХ Казахской ССР. Министерством он был командирован в МООП Казахской ССР в качестве начальника отдела ветеринарной охранно-карантинной службы. Вскоре отдел был сформирован, в него вошли пять инспекторов: Небольсин, Тарасенко, Унгаров (мой однокурсник по институту) и Егоров. С Виктором Егоровым я в дальнейшем подружился, часто ездил в командировки.

Для того чтобы мы вошли в суть милицейской службы, заместителем начальника нашего отдела назначили истинного милиционера – подполковника милиции Василия Захаровича Варенникова. Это был прекрасный человек, служака. Нам он привил милицейские порядки, вежливость, отстаивание своих прав, неуклонное выполнение возложенных обязанностей.

Министерство охраны общественного порядка СССР (МООП СССР) было организовано 26 июня 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Министром этого учреждения был назначен генерал армии Н.А. Щелоков (1910–1982 гг.). В начальный период организации ветеринарно-охранной карантинной службы в МООП Казахской ССР министром был Дмитрий Александрович Панков, генерал внутренней службы третьего ранга. Примерно на втором году моей службы в МООП Казахской ССР Д.А. Панкова заменил Шракбек Кабылбаевич Кабылбаев (1908–1975 гг.). В то время многоопытные юристы считали, что он был одним из лучших министров системы МВД – МООП Казахской ССР. В настоящее время его имя носит Кустанайская юридическая академия.

Ш.К. Кабылбаев окончил педагогическое училище, затем работал в нем преподавателем. Однако после службы в армии его откомандировали в органы НКВД. Затем были 16 лет работы в ЦК Компартии Казахской ССР, в том числе в секретной части. Любопытно, что в 1943 г. ему присвоили специальное звание «младший лейтенант». В августе 1954 г. постановлением ЦК КПСС Кабылбаев был утвержден на должность министра внутренних дел. И сразу получил звание полковника. А уже через два с половиной года стал генералом внутренней службы третьего ранга. Следующее звание – генерал-лейтенант – ему присвоили, когда вернули на должность министра МВД в 1967 г.

Почему тогдашнему руководству республики так нужен был Шракбек Кабылбаев? В тот период времени имидж милиции так же, как и ее профессионализм, резко упал. Потребовались люди – не слепые исполнители чужой воли, а инициативные, мыслящие. Ш. Кабылбаев был одним из них. При нем в МВД пришли высококвалифицированные юристы, эксперты. Он многое успел сделать для укрепления казахстанской милиции. Прежде всего перед ним была поставлена задача – вновь поднять престиж профессии. Ог-

ромными тиражами вышли книги о милиции под общей редакцией и со статьями Ш. Кабылбаева – «Синие шинели», «Преступления могло не быть», «Особое назначение», «Бессонный патруль»...

У этого легендарного генерала первичной была совесть. Таким он воспринимался и в нашем коллективе. Он ушел в отставку в 65 лет и прожил после этого всего 2 года. Недавно в Кустанайской юридической академии открылся музей Шракбека Кабылбаева.

Мы, молодые офицеры, нашего министра видели издалека или на редких общих собраниях офицерского коллектива, куда нас, низших чинов, приглашали редко. Мне посчастливилось один раз пожать ему руку, когда он вручал офицерам награды, где и мне была вручена медаль «50 лет советской милиции» (1917–1967 гг.). За весь период работы в Казахстане это была вторая моя награда, первая – медаль «За освоение целинных и залежных земель».

Непосредственно руководство нашего отдела по специальным милицейским делам подчинялось генерал-майору Ахмету Тумарбековичу Тумарбекову (1923–2003 гг.). А.Т. Тумарбеков родился в Баян-Аульской волости Павлодарского уезда Семипалатинской губернии Казахстана. Он окончил Ленинградское военно-политическое училище имени Энгельса. Член ВКП(б) с 1943 г. В сентябре 1942 г. был призван на военную службу и уже в 1943 г. принял участие в боевых действиях с фашистскими оккупантами под Курском. Что интересно, в это время мой отец, Семен Васильевич Донченко, также принимал участие в битве на Курской дуге, где фашистам было нанесено чувствительное поражение. А.Т. Тумарбеков был ранен. После получения высшего образования Ахмет Тумарбекович перешел работать в МВД Казахской ССР. С 1960 по 1982 г. занимал должность заместителя министра МВД (в МООП) Казахской ССР. С Ахметом Тумарбековичем даже мы, младшие офицеры, часто встречались на различных

совещаниях и семинарах. В некоторых случаях он нас консультировал при командировках за пределами Алма-Атинской области. На каком-то из таких занятий он спросил нас: «Какое самое главное оружие всегда должно быть у милиционера при себе?». Конечно, первым делом был назван пистолет. Ахмет Тумарбекович улыбнулся и вытащил из кармана свисток и с пафосом, подняв этот крошечный предмет над собой, сказал: «Видите, запомните!». Для нас это был настоящий урок. Ношение оружия, конечно, оберегало милиционера от многих напастей, но и влекло за собой большие обязанности. А пронзительный милицейский звук, издаваемый свистком, отрезвлял почти любого хулигана. Я это не раз испытывал на себе, когда участвовал в патрулировании улиц Алма-Аты.

В наш отдел были подобраны очень порядочные, грамотные специалисты. Среди нас, как мне казалось, очень быстро вошел в милицейское сообщество Анатолий Тараенко. Он всегда был подтянут, форма выглажена, отвечал на вопросы старших по чину с армейским выкладом. Не случайно он впоследствии перешел вначале в аналитическую лабораторию, а потом в отдел кадров министерства. Позднее он заочно окончил специальное высшее милицейское учреждение, получил юридическое образование, и как мне говорили, дослужился до полковника внутренней службы.

Самым старшим по возрасту инспектором был капитан Небольсин. Он был очень осторожным в своих высказываниях по специальным вопросам, немного боялся руководства, старался безоговорочно выполнять любые поручения начальства. За это его уважало начальство отдела и ставило нам в пример.

С инспектором Унгаровым мы были однокурсниками, но во время учебы в институте близко не общались. Тем не менее, работали в отделе с учетом того, что вышли из одного высшего образовательного учреждения, довольно близко общались как по специальности, так и по личным вопросам. Унгаров, как

мне сообщили однокурсники, дослужился до полковника. Наверное, сейчас находится на заслуженном отдыхе.

Наш отдел был головным в МООП Казахской ССР. В областях по нашей аналогии были созданы соответствующие отделы с двумя-тремя офицерами и с десятком милиционеров. Когда нас отправляли в командировки, то мы непосредственно работали с сотрудниками наших отделов соответствующей области Казахстана. Первый раз меня и инспектора В. Егорова командировали в село Георгиевка (с 1995 г. – Кордай). Джамбульской (Жамбульская) области Курдайского (Кордайский) района по поводу уточнения эпизоотической ситуации по ящуру крупного рогатого скота.

Георгиевка – районный центр, расположенный в приграничной зоне Казахстана и Киргизии. Село расположено вдоль русла реки Чу в 25 километрах от столицы Киргизии Фрунзе (Бишкек). Село основано в 1892 г. семьями крестьян, приехавшими из центральных районов Российской империи. Жилые помещения крестьяне строили вдоль трассы, по которой приезжали обозы с переселенцами. Георгиевка расположена выше уровня моря на 631 метр. В период нашего пребывания нас поразила красота окрестностей и само село, которое утопало в зелени. Население в Георгиевке было около 15 тысяч человек (в настоящее время – более 30 тысяч). Недалеко от села был расположен гранитный карьер. Здесь добывали очень качественный гранит, которым был облицован Мавзолей Ленина на Красной площади, впоследствии – станция метро Международная.

Прибыв в Георгиевку, работу начали с уточнения числа крупного рогатого скота у владельцев животных в селе. Таких животных было более 600 голов, сосредоточенных в три стада, которые выпасали на разных участках вокруг села. Опасность заноса ящура была из Киргизии, где были отмечены вспышки этого зооноза, особенно с автотранспортом, шедшим по трассе Фрунзе – Алма-Ата. Совместно с местной милицией установили оборудованный дезобарьером пост,

который круглосуточно обслуживали ветеринарные врачи с дезоустановкой Комарова (ДК) и прикомандированные к ним два-три вооруженных милиционера. В дальнейшем в борьбе с заносом ящура в Георгиевку в работе поста принимал участие вооруженный наряд военнослужащих.

Почему была организована такая затратная охранная организация поста? Ящур – заразное заболевание, болеют животные (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, верблюды, дикие животные), а также обслуживающие животных люди, особенно доярки и дети.

Возбудитель ящура – РНК-содержащий вирус. Установлено семь серотипов и более 80 вариантов вируса ящура. Типы и варианты различаются иммунологически: каждый из них может вызывать заболевание животного, даже имеющего иммунитет к другим типам и вариантам вируса. Вирус ящура устойчив во внешней среде. На шерстном покрове животных он сохраняется до 50 дней, на одежде – до 100, в кормах и почве – до 150. Вирус устойчив к эфиру, хлороформу, четыреххлористому углероду, инактивируется 1%-м раствором фенола, 75%-м этиловым спиртом. Лучшим дезинфицирующим средством для уничтожения вируса ящура является использование 2–3%-го горячего раствора едкого натрия и 1%-го раствора формальдегида.

Источником возбудителя инфекции являются больные ящуром животные, а также животные-реконвалесценты, которые длительное время могут быть вирусоносителями. Вирус ящура передается в основном алиментарным и аэрогенным путями. В хозяйствах он заносится при контакте здоровых животных с больными (переболевшими), в том числе дикими животными при пастьбе, водопое, перегонах, с инфицированными кормами, водой, а также при использовании молока от больных животных, при завозе продуктов убоя больных (переболевших) животных, при использовании в корм необезвреженных кухонных отходов. Возбудитель инфекции распространяется с ветром (мелкие частицы

корма, слюна, пыль и т.п.), с инфицированными (загрязненными) предметами ухода, одеждой и обувью ухаживающего персонала, транспортными средствами. Чтобы не допустить заноса возбудителя ящура в стаде здоровых животных, очень важен тщательный контроль за перемещением животных и продуктов животного происхождения, проведения мероприятий по предотвращению заноса вируса ящура на животноводческие фермы, соблюдение режима «предприятий закрытого типа», проведение профилактической вакцинации животных в зонах высокой степени риска заноса и распространения болезни. Также в первую очередь необходима ликвидация больных или всех, контактирующих с ними животных в очагах инфекции, и, конечно, строгое соблюдение системы карантинных мероприятий. Вот этими вопросами мы с Виктором и занимались в период нашей командировки (около месяца) в селе Георгиевка.

По приезде мы в первую очередь уточнили возможные пути заноса вируса ящура на территорию Казахстана, а конкретнее, в Георгиевку, и в первую очередь из Кыргыстана. В этой республике с 1966 г. были отмечены вспышки ящура в стадах крупного рогатого скота, а также случаи падежа животных. Так, по данным Тохтубая Белеко (1999 г.) с 1966 по 1975 г. в республике имелось 139 неблагополучных пунктов ящура крупного рогатого скота. Наибольшее количество их выявлено в хозяйствах Ошской области, где заболели ящуром 580,5 тысячи голов крупного рогатого скота, пали 1100 голов. Отмечены случаи заболевания ящуром и мелкого рогатого скота и свиней.

Руководство ветеринарной службы Казахстана, понимая опасность возможного заражения животных ящуром, особенно на приграничных к Кыргыстану территориях, начало активно проводить ветеринарно-санитарные мероприятия по охране своего скота в смежных территориях. Как было установлено, основной путь заноса вируса ящура на территорию Курдайского района с территории Кыргыстана возможен по автомобильной трассе Фрунзе – Алма-Ата. В связи с этим на

мосту реки Чу, разделяющую две республики и выставили капитальный охранно-карантинный пост. За проезжающими машинами, повозками и проходящими через мост жителями осуществляли контроль милиция и военнослужащие при содействии ветеринарных специалистов. Ветеринарно-санитарную обработку приходящего автотранспорта проводили специально обученные ветеринарные специалисты. Машины, повозки обрабатывали специальными дезинфектантами, растворенными в теплой воде. Просматривали ввозимую продукцию, мясо животных обязательно утилизировали. Все это приводило к большим коллизиям между людьми, провозившим продукцию, и работниками поста. Прошел вал заявлений в советско-партийные органы, милицию, прокуратуру. В этом случае гарантом споров служили мы с Виктором как служащие МООП Казахской ССР. Мы днями и ночами разбирали, анализировали заявления граждан в различные инстанции и давали по ним заключения. Это было одно из наших повседневных обязанностей как представителей МООП Казахской ССР. Вторая наша, не менее трудоемкая, работа заключалась в организации охранно-карантинных мероприятий по недопущению вируса ящура в стада крупного рогатого скота, особенно к животным личных подворий. Мы определили направления и территории, где они должны были выпасаться. Провели собеседование с пастухами, выпасающих животных, а также с жителями села. Для этого провели поквартальные совещания-беседы. Жителям, владельцам скота, пытались донести весь комплекс ветеринарно-санитарных правил, выполнение которых позволило бы надежно охранять их скот от заражения вирусом.

Такая работа проводилась и в животноводческих хозяйствах (совхозах, колхозах) Курдайского района нами и районной ветеринарной службой. Все это проходило на достаточно серьезной профессиональной основе. В этом активную помощь нам оказывали руководители партийных и советских органов власти района. К нам с целью ознакомления с орга-

низацией проводимых охранно-карантинных мероприятий в районе приезжал первый секретарь Джамбульского обкома Компартии Казахстана Б.С. Садвакасов (1915–1983 гг.). Мне и раньше приходилось встречаться с Бименде Садвакасовичем на совещаниях и различных торжественных праздниках, проводимых как в Алма-Ате, так и в Чимкентской, Джамбульской и Талды-Курганской областях, где он возглавлял советско-партийные органы и власти. Это был скромный, внимательный к сельхозработникам руководитель, хорошо знающий технологии сельскохозяйственного производства, и, к моему удивлению, свободно ориентирующийся в вопросах ветеринарии. Его посещение ветеринарной, медицинской и милицейской службы настроило нас на качественное выполнение одной цели – не допустить заболевания ящуром скота личных подворий жителей сел Курдайского района. Этим мы и занимались с утра до глубокой ночи. Приходилось по ночам проверять, как работают посты. Их число через 10–15 суток увеличилось до семи, они были выставлены и на другие участки трассы Фрунзе – Алма-Ата. Кроме этого, по утрам и вечерам проверяли возвращающийся с пастбищ скот, просматривали, нет ли у животных истечений из ротовой полости. При подозрении осматривали слизистую ротовой полости на наличие афт, обращали внимание на возможность появления хромоты у идущих животных. К слову сказать, такие клинические признаки при ящуре у крупного рогатого скота впервые описал в 1546 г. врач Д. Фракастро. Аналогичную картину для людей (афтозные поражения между пальцами рук и слизистой ротовой полости у детей) описали гораздо позднее немецкие ученые Фрош и Леффлер, доказавшие в 1897 г. вирусную природу этого заболевания.

Через месяц закончилась наша с Виктором командировка. Вместо нас приехали ветеринарные врачи из эпизоотряда Министерства сельского хозяйства Казахской ССР. В письменном виде отчитались перед руководством нашего отдела, в устной форме – перед начальником главка ветеринарии ми-

нистерства, очень толковым и высококвалифицированным специалистом Абишевым. После командировки мы были переключены на другие служебные дела. В частности, нас использовали в качестве помощников дежурных по министерству. На дежурство заступали вечером и дежурили до утра. Главными дежурными были постоянно работающие на этой должности старшие офицеры – подполковники внутренней службы. Опытные офицеры в первые дни дежурства обучили нас, как поступать при различных вызовах, куда передавать информацию, работе по ВЧ. При необходимости мы выезжали как представители Министерства охраны общественного порядка Казахской ССР на различные инциденты, семейные ссоры, пьяные дебоши, различные ночные кражи и др. Кроме этого, были специально отведенные для сотрудников нашего отдела дни, когда мы вместе с другими службами Министерства охраны общественного порядка дежурили по вечерам на улицах Алма-Аты. В общем, все рабочие дни у нас были достаточно загружены.

Работая в министерстве, я активно тренировался в зале «Динамо», стал членом этого общества, выступал на соревнованиях, имел от него небольшое денежное пособие.

Прошло примерно полтора месяца после нашей с Виктором командировки в Чуйский район, как меня одного вновь командировали в Георгиевку. В близлежащем от села хозяйстве отмечено заболевание ящуром крупного рогатого скота. Видимо, все же проводимые охранно-карантинные мероприятия не позволили предотвратить занос вируса ящура в это хозяйство.

Приехав в Георгиевку, посетил главного врача района. На следующее утро мы с ним выехали в ящурный очаг. Здесь уже находился начальник ветслужбы Джамбульской области Никитенко. Он был своеобразным руководителем с большой ветеринарной практикой и крестьянским, соответственным с окружающими его работниками – скотниками, доярками, пастухами, веттехниками – характером. Он любил шутку, сам много шутил, но в его шутках было многооб-

разие в их понимании и трактовке. Когда мы констатировали у нескольких коров слюнотечение из ротовой и носовой полости и множество афт на ротовой полости, он сказал веттехнику: «Боря, бери "квач" (палка обернутая тканью), ведро с креолином и обрабатывай рот этой группе животных, так мы их быстро вылечим». Я в развитие его то ли шутки, то ли команды при всей нашей команде говорю, обращаясь к веттехнику: «И начинай лечить животных, обрабатывая "квачем" вначале больных, а потом переходим на здоровых животных». Сразу возникло недоумение, потом все засмеялись. Мне пришлось, как можно строже, сказать: «Прекратить, надо больных отделить от здоровых, а здоровых вакцинировать». Это было правильное решение, возражений не было. В таком плане и стали действовать.

Никитенко хотел действовать так, как решали вопрос борьбы с ящуром 15–20 лет тому назад. Животных перезаражали вирусом с помощью того же «квача». Такие животные переболевали ящуром в легкой форме, у них происходило самовыздоровление. Карантин снимали через 21 день после последнего случая выздоровления. Однако так бывает не всегда. Обычно этот способ, основанный на перезаражении, ведет к большому отходу животных, которых сдают на мясокомбинат, где подвергают убою. Мясо и внутренние органы перерабатывают на вареные колбасы. Самый эффективный способ ликвидации ящура у животных – убой больных животных и вакцинация условно здоровых. Здесь обязателен весь комплекс ветеринарно-санитарных мероприятий. При вакцинации необходима обязательная изоляция животных и индикация вируса ящура, который персистирует на животных, с целью изготовления специфической к этому вирусу противоящурной вакцины.

Что интересно, в то время в Казахской ССР и ряде других субъектах СССР вакцины изготавливали в регионах. В Новосибирске противоящурную вакцину изготавливали в лаборатории ящура Новосибирской НИВС, которую возглавлял

будущий академик ВАСХНИЛ, директор ИЭВСиДВ СО РАСХН (мой будущий директор) Алексей Александрович Свиридов. В Казахской ССР такую работу проводили в КазНИВИ. Возглавлял эту работу кандидат ветеринарных наук (будущий доктор ветеринарных наук) Василий Иванович Киндяков (1901–1985 гг.), известный вирусолог в Казахстане.

В.И. Киндяков родился в Астрахани в семье рабочего. В 1931 г. окончил Саратовский государственный зооветеринарный институт. В 1936 г. он начал работать в КазНИВИ. В 1945 г. в Алма-Атинском зооветеринарном институте он защитил кандидатскую диссертацию «Плюралитет типов вируса ящура на территории Казахской ССР». В 1971 г. в этом же учебном заведении защитил докторскую диссертацию «Материалы по изучению ящура в Казахстане».

Под руководством В.И. Киндякова были сконструирована противоящуровая вакцина КазНИВИ из автозного вируса ящура и противоящуровая вакцина гидроокисьалюминиевая концентрированная тканевая бивалентная формолвакцина, которыми с успехом вакцинировали миллионы голов различного вида животных в Казахстане.

Мне, молодому специалисту, пришлось общаться с Василием Ивановичем. Перед тем, как повторно ехать в село Георгиевку Курдайского района, я пошел к нему проконсультироваться по вопросам диагностики, специфической профилактики и организации противоящурных мероприятий в ящурных очагах. Тем более, ящур я знал в то время только практически по лекциям и книгам, которые смог найти. Через моего начальника отдела М.А. Галиева договорились о встрече с Василием Ивановичем. Я минута в минуту был в его кабинете. Тогда ящурная лаборатория была расположена отдельно через дорогу от КазНИВИ. Василий Иванович из-под густых бровей посмотрел на меня и похвалил за точность моего появления у него в лаборатории. Видимо, он уже немного был обо мне осведомлен, поэтому сразу, зная, что я новичок в этом деле, стал рассказывать основные моменты, с

которыми я могу встретиться в ящурном очаге крупного рогатого скота. Хорошо подзарядившись от него в научном плане, взяв подаренную им методику по специфической профилактике ящура, я готов был к командировке.

Впоследствии мне не раз приходилось советоваться с Василием Ивановичем. Когда я уже был аспирантом этого института, он мне как-то сказал: «Почему не пошел ко мне в аспирантуру?». Видимо, я ему как настырный ветеринар понравился. Однако жизнь сама определяет наше место в этом мире. Позже я многократно общался с его сыном и дочерью, которые тоже работали в институте. В это же время в институте работала младшим научным сотрудником и моя супруга Лера.

Поднаторев теоретически, я приехал в ящурный очаг, где находились больные ящуром животные. До моего приезда ветеринарная служба и милиция решили провести рейд по личным подворьям жителей села, так как недалеко от ящурного очага располагалась ферма с крупным рогатым скотом, среди которых были отмечены поражения животных вирусом ящура. Животных с явной клиникой к моему приезду уже убили и ждали завоза ящурной вакцины для обработки животных. Ветеринарные специалисты в трех дворах обнаружили подозрительных в отношении ящура животных. Недолго думая, они и милиционеры вывели таких животных из загонов и на глазах жителей и владельцев начали их расстреливать из пистолетов. Одну корову убили и заволокли ее на тракторную тележку, пошли убивать вторую. К изумлению врачей, особенно милиции, жители близлежащих домов окружили членов бригады, проводивших убой скота, взяли в кольцо и наставили на них вилы. Был грандиозный скандал. Забойщики, если их так можно назвать, ретировались, скот вернули в загоны. Жители потребовали прислать других ветспециалистов, что и было сделано. Они исключили ящур у намеченных для убоя коров. Были и слезы, и гнев, и угрозы людей в отношении ветеринарной

службы и милиции. В дальнейшем были сделаны надлежащие выводы, население успокоилось, владельцу убитого животного компенсировали стоимость коровы.

Приехав в хозяйство, я занялся организацией вакцинации скота, охраной здоровых животных и пастеризацией молочной продукции. Все это было не так просто сделать. Приходилось где-то ругаться, чаще убедительно просить, доказывать. Вот здесь очень помогли моя милицейская форма и статус инспектора МООП Казахской ССР. В совокупности все наши действия возымели ответные реакции, которые положительно сказались на решении намеченных мероприятий. После вакцинации животных за ними наблюдали три недели, боялись, что живая противоящурная вакцина вызовет клиническую форму проявления ящура, если она будет привита инфицированному вирусом ящура скоту. Все прошло благополучно. Одновременно с этим практическая ветеринарная служба проводила охранно-карантинные мероприятия (очистку животноводческих помещений, выгульных дворов, дезинфекцию инвентаря, транспортных средств, различного оборудования). Составив комиссионно акт о проделанной работе, доложив ее результаты руководителям партийно-советским органам и милицейскому местному начальству, я отбыл домой в Алма-Ату. Приехав в министерство, к акту добавил письменное сообщение о проведенной работе, доложил своему непосредственному начальству, а позже начальнику ветеринарного управления МСХ Казахской ССР и В.И. Киндякову согласно нашей с ним договоренности. Василий Иванович внимательно прочитал представленные ему документы, задал несколько вопросов, особенно в отношении того, как себя чувствовали животные на введение вакцины. Видимо, был удовлетворен проделанной работой, напоил меня чаем, пожал руку, и на этом мы расстались.

Я подробно описал свои хождения по начальству, так как хочу подчеркнуть, что все инспекторы в таком плане отчитывались по окончании командировок. Нашу работу контроли-

ровало не только руководство МООП Казахской ССР, но и ветеринарное управление МСХ Казахской ССР. Мы все это чувствовали, поэтому в командировках прилежно выполняли ветеринарные мероприятия и были осмотрительны в быту.

Следующая командировка была в Кустанайскую область. Ветеринарная служба области стала сигнализировать в МСХ Казахской ССР, что отмечаются частые случаи прорыва иммунитета при вакцинации крупного рогатого скота ящурной вакциной, изготовленной в КазНИВИ. Мне дали задание разобраться с этим вопросом. По прибытии в город Кустанай, устроившись в гостиницу, я поехал доложить о своем прибытии начальнику ветеринарного отдела области Н.Ж. Жанузанову.

Нурман Жанузанович Жанузанов (1931–1997 гг.) как ветеринарный специалист и ученый был знаменательной фигурой ветеринарного сообщества в Казахстане. Родился он в поселке Чапаево Чапаевского района Уральской области в семье служащего. В 1954 г. окончил Алма-Атинский зооветеринарный институт, ему была присвоена квалификация ветеринарного врача. Мне в дальнейшем довелось часто встречаться с Нурманом Жанузановичем. Между собой мы его называли на казахский лад – Нуреке. Это был по натуре очень живой человек, с острым умом, хорошо ориентировался в практических и научных вопросах и, как говорили его сослуживцы, был строг на работе. В обращении с нами, молодыми специалистами, я не увидел с его стороны какого-то высокомерия. В дальнейшем он стал руководить всей ветеринарной службой Казахстана, защитил кандидатскую диссертацию «Особенности эпизоотологии и совершенствование мер борьбы с сибирской язвой в Казахской ССР», был назначен директором КазНИВИ.

Я представился Нурману Жанузановичу. Он также был озадачен, как он сказал, «недостаточными протективными свойствами противоящурной вакцины КазНИВИ». Н.Ж. Жанузанов наметил мой маршрут по хозяйствам области, выде-

лил сопровождающего меня ветеринарного врача и машину. Объездив около десяти хозяйств, сделав анализ эпизоотического состояния стад по ящуру, подтвердив случаи прорыва иммунитета у привитых противоящурной вакциной животных, мы подготовили актирующие документы. Сопровождающий врач, довольный моими действиями, начал меня агитировать возвратиться в Кустанай. Все было, вроде, ясно. Только на один вопрос я не мог сформулировать ответ: почему у применяемой в хозяйствах серии ящурной вакцины КазНИВИ такие слабые иммуногенные свойства. Я позвонил В.И. Киндякову, вкратце рассказал о моей проверке состояния стад крупного рогатого скота по ящуру и проведенной работе по выявлению в хозяйствах напряженности иммунитета у привитых ящурной вакциной животных, передал ему номера серий вакцины. Василий Иванович одобрил мою работу и сказал: «Мы в лаборатории еще раз определим иммуногенные свойства указанных вами серий вакцины, после чего я вам перезвоню». Ожидая от него звонка, мы с сопровождающим ветеринарным специалистом поехали дальше по хозяйствам, чтобы еще раз попытаться установить причину слабой иммунной защиты животных, привитых ящурной вакциной, изготовленной в КазНИВИ. В хозяйствах мы обращали внимание на физиологическое состояние животных, устанавливали, кто прививал их вакциной, как обрабатывали, стерилизовали ли шприцы, всех ли животных поголовно вакцинировали. Все, вроде, было сделано в пределах надлежащих ветеринарных правил. Мы решили посетить еще одно из больших по числу содержащихся животных хозяйство. Там были отмечены значительные прорывы иммунитета у привитых противоящурной вакциной животных. К моему удивлению и радости, главным врачом этого хозяйства оказался мой однокурсник и даже одногруппник М. Акназаров. Мы были очень рады, обнялись, вспомнили наши студенческие будни. Он показал нам хозяйство, осмотрели животных, которые были на выпасах. Время было летнее (июнь – июль), прекрасная погода, яркое солнце,

высокая трава. Животные были упитанные и радовали глаз. После ознакомления с ветеринарными документами, в том числе актами расхода и утилизации вакцины, мой однокурсник предложил перекусить, как это принято в хороших семьях. Немного отдохнув, решили вернуться в Кустанай. Мой друг решил показать свое личное хозяйство. Оно было впечатляющим, видно было, что М. Акназаров был здесь не временщиком, капитально обосновался. Я невольно обратил внимание на какие-то ящики, прикрытые черной накидкой. Я спросил своего товарища: «Что это у тебя здесь хранится?». Он без всякого напряжения в голосе сказал: «Это противоящурная вакцина». Я был очень удивлен. Спросил: «Ее только что завезли?» И получил ответ: «Нет, она здесь все время у меня находится, так как другого подходящего места у нас нет». Весь наш нелицеприятный разговор приводить не буду. Я был вынужден составить акт, и с этим актом мы поехали в Кустанай. На следующий день договорились с моим сопровождающим не оповещать ветслужбу о ненадлежащем хранении противоящурной вакцины в проверенном хозяйстве, посетить еще несколько хозяйств, где нами были отмечены прорывы иммунитета у вакцинированного крупного рогатого скота ящурной вакциной. Примерно такая же ситуация по хранению вакцины была и в этих хозяйствах. Мы составили акты и были готовы доложить сначала руководству Кустанайской области и далее по инстанциям. Вечером мне позвонил Василий Иванович Киндяков, сообщил, что все серии вакцины, направленные в Кустанайскую область, стандартные, хорошего качества. Он просил меня обратить внимание на хранение вакцины на местах. Я пообещал это сделать, хотя ответ на его просьбу у меня уже лежал в папке.

Подытожив результаты нашей поездки, мы пошли Н.Ж. Жанузанову для доклада о проделанной работе. Он был, конечно, очень расстроен и попросил меня задержаться еще на двое суток, пока лично не проверит условия хранения вакцины в тех хозяйствах, которые мы посетили,

и не наведет там порядок. Надлежащее хранение вакцины Н.Ж. Жанузанов решил в течение нескольких суток. Всю вакцину, хранящуюся в неблагоприятных условиях, по его распоряжению перевезли в Кустанай, разместили в хладобойне мясокомбината. На второй день у меня с Нурманом Жанузановичем состоялся откровенный разговор. Он попросил меня осветить историю с прорывом иммунитета у животных в хозяйствах области в несколько смягченных тонах. Нурман Жанузанович был человек с прямым характером. Без всяких обиняков мне сказал: «Алеке (ласковое слово – Саша), если все это будет известно в Алма-Ате, то у меня оборвется карьера, так как меня пригласили работать в Главветуправление МСХ Казахской ССР». При этом добавил, что все наши замечания уже практически устранены. Я позвонил своему непосредственному начальнику подполковнику милиции М.А. Галиеву. Зная его хорошие отношения с Н.Ж. Жанузановым, рассказал о сложившейся неординарной ситуации. Он разрешил мне вернуться в Алма-Ату. Доложив подробнее М.А. Галиеву о проделанной работе, сдав документы, стал готовиться к следующей командировке. Как руководство и ветеринарная служба министерства решали судьбу моего отчета, я не знаю, но в августе 1968 г. Н.Ж. Жанузанов был переведен из Кустанайской области в МСХ Казахской ССР на должность начальника противоэпизоотического отдела Главного ветеринарного управления МСХ Казахской ССР. Практически он стал куратором нашего отдела ветеринарно-охранно-карантинной службы МООП Казахской ССР со стороны Министерства сельского хозяйства. В дальнейшем мне пришлось с Н.Ж. Жанузановым неоднократно решать производственные и научные задачи. Никаких напоминаний с его стороны по возникшей проблеме у меня с Н.Ж. Жанузановым не было.

Я так подробно остановился на этой командировке, так как хотел осветить непростую жизнь молодого офицера – ве-

теринарного врача, попавшего в жернова взаимоотношений со своими руководителями. Все было непросто, небольшая ошибка могла решить мою судьбу как подчиненного, что неоднократно случалось видеть на других примерах в период повседневной работы и не только в МООП Казахской ССР.

За годы службы в МООП Казахской ССР мы, инспекторы отдела ветеринарно-охранно-карантинной службы, находились в командировках от 100 до 180 дней в течение года. Мне пришлось побывать в командировке в Алма-Атинской области (ящур крупного рогатого скота), Карагандинской (туберкулез, бруцеллез), Павлодарской (ящур), Целиноградской (туберкулез), Северо-Казахстанской (туберкулез), Кокчетавской (ящур, туберкулез, болезни молодняка). На местах инспекторы МООП Казахской ССР тесно работали с нашими местными подразделениями ветеринрно-охранно-карантинной службы, а также с практической ветеринарной службой. Мы вместе работали на одну цель – охрану скота и человека от заражения возбудителем зоонозных болезней – ящура, бруцеллеза, туберкулеза. По прошествии многих лет, я еще раз убедился в мудрости принятого решения о создании при правоохранительных органах в субъектах Казахской ССР ветеринарно-охранно-карантинных служб при МООП республики. Эта структура во многом помогла практической ветслужбе на местах быстро решать возникающие проблемы при диагностике тех или иных зоонозных болезней, в первую очередь ящура.

Тем, кто не знаком со временем, которое я освещаю, скажу прямо: было очень непросто нам, молодым офицерам, исполнять свои непосредственные обязанности. Устройство в гостиницу было настоящей проблемой. В областных городах гостиниц было очень мало. Обычно их заказывали прямо из министерства, а когда такой возможности не представлялось, мы сами на месте старались решить возникшие проблемы. Хорошо нам помогала милицейская форма. В то время, как мне казалось, милицию уважали, а может

быть, и побаивались. Кроме этого, большой проблемой было питание командированного. Несмотря на неурядицы, мы с большим энтузиазмом выполняли возложенную на нас работу. Мне, как молодому ветеринарному специалисту, работа в отделе ветеринарно-охранно-карантинной службы дала многое. Я досконально изучил теоретические основы таких инфекционных болезней сельскохозяйственных животных, как ящур, бруцеллез, туберкулез, болезни молодняка крупного рогатого скота. Полученные знания впоследствии применял в производстве, что в моей дальнейшей работе очень помогало. Научился взаимодействовать и налаживать деловые отношения на уровне районного звена с руководителями советско-партийных органов, отстаивать свои аргументы по ветеринарным вопросам с секретарями райкомов, горкомов КП Казахской ССР, председателями райисполкомов. В ряде случаев приходилось специальные вопросы решать и в обкомах, и облисполкомах, отстаивать профессиональную правоту даже у первых руководителей. Служба в МООП Казахской ССР также привила нам свои правила: уважение к коллегам по работе, начальству. Мы научились осуществлять планирование проводимых специальных мероприятий, постоянно быть начеку при взаимоотношениях с другими службами министерства, выполняющими аналогичные задания, научились составлять множество различных документов, актов, планов противоэпизоотических мероприятий. Все это, конечно, помогло мне в дальнейшей работе.

Во время службы в милиции я постоянно думал о поступлении в аспирантуру. Зная на примере супруги Валерии Николаевны (она была уже кандидатом биологических наук), где можно сдать кандидатские минимумы по философии и иностранному языку, я втайне от начальства приступил к этому процессу. Занятия посещал вечером или в выходные дни. На второй год моей работы я сдал эти кандидатские минимумы, получил удостоверения и ждал окончания моей службы в МООП Казахской ССР, так как при приеме на ра-

боту я должен был отработать не менее двух лет. В период службы в милиции я не прекращал свои тренировки. Два-три раза в неделю посещал тяжелоатлетический зал. В Алма-Ате такой зал был в нескольких метрах от министерства, и это было очень удобно для меня. В командировках я тренировался вначале, где придется, а потом «отточковал» места, где ребята занимались тяжелой атлетикой. Хорошо то, что мы, тяжелоатлеты, знали друг друга в лицо, вместе участвовали в соревнованиях, поэтому не было препятствий в тренировках. Надо было только организовать свою основную работу с возможностью посещения тяжелоатлетических залов. Все это у меня в основном получалось, и я поддерживал неплохую физическую форму.

Хочу немного остановиться на одной из последних моих командировок в Гурьевскую область в составе группы офицеров других служб МООП Казахской ССР. Мы были командированы по вопросам охраны рыбных зон на предмет незаконной добычи и реализации черной икры в период путины. Наша группа состояла из пяти офицеров. Возглавлял ее капитан милиции Владимир Хохлачев, офицер, хорошо знающий юриспруденцию и в целом милицейскую службу. Я никогда не думал, что воровство черной икры представляло такую большую проблему. Во время путины в город Гурьев приезжало множество любителей поживиться за счет государства. На центральном рынке, в отдельных домах, на всевозможных базах шла активная распродажа черной икры, которую покупали приезжие и различными путями отправляли или перевозили в Европейскую часть нашей страны. На реке Урал днем и ночью браконьеры ловили осетровую рыбу, вспарывали ее, изымали икру на месте, обрабатывали, а рыбу тут же бросали. Для нас это был вначале шок, мы никак не могли осознать такой вандализм. В период путины активно действовали крупные поставщики и множество единично торгующих людей, в основном женщин. Видимо, местная милиция в этом плане была достаточно сенсибили-

зирована к этой проблеме. Милиционеры в основном усмехались над нашими действиями, но, надо прямо сказать, работали на совесть. Наш руководитель попросил включить в нашу группу местных милиционеров, знающих казахский язык, места изготовления и реализации черной икры. После этого в таком содружестве стало намного легче выполнять наши прямые обязанности. Они заключались в следующем: в гражданской одежде мы ходили по рынку и отыскивали людей, продающих икру. Присматриваясь к ним, обычно следовали за покупателем и продавцом в какие-то закутки рынка и ловили их непосредственно на месте сделки. Если покупатель был местным, записав паспортные данные, его отпускали, а продавца с черной икрой сажали в спецмашину, которая доставляла продавца с икрой в местный милицейский участок, где с ним работали следователи.

Обычно конфискованную черную икру реализовывали населению города через магазины. Начиная с 5-6 часов утра и до глубокой ночи, мы выполняли свою работу. В некоторые дни дежурили в аэропорте, на железнодорожном вокзале, главпочтамте и крупных почтовых отделениях, где черную икру пытались отправить в посылках в другие регионы страны. Если не находили людей, сдававших посылки, то эти посылки, составив акт, в почтовых отделениях изымали и отправляли через местную милицию в торговые точки Гурьева. Я не буду говорить о различных инцидентах, коллизиях, недовольствах жителей города (продавцов икры). Мы выходили из этих неприятностей с достоинством. После командировки нашу группу, а таких групп было несколько, поблагодарил за проведенную работу заместитель министра А.Т. Тумарбеков, пожал нам руки и пожелал дальнейших успехов в работе.

Я не случайно остановился на этой командировке в Гурьев, так как в дальнейшем моя научно-производственная работа на протяжении шести лет будет связана с этой областью. Так бывает в жизни: нельзя ни от чего отказываться,

судьба нас ведет по своим канонам. Когда мне предложили (причем настоятельно) по окончании очной аспирантуры работу в Гурьевской области, я внутренне был готов к тем перипетиям, которые меня и мою семью должны были здесь встретить. К этому надо добавить, что когда после поступления в аспирантуру мой руководитель В.И. Грязин огласил несколько научных тем для выполнения аспирантской работы, я выбрал туберкулез сельскохозяйственных животных, с которым я достаточно хорошо ознакомился, работая в ветеринарно-охранно-карантинной службе МООП Казахской ССР. Владимир Иванович, подняв густые широкие брови, с удивлением сказал: «Я не ожидал, что вы выберите эту сложную и опасную для своего здоровья научную тему!».

Служба шла к концу. С моим начальством я не стал лукавить и откровенно сказал о своей мечте поступить в аспирантуру. Правда, со мной были беседы: ты теряешь в денежном и вещевом довольствии, а также достаточно хорошую перспективу по службе. Я это все понимал, но знал, что мое будущее будет связано с наукой, и об этом ни разу не пожалел.

В последние пару месяцев службы я стал искать место, куда можно поступить в очную аспирантуру. Первое, что пришло в голову, это родной Алма-Атинский зооветинститут. Все шло хорошо. Определился с научным руководителем доктором ветеринарных наук, профессором Е.Ф. Дымко. Он меня хорошо знал как отличника учебы и был только за то, чтобы я учился у него в аспирантуре. Однако ректорат, а вернее, проректор института по науке М.А. Байтулин предложил на конкурсной основе Ефиму Фомичу еще одну кандидатуру. Профессор был категорически против этой кандидатуры, но ректорат есть ректорат. Ефим Фомич посоветовал мне самому переговорить с проректором по науке Михаилом Акзамовичем. Не буду подробно описывать нашу встречу. М.А. Байтулин предложил мне прийти в институт через год и гарантировал место в аспирантуре. Я спросил: «А где я буду работать этот год?». Он, видимо, изучив мое до-

сье, попросил меня поехать в Северо-Казахстанскую область и поработать в ветеринарном отделе, помочь его аспиранту-заочнику С.К. Вяткину – начальнику облветотдела – доработать и оформить его диссертационную работу. Я очень хорошо знал Сергея Кузьмича, в дальнейшем как аспиранту мне приходилось с ним близко контактировать. Однако я категорически отказался от такого предложения. К этому времени я и так потерял около четырех лет, как я считал, научного времени. У меня семья живет в Алма-Ате, а я буду горбатиться на чужого дядю? Моя супруга Валерия Николаевна сообщила мне, что в КазНИВИ объявили конкурс в очную аспирантуру в лабораторию микробиологии. Поехав в институт, встретился с заведующим лабораторией доктором ветеринарных наук, профессором Владимиром Ивановичем Грязиным, все ему без утайки рассказал о своих мытарствах. Он имел большой авторитет в институте, сказал: «Сдавайте приемные экзамены». Так как у меня два кандидатских минимума было уже сдано, я на отлично сдал спецпредмет «Общая и частная эпизоотология» и был зачислен в очную аспирантуру КазНИВИ.

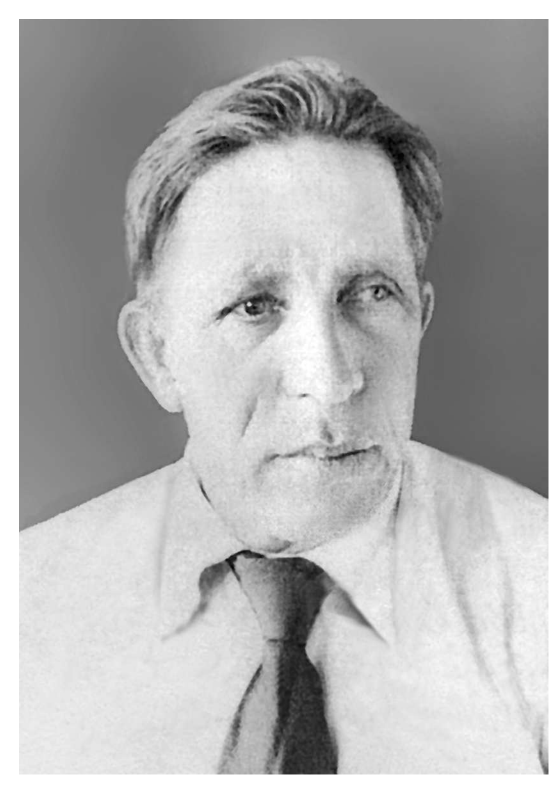
По-доброму расставшись со своим милицейским начальством и сослуживцами, перешел на другой уровень жизненного пути. Закончилась моя двухлетняя служба в отделе ветеринарно-охранно-карантинной службы МООП Казахской ССР. Впереди у меня были совсем другие задачи – начало вхождения в научную обитель.

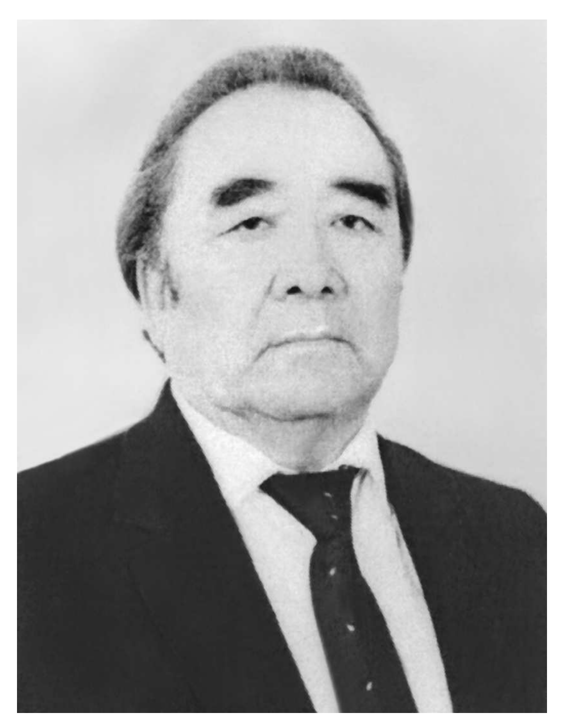
Шракбек Кабылбаевич Кабылбаев, министр внутренних дел
Казахской ССР (1908—1976 гг.)

Ахмед Тумарбекович Тумарбеков, заместитель министра охраны общественного порядка Казахской ССР

Василий Иванович Киндяков
(1901–1985 гг.)

Нурман Жанузакович Жанузаков
(1931–1997 гг.)

Я, инспектор ветеринарно-охранной карантинной службы МООП Казахской ССР (1966 г.)

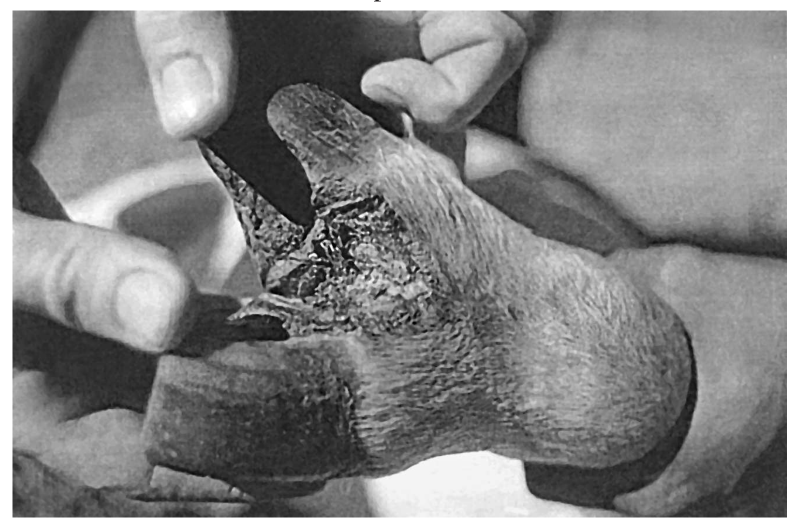
Так в то время выглядело село Георгиевка

Так выглядит в настоящее время Кордайский КПП
села Черняевка при въезде в Киргизию

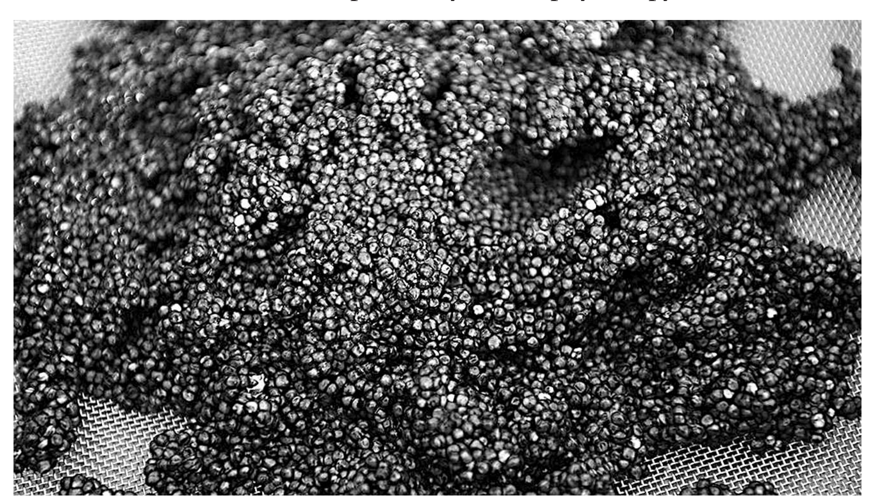
Ящур у крупного рогатого скота – клиника, пенистые истечения из носовой и ротовой полостей

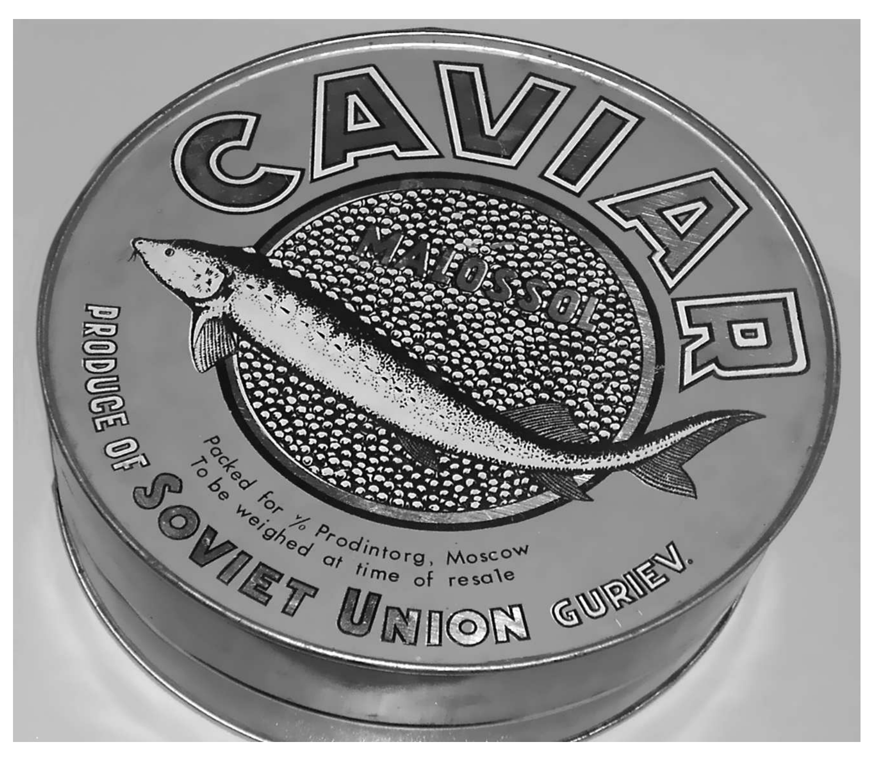
Ящур у крупного рогатого скота – клиника, повреждения межкопытной щели

Из такого осетра и получают черную икру

Так выглядит в натуральном виде черная икра

В такие баночки и расфасовывают в Гурьеве черную икру

ГЛАВА 6

АСПИРАНТСКИЕ БУДНИ

Наука – капитан, а практика – солдаты.

Леонардо да Винчи
(1452–1519 гг.)

В сентябре 1968 г. я был зачислен в очную аспирантуру Казахского научно-исследовательского ветеринарного института (КазНИВИ) в лабораторию микробиологии. Моим научным руководителем определен доктор ветеринарных наук, профессор Владимир Иванович Грязин.

Как мне казалось в то время, к учебе в аспирантуре я был уже и морально, и знаниями практической ветеринарии подготовлен. Солдатом уже повоевал – работал трактористом, веттехником, главным ветврачом Приишимского совхоза, преподавал ветеринарные дисциплины в Актюбинском сельхозтехникуме, служил инспектором-ветврачом в МООП Казахской ССР. Достаточное время занимался профилактикой и оздоровлением сельскохозяйственных животных от зоонозных болезней (ящур, бруцеллез, туберкулез и др.). В аспирантуру был принят не со студенческой скамьи. По опыту моей супруги Валерии Николаевны, специалиста с ученой степенью, я уже знал, что аспирантура – это не только лекции, зачеты и экзамены, но самостоятельная форма получения специальных знаний.

Необходимо было определиться с научным направлением диссертационной работы, которое должно быть актуальным, четко сформулировать тему, найти хозяйство, где имелась возможность для проведения экспериментов, получить достоверные научно-производственные данные, обработать их, сравнить результаты исследований с теми, что уже име-

ются в науке и практике, сделать конкретные выводы, дать предложения для практического освоения. Кроме этого, в процессе проведения научных исследований необходимо овладеть рядом научных методик, написать несколько научных статей, после чего оформить диссертационную работу и представить ее к публичной защите.

Я поступил в аспирантуру к очень уважаемому ученому, подготовившему большое количество кандидатов наук. Научные исследования начал в известном не только в Казахстане, но и в СССР КазНИВИ Восточного отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ).

История создания КазНИВИ подробно описана в статьях сегодняшнего сотрудника этого института кандидата ветеринарных наук Н.Ш. Мамедова, моего бывшего коллеги по работе в этом институте. Низами Шамильевич выяснил, что история создания института связана с городом Оренбургом, основанном в 1735 г. по инициативе хана Абулхаира. Этот город в течение многих десятилетий был одним из крупнейших торговых, культурных и политических центров Казахстана. Со дня образования казахской советской государственности в течение 1920–1925 гг. Оренбург являлся первой официальной столицей Казахской социалистической республики, где работали правительственные учреждения, осуществляя действенное руководство национальной автономией.

В конце XIX – начале XX в. эпизоотическая ситуация в Оренбургской губернии и прилегающей к ней казахской степи была очень сложной – свирепствовали эпизоотии сапа лошадей, чумы крупного рогатого скота, сибирской язвы, повального воспаления легких (перипневмонии) крупного рогатого скота, ящура, бешенства и других инфекционных болезней животных. Такая ситуация сдерживала развитие животноводства в регионе. Положение усугублялось еще и тем, что до 1894 г. в Оренбурге отсутствовали штатные вете-

ринарные специалисты. Первым городским ветеринарным врачом был Е.Ф. Барановский, которого в октябре 1895 г. сменил М.А. Цареградский. В этом же году по инициативе М.А. Цареградского городские власти Оренбурга при содействии заведующего ветеринарной частью Оренбургской губернии организовали станцию, которая стала осуществлять ветеринарно-санитарную экспертизу мяса и мясопродуктов, а также сырья животного происхождения. Руководителем станции был назначен М.Н. Цареградский.

Опустошительные эпизоотии, свирепствовавшие в крае в начале XX в., вынудили Оренбургский Губернский Комитет принимать большие усилия по борьбе с массовым падежом скота. Руководствуясь законом от 12 июня 1902 г. «Правила о ветеринарно-полицейских мерах к предупреждению заразных и повальных болезней на животных и по обезвреживанию сырых животных продуктов» и по представлению вновь назначенного губернского ветеринара Александра Игнатьевича Зенкевича Комитетом было решено увеличить количество ветеринарного персонала, улучшить социальное положение ветеринарных специалистов и проводить единую координацию всех ветеринарных мероприятий в крае как гражданского, так и военного характера.

Борьба с повальными болезнями скота требовала централизованного проведения ветеринарно-исследовательских работ в крае и налаживания производства биологических препаратов против наиболее распространенных инфекционных болезней животных. В этих условиях остро встал вопрос об учреждении в губернии ветеринарно-бактериологической лаборатории. В 1905 г. она была открыта в Оренбурге. С 1913 г. Оренбургская Губернская Земская управа поставила задачу о расширении исследовательской базы своей Ветеринарно-бактериологической лаборатории и сняла для этих целей в аренду двухэтажный особняк с надворными постройками.

Значение проводимых исследовательских и производственных работ Ветеринарно-бактериологической лаборато-

рией Оренбургского Губернского Земства к 1915 г. заметно возросло. После установления советской власти Казахстан продолжал оставаться экономически отсталой республикой. Это не могло не сказаться и на работе Ветеринарно-бактериологической лаборатории в Оренбурге.

Столичный статус Оренбурга позволил Ветеринарному управлению Народного комиссариата земледелия Казахской ССР в начале 20-х годов XX в. реформировать ее в Центральную ветеринарно-бактериологическую лабораторию, которая в 1923 г. в очередной раз была реформирована в Краевую ветеринарно-бактериологическую лабораторию. Лаборатория продолжала интенсивно выпускать тысячи доз прививочного материала для нужд ветеринарии Казахстана: вакцины Ценковского против сибирской язвы животных, вакцины против рожи свиней и перипневмонии крупного рогатого скота. Также лаборатория выпускала сыворотки против рожи свиней, сибирской язвы животных и холеры (пастерелеза) птиц. В работе лаборатории большое внимание уделялось и диагностике особо опасных инфекционных болезней сельскохозяйственных животных, ежегодно осуществлялись тысячи различных бактериологических исследований.

Казахский Центральный Исполнительный Комитет своим постановлением от 7 апреля 1925 г. (протокол № 39) преобразовал Краевую ветеринарно-бактериологическую лабораторию в Казахский Краевой ветеринарно-бактериологический институт.

В результате национально-государственного размежевания Средней Азии и России в 1924–1925 гг. завершилось объединение казахских земель в единое казахстанское советское государство. Во второй половине 1925 г. столица Казахской ССР была перенесена из Оренбурга в город Кзыл-Орду.

С переносом столицы встал вопрос о переезде из Оренбурга в Кзыл-Орду наряду с другими государствен-

ными учреждениями Казахского Краевого ветеринарно-бактериологического института. В Кзыл-Орде было начато для него строительство нового здания.

Торжественное открытие Казахского Краевого ветеринарно-бактериологического института состоялось 10 декабря 1925 г. в новом, еще недостроенном здании, строительство которого завершилось только к осени 1926 г. В короткие сроки была возобновлена его деятельность и налажен выпуск биологических препаратов для практической ветеринарии Казахстана.

В 1928 г. правительство Казахстана решило перенести столицу из Кзыл-Орды в Алма-Ату. В числе переезжающих государственных учреждений значился и Казахский Краевой ветеринарно-бактериологический институт. Было решено, что до постройки нового здания в Алма-Ате институт будет временно функционировать в Кзыл-Орде. В ночь с 18 на 19 августа 1928 г. в здании института произошел пожар, уничтоживший большую часть лабораторного оборудования. После этого события встал вопрос о немедленной эвакуации персонала института в Алма-Ату.

Постановлением Совета Народных Комиссаров КазССР от 5 сентября 1928 г. № 37 было принято решение перевести Краевой ветеринарно-бактериологический институт в Алма-Ату. Согласно постановлению правительственной комиссии по размещению краевых учреждений в Алма-Ате, институту были отведены помещения в здании бывшего Торгового дома Лушниковых.

Ветеринарный сектор КазНарКома 24 июня 1931 г. направил для трудоустройства в Краевой ветеринарно-бактериологический институт Сергея Николаевича Вышелесского, ученого с мировым именем. Он был назначен научным руководителем института по заразным болезням домашних животных и проработал в нем до 7 апреля 1933 г.

Согласно распоряжению Наркомзема СССР от 26 августа 1934 г. № 83701 о реорганизации сети ветеринарных науч-

но-исследовательских учреждений и на основании Постановления Совнаркома Казахской АССР от 1 февраля 1935 г. № 175, институт был реорганизован в Казахскую научно-исследовательскую ветеринарную опытную станцию.

При отсутствии начальника Ветеринарного управления Наркомзема Казахской ССР его обязанности возлагались на директора опытной станции А.А. Иванова с правом финансовых распоряжений. Несмотря на экономические трудности, в 1936 г. под непосредственным руководством директора станции А.А. Иванова был издан первый том научных трудов.

Массовые репрессии конца 30-х годов XX в. затронули и сотрудников станции, оставив неизгладимый трагический след. Неожиданно со своей должности был смещен директор станции А.А. Иванов. На его должность решением бюро Казкрайкома ВКП(б) 3 октября 1936 г. был назначен ветеринарный врач Семен Тихонович Поветкин. В конце октября 1936 г. А.А. Иванов был арестован НКВД, 28 февраля 1938 г. по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР расстрелян.

В конце 1937 г. С.Т. Поветкин был освобожден от должности директора опытной станции. Приказом по НКЗ Казахской ССР № 2149 от 5 ноября 1937 г. временно исполняющим делами директора Казахской научно-исследовательской ветеринарной опытной станции был назначен ветеринарный врач Сергей Кузьмич Кожакин, с 14 января 1939 г. утвержден в должности директора. В 1940 г. 19 января было издано Постановление Совета Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана № 805/6 о реорганизации Казахской научно-исследовательской ветеринарной опытной станции в Казахский научно-исследовательский ветеринарный институт (КазНИВИ). Под таким названием институт осуществляет свою деятельность по научному обеспечению ветеринарии Казахстана и в настоящее время.

Научные направления в деятельности КазНИВИ в 50–60 годах XX в. всегда определялись основными запросами

животноводства. С учетом складывающейся эпизоотической ситуации формировался тематический план научных исследований, в соответствии с ним изменялась структура научных подразделений, решались непростые проблемы обеспечения новой тематики научными кадрами, производственными помещениями, оборудованием, материалами.

Была разработана и внедрена в производство концентрированная гидроокисьалюминиевая вакцина против ящура крупного рогатого скота, начато производство бивалентной вакцины КазНИВИ из лапинизированного вируса ящура, разработан метод изготовления питательных сред из гидролизатов сои и гороха для выращивания культур клеток и вируса ящура.

Весомый вклад ученые КазНИВИ внесли в решение научных проблем борьбы с бешенством животных (1958–1974 гг.), чумой свиней (1967 г.), инфекционным атрофическим ринитом поросят (1970 г.), вирусной диареей (1965–1974 гг.) и лейкозом крупного рогатого скота. В это же время крупномасштабные работы научного и производственного плана выполнены учеными института по проблемам борьбы с бруцеллезом и туберкулезом сельскохозяйственных животных.

С этим периодом связано и начало формирования очагов массового поражения сельскохозяйственных животных, особенно крупного рогатого скота, туберкулезом и бруцеллезом, который до этого диагностировали лишь в единичных случаях. К концу 70-х годов XX в. бруцеллез и туберкулез стали большим тормозом развития животноводства и источником социальной опасности. В связи с этим в 1974 г. в институте была организована специализированная лаборатория по изучению туберкулеза животных. Расширилась комплексность в исследованиях проблем бруцеллеза и туберкулеза животных, а также в организации оздоровительных мероприятий в хозяйствах республики.

В 1971 г. рядом с первым зданием института 1935 г. постройки началось строительство нового трехэтажного зда-

ния КазНИВИ, которое завершилось в июле 1977 г. В новое здание было завезено лабораторное оборудование, в основном польского производства, которое в короткие сроки было освоено, что заметно повысило фундаментальность выполняемых научных работ.

В итоге в начале 90-х годов XX в. в Казахстане удалось стабилизировать и затем резко улучшить эпизоотическую ситуацию по зоонозным болезням. К 1994 г. количество неблагополучных по бруцеллезу пунктов было снижено от 1135 до 263, заболеваемость – от 4,0 до 0,5%; по туберкулезу соответственно от 1038 до 208 и от 3,9 до 0,4%.

В борьбе с заразными болезнями использованы разработки ученых института в виде высокоэффективных диагностических препаратов: цветной антиген для пластинчатой реакции агглютинации, бруцелло-овин, эритроцитарный антительный диагностикум для индикации бруцелл, вакцина из штамма Рев-1, антиген для кольцевой реакции с молоком и многие другие.

К середине 90-х годов учеными этого института был досконально изучен видовой состав гельминтов сельскохозяйственных животных, особенно овец, краевая эпизоотология наиболее опасных гельминтозов, разработаны и предложены производству эффективные средства и методы их профилактики и терапии. Благодаря этим разработкам, в Казахстане были ликвидированы такие эпизоотии, как мониезиоз, хабертиоз, фасциолез, диктиокаулез, гемонхоз. Значительно снижена заболеваемость сельскохозяйственных животных эхинококкозом, ценурозом, цистицеркозом и другими гельминтозами, были разработаны диагностикумы при токсоплазмозе животных.

Решались актуальные задачи по повышению сохранности молодняка животных и профилактики желудочно-кишечных инфекций вирусной и бактериальной этиологии. Разрабатывалась технология изготовления инактивированной вакцины против хламидиозного аборта среди крупного

рогатого скота и овец. Велись исследования по разработке технологии изготовления диагностикумов при лейкозе и ящуре.

За годы независимости Республики Казахстан (1991–2015 гг.) коллективом института выполнен обширный перечень работ, имеющих научную и практическую значимость, по проблемам болезней молодняка сельскохозяйственных животных вирусной, бактериальной и незаразной этиологии, листериоза, хламидиоза, кампилобактериоза животных, мыта и пастереллеза лошадей, болезней птиц и пчел, создания ассоциированных вакцин, динамизма показателей биохимического и иммунологического статуса организма животных.

Следует отметить, что за все время существования института модернизация лабораторий была проведена лишь дважды: в 1977 г., когда было построено новое здание КазНИВИ, и в 2012 г., когда МСХ РК по программе «Создание единой лабораторной сети» выделило более одного миллиарда тенге на капитальный ремонт и закупку современного лабораторного оборудования, отвечающего международным стандартам.

В настоящее время Казахский НИВИ является одним из ведущих научных учреждений страны. Институт располагает современным лабораторным оборудованием, новым виварием для содержания и выращивания лабораторных животных, хлораторной для обеззараживания сточных вод, утилизационной установкой для сжигания биоотходов.

Материально-техническая база научных подразделений соответствует стандартам качества и позволяет обеспечить проведение научно-исследовательских работ по ветеринарии в соответствии с международными стандартами.

В институте работают 102 научных сотрудника, в том числе 19 докторов наук, 43 кандидата наук, 17 магистров, 18 магистрантов и 2 PhD-докторанта.

Первым директором КазНИВИ был Сергей Кузьмич Кожакин (1904–1967 гг.) – казахстанский историк ветеринарной

медицины, видный организатор ветеринарной науки. Он проработал директором около 15 лет (до 1954 г.). Сергей Кузьмич родился в селе Акташ Медзелинского уезда Уфимской губернии в семье шорника. Высшее образование получил, обучаясь в Алма-Атинском зооветеринарном институте (1931–1934 гг.), а далее в Ленинградском ветеринарном институте, который окончил в 1935 г., где ему была присвоена квалификация ветеринарного врача. За время работы в должности директора КазНИВИ под редакцией С.К. Кожакина издано 5 томов трудов института, выполнено свыше 450 научных разработок по проблемам ветеринарии. В 1949 г. Сергей Кузьмич защитил кандидатскую диссертацию «История ветеринарии в Казахстане». За заслуги в развитии сельского хозяйства в Казахстане он награжден орденами Красной Звезды и «Знак почета», входил в состав Президиума Казахского филиала ВАСХНИЛ.

С 1954 по 1957 г. директором КазНИВИ был Вячеслав Степанович Анисимов (1912–1977 гг.), видный ветеринарный микробиолог и эпизоотолог, кандидат ветеринарных наук. Родился он в городе Гурьеве Уральской губернии в семье служащего. Окончил Казахский государственный зоотехническо-ветеринарный институт (Алма-Атинский зооветинститут). В 1933–1940 гг. работал ветеринарным врачом и научным сотрудником в различных сельскохозяйственных и научных учреждениях Казахстана. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию «Сибирская язва в Зеленовском районе Казахской ССР». Работая директором КазНИВИ, успешно занимался изучением болезней овец, в том числе энтеротоксемией овец. Под его руководством разработаны методики изготовления сухих типоспецифических диагностических сывороток, профилактических сывороток и анатоксинов против инфекционной энтеротоксемии овец. Кроме этого, им изучены такие болезни, как сибирская язва, листериоз и некробактериоз.

В период прохождения аспирантуры и в дальнейшей моей научной работе в этом институте Вячеслав Степанович работал заведующим лабораторией по изучению инфекционных болезней овец (1963–1977 гг.). Лаборатория находилась в отдельном одноэтажном здании, недалеко от основного института. Он всегда был приветлив, особенно с нами, молодыми аспирантами и научными сотрудниками, часто подшучивал, задавал каверзные, не связанные с ветеринарными проблемами, вопросы, чем многих из нас ставил в тупик. Он с глубоким знанием дела раскрывал свои загадки и довольный этим улыбался. Один раз, подойдя к нашей группе аспирантов, задал вопрос: «Что за птичка, которая может летать вперед и назад одновременно?». Все задумались, он уже настроился поиздеваться над нами, как вдруг я вспомнил: «Колибри!». Он удивленно посмотрел на меня и сказал: «Знаешь, Александр, я уже не первый раз задаю эту загадку нашим сотрудникам, никто не ответил, ты просто молодец». После этого случая он на протяжении всех лет, которые мы вместе работали в институте, включая 6 лет моей работы в Гурьеве (его родине), относился ко мне с каким-то подчеркнутым уважением. Я, конечно, вдвойне отвечал ему тем же. Вообще, у Вячеслава Степановича к нам, молодым, была особенная тяга. Он чувствовал, что за нами будущее в развитии научных исследований в ветеринарии.

С 1957 по 1961 г. директором КазНИВИ работал Александр Яковлевич Дзержинский (1913–1970 гг.). Родился он в деревне Бряслово Высочанской волости Брянской области в крестьянской семье. В 1935 г. окончил Московский зооветеринарный институт. В 1939 г. им защищена диссертация «Терапия бруцеллеза аммаргеном в экспериментальных условиях». С 1941 по 1945 г. Александр Яковлевич был на фронте начальником дивизионного, затем армейского и фронтового ветеринарных лазаретов, с мая 1945 г. по февраль 1946 г. – эпизоотологом Степного военного округа.

Александр Яковлевич прошел тяжелый жизненный путь, подвергался репрессиям. Работал короткое время на больших должностях – по непонятным причинам его «освобождали». Это был заслуженный специалист-ученый, внесший свой вклад в развитие сельхозпроизводство и в образовательно-научный комплекс. Я знаком с его сыном Вадимом, прекрасным спортсменом-гандболистом. В Алма-Атинском зооветинституте была хорошая гандбольная команда, и мы с удовольствием наблюдали за ее тренировками и соревнованиями. Вадик был заметной фигурой в этой команде. Посещая в 2017 г. КазНИВИ, я с удовольствием общался с ним. Это был уже не Вадик, а солидный мужчина, доктор ветеринарных наук, но глаза и мимика лица, приветливость остались прежние. Мы с удовольствием обнялись, на лету сделали друг другу комплименты, и на этом закончилась наша встреча.

С 1961 по 1974 г. директором КазНИВИ был Леонид Демьянович Панкратов (1914–1980 гг.). Он родился в городе Кустанае в семье служащего. В 1938 г. окончил Алма-Атинский ветеринарно-зоотехнический институт. Работал преподавателем Петропавловского зооветеринарного техникума, в 1940 г. стал его директором. В 1942 г. был назначен начальником политотдела Мамлютского племсовхоза Северо-Казахстанской области, позже – заместителем начальника политуправления Петропавловского треста совхозов. С 1943 по 1946 г. служил в армии ветеринарным врачом полка и дивизии. После демобилизации работал в Кустанайской области ветврачом в колхозе, в 1947 г. – начальником отдела Кустанайского облветуправления сельского хозяйства. В последующие 13 лет, работая на Алма-Атинском биокомбинате, защитил кандидатскую диссертацию «Использование протеолитических ферментов плесневого гриба из рода Aspergillius для изготовления питательных сред в производстве биопрепаратов». С 1961 по 1974 г. – директор КазНИВИ, в последующие годы – заведующий лаборатории этого института, далее работал в Алма-Атинском биокомбинате.

Мне посчастливилось длительное время работать с Леонидом Демьяновичем. Он подписывал приказ о моем приеме в очную аспирантуру, после ее окончания направил меня на работу директором Гурьевской научно-исследовательской станции (НИВС), где в этой должности я проработал около шести лет.

Леонид Демьянович был хорошим научным организатором, в научном плане его кругозор, на мой взгляд, был не особо широк. Однако это ему не мешало на заседаниях ученых советов достаточно жестко критиковать наших маститых ученых. Докой он был в вопросах микробиологии, конструировании питательных сред и во внедрении научных разработок в сельскохозяйственное производство. Ко мне относился хорошо, иногда подшучивал, даже похлопывал по плечу. Уже позже, анализируя такое отношение ко мне, сопоставив его жизненный путь в период нахождения в Северо-Казахстанской области, я с большой убежденностью пришел к выводу, что он знал моего дядю Андрея Васильевича Донченко. Он об этом мне никогда не говорил и не демонстрировал такое знакомство, но всегда с особым интересом расспрашивал меня о Северо-Казахстанской области.

Заместителем по науке в этот период в институте был Джумагил Карабаевич Карабаев (1910–2000 гг.). Основное научное направление его работы – гельминтология. Кандидатская диссертация его была на тему «Диагностика гельминтозов овец на Бекпак-Далинском комплексе сезонных пастбищ». Честно говоря, какого уровня он был ученый, я сказать не могу, но Джумагил Карабаевич был прекрасным старшим товарищем для нас, молодых. Он всегда внимательно нас выслушивал, давал советы, если это входило в его компетенцию, мог бескорыстно оказать помощь, связанную с выполнением научной работы.

Вторым заместителем директора по науке в институте был Борис Ибрагимович Софиев, кандидат ветеринарных наук, бывший начальник главка ветеринарии МСХ Казах-

ской ССР. Кроме основной работы, он преподавал в АЗВИ, когда я был студентом, азы организации ветеринарного дела в Казахстане. В основном Борис Ибрагимович отвечал за научную работу разбросанных по территории Казахстана научно-исследовательских ветеринарных станций. В дальнейшем, уже работая директором Гурьевской НИВС, я тесно общался с ним.

Ученым секретарем в институте был кандидат ветеринарных наук Александр Филиппович Сафонов. Открытый человек, любил и понимал юмор, хорошо разбирался в научных вопросах, всегда был готов обсудить любую научную проблему.

Располагались наши руководители в двух кабинетах: в большом – директор Л.Д. Панкратов, где проходили и заседания ученого совета, через небольшой кабинет секретаря директора в одной комнате размещались Д.К. Карабаев, Б.И. Софиев и А.Ф. Сафонов.

Вот в такой ученой команде я как аспирант начал работать в КазНИВИ.

Моим научным руководителем был Владимир Иванович Грязин (1905–1989 гг.), доктор ветеринарных наук, профессор, уроженец города Петропавловска Северо-Казахстанской области. Его отец Иван Федорович Грязин (1866–1943 гг.) занимался сельским хозяйством. Мать Анна Михайловна (1868–1940 гг.) работала на кишечном заводе и железной дороге. В семье было 9 детей. В 1928 г. Владимир Иванович окончил в Омске Сибирский ветеринарный институт, неплохо знал немецкий язык. По окончании института работал ветеринарным врачом Петропавловского Окружного земельного управления, затем ветеринарно-санитарным врачом Петропавловска.

По приглашению Ветеринарного управления Казахского НКЗема в 1930 г. Владимир Иванович переехал в Алма-Ату на работу в Алма-Алтинский биокомбинат на должность ветеринарного врача сывороточно-сибиреязвенного

цеха. Биокомбинат направил его в распоряжение Тобольской биофабрики ветврачом перипневмонийного цеха. В 1933 г. он приехал в Петропавловск, где вначале работал ветврачом-бактериологом Петропавловской ветбактериологической лаборатории, затем заведующим этой лабораторией. С октября 1936 г. по июнь 1937 г. Владимир Иванович служил в областной санитарно-эпидемиологической лаборатории ветврачом-бактериологом. В июле 1938 г. его пригласили в Казахский НИВИ в качестве заведующего лабораторией.

В 1941 г. В.И. Грязин был мобилизован в армию и зачислен старшим ветврачом 1073-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии. Впоследствии стрелковый полк был переименован в 8-ю гвардейскую дивизию имени генерал-майора И.В. Панфилова. В феврале 1942 г. Владимир Иванович был переведен на должность дивизионного ветеринарного врача Гвардейской Ржевской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова. В июле 1943 г. приказом по Северо-Западному фронту переведен на должность эпизоотолога 22-й армии. В этой должности служил до дня демобилизации (1945 г.).

Владимир Иванович пользовался уважением у сослуживцев. Помощник начальника штаба 19-го гвардейского полка А.С. Трефилов в своей книге «У ворот Москвы» (1982 г.) писал, что при встречах однополчане с уважением вспоминают ветеринарного врача В.И. Грязина.

В 1945 г. Владимир Иванович возвратился в Алма-Ату и вновь поступил на работу в Казахский научно-исследовательский ветеринарный институт на должность заведующего научно-диагностической лабораторией. В 1951 г. был назначен на должность заведующего лабораторией по изучению болезней крупного рогатого скота, после реорганизации которой в 1958 г. по конкурсу его избрали заведующим лечебно-профилактической лабораторией. В последующем лаборатории реорганизовывались не раз, но В.И. Грязин всегда

оставался ее руководителем. В 1984 г. вышел на заслуженный отдых.

В декабре 1947 г. в Алма-Атинском зооветеринарном институте В.И. Грязин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук «Паратуберкулезный энтерит крупного рогатого скота». В 1959 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора ветеринарных наук «Повальное воспаление легких (перипневмония) крупного рогатого скота в Казахской ССР».

Ученый награжден орденами Красной Звезды (1943 г.), «Знак Почета» (1971 г.), Отечественной войны II степени, девятью правительственными медалями, почетной грамотой Ленинского РК КП Казахстана. Алматинским ГК, ВО ВАСХНИЛ и КазНИВИ занесен в Книгу Почета МСХ Казахской ССР. Им подготовлено 26 кандидатов наук, опубликовано более 100 научных статей и 8 монографий.

Под руководством Владимира Ивановича научными сотрудниками и аспирантами лаборатории проведены углубленные эпизоотологические исследования по изучению эпизоотической ситуации туберкулеза крупного рогатого скота, совершенствованию средств и методов диагностики, определения ареала персестирования на животных различных видов микобактерий, а также эффективность специальных мероприятий по организации борьбы с этой инфекцией в стадах сельскохозяйственных животных. В результате проведенных исследований внесены предложения как в теорию познания самого возбудителя туберкулеза, так и в вопросы эпизоотологии, диагностики и профилактики этого зооноза. Установлена различная устойчивость к возбудителю туберкулеза отдельных пород сельскохозяйственных животных. Отмечено, что пораженность туберкулезом местного казахского скота составила сотые доли процента. Тот же скот, улучшенный скрещиванием с животными красной немецкой породы, был в большем количестве поражен туберкулезом.

На основании проведенных исследований решением Правительства республики было предложено во всех районах и областях республики организовать специальные экспедиции по борьбе с туберкулезом животных, а также ветеринарно-санитарные отряды (1970 г.). Было предусмотрено обязательное ограждение животноводческих ферм и строительство на них ветеринарно-санитарных объектов.

В.И. Грязин принимал активное участие в общественной жизни коллектива института, был в разные годы секретарем партбюро КП Казахской ССР и председателем местного комитета. Много внимания он уделял подготовке молодых научных кадров. Всегда нам в беседах приводил слова академика К.И. Скрябина: «Сила и слава научных сотрудников зависит от содружества, от близости трех генераций ученых: старшего, среднего и молодого поколений. Старшее поколение без молодежи – это трагедия, молодежь без старшего поколения – это комедия. Если старшее поколение и молодое поколение будут дружно и комплексно работать, возникнет настоящая гармония». Владимир Иванович трепетно относился к молодежи, помогал, учил, при необходимости был жестко требовательным. Ему можно было позвонить в любое время дня и ночи. Когда его ученики находили в исследуемых под микроскопом пробах микобактерии туберкулеза, он тоже радовался, что они освоили методики и безошибочно могут ставить диагноз. И это действительно так. Мы всегда приглашали его посмотреть визуально, правильно ли идентифицированы микобактерии туберкулеза при микроскопии мазков, приготовленных из биоматериала животных.

Это был ученый широкого научного познания. С научными сотрудниками И.Н. Архангельским, В.Е. Архангельской, М.Т. Назаровым Владимир Иванович изучал вопросы бациллоносительства у сельскохозяйственных животных, эффективность антипаратифозной сыворотки, индикации паратифозных штаммов и направленное изменение их биологических

свойств. Его исследования совместно с И.П. Дербеневым, П.С. Лазаревым, И.Г. Тупициным, П.А. Карасевым, И.В. Щербаковым о бактерионосительстве и бактериовыделении у животных, больных хронической формой перипневмонии, сыграли значительную роль в профилактике и ликвидации этой инфекции.

В.И. Грязиным, И.В. Щербаковым (1957 г.) был изготовлен и изучен гидролизит – аллерген перипневмонии из культур микроба перипневмонии. Внедрение, испытание и освоение этого препарата в хозяйствах Семипалатинской области Казахстана на крупном рогатом скоте показало его высокую эффективность (85%) в прижизненной диагностике перипневмонии в РСК.

Начиная с 1958 г. ученый и сотрудники возглавляемой им лаборатории, начали заниматься туберкулезом сельскохозяйственных животных. Исследовательские работы были проведены в основном по следующим направлениям: оздоровлению животноводческих хозяйств от туберкулеза сельскохозяйственных животных; изучению степени распространения и миграции видов возбудителя туберкулеза на животных; разработке методов серологической диагностики туберкулеза и люминесцентной микроскопии биоматериала, метода ускоренного культивирования возбудителя туберкулеза; определению сравнительной эффективности глазного и внутрикожного методов аллергической диагностики туберкулеза крупного рогатого скота; изучению инфекционной аллергии у сенсибилизированных различными видами возбудителя туберкулеза животных; роли параллергических и псевдоаллергических реакций в диагностике туберкулеза крупного рогатого скота; использованию ультразвука для разрушения микобактерии туберкулеза с целью получения активных антигенов для серологической диагностики туберкулеза.

Одним из первых учеников В.И. Грязина был К.И. Одаренко, который в период моей аспирантуры был для меня и

моих товарищей большим авторитетом. Это был красивый, спокойный, выдержанный, солидный человек с седой шевелюрой и черными бровями. Он уже в те годы (до 1968 г.) установил миграцию микобактерий туберкулеза птичьего вида в 15% случаев, человеческого – от 2 до 6 и бычьего вида в 4–12,5% на крупном рогатом скоте. Им проведены ценные для науки и практики опыты по инфицированию крупного рогатого скота возбудителем туберкулеза птичьего и человеческого видов с определением характерных для каждого вида возбудителя туберкулезных изменений у зараженных животных. Уже в 1964 г. ученый доказал существование у микобактерий туберкулеза фильтрующихся форм и реверсии их в палочковидные формы. Значительное число его научных исследований было уделено чувствительности внутрикожной и глазной туберкулиновых проб на инфицированном возбудителем туберкулеза крупном рогатом скоте.

К.И. Одаренко совместно с М.Г. Назаровым разработали и применили с целью диагностики реакции кольцепреципитации и кровекапельной реакции при туберкулезе крупного рогатого скота.

В.А. Битюковым, также одним из учеников В.И. Грязина, проведен ряд научных исследований (1966 г.) по взаимосвязи глубоких изменений в белках сыворотки крови и характера патологического процесса в организме больных туберкулезом животных в зависимости от вида возбудителя туберкулеза. Он считал, что выявленные изменения в морфологическом и биохимическом составе крови при применении аллергенно-электрофоретической пробы могут служить показателями в прижизненной дифференциальной диагностике видовой принадлежности возбудителя туберкулеза у инфицированного крупного рогатого скота.

Очень ценные интересные научные исследования (1963–1964 гг.) были проведены аспирантом Н.К. Чурбаковым по установлению факта реагирования на внутрикожную туберкулиновую пробу крупного рогатого скота, пораженного

эхинококкозом, фациолезом, крупозной пневмонией. Здесь же им установлено, что применение разведенного (1 : 200) туберкулина позволяет дифференцировать специфические и неспецифические (пара- и псевдоаллергические) туберкулиновые реакции. В.И. Грязиным и научными сотрудниками В.С. Золотовым и Э.А. Шарифулиным проведены обширные научные исследования по изучению влияния ультразвука на структуру микобактерий туберкулеза. Ими предложен метод приготовления туберкулезных антигенов для серологических реакций путем дезинтеграции микобактерий ультразвуком.

Е.А. Садыков занимался вопросами диагностики туберкулеза в РСК и РДСК (1960–1963 гг.). В его опытах получены интересные научные результаты.

В.А. Федченко проведены исследования (1959–1968 гг.) по эпизоотологии туберкулеза верблюдов в юго-западных областях Казахстана. Он изолировал от реагирующих на туберкулин верблюдов бычий и атипичные виды микобактерии. Им предложена внутрикожная и глазная пробы при диагностике туберкулеза верблюдов, разработана система диагностики в комплексе с другими ветеринарно-санитарными мероприятиями, позволяющая оздоровить неблагополучные по туберкулезу верблюдов хозяйства в течение 2–3 лет. Некоторые разработки В.А. Федченко одобрены НТС МСХ Казахской ССР и включены в инструкции МСХ СССР по борьбе с туберкулезом сельскохозяйственных животных.

Интересные научные исследования были проведены Л.Н. Кирилловой по контролю молока коров, реагирующих на туберкулин. Лилия Николаевна выделяла микобактерии туберкулеза бычьего вида у больных туберкулезом коров от 2 до 7% к числу исследованных проб, в отдельных случаях – даже возбудителя туберкулеза человеческого вида.

В.И. Грязиным, К.И. Одаренко, О.Е. Никулиной проведены исследования (1960–1963 гг.) по изучению активности и специфичности аллергенных свойств местных штаммов мико-

бактерий туберкулеза бычьего, человеческого и птичьего типов. Исследования показали, что включение этих видов микобактерий для приготовления диагностикума при туберкулезе является обоснованным, поскольку у крупного рогатого скота туберкулез может быть вызван не только возбудителем бычьего и человеческого видами, но и птичьего. Они считали, что применение комплексного туберкулопротеина должно быть обосновано эпизоотической и эпидемической обстановкой.

Очень ценные, на мой взгляд, в нашей лаборатории были исследования по паратуберкулезному энтериту крупного рогатого скота. Изучение этой инфекции (1947, 1963 гг.) В.И. Грязиным, Н.О. Олжабаевым было сосредоточено на вопросах эпизоотологии, аллергической и биологической диагностике заболевания. Они установили, что систематические аллергические исследования крупного рогатого скота внутрикожной пробой с использованием птичьего туберкулина в комплексе с ветеринарно-санитарными мероприятиями обеспечивали ликвидацию этого заболевания в неблагополучных хозяйствах. Причем, внутрикожная проба до 78,7% выявляет больше латентно больных животных, чем подкожная проба. Достоверность внутрикожной туберкулиновой пробы подтверждена в 80,8% обнаружением на вскрытии патологоанатомических изменений, свойственных паратуберкулезу. Они считали, что биологическая проба на паратуберкулезный энтерит, проводимая путем заражения лабораторных животных (кролики, морские свинки, белые мыши и щенята) биоматериалом от больного животного является достоверной при установлении паратуберкулеза крупного рогатого скота, овец и верблюдов.

Я не могу не упомянуть научные исследования, проводимые моим однокурсником А.С. Жумашевым, который поступил в аспирантуру на один год позже меня. Мы с ним очень тесно работали, часто обсуждали наши научные проблемы.

А.С. Жумашевым были выполнены исследования по разработке схемы выращивания молодняка при оздоровлении хозяйства от туберкулеза крупного рогатого скота. В ее основу было заложено строгое выполнение следующих мероприятий: боксовое содержание телят до 7–10-дневного возраста, их первичная туберкулинизация с 20-дневного возраста, формирования групп молодняка с учетом результатов комплексного метода диагностики (внутрикожная и внутривенная аллергические пробы, исследование сыворотки крови по РНГА с туберкулезным антигеном). Выполнение этих условий позволяет получать свыше 99% здоровых телят в неблагополучном по туберкулезу хозяйстве. С Аманжолом Салимгиреевичем мы и до настоящего времени остаемся большими друзьями, коллегами, соратниками по научным проблемам. Мне представилась честь быть официальным оппонентом его докторской диссертации, которую он с успехом защитил в КазНИВИ.

Одновременно с проведением научных исследований по туберкулезу сотрудники лаборатории изучали не менее актуальные вопросы теоретической и практической иммунологии – проблему ассоциированных вакцин и ассоциированной иммунизации против бруцеллеза, сибирской язвы, эмфизематозного карбункула, пастереллеза, оспы и паратифозного аборта овец. Этими исследованиями занимались В.И. Грязин, К.И. Одаренко, М.Е. Жила, А.Ф. Мишутин, В.Г. Зуев, Ф.Е. Сальникова, М.Г. Назаров, Б. Ильясов. Из этой плеяды ученых я был очень дружен с В.Г. Зуевым. Владимир Григорьевич был незаурядным молодым аспирантом, прекрасным спортсменом-боксером.

Очень перспективным сотрудником в нашей аспирантской среде была З.В. Тетерина. Я вместе с ней и В.Г. Зуевым выполнял научные исследования в одной маленькой комнатке, где еще вдобавок был расположен бокс. Приходилось

сосуществовать, часто решать общие проблемы, советоваться, подкалывать друг друга. Такое не забывается.

Зоя Васильевна Тетерина занималась вопросами изучения ультраструктуры бруцелл. Это была специфическая кропотливая научная работа, заключающаяся в получении ультрасрезов и их гистологического изучения. Ею было установлено, что ультраструктура диссоциированных культур существенно отличается от клеток типичных S-колоний разнообразием форм, наличием вариабельного капсулоподобного вещества. Ею были изучены и другие структурные элементы субмикроскопического строения микробных клеток S- и R-форм бруцелл. Полученные результаты имели теоретическое и практическое значение для изыскания вакцинных бруцеллезных штаммов.

В лаборатории была проведена большая работа по подготовке научных кадров. Выполнены и защищены две докторские диссертации: И.И. Архангельским – «К вопросу диплококковой инфекции животных» (1943 г.) и В.И. Грязиным – «Повальное воспаление легких (перипневмония) крупного рогатого скота в Казахской ССР» (1961 г.).

Подготовлены и защищены кандидатские диссертации, из них по проблеме повального воспаления легких – И.П. Дербеденевым (1940 г.), Г.А. Коломакиным (1955 г.), И.В. Щербаковым (1958 г.); по паратифу телят – В.Е. Архангельской (1946 г.), П.Ф. Яровым (1951 г.), Д.Д. Новаком (1951 г.); паратуберкулезному энтериту крупного рогатого скота – В.И. Грязиным (1947 г.), Н.О. Олжабаевым (1966 г.); бронхопневмонии телят – О.Ш. Байтуриной (1955 г.), И.Е. Хаустовым (1960 г.); истории ветеринарии Казахстана – С.К. Кожакиным (1949 г.); туберкулезу сельскохозяйственных животных – К.И. Одаренко (1964 г.), Г.В. Чепиком (1966 г.), Н.К. Чурбаковым (1967 г.), В.А. Битюковым (1968 г.), В.С. Золотовым (1970 г.), В.А. Федченко (1970 г.), А.С. Донченко (1971 г.), А.С. Жумашевым (1973 г.); ассоциированной вакцинации сельскохозяйственных животных – А.Ф. Мишути-

ным (1969 г.), В.Г. Зуевым (1971 г.); ультраструктуре бруцелл – З.В. Тетериной (1971 г.).

Наша лаборатория в 1973 г., когда я уже окончил аспирантуру, была разделена на две самостоятельные лаборатории: лабораторию микробиологии и иммунитета (заведующий В.И. Грязин) и лабораторию по изучению туберкулеза (заведующий Д.Д. Новак). Однако это уже другая страница моей научной жизни в КазНИВИ, о которой несколько позже.

Вот в такой научный коллектив я попал в качестве аспиранта-очника. Мне определили место (стол, стул), где я мог выполнять свою научную работу, познакомили со старшим лаборантом, опытным бактериологом, которая начала меня обучать лабораторной диагностике туберкулеза. В первые месяцы моего пребывания в лаборатории ко мне тщательно присматривались ближайшие сотрудники «шефа» и, видимо, сообщали ему, как я себя веду. В.И. Грязин примерно через месяц моей учебы вызвал меня в небольшой уютный кабинет, достал толстую тетрадь и очень медленно и с выражением ознакомил меня с несколькими определенными им диссертационными темами. Недолго думая, я выбрал тему по туберкулезу крупного рогатого скота. Владимир Иванович, высоко подняв широкие брови, с удивлением сказал: «Ну, что же, Александр Семенович, вы сами выбрали такую тяжелую и опасную научную тему, вам ее и выполнять». Я не думал тогда, что с проблемой туберкулеза сельскохозяйственных животных на всю жизнь свяжу свои основные научные изыскания. Нисколько не жалею об этом, это моя судьба.

Отбросив все лишнее, что мне могло мешать (тренировки, посещение футбольных баталий, кино), я засел за изучение научной литературы. Делал это, опираясь на слова В.И. Даля (1801–1871 гг.), который говорил «Как из копеек составляются рубли, так и из крупинок прочитанного составляется знание». Перерыв горы научных трудов, статей, патентов, инструкций, я предложил Владимиру Ивановичу

свой план проведения научных исследований, а также название моей диссертационной работы. Владимир Иванович несколько дней изучал представленные ему материалы и с поправками вернул их мне.

Название диссертации звучало так: «Экономическая эффективность комплексных ветеринарных мероприятий, некоторые вопросы диагностики и эпизоотологии при искоренении туберкулеза крупного рогатого скота». Надо прямо сказать, название темы диссертационной работы было капитально подправлено. Здесь уместно привести по этому случаю известный в аспирантской среде полуанекдот: «Аспирант представил своему руководителю на утверждение тему диссертации "Как носить воду решетом"». После поправки научным руководителем диссертационная тема звучала так: «Транспортировка соединений водорода и кислорода в простых емкостях ячеистой структуры». Примерно тоже произошло с окончательным названием моей диссертационной работы.

Особую тревогу у меня вызывало то, что вопросы экономической эффективности ветеринарных мероприятий при туберкулезе в научной литературе практически я не отыскал. Было аналогичное освещение этих вопросов при других болезнях, которые были приведены в работах А.Я. Шапиро, А.В. Недачина, Н.И. Гущина, В.С. Киселева, П.И. Кокуричева, И.В. Поддубского, И.Н. Никитина, Н.Г. Сажина, Н.А. Александрова, А.И. Подобедова. Однако четкой схемы определения экономической эффективности комплексных ветеринарных мероприятий при ликвидации туберкулеза крупного рогатого скота в научной литературе не было.

Для меня, не имеющего глубоких экономических знаний, этот вопрос был в начале выполнения диссертации затруднительным, посоветоваться по этой проблеме было не с кем. Капитально изучив массу научной литературы по экономическим расчетам в ветеринарии, я сконструировал основные экономические аспекты, позволяющие подсчитать

эффективность противотуберкулезных мероприятий при оздоровлении от туберкулеза крупного рогатого скота в неблагополучных хозяйствах.

Основная схема ущерба, наносимого туберкулезом крупного рогатого скота в неблагополучном хозяйстве, в моих исследованиях состояла из следующего: ущерб слагался из прямых убытков и затрат на проведение оздоровительных мероприятий; убытки – из потерь в результате вынужденного убоя больных туберкулезом животных, в том числе от недополучения молочной и мясной продукции, потерь от больного туберкулезом племенного или товарного молодняка животных, потерь от недополучения молока от выбракованных по причине туберкулеза коров, потерь и снижения удоя в связи с туберкулинизациями, этот показатель был впервые введен в схему подсчета убытков. Для получения объективного ответа на расшифровку данного показателя пришлось в дальнейшем в нескольких повторах проводить специальные опыты непосредственно в хозяйстве. Кроме этого, потери слагаются и от недополучения телят в результате убоя стельных коров.

Вынужденные затраты на проведение ветеринарных мероприятий в неблагополучных по туберкулезу хозяйствах, по моим понятиям, случаются, от оплаты рабочим, фиксирующих животных при исследовании на туберкулез, пастеризации молока, дезинфекции, расходования средств на закупку туберкулина, стоимости санитарного ремонта животноводческих помещений. Указанные показатели подсчитывали по специальным формулам, их исчисление проводили в общей сумме убытков и затрат, а также экономического ущерба на больное туберкулезом животное и фуражную корову.

После многих дебатов в нашей аспирантской среде, в методических комиссиях предложенную мною схему одобрил ученый совет института. Это была новизна в диссертационной работе. Однако кроме этого, предстояло изыскать

в целой системе мер профилактики и ликвидации туберкулеза в стадах крупного рогатого скота еще ряд новых элементов, которые в дальнейшем эффективно использовались бы в проведении оздоровительных мероприятий. Анализируя научную литературу, инструктивные положения, я увидел в них некоторые нюансы, которые, на мой взгляд, не используются, или их не было вообще в системе мер борьбы с туберкулезом крупного рогатого скота. Все эти изъяны я наметил изучить и апробировать во время оздоровительных мероприятий в неблагополучных по туберкулезу стадах крупного рогатого скота.

Параллельно с анализом научной литературы мне пришлось просить лаборантов практически (теоретически я все уже изучил) помочь мне освоить методики лабораторной диагностики туберкулеза: микроскопию, посев возбудителя туберкулеза на питательные среды, приготовление таких сред (среда Гельберга, Петраньяни), технологию заражения лабораторных животных, различные способы введения животным туберкулина (внутрикожно, внутривенно, в брюшную полость), методику исследования молока на наличие возбудителя туберкулеза.

Вооружившись научными знаниями, я самостоятельно должен был выбрать объекты (хозяйства), где надо было проводить научные исследования. С этой целью я, согласовав с научным руководителем, выехал в Северо-Казахстанскую область, основываясь на том, что это родной для меня субъект Казахстана, где я знаком с начальником областного ветеринарного отдела С.К. Вяткиным. Кроме того, в области в этот период работали многие мои однокашники по Ленинскому сельхозтехникуму, а также Алма-Атинскому зооветинституту, здесь проживали многие мои родственники.

В.И. Грязин согласился и разрешил мне выехать в Северо-Казахстанскую область. В Петропавловске я устроился жить у двоюродного брата Бориса Андреевича Донченко и

его супруги Светланы Михайловны, с которыми у меня всегда были прекрасные отношения. Они меня сердечно приняли, хотя сами жили в небольшой однокомнатной квартире с маленьким сынишкой. Я примостился на ночлег на полу. Мы были молоды, Борис старше меня на два года. Все было прекрасно, мы знали, что это временные трудности.

Утром посетил ветеринарный отдел Северо-Казахстанского облсельхозуправления, где меня приветливо встретил Сергей Кузьмич Вяткин. Ему, видимо, кем-то было сообщено о цели моего приезда. Я попросил его помочь выбрать для проведения моей аспирантской работы три хозяйства: одно благополучное по туберкулезу крупного рогатого скота и два неблагополучных. Желательно, чтобы они были недалеко друг от друга. Сергей Кузьмич радостно воскликнул: «Александр, да я тебе не задумываясь назову такие хозяйства: благополучное – колхоз имени XXII партсъезда, село Петерфельд, неблагополучные – племзавод «Мамлютский», совхоз «Дубровинский». Только у меня к тебе единственная просьба – необходимо обязательно оздоровить племзавод «Мамлютский». На том наши интересы совпали.

Стратегия наша с В.И. Грязиным в проведении научных исследований моей диссертационной работы состояла в следующем: согласно инструктивным положениям необходимо было оздоровить от туберкулеза стадо крупного рогатого скота в племзаводе «Мамлютский», одновременно с этим внимательно контролировать (без моего вмешательства), как проводит оздоровление от туберкулеза практическая ветеринарная служба стада крупного рогатого скота в совхозе «Дубровинский». Также необходимо было следить за проведением профилактических мероприятий ветеринарной службой в стадах крупного рогатого скота в благополучном по туберкулезу колхозе имени XXII партсъезда.

После оздоровления от туберкулеза крупного рогатого скота племзавода «Мамлютский» намечалось подсчитать экономическую эффективность проведенных профилакти-

ческих и противотуберкулезных мероприятий в этом хозяйстве, а также в сравнительном аспекте проводимые ветеринарной службой противотуберкулезные мероприятия в совхозе «Дубровинский» и установить, какой ущерб и затраты произведены в период профилактики туберкулеза среди стад крупного рогатого скота в колхозе имени XXII партсъезда, благополучном по туберкулезу.

Это была основная цель моих научных исследований. В процессе их выполнения также намечено было изучить эпизоотическую ситуацию в хозяйствах Северо-Казахстанской области по туберкулезу крупного рогатого скота; уточнить причины стационарности течения этой инфекции; изучить миграцию микобактерий туберкулеза бычьего вида на птицах, собаках и по данным медицинских врачей на человеке; установить роль молока как источника распространения туберкулеза среди животных. Кроме того, необходимо было выяснить динамику проявления аллергических внутрикожных туберкулиновых реакций у крупного рогатого скота, степень опасности реагирующих сомнительно на туберкулин животных, а также ценность люминисцентной микроскопии и внутривенной туберкулинизации при диагностике туберкулеза. В двух повторностях были проведены и специальные опыты по определению снижения удоев молока у коров при их туберкулинизации.

Такой достаточно солидный объем научных исследований я взвалил на свои аспирантские плечи. В основном все практические исследования приходилось вести своими руками, так как помощники аспирантам не положены. Туберкулинизацию животных в племзаводе «Мамлютский» проводил самостоятельно, животных во время аллергических исследований фиксировали выделенные для этого рабочие-фиксаторы. Читку внутрикожных, глазных и внутривенных туберкулиновых реакций проводил комиссионно совместно с главным врачом хозяйства или веттехниками ферм. Микроскопия мазков молока осуществлялась в Петропавлов-

ской областной ветеринарной лаборатории. Здесь мне любезно предоставили все необходимые условия для исследования: бокс, питательные среды, центрифуги, термостаты. В хозяйстве я жил в гостинице, которую оплачивал самостоятельно. На фермы хозяйства обычно меня доставлял главный врач хозяйства, особенно вначале, когда присматривался к моей профессиональной компетенции. В дальнейшем выделялась автомашина – от легковой до грузовой, обычно это был ДУК. Оздоравливали племзавод в течение двух лет. Животных исследовали на туберкулез через каждые 35–45 дней одновременно двойной внутрикожной и офтальмо-туберкулиновыми пробами.

Практически 60–70% времени мне приходилось находиться в хозяйстве. Кроме исследования на туберкулез крупного рогатого скота, туберкулинизации подвергали и другие виды животных этого хозяйства. После читки туберкулиновых реакций реагирующих на туберкулин животных подвергали убою на Петропавловском мясокомбинате, там производили отбор патматериала, с которым я далее работал на предмет изоляции и идентификации из него возбудителей туберкулеза в лабораторных условиях КазНИВИ. Изоляцию микобактерий из молока реагирующих на туберкулин животных осуществлял в условиях Петропавловской областной ветбаклаборатории. Дополнительно к этому наблюдал за оздоровлением от туберкулеза крупного рогатого скота в совхозе «Дубровинский», а также участвовал в проведении профилактических мероприятий в благополучном по этой инфекции колхозе имени XXII партсъезда. Петропавловская медицинская служба по нашей просьбе осуществляла осмотр работников, обслуживающих животных на предмет их возможного инфицирования возбудителем туберкулеза.

Следует заметить, что Северо-Казахстанская область в тот период была в высшей степени неблагополучной по туберкулезу крупного рогатого скота. Я в этом убедился еще будучи на практике студентом пятого курса АЗВИ, ра-

ботая главным ветеринарным врачом в совхозе «Приишимский». В этом хозяйстве вначале туберкулез был установлен у бычков, убиваемых на мясо для столовой совхоза. После этого начали обследовать гурты коров. Вот здесь впервые увидел массовое реагирование животных на внутрикожную туберкулиновую пробу и обширные туберкулезные изменения во внутренних органах убитых животных. Это было первое, если можно так сказать, мое близкое знакомство с этой коварной для животных и человека зоонозной инфекцией.

Племзавод «Мамлютский» был неблагополучен по туберкулезу крупного рогатого скота в течение последних 16 лет. При первом исследовании животных на туберкулез на внутрикожную туберкулиновую пробу реагировали телята и взрослые животные – от 1,6 до 5,9% от общего количества исследованных животных. Вместе с главным врачом хозяйства Машталлером мы составили график проведения исследований животных на туберкулез по фермам, определили необходимые ветеринарно-санитарные мероприятия (дезинфекцию, дератизацию, дезинсекцию), разработали технологию выращивания здоровых в отношении туберкулеза телят, договорились внести ряд новшеств в схему противотуберкулезных мероприятий касательно диагностики, вопросов оценки сомнительно реагирующих на туберкулин животных, поголовного исследования всех коров на туберкулез, невзирая на их стельность. Кроме того, наметили изучить возможность снятия ограничений по туберкулезу с оздоравливаемых гуртов животных при наличии реагирующих на туберкулин животных с отрицательными бактериологическими результатами исследований взятого от них биоматериала. С трудом наладили пастеризацию молока в оздоравливаемом хозяйстве в отношении возможного персистирования в нем возбудителя туберкулеза. В технологию пастеризации молока добавили по моему предложению дополнительную емкость между пастеризатором и охладителем

для передержки нагретого до 95° молока с целью надежной его пастеризации.

В практическом плане я много перенял у главного врача хозяйства Машталлера. Опытный врач, он был старше меня, многие годы работал в этом хозяйстве, имел большой авторитет среди животноводов, занимался оздоровительными мероприятиями. В оздоровительном плане почему-то у него не все получалось, видимо, из-за большой рабочей нагрузки, вследствие чего он не мог повседневно участвовать в проведении необходимых мероприятий. В длительных разговорах со мной он даже предложил включить в мою диссертационную работу вакцинацию условно здорового скота противотуберкулезной вакциной БЦЖ, применяемой у людей. Это было в то время, когда только корифеи ветеринарной науки второй плеяды ученых, такие как Марат Сафин, Борис Хайкин, позже Валентин Пионтковский начали говорить на эту тему. Машталлер уже написал несколько запросов в ГУВ Казахской ССР о разрешении использования этой вакцины в технологии противотуберкулезных мероприятий. Жаль, что мне не пришлось с ним заканчивать оздоровительные мероприятия. По каким-то причинам директор хозяйства заменил его на другого, видимо, близкого для него ветеринарного врача, который передал мне на откуп всю оздоровительную работу, а сам занимался повседневной ветеринарной работой, сдабривая свой организм водочкой. Бывали случаи, когда в зимнюю стужу он завозил меня на ферму, находящуюся от центральной усадьбы километров на 7–8, для исследования животных на туберкулез и забывал о моем существовании. Не дождавшись машины, я пешим строем, несмотря на крепкий мороз, двигался на центральную усадьбу. Дрожа от холода, добирался в гостиницу и твердил про себя: «Иди, Саша, иди! Все равно ты закончишь свою работу, несмотря ни на какие-либо препятствия, стоящие на твоем пути». Так и шел в темноте, не обращая внимания ни на что. В гостинице меня с изумлением и радостью

встречала хозяйка гостиницы, сразу усаживала за стол попить горячего чая. Были (и не раз) другого рода коллизии, их тоже приходилось преодолевать на своем характере.

Как-то раз из области приехал специалист для проверки бухгалтерии хозяйства. В гостинице мы немного с ним пообщались, и каждый стал заниматься своей работой. Подъем мой обычно был в 6 часов утра, приходил с работы по темноте. Так мы с ним в течение недели и не смогли встретиться. Проверяющий, уезжая в областной центр, сказал мне: «Я спросил у директора, что это у тебя за молодой человек работает, как раб, не зная ни сна и отдыха?». А директор ответил с восторгом: «Да, это аспирант, у него такая работа». «Так ты ему что-то доплачиваешь?» – спросил проверяющий. «Да нет, он не просит, видимо, аспиранты хорошую стипендию получают». Вот на том и закончился наш с ним разговор. К этому хочу сказать, что наше поколение аспирантов, видимо, было «ненормальное». Думали только о выполнении поставленных перед нами задач, предоставлении в срок диссертационной работы.

В течение двух лет в племзаводе «Мамлютский» крупный рогатый скот был оздоровлен от туберкулеза. За этот период исследовано 40 тысяч голов крупного рогатого скота (всего проведено 14 исследований), 122 лошади, 18 собак, 2700 кур, 248 совмещенных проб молока, взятых от 2771 коровы. Всего выделено из биоматериала 108 голов крупного рогатого скота 36 культур микобактерий, из них 35 идентифицировали как бычий вид и одну – со свойствами бычьего и человеческого вида. Из 348 совмещенных проб молока, взятых от 2771 коровы, выделили 30 культур микобактерий, 22 культуры идентифицировали как бычий вид. Из 3700 исследованных на туберкулез кур на туберкулин реагировали 748 голов (20,2%). От 48 реагировавших на туберкулин кур изолировали 11 культур микобактерий, в том числе бычьего вида 3, человеческого 5 и птичьего 3. Такой ареал идентифицированных от кур возбудителей туберкулеза нас с В.И. Грязиным очень заинтере-

совал. Он попросил опытных бактериологов лаборатории провести дополнительное исследование изолированных мною некоторых культур микобактерий.

Все мои результаты совпали с исследованиями специалистов лаборатории. Мое заключение о том, что курица, контактирующая с больным туберкулезом животным или человеком, может инфицироваться возбудителем туберкулеза бычьего и человеческого видов, которые в свою очередь персистируют в организме птиц, не заражая их, но в определенные периоды времени могут выделять этих возбудителей и заражать ими крупный рогатый скот или человека, подтвердилось. Помимо указанных выше исследований, я успешно набрал материал для экономического подсчета эффективности проводимых оздоровительных и профилактических мероприятий.

В.И. Грязин с целью проверки моей работы за период двухлетнего пребывания в племзаводе «Мамлютский» посетил хозяйство. Он приехал как раз в то время, когда я, пометив с веттехником реагирующих на туберкулин коров путем выстрига шерсти на шее в виде больших букв «Т», взяв от них пробы молока, уехал в областную ветлабораторию для проведения диагностического исследования. Так что меня на месте не было. Мой «шеф» проверил, правильно ли мы читаем внутрикожные реакции, так как они после окончательной читки сохраняются еще не менее двух-трех суток. Переговорил с руководством хозяйства, главным ветврачом и работниками ферм, уехал в Алма-Ату. Вернувшись в хозяйство после отъезда Владимира Ивановича, я с удивлением узнал о таком внезапном его приезде в хозяйство. Конечно, переживал, но работникам фермы виду не показывал. Когда я приехал в институт, Владимир Иванович как бы мимоходом сказал мне: «Все вы делаете правильно, я удовлетворен вашей работой». И после этого он больше ни разу не контролировал мои научные исследования. Видимо, окончательно убедился в моей прилежности и объективности в

проводимых исследованиях. Я был ему за это благодарен, так как дерганье аспиранта, недоверие к его исследованиям выбивает напрочь его из научного поиска. Я такие сложные отношения руководителя и аспиранта неоднократно видел в последующей своей научной работе. Понимая это, впоследствии в качестве руководителя аспирантов и соискателей я никогда не забывал уроки, преподнесенные моим научным руководителем.

В племзавод «Мамлютский» в качестве душевной поддержки приезжала и моя семья – Валерия Николаевна с сыном Николаем, который еще не ходил в школу. Им было интересно, чем я занимаюсь и как обустроился в хозяйстве. Особенно Лера интересовалась моим бытом, в частности, как я пополняю свой жировой баланс. Мы вместе съездили на ферму, где я в присутствии ее и Николая исследовал на туберкулез животных. Особенно это было интересно сыну. Он подробно расспрашивал меня, зачем я делаю уколы, как он выражался, «хорошим» животным, ему было их, видимо, жаль. Пришлось обо всем ему рассказать, привести пример и даже показать на вскрытии, какие специфические поражения имеются у больных туберкулезом животных. Вместе мы провели несколько дней на отдыхе, покатались на лодке на близко расположенном к центральной усадьбе озере, сходили в прекрасный лес, сфотографировались. Время прошло очень быстро. Вот и их отъезд. В Петропавловске посетили своих двоюродных братьев и сестер, и Лера с Николаем уехали на поезде домой в Алма-Ату.

Моя научная работа в лаборатории туберкулеза КазНИВИ оставила у меня яркие впечатления. В.И. Грязин скрупулезно подбирал как научные, так и лаборантские кадры. Все жили одной семьей, уважительно относились друг к другу, старшие давали нам советы по работе. Вторым после В.И. Грязина в лаборатории был К.И. Одаренко, участник Великой Отечественной войны, кандидат ветеринарных наук. В разные годы он был председателем профкома и секретарем

парткома института, руководил лабораторией болезней овец. Константин Иванович прекрасно владел техникой изоляции и индикации микобактерий туберкулеза из биоматериала животных. Это он научил меня работе на люминисцентном микроскопе. В то время снимки микобактерий, полученные с помощью люминисцентной микроскопии, всегда улучшали качество выполняемой диссертационной работы. Мне кажется, внутренняя мягкость характера Константина Ивановича и занятость общественной работой не позволили ему оформить докторскую диссертацию. Очень жаль. Ведь такие специалисты с глубоким научным потенциалом могли внести свою большую лепту в научные изыскания. В моей памяти он остался эталоном настоящего ученого, человека с большой буквы.

Близким по характеру, пониманием жизненных устоев был и другой мой коллега по лаборатории – старший научный сотрудник, кандидат ветеринарных наук В.С. Золотов. Мы в шутку называли его на казахский лад Алтынбеком (золотым начальником). Еще при мне он стал ученым секретарем в ВО ВАСХНИЛ. В период моей работы в Институте экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока (ИЭВСиДВ) Василий Степанович стал заведующим отделом туберкулеза КазНИВИ. Хотя он был старше меня на 5–6 лет, в его присутствии я чувствовал себя с ним очень комфортно, так как он умел прекрасно выстраивать отношения с сотрудниками. Василий Степанович вместе с Эдуардом Акрамовичем Шарифулиным активно занимались изысканием серологических способов прижизненной диагностики туберкулеза у крупного рогатого скота. Для того времени это было перспективное новое научное направление. Нам казалось, если решить эту задачу, можно решить и прижизненную диагностику туберкулеза, поскольку это была одна из главенствующих задач в профилактике и ликвидации этой болезни. Очень уважал я Эдика Шарифулина, скромного, порой молчаливого человека, с очень глубокими

биологическими знаниями в области иммунологии. В дальнейшем Эдик ушел работать преподавателем в Алма-Атинский зооветинститут. Жаль, что теперь его нет с нами.

Одновременно с В.С. Золотовым и Э.А. Шарифулиным этой проблемой в институте занимался и Л.М. Ходун, работающий в лаборатории биохимии, которой руководил доктор ветеринарных наук, профессор В.М. Красов.

Василий Миронович Красов родился в 1911 г. в Харьковской области на Украине. В мои аспирантские будни он заведовал в КазНИВИ лабораторией биохимии. Лаборатория по тем временам неплохо была оснащена аппаратурой. Здесь проводили электрофоретические исследования сыворотки крови. На полярографе работала моя супруга Валерия Николаевна. Она определяла концентрацию в сыворотке крови железа и меди. Ее исследования были частью комплексной научной тематики по разработке ветпрепаратов для дегельминтизации овец против мониезиоза, проводимой совместно с лабораторией гельминтозов, которой руководил известный в СССР и Казахстане член-корреспондент ВАСХНИЛ Р.С. Шульц. До работы в КазНИВИ В.М. Красов многие годы работал во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ, Москва), где также занимался биохимией сывороток крови животных. Кроме того, там он исследовал химическую структуру микробов и вирусов, возбудителей инфекционных болезней домашних животных совместно с Д.А. Цуверкаловым, И.И. Кучеренко и А.П. Волосновой. Д.А. Цуверкалов и В.М. Красов разработали ветпрепарат для диагностики бруцеллеза – бруцеллогидролизат ВИЭВ, который с успехом использовали в ветеринарной практике (1950–1970 гг.).

В Алма-Ату В.М. Красов переехал, как говорили его сослуживцы, после случая, когда он поддержал, новое, как тогда считалось, направление в науке Георга Башьяна. Г. Башьян считал, что из вирусов могут возникать бактерии, а последние могут распадаться на вирусы. Г. Башьян был в

отношении такого казуистического учения не первым, но и не последним. Наиболее ярким представителем в научном сообществе о создании теории новообразования клеток из бесструктурного «живого вещества» была известная в научных кругах участница революции 1905 г. и Октябрьской революции академик АМН СССР О.Б. Лепешинская (1871–1963 гг.). Ее теорию на совместном совещании АН и АМН СССР в 1950 г. поддержали ряд известных гистологов, а также президент ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко. Впоследствии эта и подобные теории были осуждены учеными и критиками как политизированное и антинаучное направление. В этот научный круговорот попал и тогда еще молодой кандидат ветеринарных наук В.М. Красов. В результате ему пришлось быстро ретироваться в Алма-Ату, далекую от Москвы обитель, где он начал работать в КазНИВИ. С Василием Мироновичем мне пришлось неоднократно встречаться, консультироваться по работе, даже бывать у него дома. Это был ученый высокой культуры, всегда очень четко выражавший свои мысли, осторожным во всяких посторонних от науки высказываниях. В душевном плане не подпускал близко к себе никого из научных сотрудников. Видно было, вся та «московская эпопея» оставила глубокий негативный отпечаток на его внутреннем психологическом состоянии. Кроме того, эмоционально и громко говорить он не мог ввиду физического недостатка: ему мешала трахеальная фистула. Тем не менее, Василий Миронович успешно защитил докторскую диссертацию, стал доктором биологических наук. Его всегда тянуло в Москву, и он решил все-таки перебазироваться в столицу. Мне и Л.М. Ходуну пришлось участвовать в погрузке вещей семьи Василия Мироновича в контейнеры и провожать его с супругой на железнодорожный вокзал.

Возвращаясь к научным изысканиям в области серологической диагностики туберкулеза, проводимой в КазНИВИ, хочу отметить, что подобными исследованиями занимались и другие ученые нашей страны. Так, на Украине активные изы-

скания туберкулезных антигенов для постановки РСК проводил Ю.Я. Кассич. В 1967 г. он успешно защитил диссертацию «Усовершенствование реакции связывания комплимента для диагностики туберкулеза крупного рогатого скота», стал доктором ветеринарных наук. Многие годы успешно принимал участие в ликвидации туберкулеза крупного рогатого скота в Украине. Юрий Яковлевич был мне хорошо знаком, вместе участвовали во многих совещаниях, конференциях. Это был большого роста человек, приятной внешности, очень деликатный в поведении. Я при встрече всегда просил его говорить со мной на украинской мове. Мне было очень приятно слушать язык своих предков, хотя я по паспорту русский, а мой брат Борис – украинец. В дальнейшем развитие серологической диагностики туберкулеза с помощью РСК не имело продолжения и в настоящее время практически не существует. Этому имеется научное объяснение, которое я приведу при описании своей работы заведующим лабораторей туберкулеза в ИЭВСиДВ (Новосибирск), где Л.М. Ходун проводил подобные научные эксперименты, и мне пришлось в силу определенных причин также изучить и вникнуть в эту научную проблему, попытаться опровергнуть результаты исследований того же Л.М. Ходуна. Но это будет значительно позже.

Очень своеобразным по своему имиджу в лаборатории был старший научный сотрудник кандидат ветеринарных наук Владимир Афанасьевич Федченко. У него была интересная научная тематика – туберкулез верблюдов. Он добился замечательных научных результатов, особенно в разработке способа диагностики туберкулеза у этого вида животных. В это время я даже и не подозревал, что мне в качестве директора Гурьевской НИВС придется глубоко заниматься этой проблемой. Жаль, что Владимир Афанасьевич перестал ездить в южные республики СССР, где разводили верблюдов. Вольно или невольно он забросил это научное направление, перешел на другие научные темы и потерял главную научную цель – туберкулез верблюдов – в своей научной

жизни. Он так и не смог оформить свои обширные научные материалы в докторскую диссертацию. Впоследствии целый набор негативных личных обстоятельств (смерть супруги и др.) остановил профессиональный рост этого эрудированного научного сотрудника.

Я уже упоминал, что работал в одной комнате в лаборатории с аспирантами Владимиром Григорьевичем Зуевым и Зоей Васильевной Тетериной. Каждый из нас занимался своей научной тематикой, у Володи она была связана с сибирской язвой, у Зои – со структурой бруцелл. У нас было много общего в подходах к организации научных исследований. Мы обсуждали аналогичные случаи индикации возбудителей заразных болезней, а также обменивались жизненными вопросами устройства наших семейных дел. Мы все уже имели семьи. Володя и Зоя были несколько старше меня, поопытнее, и я многое перенял у них хорошего, особенно в отношении устройства семейного очага. Надо иметь представление о том, в каких условиях мы работали: комнатушка 15–16 квадратных метров, здесь же бокс и три стола, расположенные близко друг к другу. Обычно мы вместе находились, когда надо было обобщить полученные научные материалы, написать статью, просмотреть последние научные новости в журналах. Для этого необходима была идеальная тишина. Мы это понимали и, занимаясь каждый своей работой, вели себя, как мышки. Тогда не было интернета, компьютерной техники, материалы печатали на старой печатной машинке, подсчет математических данных проводили с помощью счетной логарифмической линейки и калькулятора. Такой техники, таких прекрасных условий, как в настоящее время, у нас, аспирантов, не было, мы даже не могли о них мечтать. Что уж говорить о мобильных телефонах! Все сотрудники лаборатории пользовались одним стареньким телефоном, находящимся в коридоре. Такова была наша повседневная жизнь. Мне повезло, так как мой отец привез после войны маленькую пишущую машинку. Я печа-

тал на ней первые научные статьи, а позже кандидатскую и докторскую диссертации. Эта пишущая машинка и сейчас находится у меня дома, хранится как реликвия.

Володя Зуев был прекрасным спортсменом, активно занимался боксом, был кандидатом в мастера спорта. Занятие боксом наложило на него своеобразный отпечаток. Он обычно при разговоре всегда смотрел на собеседника исподлобья. Был подвижным, любил играть в перерывах в настольный теннис, чему научил и меня. Наши семьи иногда встречались. Володя раньше меня защитил кандидатскую диссертацию, устроился работать в Казахскую зональную научно-исследовательскую станцию по птицеводству, сменил научную тематику и стал заниматься вопросами птицеводства.

Зоя Тетерина также успешно защитила кандидатскую диссертацию. Со своим супругом доктором ветеринарных наук Василием Тетериным они осели в городе Барнауле Алтайского края, где работали преподавателями в Алтайском государственном аграрном университете. В настоящее время они на пенсии, занимаются личным хозяйством.

Я также не могу обойти вниманием двух выдающихся деятелей науки, внесших значительный вклад в ветеринарную науку и практику, с которых мы, молодые аспиранты, брали пример. Это Р.С. Шульц (1896–1973 гг.) и К.П. Студенцов (1906–1978 гг.).

Крупному теоретику паразитологической науки, заслуженному деятелю науки Казахской ССР, профессору Рихарду Соломоновичу Шульцу принадлежит более 250 научных работ, посвященных различным вопросам гельминтологии и паразитологии. Им издано лично и совместно с К.И. Скрябиным несколько монографий, учебников и руководств: «Гельминтозы человека», «Ветеринарная паразитология и инвазионные болезни домашних животных», «Гельминтозы крупного рогатого скота и его молодняка» и многие другие, которые до настоящего времени не потеряли своего научно-

го и практического значения и вошли в золотой фонд советской гельминтологической научной литературы.

Рихард Соломонович свою научную деятельность начал в 1923 г., когда после демобилизации из Красной Армии, принял участие в Бухарской научной экспедиции по изучению местных паразитарных заболеваний. В 1924 г. по приглашению К.И. Скрябина он поступил ассистентом в гельминтологический отдел Государственного института экспериментальной ветеринарии (ГИЭВ, Москва), который был в 1931 г. реорганизован во Всероссийский институт гельминтологии. В этом институте Рихард Соломонович проработал 17 лет, из которых 12 занимал должность заместителя директора по научной работе и заведующего лабораторией экспериментальной терапии гельминтозов, где особое внимание уделял проблеме иммунитета при гельминтозах. Неизвестна причина его переезда в Алма-Атинскую область, где вначале он даже одно время был безработным. Руководители КазНИВИ, зная его как большого ученого, пригласили работать в институте в качестве заведующего лабораторией гельминтозов. Здесь им были блестяще подтверждены его научные гипотезы по проблеме взаимоотношения между хозяином и паразитом и объяснены многие особенности, происходящие в организме хозяина патологических процессов.

Последние годы своей жизни всю энергию Рихард Соломонович отдал созданию уникального четырехтомного труда «Основы общей гельминтологии» (1970, 1972 гг.). Смерть застала его над завершением третьего тома, посвященного патогенезу и иммунитету при гельминтозах.

Большое внимание Р.С. Шульц уделял подготовке научных кадров. К нему в лабораторию приезжали и молодые научные сотрудники, желающие получить оценку своих дерзаний и напутствие на решение практических задач, и маститые ученые для обмена мнениями по животрепещущим вопросам гельминтологии и общей паразитологии. И те, и другие находили здесь в высшей степени радушный прием,

деловую помощь и всяческое содействие в решении теоретических и практических вопросов. Мне приходилось не раз наблюдать за поведением Рихарда Соломоновича на ученых советах института. Обычно он всегда был спокоен, вежлив, говорил коротко и по делу, больше молчал и, видимо, многое, о чем вокруг говорилось, тщательно подвергал внутреннему анализу. Моя супруга Валерия Николаевна, работая в лаборатории биохимии (руководитель В.М. Красов), участвовала в комплексной научной тематике совместно с лабораторией гельминтологии по определению эффективности раствора медного купороса на овец, больных мониезиозом. В то время это был один из основных методов дегельмитизации овец от этого гельминта. Валерия Николаевна с большим уважением относилась к Рихарду Соломоновичу, а он всегда внимательно выслушивал отчеты молодого специалиста, делая замечания в мягкой форме, иногда подхваливал. Она мне говорила: «После встречи с Рихардом Соломоновичем мне как-то сразу становились ясны те стороны моей научной работы, которые я не могла до этого осмыслить в процессе исследований. Хочется еще лучше работать».

Замечательным ученым КазНИВИ, о котором я хочу также написать, был Константин Петрович Студенцов (1906–1978 гг.) – ветеринарный врач, ученый-микробиолог, иммунолог и эпизоотолог, доктор ветеринарных наук, профессор, заслуженный деятель науки Казахской ССР.

К.П. Студенцов родился в селе Кокрять Спасского уезда Казанской губернии в семье псаломщика. В 1926 г. окончил школу в городе Тетюши Татарской АССР. В том же году Казанской секцией научных работников его командировали для поступления в Казанский государственный ветеринарный институт. По окончании института в 1930 г. в качестве ветеринарного врача он был направлен на работу врача в трест Наркомзема СССР в Петропавловский и Павлодарский округа Казахской ССР, где дослужился до начальника эпизоотического отряда треста.

В начале 1931 г. Константина Петровича командировали в Петропавловск для прохождения курсов ветеринарных врачей-серологов. По их окончании он был назначен на должность заведующего серологической лабораторией Кокпектинского совхоза № 86 Семипалатинского округа, где одновременно выполнял обязанности заместителя директора совхоза по ветеринарной части и инструктора эпизоотических отрядов.

В конце декабря 1932 г. К.П. Студенцов уволился с производства и поступил в КазНИВИ на должность научного сотрудника эпизоотологического отдела. После образования в 1938 г. в институте лаборатории по изучению бруцеллеза К.П. Студенцов был переведен в нее на должность научного сотрудника, с 1939 г. назначен старшим научным сотрудником и заместителем заведующего.

В январе 1943 г. К.П. Студенцов был зачислен на должность заведующего лабораторией по изучению бруцеллеза. На заседании ученого совета Алма-Атинского ветеринарного зоотехнического института 7 мая 1946 г. он успешно защитил диссертацию «Серологическая диагностика бруцеллеза» на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук. В августе 1946 г. был назначен на должность заместителя директора КазНИВИ по научной части, через 2 года – заведующего лечебно-профилактической лабораторией.

В Алма-Атинском зооветеринарном институте 25 мая 1961 г. Константин Петрович защитил диссертацию «Диагностика, специфическая профилактика бруцеллеза и материалы по его терапии» на соискание ученой степени доктора ветеринарных наук. После ухода на пенсию К.П. Студенцов с 1 июля 1975 г. работал старшим научным сотрудником-консультантом лаборатории по изучению бруцеллеза в КазНИВИ.

К.П. Студенцов – автор более 100 научных работ, некоторые из них нашли свое отражение в учебниках по эпизоотологии и микробиологии союзного значения.

К.П. Студенцов и В.И. Грязин были по уровню научных знаний, на мой взгляд, равнозначными авторитетами в нашем институте. Только В.И. Грязин был более политизирован, тесно контактировал с районным комитетом партии Казахстана, был там в составе группы ветеранов-коммунистов. Константин Петрович по характеру был несколько мягче Владимира Ивановича, очень осторожен в высказываниях, полемических спорах. Видимо, на него довлела та атмосфера, в которой он воспитывался в молодости (репрессии семьи, вероисповедание родителей).

В СССР и Казахской ССР среди домашних животных началось в то время большое распространение таких заболеваний, как бруцеллез и туберкулез. В связи с этим две соответствующие этим инфекционным болезням лаборатории являлись индикатором успешной работы в научном плане всего института. Два заведующих лабораториями – К.П. Студенцов и В.И. Грязин – были как ученые двумя громоотводами перед МСХ Казахской ССР (вернее, ГУВ) в вопросах профилактики и оздоровления крупного рогатого скота от этих зоонозов. Нам, молодым специалистам, приходилось часто общаться с этими руководителями в период их непростой внутренней нервной и напряженной работы, но, что характерно, и Петр Константинович и Владимир Иванович никогда не показывали при нас свои глубокие переживания, всегда были внешне собраны, адекватны и любезны. Эти ученые были для нас примером. Мы, может быть, и не сознавая, перенимали их лучшие качества, что наверняка сказалось впоследствии на нашем стиле руководства коллективами научных сотрудников.

Прошло более двух лет. Оздоровление крупного рогатого скота в племзаводе «Мамлютский» подходило к завершению, стада животных были поставлены на шестимесячный контроль. Я обобщал полученные научные материалы, писал диссертацию. За период аспирантуры опубликовал пять научных статей, в которых были приведены полученные ре-

зультаты исследований. В частности, схема определения экономического ущерба от туберкулеза крупного рогатого скота, конструкция нового шприца для внутрикожной инъекции, технология оздоровления крупного рогатого скота от туберкулеза на примере племзавода «Мамлютский», возможность диагностики туберкулеза кроликов с использованием внутрикожной туберкулиновой пробы, использования дополнительной ванны в схеме пастеризации молока.

Две научные статьи были опубликованы в журнале «Вестник сельскохозяйственной науки Казахстана». Это был основной научный журнал в республике, публикации в нем научных статей высоко оценивались научной общественностью. Три научные статьи были опубликованы в научно-производственных изданиях МСХ Казахской ССР. Сравнивая свои аспирантские времена с настоящим временем, хочу сказать, что опубликовать научную статью в моей аспирантский практике было очень сложно. Статья блуждала по многим рецензентам, вплоть до руководства Главка науки МСХ Казахской ССР. Были случаи, что научные статьи редакция заворачивала без всякого на то обоснования или вежливо предлагала учесть часто необоснованные замечания. В настоящее время изданий для публикации научных статей на несколько порядков больше, но я не вижу энтузиазма у моих молодых коллег-ученых представлять свои научные исследования для широкого ознакомления научной общественности. Видимо, здесь есть обоюдная недоработка молодых ученых, с одной стороны, и их научных руководителей – с другой. К этому необходимо добавить, что автором своих научных статей был я или научные сотрудники, практики, но там не было фамилии В.И. Грязина. Владимир Иванович на мое предложение включить его в список авторов сдаваемой в печать моей научной статьи высоко поднял брови и неподдельно возмутился: «Александр Семенович, эти исследования проведены лично вами, причем здесь я?». Такое отношение ко мне и другим его аспирантам меня искренне

удивило, потому что В.И. Грязин редактировал мои статьи, делал по ним дельные замечания, в статье были и его научные мысли. Однако он напрочь отказался поставить свою фамилию в число соавторов статьи. Этот пример запал мне глубоко в душу. Я сам в дальнейшей своей научной деятельности в основном не причислял свою фамилию в авторский коллектив статей моих аспирантов и докторантов, а их было у меня большое количество.

Я обязан сказать несколько слов и о том, что в аспирантский период моего обучения мы с Валерией Николаевной, как говорят в народе, родили дочку, назвав ее Олей. Мы очень хотели иметь в нашей семье второго ребенка. Нашему сыну Николаю было 6 лет, уже через год маленький человек должен был пойти учиться в первый класс. Видимо, Всевышний пошел нам навстречу, и Валерия Николаевна родила доченьку. Все это происходило в достаточно сложных условиях: моей супруге удалили гланды, врачи даже советовали ей пропустить эту беременность. Мы неоднократно обсуждали создавшуюся ситуацию, и все же Лера решила оставить нашего долгожданного ребенка. Ее положили на сохранение в больницу. Я хорошо помню одно из моих посещений Леры в больнице: она лежала на боку с открытым ртом, из которого на специальную подстилку лилась изо рта сукровица. Говорить она не могла, только моргала на мои вопросы. В это время она была на последнем месяце беременности. Несмотря на наши переживания, роды прошли успешно, и наше семейство пополнилось одним маленьким человечком. Из этого маленького человечка потом получился хороший специалист с двумя высшими образованиями по зоотехнике и ветеринарии, а также кандидат сельскохозяйственных наук.

В течение примерно трех месяцев я оформил кандидатскую диссертацию и автореферат. В.И. Грязин взял мою работу на проверку. Я ходил довольный, веселый, занимался тяжелой атлетикой, помогал дома в обеспечении нашей до-

ченьки дополнительным питанием через специальный районный молочный пункт. Рано утром, часов в шесть, бегом отправлялся в этот пункт, забирал детское питание и таким же способом доставлял его домой. Это была нужная акция для нашей семьи, вдобавок к этому я осуществлял тренинг, который был очень полезен для действующего спортсмена.

Дни текли, как мелкий ручеек, а Владимир Иванович не возвращал мне мою работу. Я понял, что здесь что-то неладное, так как за текст диссертации, полученные научные материалы я особенно не беспокоился. Здесь, видимо, было что-то другое. Набравшись смелости, решил откровенно поговорить о сложившейся ситуации со своим научным руководителем. Владимир Иванович, несколько смутившись и отведя глаза в сторону, сказал после продолжительной паузы: «Александр Семенович, все, что я мог, я сделал, но выше Бога я не могу прыгнуть». Оказалось, что мою дальнейшую судьбу решали в Главке науки МХ Казахской ССР, где считали необходимым направить меня работать в Гурьевскую область директором Гурьевской НИВС. Владимиру Ивановичу, который хотел оставить меня в своей лаборатории, поставили прямую задачу решить вопрос о моем отъезде в Гурьев. Все это сказалось на сроках защиты диссертации. Об этой ситуации я переговорил с моими домашними – тещей Валентиной Михайловной и Лерой. Я не помню, чтобы дома была какая-то истерика. На семейном совете решили, что мне необходимо подчиниться такой непростой ситуации и поехать на работу в Гурьевскую область. Почему этот вопрос решался на семейном совете? Потому что надо было решать: кто поедет со мной (Лера и Оля), а кто останется в Алма-Ате (Валентина Михайловна и Николай). Решили так: я должен уехать на работу в Гурьев вначале один, обустроиться там, а уже потом ко мне должны приехать Лера с Олей. О нашем семейном решении я сообщил В.И. Грязину. На его лице не дрогнул ни один мускул. Проверка диссертации прошла с космической быстротой, и через неделю диссерта-

ция и автореферат без особых поправок были возвращены мне. До окончания аспирантуры оставалось около двух месяцев. Окончательно оформив диссертацию, стали решать с Владимиром Ивановичем о месте ее защиты. В.И. Грязин, недолго думая, сказал: «Давайте будем защищаться в Киргизском сельскохозяйственном институте имени К.И. Скрябина – в городе Фрунзе. Мне ничего не оставалось, как согласиться и выехать в столицу Киргизской республики. Перед отъездом мне вручили приказ, подписанный Министром сельского хозяйства Казахской ССР М.Г. Рогинцом (1910–1980 гг.). С диссертационными документами и сумятицей в голове приехал во Фрунзе, сразу пошел к ректору Киргизского сельскохозяйственного института имени К.И. Скрябина. Институт был образован в 1933 г., в 1945 г. ему было присвоено имя основоположника учения о гельминтозах, академика трех академий (РАН, РАСХН и РАМН) К.И. Скрябина. Необходимо сказать, имя К.И. Скрябина было присвоено институту при его жизни за большие заслуги перед биологической наукой Туркестана, куда входила и Киргизская ССР.

В период моего посещения института в нем обучались более 5 тысяч студентов, функционировал совмещенный диссертационный совет по зоотехнии и ветеринарии. Ректор ознакомился с моими документами и направил к ученому секретарю совета доктору ветеринарных наук, профессору В.М. Митрофанову. Видимо, с ним кто-то из начальства КазНИВИ переговорил обо мне. Профессор Митрофанов, небольшого роста, очень подвижный и приветливо улыбающийся человек, взял мою диссертацию, быстро ее перелистал, вкратце ознакомился с моей научной работой, после чего мне сказал: «Основного оппонента я вам назову, это доктор ветеринарных наук, профессор Сергей Нарсесович Анастасьян, заведующий кафедрой инфекционных и инвазионных болезней животных. Если он согласится, тогда у вас не будет никаких проблем с защитой». Оказалось, что

С.Н. Анастасьян был в отпуске. От В.М. Митрофанова я узнал, где он живет, и пошел к нему домой, так как, к моему счастью, его коттедж был недалеко от института. Я подошел к высоким воротам и стал изо всех сил стучать. Прошло несколько минут, вдруг отворяется дверь в воротах, и передо мной появился человек в длинных трусах. На лице читался вопрос: кто же это мог побеспокоить его в нерабочее время?

Извинившись перед профессором, представился, сообщил, откуда приехал, что мой руководитель В.И. Грязин направил меня на защиту аспирантской работы в его институт, ученый секретарь совета института просит его согласия на оппонирование моей работы. Сергей Нарсесович вежливо выслушал меня, взял диссертацию, автореферат и сказал: «Хорошо, я посмотрю и сообщу ученому секретарю диссертационного совета в отношении судьбы вашей работы». Сергей Нарсесович уточнил, где я проживаю, и добавил: «Хорошо, через двое суток я дам ответ по поводу вашей работы». Прошло двое суток. Я нашел В.М. Митрофанова, он меня обрадовал положительным решением профессора С.Н. Анастасьяна в отношении моей работы, согласием быть моим официальным оппонентом. Здесь же мне определили второго официального оппонента – кандидата ветеринарных наук доцента П.В. Рыбалкина, заведующего кафедрой микробиологии этого института. Получив добро, я отправился в Алма-Ату и обо всем сообщил моему научному руководителю. Оставалось около месяца до окончания моего аспирантского срока. Я стал готовиться к официальной защите. Оформлял плакаты, обдумывал краткое выступление на защите диссертации. Вдруг меня вызывает В.И. Грязин и сообщает неприятную, вернее, страшную новость. При профилактическом исследовании ветслужбой на туберкулез крупного рогатого скота в племзаводе «Мамлютский» выявлены реагирующие на туберкулин телята в возрасте двух-трех месяцев. Для меня это было шоком. Первые мысли – значит, где-то мы остави-

ли больных туберкулезом коров, молоком которых и были заражены телята. Я попросил директора института Л.Д. Панкратова направить меня в хозяйство для ознакомления с создавшейся эпизоотической ситуацией. Мне выписали командировочное удостоверение, и я поехал в Петропавловск. По прибытии в первую очередь пошел в ветотдел к начальнику С.К. Вяткину, который очень спокойно отнесся к этой ситуации, определил мне в помощники начальника туберкулезно-бруцеллезной экспедиции облсельхозуправления ветврача Ю.А. Макарова.

Проанализировав создавшуюся ситуацию, мы решили комиссионно переисследовать в хозяйстве коров. После туберкулинизации выделили 57 животных, реагирующих на туберкулиновую пробу. В период исследования до меня начали доходить разные слухи. Как я и ожидал, главный ветеринарный врач и директор хозяйства не напрямую, а всякими домыслами хотели происшедшее свалить на мои плечи как основного специалиста, отвечающего за оздоровление хозяйства от туберкулеза. Однако специалисты и рабочие, которые работали со мной, рассказали, что руководство совхоза, выполняя план выхода поголовья животных на конец года, закупило у населения 154 коровы, которых собрали в один гурт. От этих животных получали молоко для выпойки телятам. Исследовав туберкулиновой пробой поголовье гурта и в том числе завезенный скот, мы столкнулись с такой эпизоотической картиной: коровы, постоянно находящиеся в хозяйстве, не реагировали на туберкулиновую пробу, а из числа завезенных 57 реагировали на внутрикожное введение туберкулина. На вскрытии у этих животных были найдены обширные туберкулезные изменения во внутренних органах (легких, печени) и лимфатических узлах.

Руководство хозяйства признало свою ошибку, подписало составленный нами комиссионный акт, где полностью были реабилитированы те ветеринарные врачи, в том числе и я, которые участвовали в оздоровлении от туберкулеза по-

головья крупного рогатого скота в племзаводе «Мамлютский». И самое главное, признали на уровне облветотдела факт оздоровления поголовья крупного рогатого скота в племзаводе.

Сейчас, когда вспоминаю этот случай, мой пульс и дыхание находятся в норме. Но в тот период, когда мы занимались изучением эпизоотической ситуации по туберкулезу в племзаводе «Мамлютский», я был на грани срыва. И днем, и ночью нейроны моего головного мозга бешено анализировали создавшуюся ситуацию. Вдруг это чисто технологическая ошибка в системе оздоровительных мероприятий? Может быть, не было полного охвата исследователями поголовья животных или не учли и допустили к обслуживанию скота больных туберкулезом людей? Все это и многое другое я прокручивал в своей голове. Если это так, тогда пропала вся моя аспирантская работа. А еще позор, который практически ставил большой крест на моей научной карьере. А у меня семья, что дальше делать, как жить? Это далеко не все мысли, которые я выстрадал.

Но все обошлось. Приехав в институт, доложил о проделанной работе научному руководителю, ознакомил его с актом обследования хозяйства на туберкулез. Видел мелкий бисер пота на лице В.И. Грязина. Его тоже напрямую задел этот инцидент. Он глубоко вздохнул и пошел докладывать по этому вопросу директору института Л.Д. Панкратову. Выйдя от него, Владимир Иванович с улыбкой похлопал меня по плечу, подбодрил и сказал: «Готовьтесь к защите и отъезду в Гурьев». Дома в семье было также глубочайшее напряжение. Когда все прояснилось, в нашей семье стало немного спокойней. Я начал готовиться к отъезду. И вот сентябрь 1971 г. Я прилетел на самолете в Гурьев в качестве директора Гурьевской НИВС. На этом закончилась моя аспирантская эпопея, но защита диссертационной работы состоялась немного позже, в декабре 1971 г.

Казахский научно-исследовательский ветеринарный институт
(старое здание)

Александр Яковлевич Дзержинский, директор КазНИВИ (1913–1970 гг.)

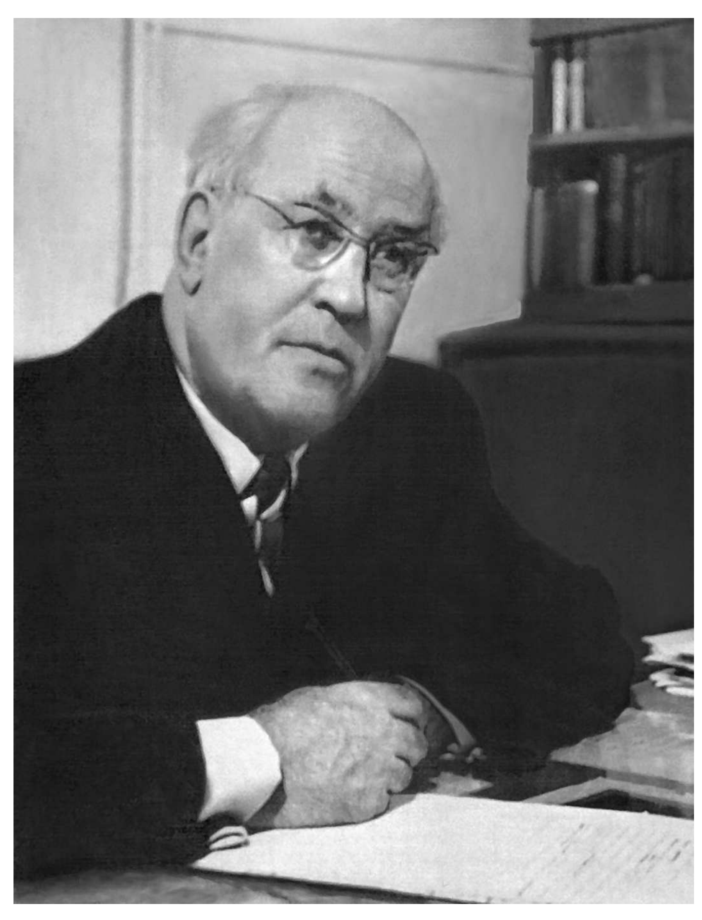
Вячеслав Степанович Анисимов, директор КазНИВИ
(1912–1977 гг.)

Леонид Демьянович Панкратов,
директор КазНИВИ (1913–1980 гг.)

Джумадиль Карабаевич Карабаев,
заместитель директора КазНИВИ (1910–2000 гг.)

Рихард Соломонович Шульц, член-корреспондент РАН
(1896–1973 гг.)

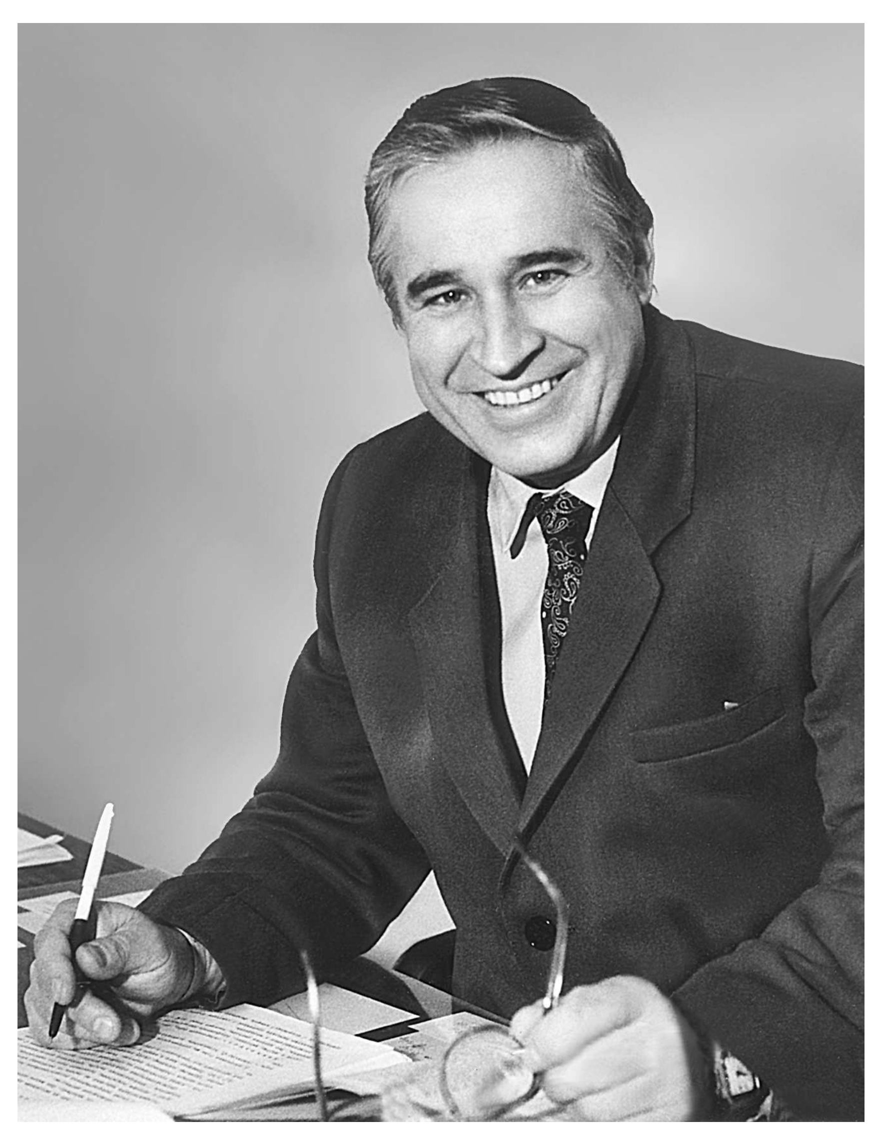
Заседание Ученого совета КазНИВИ. Первый ряд слева направо К.П. Студенцов, Р.С. Шульц, Киндянов, В.И. Грязин

В.И. Грязин с супругой после окончания Великой Отечественной войны

В.И. Грязин, мой научный руководитель по кандидатской диссертации

Я – счастливый аспирант КазНИВИ

Племзавод «Мамлютский». Сын Коля у меня в гостях

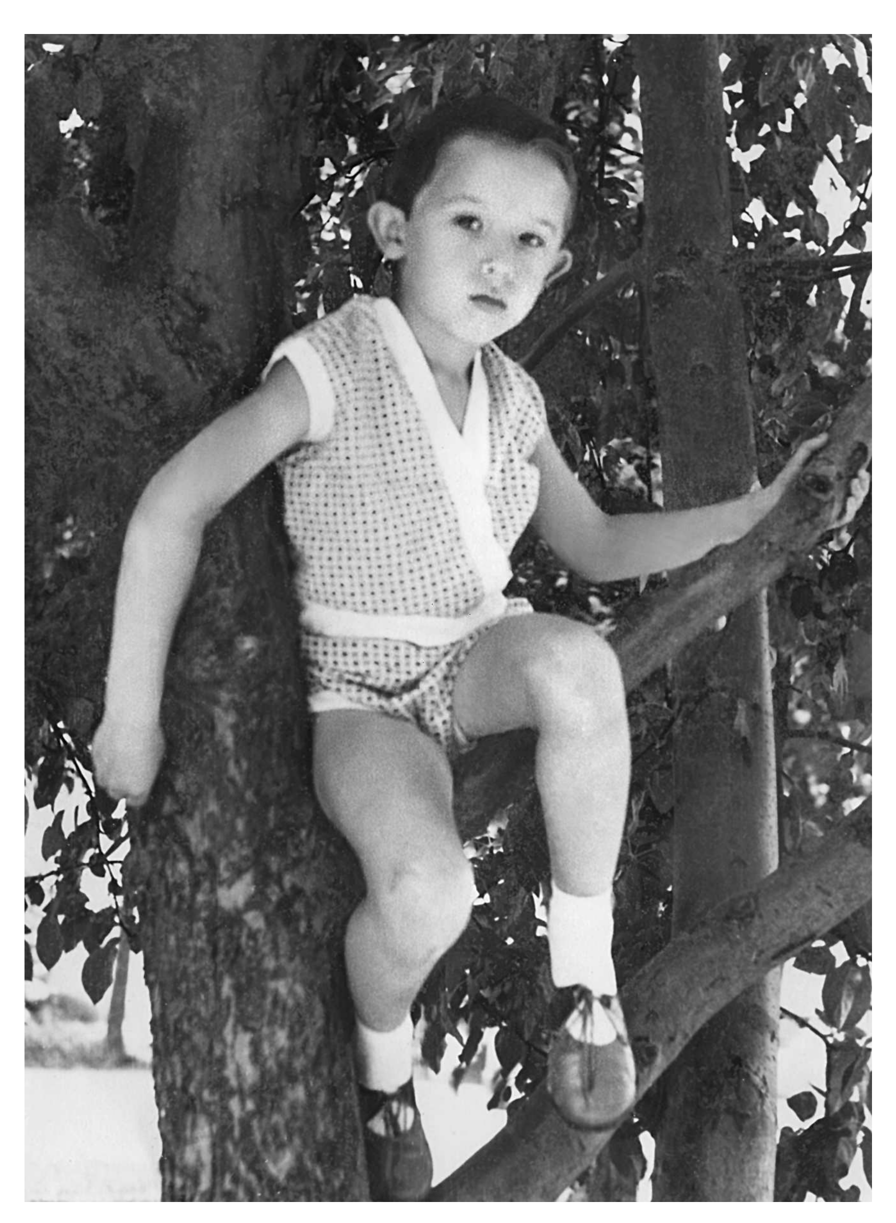
Племзавод «Мамлютский». Лера с сыном Колей у озера

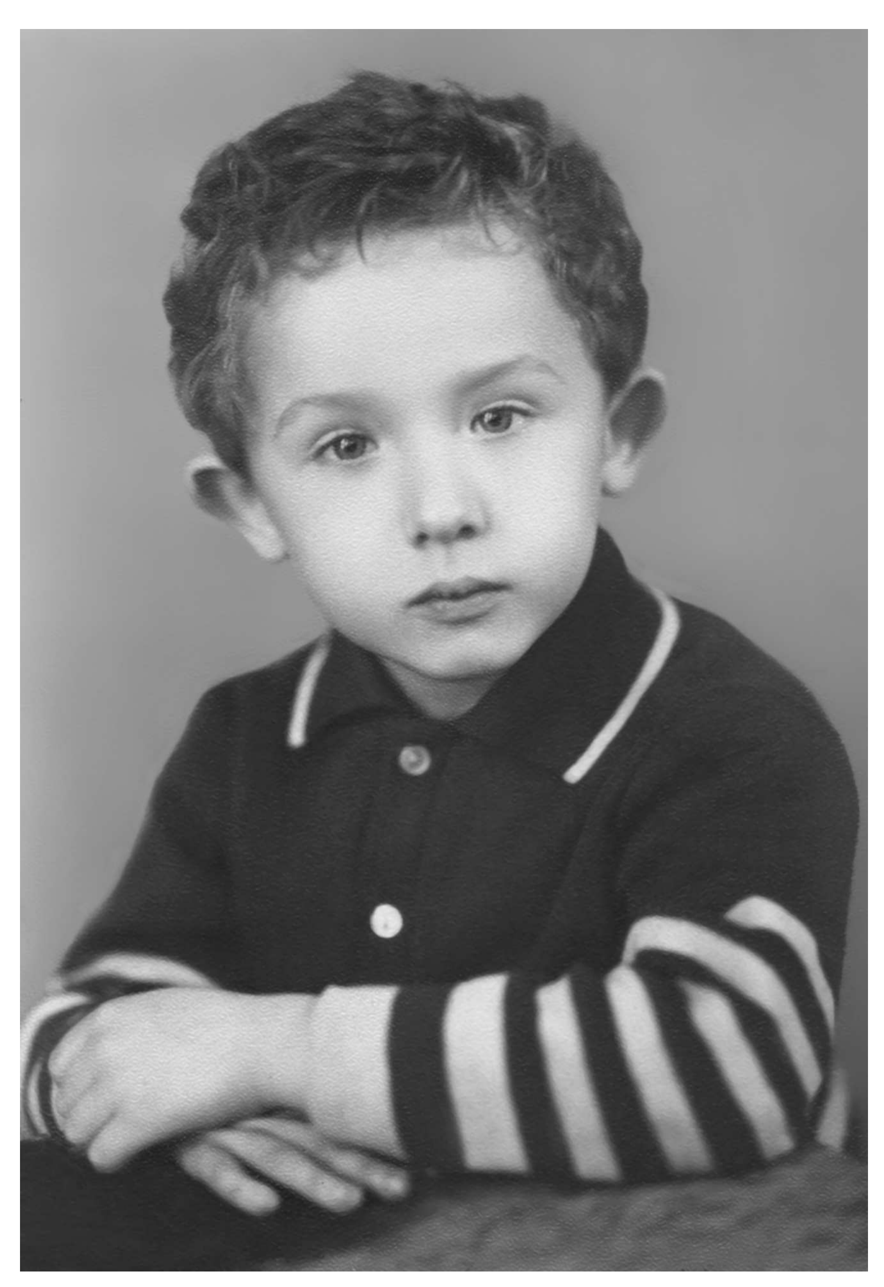
Алма-Ата. Лера с доченькой Олей

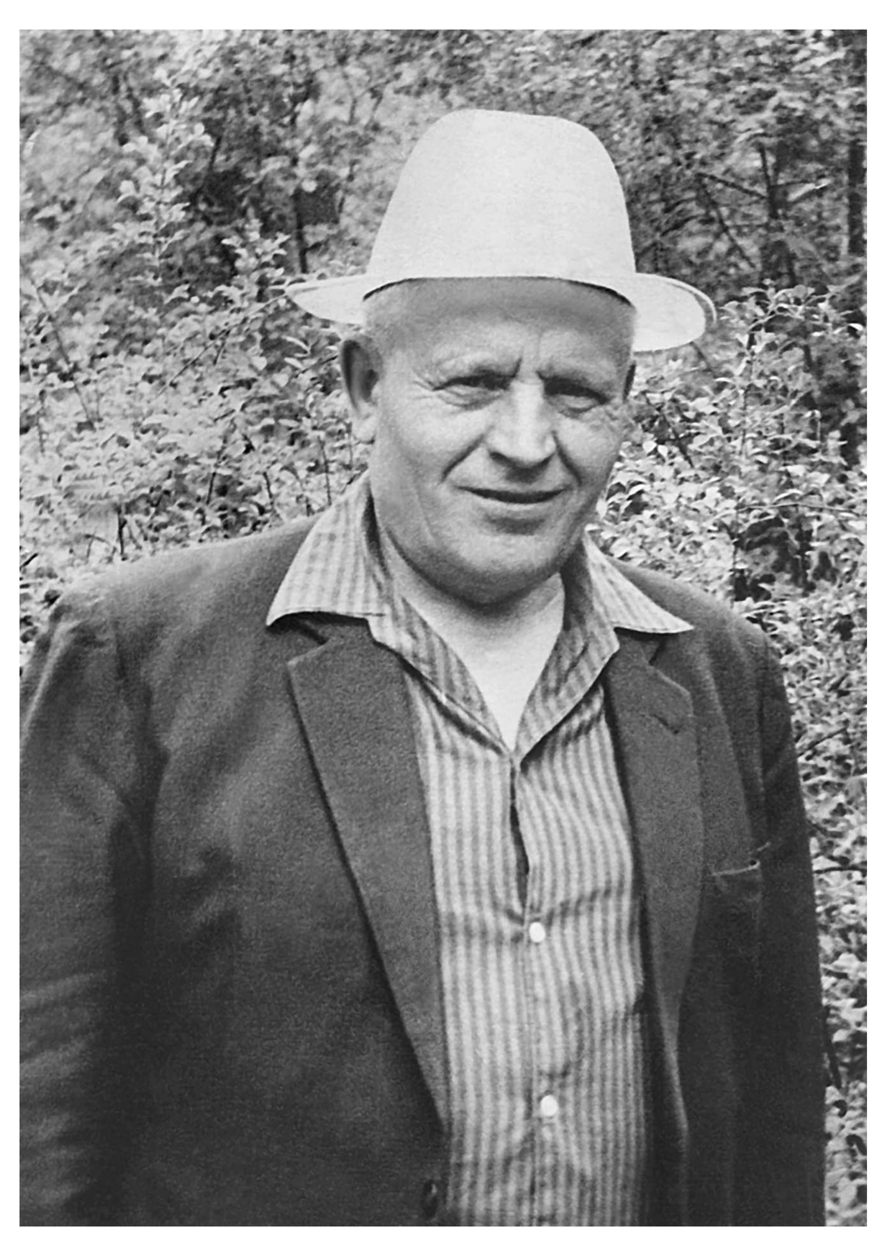
Оля и Коля Донченко

Сын Коля изображает Тарзана

Алма-Ата. Сын Николай

С.В. Донченко, мой папа

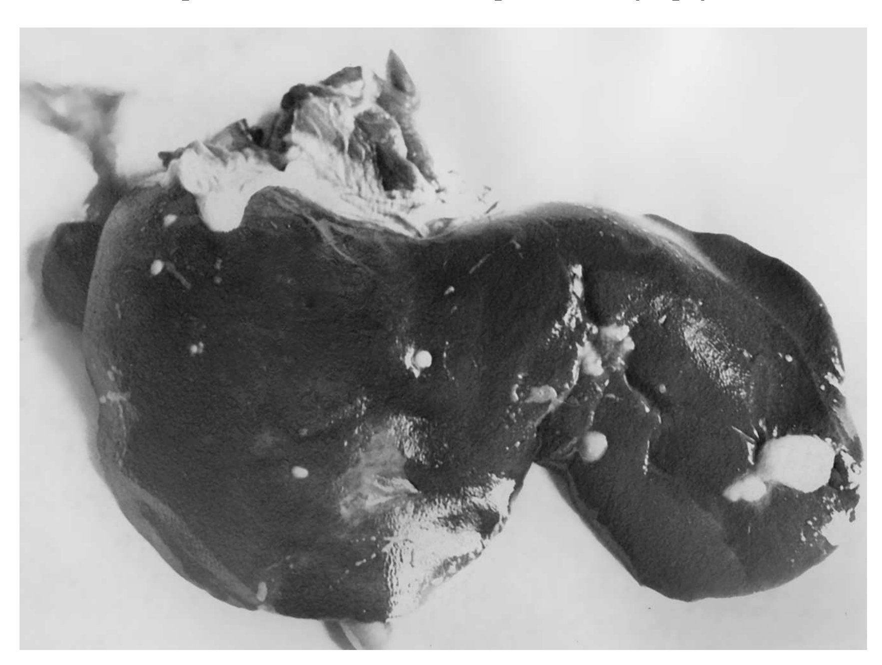
Я и С.В. Донченко. Шахматные баталии
(короткий аспирантский отдых)

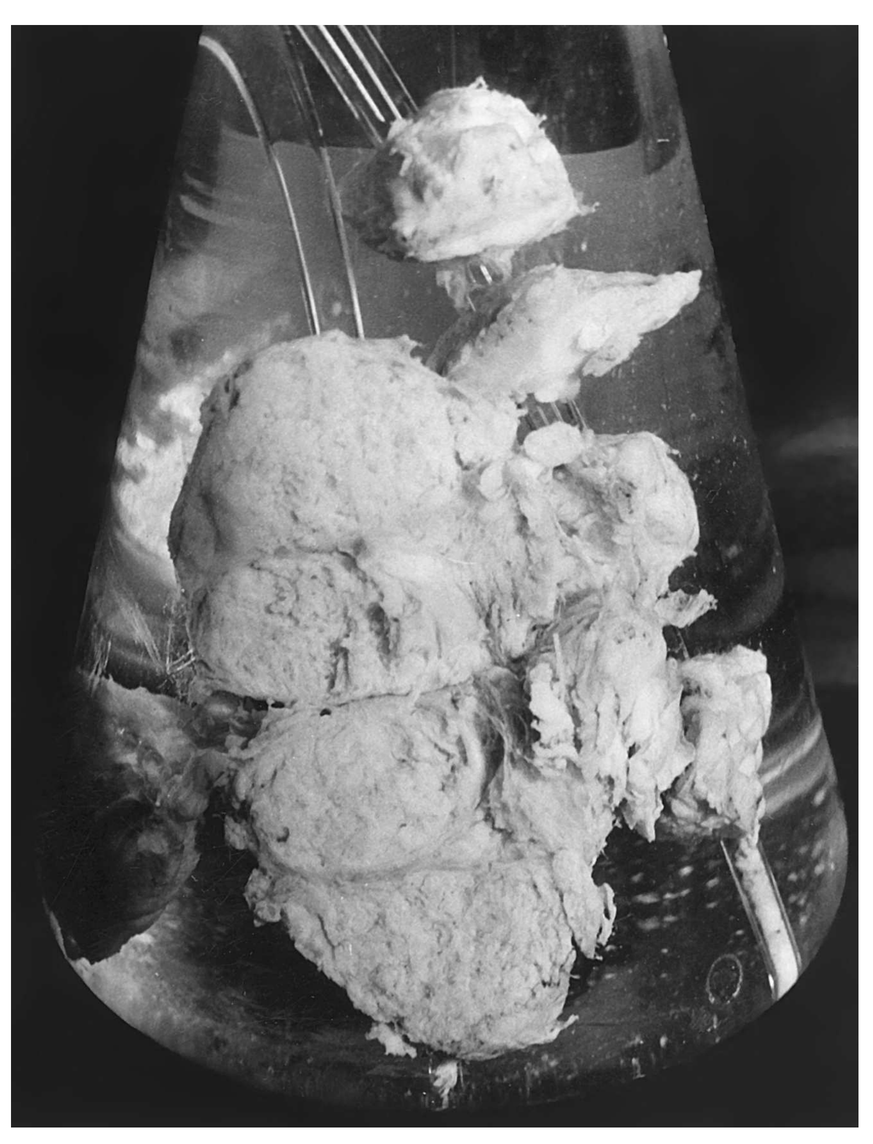
Племзавод «Мамлютский». Исследование животных на туберкулез

Аллергическое исследование верблюда на туберкулез

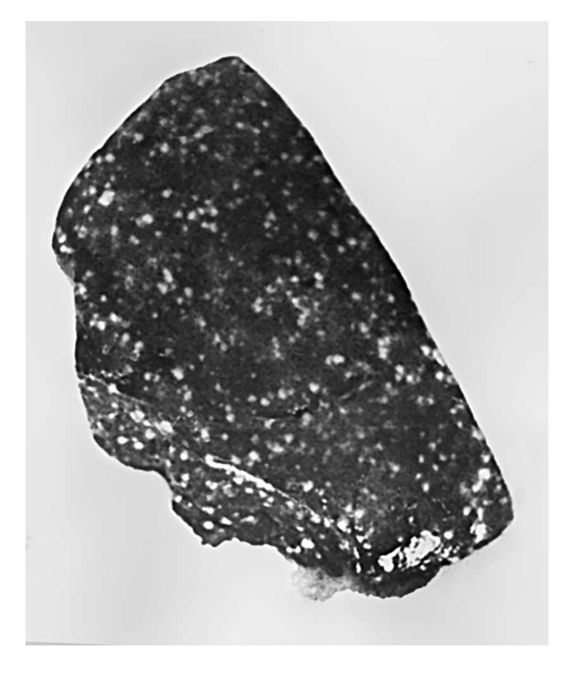
Туберкулезные очаги на печени крупного рогатого скота

Туберкулезные поражения лимфатических узлов у коровы (разрез)

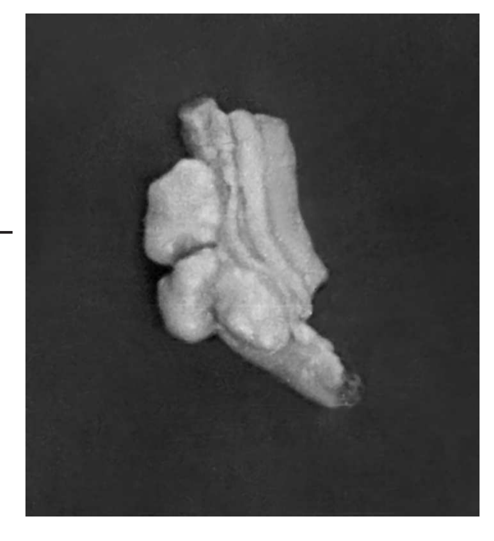

Туберкулезные очаги на легком коровы

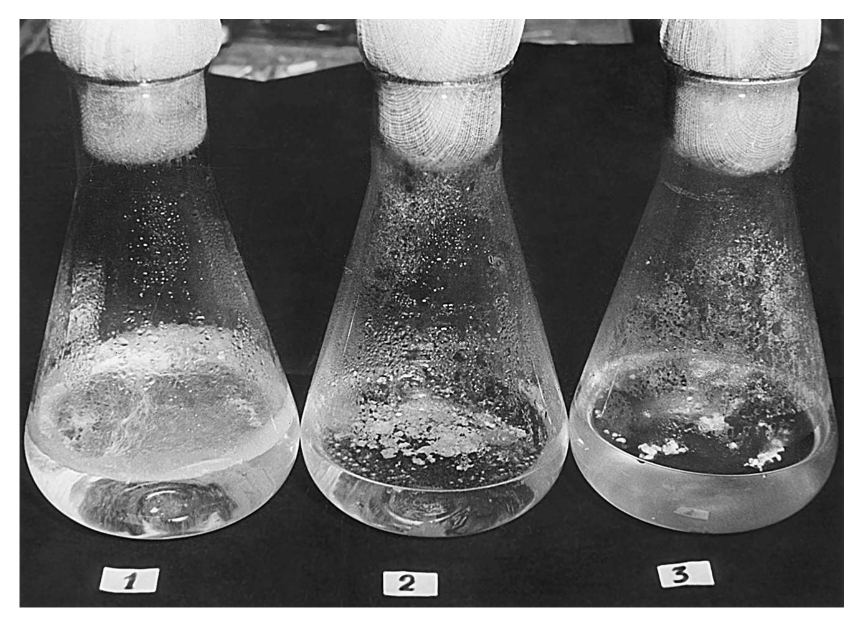

Туберкулезные изменения в печени верблюда (Гурьев, совхоз «Зауральный»)

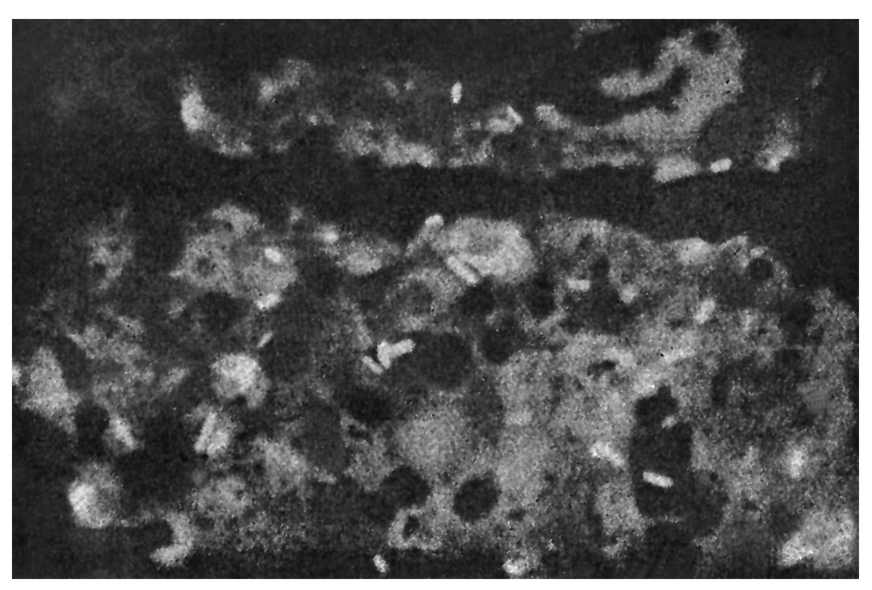
Туберкулезные очаги на серозном покрове грудной полости коровы (жемчужница)

Туберкулезные изменения на кишечнике курицы

Рост микобактерий туберкулеза бычьего (*1*), птичьего (*2*) и человеческого (*3*) видов на жидкой среде Сатона

Микобактерии туберкулеза под люминесцентным микроскопом (x540)

ГЛАВА 7

«ГУРЬЕВСКАЯ КАША», ИЛИ МОЕ НАСТОЯЩЕЕ ВХОЖДЕНИЕ В НАУКУ

Жизнь – колесо,
что сегодня внизу,
завтра наверху.

Гарин-Михайловский
(1852–1906 гг.)

Итак, передо мной встал выбор – принять предложение Министерства сельского хозяйства Казахской ССР и переехать из Алма-Аты в Гурьев, возглавить Гурьевскую научно-исследовательскую ветеринарную станцию (Гурьевская НИВС), защитить кандидатскую диссертацию, но при этом лишиться многих благоприятных условий – проживания в хорошей квартире, устоявшегося семейного быта, отдалиться на большое расстояние от многих моих товарищей, отца, матери, брата, закончить с тренировками в тяжелоатлетическом зале. В случае отказа от назначения все это останется при мне, но я лишусь будущего научного продвижения, буду прозябать, как это случалось со многими научными сотрудниками в КазНИВИ, которые работали до старости на должностях младших научных сотрудников, и, если повезет, старших научных сотрудников.

Действительно, жизнь – это колесо. Я осознанно выбрал работу директора Гурьевской НИВС, о чем и по настоящее время не жалею. Гурьевская НИВС, как и все остальные восемь подобных станций: Восточно-Казахстанская (Усть-Каменогорск), Западно-Казахстанская (Уральск), Карагандинская (Караганда), Кустанайская (Кустанай), Целиноградская (Целиноград), Южно-Казахстанская (Чимкент), Северо-Казахстанская (Петропавловск) – были подчинены Ка-

захскому научно-исследовательскому институту ветеринарии (Алма-Ата).

Какова же история города Гурьева (с 1991 г. – Атырау)? В переводе на русский Атырау – урочище, камышитовая отмель в устье реки Урал.

До 1991 г. Гурьев – город областного подчинения Атырауской области Казахстана (бывшей Гурьевской области). Он расположен в Европейской (западной) части Казахстана по берегам реки Урал. На момент основания находился в месте впадения реки в Каспийское море. Город отдалился на 25–30 километров от моря вследствие падения уровня Каспия. В настоящее время Атырау – нефтяная столица Казахстана.

История города начинается с 1640 г., когда русский купец Гурий Назаров, житель Ярославля, в устье реки Яик (река Урал) при впадении в Каспийское море в 1640 г. на собственные деньги построил деревянный острог. Дети Гурия Назарова – Михаил, Иван и Андрей Гурьевы – первыми начали промысловую разработку рыбных богатств Яика и нефтяных запасов Эмбы. Позднее острог перешел под власть Яицкого казачьего войска. В 1647–1648 гг. по царскому указу был возведен каменный город, названный Яицкий городок, а после того, как на месте современного Уральска был построен еще один Яицкий городок, его стали именовать Нижним Яицким городком, реже – Усть-Яицким городком. В XIX в. он стал именоваться Гурьевым городком, позднее просто Гурьев.

В 1667–1668 гг. город был занят Степаном Разиным. Впоследствии Екатерина II, чтобы стереть из памяти народа всякие воспоминания о Пугачевском восстании, переименовала реку Яик в реку Урал.

Исторически река разделила город на две части: «европейскую», или «самарскую», и «азиатскую», или «бухарскую», слабо заселенную прежде. Город строился сначала в основном на Самарской стороне. Там же по инициативе со-

стоятельных горожан была выстроена каменная церковь, одно из первых высоких строений старого города. Здесь были построены первые заводы по переработке нефти и завод нефтяного оборудования, а также рыбоконсервный. Гурьевская область, а именно Эмбенский нефтеносный район, стал центром нефтедобывающей промышленности Казахстана.

Купеческие дома выглядели так же, как астраханские. Первый этаж – каменный полуподвал, второй – деревянный. Основная масса домов – это глинобитные (саманные) мазанки. Первый мост через Урал построен перед войной. Он был понтонный, чтобы перевести вверх по реке баржи с грузом, в середине моста отводили секцию на понтонах.

Город стал расширяться в 1930-х годах со строительством рыбоконсервного комбината и его жилого массива Балыкши. Во время Великой Отечественной войны сюда эвакуировали промышленные предприятия. Затем началось строительство нефтеперерабатывающего завода (ГНПЗ) со своим жилым комплексом (Жилгородок). Все эти предприятия находились на противоположной стороне города – Бухарской. Понтонный мост уже не справлялся с возросшей нагрузкой, и в середине 1960-х годов был построен капитальный железобетонный мост на «быках». На середине моста установили памятный знак о границе Европы с Азией. В обсуждении его проекта на страницах областной газеты участвовал весь город.

Со строительством железной дороги Гурьев – Астрахань были построены железнодорожный мост через Урал и новый вокзал. Эта дорога дала кратчайший выход с юга Средней Азии (Душанбе, Термез, Бухара, Чарджоу, Нукус, Кунград, Бейнеу) и с Мангышлака в Европейскую часть страны. Город рос, благоустраивался. Возник новый аэропорт, принимающий современные самолеты: «Ту», «Ил», «Ан». В настоящее время это город восьми мостов: железнодорожного, шести автомобильных и одного специально построенного пешеходного.

Гурьев был центром огромной области. На юге граница области проходила с границей Туркмении по заливу Кара-Богоз-Гол. На востоке область граничила с Узбекистаном (Каракалпакия) и Актюбинской областью, на севере – с Уральской, на западе – с Астраханской. С начала освоения природных богатств Мангышлака (нефть, газ, урановая руда) и строительством города Шевченко (ныне Актау) область была поделена на Гурьевскую и Мангышлакскую.

В развитии этих областей и их центров Гурьева и Шевченко участвовал весь Советский Союз. Многие исторические вехи и события, свидетелями которых был Гурьев, запечатлены в названиях его улиц. Здесь несколько раз проходил со своими казаками Степан Разин, бывал Емельян Пугачев. Есть улицы Разина, Пугачева, проспект Абая, названный в честь известного просветителя казахского народа Абая Кунанбаева, улица Мухтара Ауэзова, написавшего книгу о нем, улица Чокана Валиханова. Гурьевский городской Совет народных депутатов 4 октября 1991 г. переименовал город в Атырау. На начало 2010 г. население города составляло 231 000 человек. В 1999 г. широко отмечалось 100-летие казахстанской нефти, а город Атырау с подачи президента Назарбаева в прессе стали называть нефтяной столицей Казахстана.

Многие жители Гурьева вспоминают о «гурьевской каше» в период ранней весны или поздней осени, когда на город обрушиваются ливневые потоки с небес. Конечно, большинство жителей знают, что никакой связи между названием знаменитого блюда и гурьевской грязью нет. По основной версии рецепт знаменитой каши принадлежит Кузьмичу, личному повару графа Дмитрия Гурьева, который служил в Одессе городничим, министром финансов и сенатором Российской империи. За пределами России рецепт гурьевской каши стал известен в 1814 г., когда в Париже ее представили как национальное блюдо русской кухни. В сходстве консистенций гурьевской каши и гурьевской грязи, особенно на

дорогах, и заложены однозначные признаки тягучей глубокой вязкой грязи-каши. Такого ненастья я никогда не встречал в других местах своего проживания. В таких случаях жители города, чертыхаясь, ругают непогоду, связывая ее с гурьевской кашей.

И вот 1971 г. Я лечу на самолете из Алма-Аты в Гурьев с пересадкой в Актюбинске, имея на руках приказ о назначении меня на должность директора Гурьевской НИВС. В аэропорту меня встретил уже бывший директор станции – Николай Михайлович Львов, очень обаятельный, вежливый, до мозга костей интеллигентный ученый. Николай Михайлович был старше 65 лет, поэтому он сам попросил о его замене, чувствуя, что не может больше работать на прежнем уровне.

Станция располагалась недалеко от аэропорта. На машине 10–15 минут езды, и мы в помещении станции. Территория станции была огорожена забором, основной корпус был двухэтажным. Рядом располагались двухэтажный с двумя подъездами дом, несколько небольших отдельно стоящих домиков из двух-трех комнат. Также здесь находилась кочегарка, которая отапливала станцию, областную ветбаклабораторию и прилегающие дома, где жили сотрудники станции, ветлаборатории, а также пенсионеры. Рядом со станцией был виварий и гараж на 6-7 автомобилей. В общем, все было под рукой, умно сконцентрировано в одном месте: станция и ветбаклаборатория. Можно было в любое время решать быстро и эффективно общие ветеринарные дела, особенно диагностику заразных болезней, что мы с успехом и делали.

С Николаем Михайловичем выбрали на первом этаже одну большую и одну маленькую комнаты под кабинет директора. В маленькой комнате разместили кровать, где я течение года ночевал, пока не получил квартиру после отъезда на другую работу одного из сотрудников станции.

Гурьевская НИВС организована в 1957 г. Ее первым директором был назначен Николай Михайлович Львов, 1906 года

рождения, окончивший в 1928 г. Саратовский ветеринарный институт. Николай Михайлович был энциклопедически подготовленным специалистом в области биологических наук. В 1959 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Определение серологическим и бактериологическим методом больных паратуберкулезом сельскохозяйственных животных». В то время и даже в период моей работы на посту директора эта проблема, особенно в овцеводстве, была одной из важнейших. Отмечалась гибель овец, снижались привесы и особенно настриг шерсти. Николай Михайлович позже активно занимался профилактикой и организацией противобруцеллезных и противотуберкулезных мероприятий в стадах крупного рогатого скота Гурьевской области.

Надо заметить, когда приехала моя жена Валерия Николаевна с дочерью Ольгой, мы проводили свободное время с Николаем Михайловичем и его супругой Людмилой Николаевной, очень любезной, мастерицей выпекать различную сдобу, всегда прямолинейной в суждениях, советах, различных личностных оценках. Отрицательной чертой (видимо, она была единственной) Людмилы Николаевны была ее тяга к курению. Правда, в нашем присутствии она уходила на 5–6 минут в палисадник, чтобы сделать несколько затяжек, как ни в чем не бывало возвращалась и любезно продолжала общаться с нами.

В советское время было заведено: вновь прибывших руководителей республиканских структур всегда знакомили с руководством области. На третий день моей работы меня пригласили к первому секретарю обкома КП Казахской ССР Саламату Мукашевичу Мукашеву (1927–2004 гг.). В дальнейшем, на протяжении моего руководства станцией, мне пришлось работать с Саламатом Мукашевичем (за глаза мы его называли Саке). Секретарь Мукашева разрешила мне войти в его кабинет. Я открыл дверь и увидел встающего из-за стола красивого, с густой кудрявой шевелюрой и высоким лбом человека. Я поздоровался. Саламат Мукашевич

подал мне руку, я с почтением пожал ее. Он тихим спокойным голосом расспросил меня, из какой я семьи, что и как закончил, имею ли я семью, каково кредо моей научной работы. Видимо, все необходимое для себя он выяснил. Пристально глядя мне в глаза, так же спокойно сказал напутствующие фразы и заверил, что мы будем часто встречаться. «Я вас буду брать с собой в командировки при посещении сельскохозяйственных районов». Присутствующему при этом секретарю обкома по сельскому хозяйству А.А. Погорелову сказал: «Вы съездите на станцию, посмотрите, чем они там занимаются, и решите вопрос, как научных сотрудников более эффективно привлечь к производству». Все это в дальнейшем было выполнено. Как мне сказали наши сотрудники, что за последние 10 лет не было такого посещения высшего партийного руководства области Гурьевской НИВС.

Работая в Гурьевской области на протяжении шести лет, я часто встречался с Саламатом Мукашевичем на различных совещаниях, научных конференциях, заседаниях, выезжал с его командой в районы и всегда удивлялся его ровному отношению к людям любых рангов: от скотника и пастуха до первого секретаря райкома.

Саламат Мукашев родился в городе Гурьеве (Атырау). В связи с началом Великой Отечественной войны, не окончив среднюю школу, в 1941 г. поступил в ФЗУ (фабричное заводское училище) нефтепромыслового поселка Доссор. Трудовая карьера Саламата Мукашева началась в 1942 г. по окончании ФЗУ, когда он стал работать оператором по подземному ремонту нефтяных скважин в Макатском нефтепромысле. В 1944 г. он поступил в Гурьевский горно-нефтяной техникум. По его окончании работал в Макатском нефтепромысле по специальности. В 1948 г. на нефтепромысле Доссор был назначен организатором комитета комсомола, в 1949 г. направлен в двухгодичную школу профсоюзов в Харьков. В 1950 г. С.М. Мукашев вступил в КПСС, в 1951–1961 гг. работал секретарем Гурьевского обкома КП

Казахстана, председателем Гурьевского областного совета профсоюзов. В 1961–1965 гг. он работал первым секретарем Жылыойского райкома Компартии Гурьевской области, секретарем Эмбинского промышленно-производственного парткома Западно-Казахстанского края. В 1965–1970 гг. он был секретарем Эмбинского райкома КП Казахстана, в 1970–1977 гг. – первым секретарем Гурьевского обкома КП Казахстана. В 1977 г. его перевели в Алма-Ату, где он до 1980 г. работал председателем Казахстанского республиканского совета профсоюзов. С 1980 по 1985 г. он первый секретарь Мангышлакского обкома КП Казахстана, с 1985 по 1988 г. – Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР. С.М. Мукашев был кандидатом в члены ЦК КПСС (1986–1989 гг.), депутатом Совета Союза Верховного Совета 8–11-го созывов (1970–1990 гг.) от Мангышлакской области. В 1988 г. С.М. Мукашев вышел на пенсию. Умер 18 июля 2004 г. в возрасте 76 лет, похоронен в городе Кульсары Гурьевской (Атырауской) области Казахстана. Он, видимо, свое захоронение обговорил еще при жизни, поэтому был погребен там, где прошла его молодость. Это говорит о том, что человек ушел туда, откуда он вышел как молодой специалист и набрался огромного жизненного опыта.

Как и у любого большого руководителя, у Саламата Мукашевича были и свои жизненные радости, и тяжелые будни: семейные, партийные, личные. Об этом можно судить только по одной фразе в воспоминаниях Д.А. Кунаева, где он в одном месте негативно высказался в отношении С.М. Мукашева.

В силу своей профессии мне часто приходилось бывать на заседаниях президиумов Гурьевского облисполкома, где освещались вопросы сохранности животных, освоения различных зооветеринарных технологий в сельскохозяйственном производстве, заслушивались отчеты руководителей сельхозпредприятий и многие другие.

Председателем Гурьевского облисполкома в это время (1970–1977 гг.) работал Унайбай Кушекович Кушеков (1925–

2013 гг.). Родился У.К. Кушеков в местечке Сарыозек аулсовета Еркинкала, расположенного в 13 километрах от Гурьева. Рос в многодетной чабанской семье. В 1930 г. его отец был чабаном первого совхоза, организованного в этих местах. Окончив 7 классов школы, Унайбай в 15 лет стал разнорабочим в совхозе, а когда в 1942 г. его отец ушел на фронт, сам стал чабаном.

В 1943 г. Унайбай Кушеков был призван в ряды Красной Армии, где окончил военно-пехотное училище в Благовещенске (Башкирская АССР), затем школу младших лейтенантов. По направлению Генерального штаба пограничных войск СССР служил в Грузии на одной из застав Ахалцихского пограничного отряда охраны государственной границы СССР сначала заместителем, а потом начальником. В 1948 г. был признан не пригодным к военной службе из-за тяжелой болезни и демобилизован. После войны работал заместителем председателя областного комитета добровольного общества содействия армии (ДОСАРМ), затем в аппарате Гурьевского городского комитета КП Казахской ССР, представителем Министерства заготовок СССР в Гурьеве.

В 1958 г. был направлен в Алма-Атинскую Высшую партийную школу, по ее окончании работал в аппарате Западно-Казахстанского крайкома КП Казахстана, затем заведующим сельхозотделом Гурьевского обкома КП Казахстана. В январе 1968 г. избран первым секретарем Мангышлакского райкома КП Казахстана. С 1970 по 1977 г. – председатель Гурьевского облисполкома.

В 1977 г. У.К. Кушенов стал первым секретарем Гурьевского обкома КП Казахстана. Во время его пребывания на этом посту в 1979 г. произошло открытие крупного Тенгизского нефтяного месторождения. В дальнейшем У.К. Кушеков внес большой вклад в развитие нефтяной промышленности в Западном Казахстане. Уделялось большое внимание проблеме обеспечения людей жильем; в области ежегодно сдавалось примерно 180–220 тысяч квадратных метров жи-

лой площади. В городе начал работать домостроительный комбинат мощностью 80 тысяч квадратных метров в год. Строилось немало объектов народного образования и здравоохранения. В Гурьеве были сданы в эксплуатацию роддом и туббольница, в Миялы, Ганюшкино и Балыкши – районные больницы. На карте области появились новые населенные пункты, были созданы производственный кооператив «Ак Жайык» по производству семян высококачественных трав, комплексы «Актогай» по заготовке кормов, «Жалгансайский» по производству картофеля, совхозы имени «ХХ1 партсъезда» и «Коптогайский» по производству молока и овощей. В результате из года в год увеличивалось количество сдаваемых государству мяса и молока, шерсти, каракуля, бахчевых и овощных культур. В течение двух лет была построена дорога Атырау – Ганюшкино. Потом было начато строительство дорог Атырау – Макат – Кульсары, затем Индер – Сагиз-Миялы. Были реконструированы участки железной дороги Ганюшкино, Макат, Гурьев и Кульсары, построена железная дорога Макат – Индер.

С 1985 г. У.К. Кушеков на пенсии, персональный пенсионер союзного значения. Скончался 8 сентября 2013 г.

Если С.М. Мукашева мы, сельхозники, считали специалистом-нефтянником, то У.К. Кушекова мы знали как специалиста-агрария. На совещаниях он глубоко вникал в вопросы сельского хозяйства. Овцеводство как отрасль знал лучше нас, специалистов. Это и неудивительно: он с детских лет был знаком с технологиями, используемыми в овцеводстве. В некоторых случаях иногда даже нас ставил в тупик по ряду вопросов содержания и кормления овец.

Очень своеобразным и интересным как человек и как партийный работник был секретарь Гурьевского горкома КП Казахской ССР Есен Таскинбаев. Так как станция была расположена в черте города, то мы волей-неволей общались с горкомом, особенно по партийным и организационно-хозяйственным делам.

Я заступил на работу директором станции как беспартийный. Через год на каком-то совещании я выступил против мнения заведующего сельхозотдела обкома, за что он пообещал наказать меня по партийной линии. Я ему парировал: «Пожалуйста, только я не член КП Казахской ССР». Руководитель сельхозотдела обкома, высоко подняв брови, удивился: «Как это так?» На этом наш разговор закончился. Я уехал к себе на станцию и забыл о нем. Но не тут-то было. Меня пригласил к себе секретарь Гурьевского горкома КП Казахской ССР Е. Таскинбаев. В его кабинете сидели несколько человек. Оказалось, что это старейшины-коммунисты, которые с любопытством рассматривали меня. «Александр Семенович, пишите заявление на предмет приема вас в члены КП Казахской ССР», – сказал Е. Таскинбаев. Предложение прозвучало неожиданно. Однако я почувствовал одобрительное отношение сидящих «товарищей», и написал заявление, которое было рассмотрено и одобрено собравшимися партийцами-старейшинами. Дальше все пошло по зеленому свету. Через год я стал членом КП Казахской ССР. На одном из совещаний тот же заведующий сельхозотдела обкома в присутствии собравшихся у него в кабинете сельхозников сказал: «Ну вот, Александр Семенович, теперь ты уже так легко не отвертишься от партийного наказания». Мне в жизни повезло: его угроза на протяжении моего членства в Коммунистической партии Казахской ССР, а потом и СССР, не осуществилась. Видимо, я неплохо исполнял возложенные на меня обязанности, где бы ни работал.

В дальнейшем мне часто приходилось встречаться и работать с Есеном Таскинбаевым, высоким, красивым, выдержанным, умным руководителем. Он родился 10 марта 1932 г. в селе Жарчик Жылыойского района Гурьевской области. В 1954 г. окончил Московский нефтяной институт имени И.М. Губкина по специальности инженер-механик. С 1954 г. работал слесарем по ремонту бурового оборудования Кульсаринской конторы бурения, прорабом вышкомонтажного

цеха, главным механиком конторы бурения в поселке Кульсары, с 1959 г. – главным механиком объединения «Кульсарынефть», с 1965 г. – первым секретарем Гурьевского горкома партии Казахстана. В 1977 г. занял должность председателя Гурьевского облисполкома, с 1987 г. – заместителя председателя Гурьевского агропромышленного комитета по науке и учебным заведениям. С 1995 г. на пенсии. Е. Таскинбаев был депутатом Верховного Совета Казахской ССР 8–11-го созывов, делегатом XXV–XXVII съездов КПСС, делегатом XII–XVI съездов Компартии Казахстана, председателем правления Атырауского объединения общества охотников и рыболовов. Награжден орденами Октябрьской революции, «Курмет», Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и шестью медалями. Почетный гражданин города Атырау и Жылыойского района.

В Гурьеве я сблизился с очень интересным человеком Олегом Семеновичем Мирошхиным. Этому способствовало то, что он был родственником Николая Михайловича Львова, с которым на всем протяжении моей работы я сохранил очень близкие дружеские отношения.

Родился О.С. Мирошхин 26 октября 1928 г. в Гурьеве. В 1951 г. окончил Московский нефтяной институт имени И.М. Губкина. В 1951–1970 гг. работал механиком, начальником цеха конторы бурения, главным механиком объединения «Казахстаннефть», заместителем начальника Западно-Казахстанского геологического управления. В 1970–1973 гг. заведовал промышленно-транспортным отделом Гурьевского обкома КП Казахстана. В это время я и познакомился с ним и его супругой. В 1973–1976 гг. он был вторым секретарем Мангышлакского обкома КП Казахстана, в 1976–1979 гг. – секретарем ЦК Компартии Казахстана, в 1979–1987 гг. – вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана. С 11 мая 1987 г. по 14 августа 1990 г. работал чрезвычайным и полномочным послом СССР в Республике Замбии. О.С. Мирошхин был депутатом ВС СССР 10-го и 11-го созывов, членом ЦК КПСС с 1981 г.

Близко я сошелся с Олегом Семеновичем в период его работы заведующим отделом Гурьевского обкома КП Казахской ССР. Надо было решить ряд производственных вопросов и один личный – устроить дочь Ольгу в детский сад, который был близко расположен возле нашей станции. Все вопросы были решены быстро. Олег Семенович мне показался в то время живым, энергичным, досконально знающим те производственные кнопки, на которые надо нажать при решении сложных и не очень сложных производственных задач. Правда, он был сдержан и немногословен в обращении, особенно с новыми знакомыми. Как объяснил мне Николай Михайлович Львов, такие черты характера у него связаны с трагической судьбой его отца, который был арестован в 1937 г. и сослан в Сибирь, где и умер. О.С. Мирошхин оставил глубокий и полезный для Казахстана след, особенно работая в течение пяти лет вторым секретарем ЦК Компартии Казахской ССР.

Я подробно остановился на лидерах и руководителях Гурьевской области, чтобы было ясно, с какими яркими личностями приходилось нам, молодым руководителям, работать и общаться, брать с них пример, ежечасно учиться у них управлять большими и небольшими трудовыми коллективами.

Передо мной сразу встал вопрос о ремонте на станции водопровода, очистительных сооружений, улучшении эффективности работы нашего теплоносителя – кочегарки. Навыки в подобных делах у меня уже были. Часть необходимых денежных средств мы с главным бухгалтером станции Галиной Александровной Александровой изыскали. Я собрал коллектив станции (а это было 60 человек) и изложил свое поэтапное видение моей работы в качестве руководителя станции, как сейчас говорят, ознакомил его с дорожной картой. Коллективом были внесены дополнения к моим наметкам, в том числе и в отношении научной работы. Своими силами мы побелили стены кабинетов, нанятые рабочие

сделали косметический ремонт внутри здания, в виварии и вместе с водителями – в гараже. Встал вопрос с канализацией: надо было чистить колодцы. Добровольцев не нашлось. В этом случае надо было решать вопрос личным примером. Я переоделся и спустился в первый (а их было девять) канализационный колодец и с помощью небольшой лопатки собрал весь мусор на дне в подаваемые сверху на веревке ведра. Таким образом очистил первый колодец. Вылез из колодца грязный, со специфическим запахом и сказал: «Ну вот, братцы, сейчас умоюсь, и пойдем чистить второй колодец». Тишина, а потом женщины стали укорять мужчин: водителей, электриков, сантехников и молодых научных сотрудников в том, что директор работает, а все наблюдают. После этого работа пошла более энергично, и за два дня все колодцы были очищены от мусора, грязи и других нечистот. Для более эффективного оттока «каныги» пришлось в последнем колодце, из которого содержимое должно поступать в основной отводной городской трубопровод, срочно установить выкачивающий насос. После чего на протяжении шести лет мы не заглядывали в канализационные колодцы.

Далее я обратил внимание на территорию станции. Она была запущена. Земля имела белую окраску из-за выступающей на ее поверхности соли. Не было ни одного посаженного деревца. Что делать? Нашел с помощью Т.Б. Баямирова, моего заместителя по хозяйственным делам, директора автоколонны и предложил бартерную сделку: он нам завозит новую землю, а мы его затраты возмещаем спиртом-ректификатом, который имелся в достаточном количестве на станции. Он с радостью согласился, и работа пошла. КАМАЗы пошли один за другим, нашим мужчинам оставалось только разравнивать привезенный грунт. Дело было сделано. Конечно, я очень рисковал: за такой бартер в то время меня могли не только снять с работы, но и упрятать за решетку. Молодо-зелено с моей стороны, но дело надо было делать. Значительно позднее мне в наших «ка-

рающих органах» об этом намекнули. Оказывается, все они знали, видимо, были какие-то сигналы от доброжелателей, которых устраивал тот сонный быт без всяких лишних рабочих потуг. Смелому и рискованному руководителю, как я уяснил для себя, всегда помогает судьба, а может быть, и Всевышний. Самое главное, не путать личный карман с государственным. Таким Всевышним для меня оказался один из руководителей областной милиции. С ним я ранее служил в МООП Казахской ССР, он тоже как я был направлен для прохождения службы в Гурьев. Мы с радостью символически отметили нашу встречу, и в дальнейшем тесно контактировали друг с другом.

«Почему вы не высаживаете деревья на территории станции?» – спросил я у моих коллег, живущих в домах рядом. Они ответили: «Александр Семенович, если здесь будут расти деревья, комаров будет в сотни раз больше, чем сейчас». Вот поэтому территория станции была без единого деревца. Только у одного местного жителя на огороде росли деревья под названием Джида. У этого дерева очень вкусные ягоды, дети, в том числе и моя дочь Оля, с удовольствием лакомились этими ягодами. Кстати, их употребляли и заходившие на территорию станции верблюды, принадлежащие частным владельцам. Позже я выяснил, что это растение – лох узколистый, колючее дерево с шипами. Плоды имеют терпко-сладкий вяжущий вкус, обладают лекарственными свойствами. Китайские ученые подсчитали, что 100 граммов плодов джиды дают организму до 4–20 суточных норм аскорбиновой кислоты. Если бы я знал об этом в то время, то не запрещал бы лакомиться моей дочери плодами этого дерева.

В питомнике заказали достаточное количество различного вида саженцев и своими силами их посадили. Уезжая из Гурьева, я с большой ностальгией смотрел на высокий палисадник из деревьев, высаженных нами 5 лет назад. Оказывается, легенда о связи увеличения числа комаров и количеством выса-

женных деревьев оказалась недостаточно коррелятивной. Как их было громадное количество в летнее время, так и осталось без изменения независимо от количества высаженных деревьев. Кстати, больше я не встречал такого нашествия этих насекомых в других местах моего проживания. Люди во время их активного лёта были всегда с ветками деревьев и постоянно отмахивались от кровопийцев. Это тоже так называемое местное знамение гурьевских невзгод. В дальнейшем, бывая в области в частых командировках в летнее время, когда температура днем и ночью достигает 40–45 ^{o}С, понял, что спать в помещении и даже в юрте невозможно. Поэтому, как и местные жители, взяв в руки одеяло – «курпе» (подстилка с одеялом), забирался на бархан, где не было комаров и мошек, так как всегда дул ветер. Там и засыпал до появления первых лучей солнца. Вот такова экзотика, которую надо испытать на себе, чтобы понять хотя бы одну сторону непростого быта местного населения.

В зимнее время жители наших домов постоянно жаловались на низкую температуру в квартирах. Разговаривая с сантехником, нашими старожилами, Н.М. Львовым, выяснил, что трубы многие годы, пролежавшие в земле, во многих местах протекают. Кочегарам во время работы приходилось все время подкачивать в водяную систему холодную воду, которая не успевала достаточно нагреться, поэтому отопительная система не держала высокую температуру. Было принято решение провести отопительные трубы от кочегарки до жилых домов, зданий станции, ветбаклаборатории, гаража и вивария по поверхности земли. Решили – сделали. Утеплили вновь полученный отопительный комплекс и стали ждать зиму. Только она может оценить проделанную нами работу.

Было сделано еще много других ремонтных работ, перестроек внутри здания НИВС, провели внутреннюю телефонную связь, повесили на дверях таблички владельцев кабинетов, отремонтировали электророзетки, устранили течи в кранах, оборудовали душ.

При посещении станции секретарь Гурьевского горкома КП Казахской ССР Е. Таскинбаев с удивлением сказал: «Как же это вы за такое короткое время преобразили территорию станции! Молодцы!» Похвала руководителя такого уровня нам была очень приятна. Когда его провожали до машины, он отозвал меня в сторону и говорит: «Алеке (т.е. Александр), посмотри наверх». Я увидел флаг, который по прошествии, видимо, десятка лет выгорел, и стал белым. «Ты понял меня», – сказал Е. Таскинбаев. В этот же день был вывешен новый флаг Казахской ССР.

Конечно, в период проведения хозяйственных работ я занимался и научными проблемами, которые стояли перед научным коллективом станции. Решением научных проблем на станции занимались четыре лаборатории: туберкулеза (А.С. Донченко), бруцеллеза (Е.С. Чичидабин), гельминтологии (И. Сарбаев), незаразных болезней, биохимии (В.Н. Донченко).

В выполнении научных тематик большую помощь оказывало наличие на станции вивария для лабораторных животных, где прекрасно работали пятеро санитаров: Жумаш Жунусова, Надежда Карташова, Валентина Иванова, Тамара Естифеева и Нагима Нуртаева. Последняя жила в нашем доме, имела большую семью. Ее дочка Маншук дружила с моей дочкой Олей. Маншук окончила педагогический институт, вышла замуж, воспитывала троих детей. Мама Маншук с гордостью говорила, что назвала свою дочь в честь первой казахской женщины, которой было присвоено звание Героя Советского Союза – Маншук Жиенгалиевны Маметовой (1922–1943 гг.). Эта хрупкая девочка-казашка 15 октября 1943 г. в боях за освобождение города Невеля (Невелевская наступательная операция) Псковской области при обороне господствующей высоты, оставшись одна из пулеметного расчета, будучи тяжело раненой осколком в голову, уничтожила 70 фашистов и погибла смертью храбрых. Здесь же в Невеле ее и похоронили. М.Ж. Маметову наши брат-

ские народы до сегодняшнего времени уважают и помнят. О ней снят фильм «Песнь о Маншук», в честь нее названы школа, сквер, фабрика, открыты музеи, установлены памятники.

Вначале сотрудники станции в командировки выезжали на автомашинах ГАЗ-69, позже мы получили новые автомашины УАЗ-469. Кстати, эта марка автомобиля у меня в Гурьеве была в числе первых руководителей. И куда бы ни подъезжал наш автомобиль, всегда собирались зеваки посмотреть на новую марку, выпускаемую Ульяновским автозаводом. В получении машины нам помог начальник Главветупра МСХ Казахской ССР Н.Ж. Жанузаков. Старые связи не ржавели. Он помнил меня по работе в МООП Казахской ССР, когда мне приходилось быть в командировке по поводу вспышек в хозяйствах ящура среди стад крупного рогатого скота в Кустанайской области, где он был начальником ветотдела облсельхозуправления.

В основном научные исследования в НИВС были прикладного характера. Да это и понятно: для этого и были созданы в областях Казахстана такие научные подразделения. В настоящее время идет большой диспут: что такое прикладная и фундаментальная наука, каковы их различия, цели. Особенно ученые-фундаменталисты гордятся своими, как они считают, исследованиями на большую перспективу. Мне нравится тезис великого ученого, биолога, иммунолога Луи Пастера, который говорил: «Нет прикладных наук, есть только приложения науки». Действительно, в нашем случае от нас требовали (и довольно жестко) все имеющиеся научные разработки освоить (внедрить) в сельскохозяйственное производство. Руководителям-сельхозникам всех уровней и советско-партийному аппарату в первую очередь необходим был быстрый результат нашей работы. Жаль, что после того, как ты получил положительный результат после внедрения научной разработки (увеличение привесов, удоев молока, оздоровления хозяйства от той или иной инфекции), руко-

водители всех рангов спокойно на это реагировали. Считали, что это так и должно быть. Здесь уместно вспомнить слова великого физика, основоположника ядерной физики Эрнеста Резерфорда (1871–1937 гг.), который говорил: «Есть три стадии научной истины: первая – "это абсурд", вторая – "в этом что-то есть", третья – "это общеизвестно"». Я в последующей длительной научно-производственной деятельности много раз убеждался в правоте этого гениального высказывания великого ученого-физика, лауреата Нобелевской премии. Когда предлагаешь для практики ветеринарный препарат или конструкцию какой-то научной разработки (при этом предполагается их оплата), начинаются рассуждения руководства хозяйства, района или области на тему упомянутых выше трех признаков научной истины. По окончании внедрения научной разработки все с показным удивлением говорят о хороших результатах внедрения, как будто ранее не было никаких отрицаний и сомнений по предлагаемой для внедрения научной разработке.

Понимая, что для станции необходима активизация научной деятельности, приближение результатов имеющихся научных разработок и тех, которые были у меня в результате своих научных изысканий и которые я проводил в своей предыдущей производственно-научной деятельности, я начал постепенную ломку научных проектов сотрудников станции. По проблеме туберкулеза и бруцеллеза необходима была срочная ревизия состояния эпизоотической ситуации в области, считавшейся практически благополучной по этим инфекциям как среди крупного рогатого скота, так и табунов верблюдов. Первые наши обследования стад крупного рогатого скота и верблюдов на туберкулез в совхозе «Первомайский» Махамбетского района показали наличие реагирующих на ППД туберкулин для млекопитающих животных. Убой и лабораторное исследование биоматериала от реагирующих на туберкулин животных подтвердило наличие среди них больных туберкулезом. В области началась небольшая

паника. Начальник ветеринарного отдела Гурьевского облсельхозуправления Тагабай Кабдолов за глаза начал возмущаться, говорить о том, что приехавший молодой специалист (я еще не защитил кандидатскую диссертацию) не достаточно компетентен в этих вопросах. К удивлению, главные ветврачи районов, несмотря на такие «фейки» своего непосредственного начальства, начали приглашать меня и сотрудников лаборатории туберкулеза для выяснения эпизоотической ситуации среди животных по туберкулезу в их хозяйствах. Еще в нескольких хозяйствах был установлен туберкулез как в стадах крупного рогатого скота, так и в табунах верблюдов. Об этом в письменной форме мною было оповещено как руководство области, так и Главк ветеринарии МСХ Казахской ССР. Назревал конфликт с руководством облветотдела. Для ознакомления с сельскохозяйственным производством области мне приходилось часто выезжать в командировки. Вместо себя я оставлял Н.М. Львова, очень уважаемого в области ученого и специалиста. До моего появления на станции ветотдел области в приказном порядке, просто по звонку, давал команду любому сотруднику станции на предмет поездки в командировку в различные районы области. С первого дня своей работы пришлось прекратить такие необдуманные решения руководства ветотдела. Любая командировка, вызов в ветотдел должны были решаться только через меня или лица, замещающего директора станции. Это тоже вызвало негативную реакцию у Т. Кабдолова. Однако со мной он на эти темы не говорил, видимо, ждал удобного момента рубануть сразу при каких-то, как ему представлялось, нестандартных обстоятельствах. Такой момент, по его мнению, наступил, когда производственников и ученых-аграриев собрали на большое совещание в МСХ Казахской ССР. Вел совещание Павел Петрович Рахманин, заместитель начальника управления ветеринарии МСХ СССР. Он в течение 24 лет руководил противоэпизоотической службой страны, осуществлял контроль за выполнением ветеринар-

ных мероприятий по особо опасным болезням животных, особенно в чрезвычайных ситуациях в животноводстве, также координировал проводимые научные исследования по ветеринарии. Это был (да и сейчас, несмотря на то, что ему 87 лет) высокий, очень красивый (хотя о мужчинах так не говорят) человек, умный специалист. В то время я его не знал. В настоящее время мы близко знакомы и при встречах обязательно обнимаемся. П.П. Рахманин и сейчас активно работает и в научном, и в практическом направлении. Впоследствии мне неоднократно приходилось встречаться с ним и работать по вопросам научного обеспечения развития животноводства в СССР.

Вот такие уважаемые специалисты вели наше заседание. Я выступил с докладом о профилактике туберкулеза сельскохозяйственных животных в условиях Гурьевской области, очень мягко остановился на эпизоотической ситуации в области, конкретно по туберкулезу. Все шло хорошо, начали выступать с отчетами начальники ветотделов областей Казахстана. Дошла очередь до Т. Кабдолова, который в ярких положительных красках осветил свою работу и в конце, видимо, думая, что произвел большой эффект на президиум совещания, сказал: «Все хорошо, да только вот нам прислали молодого руководителя Гурьевской НИВС с недостаточной производственной и научной компетенцией, прошу его заменить на местного специалиста». В зале наступила тишина. П.П. Рахманин переглянулся с заместителем председателя правительства Казахской ССР А.В. Черекаевым и, обращаясь ко мне, сказал: «Прошу вас на трибуну, объясните создавшуюся ситуацию».

Алексей Васильевич Черекаев (1932–2010 гг.) в то время уже был Героем Социалистического Труда, впоследствии стал академиком РАСХН. Он родился в селе Ленинское Джангалинского района Западно-Казахстанской области в крестьянской семье. В 1955 г. окончил Московскую ветеринарную академию, после чего до 1958 г. работал главным зоо-

техником Чапаевского мясосовхоза Уральской области. В 1959 г. стал начальником райсельхозинспекции этого района. С 1959 по 1962 г. учился в аспирантуре ВНИИ животноводства, защитил диссертацию на соискание научной степени кандидата наук. С 1963 по 1972 г. был директором государственного племенного завода «Анкатинский» Уральской области. Свою работу на госплемзаводе сочетал с научной деятельностью. Написал около 30 научных статей по мясному животноводству. Во время восьмой пятилетки госплемзавод «Анкатинский» сдал государству 19 644 центнера мяса при плане 14 700 центнеров. От каждых 100 коров было получено в среднем по 92 теленка при плане 90. Пятилетний план по сбору зерновых был выполнен на 185%. За эффективное руководство на должности директора госплемзавода в 1971 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

С 1972 по 1975 г. был заместителем Председателя Совета министров Казахской ССР. В 1975 г. выехал из Казахской ССР. С 1976 по 1979 г. был советником по сельскому хозяйству при посольстве СССР в Австралии; с 1979 по 1982 г. – генеральным директором ВНПО по племенному делу в животноводстве; с 1982 по 1992 г. – заведующим кафедрой частной зоотехники во Всесоюзном СХИ заочного обучения; с 1992 по 2002 г. – академиком-секретарем отделения зоотехники РАСХН. В 1995 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». С 1999 г. был профессором кафедры скотоводства и коневодства зоотехнического факультета Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии.

Необходимо сказать, что я уже в это время был кандидатом ветеринарных наук (об этом расскажу позже). Я вышел на трибуну и, конечно, волнуясь, сказал: «Уважаемые товарищи, я в своем выступлении практически ничего не сказал об истинной эпизоотической ситуации по зоонозным инфекциям в области, считая, что такие вопросы необходимо решать непосредственно в области. А истина в том, что вет-

отдел Гурьевской области в лице Т. Кабдолова старается под всеми предлогами скрыть конкретное неблагополучие сельхозживотных по туберкулезу и другим зоонозным болезням». После чего я сел на свое место. Никаких других разговоров по этому вопросу в дальнейшем не состоялось. Вечером в аэропорту Т. Кабдолов подошел ко мне и сказал: «Алеке, ты близко к сердцу не принимай мое выступление в отношении тебя». На что я ему ответил: «Дорогой мой друг, этот узел будем развязывать в области». Так оно и было. После приезда из Алма-Аты меня вызвал заместитель председателя облисполкома Ж.С. Кейкин, задал несколько вопросов о текущих делах, уточнил детали случившегося в Алма-Ате и сказал: «Молодец, хвалю за прямоту, иди спокойно работай». И здесь же спросил: «А кем ты считаешь возможным заменить Т. Кабдолова?». Я ответил: «На эту должность подошел бы директор Гурьевской областной ветлаборатории Гатау Ибишев». На следующий день вместо Т. Кабдолова на его месте сидел, к моему сожалению, не Г. Ибишев, с которым я до конца своей работы в области дружно работал, а другой ветврач – Б. Камиев.

Почему я так подробно остановился на этом событии? Очень просто: если бы я дал слабину, в результате которой остался бы в руководстве облотдела Т. Кабдолов, дальнейшей работы в должности директора НИВС у меня бы не получилось. Т. Кабдолова назначили главным ветврачом Балыкшинского района, находящегося практически в структуре Гурьева. Видимо, его не хотели сильно обижать. В дальнейшем мои отношения с ним наладились. По мере возможности наша станция всегда помогала району в диагностике и контроле эпизоотической ситуации по зоонозным болезням.

Примером тому, к чему приводит соглашательство с практической ветслужбой, стало отношение к сложившейся ситуации заведующего лабораторией бруцеллеза кандидата ветеринарных наук Евгения Сергеевича Чичибабина. Про-

фессионально грамотный, достаточно жесткий в отношениях, второе до моего приезда лицо после директора станции Н.М. Львова, он не стал настаивать на истинном положении распространения бруцеллеза среди крупного рогатого скота и верблюдов в области. Пошел на поводу у Т. Кабдолова. Я этого не мог допустить. Между нами начались жесткие столкновения, но правда была на моей стороне. Когда заменили Т. Кабдолова, Е.С. Чичибабин пришел ко мне с заявлением об уходе по собственному желанию. Я его уговаривал, просил остаться. «Хорошо, подумаю», – сказал он. Однако через несколько дней он повторно попросил меня подписать заявление на увольнение по собственному желанию. В конце концов, я подписал его заявление. После этого он непродолжительное время работал в санэпидемстанции, потом уехал в Украину.

Я уже останавливался на том, что во Фрунзе в Киргизском сельскохозяйственном институте имени К.И. Скрябина лежали в спецсовете мои документы и кандидатская диссертация на тему «Экономическая эффективность комплексных ветеринарных мероприятий, некоторые вопросы диагностики и эпизоотологии при искоренении туберкулеза крупного рогатого скота». Все мы ждали начала работы специализированного совета. Наконец, было получено извещение о начале работы спецсовета института и дате защиты моей научной работы за подписью ученого секретаря диссертационного совета профессора В.М. Митрафанова. На защиту со мной поехала Валерия Николаевна. Нас поселили в хорошую гостиницу. На автореферат пришло много положительных отзывов, ознакомился я и с отзывами официальных оппонентов – С.Н. Анастасьяна, доктора ветеринарных наук, профессора и П.В. Рыбалкина кандидата ветеринарных наук, доцента. Подготовили с Лерой ответы на замечания.

И вот наступила очередь выйти на защиту моей научной работы. В 20 минут надо было уложить свое выступление,

постараться раскрыть суть диссертации, убедить членов специализированного совета, что перед ними выступает будущий ученый, который разбирается в тех вопросах, которые он освещает. В докладе были изложены поставленные на разрешение научные задачи, состоящие из следующих разделов.

1. Изучить эпизоотическое состояние, обобщить опыт профилактики и ликвидации туберкулеза крупного рогатого скота в хозяйствах Северо-Казахстанской области, уточнить причины стационарности этого заболевания.

2. Разработать схему определения ущерба и затрат, экономической эффективности комплексных ветеринарных мероприятий при искоренении туберкулеза крупного рогатого скота в хозяйствах с различной степенью распространения и сроков неблагополучия по этому заболеванию.

3. Изучить миграцию МТ бычьего типа на птицах, собаках и человеке. Проследить роль молока как источника распространения туберкулеза среди животных. Изучить динамику проявления аллергических реакций на туберкулин у крупного рогатого скота и степень опасности животных, реагирующих «сомнительно» на этот аллерген.

Подробно я остановился на материале и методах исследований на экономических вопросах (убытках и затратах), наносящих вред животноводству заболеванием крупного рогатого скота туберкулезом. Так как эти научные изыскания для того времени были эксклюзивными, они очень заинтересовали членов диссертационного совета и вызвали интересную дискуссию.

При проведении противотуберкулезных мероприятий, как известно, неблагополучное хозяйство за период оздоровления терпит ущерб. Он слагается из убытков и затрат, которые учитывались по схеме, разработанной нами в процессе проведения исследований.

Убытки от туберкулеза крупного рогатого скота слагаются из следующих элементов:

1. Потери от вынужденного убоя больных туберкулезом животных

$$УВУ = СЖВ \times КУЖ \times Р,$$

где СЖВ – средний живой вес животного; КУЖ – число животных, больных туберкулезом; Р – потери в рублях на каждом центнере живого веса животных, сдаваемых на убой как больных туберкулезом.

2. Потери от больного туберкулезом племенного (УП) или товарного (Т) молодняка крупного рогатого скота

$$УП(Т) = (КС - КСт) \times КУЖ,$$

где КС – количество денежных средств, которые бы получило хозяйство, если бы продавало животных как племенных или товарных; КСт – количество денежных средств, получаемое хозяйствам после сдачи больного туберкулезом молодняка.

3. Потери от недополучения молока (НМ) от коров, выбракованных в связи с заболеванием их туберкулезом,

$$НМ = ПМ \times СМ,$$

где ПМ – потери молока в литрах в результате выбраковки больных туберкулезом коров; СМ – производственная стоимость литра молока.

4. Потери от снижения удоя в связи с неплановыми (УСН) туберкулинизациями

$$УСН = \frac{СМ \times КД \times Кт \times ПС}{100} \times СМ,$$

где СМ – среднесуточный удой молока на дойную корову за год; КД – количество дней, затраченных на проведение туберкулинизации; Кт – кратность туберкулинизаций среди коров в среднем по хозяйствам; ПС – процент снижения удоя молока в процессе туберкулинизации.

С целью выявления влияния туберкулинизации на удои молока в феврале, апреле, июне, июле, августе и сентябре 1969 г. проведен опыт в Мамлютском племенном заводе. Под наблюдением (в опыте каждого месяца) находились по 25 опытных и контрольных животных. Коровы первой груп-

пы подвергались двойной внутрикожной и глазной туберкулинизации. Учет удоя молока проводили в обеих группах ежедневно в течение 5 дней: до туберкулинизации, во время туберкулинизации и после нее. Установлено, что коровы за время туберкулинизации теряют 2,25% молока.

5. Потери от недополучения телят (НТ) в результате убоя положительно реагирующих на туберкулин коров

$$НТ = ЗКС \times СТ,$$

где ЗКС – число убитых стельных коров; СТ – стоимость теленка при плановой продаже государству.

В неблагополучном по туберкулезу хозяйстве приходится проводить вынужденные затраты на ветеринарные мероприятия.

1. Оплата рабочим, фиксирующим животных, при исследовании на туберкулез (ЗФ).

При норме диагностического исследования, равной 250 голов за рабочий день, оплачивается 7 рублей (тарификация работ в животноводстве, Москва, 1964 г.). Тогда

$$ЗФ = \frac{КЖ \times ОФ}{250},$$

где КЖ – число исследованных животных; ОФ – оплата рабочим, фиксировавшим животных.

2. Затраты на пастеризацию молока. Их определяли по фактически расходованным денежным средствам (включая средства, выделенные на оборудование пункта пастеризации, стоимость топлива и электроэнергии, содержание обслуживающего персонала и т.д.).

3. Затраты на дезинфекцию (ЗД):

$$ЗЛ = \frac{РДС \times Д}{100},$$

где РДС – расход дезинфицирующих средств в литрах или кг; Д – стоимость 100 литров или 1 кг дезинфицирующих средств (коп.).

4. Затраты, связанные с расходованием туберкулина (ЗТ):

$$ЗТ = КИТ \times СТ,$$

где КИТ – количество расходованного туберкулина (в литрах) на туберкулинизацию; СТ – стоимость литра туберкулина.

5. Затраты на санитарный ремонт животноводческих помещений и окружающей их территории.

При подсчете убытков и затрат, наносимых туберкулезом крупного рогатого скота, их исчисление проводили на одно больное животное и на фуражную корову. Также проводили исчисление экономического ущерба, коэффициента ущерба на голову больного туберкулезом животного и экономической эффективности комплексных ветеринарных мероприятий.

Подсчет убытков, затрат и экономической эффективности оздоровительных и профилактических мероприятий осуществляли в период оздоровления от туберкулеза крупного рогатого скота племзавода «Мамлютский», Дубровинского совхоза и свободном от этой инфекции колхозе имени XXII партсъезда.

По результатам моих научных изысканий членам диссертационного совета были представлены краткие выводы.

1. В неблагополучном по туберкулезу крупного рогатого скота хозяйстве убытки слагаются из вынужденного убоя больных животных, сдачи племенного и товарного молодняка, снижении удоя молока при туберкулинизации коров, потери телят в результате выбраковки и сдачи на убой больных (стельных) коров и недополучения молока в связи с их убоем.

За период проведения противотуберкулезных мероприятий эти убытки составили от 443,2 до 1666,4 рубля на одно больное туберкулезом животное и от 53,74 до 151,6 рубля на одну фуражную корову.

В свободном по туберкулезу крупного рогатого скота хозяйстве убытки составили 0,39 рубля на фуражную корову. Наибольшие убытки (от 59,7 до 75,6%) неблагополучные по туберкулезу хозяйства несли от недополучения молока в связи с убоем дойных коров.

2. При туберкулинизации снижение удоев молока достигает 2,25% по группе дойных коров.

3. Затраты на профилактику и ликвидацию туберкулеза слагаются из оплаты рабочим-фиксаторам при проведении туберкулинизации животных, пастеризации молока, приобретении туберкулина, от дезинфекции и ремонта животноводческих помещений.

При проведении противотуберкулезных мероприятий затраты составляют от 15,84 до 380,35 рубля на одно больное туберкулезом животное и от 5,38 до 12,26 рубля на одну фуражную корову.

В свободном от туберкулеза хозяйстве затраты на профилактические мероприятия составляют 0,29 рубля на одну фуражную корову.

Наибольшие затраты при проведении противотуберкулезных мероприятий хозяйства вкладывают на организацию пастеризации молока и обрата (от 82,7 до 87,0%) и текущий и санитарный ремонт животноводческих помещений (от 5,8 до 9,2%).

4. Выявление комплекса убытков и затрат на ликвидацию туберкулеза крупного рогатого скота, определяемых по нашей схеме-методике, позволяет установить истинный их размер и экономически обоснованно спланировать расход необходимых для этого денежных средств в пределах хозяйства, района, области и т.д.

5. Спланированное по нашей схеме-методике финансирование ветеринарных мероприятий, предусмотренных действующей инструкцией, а также проведение активных мер борьбы, позволило за два года оздоровить Мамлютский племенной завод от туберкулеза крупного рогатого скота, стационарно неблагополучного в течение 16 лет. При этом, несмотря на высокие затраты, экономическая эффективность противотуберкулезных мероприятий превышала финансовые расходы и потери.

6. Активность внутрикожной реакции у больного туберкулезом крупного рогатого скота сохраняется как по вели-

чине кожной складки, так и припухлости на месте введения туберкулина до 72 часов и более после однократного введения туберкулина. У животных, больных эхинококкозом, актиномикозом, крупозной пневмонией и гнойными флегмонами, местная кожная реакция в этот срок резко снижается. Офтальмопроба у таких животных отрицательная.

7. При сравнительной оценке аллергических методов установлено, что наиболее чувствительной является внутрикожная туберкулиновая проба. Совпадение внутрикожной и глазной туберкулиновой пробы констатировано в 9,5% случаев. При послеубойном осмотре – 690 голов крупного рогатого скота, положительно реагировавших на туберкулин, достоверность глазной пробы установлена в 90,9%, внутрикожной – 79,9 и при совпадающих показаниях – 66,6%.

8. Отсутствие на секции туберкулезных изменений у животных, положительно реагировавших на туберкулин, не исключает их инфицирования возбудителем туберкулеза. Бактериологическим и биологическим методами исследований материалов от 43 таких животных установлены микобактерии туберкулеза бычьего типа в 34,8% случаях.

9. Из 27 животных, сомнительно реагировавших на туберкулин, у 16 (59,2%) обнаружены изменения во внутренних органах, свойственные туберкулезу. Лабораторными исследованиями в 15 случаях выделены МТ бычьего типа, в одном – человеческого типа и в одном – со свойствами бычьего и человеческого типов.

10. Метод люминесцентной микроскопии в сравнении с методом окраски по Цилю – Нильсену дополнительно выявляет в 12,8% случаях микобактерий туберкулеза больше в патологическом материале от больного туберкулезом крупного рогатого скота, 6,8% от кроликов, 9,6 – от морских свинок (искусственно зараженных), 12,9 – из проб молока и в 25,4% в мазках их органов и тканей от реагировавших на туберкулин животных, на вскрытии которых не обнаружено туберкулеза.

11. При исследовании молока от 2771 коровы, неблагополучных по туберкулезу хозяйств выделено 30 (1,0%) МТ, из них при типировании 21 культура отнесена к микобактериям бычьего типа и одна – со свойствами бычьего и человеческого типов. Из пастеризованного молока выделено 6 культур МТ, 24 – из непастеризованного.

Мою работу официальные оппоненты С.Н. Анастасьян, профессор, доктор ветеринарных наук, и П.В. Рыбалкин, доцент, кандидат ветеринарных наук, разложили по косточкам. Запомнилось мне критическое и хвалебное одновременно выступление А.А. Волковой (1902–1983 гг.), академика АН Киргизской ССР, доктора ветеринарных наук, профессора. В то время для Киргизии это был непререкаемый в науке специалист. А.А. Волкова – автор поливалентной формолквасцовой вакцины против дизентерии ягнят, брадзота и энтеротоксемии овец (Сталинская премия III степени, 1947 г.). Анна Алексеевна похвалила мои исследования, особенно связанные с экономическими вопросами при оздоровлении стад крупного рогатого скота от туберкулеза, отметила новизну исследований, оригинальную методику подсчета ущерба (убытки и затраты) при этой зоонозной инфекции. Отметила мою роль в оздоровлении Мамлютского племзавода от туберкулеза крупного рогатого скота. К моему стыду, она нашла ряд ошибок в моем автореферате и ярко их прокомментировала. В целом она поддержала меня и мою диссертацию. Этого было достаточно, чтобы остальные члены диссертационного совета положительно оценили диссертационную работу. В заключение я поблагодарил членов диссертационного совета. На этом защита была окончена. Голосование дало 100%-й результат, еще два дня мы с Лерой оформляли необходимые документы для отправки в ВАК СССР. После чего я уехал в Гурьев, а Лера – в Алма-Ату. Все прошло гладко, работу утвердили, и я стал кандидатом ветеринарных наук. Что мне это дало? Во-первых, уверенность как руководителя научной организации, во-вторых, более

внимательное отношение ко мне руководства области и сотрудников станции, а также руководства головного института – КазНИВИ.

В наше время эта ученая степень высоко ценилась. Она давала прибавку к зарплате, а также и возможность думать о докторской диссертации. Кстати, зарплата директора научной ветеринарной станции в те времена составляла 450 рублей, а зарплата первого секретаря обкома партии – 500 рублей. Конечно, к этому им добавляли лечебные и отпускные денежные средства. Видно было, что государство ответственно относилось к науке, даже прикладной. После защиты диссертации я телеграфировал своему научному руководителю В.И. Грязину, поблагодарил его за помощь, терпение, прекрасное отношение ко мне как к молодому начинающему научному сотруднику.

Научные работы на станции шли своим чередом. Наметилась моя первая командировка в Индерский район по поводу организации противопаратуберкулезных мероприятий среди овец. Паратуберкулез овец наносил ущерб овцеводству Гурьевской области, который складывался из снижения мясной и шерстной продуктивности овец, возникали проблемы с воспроизводством овец, отмечалась преждевременная выбраковка и вынужденный убой больных животных. Хозяйства несли затраты на проведение оздоровительных мероприятий. Здесь, видимо, нет необходимости давать полную характеристику этого заболевания у овец, но скажу одно: когда мы приехали в хозяйство, где содержалось 15 тысяч овец, во многих отарах была отмечена клиника заболевания – профузный понос, загрязнение фекалиями крупа животных, отмечался неприятный ихорозный запах. Наметили отары овец, в которых отмечались явные клинические признаки инфекции. Вместе с ветспециалистами хозяйств произвели убой по пять голов овец из каждой отары, в которых были отмечены явные клинические признаки. На вскрытии в стенке тощей и повздошной кишок отметили значи-

тельное утолщение стенки кишечника. Слизистая оболочка их была собрана в поперечные и продольные складки, покрыта вязкой серовато-желтого цвета слизью. Слизистая оболочка илеоцекальной заслонки была значительно набухшая и гиперемирована. Содержимое кишечника было жидкой консистенции серо-желтого цвета. Региональные к пораженному отрезку кишечника мезентериальные брыжеечные лимфатические узлы были увеличены, на поверхности разреза отмечались светло-серые некротические очаги величиной с просяное зерно. В районной ветеринарной лаборатории из слизистой оболочки кишечника и лимфатических узлов изолировали кислотоустойчивые микобактерии паратуберкулеза, которые были в мазках расположены скоплениями (пучками), гнездами в виде палисадника.

Задача ветеринарной науки в этом случае заключалась в установлении диагноза заболевания и разработке мер борьбы с ним. Ветслужба же занималась претворением в жизнь разработанного плана борьбы с этим инфекционным заболеванием, в том числе диагностическим исследованием животных на паратуберкулез. В конечном итоге все отары были разделены на благополучные, условно благополучные, имевшие контакт с неблагополучными по туберкулезу овцами и инфицированные (больные) паратуберкулезом. В дальнейшем ветеринарная служба самостоятельно проводила работу по профилактике и ликвидации паратуберкулеза среди овец.

Подобных командировок было несколько. Что лично для себя как ученого я взял из таких командировок? В дальнейшем нам удалось диагностировать паратуберкулез у верблюдов и крупного рогатого скота, хотя это были и единичные случаи, но факт инфицирования их возбудителем паратуберкулеза был установлен. Я хорошо изучил данную инфекцию, особенно патологоанатомическую диагностику. Мне это пригодилось в дальнейшей научной работе, в частности в Сибири, когда ветслужба не всегда могла установить истинную причину неспецифических реакций на ППД туберкулин для

млекопитающих в благополучных стадах крупного рогатого скота. Ветеринарные специалисты не обращали внимания на возможность инфицирования реагирующих на туберкулин животных возбудителем паратуберкулеза.

На мое имя пришло приглашение на участие в научно-практическом совещании, проведение которого было намечено в Целиноградской области. Тематика совещания была посвящена профилактике и ликвидации инфекционных болезней животных, где я должен был выступить по вопросам профилактики и ликвидации туберкулеза среди верблюдов. Научного и практического материала для такого выступления у меня было достаточно. Я подготовился и поехал в Целиноград, столицу целинного края Казахстана. Совещание длилось трое суток, выступило много ученых, практиков. Я давно отметил, что самое главное на таких совещаниях – это тесное общение нас участников с присутствующими здесь учеными и практиками, особенно по взаимным интересам. К этому времени нами на станции уже были заложены серьезные опыты по изучению патогенных свойств микобактерии туберкулеза бычьего, человеческого и птичьего видов на овцах. С Валерией Николаевной активно занимались биохимическими и электрофоретическими исследованиями сыворотки крови верблюдов двух пород и различных возрастов. В области начали активно проводить оздоровительные противотуберкулезные мероприятия и в стадах крупного рогатого скота.

Таким образом, без большого творческого простоя я начал закладывать научный фундамент под свою будущую докторскую диссертацию. Для этого пришлось подыскивать научного консультанта. На совещании присутствовал в качестве одного из ведущего модератора совещания доктор ветеринарных наук, профессор, заслуженный деятель науки СССР Виктор Евтихиевич Щуревский. Он в это время заведовал во Всероссийском институте экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ, Москва) лабораторией туберкулеза и

паратуберкулеза сельскохозяйственных животных. В нашей «туберкулезной» научной среде о нем ходила слава как о высоком профессионале и порядочном человеке. Особенно шла молва, что он внимательно и благосклонно относится к молодым ученым. Я его до этого не знал, но услышав его высококвалифицированное заглавное выступление, решил попытать счастья в отношении согласия его быть моим консультантом по докторской диссертации. В процессе совещания подойти к нему было невозможно: он всегда был в окружении ученых и практиков, которые вели с ним мирные и бурные беседы, и моя просьба была бы некстати. В последний день пришел раньше на совещание, и как говорят, «О, эврика!»: на ступеньках здания, где проходило совещание, стоит Виктор Евтихиевич. Набравшись храбрости, я подошел к нему, поздоровался, представился. Из-под очков с широкими линзами он внимательно, с прищуром долго смотрел на меня, потом сказал: «А ты знаешь, я тебя вспомнил, ты был у нас в ВИЭВ, да и вчера я слышал твое выступление по туберкулезу верблюдов». Он подал руку, я свою, назвав свое имя и фамилию. «О чем будем говорить?» – спросил профессор. Я ему в лоб говорю: «Виктор Евтихиевич, мне нужен научный батька!». Он, в недоумении вскинув брови, переспросил меня, видимо, сходу не понял мою взволнованную просьбу. Пришлось более конкретно объяснить суть моего обращения к нему. Он улыбнулся: «Первый раз так меня вербуют в отношении консультации диссертанты». Подумав, он здесь же дал согласие на свое консультанство и сказал: «Как будешь у нас в ВИЭВ, то схематически представь мне научные материалы, которые у тебя уже есть, и какие еще будешь проводить дополнительные научные исследования, и, конечно, привези мне оглавление докторской диссертации». Такие конкретные предложения и безоговорочное согласие быть моим научным консультантом меня вдохновило. Окрыленный таким положительным событием, я поехал домой в Гурьев.

В дальнейшем я прошел длительный научный и личный путь с Виктором Евтихиевичем. Лучше меня сегодня, пожалуй, его никто из ученых не знает.

Родился В.Е. Щуревский 2 августа 1908 г. в Киеве. Кстати, он хорошо говорил на украинском языке, и я иногда просил его поговорить со мной на украинской мове. Хотя я по паспорту да и по внутреннему содержанию русский человек, но где-то глубоко в подсознании есть у меня тяга послушать, а в некоторых случаях и поучаствовать в разговоре на певучем украинском языке, близко знакомом мне с детства, так как многие наши родственники прекрасно говорили и общались между собой на этом языке. Он с удовольствием разговаривал со мной на его родном языке, да порой вставлял такие слова, что я иногда терялся и не понимал их. В таких случаях Виктор Евтихиевич от души смеялся. Меня это радовало, так как по своей натуре он был достаточно эмоционально сдержан, улыбку на его лице, я думаю, видели немногие.

По окончании в 1930 г. Киевского ветеринарно-зоотехнического института Виктор Евтихиевич работал ветеринарным врачом Цебриковского райколхозсоюза Одесской области, Дарницкого птицекомбината, совхоза «Птичное» Московской области и подсобного хозяйства дивизии ГПУ Москвы. После специальных курсов по болезням рыб Виктор Евтихиевич в 1935–1938 гг. работал старшим научным сотрудником Всероссийского научно-исследовательского института прудового рыбного хозяйства. В сентябре 1938 г. был зачислен в аспирантуру лаборатории патологической анатомии ВИЭВ, в июле 1941 г. был призван в ряды Советской Армии. Воевал он на Западном, Волховском и Ленинградском фронтах, занимал должности начальника лечебного отдела Армейского ветеринарного лазарета, Армейской походной полевой ветлаборатории и фронтовой (окружной) ветеринарной лаборатории.

В.Е. Щуревский внес значительный вклад в обеспечение ветеринарной безопасности лошадей и охрану личного со-

става наших войск от болезней, общих для человека и животных, участвовал в ликвидации сапа среди лошадей в войсках Ленинградского фронта, консультировал ветсостав войск по вопросам борьбы с инфекционной анемией лошадей и обследовал скот подсобных хозяйств войск округа на бруцеллез и туберкулез.

После демобилизации в 1946 г. В.Е. Щуревский около двух лет был ученым секретарем ученого совета и заведующим аспирантурой ВИЭВ, затем его избрали по конкурсу на должность старшего научного сотрудника лаборатории патологической анатомии ВИЭВ. В 1952–1955 гг. он работал инструктором сельхозотдела ЦК КПСС. Это был период, когда еще был жив И.В. Сталин, затем время, когда к власти пришел Н.С. Хрущев. Меня это время очень интересовало. Виктор Евтихиевич был очень остроумным в высказывании человеком, особенно на политические темы. Будучи в командировке в Алма-Ате (я в то время работал в КазНИВИ), он посетил нашу семью. В ни к чему не обязывающей обстановке я ему задал ряд вопросов, на которые он мне по мере возможности ответил. Я спросил, видел ли он в Кремле Сталина? Он ответил: «Нет, один раз мы, то есть сельхозотдел, готовили для доклада Сталина на пленум ЦК КПСС тезисные материалы, и нас пригласили в зал заседания. Мы с большим волнением сели и ждали появления Сталина в президиуме пленума ЦК КПСС. Оказалось, что он был утром, а мы были приглашены после обеда на заседание пленума».

Второй вопрос такого же плана был у меня в отношении Хрущева. Он сказал, что с ним встречался несколько раз. Н.С. Хрущев постоянно вникал в работу сельхозотдела, приглашал его членов на различные совещания. Об одном подобном совещании Виктор Евтихиевич рассказывал: «Было совещание со специалистами, которых направляли в командировку в области и республики страны для работы по повышению удоев молока. Несколько человек выступило. Недовольный их выступлением Хрущев в резкой форме стал

учить, как необходимо повышать удои молока у коров: "Надо доить всех коров, которые содержатся в хозяйствах". Кто-то с места сказал: "И мясных?". Он сурово посмотрел в сторону задающего вопрос и резко ответил: "Да!". На что сидевший вместе с Хрущевым Микоян, обращаясь к нему, с удивлением заметил: "Так тогда мы не получим телят". Хрущев без раздумий сказал: "Получим, Анастас Иванович, телят и молоко"».

Меня очень интересовало, какие права и обязанности были у сотрудников сельхозотдела ЦК КПСС. «Прав никаких, были одни обязанности», – сказал Виктор Евтихиевич. И привел один пример: «Был я в командировке в Свердловской области, где проходил областной пленум КП СССР. Моя задача была одна: сиди, слушай и записывай все, что говорят на пленуме, вноси письменно свои замечания, особенно по каким-то резким выступлениям. После этого я должен сделать обстоятельный письменный отчет и передать руководству сельхозотдела КПСС». Из этого одного нюанса его работы я понял, что у сотрудников сельхозотдела КП СССР было очень мало прав, были одни обязанности. Виктор Евтихиевич добавил, что на пленуме обкома в Свердловске рядом с ним сидел Маршал Советского Союза Жуков, который в это время командовал Уральским военным округом. Григорий Константинович задал ему вопрос: «Виктор Евтихиевич, кто вы по специальности?». Он ответил: «Ветеринарный врач». Жуков тепло отозвался о нашей профессии, сказав: «Эта очень необходимая профессия в армии».

Мало кто знает, как уходил В.Е. Щуревский из партийных органов. Он подробно изложил мне эту историю. Его не устраивала вакханалия в высших органах партии, которая сложилась в период хрущевской оттепели. Он рассказывал: «Я написал заявление на имя руководителя сельхозотдела ЦК КПСС о переводе меня в научное учреждение (ВИЭВ), так как хотел продолжить занятие научной работой. Меня

пригласил к себе заместитель заведующего сельхозотделом ЦК КПСС по РСФСР В.А. Карлов (1914–1994 гг.) и сказал: «Мы дали согласие на ваш переход с одним условием: вы подберите на должность директора ВИЭВ хорошую кандидатуру». Подумав, я пригласил к себе директора ГНКИ Я.Р. Коваленко, уже состоявшегося сорокадевятилетнего и перспективного ученого и предложил эту должность». Виктор Евтихиевич, обращаясь ко мне, сказал (это было в 1955 г.): «Александр Семенович, видели бы вы, как Яков Романович отказывался от директорского кресла, еще бы немного и он встал бы передо мной на колени. Тем не менее, я его повел к руководству, где он вынужден был дать свое согласие на занятие должности директора ВИЭВ, но с одним условием: чтобы заместителем к нему определили меня». На этом и закончился небольшой этап работы В.Е. Щуревского в сельхозотделе ЦК КПСС.

В должности заместителя директора по научной работе ВИЭВ В.Е. Щуревский проявил себя инициативным и способным руководителем, отдающим все силы и знания на повышение теоретического и методического уровня научных исследований, результативности внедрения научных разработок в производство, а также в организацию координации научных исследований и подготовку молодых научных кадров в институте по проблеме инфекционных болезней сельскохозяйственных животных. В этот период за его эффективную научную работу он был награжден высшей правительственной наградой – орденом Ленина (1971 г.).

Вначале, со слов В.Е. Щуревского, работа в этой должности у него не шла, так как Я.Р. Коваленко срывал на нем свое недовольство сменой его работы. Пришлось В.Е. Щуревскому использовать свои связи с руководством сельхозотдела ЦК КПСС, где он рассказал о происходящем. Якова Романовича поправили, у них более-менее пошла совместная работа в институте.

Виктор Евтихиевич еще до окончания Великой Отечественной войны защитил кандидатскую диссертацию «Патологогистологические изменения у гипериммунизированных лошадей-продуцентов противосибиреязвенной и противорожистой сывороток» (1944 г.). Надо оценить его стремление достичь каких-то высот в науке: идет война, а он не бросает научные исследования. Как он мне говорил: «А ночи же длинные, вот это мои и были "научные дни"». В 1950 г. ему было присвоено ученое звание старший научный сотрудник. Это звание в те времена было очень почетное, сегодня оно практически потеряло свою научную значимость.

Понимая, что в сложившейся ситуации он не может более углубленно заниматься научной работой, Виктор Евтихиевич попросил Я.Р. Коваленко о переводе его старшим научным сотрудником в лабораторию патоморфологии. Здесь он наконец-то занялся научной работой. В 1966 г. защитил докторскую диссертацию «Патологическия анатомия, вопросы патогенеза и патоморфологическая характеристика аллергии и РСК в диагностике паратуберкулеза сельскохозяйственных животных». В 1967 г. ему присудили ученую степень доктора ветеринарных наук, в 1968 г. он был утвержден в ученом звании профессора по специальности «ветеринарная морфология». В 1977 г. В.Е. Щуревскому присвоили звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Он выполнил более 130 научных работ и подготовил 6 докторов и 14 кандидатов наук, которые и до настоящего времени работают в научно-исследовательских учреждениях нашей страны.

В 1971–1981 гг. Виктор Евтихиевич заведовал лабораторией по изучению туберкулеза и паратуберкулеза ВИЭВ – головной научно-исследовательской организацией по этой проблеме в нашей стране. Вместе с сотрудниками лаборатории он разработал и усовершенствовал методы и средства диагностики, профилактики и оздоровления от туберкулеза и паратуберкулеза стада сельскохозяйственных животных.

Благодаря научно обоснованным мероприятиям (с учетом социальных, экономических, организационных, эпидемиологических и эпизоотологических аспектов) в настоящее время полностью оздоровлена от туберкулеза крупного рогатого скота практически вся территория страны.

Научные разработки В.Е. Щуревского направлены на решение узловых вопросов профилактики и оздоровления от заразных болезней животных и рыб на территории СССР. Его многогранная, неутомимая и плодотворная научная деятельность отвечала насущным запросам производства. Он впервые в нашей стране разработал систему мер борьбы с инвазионными и инфекционными болезнями прудовых рыб, внедрение которой значительно повысило продуктивность рыбоводческих хозяйств.

На основании исследований по дифференциации изменений у лошадей-продуцентов гипериммунных сывороток от таковых, наблюдаемых при инфекционной анемии, продлен срок эксплуатации этих животных, что дало большой экономический эффект.

В.Е. Щуревский продолжил изучение паратуберкулеза крупного и мелкого рогатого скота на принципиально новом теоретическом уровне с участием эпизоотологов, бактериологов, патоморфологов, биохимиков. Это позволило разработать научно обоснованную систему мероприятий профилактики и ликвидации болезни и снизить заболеваемость до спорадических случаев. Основные положения теоретического и прикладного характера этой проблемы изложены в его монографии «Паратуберкулез сельскохозяйственных животных» (1971 г.), являющейся уникальным научным и практическим руководством для ветеринарных специалистов.

Виктор Евтихиевич принимал активное участие в общественной жизни. Его неоднократно избирали членом партбюро, председателем экспертной комиссии по экспертизе научных работ, членом экспертной комиссии ВАК, секции инфекци-

онных болезней Отделения ветеринарии ВАСХНИЛ, НТО МСХ СССР, общественного совета журнала «Ветеринария».

Ратный и мирный труд В.Е. Щуревского отмечен орденами Ленина, «Красной Звезды», «Отечественной войны II степени», «Знак Почета», многими медалями и почетными грамотами.

Виктор Евтихиевич был прекрасным организатором и руководителем. К нему обращались за советом сотрудники ВИЭВ, многих научно-исследовательских учреждений и вузов, и, несмотря на постоянную занятость, он всегда оказывал помощь. Являясь высокоэрудированным специалистом, прекрасно разбираясь во многих вопросах ветеринарной науки, ученый пользовался глубоким уважением не только среди сотрудников института, но и ветеринарных специалистов, практиков.

В.Е. Щуревский скончался 10 ноября 1996 г. в Москве. Он оставил о себе хорошую память в сердцах всех, кто его знал.

Надо отметить, что В.Е. Щуревский прекрасно знал немецкий и английский языки. Бегло переводил иностранные научные статьи. Уже будучи заведующим лаборатории туберкулеза и паратуберкулеза ВИЭВ, он жил на территории института в скромной квартире, воду для купания нагревал в титане, для чего пилил дрова и носил их на второй этаж в квартиру. Я это все видел и при случае помогал ему. В воскресные дни его можно было всегда видеть в лаборатории патоморфологии. Видимо, старая и долгая научная стезя в этой области его не покидала никогда.

Я часто спрашивал его о том, почему он, как бывший участник боев в Подмосковье, не попросит через институт настоящую квартиру в Москве. Как-то, приехав в ВИЭВ, первым делом пошел к Виктору Евтихиевичу на второй этаж в его кабинет. Он с радостью поздоровался со мной и сказал: «Наконец-то мне пообещало руководство района выделить квартиру недалеко от института». Увидев на моем лице ра-

дость, он сказал: «Вот надо сейчас идти на прием к первому секретарю райкома, а в руководстве института никого нет. Не знаю что делать?». Недолго думая, я ему предложил себя как представителя профкома института. Он подумал и сказал: «А что? Это выход, поехали». В райкоме, как всегда, в приемной первого секретаря большая под запись очередь. Он, расстроенный, сел на стул, опустил голову и замер. Мне стало так его жалко! Я напрямую двинулся к помощнику первого секретаря райкома. Он, взглянув на меня, спросил, с каким вопросом я к нему пришел. Я назвал себя представителем профкома ВИЭВ и, указав в открытую дверь на Виктора Евтихиевича, сидевшего в той же позе, что и прежде, сказал: «Посмотрите на этого известного в стране ученого, участника Великой Отечественной войны, профессора, доктора наук, участника боевых действий под Москвой, видите, у него медаль, говорящая об этом». Помощник, ни слова не говоря, подошел к Виктору Евтихиевичу и, взяв его под руку, завел в кабинет первого секретаря райкома. Смотрю, забегали какие-то сотрудники, и минут через 20 из кабинета вышел растерянный, с радостной улыбкой Виктор Евтихиевич, держа в руке ордер на квартиру. Так что вольно или невольно и я приложил руку к получению им небольшой двухкомнатной квартиры недалеко от института.

Вернемся в Гурьевскую НИВС, где мои сотрудники и обслуживающий персонал не покладая рук трудились над выполнением научных заданий и оказывали посильную помощь сельхозтоваропроизводителям.

В силу своих обязанностей мне приходилось тесно контактировать с руководством областного управления сельского хозяйства, в частности, с первым заместителем М.Я. Шухмахером, неординарным человеком, ветеринарным врачом, и с заместителем начальника облсельхозуправления по животноводству Куандыном Бисеновым, жизнерадостным, не теряющимся ни в каких сложных ситуациях, зоотехником по специальности, а также директо-

ром облветлабораторией Гатау Ибишевым, вдумчивым, культурным, прекрасным семьянином, ветврачом по специальности, и многими другими специалистами. Надо отметить и слаженный коллектив нашей станции. Очень полезно работала главным бухгалтером станции Галина Александровна Александрова. По практической и научной работе, а также в личной жизни я очень близко сошелся с семьей Мади Кибасова, работающего начальником эпизоототряда облветуправления. Его супруга Роза Каражигитова имела степень кандидата химических наук, работала в Гурьевском институте химии, нефти и природных солей АН Казахской ССР, директором которого был доктор химических наук Т.Г. Сартбаев. Его родной брат Иосиф Сартбаев работал на станции старшим научным сотрудником, выполнял научную тему, связанную с гельминтозами животных.

Мади Кибасов начал интересоваться научными проблемами, и я ему предложил поступить в заочную аспирантуру. Он дал согласие. Под научным руководством моего бывшего руководителя В.И. Грязина и моим начал выполнять научные исследования по туберкулезу верблюдов. Все это делалось втихую, чтобы не беспокоить начальство М. Кибасова, особенно его начальника Т. Кабдолова. Конечно, основная доля научной консультации легла на меня и Валерию Николаевну, тем более его научную тематику мы включили в тематический план нашей станции и таким образом стали одними из ее исполнителей.

Мы наметили на разрешение следующие основные задачи:

– изучить эпизоотическую ситуацию по туберкулезу верблюдов в Гурьевской области;

– исследовать аллергическое состояние у верблюдов в дородовом и послеродовом периодах;

– определить сроки выживаемости микобактерий туберкулеза в кисломолочном верблюжьем продукте (шубате) и

верблюжьем навозе, разработать термические способы обеззараживания верблюжьего молока;

– провести сравнительную оценку активности альт-туберкулина и ППД туберкулина для млекопитающих при аллергической диагностике туберкулеза верблюдов;

– разработать дополнительные меры в системе противотуберкулезных мероприятий, позволяющих в условиях Гурьевской области оздоравливать неблагополучные по туберкулезу табуны верблюдов;

– определить убытки, наносимые туберкулезом верблюдоводству и затраты на его искоренение.

По этой научной теме помимо меня и М. Кибасова работали новый начальник Гурьевского отдела Б. Камиев, В.Н. Донченко, Е.А. Фаткеев, Л.А. Зернова. Каждый из нас имел свой научный задел по данной проблеме, решение которой было направлено на единое целое – разработку мер профилактики и борьбы с туберкулезом верблюдов как зоонозной инфекции. Проводить расширенные исследования по возможности инфицирования верблюжьего молока возбудителем туберкулеза нас сподвигло то, что при исследовании такого молока, взятого на городском рынке, мы изолировали из него и идентифицировали возбудителя бычьего и человеческого видов. Я сообщил об этом факте в городскую и областную ветеринарные службы. Вначале была длительная пауза руководителей этих ветслужб, потом отрицание такого факта, недоверие к нашим исследованиям, всякие нехорошие разговоры. Я поставил перед ними одно условие: исследовать аллергически на туберкулез всех верблюдиц, молоко которых продается на городском рынке. Второе письмо о необходимости проверять на туберкулез продавцов, торгующих верблюжьим молоком на рынке, отправил в медицинскую санитарную службу. Соответственное требование я предъявил и к коровьему молоку, продаваемому на рынке. Прошло некоторое время. Вижу, что этот воз, как и раньше, стоит на одном месте. О создавшейся ситуации в

письменной форме я информировал руководителя сельхозотдела Гурьевского обкома КП Казахской ССР. Упор при этом сделал на то, что среди жителей Казахстана верблюжье молоко и его кисломолочный продукт шубат широко используются с целью активации защитных сил организма людей, больных туберкулезом. Сложилась ситуация на городском рынке, где продают обезличенное в отношении туберкулеза молоко, и его употребление может значительно ухудшить здоровье людей, особенно детей. После этого на уровне облсельхозотдела КП Казахской ССР был жесткий разговор с руководителями ветслужб, директором рынка о создавшейся ситуации. В конечном результате с нашей помощью было издано распоряжение о проведении надлежащего контроля за всей молочной продукцией, реализуемой на рынке. Исследование на туберкулез животных было поручено районной ветеринарной станции, молока – нашей станции и облветлаборатории. С продавцами молока и молочной продукции поручено заниматься санитарно-медицинской службе. Кроме этого, мы с Мади Кибасовым и Валерией Николаевной заложили опыты по переживаемости возбудителей туберкулеза в верблюжьем кисломолочном продукте шубате, а также верблюжьем навозе.

Надо все же несколько строк посвятить этому продукту – шубату.

Шубат – кисломолочный напиток из верблюжьего молока, традиционный напиток казахов. У туркменов имеется аналогичный напиток под названием чал. В Казахстане напиток употребляется в основном летом. По сравнению с кумысом (кисломолочный продукт кобыльего молока) шубат имеет более высокую жирность (до 8%). Из-за требований к срокам сохранности почти не экспортируется. С поверхности напитка собирают ферментированные сливки – агаран. Приготавливают шубат в условиях естественной среды, что является серьезным препятствием для его распространения. Шубат приготавливается за 6–8 часов, срок его хранения

сильно ограничен, так как он уже через сутки скисает. Единственно возможный способ продлить хранение шубата – поместить его в холодильную камеру с температурой не выше 5°С.

Кислотность шубата составляет 28°, жирность – 4,3%, содержание лактозы – 1,32, сухого вещества (кроме жира) – 6,6, минеральных веществ – 0,75, этилового спирта – 1,1%, аскорбиновой кислоты – 4,8 мг. Зная высокую питательную ценность шубата, я, будучи в командировках, никогда не отказывался от угощения им хозяек юрт, особенно в жаркую погоду. Выпив одну пиалу шубата, можно смело половину суток чувствовать себя сытым. Население, да и некоторые ученые считают, что шубат (шубатолечение) полезен при туберкулезе, астме, воспалении печени, диабете и псориазе (может быть, в последнем случае его не принимают внутрь, а ополаскивают пораженные части тела человека, в первую очередь лицо).

Первый вопрос на разрешение был поставлен ввиду того, что среди населения бытовало мнение, что любые возбудители инфекционных болезней всегда погибали в шубате за счет его высокой кислотности. Второй вопрос необходимо было решить для определения сроков обезвреживания пастбищ в летнее время от возбудителя туберкулеза, попавшего туда с испражнениями больных туберкулезом животных. Решение этого вопроса дало возможность регулировать технологию выпаса на пастбищах табунов верблюдов, позволяя не инфицировать таких животных возбудителем туберкулеза через траву.

Мади Кибасов был моим (совместно с В.И. Грязиным) первым аспирантом, поэтому я более подробно остановлюсь на научных выводах, полученных в результате выполнения его научной работы. Они состояли из восьми положений.

1. В Гурьевской области с 1964 по 1975 г. заболевание туберкулезом верблюдов от исследованного поголовья составляло в среднем от 0,01 до 0,7%. Наибольшая заболеваемость

туберкулезом (до 9,7%) установлена среди верблюдов в хозяйствах, неблагополучных по туберкулезу крупного рогатого скота. В 85% случаев от верблюдов изолирован и идентифицирован возбудитель туберкулеза бычьего вида.

2. На показания аллергической реактивности инфицированных возбудителем туберкулеза верблюдов не оказывает состояние беременности животных. Верблюдицы в двух-трехнедельном дородовом и послеродовом периодах реагируют на туберкулин, а туберкулез у них подтвержден в 95% случаев.

3. Верблюдицы, положительно реагирующие на туберкулин, но не имеющие на вскрытии туберкулезных изменений, опасны в эпизоотическом отношении, так как у таких животных лабораторным исследованием туберкулез установлен в 29,4% случаев.

4. ППД туберкулин для млекопитающих при диагностическом исследовании верблюдов выявляет на 14% больше положительно реагирующих животных, чем альт-туберкулин.

5. В условиях Гурьевской области возбудитель туберкулеза бычьего вида сохраняет патогенность в верблюжьем навозе в животноводческих помещениях до двух лет, в местах тырловок – в течение двух месяцев, в шубате – до трех месяцев (срок наблюдения).

6. Нереагирующие на туберкулин верблюды из неблагополучных по туберкулезу табунов могут быть опасными в эпизоотологическом отношении, так как в молоке от 1,2% таких животных выделен возбудитель туберкулеза бычьего вида. Обеззараживание молока инфицированных верблюдиц достигается пастеризацией при температуре 85 °С в течение 30 минут или кипячением в течение 5 минут. Шубат, приготовленный из такого молока, не теряет вкусовых и питательных качеств.

7. Ущерб, наносимый верблюдоводческому хозяйству (совхоз «Зауральный») туберкулезом, в ценах 1977 г. составил 317 рублей на одно больное животное. В целом экономическая

эффективность противотуберкулезных мероприятий в совхозе составила 128 554 рубля. Денежные затраты, связанные с проведением ветеринарно-санитарных мероприятий, составили 8,9%, прямые убытки – 91,1% от общего ущерба, наносимого хозяйству туберкулезом.

8. Выполнение инструктивных положений с внесенными нами дополнениями позволило оздоровить стационарно неблагополучные по туберкулезу табуны верблюдов в Гурьевской области в 1977 г.

В любой диссертационной работе к научным выводам всегда прилагаются предложения для освоения практической ветеринарной службой.

В результате проведенных исследований по эпизоотологии и диагностике туберкулеза верблюдов, обобщения положительного опыта оздоровления неблагополучных верблюдоводческих хозяйств Гурьевской области нами разработаны дополнения к инструкции по профилактике и ликвидации туберкулеза сельскохозяйственных животных:

1. Верблюдов на туберкулез исследовать внутрикожной пробой через каждые два месяца ППД туберкулином для млекопитающих при однократном введении и учете реакции через 72 часа.

2. Верблюдоматок допускается исследовать туберкулином независимо от периода случки, срока жеребости и выжеребки.

3. Верблюжат необходимо исследовать на туберкулез с 12-месячного возраста (после отъема), в дальнейшем их содержать изолированно.

4. В неблагополучных по туберкулезу верблюдоводческих хозяйствах в целях контроля эффективности проводимых оздоровительных мероприятий необходимо периодически подвергать лабораторному контролю объекты внешней среды на наличие микобактерий, особенно в период случки и выжеребки верблюдиц, а также исследовать пробы молока. Верблю-

диц, в молоке которых обнаружен возбудитель туберкулеза, подвергать убою.

5. После каждого аллергического исследования верблюдов на туберкулез необходимо проводить дезинфекцию мест стоянок и тырловок животных, помещений и бутятников.

6. Смену мест стоянок и тырловок табунов верблюдов необходимо проводить в неблагополучных по туберкулезу хозяйствах через каждые два месяца.

Основные положения диссертации были опубликованы в следующих научных статьях:

1. Донченко А.С., Камиев Б., Донченко В.Н., Кибасов М. Рекомендации по основным принципам оздоровления хозяйств, длительно неблагополучных по туберкулезу сельскохозяйственных животных. – Гурьевское областное управление сельского хозяйства, Областное управление НТО сельского хозяйства, Гурьевская НИВС, 1974. – 26 с.

2. Донченко А.С., Донченко В.Н., Фаткеева Е.А., Кибасов М. Роль молока и молочных продуктов в эпизоотологии туберкулеза. – Информационный листок КазНИИНТИ, № 125, серия 21, II, 1974. С. 1–5.

3. Донченко А.С., Донченко В.Н., Фаткеева Е.А., Кибасов М., Зернова Л.А. Обеззараживание верблюжьего молока и шубата от возбудителя туберкулеза. – Ветеринария. 1975. № 2. С. 24–26.

4. Донченко А.С., Донченко В.Н., Фаткеева Е.А., Кибасов М. Выделение микобактерий туберкулеза в верблюжьем молоке, переживаемость их в шубате и способы обеззараживания этих продуктов. – Вестник сельскохозяйственной науки Казахстана. Алма-Ата, 1975. № 4. С. 119–122.

5. Донченко А.С., Кибасов М. Опыт определения экономического ущерба от туберкулеза верблюдов. – Информационный листок № 88, Гурьевский ИНТИ, 1975. С. 1–3.

6. Донченко А.С., Кибасов М. Сохраняемость возбудителя туберкулеза бычьего, человеческого и птичьего типов в

верблюжьем навозе. – Сборник научных трудов КазНИВИ, 1975. том 15, С. 168–169.

7. Кибасов М., Донченко А.С. Опыт определения экономического ущерба от туберкулеза верблюдов. – Вестник сельскохозяйственной науки Казахстана. Алма-Ата, МСХ Казахской ССР, 1976. С. 5–8.

8. Кибасов М., Донченко А.С. Опыт проведения оздоровительных мероприятий по туберкулезу верблюдов. – Информационный листок № 52, Гурьевский ИНТИ, 1979. С. 1–2.

Мади Кибасов выполнял эту научную работу около восьми лет. Это было связано в основном с практическим освоением наших научных разработок и утвержденных схем и способов аллергической диагностики туберкулеза верблюдов ветслужбой.

Работая в ИЭВСиДВ СО ВАСХНИЛ (РАСХН) в качестве заведующего лабораторией туберкулеза, я предложил Мади подать необходимые документы в наш диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций (16.00.03 – ветеринарная микробиология, вирусология, эпизоотология и микология). Что он и сделал. Официальными оппонентами определили докторов ветеринарных наук, профессоров Николая Степановича Щепилова и Виктора Семеновича Федосеева. Это были очень уважаемые в нашей научной среде ученые. Самое главное, что свои научные исследования они осуществляли по туберкулезу животных.

Н.С. Щепилов (1913–1992 гг.) окончил Омский ветеринарный институт, работал на производстве, заведовал лабораторией туберкулеза в Новосибирской научно-исследовательской ветеринарной станции, был деканом зооветеринарного факультета и заведующим кафедрой ветеринарии Новосибирского сельскохозяйственного института. Его основное научное направление – эпизоотология туберкулеза домашних животных и птиц. Большое внимание он уделял исследованиям в области выживания возбудителя туберкулеза птичьего вида в объектах внеш-

ней среди, трансовариальной передаче его у водоплавающих птиц.

В.С. Федосеев (1913–1992 гг.) работал в Семипалатинском зооветеринарном институте, заведовал кафедрой микробиологии. Виктор Семенович известен своими исследованиями в области ветеринарной микробиологии, изучения течения туберкулеза у крупного рогатого скота, а также пантовых оленей – в то время это было малоизученное научное направление в ветеринарной науке.

Мне посчастливилось быть близко знакомым с этими учеными. По своему уровню научных знаний, скромности да и по возрасту они были сопоставимы.

Н.С. Щепилов и В.С. Федосеев дали положительные отзывы на диссертационную работу М. Кибасова. На защите диссертации он в течение 20 минут прекрасно сделал доклад о своей работе. Неофициальные оппоненты с незначительными замечаниями поддержали уровень научных исследований аспиранта. Голосование дало стопроцентный результат. Этому также способствовало то, что Мади привез на защиту большой деревянный бочонок с шубатом. Так как сибиряки никогда не пробовали шубат, то с большой охотой был опорожнен весь бочонок. Атмосфера на защите была приподнятой. Впоследствии мы долго вспоминали такую уникальную защиту М. Кибаевым кандидатской диссертации.

Надо отдать должное и председателю диссертационного совета директору нашего института, академику ВАСХНИЛ А.А. Свиридову, человеку с широкой научной эрудицией, уважаемому нами ученому. Он также поддержал защищаемую работу.

С Мади Кибасовым мы совместно проводили научные и оздоровительные мероприятия по туберкулезу в стадах крупного рогатого скота и табунах верблюдов Гурьевской области. Особенно тяжело было осуществлять научные изыскания среди верблюдов. Обслуживающие верблюдов табунщики согласно сложившейся местной традиции посторонних людей к

молодняку животных не допускали. Конечно, я нашел подход к табунщикам, и этот запрет был с нас снят. Мы могли брать от молодняка кровь для исследований. Надо самому видеть этих милых существ. У верблюжат огромные глаза с красивыми ресницами, поэтому и возникло их название: ботагоз – верблюжий глаз. В инструкциях по взятию крови или туберкулинизации имеется указание о возможности производить какие-либо ветеринарные манипуляции с верблюжатами только годовалого возраста, так называемыми тайлаками.

Апробацию наших технологий по оздоровлению табунов верблюдов от туберкулеза, помимо совхоза «Зауральный», проводили и в совхозе «Первомайский» Махамбетского района. Это хозяйство одновременно оздоравливали и от туберкулеза крупного рогатого скота. Видимо, нет смысла останавливаться подробно на тех профилактических и оздоровительных мероприятиях, проводимых в стадах крупного рогатого скота и табунах верблюдов, так как это довольно емкое мероприятие и коротко описать его не представляется возможным. Необходимо выделить только те научные и практические аспекты, которые мы получили, проводя экспериментальные исследования, а также результаты их апробации в ветеринарной практике, которые я, как исследователь, в дальнейшем усовершенствовал и широко использовал в научной и практической работе.

Что касается проблемы туберкулеза крупного рогатого скота, то при оздоровлении животных впервые для себя использовал технологию производственных и научных приемов по изолированному выращиванию телят в неблагополучном хозяйстве. Гурьевская область имела специфические для сельского хозяйства условия, в которых содержали и эксплуатировали сельхозживотных. Кормовая база была ограниченной, животные в основном выпасались в пойме реки и возле озер. После выяснения эпизоотической ситуации в целом по Махамбетскому совхозу возникла задача: какую технологию применить, чтобы вырастить здоровых по

туберкулезу телят, полученных от условно здоровых коров. Свободных животноводческих площадей в хозяйстве не было. Что делать? Обследовав с ветслужбой территорию совхоза, буквально в одном километре от животноводческих помещений нашли островок длиной 700 метров и шириной 500 метров с узким перешейком. На острове росли развесистые карагачи (тюрское название: кара – «черный», агач – «дерево»), относящиеся к роду лиственных деревьев, имеющие внешнее родство с вязами. Под кроной этих деревьев сделали загоны для телят. Оборудовали юрты для обслуживающего персонала, печи для кипячения молока. На перешейке поставили контрольный санитарный пост со сторожами, с дезинфицирующим материалом для машин и тракторов. Вот все, что мы смогли сделать в достаточно сложных хозяйственных и особенно климатических условиях. Это был мой первый опыт организации изолированного выращивания телят в неблагополучных по туберкулезу хозяйствах. В таких условиях за 3 года было получено более полутора тысяч свободных по туберкулезу телят. В дальнейшем этот опыт мне очень пригодился. Он был значительно усовершенствован, технологически дополнен, научно обоснован в период работы заведующим лабораторией туберкулеза в Институте экспериментальной ветеринарии Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск). В институте работал кандидат ветеринарных наук И.И. Фельдман, один из авторов технологии выращивания телят по системе «все пусто, все занято». Использование методики Исая Исаковича позволило мне и моим сотрудникам разработать эффективную технологию изолированного выращивания свободных от туберкулеза телят в Сибири. Но об этом поговорим гораздо позже.

На основании исследований мы пришли к очень важному выводу: молоко больных туберкулезом верблюдиц является фактором передачи возбудителя туберкулеза для верблюжат и, конечно, человека. Это же можно сказать и о кисломолочном продукте, приготовленном из верблюжьего

молока (шубате). Также нашими исследованиями определено, что больные туберкулезом коровы, верблюдицы и овцематки, находящиеся в стадии беременности, реагируют на внутрикожную туберкулиновую пробу. В связи с этим таких животных необходимо исследовать на туберкулез, невзирая на период беременности. Эти предложения в то время противоречили инструктивным положениям.

Совместно с В.Н. Донченко и М. Кибасовым провели широкие опыты по определению показателей белкового обмена в сыворотке крови здоровых и больных туберкулезом верблюдов и овец. Обширными и глубокими исследованиями в этом направлении мы пытались решить вопросы прижизненной диагностики туберкулеза. Жаль, что мне не удалось достигнуть поставленной цели. Однако проделанные объемные исследования все же позволили найти достоверные различия белковых показателей у больных туберкулезом верблюдов и овец в сравнении со здоровыми животными. Имея в настоящее время более репрезентативную научную аппаратуру, можно, на наш взгляд, провести подобные исследования на более высоком научно-методическом уровне, результаты которых могли бы осуществить нашу мечту. Такие исследования мы проводили на двух породах верблюдов. Подавляющее количество этих животных в Гурьевской области составляют двугорбые верблюды бактрианы, значительно меньшее – одногорбые – дромедары. Двугорбые верблюды самые крупные в мире, они имеют развитую мускулатуру, костяк. Живая масса самок достигает 650–800 килограммов, самцов – 800–1000 килограммов. Основное хозяйственное направление этих животных – производство мяса и шерсти. Одногорбые верблюды по живой массе и шерстной продуктивности уступают бактрианам. У чистопородного дромедара один компактный горб, несколько смещенный назад, не закрывающий область холки. Надежный признак чистопородного дромедара – длинная извитая шерсть в области лопаток, совершенно отсутствующая у

бактрианов и гибридов (так называемые «эполеты»); борода и грива развиты только в верхней трети шеи, челка и «галифе» отсутствуют.

Верблюдоводство в Казахстане имеет свои специфические особенности. Поголовье этого вида животных было небольшим: в те времена 90–100 тысяч голов, в Гурьевской области – 20 тысяч голов. В очень жестких климатических условиях, крайне бедной растительности верблюдоводство является альтернативой крупному рогатому скоту в полупустынных и пустынных природно-климатических зонах нашей планеты. Местные жители от верблюдов получают высокопитательное молоко. Молочная продуктивность верблюдиц за полную лактацию (16–18 месяцев) может достигнуть 2000 литров. По содержанию жира (до 6%) верблюжье молоко в 3 раза насыщеннее кобыльего (2%). Молоко отличается повышенным содержания белка (4%), молочного сахара (5%), богато витаминами группы С и А и микроэлементами. Кисломолочный продукт (шубат), изготавливаемый из верблюжьего молока, обладает уникальными пищевыми, лечебными и профилактическими свойствами.

Кроме того, животные дают шерсть высокого качества. Изделия из верблюжьей шерсти отличаются легкостью и мягкостью, они очень теплые. Средний настриг шерсти с одной головы составляет 8 килограммов. Чемпионы по породе имеют настриг до 20 килограммов. Мясо верблюдов по вкусовым качествам не уступает говядине, его выход составляет до 60%. Из верблюжатины местные жители изготавливают национальное блюдо бешбармак. Однако, например, у бурят и монголов оно ценится несколько ниже, чем конина и баранина. У этих народов традиционно считается, что конь и овца – животное с «горячим» дыханием, следовательно, более пригодны для еды, чем мясо коровы, верблюда, у которых дыхание «холодное». По вкусу верблюжатина напоминает мясо дичи, имеет сладковатый привкус, что объясняется наличием в нем гликогена, жир по виду похож на

бараний. Жир из горбов верблюда также очень важный пищевой продукт. В ряде мест его едят сырым сразу после забоя, пока он еще теплый (это считается лакомством), остывший жир идет только на перетопку. Весьма ценной является и верблюжья шерсть, особенно подшерсток. Изделия из шерсти верблюда благодаря ее уникальным среди всех других видов шерсти свойствам отличаются необычайной теплотой. Шерсть бактриана идет на вещи, предназначенные для эксплуатации в наиболее суровых и холодных условиях, например для одежды космонавтов, полярников или водолазов. Стригут верблюдов один раз в год после окончания линьки в мае – июне в хорошую теплую погоду.

Французские косметологи выделили ферменты из верблюжьего молока, отсутствующие в молоке других пород животных, способствующие предотвращению старения кожи.

На отгонных пастбищах, где нет деревьев, местные жители используют для топлива своих очагов верблюжий навоз. Даже свежий навоз верблюда настолько сухой, что годится в этом качестве с минимальной предварительной просушкой. Навоз верблюда дает небольшое, ровное, очень жаркое и почти бездымное пламя.

Все указанное выше мне удалось узнать и изучить не по книжкам, а непосредственно в практических условиях, находясь в командировках, ночуя в юртах. Для личного употребления наша семья покупала мясную продукцию на Гурьевском рынке. Что интересно, на рынке продавец мяса продает туши животных, поделенные на части – жилики. На казахском языке жилик – это голень (берцовая кость). Однако местное население под жиликом считает части туши животного, разделенное на равные составляющие в количестве 2–4, 4–8 и более частей – «ортан жилик». В жиликах можно найти и кусочек печени, почек, кишечника, отдельные кости (их не дробят) позвонков и, конечно, мяса. Хозяйка из частей туши готовит различные блюда.

На мой взгляд, мы провели важные для ветеринарной практики исследования по выживаемости возбудителя туберкулеза в верблюжьем навозе с целью определения возможности сроков выпаса здорового поголовья животных на тех пастбищах, где раньше выпасалось неблагополучное по туберкулезу поголовье животных. Это важный момент по определению возможности смены выпасов для животных на пастбищах в Гурьевской области ввиду их скудной растительности. Было установлено, что возбудитель туберкулеза бычьего, человеческого и птичьего видов сохраняет патогенные свойства в летнее время в верблюжьем навозе в местах тырловки животных на юго-западе Казахстана в течение двух месяцев, в животноводческих помещениях – двух лет (срок наблюдения). Данные наших опытов вошли в инструктивные положения и методические рекомендации по организации противотуберкулезных мероприятий среди верблюдов и других видов животных.

Проводя работы по оздоровлению стад крупного рогатого скота и табунов верблюдов в Гурьевской области, одновременно подвергли туберкулинизации другие виды животных, в том числе и мелкий рогатый скот. В восьми хозяйствах при исследовании на туберкулез 10 170 овцематок выделили 19 (0,18%) голов, реагирующих на туберкулиновую пробу. Из внутренних органов таких овцематок изолировали и идентифицировали 10 культур возбудителя туберкулеза бычьего вида и одну – человеческого. В дальнейшем, проводя исследования по углубленному выявлению ареала туберкулеза среди овцепоголовья путем проведения ветеринарно-санитарной экспертизы туш овец на Гурьевском мясокомбинате, установили, что из 27 хозяйств 5 районов области в 11 (40%) хозяйствах обнаружены овцы, пораженные туберкулезом. Всего при вскрытии на мясокомбинате 6695 овец у 64 (0,9%) во внутренних органах и лимфатических узлах обнаружены характерные для туберкулеза изменения. Из биоматериала овец выделили 5 культур возбудителя туберкулеза бычьего

вида и 3 – человеческого. У больных туберкулезом овец наибольшее количество туберкулезных поражений отмечалось в средостенных лимфатических узлах (49,4%), в этих лимфатических узлах и печени (25,4%). У остальных животных отмечали отдельные туберкулезные изменения в легких, печени, средостенных, подчелюстных и портальных лимфатических узлах.

Почему я уделяю такое внимание проблеме туберкулеза овец? Тогда да и в настоящее время ряд научных работников считали, что овцы не болеют туберкулезом или болеют редко. Так и я считал, пока не столкнулся сам с этой инфекцией среди овец в Гурьевской области.

Для более детального изучения возможности заражения овец возбудителем туберкулеза, отработки способа введения с диагностической целью туберкулина нами были заложены стационарные опыты. В опыт были взяты 20 здоровых овец казахской тонкорунной породы, 5 из них инфицировали возбудителем бычьего вида, пять – птичьего и 5 – человеческого. Четвертая группа животных была контрольной. Не буду детализировать все нюансы опыта, остановлюсь на тех выводах, которые мы получили. Было установлено, что овцы заражаются возбудителем туберкулеза бычьего, птичьего и человеческого видов. Искусственно зараженные овцы на 65-е сутки с фекалиями и на 107-е сутки с мочой выделяют возбудитель туберкулеза бычьего вида, на 107-е сутки с фекалиями – птичьего и человеческого. При контакте с больными здоровые овцы инфицируются всеми тремя видами возбудителя туберкулеза.

Интересные результаты были получены в группе овец, зараженных птичьим видом возбудителя туберкулеза. В этой группе начиная с 17-го дня и на протяжении всего опыта все животные реагировали на птичий туберкулин (вводили в кожу локтевой складки). Три овцы из этой группы пали на 19–29-е сутки после заражения с картиной распространенного туберкулеза во внутренних органах. При втором аллерги-

ческом исследовании две овцы реагировали на туберкулин. При третьем исследовании одна овца реагировала на туберкулиновую пробу. После убоя у этих животных во внутренних органах нашли характерные для туберкулеза изменения. У овец, экспериментально зараженных возбудителем туберкулеза птичьего вида, в одном случае на вскрытии отмечены туберкулезные поражения верхушечных, средних и нижних долей легкого темно-вишневого цвета. У второй овцы, которая пала на 25-е сутки после внутрикожного заражения, обнаружено туберкулезное поражение в верхних и средних долях легких. На поверхности очаги уплотнения легких были бугристые, на разрезе сухие, серо-желтого цвета с выступающими очажками некроза. Третья овца пала на 29-е сутки после внутривенного заражения. На вскрытии легкие были уплотнены, на поверхности бугристы. На разрезе пораженные участки легких заполнены рыхлой, творожистой массой, просветы – гноеподобной расплавленной массой (ацинозно-нодозный туберкулез с кавернами). Четвертая овца после заражения была убита по истечении 278 суток со дня начала опыта. Она была истощена, в печени обнаружены множественные некрозы величиной с маковое зерно. В легких отмечена двухсторонняя пневмония с множественными некрозами и кавернами. Пятая овца была убита по истечении 278 суток со дня опыта. В бронхиальном лимфатическом узле отмечены некротические узелки величиной с просяное зерно, в печени – такие же множественные некрозы, в легком – конгломераты некрозов творожного вида.

К этой группе животных были подсажены здоровые овцы с целью возможности их контактного заражения. Они были убиты на 172-е сутки после начала контакта. В печени у них обнаружены множественные туберкулезные узелки величиной с укол иглы. В группе овец, зараженных возбудителем туберкулеза человеческого вида, которые были убиты через 278 суток после заражения, в печени установлены единичные, с укол иглы, некротические узелки.

Небольшие поражения во внутренних органах и лимфатических узлах отмечены у животных, зараженных возбудителем туберкулеза бычьего вида. Овцы, зараженные тремя видами возбудителя туберкулеза, на 66-е сутки с фекалиями и на 107-е сутки с мочой выделяли возбудитель туберкулеза бычьего вида, на 107-е сутки с фекалиями – птичьего и человеческого. При контакте с больными здоровые овцы инфицировались всеми тремя видами возбудителя туберкулеза.

Проведенные длительные опыты по возможности заражения овец патогенными возбудителями бычьего, птичьего, человеческого видов туберкулеза подтвердили их эпизоотическую опасность, особенно при контакте с крупным рогатым скотом и верблюдами. Такую возможность мы старались исключить в период проведения противотуберкулезных мероприятий среди сельскохозяйственных животных в Гурьевской, а впоследствии и в других областях Казахстана.

Когда я докладывал о результатах наших исследований на ученом совете КазНИВИ, члены совета с большим вниманием выслушали сообщение, одобрили полученные научные данные и обязали нас представить их в Главное управление ветеринарии МСХ Казахской ССР. Вдруг очень эмоционально с критическими замечаниями выступил заведующий лабораторией туберкулеза Д.Д. Новак. Он особенно с недоверием отнесся к результатам опыта по заражению овец птичьим видом туберкулеза. «Этого не должно быть», – эмоционально заявил он. – «Вообще таких данных нет в научной литературе». Да и в целом, заявил он, овцы очень устойчивы к другим видам возбудителей туберкулеза. Наступила, как говорят в таких случаях, немая пауза, ведь выступил доктор ветеринарных наук, профессор, ученый, профессионально занимавшийся проблемой туберкулеза крупного рогатого скота. Мне пришлось более подробно разъяснять ему, а также членам ученого совета методику проведения опыта. Особенно я отметил, что с начала опыта и до его окончания в нем принимала участие ведущий в то время па-

тологоанатом ВИЭВ (Москва) Ольга Васильевна Якушева. К этому же я представил переведенную с польского языка статью об аналогичных результатах, полученных польскими учеными по заражению овец возбудителем туберкулеза птичьего вида. После этого разъяснения все вопросы отпали. Д.Д. Новак оказался в меньшинстве, бурчал себе под нос: «Какие там могут быть проведены научные исследования в каком-то забытом Богом Гурьеве». Это было мое первое научное недопонимание с Д.Д. Новаком. Впоследствии он, закусив удила, результаты наших исследований часто принимал в штыки. Так я получил жесткого научного оппонента в период начала моей научной деятельности в Казахстане. Я особенно не волновался, так как знал невыдержанный характер Д.Д. Новака, человека, у которого даже в нашем институте было достаточно много жестких оппонентов, а позже у него появились, видимо, с возрастом авантюрные научные выводы и предложения.

Как директору станции помимо своей научной работы приходилось вникать и в научные исследования моих товарищей. После увольнения Е.С. Чичибабина, который занимался вопросами бруцеллеза крупного рогатого скота, это направление осталось без научного исполнителя. Пришлось мне вникать в эту работу и одновременно искать нового научного сотрудника, желающего заниматься такой серьезной инфекцией.

Бруцеллез среди крупного рогатого скота не имел широкого распространения в области. В одном хозяйстве (совхоз «Зауральский») инфекцию регистрировали как среди молодняка, так и среди взрослого поголовья – нетелей и коров. Сыворотку крови животных регулярно исследовали в РСК, реагирующих подвергали убою. Так продолжалось несколько месяцев. В конце концов, директор совхоза, видя бесперспективность таких оздоровительных мероприятий, заканчивающихся только убоем реагирующих по серологии животных, обратился в облветотдел и к нам в НИВС. Собравшись

вместе, начали обсуждать создавшуюся эпизоотическую ситуацию по бруцеллезу в совхозе. Были разные предложения – от замены скомпрометированного по бруцеллезу скота здоровыми животными до сплошной вакцинации поголовья противобруцеллезной вакциной из штамма 19. Мнения ученых станции разделились: за и против таких решений. Бывая в командировках в головном институте КазНИВИ и в ВИЭВ (Москва) на различных совещаниях, я внимательно слушал научные и практические выступления, в том числе по бруцеллезу сельскохозяйственных животных. Я интересовался последними новостями касательно этой инфекции, особенно вакцинопрофилактике. В это время много говорили о новой противобруцеллезной вакцине из слабоагглютиногенного штамма бруцелла абортус № 82. Один из основных авторов этой вакцины – К.М. Салмаков, тогда еще кандидат ветеринарных наук, только начал апробировать эту вакцину в хозяйствах. Были удачи и явно отрицательные моменты при вакцинировании животных. Вакцину вводили крупному рогатому скоту начиная с 4-месячного возраста. Одним из самых отрицательных моментов при применении этой вакцины являлась ее абортогенность, поэтому не разрешалось вакцинировать стельных коров. Правда, до нас доходили слухи, что не всегда отмечались аборты при вакцинации коров этой вакциной. Видимо, это зависело от упитанности животных, времени случки (разовые отелы или круглогодовые). Как более осведомленный в этом, я решительно настоял на поголовной вакцинации животных в хозяйстве вакциной из штамма 82. Пришлось при этом откровенно переговорить с директором совхоза, объяснить возможные негативные последствия такой вакцинации, особенно в отношении ее абортогенности. Получив от него согласие, провели после очистки стад животных от реагирующих в РСК и РДСК с бруцеллезных антиген поголовную вакцинацию и стали наблюдать за животными, особенно за стельными коровами. К нашему удивлению и радости, в этом хозяйстве не

было ни одного случая аборта после вакцинации. Далее ветслужба уже сама проводила противобруцеллезные мероприятия в хозяйстве. Наш случай обсуждался и в Главветупре МСХ Казахской ССР.

Результаты вакцинации были доложены автору противобруцеллезной вакцины из штамма 82 К.М. Салмакову. Эту вакцину ученый еще доводил до кондиции долгие годы. Это стоило ему больших усилий, различных внутренних и внешних невзгод. Однако большой ученый довел начатое им дело до конца и в 1977 г. «Сухая живая вакцина из штамма 82» была утверждена Главветупром МСХ СССР (18.02.1977).

Константин Михайлович Салмаков (родился в 1929 г.) в 1980 г. стал доктором ветеринарных наук, профессором (1984 г.), заслуженным деятелем науки Республики Татарстан (1995 г.). В настоящее время он плодотворно работает в Казанском ветеринарном институте (Казань) в лаборатории бактериальных инфекций.

В дальнейшей научной и практической работе уже в Сибири мне пришлось очень много заниматься наряду с проблемой туберкулеза и проблемой бруцеллеза сельскохозяйственных животных. Я всегда с большим уважением вспоминал о К.М. Салмакове, которого к этому периоду моей жизни уже лично хорошо знал. Ученый с большой буквы, всегда безотказно помогающий хозяйствам в отношении оздоровительных мероприятий, общающийся на позитиве с людьми, всегда улыбающийся, с глубоким чувством юмора – это и есть Константин Михайлович Салмаков. Таким он создал себя сам, хотя внутреннее его состояние не всегда было настроено на позитивный лад.

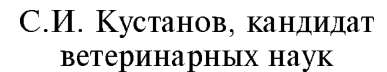
Понимая, что разорваться и конкретно работать по нескольким научным направлениям у меня просто не хватит сил и времени, я стал искать специалиста, который мог бы проводить научные исследования по бруцеллезу животных. Где искать специалиста? Конечно, в первую очередь из среды студентов, с которыми учился в институте. Мое внимание

привлек мой однокурсник и одногруппник С.И. Кустанов, в это время работающий преподавателем в Гурьевском сельхозтехникуме. Его я хорошо знал, даже был на его свадьбе в период учебы в институте, также и он был на моей свадьбе. Сергей Ибрашевич Кустанов старше меня (1935 г.), уроженец Гурьевской области, родился в селе Чаниево Новобогатинского района в семье колхозника. По окончании техникума (г. Караганда) с 1956 г. начал работать буровым мастером в Тургайской гидрогеологической экспедиции. Пять лет мы с ним учились в одной группе в Алма-Атинском зооветинституте. Сергей был достаточно самостоятельным, с уравновешенным характером студентом. Он мог и пошутить, и кого-то приструнить на правах старшего товарища. Мы к нему относились с уважением, он отвечал нам тем же. Сергей играл в футбол в составе нашей групповой команды. Учился хорошо, чувствовался даже его определенный запас знаний, которые он придерживал у себя, стараясь не выделяться из студенческой среды. По окончании института он был направлен работать в Индерский район Гурьевской области начальником дезотряда (1965–1967 гг.). Далее его перевели старшим ветврачом ветотдела облсельхозуправления Гурьевской области, после этого он перешел на преподавательскую работу в сельхозтехникум. После нашей встречи он дал согласие на перевод к нам на станцию в качестве старшего научного сотрудника лаборатории бруцеллеза. Мне стало значительно легче. Сергей активно начал входить в роль научного сотрудника, стал с удовольствием заниматься бруцеллезом сельскохозяйственных животных. Эта проблема легла полностью на его плечи. Вскоре его избрали заведующим лабораторией бруцеллеза. В процессе научной работы я настраивал Сергея на то, чтобы он, помимо большой работы по оздоровлению от бруцеллеза стад крупного рогатого скота, занялся исследованиями в области бруцеллеза верблюдов с дальнейшей перспективой защиты кандидатской диссертации. С этой целью я познакомил его с заведующим лабораторией бруцеллеза

КазНИВИ кандидатом ветеринарных наук Николаем Петровичем Ивановым, моим товарищем. Н.П. Иванов уже в этот период моего с ним близкого знакомства считался одним из ведущих специалистов Казахстана в области инфекционных болезней, особенно бруцеллеза сельскохозяйственных животных. Научное сотрудничество Н.П. Иванова и С.И. Кустанова вылилось в эффективную работу по разработке технологии оздоровления сельскохозяйственных животных от бруцеллеза в Гурьевской области. Конечным результатом такого сотрудничества стала защита Сергея Ибрашевича диссертации по бруцеллезу верблюдов. С.И. Кустанов работал в Гурьевской НИВС до 1982 г., то есть практически 10 лет. Он вместе с сотрудниками своей лаборатории активно работал по освоению в ветеринарной практике противбруцеллезной вакцины из штамма 82 на поголовье верблюдов. Это в то время была пионерная научная работа. Также им испытывалась противобруцеллезная вакцина Рев-1 в малых дозах на овцах. Он апробировал для диагностики бруцеллеза у верблюдов пластинчатую реакцию агглютинации (ПРА) в верблюдоводческих хозяйствах. Последняя его должность – начальник областной экспедиции против бруцеллеза и туберкулеза ветотдела Областного управления сельского хозяйства. С.И. Кустанов ушел из жизни в 2013 г. Так случилось, что Сергей развелся с первой женой и женился на молодой девушке младше него на 17 лет Ж.Н. Есимовой. В это время она после окончания Гурьевского сельхозтехникума работала на станции в лаборатории биохимии, которой руководила Валерия Николаевна. Девочка была симпатичной, очень спокойной, прилежной, все схватывала на лету. Лера была ею очень довольна. Работая на станции, Жумазия Нурмаганбетовна заочно окончила АЗВИ (Алма-Ата). После вхождения Гурьевской НИВС в состав Атырауского научно-исследовательского института сельского хозяйства она работала старшим научным сотрудником в институте. С.И. Кустанов и Ж.Н. Есимова, как говорят, родили сына и двух дочерей. Сын Мейрамбек

Ж.Н. Есимова, кандидат
ветеринарных наук

С.И. Кустанов, кандидат
ветеринарных наук

(1979 г.) получил высшее образование, работает в Атырауском филиале Юго-Западного научно-производственного центра сельского хозяйства ведущим специалистом отдела бухгалтерии. Дочь Богагоз (1985 г.) – студентка Атырауского госуниверситета имени Х. Досмухамедова. В переводе на русский язык ее имя Богагоз означает глаз верблюда. Видимо, Сергей в ее имени отразил свой непростой тяжелый жизненный путь. Вторая дочь Матрамгуль (1989 г.) обучается на отделении живописи Малой академии искусств имени Н. Тлендиева в городе Атырау.

Мой отъезд из Алма-Аты в Гурьев произошел, как говорится, не с кондачка. Мне и моей супруге пришлось многое передумать, взвесить «за» и «против». Против: мы не могли хотя бы сразу оставить одну маму моей супруги Валентину Михайловну, хотя она, хорохорясь, говорила: «За меня не бойтесь, я не пропаду». Может быть, это было и так, но зная о ее здоровье, бесконечной любви к нашим детям, мы с Лерой очень беспокоились. Поэтому решили так: когда я получу квартиру, Лера приедет ко мне в Гурьев с нашей доченькой Олей, а с мамой мы оставим нашего сына Николая, чтобы он не прерывал учебу в школе и был рядом с бабушкой. В целом только это нас с Лерой и смущало в отношении моей поездки. Остальное, в частности работа Леры, нас не сдерживала, так как в Гурьеве, работая в НИВС, она, как самостоятельный ученый, могла бы сделать гораздо больше, чем в Алма-Ате. Так и в дальнейшем произошло.

Перед поездкой в Гурьев и в дальнейшем на протяжении многих лет я анализировал свой так называемый «декабристский» поступок – согласие на смену жизненных позиций, переезд в отдаленную от Алма-Аты Гурьевскую область. Сразу скажу: и тогда, и по прошествии многих лет я нисколько не пожалел об этом. Да, пришлось многое переоценить, в том числе и в своем характере, поведении, отношении к работе, семейному благосостоянию, состоянию комфортности моей семьи.

Родители, которые уже жили в Алма-Ате, на мой переезд реагировали положительно. Отец считал, что надо пройти через тернии самостоятельной работы любого уровня, конечно, лучше руководителя. Старший брат Борис жалел о моем отъезде – от него уходил напарник по тренировочным тяжелоатлетическим занятиям.

Что было «за»? Я уже был знаком в общих чертах с этим городом, будучи в командировке там по «икорному делу», когда работал в МООП Казахской ССР. В этот небольшой период узнал достоинства города (река, климат, люди) и недостатки (грязь, комары). Это, так сказать, были общие черты моего поверхностного понимания жилищной, бытовой и рабочей ситуации. Далее, что немаловажно, наша заработная плата с супругой была бы в Гурьеве в 7–8 раз больше, чем в Алма-Ате. А самое главное – это самостоятельность, возможность проводить самим сформулированные научные исследования, в результате выполнения которых была возможность внести что-то новое в ветеринарную науку и практику, оформить мне и Валерии Николаевне докторские диссертации. В целом так и вышло: материалы для докторских диссертаций нами были собраны с лихвой. Кроме того, я, как руководитель, немало там приобрел. Особенно много в этом плане дало общение с руководителями области, города и района. С руководителями хозяйств такой опыт у меня уже был приобретен несколько раньше. Это только кажется, что можно так просто прийти на прием к первому секретарю обкома КП Казахской ССР или председателю облисполкома, ответить на задаваемые ими вопросы или поставить перед ними какие-то необходимые для своей работы задачи. В те времена подбор кадров был на высоком профессиональном и моральном уровне. Руководители были высокоэрудированными практически по всем направлениям хозяйственной деятельности, а также в политическом и экономическом русле. Поэтому они сразу пришедшего к ним молодого специалиста словно сканировали, видя его недостатки

или положительные стороны. Понимая это, приходилось заранее изучать биографию своих руководителей, особенно в отношении их профессионализма, в том числе понимания сельхозпроизводства. В этом плане обычно и шли наши разговоры. Первые три месяца я практически не вылезал из автомашины, был в командировках, изучал применяемые в сельском хозяйстве области технологии содержания животных, районное руководство (фамилии, специальность, их производственные интересы), наличие в хозяйствах поголовья скота, знакомился со специалистами хозяйств и общался с чабанами, скотниками, доярками, пастухами. Все это у меня получалось неплохо. Одна была у меня «отрицательная» черта – я ни грамма не принимал алкоголя. Это удивляло многих. Казахи очень гостеприимная нация. «Гость в доме – Бог в доме» гласит казахская пословица. И как должен вести себя руководитель хозяйства, или хозяин достархана, когда к ним приезжает из областного центра специалист, не употребляющий спиртное? Надо отметить внутреннюю культуру этих простых людей. Они в этом случае не высказывали никакого удивления, просто, как бы не замечали мой отказ от рюмочки. Однако я уловил, что при этом образовывалась небольшая трещинка между хозяевами и гостем. Правда, все это быстро распространилось – сработала быстрая передача новостей в степи от юрты к юрте (узун кулак – казахск.), поэтому в дальнейшем такой мой отказ от спиртного уже никого не удивлял.

Командировки, углубление знаний об обычаях местного населения, общение с людьми значительно обогатили меня и способствовали моему внутреннему мировоззрению. Я стал вникать в казахский разговорный язык, вскоре на бытовом уровне практически понимал разговорную речь. Как-то на одном из заседаний в облисполкоме слушали отчет начальника облветотдела Т. Кабдолова. Ему были заданы вопросы в отношении животноводства, он не смог на некоторые из них дать вразумительный ответ, запутался. Председатель облис-

полкома У.К. Кушеков обратился ко мне: «А что вы можете сказать в отношении тех вопросов, на которые не смог ответить ваш коллега?». К его удивлению, я обстоятельно разъяснил, как я понимал ситуацию касательно заданных им вопросов. На заседании наступила тишина. Председатель облисполкома спросил у меня: «А вы сколько месяцев работаете директором НИВС?». Я ответил, что шесть месяцев. Он, подняв брови, с удивлением посмотрел на меня и, обращаясь к Т. Кабдолову сказал: «Вот берите пример с молодого руководителя. Прошло немного времени, а он знает, где размещено поголовье овец (об этом был задан вопрос), даже назвал фамилии чабанов. Учитесь у него». С одной стороны, это была похвала в отношении меня, а с другой – начался пока негласный рабочий конфликт с Т. Кабдоловым. Этот конфликт вылился в серьезный скандал (о нем я упоминал выше), в результате которого Т. Кабдолова сняли с должности. К этому хочу добавить, что в период моей работы в Гурьеве это был один из двух рабочих конфликтов за все годы моей научно-практической деятельности в качестве руководителя Гурьевской НИВС. О втором конфликте расскажу несколько позже.

Мое достаточно комфортное вхождение в сообщество ветеринарных специалистов произошло во многом в результате того, что в области работали мои не только однокурсники, но и одногруппники по Алма-Атинскому зооветеринарному институту.

К ним необходимо отнести Самигуллу Хамиевича Хамиева (1940–2012 гг.). Он родился в Гурьевской области, в селе Каратудек Новобогатинского района, был выходцем из рода Бегис Бераш – Младшего жуза. Жуз – это племенные союзы казахских родов. Языковед С.А. Аманжолов (1903–1950 гг.) считает, что казахи разделились на жузы в X–XII вв., до объединения с Чингисханом тюрков и монголов в одну тюрко-монгольскую империю. Ч. Валиханов (настоящая фамилия Мухаммад-Ханафия (1835–1865 гг.)), казахский ученый,

историк, этнограф, фольклорист, путешественник, просветитель, считал, что, когда государство Золотая Орда начало распадаться, то для того, чтобы оставить за собой территории своих кочевий, казахи создали большие племенные союзы. В результате образовалось три жуза: Старший, Средний и Младший. У каждого казахского жуза имелось свое исторически сложившееся пространство, территория: у Старшего жуза – Семиречье и Южный Казахстан, Среднего – Центральный, Восточный и Северный Казахстан, Младшего – Западный Казахстан. Племена казахов, входивших в один жуз, родственны между собой и даже считались потомками одного предка. Поскольку население жуза проживало в определенной географической зоне, племена, входившие в один жуз, были связаны между собой более крепкими хозяйственно-экономическими связями, чем с другими жузами. В связи с этим складывалась особая внутриэтническая общность со своими традициями, привычками, обычаями. Жузы отличались внутренней сплоченностью и в руководстве властью. Каждый жуз имел своего хана и бия. Бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе по меньшей мере четыре качества: военачальника, административного лица, судьи и представителя степной аристократии. Бии – наследники далекого прошлого, поэтому они так органично усвоили все функции управления. Бии Дешт-и-Кипчака древнее Чингизидов. Они в противоположность Чингизидам – «денациональному» сословию, составляли национальную аристократию, элиту социальной группы «кара-суйек». Исследователь казахского обычного права А. Леонтьев отмечает, что «...слово "бий" происходит от глагола "билейди", что означает "управляю"». Казахские жузы были хозяйственно-культурными и политическими частями казахского народа. В мирное время большинство внутренних проблем, отношений решались внутри самих жузов. Однако это не означает, что между казахскими жузами не было политических, хозяйственно-культурных, этнических связей. Между родами и племенами, занимавшимися коче-

вым скотоводством, устанавливались тесные хозяйственные взаимоотношения, завязывались торговые связи, заключались браки. Общая этнокультура, языковое, бытовое и хозяйственное единство играли прочную связующую роль. Если над общей родиной сгущались тучи, вставал вопрос о ее защите, то все казахские жузы объединялись в одну мощную силу. Не возникало никаких разногласий по поводу того, какому жузу относится та или иная территория: под угрозой была казахская земля. Внутренняя близость, патриотизм проявлялись во время джунгарских набегов на казахскую землю. Все главные вопросы внутренней и внешней политики решались на курултаях. Казахи говорят: «Дай Старшему жузу посох и пусть пасет скот, дай Среднему жузу перо и пусть решает споры, дай Младшему жузу копье и отправь на врага».

Младший жуз, к которому принадлежал С.Х. Хамиев, проживал на западе Казахстана, куда входила и территория будущей Гурьевской области – огромный, пустынный и гиблый район. Это бесконечные засушливые степи, в лучшем случае слегка холмистые, а чаще просто плоские утлые аулы, редкие города, чаще всего при месторождениях и железнодорожных станциях, пыль, ветер и пустота. Плотность населения здесь – 3–4 человека на квадратный километр. Причем, даже неясно, какая часть Западного Казахстана безлюднее – степь или пустыня... В пустыне, кстати, много домашних верблюдов.

Никто из нас, студентов, не мог предположить, что Самигулла состоится как высококвалифицированный ученый. В студенческие годы он был скромным студентом, всегда улыбался, носил красивые, как мне казалось, с золотой оправой очки, меня он называл Сашей. По окончании Алма-Атинского зооветеринарного института он был направлен в Гурьевскую область сначала в Жилойский район, потом в Балыкшинский, где работал заведующим отделом ветеринарии в райсельхозстанции. Затем перешел работать главным

врачом совхоза. Работая на производстве, решил поступить в заочную аспирантуру в ВИЭВ (Москва). Видимо, у него была договоренность с кем-то из ученых ВИЭВ в отношении аспирантуры. Когда он сообщил об этом своему руководству, то получил однозначное несогласие. Он пришел ко мне очень расстроенный и без всяких утаек все рассказал. Как же не помочь однокурснику? Я его принял в штат НИВС, мы договорились, что он будет поступать в очную аспирантуру. Несмотря на телефонные звонки мне в отношении Самигуллы, я твердо стоял на своем: оформил ему хорошую характеристику и все необходимые документы для поступления в аспирантуру. Самигулла в 1973 г. поступил в очную аспирантуру ВИЭВ в лабораторию протозоологии. После ее окончания он вернулся в Гурьев и был принят к нам на станцию, которая уже вошла состав ВО ВАСХНИЛ на должность младшего, а затем старшего научного сотрудника. Самигулла успешно защитил диссертацию. ВАК СССР присвоила ему ученую степень кандидата ветеринарных наук.

Я понимал, что подойдет время и мне все равно придется возвращаться в Алма-Ату. Поэтому я по прошествии трех лет работы в качестве директора станции задумался: кого я оставлю вместо себя? Надо было бы иметь на станции специалиста, имеющего степень кандидата наук. Такой сотрудник на станции появился, я имею ввиду Самигуллу Хамиева. Он на станции проработал еще некоторое время, между нами были тесные дружеские и профессиональные отношения. Я его исподволь начал ориентировать на занятие моей должности. Так, в конечном счете и вышло. В конце 1976 г. он был назначен директором Гурьевской НИВС и на этой должности проработал до 1988 г.

В период нашей работы я настраивал Самигуллу на проведение научной работы в области болезней верблюдов, которые поражались микозами, крайне неприятной болезнью под народным названием лишай, а конкретнее – трихофитией (стригущий лишай). В Казахстане в 1972 г. было более

120 тысяч верблюдов. По результатам последнего подсчета их насчитывается в Мангистауской области – 41 500 голов, Атырауской – 17 300 и Южно-Казахстанской – 16 900 . Верблюды содержатся в крупных фермерских, крестьянских хозяйствах и в личных подворьях. Повышению рейтинга верблюдоводческих хозяйств и получения от верблюдов продукции – шерсти высшего качества, в первую очередь препятствует трихофития. В последние годы частота встречаемости этого заболевания у верблюдов в Казахстане и прилегающему к нему зарубежью приводит и к опасности заражения людей.

По данным С.Х. Хамиева (1987 г.), трихофития у верблюдов наблюдается в возрасте с 30–35 дней (32,8–62,9%), далее с шести месяцев (80–90%), 20–24 месяцев (50,9–63,8%) и в 3 года (4,8–13,8%). После этого заболеваемость резко снижается, так как все поголовье животных в неблагополучных табунах переболевает трихофитией.

Свою докторскую диссертацию С.Х. Хамиев выполнял под руководством академика РАСХН А.Х. Саркисова. В результате исследований у верблюдов был выделен новый вид возбудителя – T. sarkisovii. Вид возбудителя трихофитии у верблюдов был назван в честь руководителя этого большого научного направления в ВИЭВ академика ВАСХНИЛ Героя Социалистического Труда А.Х. Саркисова (1908–2001 гг.). Арутюн Христофорович родился в Баку, окончил Закавказский ветеринарный институт в Ереване. Является автором нового научного направления – учения о болезнях человека и животных, возникающих от токсинообразующих грибов. Под его руководством и непосредственном участии изучены причины массовых отравлений животных микроскопическими токсикогенными грибами; созданы методы определения микотоксинов непосредственно в организме животных; выявлены зоны распространения токсичных грибов, их видовой состав, условия токсинообразования; разработаны методы анализа и обеззараживания кормов; разработаны ос-

новы использования антибиотиков в ветеринарии, методы применения антибиотиков пролонгированного действия, предложены высокоэкономичные биомициновые препараты – биоветин и биовит. Он является основоположником школы отечественных ветеринарных микологов. Его учениками впервые в мире были созданы три высокоэффективные вакцины против стригущего лишая сельскохозяйственных животных.

Вот такой высококлассный научный консультант был у Самигуллы Хамиевича, под руководством которого в 1991 г. он защитил в АЗВИ докторскую диссертацию по микозам верблюдов.

В 1988 г. С.Х. Хамиев перешел на работу заведующим кафедрой клинической диагностики Западно-Казахстанского сельскохозяйственного института (г. Уральск). В 1993 г. он был приглашен во вновь организованный Атырауский (Гурьевский) государственный университет на заведование кафедрой зоологии. Он автор 150 научных работ, трех монографий, двух учебных пособий, 19 методических указаний. В 1996 г. Академия естественных наук Республики Казахстан избрала его действительным членом академии.

Самигулла рос без отца, который в возрасте 35 лет погиб на фронте (1942 г.) во время Великой Отечественной войны. Его мама Хамия Шорагали Иызы (1910–1978 гг.) воспитала шестерых детей. В семье Самигуллы было трое детей. Супруга Самигуллы Маут Ашуговна Мугалимова – врач-бактериолог, работала паразитологом на Гурьевской противочумной станции. Старший сын Сайфолла окончил Вологодский молочный институт, работал в коммерческой структуре, окончил очную аспирантуру по специальности экология. Младший сын Жанибек окончил рыбный техникум, работал также в коммерческой структуре. Дочь Гульмира замужем, воспитывает троих детей, по специальности архитектор.

С.Х. Хамиев имел впечатляющие научные разработки в области ветеринарной микологии. В те времена это было

новое и очень интересное направление в науке. Самигулла Хамиевич помимо многих других научных разработок являлся автором высокоэффективной вакцины против трихофитии верблюдов (Камелвак), которую после распада СССР перестали выпускать.

Я так подробно остановился на моем сокурснике С.Х. Хамиеве, потому что он в 1976 г. принял у меня Гурьевскую ветеринарную станцию и в течение 12 лет эффективно возглавлял ее в достаточно сложных финансово-экономических и политических условиях.

Также со мной в одной группе учился Максим Нагиевич Альмуханов (1942–2003 гг.). Родился он в поселке Кулагино Гурьевской области. Высокий, стройный, с небольшими усиками, всегда аккуратный студент был немногословен, умел слушать, когда была необходимость, мог ответить на неудобные вопросы и подколки. По окончании института работал ветврачом-токсикологом в Махамбетской райветлаборатории, потом ветврачом-эпизоотологом. Пользуясь своим положением, я несколько раз способствовал его продвижению на должность начальника ветслужбы района. Максим никак не хотел занимать эту должность, которая давала бы ему хорошую жизненную перспективу. Вот такой был мой товарищ Максим Альмуханов. Жаль, что рано он ушел из жизни. Он и его супруга Ыниташ, по специальности фармацевт, воспитали замечательных детей: дочь Айгуль (окончила педагогический институт), сына Аслана (окончил Гурьевский институт нефти и газа), дочь Майру (окончила музыкальное училище). Максим оставил после себя хороших детей, замечательных тружеников казахстанской земли.

Хочу несколько слов сказать и о Куаныше Исамберлиеве, очень мягком, доброжелательном, культурном студенте. Он никогда и нигде не старался выпятить себя, всегда находился в тени, но авторитет среди студентов у него был непререкаемым. По окончании института он начал трудовую деятельность в Гурьевской области. Я с ним контактировал

по работе, когда он работал главным врачом в совхозе. Несколько раз по долгу службы бывал в его хозяйстве, где он пользовался как ветеринарный специалист неоспоримым авторитетом. Удачно сложилась и его семейная жизнь. Его супруга Нуржиян Абдолова работала в руководстве Балыкшинского райкома КП Казахской ССР.

Как-то я по рабочим делам посещал соседние хозяйства и, возвращаясь домой в Гурьев, решил по пути заскочить на пару минут к Куанышу. Застал его лежащим на диване в полусонном состоянии, сильно утомленным. В разговоре я сказал Куанышу о его нездоровом состоянии. Он сказал: «Ничего, Алеке, бывало и хуже, немного отдохну и завтра пойду на работу». Побыв у него, я тепло попрощался с ним и уехал домой. Утром мне позвонили из совхоза – Куаныш умер... На похоронах было много народа, некоторые наши гурьевские ребята – бывшие студенты-однокашники. Так иногда заканчивается жизнь близких друзей и однокурсников.

Хочу еще рассказать о жизненном пути моего гурьевского сокурсника Нагидоллы Жугунисова. Он старше меня на 2 года. Рос без отца, который погиб на войне в 1943 г. Воспитывала его мама Жумазия Сапаргалиевна Идранова. Нагидолла мне запомнился в студенческие годы своим серьезным характером. На различных собраниях он всегда старался высказать свое мнение по любому обсуждаемому вопросу. Наш куратор А.И. Гуляев не раз по этому поводу говорил студентам: «Вы еще узнаете Жугунисова, он обязательно будет работать или председателем райисполкома, или секретарем райкома». Мы посмеивались и, конечно, желали ему достичь таких командных высот. По окончании института Нагидолла начал работать в своем же Зарубунском совхозе веттехником. Видимо, не захотел уезжать далеко от своего родного очага. Позже в этом же хозяйстве он работал около 10 лет главным ветврачом. Потом перешел работать в Новобогатинскую ветстанцию главным ветврачом района. Не-

продолжительное время (4 года) он испытал себя на партийной работе в качестве секретаря парткома совхоза, потом 12 лет работал начальником районной ветстанции Исатайского района, откуда и ушел на пенсию. Однако на этом его трудовая эпопея не закончилась. Нагидолла еще несколько лет работал в гурьевских областных ветеринарных структурах. Вместе с женой Улболан Каженбаевой воспитали пятерых детей, все они получили высшее образование. Так что практически сбылся прогноз А.И. Гуляева в отношении Нагидоллы как хорошего специалиста.

Описать и вспомнить хотя бы по месяцам свою работу или какие-то положительные и отрицательные события, в которых принимал участие в качестве директора Гурьевской НИВС, конечно, не представляется в полной мере возможным. Однако о наиболее запомнившихся событиях и фактах, глубоко отложившихся в памяти, по которым сохранились какие-то документы или их обрывки, хотелось бы высказаться.

Запомнилась в памяти командировка в Денгизский район по поводу падежа лошадей. В командировку ездил вместе с тогда еще работающим начальником ветотдела Т. Кабдоловым и директором облветлаборатории Г. Ибишевым.

Денгизский район образован в 1928 г., в 1993 г. он был переименован в Курмангазинский район в честь Курмангазы Сагырбайулы (1818–1896 гг.) – казахского народного музыканта, композитора, автора кюев (пьес для домбры), оказавшего глубокое влияние на развитие казахской музыкальной культуры. В то время центром района было село Ганюшкино (Курмангазы). Село основано в 1793 г., в нем на тот период проживали около 9 тысяч человек. В районе было развито овцеводство (эдильбаевская порода овец), верблюдоводство (до 3 тысяч голов). Содержали в районе и крупный рогатый скот, занимались овощеводством. Здесь было два крупных хозяйства, в которых разводили лошадей – совхозы «Суюндукский» и «Балкудукский». В каждом из них,

если мне не изменяет память, содержалось не менее 4–5 тысяч голов лошадей. Местные отродья лошадей отличаются верховым типом телосложения, сформировавшимся в результате скрещивания их с лошадьми среднеазиатских пород (ахалтекинской, иомудской и карабаирской). В результате этого такие лошади были больше мясного направления – типа джабе, которые прекрасно нагуливались на полупустынных пастбищах. Климат в Гурьевской области отличается резкой континентальностью, крайне засушлив, с жарким летом и умеренно холодной зимой. Средняя температура января 3–4 °С на севере области, 10,6 °С – на юге, в июле 26 °С на юге области и 25 °С на севере. Осадков в области выпадает от 100–116 мм на юге до 180–200 мм в год на севере. Скудный покров неустойчив. Характерны сильные ветры, пыльные бури и суховеи летом. От Гурьева до Ганюшкино 286 километров. Дороги в то время были грунтовые, пересекались большими песчаными торосами или каменистыми грядами. Кто ездил по таким дорогам на легковой машине Газ-69 с продольными жесткими сиденьями, может представить мое и Ибишева Гатая (директор ветлаборатории) состояние, так как мы сидели с ним как раз на таких твердых сиденьях. Впереди, конечно, по-барски расположился Т. Кабдолов, это и правильно, он был старше нас по возрасту.

Доложив районному начальству о цели нашего приезда, переночевав в районной гостинице, утром выехали в Суюндукский совхоз, где был отмечен падеж лошадей. Взяв с собой главного ветврача хозяйства, выехали непосредственно к месту сосредоточения лошадей, которых содержали в большом загоне. Таких животных было около 50, и все они были больны. Начали работу с общего анамнеза: как содержат лошадей, где их поят, какие производят ветеринарные обработки. Особенно это было интересно для меня, так как я впервые сталкивался с таким эксклюзивным табунным содержанием лошадей.

Известно, что в мировом сообществе разводят около 345 пород лошадей, в странах СНГ – свыше 50, в Казахста-

не – более 13 пород и породных групп. Конечно, мне приходилось видеть и непосредственно принимать участие в ветеринарном обслуживании лошадей, но это все было в других агроклиматических условиях, где животных содержали в сарайно-базовых (конюшенных) условиях с культурно-табунным их содержанием. В полупустынной зоне, где мы находились, лошадей содержали на круглогодичных пастбищах. Уход за ними в основном ограничивается сменой пастбищ, зооветеринарной обработкой и охраной поголовья от хищников. Подкормку их производят только во время гололедицы (джута), когда лошади не могут тебеневать, то есть рыхлить копытами настил снега. Укрывают лошадей в непогоду в так называемых естественных загонах, обеспечивающих затишье, используя рельеф местности, склоны гор, сопок, заросли камыша, лесные чащи. Конюшни иногда строят только для жеребцов-производителей, рабочих лошадей и слабого молодняка поздней выжеребки. Более-менее основным производственным сооружением при таком содержании лошадей являются базы с расколом для проведения зооветеринарных мероприятий.

К недостаткам круглогодового пастбищного содержания лошадей относится его прямая зависимость от климатических и кормовых условий и преждевременное зажеребление молодых кобылок. Лучшими типами весенних пастбищ в полупустынной зоне для табунных лошадей являются эфемерово-злаковые (апрель) и типчаково-ковыльные (май, июнь). После схождения снега и начала вегетации трав табуны выпасают на возвышенных участках степного рельефа и южных склонах сопок. По мере отрастания типчака и ковыля табуны переводят на равнинные участки или северные склоны сопок и тебенюют там до начала выгорания трав. В этот период идет весенняя нажировка, или нагул, лошадей (50–60 дней). Распорядок в табуне следующий: лошади находятся на пастбище (как и в другие сезоны года) в течение суток; водопой в 9–10 и 16–17 часов. Схему пастьбы строят с

таким расчетом, чтобы ко времени водопоя лошади оказались вблизи источников воды. Все это было для меня очень познавательно, в частности и оборудование таких источников для лошадей. Местные умельцы делали это следующим образом. Выкапывали большие канавы (механическим путем) глубиной 2,0–2,5 метра и длиной 2–3 метра, покрывали такие сооружения досками, их – брезентом, скопившуюся там воду подавали в поилку с помощью водяных насосов. Поголовье коневодческих ферм обычно формируют в отдельные табуны, а их – в косяки, которые возглавляют жеребцы. В косяках обычно сосредоточено 15–20 кобыл. Кобылок полутора-двухлеток во избежание случки держали отдельным табуном без жеребцов. На наших глазах табунщик, как «маг», сообщил нам, что через 10 минут здесь будет три косяка лошадей на водопое. Так и произошло. Сначала появился жеребец, а за ним и весь косяк лошадей. Заработала водяная поилка, лошади жадно прильнули к появившейся в колоде холодной воде. Утолив жажду косяк ретировался. За ним появился второй, а позже и третий. Это было для меня удивительно и очень интересно.

Плановые зооветеринарные работы, в том числе и формирование новых косяков в хозяйстве, производили в специальном базе-расколе, стенами которых являлись толстые доски. Баз-раскол состоял из приемного отделения, воронки-коридора, раскольной клетки с весовой установкой, распределительной секции и секции для формирования косяков. Все лошади были подвергнуты горячему таврению, на их крупе четко отмечалась конфигурация тавра – буква «С», то есть «Суюндукский» совхоз. Я так подробно остановился на технологии содержания лошадей в таких неблагоприятных природно-климатических условиях по причине того, что практически через год мне пришлось опять возвратиться в эти хозяйства (второй совхоз «Балкудукский»), совсем по иной, неблагоприятной джутовой погодной причине.

В нашем первом случае погода была прекрасная, пастбища имели неплохой травостой. Тем не менее, лошади гибли, и местные ветеринарные врачи не могли установить причину их падежа. Со слов табунщиков мы узнали, что лошади ведут себя неадекватно. Отмечены их беспорядочные движения, агрессивность, в момент бега они не замечали препятствий, натыкались на стены раскола, мотали беспрерывно головой. Комиссионно произвели контрольный убой пяти лошадей с описанной выше клиникой. На вскрытии, которое пришлось проводить мне, не обнаружили каких-либо серьезных патологоанатомических изменений во внутренних органах и лимфатических узлах. Мои коллеги стали настаивать на том, что, видимо, лошади поражены вирусной инфекционной анемией. С этой РНК-содержащей вирусной инфекцией мне приходилось ранее встречаться, потому я был не согласен с таким диагнозом. Пришлось еще раз при вскрытии обратить внимание на наличие признаков, характерных для этого заболевания: исхудания, желтушного отека конъюктивы, увеличения селезенки (кровоизлияние под кансулой), печени, миокарда, геморрагического воспаления слизистой оболочки желудочно-кишечного тракта с кровоизлияниями. К нашему общему согласию, эти признаки на вскрытии лошадей отсутствовали. Поэтому я и был против этого диагноза у лошадей. Тем не менее, взяли для исследования сыворотку крови, биообъекты из внутренних органов для гистоисследования и отправили с нарочным в Гурьевскую облветлабораторию. Осталось проверить, какие изменения имеются на слизистой оболочке носа. Я попросил табунщиков разрубить сагиттально головы убитых лошадей. И – «О, эврика!»: перед нами открылась страшная патологоанатомическая картина. В глотке, полости носа, лабиринтах сетчатой кости и лобной пазухе обнаружено большое количество личинок носового овода. Особь имела примерно 8–12 миллиметров длиной, темно-серого или бурого цвета, с поперечными полосками по телу. Ранее мне приходилось

встречаться с таким явлением при эстрозе овец. Наша комиссия единогласно пришла к выводу: диагноз у лошадей в нашем случае – ринэстроз, возбудителем которого является личинка белоголового овода, описанная еще в 1858 г. Brauer. Самки возбудителя животворящие, на лету впрыскивают в ноздри лошадей до 60 личинок. Самки в течение своей жизни воспроизводят 450–800 личинок, после чего погибают. Когда вскрывали головы лошадей, то таких личинок мы собирали из одной головы по одной-две пригоршней. На это было страшно смотреть. Попадая в решетчатую кость лошади, личинки травмировали даже мозговую ткань, чем вызывали у животных нервные расстройства, буйство и даже гибель. Нами был составлен подробный акт вскрытия, разработаны профилактические и оздоровительные мероприятия, проведены беседы с табунщиками, руководителями хозяйств. На этом наша командировочная миссия закончилась.

Приведу другой случай моей командировки в этот же район. Произошло это примерно через год после первой нашей командировки в Денгизский район. Причиной ее была совсем другая ситуация. Район постигло погодное бедствие. Ранее я останавливался на таком явлении как джут (жут – на казахском языке). Это слово объединяет многие понятия, но сводится к одному – неблагоприятным погодным условиям (дождь, снег, гололед, низкая температура), а также бескормица, отсутствие водопоя. Казахский историк Зардыхан Киянатулы (1995 г.) отмечал, что у джута семь братьев: снег, мороз, сильный буран (пурга), отсутствие загонов, безводье, голод, а также человеческая лень. Последний признак – человеческая лень – относится к нам, людям, которые, попадая в это лихолетье, ведут себя неадекватно, теряются, уходят от борьбы со стихией. Меня пригласили к первому секретарю Гурьевского обкома партии С.М. Мукашеву. В его кабинете собрались более двух десятков специалистов сельского хозяйства, руководителей различных сельхозорганиза-

ций. Причиной экстренного совещания послужило то, что в Денгизском районе, в двух совхозах «Суюнудукский» и «Балкундукский», отмечен падеж лошадей из-за крайне сложных погодных условий. Уже была готова дорожная карта для работы командированных специалистов, и С.М. Мукашев огласил список двух обкомовских групп, направляемых в район. Одну из них возглавил первый заместитель начальника облсельхозуправления Михаил Яковлевич Шухмахер, вторую поручили возглавить мне. На сборы дали 3 часа. Команда дана. Сели в автомашины, 285 километров – и мы в Денгизском районе. Погода встретила нас сильным снегопадом, ураганным ветром и низкой температурой. Земля, вернее сыпучий песок, обледенела и покрылась сплошной ледяной коркой. Прошло уже несколько дней такой непогоды. Руководители района и совхозов были в панике: что делать? Разбившись на две группы, укрепив их местными специалистами, мы выехали в хозяйства. С Михаилом Шухмахером я был в хороших отношениях, тем более по профессии он был также ветеринарным врачом. Он прекрасно знал район, так как по окончании Саратовского сельхозинстиута работал в этом районе. Еще раньше мы договорились держаться и работать вместе. Этот договор себя в дальнейшем оправдал, так как мы быстро принимали совместные решения, экономили на автотранспорте.

Вначале мы решили уточнить число павших животных в хозяйствах, также попытаться оказать первую помощь тем лошадям, которые были живы и могли двигаться (напоить, накормить, провести ветеринарную обработку). С чем же мы столкнулись? Такое не забывается никогда. Несмотря на пургу, гололед, приходилось при обнаружении лошади пробираться к ней для установления ее состояния. В подавляющем большинстве находили погибших животных. В таком случае табунщики разводили паяльную лампу и на крупе отыскивали с помощью огня тавро с буквами «Б» или «С» – первыми буквами названия совхоза. Животные гибли в

страшных муках, судорогах, рыли передними ногами глубокие ямы в песке и по мере возможности прятались в них от ветра. В таких позах большинство лошадей и погибали. Я видел реакцию моих товарищей по несчастью, особенно табунщиков. У бывалых мужчин из глаз текли слезы, они старались сдерживать свои эмоции, но у них это практически не получалось. Необходимо заметить, местное население – казахи – нация, которая любит животных и знает, как содержать их, особенно овец, лошадей и верблюдов. Здесь они, несомненно, доктора наук. Тем, кто не вырос в таких экстремальных условиях (например, я), надо было на ходу учиться у них сдерживать свои эмоции. Я старался, но получалось очень плохо.

В нашем случае я не видел человека, который был бы безучастен к этой трагедии. О таком факторе, как человеческая лень, не было и речи. Люди работали и днем, и ночью не покладая рук. Когда удавалось вытащить из ямы лошадь с признаками жизни, сколько было на наших лицах и особенно на лицах табунщиков радости! Они снимали с себя жупаны (верхнюю одежду) и старались обогреть ею лошадь. Если это удавалось, все мы чуть ли не плясали от радости, несмотря на страшную усталость, пронзительный ветер, холод, снежную пургу. Поздним вечером на скорую руку утолив голод, поспав 3–4 часа, опять на машину – искать живых или павших лошадей.

От ненастья погибло большое количество лошадей. Это была большая трагедия для хозяйств района и в целом Гурьевской области. Такое горе отразилось особенно на моральном состоянии работников хозяйств – табунщиков и их семей. Их психологическое состояние было, как говорят в народе, на нуле, отмечены даже попытки суицида. Горе есть горе... Мы, члены бригад, старались как-то сгладить эту страшную ситуацию, близко общались с членами семей табунщиков, особенно с женами, детьми. Но все эти встречи были полумерами. Такое горе притупляется не сразу. Но все

же человек постепенно по долькам освобождается от тех отрицательных стрессов, которые связаны с перенесенным несчастьем. Петр Ильич Чайковский на сто процентов был прав, когда сказал: «Единственное спасение в душевном горе – это работа». А работы после джута в Денгизском районе всем хватало. Рабочие постепенно выходили из непростой жизненной ситуации. Начал налаживаться хозяйственный быт. Табунщики и зооветспециалисты из оставшихся в живых лошадей формировали косяки, подкармливали в первую очередь жеребцов, оборудовали стоянки, площадки для водопоя лошадей, восстанавливали питьевые корыта. В целом жизнь начала входить в обычное русло. Посоветовавшись с районным руководством, получив добро от областного руководства, мы отправились домой. Две недели нашего пребывания в Денгизском районе пролетели, как миг.

Несмотря на такие жесткие коллизии в моей жизни в Гурьеве, все же хороших дней было гораздо больше, чем плохих. Для сплочения коллектива наши сотрудники вместе выезжали отдыхать под тенек деревьев к реке Уралу. Возле Гурьева она отличалась большой шириной, имела прекрасное побережье. Песок – лежи и загорай, ни о чем не думай. Наши заядлые рыбаки закидывали удочки с тремя-четырьмя крючками, ловили рыбу, из которой женщины мастерски готовили уху. Выкладывали привезенные с собой продукты на широкую, если можно так сказать, скатерть, откупоривали одну – две (бывало и больше) бутылочки вина и водочки – вот и готовое застолье. Ребятишки, в том числе и моя дочка Оля, бегали, резвились, купались в теплой воде широкого Урала. За разговорами, песнями, различными приколами быстро заканчивался наш дневной «загул». Загорев и отдохнув, на машинах отправлялись домой. Завтра нас ждала напряженная работа, наши научные будни.

Такие вылазки сближают коллектив, поэтому на протяжении всей моей работы в НИВС я практиковал такие выезды на природу. У меня было два шофера – Володя Горячкин

и Аубекир Лукпанов. Когда я ездил в командировку в районы, где было много русскоязычного населения, брал шофером Володю, который жил со мной в одном доме, когда выезжал в чисто казахские районы, брал второго шофера Аубекира. Надо сказать, поездки были не особенно комфортными, за 6–8 часов могли по пустынной дороге проехать 600 и более километров к местам содержания верблюдов или овец. Ночевали в юртах. Мне очень нравились такие ночлеги. В жаркие ночи хозяева открывали полог нижней части юрты с одной и другой противоположной стороны. Веяло прохладой, спали, как младенцы. Володя Горячкин и его двоюродный брат, тоже шофер, были заядлыми охотниками. У меня от отца осталось ружье-двустволка 12-го калибра «Зауэр три кольца». Очень легкое хорошее немецкое оружие, стреляло без отказа. Они втянули меня в свою охотничью братию. Выезжали обычно вечером в субботу (тогда выходным днем было только воскресенье), приезжали на место к култуку Каспийского моря, примерно 70–80 километров от Гурьева. Култук (тюркское: угол, тупик) – название узкого мелкого залива на Каспийском море. Култуки – это мелкие заливы морской воды с достаточно твердым дном, заросшие высокой болотной травой семейства рогозовых, а также камышом семейства осоковых. Они образуют прибрежную приморскую зону. Там обычно прячется от дождя и сильного култукового ветра дикая водяная птица. Пока двое из нас, обычно я и Володя, устанавливали палатки, брат Володи, быстренько собравшись, добирался пешком до култука и отстреливал две-три уточки. Мы их ощипывали и готовили на газовой плите вкусное и питательное блюдо – шулюм, охотничье блюдо в виде наваристого супа. Обязанности повара иногда выполнял я. Разделанные на части утки, картофель, немного перловой крупы, лук или чеснок, капустка, черный перец – и готово прекрасное блюдо. Чего греха таить, немного водочки (без меня) и сытный ужин. Спать, а рано утром, только забрезжит рассвет, с

ружьями и другими приладами двигались в култуки. Очень важной частью нашей амуниции были так называемые сидушки. Сидушка состоит из железного стержня с накрученным сверху круглым сиденьем. Что важно – внизу на стержне нанизан со специальным болтом-ограничителем также железный круг в 2–3 раза меньше диаметром, чем верхнее сиденье. Это сооружение позволяло охотнику с комфортом сидеть многие часы на недостаточно плотном дне култука и ждать с нетерпением свою добычу – обычно утку. К этому надо добавить и еще одну приладу – специальную деревянную палку, которую втыкали рядом с собой в грунт и вешали на нее патронташ, бутылку с водой и еду. Вот в таком сидячем положении, переговариваясь со своими соседями, без отрыва наблюдали за рассветом, ждали дичь.

Несколько слов о Каспийском море, где мне приходилось охотиться, рыбачить и отдыхать. Это крупнейший на земле водоем, который можно классифицировать как самое большое озеро-море ввиду громадных размеров, а также из-за того, что его ложе сложено земной корой океанического типа. Уровень воды Каспия подвержен колебанию и составляет примерно 27 метров ниже уровня мирового океана. Площадь Каспийского моря составляет примерно 371 000 квадратных километров, максимальная глубина равна 1022 метров, средняя – 208 метров. Тип минерализации – слабосоленое, соленость доходит до 13%. В море впадают четыре больших реки: Самур, Волга, Терек, Кура.

В ту пору наибольшую популярность среди охотников пользовались утки – кряква, самые распространенные утки в Казахстане. Местные охотники ее обычно называют крякушей, крыжень, качкой, матерой уткой. Так что одной из основных целей для нас на охоте, конечно, была эта утка. Чаще стреляли селезней, которые выделялись своей яркой специфической окраской. Встречались и серые утки, так называемые среди охотников, серухи, серушки, полукряковые. Откуда произошли эти названия, точно неизвестно, но охот-

ники издавна хорошо знали этих уток, часто отстреливали их. Видимо, исходя из различных охотничьих обстоятельств и возникло такое многообразие названий этих уток. Зимуют они обычно на Каспийском море и в Закавказье, но встречаются реже кряквы. Приходилось отстреливать и таких уток, как шилохвост (вострохвостка), чирков, нырков с ярко-рыжей головой, а также морскую перелетную птицу – гоголя. Не так часто, но попадались под выстрел моего ружья и серые гуси, по ошибке 2 раза за охоту на Каспии подстрелил и лебедей. Правда, сам их домой не брал, отдавал Володе. Спрашивал потом, какое у них мясо. Он хвалил жаркое, приготовленное из лебедей. Честно говоря, некоторое время на душе от отстрела лебедей у меня было тошновато, чувствовал себя не в своей тарелке. Бывали казусы на охоте? Конечно, были! Когда на море отмечается сильный ветер, дичь громадными стаями быстро прячется от ветра в култуках. Был такой случай: налетела на меня несметная стая уток, не видно белого света. Вроде бы, и целился я в каких-то определенных мною уток, но произвел два выстрела – и ни одной утки. Бывают такие неприятности, конечно, не для уток, а для охотника. Был, наоборот, другой случай. Возвращаясь уже к нашему лагерю из култука с добычей, увидел, что высоко в небе парит гусь. Я точно знал, что стрелять бесполезно – далеко, но, как говорят, шестое чувство подсказало – стреляй! Выстрелил навскидку и, о боже, гусь перевернулся и, как парашют, стал медленно спускаться вниз к воде. Я пошел к месту падения гуся и увидел, что он стоит на своих двух лапках и обалдевший оглядывается. Я за ним, а он, как хороший рысак, от меня бегом. Видимо, я ему повредил крыло. В общем, я прокандылял за ним не менее километра, несколько раз стрелял на ходу, в конце концов он стал моей добычей. И такие казусы бывают на охоте.

Надо сказать, что на охоте самый смак состоит не только в преследовании дичи, пальбы по ней, но и в тесном контакте с теми людьми, с которыми охотишься или встречаешься

как соседями на охотничьих привалах. Здесь присутствуют карты, анекдоты, различные подколы, рассуждения на более серьезные темы. Все это создает прекрасную ауру, забываешь свои рабочие, семейные и научные проблемы. Очень точно об охоте сказал большой знаток этого дела великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев: «Охота... сближает нас с природой, приучает нас к терпению, а иногда и к хладнокровию перед опасностью». А что мы обычно слышим от рыбаков и охотников, когда они возвращаются с охоты и встречаются со своими сослуживцами? Шум и смех, подколы и различные правдивые и неправдивые рассказы. Отто фон Бисмарк, первый канцлер Германской империи (1815–1898 гг.) говорил: «Никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов». В отношении войны я не знаю, а вот относительно двух других его строчек – это точно. Такова жизнь человека с его достоинствами и недостатками. Все мы прошли через эти невзгоды жизни, но самое главное – человек должен в любых ситуациях оставаться самим собой.

Я преднамеренно широко охарактеризовал Каспийское море, остановился на таких его побережьях, как култуки. Необходимо добавить, что пригранично с култуками обычно располагались и отары овец, были постройки, где жили пастухи и их семьи. Здесь, как правило, была скудная, но достаточная для содержания овец растительность. Жизнь здесь кипела. Для семей животноводов это была самая приемлемая среда обитания. Они могли заготавливать камыш, из которого делали камышовые маты – хороший строительный материал. Стены домов из таких камышовых матов обмазывали глиной, которая тоже была под рукой, и получалось неплохое жилье. В таких домах зимой жили семьи животноводов, летом – в юртах. Благо, под рукой была и пресная вода, которую они брали из впадающих в море рек, а также близко находилось и само море, где можно было порыбачить и поохотиться. Для местных жителей это был не сказать, что рай,

но достаточно удобная территория для проживания, ведения личного и государственного хозяйства.

Только Всевышний знает, а мы лишь можем предполагать, какие погодные невзгоды могут наступить в таких местах в случае штормовых ветров, особенно в направлении от основного зеркала моря на сушу через култуки. Страшное лихолетье населению Каспийского приморья пришлось пережить в период моего проживания в Гурьевской области. Известна двенадцатибальная шкала Бофорта, принятая Всемирной метеорологической организацией для приблизительной оценки скорости ветра и по его воздействию на наземные предметы. Эта шкала разработана английским адмиралом Фрэнсисом Бофортом в 1806 г. и принята обществом в 1847 г. для использования в синоптической практике. По этой шкале на Каспийском море в этот период отмечен был шторм. Что это была за напасть! По шкале Бофорта из 12 пунктов он занимал 9-е место. Средняя скорость ветра составляла 75–86 километров в час, ветер начинает разрушать крыши зданий, высота волны на море может достигать 10 метров (средняя 7 метров). Такая погода и была в это время. Кроме этого, было заметное снижение температуры воздуха, шел непрерывный дождь, чередующийся со снегом, практически не было видно ни зги. Гурьевский обком КП Казахской ССР организовал несколько бригад, в одной из которых пришлось работать и мне вместе с Володей Горячкиным. Такое бедствие мне прежде не приходилось видеть. Действия пастухов, табунщиков, их семей, руководителей хозяйств было просто героическим.

Штормовой ветер стал гнать морскую воду в сторону култуков, затопляя через них пастбища и дома животноводов. Мороз сковал воду, в некоторых местах образовался лед. Пастухи срочно угоняли отары овец в недоступные для стихии места, там и остались с ними. Свои семьи, где были и дети, чабаны размещали на чердаках домов. Это надо было видеть и пережить, чтобы оценить героизм наших кресть-

ян-животноводов. Они в первую очередь думали о животных, а потом уже о своих близких. Были случаи, когда вода затопляла дома, внутрь можно было попасть только ползком по льду. Лично я это делал не раз и через лед видел, что семьи впопыхах, бросив все, что было под рукой, даже не тронутый досторхан (скатерть, на которой была размещена еда), перебирались на чердак дома. Пронизывающий ветер, дождь, переходящий в снег, резкое снижение температуры – вот такое лихолетье встречало семьи чабанов на чердаках домов. В некоторых домах была снесена часть крыши. Наши бригады снимали оттуда людей, укутывали в теплые одеяла детей, кормили горячей пищей и отправляли на машинах в райцентр или центральные усадьбы хозяйств. Государство быстро отреагировало на такое бедствие, доставляло на железнодорожных платформах специальные жилые домики на колесах. Мы, кто был на местах, их снимали с платформ и отправляли к местам бедствия. Пострадавшим семьям государство бесплатно выделяло дерюжки, ковры, консервы, выдавали денежные пособия. Все делалось быстро, без всякой паники. Пострадавшие люди чувствовали эффективную помощь со стороны властей. В один день меня с моим шофером Володей поставили на дорогу для замера прибывающей воды из култуков. Ежечасно мы замеряли время движения воды. В сильный разгар затопления вода шла со скоростью 30 сантиметров в час. На наших глазах затоплялась окружающая нас территория. Все это бедствие длилось примерно 15 дней, потом ветер стих, вода ушла. Быстро стали ремонтировать овцеводческие загоны, жилые помещения, оказывать помощь слабым животным.

18 февраля 1975 г. я пришел домой с работы. Валерия Николаевна стала готовить ужин. Вдруг услышали резкий гул. Я подошел к окну и увидел облако в виде дыма. Так как началось уже отопление жилья, то я подумал, что, наверное, где-то взорвался котел, и сел ужинать. Слышу стук в дверь, открыл, увидел Володю Горячкина: «Александр Семенович,

недалеко от нас взорвалась ракета». Мы знали, что в определенное время идут испытательные учебные стрельбы ракет, выпускаемых из полигона, находящегося в Астраханской области. Ракеты летят по специальному коридору примерно 800 километров, минуя Гурьев. В это время согласно извещению должны быть выключены все радары на аэропортах, которые влияют на полет ракет. Видимо, в нашем аэропорту произошел временной сбой такого отключения. Учебная ракета отклонилась от своего полетного курса и упала возле аэропорта в районе улицы Баутина, разрушив до основания два дома – № 80 и 82. Погибли жители этих домов К. Супдетов и Б. Мухамбетов. В это же время радио «Свобода» сообщило, что в небольшом провинциальном городке Гурьеве военная ракета разрушила два дома, погибли местные жители. На второй день мне необходимо было встретиться с первым секретарем Гурьевского обкома КП Казахской ССР. Зашел в приемную, секретарь сказал: «Подождите, там на приеме у Саламата Мукашевича находятся военные». Через несколько минут из приемной вышли несколько офицеров во главе с генерал-лейтенантом и быстро ретировались. Это были представители Минобороны СССР, которые решали вопросы компенсации членам семей за разрушения жилья и гибель родных.

Считаю необходимым в качестве жизненного примера описать мой второй производственный конфликт, который возник у меня с научным сотрудником, занимавшимся научными исследованиями в области гельминтологии – Амангельды Ахметовым, моим бывшим однокурсником. Принять его на работу мне посоветовал заместитель директора КазНИВИ Ж.К. Карабаев, аспирантом которого был Амангельды. Я помнил своего однокурсника как выдержанного спокойного студента, всегда носившего черный костюм с галстуком. Таким он и приехал к нам в НИВС. Занимался он вместе с научным сотрудником И. Сарбаевым изучением гельминтозов у сельскохозяйственных животных и бродячих

городских собак. Научная работа шла у них своим чередом, собранные от животных гельминты они доводили до типов и видов. У жвачных в основном выделяли цестоды и возбудителей мониезиоза, ценуроза и нематодоза. Против этих инвазионных болезней они разрабатывали в хозяйствах профилактические и оздоровительные мероприятия. Кроме этого, занимались изучением ареала поражения гельминтами бродячих собак.

В целом гельминты плотоядных представляют особый интерес для научного изучения, так как многие из них являются возбудителями болезней человека и животных. Из 82 видов гельминтов, зарегистрированных у собак и кошек на территории бывшего СССР, 32 вида могут паразитировать у человека и 26 – у сельскохозяйственных животных. В нашем случае у собак изолировали возбудителей таких инвазионных болезней, как эхинококкоз, альвеококкоз, токсокароз.

На основании моей просьбы облисполком выделил Амангельды однокомнатную квартиру в жилом массиве под названием Авангард. Кстати, в это время я квартировал у себя в кабинете. Примерно через полгода сотрудники станции начали жаловаться на Ахметова. Он стал невыносимо заносчив с подчиненными, груб в обращении и, что особенно меня поразило, всем грозил, ссылаясь на меня: «Подождите, мы с Александром Семеновичем наведем здесь настоящий порядок, половину из вас уволим». Меня это шокировало. Пришлось с ним один на один вежливо переговорить. Он все отрицал, утверждал, что его оговаривают недовольные им сотрудники. Когда мне обо всех его инсинуациях рассказали мои однокурсники по институту, мне пришлось с ним в довольно резкой форме переговорить в присутствии научных сотрудников станции. Наш разговор поддержали и другие сотрудники, высказали ему ряд других претензий. Он все это выслушал молча, на этом разошлись. Я считал, что инцидент окончен и надо работать дальше. Оказалось, что это было только начало на-

ших с ним «дружеских» отношений. Не буду описывать подробности его многочисленных посланий в различные инстанции – от Гурьевского обкома профсоюза и обкома КП Казахской ССР до МСХ Казахской ССР. Множество проверок не подтвердило его претензии ко мне как к директору станции. Тем не менее, он отправил очередной пасквиль на имя директора нашей головной научной организации – КазНИВИ – Л.Д. Панкратову. Видимо, посчитал, что у директора института, заместителем которого работает его научный руководитель Д.К. Карабаев, ему будет оказана какая-то помощь.

К нам приехала комиссия в составе ученого секретаря института по НИВСам Александра Филипповича Сафонова и главного бухгалтера института. Комиссии мною были представлены все проверочные акты, а их было шесть или семь. Документы к ним хранились в отдельных перевязанных папках. Я видел удивление на лицах членов комиссии. А что им было проверять, когда по всем претензиям Ахметова были мои объяснения, а по ним подтверждающие мою правоту выводы членов проверяющих комиссий. Что интересно, Ахметов направлял жалобы в различные инстанции одни и те же претензии, оформленные как под копирку, не удосужившись что-либо добавить в своих жалобах. Я ему после двух-трех проверок в личной беседе в шутку сказал: «Слушай, Амангельды, если у тебя нет ко мне других претензий, которые ты формулируешь в своих жалобах, то хотя бы обратился ко мне, я тебе к твоим претензиям добавил бы еще ряд других, действительно стоящих». Он поднял брови, явно не поняв мой юмор, зашагал к себе в кабинет на второй этаж станции. А ведь такие претензии существовали, но они не в полной мере зависели напрямую от меня. В частности, необходимо было увеличить финансирование станции, повысить зарплаты сотрудникам, а также закупить ряд дефицитной аналитической техники для лабораторных исследований и многое другое.

Комиссия нашего головного института еще раз обстоятельно проверила по пунктам все претензии Ахметова ко

мне, переговорила с сотрудниками станции, съездила в облсельхозуправление и Гурьевский обком КП Казахской ССР и на нашем ученом совете огласила свою проверочную справку. В ней не было ни одного пункта, который бы обличал меня в несостоятельности как руководителя станции. Ахметову проверяющая комиссия рекомендовала извиниться передо мной за все те неприятности, которые были нанесены мне как руководителю научного подразделения. Кроме того, мне было рекомендовано в случае отказа от извинений подать на него в суд.

Конечно, такие неусобицы, хочешь или не хочешь, достаточно больно бьют по психике человека, который защищается, я имею ввиду себя. Сколько ночей я не спал, сколько было семейных разговоров на эту тему, хождений по инстанциям с объяснениями. Все это унесло какую-то часть моего здоровья, здоровья супруги Валерии Николаевны. Это был для меня такой первый капитальный урок отрицательного взаимоотношения с подчиненным мне сотрудником. Исходя из этой драматической истории, мы в семье выработали такое поведение: никогда не говорить, в первую очередь, конечно, с моей стороны, о неприятностях, случающихся в повседневной работе. А для себя я из этого случая выбрал особые отношения к подчиненным, которые мною постоянно совершенствовались в дальнейшей работе. Они слагались примерно так, как охарактеризовал их в своем афоризме Л. Вовенарч: «Хотите подчинить себе других, начните с себя». Как точно здесь определена жизненная позиция руководителя в его повседневном труде. Руководитель всегда должен думать о своей личной жизненной позиции, об уважительном взаимоотношении со своими подчиненными. В дальнейшем я всегда старался вести себя по приведенным выше жизненным тенденциям. Получалась ли всегда у меня такая линия поведения в сообществе? В большинстве случаев – да! Однако где-то все же я срывался, но никогда не доходил до хамства в отношениях со своими коллегами.

Были ли у меня в дальнейшей жизни явные и неявные враги? Конечно, были, но их число, особенно по графе «явные», незначительное – единицы. А в целом, как говорил Шоу Генри Уилер (1818–1885 гг): «Человек, у которого нет врагов, действительно беден». И это истинная правда.

Что же дальше было с Амангельды Ахметовым? Прошла неделя, комиссия уехала в Алма-Ату. Он не появлялся у меня в кабинете, видимо, анализировал все перипетии разросшегося скандала. В понедельник следующей недели пришел во мне в кабинет в белом халате, держа руку в кармане. Подошел ко мне близко, и не говоря ни слова, смотрит на меня. Я ему говорю: «Амангельды, что, камень в руке держишь, хочешь бахнуть меня по голове?». Он мотнул головой, достал руку из кармана халата и положил передо мной на стол заявление с просьбой об увольнении по собственному желанию. Я ему сказал: «Что, почва под ногами у тебя зашаталась, так ты принес мне заявление об увольнении?» Он молча вышел из кабинета. Я стал размышлять, что дальше делать. Секретарь обкома КП Казахской ССР по сельскому хозяйству, ранее беседуя со мной по этому вопросу, сказал: «Алеке, ты его предложи кому-нибудь из знакомых руководителей, пусть заберут его к себе на работу». Я ответил секретарю: «Я дорожу своими отношениями с товарищами и подкузьмить им, перевести к ним неуравновешенного сотрудника не в моих правилах». Он усмехнулся, видимо, проверял меня, как говорят, «на вшивость» и сказал: «Ты прав». До этого разговора я уже знал, что Ахметов с большим скандалом ушел с предыдущего места работы на какой-то птицефабрике, где писал на директора различные опусы. Только по этой причине я не мог ему выдать положительную характеристику и рекомендовать как положительного сотрудника для принятия на работу. Можно было его уволить по статье «клевета», но тогда надо было судиться. Это отняло бы какое-то время, которого и так не хватало. У меня под рукой и тогда, и сейчас всегда находится книга с афоризмами Кон-

фуция. Думаю, дай загляну туда, что о таких случаях повествует великий древний мыслитель и философ Китая. Наткнулся на такую цитату: «Люди, идущие различными путями, не могут работать вместе». Так я и поступил, предварительно посоветовавшись с научными сотрудниками, подписал приказ на увольнение А. Ахметова по собственному желанию. Что стало в дальнейшем с ним, не знаю. Мои однокурсники также его потеряли из виду.

В начале января 1976 г. я отчитывался о проделанной научной работе Гурьевской НИВС. Наш отчет, как и отчеты других директоров НИВС, были приняты ученым советом института с хорошей оценкой. Я встретился с родителями, друзьями. Отец пригласил меня пойти с ним сфотографироваться, так как было накануне 23 февраля – Дня Советской Армии. В честь этого праздника его фотография как участника Великой Отечественной войны должна быть размещена на Доске почета. Он сфотографировался один, а потом фотограф снял нас вдвоем. Я уехал в Гурьев, а отец через неделю зашел за снимками. Отдельно он на фотографии вышел очень хорошо: в костюме, вся грудь в орденах и медалях: орден Ленина, Красного Знамени, три ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени, «Знак Почета» и множество медалей. Он спросил у фотографа: «А где снимок с моим сыном?». Фотограф сказал: «Знаете, к сожалению, он не получился, приходите завтра вместе, я вас бесплатно вновь сфотографирую». На что отец ответил: «Да мы бы с удовольствием пришли к вам, но сына нет в Алма-Ате». Так, к сожалению, не вышла наша общая фотография, последняя отца и моя. Видимо, это мистика! Через несколько дней после этого случая он скончался... Об этом печальном и трагическом событии для нашей семьи, его братьев и многих близких родственников остановлюсь несколько позже.

Приехав в Гурьев, я занялся текущими делами. На ученом совете доложил о результатах отчетной поездки в КазНИВИ. Подробно разобрали наши недостатки, сделали упор на те на-

учные темы, которые были крайне необходимы нашему гурьевскому сельскохозяйственному производству, в частности, организацию мер борьбы с туберкулезом и бруцеллезом крупного рогатого скота и верблюдов, диагностику и ликвидацию трихофитии у верблюдов, паратуберкулеза у овец, гельминтозов у всех видов животных, в том числе у собак, особенно у чабанских, которые тесно контактировали с овцами и верблюдами, а также семьями пастухов и чабанов и, что очень важно, с их детьми. Кроме этого, мы не уходили от выполнения научных исследований, которые по своей значимости были приближены к фундаментальным. В частности, это биохимическое исследование крови в возрастном и видовом аспекте у верблюдов (в то время это была явная новизна), создание, совместно с ВИЭВ (Москва) противотрихофитийной вакцины для верблюдов, испытание нескольких диагностических тестов для диагностики бруцеллеза и туберкулеза верблюдов и паратуберкулеза овец. Это далеко не полный объем проводимых исследований нашими научными сотрудниками.

Звонок из сельхозотдела Гурьевского обкома Казахской ССР, приглашают к заведующему. Ставят перед группой руководителей задачу в отношении проверки состояния дел по сельхозпроизводству в Кзылкогинском районе. Группу, выезжающую в район, предложили возглавить мне. Руку под козырек, и на двух машинах выехали в район. Остановились в районном центре селе Миялы. Район расположен в северо-восточной части Гурьевской области. На севере района протекает река Уил, а также вторая река Сагыз с солонцовой водой. Кстати, в этом районе проводили ядерные испытания с 1952 г. Только с 1968 по 1977 г. на испытательном полигоне проведено 24 ядерных взрыва на глубине 500 метров. За многие годы название района менялось от Кзылкогинского, Кзыл-Кугинского, вновь – Кзылкогинского. Все же чаще встречается последнее название, что, видимо, соответствует правильному написанию, так как на казахском языке район называется кзыл-кога – «Красный рогоз» (рогоз –

высокая болотная трава, не имеющая отношения к камышу). На территории района имелось месторождение нефти. Основное направление деятельности почти 30-тысячного населения района (в то время) – животноводство (крупный рогатый скот, овцы, верблюды).

Члены комиссии разъехались по хозяйствам вместе с местными специалистами для их обследования, на что было затрачено 5 дней. Со своими актами обследований и предложениями мы собрались вместе для выработки общего решения, особенно по недостаткам в содержании, кормлении, зооветеринарном обслуживании животных, организации в хозяйствах мер борьбы с бруцеллезом и туберкулезом животных. После активного обсуждения и нахождения консенсуса по сложным замечаниям, предварительного согласования их с первым секретарем Кзылкогинского района КП Казахской ССР приступили к ужину. Плотно подкрепившись, рано легли спать с той целью, чтобы раньше встать, доложить акт проверки и к обеду выехать в Гурьев. Я очень плохо спал, ворочался. Где-то в 5 часов утра, полупроснувшись, вижу сон: на красном фоне скачут четверо молодых всадников с поднятыми вперед саблями и где-то вдалеке от них – мой отец. Окончательно проснувшись, я вспомнил свой сон, похожий на начало картины режиссера Эдмонда Кеосаяна «Неуловимые мстители», где Данька (Виктор Косых), Яшка-цыган (Василий Васильев), Ксана (Валентина Кирдюкова) и Валерка (Михаил Метелкин) скачут на конях под красным заревом. Вообще, я редко тогда, да и сейчас, вижу сны, особенно цветные. Поэтому проснувшись, как говорят, в поту, я почувствовал что-то нехорошее, видимо, связанное с отцом. Никому ничего не сказав, быстро позавтракал. Мы поехали в райком партии, где нас ждало все начальство района и руководители хозяйств. На дворе была ненастная погода, шел густой снег, было холодно – это же февраль. Поздоровавшись с присутствующими, особенно тепло с первым секретарем района, которого я хорошо знал,

так он до этого работал заведующим сельхозотделом обкома КП Казахской ССР. Это тот, который грозился наказать меня по партийной линии, когда я еще не состоял членом партии. Прошло после этого много времени, все забылось, а то хорошее, а его было гораздо больше, сохранилось. Поэтому он также с большой теплотой, обняв, поздоровался со мной. Мне дали слово, я начал выступление. Вдруг звонит телефон «ВЧ», секретарь говорит: «Извините, товарищи, звонят из обкома партии». Мы слышим только короткие реплики разговора. Посмотрев в мою сторону, секретарь сказал: «Да, он здесь, выступает, докладывает о результатах проверки, хорошо». На этом разговор был закончен. Секретарь райкома с изменившимся лицом говорит мне: «Алеке, тебя срочно вызывает в обком секретарь по сельскому хозяйству, очень срочно». Попрощавшись с товарищами, я сел в машину и поехал в Гурьев. Дорога очень плохая, с выбоинами, снег бьет в стекла. Машина двигалась медленными темпами. Шофером в этой поездке был у меня Аубекир Лукпанов. Ехать нам предстояло в таких условиях не менее 5 часов. Надо представить, что творилось у меня в голове. Как в той песне Олега Газманова «Мои мысли – мои скакуны», они скакали от одного жизненного эпизода к другому. Зачем так срочно потребовался большому обкомовскому начальнику, может, что-то случилось на работе, кто-то попал из моих сотрудников в какую-то катастрофическую ситуацию, а, может быть, где-то я проштрафился и т.д. Приехав домой, решил быстро искупаться, переодеться и представиться перед очами большого начальства. Только погрузился в ванну, звонок в дверь. Полуголый открыл ее. Передо мной стоит мой второй шофер Володя Горячкин, который жил со мной в одном доме, в одном подъезде на первом этаже. Он передал мне какой-то листок бумаги и говорит: «Александр Семенович, вам телеграмма из Алма-Аты». Я взял телеграмму, не читая пошел домываться. Думаю, наверное, супруга извещает, что скоро приедет из Алма-Аты, где она находилась в

отпуске. Пооткиснув в воде, я все же взял телеграмму и начал читать. Мороз побежал по коже: там было сообщение о кончине моего отца, подпись Леры. Я же его видел десять дней тому назад в хорошем здравии, он шутил, вместе с ним мы были у фотографа... Правда, я спросил, глядя на его посиневшие губы: «Папа, как ты себя чувствуешь?». Он ответил: «Прекрасно, только немного шумит в голове, да левое предплечье ноет. Ты не беспокойся, я еще вас всех под любым предлогом соберу на свое семидесятилетие». Первая мысль была: а не хочет ли он этой телеграммой завлечь меня в Алма-Ату? Одевшись, стал собираться в обком. Вновь пришел Володя: «Срочно собирайтесь, вам уже заказан билет в Алма-Ату». Оказывается, для этого высадили из самолета какого-то гурьевского чиновника. Только после этих слов я понял, что отца нет на этом свете... Это был 1976-й високосный год. Отец умер 28 февраля.

Прилетев в Алма-Ату, сел в такси и через час был на улице Баумана, 220, где жили отец, мама и бабушка. Меня встретила Лера, вся заплаканная и какая-то взъерошенная. Она очень плохо перенесла смерть моего отца. Он относился к ней и нашим ребятам по-отечески, часто бывал у нас дома, так как недалеко работал. Встретился с мамой и бабушкой – невероятный семейный шок. Отец находился в морге. Решили, что я, как человек молодой (мне было в ту пору 37 лет), выдержу все нервные перегрузки и заберу отца из морга домой. Так я и сделал, привез домой отца в обитом красной материей гробу. Как положено по нашему русскому обычаю, всю ночь просидели у гроба. Вечером прилетели из Петропавловска родные отца: два брата Андрей Васильевич и Иван Васильевич и сестра Софья Васильевна, а также мой двоюродный брат Борис, сын Андрея Васильевича. Это была мощная поддержка родных, которые разделили с нами горе.

Брат Борис занимался документами и выбором места захоронения отца. Так как отец был участником Великой Отечественной войны, то ему были положены небольшие льготы:

захоронение на военном кладбище и воинские почести – салют, который производил взвод солдат с оружием. С такими почестями отца и похоронили. Через год установили хороший гранитный памятник, несколько позже мы с братом поставили железную оградку. Тогда оградки на могилах не разрешали ставить. Мы ночью завезли оградку и без большого шума, как мы считали, начали ее устанавливать. Когда долбили ямки в замерзшей земле (март), шум и треск долетел до сторожа. Вдруг приходит сторож, да еще с милиционером. Видят: два интеллигентных человека долбят ямки возле свежей могилы. Сначала было бурное столкновение. Потом, когда мы объяснили им, кто здесь похоронен, сами стали нам помогать. Быстро сделали дело и по-христиански обмыли наше непростое мероприятие.

Вот так закончил свою жизнь мой отец, трудяга, честнейшей души человек, бессребреник, всецело отдававшийся работе даже в ущерб семье. Никогда он не болел, говорил: «Я буду жить до 100 лет». Человек полагает, а жизнь располагает. Умер он просто от несоблюдения правил профилактики личного здоровья. Отец оформил отпуск, пошел к врачу по поводу получения курортной карты. Врач его обследовала и отказала в выдаче курортной карты, так как у него было запредельно повышенное артериальное давление. Он пришел домой, твердя: «Я здоров как бык». Перенервничал, давление еще больше поднялось, наступил гипертонический криз. Мама вызвала скорую помощь. Врачи лекарством сняли высокое давление, отцу стало легче. Переночевав, утром решил, несмотря на возражения мамы, поехать на работу в республиканский шахматный клуб. Там шел какой-то шахматный турнир. Домой приехал вечером, с аппетитом поел и лег почивать. Мама сказала, что часа в два ночи он встал и пошел на кухню, еще поел пирожков с мясом. Мама ему говорит: «Семен, ложись, ты же хорошо вечером поел». Подкрепившись, он поблагодарил маму за вкусные пирожки и лег спать. Надо заметить, мама и бабушка были прекрасны-

ми стряпухами. Я и сегодня помню запах и вкус наваристого борща, котлет на пару, домашних пельменей, блинов с домашним маслом, подаваемых ими на стол прямо из печи. А те пирожки, которые всегда у нас были дома, забыть просто невозможно: мясные, капустные, с луком и яйцами... Это было что-то божественное.

Отец, не болевший никогда, не знавший больничной койки, даже на секунду не думал уйти в другой мир. Конечно, он знал, как говорил Эмиль Кроткий (1892–1963 гг.), что «...жизнь и смерть ходят рядом, но ничего не знают друг о друге». Я думаю, что подавляющее большинство людей согласны с таким философским размышлением.

Вот, отца и нет... Мама осталась одна с моей бабушкой. Она недолго жила после смерти отца и в возрасте 90 лет спокойно покинула наш бренный мир. Наши семьи, теперь без главы семейства, стали проживать отдельно друг от друга. Вопрос: что делать? Выход один – объединить наши семьи, но как? Самое первое, что нам с Лерой пришло в голову – надо возвращаться в Алма-Ату. Прошло около шести лет нашей жизни в Гурьеве. Многое сделано в научном плане. Я, как говорят, заматерел и в науке, и в возможностях управления коллективами. Лера с доченькой Олей всегда была рядом. Они мои помощники и громоотводы, общение с ними напрочь снимало разнообразные трудовые стрессы. К тому же на нервной основе у Леры начал развиваться синдром ностальгии. Она часто тосковала по своей маме и нашем первенце Коле, которому в это время уже было 12 лет. Это сложный возраст для мальчика, а он живет без отцовской твердой руки. Думы, думы и еще раз семейные думы... В целом меня в Гурьеве все устраивало: прекрасные отношения с сотрудниками, руководством области, хорошая заработная плата, интересная и плодотворная работа. С другой стороны, проблемы, о которых я упоминал выше. Начал я не спеша продумывать механизм нашего возвращения в Алма-Ату или в какое-то другое место поближе к столице Казахстана,

то есть к маме и семье брата. Будучи в КазНИВИ с отчетами о научной работе станции, я естественно начал продумывать свое возвращение в первую очередь в этот институт. Директор института И.Ф. Задорожный мне прямо сказал: «Я не против, но обязательно необходимо согласие руководства Гурьевского обкома». Для меня это было достаточно непреодолимым препятствием, так как на выезд двух молодых специалистов, кандидатов наук, всегда болезненно реагировали областные партийные органы. А я для них был не последним специалистом. За период работы в Гурьеве мне было предложено место начальника ветеринарного отдела Гурьевского областного управления сельского хозяйства, потом – заместителя руководителя сельхозотдела Гурьевского обкома партии с выездом в Москву на учебу в Московскую Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Все это предлагалось настоятельно на самом высоком партийном руководстве. Естественно, мы эти предложения обсуждали с Лерой, но пришли к однозначному выводу – продолжить работу в области сельскохозяйственной науки. Будучи в КазНИВИ, я поделился своими заботами с заместителем директора института Б.И. Софиевым. До этой должности Борис Ибрагимович длительное время работал в МСХ Казахской ССР в должности начальника Главного управления ветеринарии. У него были обширные деловые связи. Выслушав меня, он сказал: «Давай попробуем тебя перевести в закрытый Джамбульский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (ДжНИИСХ), который был расположен в шести километрах от поселка Отар». В переводе с казахского языка «отар» – самое дальнее пастбище. Поселок Отар в то время входил в состав Курдайского района Джамбульской области и находился немного более 155 километров от Алма-Аты. Через поселок проходила железнодорожная ветвь Берлик 1–Актогай. Поселок был небольшим, в нем проживали около 4000 человек. Достопримечательностью этого населенного пункта был закрытый Джамбуль-

ский научно-исследовательский институт, занимающийся военной научной тематикой. Здесь же в военном городке была расположена гвардейская воинская часть. Джамбульский НИИСХ, как и ряд других институтов, входил в седьмое (специальное) управление МСХ СССР, созданное специальным постановлением ЦК КПСС и СМ СССР в 1958 г. Именно этим документом акцент был сделан на выполнение военной научной проблематики в отношении разработки средств поражения сельскохозяйственных растений и животных химическими и биологическими средствами. Три из этих институтов были нацелены на создание средств поражения растительности – Всесоюзный НИИ фитопатологии (координатор, Голицыно, Московская область) с филиалами в Приморском крае (Камень-Рыболов, Ханкайский район) и в Грузии (Кобулети), Среднеазиатский НИИ фитопатологии (Дурмень, Ташкентская область) и Северо-Кавказский НИИ фитопатологии (район Краснодара). Другие три института были организованы для разработки средств поражения животных – Всесоюзный НИИ ветеринарной вирусологии и микробиологии (Покров, Владимирская область), Всесоюзный научно-исследовательский ящурный институт (Владимирский район Владимирской области) и Джамбульский научно-исследовательский сельскохозяйственный институт ДНИСХИ (Казахстан). В Джамбульском НИИСХ работали 400 человек, территория его составляла 19 гектаров. Помимо 15 лабораторий институт располагал виварием и теплицей. Испытания проводили на полигоне № 7. При создании ДНИСХИ планировалось проведение работ по созданию средств борьбы против болезней домашних животных – скота и птицы. В 70-х годах XX в. фронт научных работ был распространен и на подобные средства против растений. Исследовались боевые свойства таких возбудителей, как вирусы и грибки. Здесь изучались вирус чумы рогатого скота, вирус болезни Ньюкасла, вирус африканской свиной лихорадки, вирусы оспы овец, коз и птиц,

вирус «голубого языка» (катаральная лихорадка овец), вирус герпеса, грибок ржавчины злаков. В частности, работы с чумой крупного рогатого скота вели с 1959 г. Все эти военные исследования были прекращены лишь с распадом Советского Союза (1991 г.).

Вот в этот институт мы вместе с Б.И. Софиевым и приехали. Видимо, Борис Ибрагимович был хорошо знаком с руководством института. Директором института в это время был А.С. Гринин (1930–2016 гг.), высокий, с белой головой, активный ученый, прекрасно говорящий на английском языке.

Александр Сергеевич Гринин родился 25 марта 1930 г. в селе Солдатская Ташла Тереньгульского района Ульяновской области. С 1945 до 1948 г. учился в Ульяновском ветеринарном техникуме. По его окончании 2 года работал в Чкаловской области в молочно-мясном совхозе. С 1950 по 1955 г. учился в Ульяновском сельхозинституте. Затем работал старшим ветврачом и главным ветврачом в Куйбышевской области. С 1961 по 1967 г. – научный сотрудник, заведующий лабораторией Сибирского НИВИ (Омск). С 1967 до 1972 г. работал в Джамбульском НИИСХ заведующим лабораторией, с 1972 по 1977 г. – директором института. После небольших просчетов в работе директора был уволен из института и стал работать старшим научным сотрудником ВНИИ сельхозрадиологии МСХ СССР в Обнинске (1972–1984 гг.). С 1984 г. в течение трех лет заведовал кафедрой, работал проректором по научной работе Зооветеринарного института в Саратове, с 1987 по 1989 г. – заведующим кафедрой в КФ МСХА имени К.А. Тимирязева, в 1990–1995 гг. – заведующим кафедрой в городе Сумы УССР. В 1996 г. – заведующий кафедрой в сельхозакадемии в поселке Кокино Брянской области, с 1966 по 2001 г. возглавлял вновь созданную кафедру «Промышленная экология» в Калужском филиале МГТУ имени Н.Э. Баумана.

Александр Сергеевич коротко поинтересовался моим прошлым, достал из шкафа шахматы и предложил сыграть с

ним пару партий. У меня была вторая категория по шахматам. Это была наша семейная игра, мы постоянно или у отца, или у меня жестко рубились в шахматы. Так как отец и брат играли на уровне первой категории, то я, уже зная несколько шахматных дебютов и окончаний, часто у них выигрывал. Конечно, Александр Сергеевич этого не знал, а то бы, наверное, не рискнул со мной вступить в игру. В общем, я у него выиграл две партии. Мы с Борисом Ибрагимовичем думали, что он расстроится и отправит нас восвояси. Но оказалось все наоборот: он радостно вскинул вверх руки и произнес: «Ну вот, наконец-то я нашел научного сотрудника, хорошо играющего в шахматы, а то среди моих таковых нет». «Пошли, – обратился он к нам, – я покажу вам вашу квартиру, она как раз находится над моим жильем». Мы пришли в прекрасную трехкомнатную квартиру, отремонтированную и ждущую своего жильца. После этого Александр Сергеевич дал список необходимых документов, которые надо было собрать для окончательного решения моего перевода в его институт. Хотя я уже до этого проходил тщательную проверку, когда устраивался на работу в МООП Казахской ССР, необходимость моей проверки в этом случае была обязательна. Собранные документы были переданы руководству института, далее они, видимо, пошли в Москву в МСХ СССР, в Главное ветеринарное управление, где куратором в те годы секретного научного проекта был заместитель начальника управления М.А. Худяков.

После моего пребывания в Джамбульском НИИСХ я отправился восвояси. Дома достаточно было повседневной работы. Звонок из обкома КП Казахской ССР. Зашел в кабинет секретаря обкома по сельскому хозяйству. «Алеке, – говорит он, – наши соседи из Мангистауской области просят вас съездить, помочь поставить диагноз по поводу заболевания овец и их падежа». Сел в железнодорожный вагон и поехал в областной центр – город Шевченко (с 1991 г. – Актау). Мангистауская область мне была хорошо известна, так как в на-

чале моей работы и до 20 марта 1973 г. она входила в Гурьевскую область в качестве Мангышлакского района. Часть области и город Шевченко расположены на полуострове Мангышлак.

Мангышлак в переводе с туркменского означает тысяча кишлаков, у казахов же эта местность называется Мыгкыстау – «тысяча зимовий». Исторически эта местность часто переходила от туркмен к казахам и наоборот, что подтверждают могильники с казахскими и туркменскими захоронениями.

В словаре Российской империи объясняется так: «Мангышлак – зимнее кочевье менков или ногаев» (Тюркское «менк» – наименование одного из ногайских племен). Туркменский ученый К. Аннаниязов считает, что «Мангышлак» означает большой поселок, так как «ман» переводится как большой, «гышлак» – поселок. Мангышлак имеет богатую историю. Археологами были найдены здесь многочисленные памятники палеолита на побережье залива Сарыташ, на полуострове Тюб-Караган и в долинах рек Шахбагата и Кумакапе. К эпохе неолита/энеолита относится стоянка Коскудук I на берегу Каспийского моря (конец V – первая половина IV тысячелетия до нашей эры), индустрия которой имеет как архаичные типы орудий оюклинской культуры, так и материалы шебирского типа хвалынской культуры. Человеческое захоронение эпохи энеолита на стоянке Коскудук I – самое древнее в Казахстане.

На Мангышлаке находятся сакральные места некрополи более 362 суфиев, миссионеров. В большинстве это распространители Ислама в Средней Азии из рода ходжей. В средние века Мангышлак и Устюрт служили воротами торгово-экономической связи между Востоком и Западом. В давние времена часть печенежских племен покинули северные территории между Аральским и Каспийским морями и пришли на Мангышлак. Позже печенегов на Мангышлаке сменили огузы. В некоторых документах их называют туркмена-

ми. Теперь в этих местах живут адаевцы (низший казахский джуз).

Считается, что адаевцы ведут свой род от Адай-ата. По легенде, после ослабления центральной ханской власти в Туркестане, он решил найти себе новую родину. У него при себе были лошадь да сабля. Тогда джигит собрал удальцов, жаждущих свободы и правды, и увел их на край степи, на Мангышлак. Там образовалось новое племя гордых адаевцев – воинственных и сплоченных, где все угнетенные племена находили защиту и приют.

Если спросить практически любого казахстанца: с чем у него ассоциируется Мангистау, то в ответ можно получит самый широкий спектр характерных примет региона. Каспий, нефть, стройки, если хотите, зоны... Да что угодно! Вряд ли кто вспомнит про сельское хозяйство. Ну не соотносится эта отрасль со спецификой полуострова! А значит, уж так повелось считать, что сельского хозяйства в тех краях практически нет, да и особо быть не может. Ну, разве что немного присутствует животноводство, да и то развивать его приходится с трудом. Как писал отбывавший на Мангышлаке солдатскую ссылку поэт Тарас Шевченко: «Ну и край, хоть бы былинка, хоть бы одно деревце росло». И действительно, как в условиях тотальной обезвоженности говорить о каких-то пашнях и бахчах? Нет этого и не будет. Практически сто процентов сельхозпродукции завозится в область извне. Судьба у нее такая и ничего против этого не поделаешь.

Необходимо несколько строк посвятить и человеку-легенде, в честь которого был назван город на Мангышлаке, – Тарасу Григорьевичу Шевченко (1814–1860 гг.). Он был сослан солдатом на Мангышлак в Новопетровское укрепление в 1850 г. за участие в Кирилло-Мефодиевском тайном обществе.

Очень непростыми для Тараса были первые 3 года пребывания здесь. Затем стало полегче в основном благодаря

доброте местного коменданта Ускова и его супруги, полюбивших Тараса Шевченко за привязанность к их детям и мягкий характер. Шевченко жил в казарме, хотя один офицер предлагал Тарасу Григорьевичу поселиться у него в квартире. И в самые тяжелые годы не унывал поэт Тарас Григорьевич Шевченко, биография которого отмечена множеством нелегких испытаний, выпавших на его долю. Он пытался заменить запрещенное рисование лепкой, а также начал заниматься фотографией, которая была, к слову сказать, очень дорогим занятием в то время.

Наконец в 1857 г. он был освобожден. Биография поэта и художника, вероятно, сложилась бы иначе, если бы не многочисленные ходатайства за него вице-президента Академии художеств Ф.П. Толстого и его жены А.И. Толстой. Шевченко пробыл в Новопетровском укреплении с 17 октября 1850 г. по 2 августа 1857 г. Он был освобожден уже после кончины Николая I.

При организации области первым секретарем Мангышлакского обкома КП Казахской ССР стал Т.А. Ашимбаев, который руководил областью в течение семи лет. Секретарем по сельскому хозяйству в области, также в течение семи лет, работал Ж.С. Кейкин – ученый и отличный хозяйственник. Мне посчастливилось вместе работать с ним. До своего перевода в Мангышлакскую область Жардем Салихович работал первым заместителем председателя Гурьевского облисполкома (1966–1977 гг.). Был он по характеру выдержанным, за глаза мы его называли «главным животноводом области».

Жардем Салихович перетянул из Гурьевской в Мангышлакскую область толковых сельскохозяйственных работников, в том числе Михаила Яковлевича Шухмахера, которого я хорошо знал еще по совместной работе в Денгизском районе. Михаил Яковлевич был у Жардема Салиховича эффективным помощником в должности первого заместителя начальника управления сельского хозяйства области. Руко-

водителем этого управления также был ранее работающий заместителем по механизации Гурьевского облуправления сельского хозяйства Халенес Аханович Аханов. Основа сельского хозяйства области – животноводство, в том числе овцеводство, коневодство и верблюдоводство, основанное на разведении сельскохозяйственных животных на пастбищах с использованием малосольной подземной колодезной воды.

В первые годы создания области в хозяйствах числилось 230 тысяч овец и коз, 17,9 тысячи лошадей, 29,1 тысячи верблюдов, 8,2 тысячи крупного рогатого скота. Растениеводства в области в те времена практически не было. Крайне жесткие природно-климатические условия и безводье не позволяли заниматься возделыванием зерновых и овощебахчевых культур.

Руководство аграрного сектора в области старалось в первую очередь увеличить поголовье сельскохозяйственных животных. Через 7–10 лет численность овец и коз увеличилась в 2,8 раза, лошадей – в 3,6, верблюдов и крупного рогатого скота – в 2 раза. В этом, конечно, была заслуга и М.Я. Шухмахера. За работу по развитию животноводства в области он был дважды награжден орденом «Знак Почета». Я очень рад, что трудягу Михаила Яковлевича государство так высоко оценило.

Помимо развития животноводства руководители области начали активно и интенсивно заниматься мелиоративными работами. За 1973–1975 гг. было обводнено 750 тысяч гектаров сельхозугодий и реконструировано 460 тысяч гектаров пастбищ. Даже в засушливом 1975 г. было заготовлено 38 тысяч тонн сена. В зимовку хозяйства вступили с необходимым запасом грубых кормов. Параллельно сооружались водопроводы и плотины для задержания талых и ливневых вод. Получила развитие новая отрасль – поливное земледелие. Построены ирригационные системы в урочище Теген и Уланакской долине на площади 220 гектаров, сооружен водопровод протяженностью более 50 километров в совхозе

«Каракумский». Совхозы области впервые стали самостоятельно заниматься откормом скота. В 1975 г. в области проживали 225 тысяч жителей 98 национальностей и народностей, в городе Шевченко (Актау) – около 100 тысяч человек.

В 1975 г. в области была введена в строй Актауская птицефабрика. К 1977 г. она имела 200 тысяч кур-несушек, производилось почти 5 миллионов штук яиц, на каждого жителя области приходилось полтора десятка яиц ежемесячно. Птицефабрика также производила в год 500 тонн куриного мяса. В Каспийском море вылавливали и реализовывали 40 тысяч тонн рыбы, на каждого жителя области приходилось в месяц 15 килограммов рыбной продукции.

Набирали темпы работы по обводнению пастбищ. Была задействована гидрогеологическая экспедиция, бурившая в самых отдаленных местах колодцы. В результате обводнения расширились пастбища. Материально-техническая база совхозов перестраивалась, машинно-тракторные парки обновлялись и пополнялись новой, более мощной техникой. Механизировались такие процессы, как стрижка овец и верблюдов. Введение передовых технологий в сельское хозяйство позволило повысить производительность труда в 2,5 раза. Основательно решился жилищный вопрос животноводов. В областном центре в полную мощь заработали мясокомбинат, птицефабрика, молочный завод и универсальный магазин.

Два ордена, которыми был награжден Жардем Кейкин – Трудового Красного Знамени и орден «Дружбы народов», – это признание государством его заслуг в Мангистауской области.

В июне 1980 г. Жардема Кейкина назначили вице-президентом Восточного отделения ВАСХНИЛ в Алматы. На тот момент Жардему Салиховичу было 55 лет. Здесь он проработал до выхода на пенсию (1985 г.). Ж. Кейкину была назначена пенсия республиканского значения.

Жардем Кейкин скончался в возрасте 87 лет 25 августа 2012 года. Спустя восемь месяцев после его кончины ушла

из жизни его супруга Фатима. Супруги Кейкины подарили жизнь дочерям Сафуре и Гафуре и сыновьям – Мурату, Куату и Дулату. Сегодня в семье Кейкиных подрастает третье и четвертое поколения – 9 внуков и 17 правнуков.

В этот период в области начали масштабно развивать и нефтяной сектор. К концу 1970-х годов Мангышлакская область добывала 21 миллион тонн нефти, было построено 1280 нефтяных и газовых скважин. По объему добычи нефти область находилась на шестом месте в СССР. Впоследствии многое из достигнутого в те годы было утрачено. Настали другие времена. И область здесь в общем-то не причем – весь Советский Союз находился в глубочайшем кризисе. Было не до новых технологий, проблем мелиорации. Фактически сельское хозяйство стало возрождаться в области только в начале 2000-х годов.

Научная судьба свела меня с бывшим Мангистауским районом Гурьевской области, образованном в Мангышлакскую область. За период работы в Гурьевской области мне раз шесть или семь приходилось бывать в хозяйствах Мангистауского района по различным причинам, касающихся моей профессиональной деятельности: то вспышка лептоспироза среди крупного рогатого скота, то братзот или энтеротоксемия среди овец, а то и поражение животных различными видами гельминтов. На этот раз в одном из хозяйств ветеринарная служба не могла выяснить причину реагирования крупного рогатого скота на ППД туберкулиновую пробу. Скорее всего, ветслужба не столько не могла, сколько не хотела брать на себя постановку окончательного диагноза в таких случаях – туберкулез у реагирующих на туберкулиновую пробу животных или не туберкулез.

Представившись ветеринарному руководству области и Ж.С. Кейкину, мы вместе с представителями ветслужбы выехали в хозяйство, где содержали реагирующих на туберкулин животных. Отобрав трех коров из числа реагирующих, произвели их убой. На вскрытии во внутренних органах и

лимфатических узлах, характерных для туберкулеза изменений было не обнаружено. Тщательно исследовали тонкий отдел кишечника на наличие паратуберкулезных изменений, таковых не установили. К большой радости местной ветеринарной службы, комиссионно нами туберкулез не был диагностирован. Забрав с собой биоматериал от убитых животных для изоляции из него атипичных микобактерий, которые, как я считал, могли вызвать сенсибилизацию организма крупного рогатого скота на внутрикожную туберкулиновую пробу, отбыл в Гурьев. На месте оставил свои предложения о проведении через 2 месяца дальнейших контрольных диагностических исследований животных на туберкулез с их комиссионным убоем. Поскольку при вскрытии отсутствовали изменения, характерные для туберкулеза и паратуберкулеза, договорились биоматериал от этих животных направить к нам на станцию. За эти 2 месяца мы провели лабораторные исследования привезенного мною биоматериала с постановкой биопробы на морских свинках, кроликах и курах. Из биоматериала выделили кислотоустойчивые микобактерии второй группы по классификации Раньона (1959 г.). Причиной сенсибилизации крупного рогатого скота на туберкулиновую пробу в первом случае у мангышлакского скота являлись атипичные скотохромогенные кислотоустойчивые микобактерии, образующие оранжевый пигмент на свету и в темноте и медленно растущие при температуре 37 градусов по Цельсию в S-форме колонии. Для лабораторных животных они были непатогенные. В то время мы еще не научились доводить выделенные атипичные микобактерии до вида. Позже, уже работая в КазНИВИ, я идентифицировал эту культуру *M. scrofulaceum*.

Повторный убой реагирующего на внутрикожную туберкулиновую пробу крупного рогатого скота, проводимый ветеринарными врачами Мангышлакской области, также исключил туберкулез и паратуберкулез у убитых животных. Лабораторным исследованием биоматериала, взятого от этих

животных, туберкулез был исключен. Из биоматериала изолировали атипичные микобактерии, отнесенные к четвертой группе по Раньону. В дальнейшем в Алма-Ате эту культуру идентифицировал как *M. fortuitum*. Так что моя поездка оправдалась, разговоры о туберкулезе в хозяйстве и области прекратились. Жардем Салихович Кейкин через наши Гурьевские партийные органы передал мне привет и большое спасибо.

Известий из Отара по поводу моего перевода в ДНИИСХ еще не было. Я начал думать, как же мне вернуться в КазНИВИ, тем более директор института И.Ф. Задорожный повторно дал согласие на мое возвращение в институт в случае согласия партийного руководства Гурьевской области. Замена у меня была – С.Х. Хамиев, который имел уже ученую степень и, главное, был не против занять должность директора Гурьевской НИВС.

Пригласив к себе Самигуллу, я ему без всяких обиняков рассказал о своей жизненной ситуации, предложил ему занять мое директорское кресло. Он без раздумья дал согласие. Однако я ему поставил условие: надо чтобы областное партийное руководство дало согласие в отношении нашего с Лерой отъезда в Алма-Ату. Он мне откровенно сказал, что вопрос решит, так как у него имеются близкие родственные отношения с секретарем обкома по сельскому хозяйству Гурьевской области КП Казахской ССР. Так оно и произошло. Когда первого секретаря обкома С.М. Мукашева не было в области, мое заявление о снятии с партийного учета, а следовательно, разрешение о выезде за пределы области подписал исполняющий обязанности первого секретаря Гурьевского обкома КП Казахской ССР секретарь обкома по сельскому хозяйству. Имея на руках такие документы, я позвонил И.Ф. Задорожному. Он дал согласие на мой перевод в институт и одобрил мое предложение по кандидатуре директора НИВС. Естественно, я ему назвал кандидатуру С.Х. Хамиева, которую он, видимо, быстро согласовал с

Гурьевским обкомом и подписал приказ о моем переводе в КазНИВИ в лабораторию болезней молодняка, а Хамиева назначил директором Гурьевской НИВС.

Сдав дела Самигулле, попрощавшись с коллективом станции, ветлаборатории, облветуправления, с руководителями и многими моими товарищами, мы с Лерой и доченькой Олей выехали в Алма-Ату. Что дало мне, моей семье работа в Гурьевской области на посту директора Гурьевской НИВС? Считаю, что я состоялся как руководитель научного подразделения, уяснил многие нюансы такой должности, которые никогда не изучить по книгам. Сам я, как говорят, на своей шкуре все это испытал. Где-то это испытание было легким, где-то очень тяжелым. Это целая научная и практическая стезя, ежедневный, ежечасный контроль за своим поведением в различных сложнейших жизненных обстоятельствах: в командировках, в период контакта с руководителями советско-партийных органов как областного, так и районного звена, с сотрудниками, рабочими, препараторами. Внимательно слушая их, присматриваясь к ним, разговаривая с ними, отстаивая свое понимание тех или иных вопросов, задач, которые необходимо решать, набирался грамотного творческого и практического опыта. Я стал командным человеком. Только команда, коллектив, коллективное решение, а не твое единственно правильное мнение может помочь в правильном ориентировании в любой создавшейся ситуации, найти единственно верное решение. Я стал не из таких людей, о которых говорит восьмое правило Фингейла: «Работа в команде очень важна, она позволяет свалить вину на другого». Я, будучи в Гурьеве и в последующей своей творческой судьбе, всегда за правильное или неправильное решение коллектива отвечал сам единолично.

Работая в качестве директора Гурьевской НИВС, я выработал в своем характере, как мне кажется, очень важную черту – отсутствие боязни перед руководителями, стоящими выше меня по иерархической лестнице. Мне это в дальней-

шем очень помогало, особенно при организации мероприятий по оздоровлению сельскохозяйственных животных от инфекционных болезней. Приходилось часто встречаться, отстаивать конструктивные положения с большим числом руководителей хозяйств, районного, областного и республиканского звена. Этот признак часто меня отличал от моих сослуживцев, с которыми мы заходили к различного уровня руководителям. В период работы в ИЭВСиДВ (Новосибирск) мне пришлось тесно общаться с моим другом, большим ученым в области изучения бруцеллеза сельскохозяйственных животных, в ту пору доктором ветеринарных наук, профессором И.А. Косиловым. Часто в командировках нам необходимо было по результатам наших работ (я занимался оздоровлением сельхозживотных от туберкулеза) докладывать руководителям советско-партийных органов того или иного района. Я видел, как Игорь Андреевич, который на 10 лет старше меня, имевший уже большой опыт в проведении оздоровительных мероприятий, перед заходом в приемную руководителя всегда волновался, потел, терял даже голос. В этих случаях говорил: «Саня, давай ты иди вперед и докладывай, а я буду добавлять, что ты упустил». Так мы всегда и поступали. Видимо, у Игоря Андреевича такие посещения начальства вызывали какие-то негативные воспоминания о прошлых, далеких его семейных делах, репрессий властей. Я это все понимал, шел вперед, докладывал, он добавлял к моему докладу несколько фраз, и на этом все заканчивалось. Игорь Андреевич был умнейшим человеком, высококлассным специалистом. Такое содружество дополняло наши недостатки и в целом мы выглядели хорошо перед принимаемым нас начальством.

Все что я приобрел как руководитель научного подразделения, конечно, легко не опишешь. Этот мир гораздо сложнее и обширнее. В частности, в первый год моей работы мне приходилось практически с нуля осваивать бухгалтерию, финансовые особенности управления научной органи-

зацией. Процесс финансирования научного учреждения в те времена был гораздо проще, чем сегодня. Видимо, государство более доверительно относилось к руководителям того времени. Это так и было. Подбор руководителей различных научных и других организаций был планомерен, нас воспитывали для этих целей путем длительного наблюдения и поступенчатого продвижения по службе. Поэтому больших ошибок у назначаемых руководителей не было. В первый год работы согласно инструктивным финансовым положениям, следуя советам бухгалтера Галины Александровны Александровой, мы не смогли в конце года истратить все денежные средства, которые были на счету станции. К тому же наш головной институт в начале декабря с барской руки подбросил на наш счет еще несколько тысяч рублей. Такое обилие финансовых средств не позволило нам их полностью израсходовать, остатки их ушли на счет МСХ Казахской ССР, а в следующем году их недодали нашему головному институту. Естественно, я получил нагоняй от директора института. Хорошо, что я был не один такой недотепа.

Несмотря на то, что наш бухгалтер Галина Александровна пыталась успокоить меня: «Александр Семенович, это случается у нас каждый год, здесь ничего нельзя сделать», меня это крайне не устраивало. Я стал всесторонне изучать эту важнейшую для нашей станции проблему. Оказалось, что такие финансовые факты было можно очень просто объяснить. Наше головное учреждение, имея большое общее финансирование, часть денежных средств оставляло у себя для непредвиденных расходов. Видя, что до конца года эти средства не могут быть им израсходованы, они по частям перегоняли их на счета своих подшефных научных учреждений. Конечно, за какие-то 15–20 дней полученные средства мы не могли по объективным причинам израсходовать. В результате этого МСХ Казахской ССР забирало их на свой счет. Нас ругали, а головной институт, следовательно, его бухгалтер и руководитель, выглядели в хорошем свете.

Уяснив такую ситуацию, в следующем моем календарном финансовом году я решил эту проблему закрыть напрочь. Между руководством нашей станции и одним из магазинов, который торговал товарами специального пользования (резиновые сапоги, халаты, полотенца, спецодежда, ведра, веники и многими другими товарами), сложились устойчивые отношения. Переговорив с директором магазина о своем «горе», я предложил ему длительные надежные торговые взаимоотношения, а взамен попросил следующее: станция в конце года (декабрь) закупает в магазине на все имеющиеся у нас денежные средства товары. В январе следующего года магазин по нашим обоюдно оформленным договорным документам ввиду отсутствия в магазине на этот период товаров возвращает большую часть ранее перечисленных средств. Таким образом, уже в начале года мы имели достаточное количество финансов для выплаты зарплаты, командировочных и закупки необходимых ингредиентов для выполнения научных исследований. Этот финансовый маневр позволял станции с первых дней нового года не снижать темпы научной деятельности в отличие от других наших станций, куда финансовые средства поступали в феврале – марте нового года. Это один из жизненных эпизодов (а их было гораздо больше), которые позволяли сотрудникам нашего научного подразделения спокойно работать и не беспокоиться за свое будущее.

Оставляя Гурьевскую НИВС, я был уверен в том, что она, как научная организация, достаточно эффективно работала в контакте с практической ветеринарной службой – с ветотделом, облветлабораторией, районными ветстанциями и ветлабораториями, ветеринарными службами совхозов и колхозов. Свое научное кредо сотрудники станции несли на высоком научном и производственном уровне. Научные ветеринарные разработки самой станции, а также те научные разработки, которые были осуществлены головным институтом и другими ветеринарными научными учреждениями,

эффективно осваивались в производстве. В частности, ветеринарной практикой они применялись при оздоровлении неблагополучных хозяйств в Гурьевской области от бруцеллеза, туберкулеза крупного рогатого скота и верблюдов, паратуберкулеза овец, гельминтов сельскохозяйственных животных и собак (эхинококкоз, ценуроз, нематодироз). Усилилась борьба с яловостью коров. В научном плане начали более углубленно проводить мониторинг эпизоотической ситуации в животноводстве по бруцеллезу и туберкулезу, паратуберкулезу и гельминтозам животных в хозяйствах Гурьевской области и в личных подворьях. Впервые начали изучать распространение бруцеллеза среди табунов верблюдов, разработали пластинчатый метод исследования молока верблюдиц на бруцеллез со стандартным антигеном для кольцевой реакции, применяемый с целью диагностики этого зооноза у крупного рогатого скота. Предложенный пластинчатый метод агглютинации (ПРА) с сывороткой крови верблюдов на бруцеллез ценен тем, что он выполним в условиях отгонного верблюдоводства.

Сотрудники станции оказывали научно-исследовательскую помощь ветработникам совхозов «Тендыкский» и «Первомайский» в оздоровлении крупного рогатого скота от бруцеллеза и туберкулеза. В 1974 г. животные этих хозяйств стали свободными по этим двум зоонозам. Научные сотрудники исследовали животных на бруцеллез (взятие крови, постановка ПРА) и туберкулез (аллергическое исследование, убой реагирующих, лабораторное исследование биоматериала). Впервые в области установлено заражение туберкулезом диких птиц и овец. Определены сроки переживаемости микобактерий во внешней среде (навоз, корма, шерсть, прикаспийская солянка). Установлено инфицирование возбудителем туберкулеза верблюжьего молока и шубата (кисломолочного продукта из верблюжьего молока). Определены оптимальные условия термического обеззараживания инфицированного возбудителем туберкулеза верблюжьего

молока. Установлено, что такая обработка молока не влияет на качество приготовленного из него шубата. Проведены стационарные опыты по возможности заражения овец возбудителем туберкулеза бычьего, птичьего и человеческого видов. Доказана роль больных туберкулезом овец в инфицировании других видов животных и человека. Проведены впервые опыты по определению норм сывороточных белков у верблюдов. Создана карта гельминтофауны районов области. Оздоровлены от ценуроза овцы в колхозе «Казахстан» Эмбинского района. Проведена обширная работа по искоренению ценуроза среди пастушьих собак с помощью новых на тот период ветеринарных препаратов: феносала и сагимида. Установлена диагностика паратуберкулеза овец с помощью сконструированного нового аллергена, изучена специфичность антигена СибНИВИ (Омск) в серологической диагностике паратуберкулеза овец. Его специфичность составила в наших опытах 48,1%.

Подготовлен ряд научных рекомендаций по борьбе с паратуберкулезом овец (Н.М. Львов), туберкулезом крупного рогатого скота, верблюдов и овец (А.С. Донченко, В.Н. Донченко, М. Кибасов), бруцеллезом крупного рогатого скота и верблюдов (Е.С. Чичибадин, Е.А. Фиткеева, С.И. Кустанов), трихофитии верблюдов (С.Х. Хамиев), гельминтозов (А. Ахметов, И. Сирбаев).

Начали исследования по конструированию новых ветеринарных препаратов из нефтяного ростового вещества (НРВ). Препараты были эффективны при откорме телят.

Гурьевская станция стала инициатором начала производственного выращивания зеленой водоросли хлорелла с целью применения ее при откорме сельскохозяйственных животных. В 1973 г. была построена промышленная установка по производству хлореллы в Махамбетском откормочном совхозе.

Пять научных сотрудников поступили в целевую аспирантуру. С.Х. Хамиев защитил докторскую диссертацию,

Ж.К. Коспаков – кандидатскую. Четыре лаборанта окончили ветеринарное отделение Московской ветеринарной академии и Троицкого ветеринарного института.

За всеми указанными выше научными исследованиями, разработками, конечно, стоял весь коллектив Гурьевской НИВС – от препараторов, шоферов, лаборантов до научных сотрудников. Мне, как руководителю станции, не стыдно за то время, которое очень быстро прошло в моей жизни, жизни моей семьи. Мне кажется, все, что я мог вложить в работу этого коллектива, я вложил. Могу только вспоминать с благодарностью тех, кого уже нет, тех, кто здравствует, сказать большое спасибо за наше общее дело, те многочисленные будни, которые мы провели вместе, добротную общую нашу работу. Что же я внес своей работой в качестве директора НИВС в коллектив станции? Считаю, что был подобран неплохой работоспособный коллектив сотрудников. При мне из числа сотрудников станции уволились 5–6 человек, но пришло гораздо больше сотрудников, имевших более высокие компетенции. Была по-новому организована научно-исследовательская работа сотрудников станции, конкретизирована научная тематика с учетом запросов ветслужбы области и сельхозтоваропроизводителя. Наладилось более углубленное сотрудничество с ветслужбой области, активнее началось внедрение научных разработок в сельхозпроизводство, ветслужба с научными сотрудниками станции стали эффективно управлять эпизоотическим процессом таких болезней, как бруцеллез, туберкулез, паратуберкулез, рядом гельминтозных заболеваний. Мне кажется, выросла сама роль нашей станции в общей работе областной и районной ветслужбы. У научных сотрудников станции появился интерес в повышении своей компетентности, учебе в аспирантуре, внедрении своих научных разработок. Руководство станции, директор, его заместители, заведующие лабораториями имели непосредственные деловые и научные контакты не только с руководством ветслужбы области, но и с совет-

ско-партийными органами районов области и областного центра.

Какова же дальнейшая судьба Гурьевской НИВС? 21 августа 1995 г. в Гурьеве (Атырау) был организован Атырауский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, в состав которого вошла и Гурьевская (Атырауская) НИВС. Институту были определены следующие направления деятельности: совершенствование существующих и создание новых пород, типов, линий овец, лошадей и верблюдов, разработка прогрессивных технологий производства продукции животноводства, кормопроизводства, совершенствование методов профилактики, диагностики и лечения болезней сельскохозяйственных животных. Последние задачи, конечно, касались непосредственно тех научных исследований, которые проводились сотрудниками Гурьевской НИВС.

В настоящее время все НИВС, которые входили в состав КазНИВИ, стали составной частью региональных научно-исследовательских сельскохозяйственных институтов. С одной стороны, наверное, необходимо было это реформирование, позволяющее более комплексно работать с другими близкими по сельскохозяйственной ориентации направлениями. Но, с другой стороны, в этом я убежден, ушла целостность этого ветеринарного научного направления по всему Казахстану, ослабла внедренческая суть организации такого рода научных учреждений, которые были в едином строю с практической ветеринарной службой. Только дальнейшая научная и производственная сущность такой реорганизации ветеринарной науки сможет поставить жирную точку в ее эффективности.

Гурьев. Навигация открыта

Гурьев. Разве это не гурьевская каша?

Капитальный мост через реку Урал

Гурьев сегодня

ГЛАВА 8

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАУЧНУЮ АЛЬМА-МАТЕР

Ручьи могут течь из одного источника,
и все же иные бывают чистыми,
а иные – мутными.

Артур Конан Дойл
(1859–1930 гг.)

Итак, с 1 ноября 1976 г. приказом директора КазНИВИ И.Ф. Задорожным (от 26 октября 1976 г.) я был освобожден от обязанностей директора Гурьевской НИВС в связи с избранием по конкурсу старшим научным сотрудником лаборатории туберкулеза, которая была организована в 1974 г. Как я и предлагал, директором Гурьевской НИВС был назначен Самигулла Хамиевич Хамиев (приказ по МСХ Казахской ССР за № 657-к от 21.10.1976). Несмотря на то, что я был избран старшим научным сотрудником в лабораторию туберкулеза, рабочее место мне определили в лаборатории незаразных болезней, которой руководил кандидат сельскохозяйственных наук Леонид Александрович Афанасьев.

Надо сказать, что я безо всяких обиняков влился в ранее хорошо знакомый коллектив института. Досужие языки мне сообщили, что заведующий лабораторией туберкулеза доктор ветеринарных наук Д.Д. Новак, как мог, сопротивлялся в отношении моего приема на работу именно в его лабораторию. Он один выступил против моей кандидатуры на конкурсном голосовании на ученом совете института. Его отрицательный голос был одним при подсчете голосов членов ученого совета при моем избрании старшим научным сотрудником. Конкурс был проведен без моего присутствия, так как я еще работал в Гурьевской НИВС. Естественно,

Д.Д. Новак поставил вопрос перед директором института – или он, или Донченко. Иван Федорович как опытный разводящий (у него этого нельзя было отнять) удовлетворил просьбу Д.Д. Новака. Хотя я и числился в лаборатории туберкулеза, но рабочее место было мне отведено в другой лаборатории, я не должен быть участником выполнения научной тематики лаборатории туберкулеза. Вот в этот мутный поток институтского источника я попал с первых дней работы. Переговорил с директором института на эту тему. Он меня в успокоительном тоне заверил, что решит будущее моего научного кредо в институте. Встретившись с начальником Главного управления ветеринарии (ГУВ) МСХ Казахской ССР Н.Ж. Жанузаковым, я описал свою ситуацию. Нурман Жанузакович также заверил меня, что все будет хорошо: «Потерпи. Дай свои предложения в отношении твоей будущей научной работы».

В период работы в Гурьевской области я собрал большой научный материал по туберкулезу верблюдов и овец, несколько меньше его было по туберкулезу крупного рогатого скота. Естественно, мне хотелось продолжить научные исследования по туберкулезу крупного рогатого скота. Понимал, что осуществлять лабораторные научные исследования в лаборатории туберкулеза мне не представится возможным, хотя там для меня было все родное. Пришлось изыскивать другие возможности, приложить свои руки и голову для проведения своих научных исследований по туберкулезу крупного рогатого скота. Понятно, что я был уже не тот юнец, который учился в аспирантуре семь лет тому назад. Я многое познал: преподавал в Темирском сельскохозяйственном техникуме, работая директором Гурьевской НИВС, обрел самообладание, умение выстраивать рабочие отношения не только с научными сотрудниками, но и с заведующими лабораториями, руководством института, работниками Главного ветеринарного управления МСХ Казахской ССР. Мне было уже 37 лет, и сбить меня с ног, даже если кто-то

очень хотел, было сложно. Понимая, что кроме меня самого никто мои проблемы не решит, я начал искать выход из создавшейся ситуации. В это время в Казахстане отмечалось широкое распространение зоонозных инфекций – бруцеллеза и туберкулеза. Поэтому ГУВ МСХ Казахской ССР и руководством КазНИВИ научные сотрудники закреплялись кураторами для оказания помощи в организации мер борьбы в отношении этих инфекций местной ветслужбе. В связи с этим я попросил директора института закрепить за мной самую неблагополучную по туберкулезу крупного рогатого скота Северо-Казахстанскую область. Мой выбор пал на эту область потому, что я там практически проживал с малолетства, окончил Пресновскую среднюю школу и Ленинский сельхозтехникум, работал трактористом, веттехником и главным ветврачом в Приишимском совхозе. И наконец, будучи аспирантом-очником проводил в течение трех лет научные исследования по туберкулезу крупного рогатого скота в племзаводе «Мамлютский» и в других хозяйствах области. К тому же я хорошо знал многих ветеринарных врачей области. Все сходилось к тому, что, имея необходимые научные и практические знания и опыт по организации противотуберкулезных мероприятий, мог оказать эффективную помощь ветслужбе области в оздоровлении стад крупного рогатого скота от туберкулеза. Все вроде бы срослось в мою пользу. И вдруг Иван Федорович вызывает меня к себе и, не глядя в глаза, извиняющимся тоном говорит: «Александр Семенович, мы тут посоветовались и решили тебе предложить проведение кураторской работы по туберкулезу крупного рогатого скота в Актюбинской области». Видя мое удивление, он сказал: «Извини, так будет лучше для тебя и для Д.Д. Новака, так как он там с новым начальником облветотдела В.М. Баранниковым занимается апробацией противотуберкулезной вакцины «БК-Харьков» и не хочет, чтобы кто-то другой из нашего института там работал». Деваться было некуда, я согласился на кураторство по поводу проведения

противотуберкулезных оздоровительных мероприятий среди крупного рогатого скота в хозяйствах Актюбинской области. К проводимым научным исследованиям Д.Д. Новаком и В.М. Баранниковым в Северо-Казахстанской области я еще вернусь. Вроде бы одна сторона медали моей внедренческой научной работы была решена, а вот вторая – конкретная научно-исследовательская работа – пока не была определена.

Заведующий лабораторией незаразных болезней Л.А. Афанасьев, понимая мои научные неурядицы, предложил поучаствовать в его тематике по вопросам сохранности молодняка. Все взвесив, на его предложение я ему сформулировал встречное. Оно заключалось в том, чтобы мы объединили наши научные и практические знания в вопросе изолированного выращивания здорового молодняка крупного рогатого скота. Он с готовностью согласился, и я начал составлять рабочую программу с учетом того, что наш научный труд должен в конечном итоге дать возможность получения здоровых телят в неблагополучных по туберкулезу хозяйствах. Это меня полностью устраивало, так как некоторые заделы таких исследований я уже имел в период работы в Гурьевской области.

Л.А. Афанасьев был широкой души человек, прекрасно ладил со своими подчиненными и руководством института, но не особенно у него лежала душа к Д.Д. Новаку, как и у многих других заведующих лабораториями института. Видимо, в результате моих встреч с Н.Ж. Жанузаковым, который всегда вникал в суть проводимых научных исследований в КазНИВИ, мне предложили возглавить группу сотрудников и определили научную тематику по механизации трудоемких процессов в ветеринарии, а конкретнее – при туберкулезе крупного рогатого скота. Видимо, такое предложение касательно моей кандидатуры по необычной научной тематике у руководства института появилось не спонтанно. В период обучения в аспирантуре мне пришлось исследовать на

туберкулез тысячи животных. В то время еще не использовались для этих целей безыгольные инъекторы. Внутрикожно туберкулин вводили животным обычным шприцем типа «Рекорд». После работы таким шприцем при исследовании 300–400 животных у манипулятора обычно образовывались на руках ссадины, которые долго не заживали. Мне пришлось модернизировать в условиях хозяйства такой шприц путем увеличения металлической головки, навинчивающейся на толкатель поршня, а также пластинку, которая прижималась к наружной поверхности крышки шприца. Эти дополнения позволяли врачу без травм проводить туберкулинизацию 400–450 животных крупного рогатого скота за рабочий день. Это было мое первое рацпредложение. Я его описал в статье «Усовершенствованный шприц для внутрикожной инъекции», опубликованной в научно-информационном бюллетене по сельскому хозяйству МСХ Казахской ССР (1971 г.). Второе мое рацпредложение было оформлено совместно с инженером Н.И. Хрущевым и ветврачом К.Д. Сизовым под названием «Ванна для пастеризации молока и обрата больных туберкулезом коров» (1971 г.). Предложенная нами дополнительная ванна позволяла эффективно обезвреживать от возбудителя туберкулеза молоко и обрат, полученные от скомпрометированных по этой инфекции коров. Эти два рацпредложения были сделаны в период оздоровления крупного рогатого скота от туберкулеза в племзаводе «Мамлютский».

Несмотря на мои мизерные работы в области ветеринарной инженерии, в целом для меня эта тематика была довольно привлекательной, но очень сложной, поэтому с небольшим воодушевлением, но все-таки согласился на научное руководство этой тематики. Задал сам себе вопрос: «Что может существенно облегчить тяжелую работу ветеринарного врача при диагностике туберкулеза?». Из собственной ветеринарной практики я знал, что наиболее трудоемким в диагностике туберкулеза у крупного рогатого скота является

внутрикожное введение туберкулина, читка внутрикожной реакции, выстриг шерсти животного на месте внутрикожной инъекции туберкулина. Вот на этих трех трудоемких процессах я и решил остановиться и стал активно прорабатывать научно-техническую литературу, патенты на изобретения.

В эти годы для туберкулинизации крупного рогатого скота начали апробировать безыгольные инъекторы «Овод» (БИ-7); авторы Б.В. Смоляров, Н.В. Душенин и др. (1975 г.), а также «Пчелка» (ИБВ-01) – Л.С. Сегал с соавторами (1974 г.). Широкое внедрение этих инъекторов, как полагали изобретатели, позволит намного повысить производительность труда ветспециалистов, снизить затраты при туберкулинизации, проводить эту манипуляцию без подсобных рабочих и в малоприспособленных условиях (А.А. Воробьев, И.А. Некрасов, Л.Ф. Бандраков (1972 г.); В.Г. Звозчик с соавторами (1973 г.); В.С. Гигаури и др. (1973); Д.Д. Новак и др. (1974 г.)). Тем не менее, отзывы ветеринарных специалистов и ученых об эксплуатационных качествах этих инъекторов были разноречивыми. Так, Д.Д. Новак с соавторами (1977 г.) указывали на наличие большого числа конструктивных недостатков у инъектора «Пчелка» по сравнению с «Оводом».

Изучив эти материалы, наша небольшая научная группа решила в экспериментальных условиях в сравнительном аспекте провести испытания указанных инъекторов, выявить их конструктивные недостатки и установить полезные качества. По результатам исследований необходимо было полученные сравнительные материалы исследований представить заводам-изготовителям. С учетом выявленных конструктивных недостатков мы наметили в наших экспериментальных условиях сконструировать на базе имеющихся новый безыгольный инъектор, приспособленный к проведению туберкулинизации в период низких температурных погодных условий.

В отношении выстрига шерсти для обозначения на коже животного места туберкулинизации наметили два способа. Первый – разработать специальную машинку для стрижки волос, второй – подобрать краситель, который позволил бы делать метку на коже животного путем покраски его волосяного покрова. В качестве красителя мы подобрали урзол – черную хну. Урзол (парафиндиамин) входит в состав большинства красителей волос. Правда, в чистом виде этот краситель запрещен для применения в медицине. Но у нас было совсем другое направление по использованию этого вещества. Просто с его помощью необходимо было обозначить точку внутрикожного введения туберкулина на шее животного.

В отношении кутиметра – прибора для измерения величины кожной складки – у нас были многофункциональные технические подходы, над которыми мы тоже начали работать.

Наша исследовательская группа была небольшой. Кроме меня в нее вошли инженеры Виктор Вильгельмович Майер и Анатолий Григорьевич Нестеров, а также научный сотрудник – ветеринарный врач Низами Шамильевич Мамедов. Несколько позже к нам примкнул мой коллега с богатым научным опытом, кандидат ветеринарных наук Владимир Николаевич Лапыко. К этому времени было построено новое трехэтажное здание института и нашу группу разместили в двух больших комнатах. Появились комфортные условия для работы, приобрели чертежную доску, начали понемногу возникать, как говорят, научные мысли и идеи.

Я всегда старался, прежде чем начать осваивать любое новое направление в отраслевой науке, хорошенько поразмыслить, изучить прошлые полученные в этом направлении научные знания, определить источники новизны намечаемого научного направления. Окружающие меня сотрудники не всегда понимали мои «тихоходные» действия, часто с ходу брались за решение новых научных задач, ставили эксперименты и, как правило, терпели фиаско при конечных

результатах исследования. На эту тему имеется, на мой взгляд, прекрасный афоризм А.А. Любищева (1890–1972 гг.) – русского биолога, энтомолога, героя повести Д. Гранина «Эта странная жизнь». Он считал, что «Ученый, не имеющий время на размышления, – конченый ученый, и если он не может переменить свой режим, чтобы иметь достаточное время на размышление, то ему лучше бросить науку». Как точно сформулирована суть этого процесса! Не каждый может днями, ночами, а может, и месяцами конструировать в своем мышлении ту единственную научную версию, которая приведет поиски к конечному положительному научному результату. Для этого ученому необходимо уметь терпеть окрики, угрозы, даже приказы своего начальства из-за медленного, по его мнению, выполнения порученного научного поиска. Здесь два конца: или поспешишь и людей насмешишь, или в упорной борьбе придешь к тому правильному научному решению, которое от тебя ждет государство, а не твое начальство. В этом процессе имеется и другая сторона. Моя научная судьба состояла из решения одновременно нескольких научных задач и проведения научных экспериментов, а также выполнения порученного руководством института курирования области по вопросу оздоровления от туберкулеза крупного рогатого скота.

Сотрудники нашей группы научные исследования выполняли под моим руководством. За инженерное направление отвечали В.В. Майер и А.Г. Нестеров. Это были хорошо подготовленные конструкторы, знающие инженерное и чертежное дело. Обоснование новых решений, производственных испытаний лежало на моих плечах и Н.Ш. Мамедова. У Низами Шамильевича был очень своеобразный склад ума. Он хорошо знал ветеринарную медицину, мыслил своеобразными стандартами, на основании которых у него возникали идеи, необходимые для наших инженерных исследований по оформлению новизны исследований в виде патентов. Н.Ш. Мамедов на шесть лет моложе меня. Родился он в

селе Чилик Чиликского района Алма-Атинской области. В 1970 г. окончил Алма-Атинский зооветинститут и Алма-Атинский общественный институт патентоведения. После моего перевода в Новосибирск он не прекращал наши научные исследования, и в 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию «Разработка теоретических основ ветеринарного приборостроения (ветеринарные аспекты)». Мне очень импонирует то, что он в последующей своей научной работе, помимо патентного дела, стал активно заниматься вопросами истории ветеринарии в Казахстане и добился на этом поприще значительных результатов. Пришедший несколько позже в нашу группу В.Н. Лапыко был для нас незаменимым научным сотрудником. Он был на десять лет старше меня, опытнее, широко эрудирован во многих научных направлениях, был прекрасным аналитиком и методологом в области ветеринарной медицины, в том числе и в приборостроении. Также у него уже были хорошие знания в патентном деле. Еще в бытность моего аспирантского обучения мы с ним провели уникальную исследовательскую работу в области изучения возможности прижизненно диагностировать туберкулез у животных путем внутривенного введения туберкулина. На тот период это была пионерная работа. Исследования мы проводили на лабораторных животных. Результаты были опубликованы в научной статье «Внутривенная туберкулиновая проба у кроликов» (А.С. Донченко, В.И. Лапыко «Вестник сельскохозяйственной науки Казахстана», 1971 г.).

Вот с таким коллективом мне пришлось работать в течение трех лет до моего отъезда в Новосибирскую область, куда я прошел по конкурсу на замещение вакантной должности заведующего лабораторией туберкулеза ИЭВСиДВ СО ВАСХНИЛ (позже СО РАСХН).

Нами были разработаны планы научных исследований, намечено, где мы их будем выполнять, какие получим окончательные результаты. В общем, эта работа шла своим чере-

дом. Одновременно с ней мне необходимо было наладить работу по оздоровлению неблагополучных по туберкулезу крупного рогатого скота хозяйств в Актюбинской области.

Обычно такие командировки осуществляли два научных сотрудника, один – специалист по туберкулезу, другой – по бруцеллезу сельскохозяйственных животных. В паре со мной выезжал старший научный сотрудник лаборатории бруцеллеза Николай Владимирович Сафронов. Он был примерно на десять лет старше меня, прекрасный специалист своего дела, не особо общителен. Специальные вопросы в процессе организации противобруцеллезных мероприятий он отстаивал с большим упорством. Получили командировочные удостоверения, билеты на самолет – и вот мы уже в аэропорту Актюбинска. На аэродроме нас встретил начальник облветотдела Управления сельского хозяйства Актюбинской области Валентин Романович Ча, небольшого роста, с зачесанными назад черными волосами и большим лбом, как оказалось, веселого нрава человек. Он поздоровался с нами, и мы поехали устраиваться в гостиницу.

Валентин Романович сказал, что он будет работать со мной, а с Н.В. Сафроновым будет держать связь директор областной ветеринарной лаборатории. Видимо, это было сделано им намеренно, так как оздоровительные мероприятия против туберкулеза проводились с большим напряжением и во многих хозяйствах не имели положительного решения. При оздоровлении стад крупного рогатого скота от бруцеллеза основные мероприятия слагались из вакцинации и серологического исследования сыворотки крови животных. Эти манипуляции в первую очередь связаны с работой ветлаборатории. Первым делом пришлось ознакомиться с эпизоотической ситуацией по туберкулезу в Актюбинской области. Это необходимо было сделать в первую очередь для конкретного разговора с руководством области, во вторую – для осмысления в дальнейшем необходимого проведения противоэпизоотических мероприятий по

профилактике и ликвидации туберкулеза в стадах крупного рогатого скота области.

Было установлено, что на начало 1977 г. из 140 хозяйств Актюбинской области неблагополучными по туберкулезу были 103 (73,6%). Из 15 районов в 13 отмечено выделение реагирующих на туберкулин животных.

В Алгинском районе заболеваемость крупного рогатого скота туберкулезом составила 12,4%, Актюбинском – 7,0, Ленинском – 6,6, Мартукском – 6,3, Комсомольском – 5,3 и Новороссийском – 4,8%. Группировка хозяйств по заболеваемости животных туберкулезом в области характеризовались следующими показателями: от 0 до 2% заражены животные в 50 хозяйствах, от 2 до 10% – в 36, от 10 до 20% – в 12, от 20 до 30% – в 4 и выше 30% – в одном хозяйстве.

Особенно тяжелое положение сложилось в совхозах имени Горького Алгинского района, имени XXII Партсъезда Комсомольского района, в колхозах имени Ленина Ленинского района, имени 40 лет Казахской ССР Хобдинского района. В этих хозяйствах скот был поражен туберкулезом от 20 до 30% и выше.

Анализ данных лабораторного исследования биомате риала, взятого от реагирующих на туберкулин животных, показал, что из числа идентифицированных микобактерий 95% отнесены к бычьему виду и 55% – человеческому.

Анализ эпизоотической ситуации по туберкулезу крупного рогатого скота в области, проведенного совместно со специалистами ветотдела, показал, что ее тяжелейшая напряженность возникла из-за нескольких причин.

В частности, не все поголовье животных охватывалось диагностическими исследованиями, не соблюдались сроки и кратность повторных исследований, особенно скота, принадлежащего населению. В 1977 г. из 484,9 тысячи голов крупного рогатого скота исследовано на туберкулез первично 356,6 тысячи (73,5%) голов, повторно – лишь 174,7 тысячи. План диагностических исследований крупного рогатого

скота на туберкулез был выполнен лишь в 8 районах области из 15, в остальных районах – на 60–80%. Повторно на туберкулез животные исследованы только в двух районах. В трех районах (Карабутакский, Байганинский и Уильский) повторно были исследованы на туберкулез от 20 до 24% животных к плану.

Отмечалась и длительная передержка в хозяйствах больных туберкулезом животных, и что важно, при отсутствии необходимых условий для надежной их изоляции. В результате этого отмечены случаи перезаражения здорового поголовья. Всего в этот период на передержке в области остались 1,9 тысячи животных, в том числе одна тысяча коров. В 14 хозяйствах длительное время (более 6 месяцев) не подвергали убою до 50 больных коров. В совхозе имени Горького Алгинского района на участке Шолпак в течение шести месяцев без изоляции передерживали 335 коров. В совхозе «Магаджановский» Новороссийского района в течение 12 месяцев передерживали 109 коров, реагирующих на туберкулин.

Длительная передержка больного скота во многих случаях с молчаливого согласия советско-партийного руководства происходила вследствие уклонения руководителей хозяйств от его сдачи. В частности, в совхозе «Пролетарский» руководством хозяйства было оказано недоверие ветспециалистам в отношении правильности исследования скота на туберкулез. Ввиду этого реагирующих на туберкулин животных повторно переисследовали на туберкулез. В результате долгое время выясняли причину реагирования животных на туберкулин. Это привело к тому, что в хозяйстве было выявлено 216 (5,6%) голов скота, больного туберкулезом. При сдаче животных на мясокомбинате у 52% коров и 100% быков-производителей и телят найдены специфические для туберкулеза поражения внутренних органов, вплоть до их генерализации.

Было отмечено и неудовлетворительное санитарное состояние многих животноводческих ферм, в том числе и низ-

кая культура ведения животноводства. Из 1627 имеющихся в области скотопомещений с пониженной температурой оказались 310 (19,9%), высокой влажностью – 75 (4,6%), повышенным газовым состоянием – 72 (4,4%), недостаточной площадью размещения – 153 (9,4%), без обогрева – 801 (49,2%), без вентиляции – 603 (37,0%), без канализации – 199 (12,2%) помещениях.

Из имеющихся 179 молочно-товарных ферм только 15 (8,3%) были огорожены. Большинство из них нерегулярно очищалось от навоза, в результате дезинфекция животноводческих помещении проводилась некачественно. В частности, в 140 скотопомещениях Мартукского, 62 – Новороссийского и 109 – Хобдинского районов провели дезинфекцию без предварительной очистки животноводческих помещений. Изоляторы, где передерживали реагирующий скот, не подвергались санитарному ремонту, а в большинстве хозяйств даже не было и таких изоляторов. Реагирующих на туберкулин животных размещали в различные помещения, а во многих случаях их оставляли до сдачи на мясокомбинат в гуртах условно здоровых животных. Сдача скота задерживалась вследствие того, что санбойни мясокомбинатов не обеспечивали регулярный убой таких животных. В связи с этим большую часть таких животных убивали на основной линии мясокомбината.

В области на тот период большинство животноводческих ферм было не обеспечено санитарными объектами, имелось семь пунктов первичной обработки молока на 30 сливкотделений. Молоко обезвреживали путем пастеризации при 90–95 градусах в течение 22 секунд, что неэффективно в отношении уничтожения микобактерий туберкулеза. Так, Актюбинский гормолзавод принимал молоко из 14 хозяйств области, из которых лишь совхозы «Пригородный», «Актюбинский», «40 лет Казахской ССР» и имени Пацаева обезвреживали его путем моментальной пастеризации. Молоко пастеризовали на этом предприятии при температуре

75 градусов в течение 30 секунд (дважды) и выпускали в реализацию. Вследствие этого молоко и обрат шли на выпойку телятам без качественной термической обработки. В результате во многих хозяйствах (совхозы имени Карла Маркса, имени Пацаева, колхоз имени Ленина и др.) отмечено свыше 35% заболевших телят туберкулезом.

Нами установлено отсутствие в области выращивания ремонтных здоровых телят для своевременной замены неблагополучного по туберкулезу маточного поголовья. Из 15 племферм 11 (73,3%) были неблагополучными по туберкулезу. Совхоз имени 40 лет Казахской ССР утвержден как специализированное хозяйство по выращиванию ремонтных телят с 1972 г. Тем не менее, в этом хозяйстве выделили 123 животных, реагирующих на туберкулин, в том числе 17 коров. Молоко в хозяйстве, идущее на выпойку телятам, не обезвреживали.

Отмечены также значительные трудности в проведении диагностических исследований животных на туберкулез из-за недостатка ветеринарных специалистов или их частой смены.

В целом все эти факторы существенно отражались на эффективности профилактики и проведении оздоровительных мероприятий в неблагополучных хозяйствах по туберкулезу.

Проведя совместно с ветеринарными специалистами области указанный выше анализ эпизоотической ситуации в хозяйствах области путем просмотра документов ветотдела и выезда непосредственно в неблагополучные по туберкулезу крупного рогатого скота хозяйства, я был готов встретиться с руководством области. Особенно это необходимо было сделать ввиду того, что, как это всегда бывает, выполнение подавляющего числа необходимых мероприятий напрямую зависит от первого лица области – первого секретаря обкома Казахской ССР. Тем более В.Р. Ча, начальник ветеринарного отдела облсельхозуправления, «на ухо» мне сказал, что вроде бы первый секретарь Актюбинского КП Казахской

ССР запретил убой реагирующих на туберкулез крупного рогатого скота. Я видел, как лица Валентина Романовича и его помощников менялись, когда я ставил перед ними задачу о встрече с первым секретарем обкома КП Казахской ССР В.А. Ливенцовым. Они стали меня убеждать, что попасть к нему проблема, он не принимает руководителей такого уровня, и все их попытки осветить ему эпизоотическую ситуацию по зоонозам не представлялись возможными. Я настаивал, они были в растерянности. Мне пришлось им предложить вначале встретиться с заместителем председателя облисполкома, курирующего сельское хозяйство. На этом и решили провести наши первичные ознакомительные действия.

При встрече с заместителем председателя облисполкома выяснилось, что он ранее занимал такую же должность в Северо-Казахстанской области и хорошо знает моего дядю А.В. Донченко и отца. Поэтому встреча сразу пошла в позитивном направлении. Я попросил его свести нас с В.А. Ливенцовым. Недолго думая, он поднял внутренний служебный телефон и сказал: «Василий Андреевич, здесь у меня два ученых из Алма-Аты, очень интересный у нас состоялся разговор в отношении организации мер борьбы с туберкулезом и бруцеллезом сельхозживотных. Есть предложение этот разговор перенести в ваш кабинет». Слышим в ответ: «Давай, заходите, у меня есть 15 минут свободного времени». Заместитель председателя облисполкома завел меня, Н.В. Сафронова и В.Р. Ча в кабинет В.А. Ливенцова. Перед нами сидел молодо выглядевший, спортивного телосложения, с белой, коротко подстриженной головой, человек. Быстро поздоровавшись, показывая свою действительную большую загруженность, он коротко сказал: «Цель вашего приезда». Ранее мы договорились, что я первый начну разговор с Василием Андреевичем. Вначале я представился и представил Н.В. Сафронова, затем перешел к цели нашего приезда, начал говорить о сложной эпизоотической ситуации в области по зоонозным инфекци-

ям. Он остановил меня и, взяв трубку внутреннего телефона, сказал: «Позовите ко мне Оразолы Абиловича (Козыбаев – председатель облисполкома), Юрмана (начальника облсельхозуправления) и секретаря обкома (ответственного за сельское хозяйство).

Мы сразу почувствовали внутреннюю озабоченность Василия Андреевича в отношении создавшейся эпизоотической ситуации в области по туберкулезу и бруцеллезу сельскохозяйственных животных. Когда приглашенные сели за длинный стол, Василий Андреевич обратился ко мне: «Продолжайте». Хорошо, что я ранее ознакомился с эпизоотической ситуацией по туберкулезу сельскохозяйственных животных в области, знал не понаслышке достаточно сложную обстановку по этой инфекции, поэтому мне не составляло особого труда в течение десяти минут сделать акцент в своем докладе на основные негативные стороны организации борьбы в хозяйствах с туберкулезом. Н.В. Сафронов подробно остановился и на вопросах бруцеллеза животных. В заключение, обращаясь к Василию Андреевичу, я произнес такую опрометчивую фразу: «Специалисты хозяйств говорят, что вы, Василий Андреевич, запретили сдавать больной туберкулезом и бруцеллезом скот». Наступила тяжелая пауза. Василий Андреевич приподнялся, и, глядя на своих подчиненных, возмущенно сказал: «Кому я говорил, чтобы не сдавали на мясокомбинат больной скот?». Присутствующие опустили головы, кто-то из них сказал: «Да не было этого, Василий Андреевич!». При обмене мнениями очень эмоционально выступил О.А. Козыбаев. В то время уже на его груди красовалась медаль Героя Социалистического Труда, хотя он был лет на 15 моложе Василия Андреевича. После бурного выступления он несколько раз стукнул тыльной стороной ладони по столу и в заключение сказал, глядя на В.Р. Ча, начальника ветслужбы области: «Почему об этом никто раньше не говорил?». Пришлось мне выручать Валентина Романовича. Я сказал: «Уважаемые первые руководители

области, вы знаете, ветспециалисты делали несколько заходов к вам, но безрезультатно». На это Василий Андреевич, оглядывая присутствующих, эмоционально спросил: «Кто не пускал ветспециалистов ко мне или Оразалу Абиловичу?». Ответа на этот вопрос не последовало. После небольшой паузы, Василий Андреевич, посмотрев в мою и В.Н. Сафронова сторону сказал: «Что будем делать?». Мы, конечно, до этого обговорили с В.Р. Ча наши первоначальные действия. Мне пришлось вновь на них остановиться. Обращаясь к Василию Андреевичу, сказал: «Первое, что необходимо сделать, собрать большое совещание, где должны присутствовать первые руководители районов и ветслужб. На совещании мы с Николаем Владимировичем осветили бы вопросы профилактики и ликвидации туберкулеза и бруцеллеза сельхозживотных в области, предложили подробный план мероприятий по борьбе с этими зоонозами». Василий Андреевич, переглянувшись с Оразолой Абиловичем, дал свое согласие. Наметили через полтора месяца провести такое совещание. После этого мы, довольные такой встречей с руководством области, которая вместо 15 минут заняла полтора часа, направились в ветеринарный отдел для дальнейшего конкретного согласования наших совместных действий. Перед нами стояла сложная задача по составлению плана организации мер борьбы с туберкулезом и бруцеллезом сельскохозяйственных животных в Актюбинской области.

В дальнейшем мне в течение трех лет приходилось неоднократно встречаться и даже выезжать в командировку с первыми руководителями Актюбинской области. Это были очень ответственные, с широким кругозором руководители субъектного звена Республики Казахстан.

Василий Андреевич Ливенцов (1914–2004 гг.) родился 16 января 1914 года в селе Белые Воды Сырдарьинской области (ныне село Аксукент Южно-Казахстанской области, Казахстан). По окончании в 1935 г. Алма-Атинского сель-

скохозяйственного института работал участковым агрономом, старшим агрономом машинотракторной станции. С 1943 г. на партийной работе в Казахской ССР. В 1943–1944 гг. – заместитель заведующего отделом Алма-Атинского обкома КП(б) Казахстана. В 1944–1950 гг. – заведующий сельскохозяйственным отделом, в 1950–1952 гг. – второй секретарь Талды-Курганского обкома КП(б) Казахстана; в 1952–1954 гг. – второй секретарь Западно-Казахстанского обкома Компартии Казахстана, в 1954–1957 гг. – заведующий совхозным отделом ЦК Компартии Казахстана. В период освоения целинных земель непосредственно занимался созданием целой сети зерноводческих хозяйств в республике. Более двухсот хозяйств было создано с нуля.

В 1957–1959 гг. – второй секретарь Акмолинского обкома Компартии Казахстана, в 1959–1961 гг. – Алма-Атинского. В 1961–1962 гг. – председатель Джамбульского облисполкома.

С сентября 1962 г. по январь 1972 г. – первый секретарь Чимкентского обкома (в январе 1963 г. – декабре 1964 г. – сельского обкома) Компартии Казахстана. В период работы первым секретарем Чимкентского обкома В.А. Ливенцову пришлось пережить сложную жизненную трагедию – массовые беспорядки населения города. Вспоминает свидетель тех событий ветеран войны, заслуженный ветеран МВД, Герой Советского Союза Карабий Килтаев: «Я прошел всю войну, получил все три ордена Славы, однако такого ужаса и безысходности мне не приходилось пережить ни до, ни после тех страшных дней. Было ощущение настоящей войны, но против тебя шли не фашисты, а наши советские люди. В Чимкент были введены бронетанковые войска, вплоть до танков. Прилетевший из Алма-Аты в Чимкент заместитель министра внутренних дел Казахской ССР генерал А.Г. Тумарбеков, под руководством которого мне пришлось служить в МООП КазССР, как настоящий профессионал, участник Великой Отечественной войны, быстро организовал мероприятия по бескровному подавлению бунта. В это не-

простое для области время полезно и грамотно проявил себя В.А. Ливенцов, координируя работу сотрудников советско-партийного аппарата области по купированию волнений населения Чимкента».

В декабре 1971 г. Д.А. Кунаев предложил В.А. Ливенцову, в то время первому секретарю Чимкентского обкома партии, возглавить Актюбинскую область. Василий Андреевич принялся было отказываться – мол, мне 58 лет, два года до пенсии осталось. Кунаев тут же прервал его: «Еще 8–10 лет ты сможешь плодотворно работать в Актюбинске.... После выписки из больницы отправляйся в Актюбинскую область, там надо укрепить руководство. Прошу тебя снять свои возражения относительно перевода». Напутствуя Ливенцова, Кунаев заметил: «Там, в Актюбинске, многие руководящие работники, начиная с первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома, мало занимаются служебными делами, а больше подготовкой своих кандидатских диссертаций». По приезде в Актюбинск В.А. Ливенцов собрал этих «кандидатов» и предложил им, если уж так невтерпеж в рабочее время заниматься наукой, освободить кресла. Бывший председатель горисполкома Владимир Фитюнин вспоминает, что Ливенцов был очень резким руководителем. «На одном из совещаний он меня и начальника треста «ЗапКазтяжстрой» сильно отругал. После я ушел к себе в кабинет, но спустя некоторое время Ливенцов вновь вызвал меня к себе. Он вышел из-за стола: «Владимир, ты извини, что я немножко на тебя пошумел». Еще круче первый секретарь разбирался с нерадивыми хозяйственниками. Накануне одного из совещаний с руководителями сельских хозяйств Ливенцов объехал поля и нарвал сорняков. А потом, на совещании, вызывал к трибуне директоров и главных агрономов и прилюдно вручал им эти «букеты».

С января 1972 г. по 22 января 1985 г. В.А. Ливенцов – первый секретарь Актюбинского обкома Компартии Казахстана. Ровно 13 лет был руководителем области. В этот пери-

од Актюбинская область динамично развивалась по всем направлениям хозяйственной деятельности.

Летом 1973 г. в Алма-Ату приехал Л.И. Брежнев по случаю вручения Казахстану ордена «Дружбы народов». «В аэропорту его встречали члены бюро ЦК КП Казахстана, руководители правительства и первые секретари обкомов партии,– вспоминал Василий Андреевич. – Подойдя ко мне, Леонид Ильич прикоснулся рукой к моей голове: «Да ты ведь начал седеть, а когда работал в ЦК заведующим отдела, то выглядел молодцом, без седины», – проговорил он. Потом спросил, как мои дела, сказал, что доволен моей работой, обнял меня и расцеловал».

Большое внимание первый секретарь обкома партии уделял развитию сельского хозяйства. С прибытием Ливенцова в область началась работа по созданию крупных животноводческих комплексов. К этому строительству были привлечены многие крупные предприятия города. Для заготовок и хранения сельскохозяйственных продуктов в Актюбинске к началу 80-х годов были построены и введены в эксплуатацию элеватор, комбикормовый завод и мельница. В 1980 г. в Актюбинской области собрали рекордный урожай – 100 миллионов пудов зерна (1664 тысячи тонн). Это была одна десятая часть годового урожая всего Казахстана. Здесь надо сказать, что в это время область окончательно освободилась от туберкулеза и бруцеллеза сельскохозяйственных животных.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1981 г. за выдающиеся успехи, достигнутые в выполнении планов и социалистических обязательств по продаже государству в 1980 г. миллиарда пудов зерна и перевыполнении планов десятой пятилетки по производству и закупкам хлеба и других сельскохозяйственных продуктов Василию Андреевичу Ливенцову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

С января 1985 г. В.А. Ливенцов стал персональным пенсионером союзного значения, проживал в Москве. В 1999 г. была издана книга воспоминаний В.А. Ливенцова «Мое время».

Свое 85-летие Василий Ливенцов встретил в Актюбинске, куда его пригласили местные власти. В день рождения, 16 января 1999 г., Василия Андреевича привезли к дому по улице Перова, где он жил. Здесь его ждала не только неожиданная и трогательная встреча с соседями по дому и людьми, с которыми раньше работал. Ливенцов даже и не заметил, что висевшая на углу дома табличка с названием улицы закрыта белой тканью. «Василий Андреевич, посмотрите-ка сюда!» – призвал аким области Аслан Мусин, и его помощники сдернули покрывало. «Улица имени В.А. Ливенцова», – еле слышно прочел именинник, и по его лицу покатилась слеза... Скончался В.А. Ливенцов 15 июля 2004 г. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище. Вот с таким руководителем, человеком с большой буквы мне посчастливилось неоднократно встречаться и даже выезжать в одной машине в хозяйства области.

В паре с В.А. Ливенцовым работал председателем Актюбинского облисполкома О.А. Козыбаев (1924–1996 гг.).

О.А. Козыбаев родился 15 апреля 1924 г. в поселке Мыншукур Кустанайского уезда Кустанайской губернии Киргизской АССР в многодетной крестьянской семье. Оразалы Абилович был участником войны (1942–1945 гг.). Он и В.А. Ливенцов практически в одно время начали и закончили работать в Актюбинской области. Их приход к руководству области, естественно, повлек кадровые изменения руководителей многих структурных подразделений областного масштаба. В это же время к руководству областного управления сельского хозяйства пришел Юрман, а к руководству облветотделом – В.Р. Ча. Это был тот коллектив руководителей, на который мы с Н.В. Сафроновым опирались в своей работе по ликвидации туберкулеза и бруцеллеза сель-

скохозяйственных животных. Такая напряженная практическая работа, конечно, ни в коей мере не отвлекала меня от научной стези.

Коллектив нашей группы, который не был привлечен к проводимым ветеринарным мероприятиям в Актюбинской области, занимался изучением имеющейся научной литературы по указанным выше трем наименованиям: безыгольному внутрикожному введению животным туберкулина, изысканию нового прибора – кутиметра – для измерения кожной складки с целью определения толщины воспалительного отека при туберкулинизации и изыскания возможности точного распознавания на коже животного места внутрикожного введения туберкулина.

Идея безыгольного введения веществ в организм возникла еще в 1886 г. (Berland). Практическое значение метод приобрел только в 1947 г. Первое сообщение о применении струйных инъекций в стоматологии относится к 1958 г. (Margetis с соавторами). В настоящее время этот способ получил за рубежом широкое распространение (В.С. Гигаури, 1972 г.).

В нашей стране первое клинико-экспериментальное исследование струйного способа безыгольной анестезии в стоматологии произведено В.С. Гигаури и другими (1972 г.) при помощи отечественных безыгольных инъекторов, модифицированных авторами (БИ-1, БИ-1М). Вводится 2%-й раствор новокаина с адреналином, разовая доза 0,1–0,2 мл. Инъекцию проводили в области полости рта соответственно проекциям корней зубов. Наконечник инъектора прижимали и фиксировали к слизистой оболочке перпендикулярно ее поверхности. Процесс инъекции осуществляли нажимом на пусковую кнопку. В месте инъекции образуется инфильтрат диаметром в среднем около 10 мм.

В ветеринарной практике безыгольные инъекторы появились в 1974 г. А.С. Сегал с соавторами предложил такой инъектор под названием «Пчелка», в 1975 г. Б.В. Смоляров,

Н.В. Душенин и другие начали широкое испытание другого инъектора под названием «Овод». Использование безыгольного инъектора в ветеринарной практике позволило бы повысить производительность труда ветспециалиста, снизить затраты при туберкулинизации, в том числе и расход туберкулина, проводить эту манипуляцию без подсобных рабочих и в малоприспособленных условиях. Так мы мыслили, хотя подобных исследований не проводилось, вроде бы, и так все ясно. Кроме того, отзывы ветеринарных специалистов об эксплуатационных качествах инъекторов в тот период были разноречивы. Были замечания с мест о конструктивных недостатках этих двух безыгольных инъекторов, в том числе при использовании их в условиях суровой зимы.

Подвергнув анализу указанные выше особенности при освоении безыгольных инъекторов в ветеринарии, имея в составе нашей группы квалифицированных специалистов, мы наметили ряд вопросов, касательно безыгольной туберкулинизации, решили проверить их в экспериментальных условиях и в конечном итоге представить наши замечания заводам-изготовителям этих инъекторов, а также на их базе попытаться сконструировать новый безыгольный инъектор, приспособленный для эксплуатации в суровых зимних условиях.

Для уточнения эффективности производительности труда ветспециалистов при исследовании крупного рогатого скота на туберкулез безыгольным инъектором «Овод» и шприцем с иглой в совхозе «Темирский» Актюбинской области провели исследования по учету затраченного времени при этих операциях. Для введения туберкулина инъектором «Овод» с одновременной обработкой поля инъекции 350 коровам, находящимся на привязи, потребовалось 30 минут. Такую операцию проводил один ветспециалист. На обработку такого же количества животных шприцем с иглой ветврачу с фельдшером и двумя помощниками для фиксации животных потребовался один час. В этом случае производи-

тельность труда с применением инъектора «Овод» была в два раза выше. Кроме того, не потребовалось дополнительной рабочей силы для фиксации животных.

По нашим данным, экономия денежных средств по Казахстану за 1976–1978 гг. от применения безыгольного способа туберкулинизации составила более 400 тысяч рублей (в среднем за год 134 937 рублей), а на один безыгольный инъектор за год – 109 рублей.

Исходя из этого, ветеринарные врачи с мест указывали на необходимость широкого внедрения безыгольного метода туберкулинизации в ветеринарную практику. Однако отзывы их и научных работников о технических качествах безыгольных инъекторов разноречивы и имели большое число конструктивных недостатков у инъектора ИБВ-01 по сравнению с «Оводом». У первого инъектора сложное устройство головки, ненадежен в работе клапан с пружиной, непрочны детали при работе. Инъектор «Овод» более надежен в эксплуатации, имеет преимущества в отношении введения диагностической дозы туберкулина и возможности введения как ППД туберкулина, так и альттуберкулина.

Целью наших исследований было подвергнуть анализу соблюдение условий эксплуатации безыгольных инъекторов ветеринарными специалистами в хозяйствах республики при туберкулинизации крупного рогатого скота, выявить наиболее часто встречаемые технические неполадки и наметить пути их устранения, сконструировать на базе существующих новый безыгольный инъектор, лишенный многих недостатков.

В 1976–1977 гг. Главным управлением ветеринарии МСХ Казахской ССР было получено 2373 инъектора «Овод» и ИБВ-01. На 1978 г. было заявлено 3687 безыгольных инъекторов, в том числе 2140 экземпляров «Овод» и 1547 – ИБВ-01. Инъекторы в основном были распределены в хозяйствах северных областей республики, где отмечено более широкое распространение туберкулеза среди крупного рогатого скота.

Ветслужба Павлодарской области получила 166 инъекторов «Овод» и 30 – ИБВ-01. В 1977 г. в этой области безыгольным способом исследовали 38,6% голов крупного рогатого скота от общего числа проведенных исследований. За первое полугодие 1978 г. количество животных, исследованных этим способом, составило уже 31%. Из всех полученных областью инъекторов «Овод» по различным причинам технически неисправными были 22%, а ИБВ-01 – 22,6%.

Ветслужба Актюбинской области в эти годы получила 148 инъекторов «Овод» и 40 – ИБВ-01. В 1977 г. в области безыгольными инъекторами исследовали 31% крупного рогатого скота от общего числа исследованных животных. За первое полугодие 1978 г. ими исследовано уже 28% скота. Из полученных областью инъекторов по различным причинам были технически неисправны «Овод» – 15%, ИБВ-01 – 25%.

В хозяйствах республики с нашим участием проверено техническое состояние 53 инъекторов, в том числе 31 – «Овод» и 22 – ИБВ-01, непригодных по различным причинам к эксплуатации. При этом установлено, что из 42 технических позиций у инъектора «Овод» неисправности отмечены по 23, то есть в 54,7% случаев.

Количество неисправностей, отмеченных у безыгольных инъекторов «Овод», в процентном отношении можно разбить на три группы.

В первой группе они отмечены от 42 до 57% случаев по семи позициям. В 57% случаев установлены следующие неисправности: выход из строя уплотнительного резинового кольца всасывающей магистрали и завулканизированного резинового клапана. Уплотнительные резиновые кольца сопла вышли из строя в 55% случаев, в 51 – отмечена закупорка двух сеток всасывающей магистрали, в 45 – разгерметизация резиновой пробки флакона туберкулина и в 42% – смещение шарика, играющего роль обратного клапана всасывающей магистрали.

Во второй группе они составили от 16 до 25% случаев по пяти позициям. Выход шариков из отверстий сепаратора и закупорка сопла, формирующего струю, отмечено в 25% случаев. Поломки штока оси – винта, а также корпуса головки установлены в 22% случаев, в 16% – выход из строя часового камня, формирующего струю жидкости.

В третьей группе инъекторы были неисправны в 3–9% случаев по 11 позициям. В 9% случаев отмечены поломки штока, корпуса всасывающей магистрали, отслоение резинового наконечника от завулканизированного клапана, а также засорение всасывающей магистрали. В 6% случаев выходил из строя корпус силовой части инъектора, а также отмечено не вхождение шариков сепаратора в кольцевую канавку. В 3% случаев установлены поломки прижима фиксирующего флакона, силовой пружины, корпуса клапана завулканизированной резины и его пружины, а также прижимного винта.

Из числа неисправных инъекторов «Овод» в 48% случаев не был в употреблении, в 9% – им было исследовано на туберкулез от 250 до 400 животных, в 8% – от 2000 до 3200 и в 31% случаев – от 2000 до 12 000 голов крупного рогатого скота.

Ветеринарные врачи не могли эксплуатировать новые безыгольные инъекторы «Овод» из-за следующих неисправностей: не вхождения шариков сепаратора в кольцевую канавку штока и шарика, играющего роль обратного клапана всасывающей магистрали, а также закупорки последней металлическими включениями. При проверке технического состояния инъекторов ИБВ-01 установлено, что из 35 технических позиций этих инъекторов неисправности отмечены по 17, то есть в 48,5% случаев. Количество неисправностей инъектора ИБВ-01 можно разбить на четыре группы.

В первой группе они отмечены от 72,7 до 90,19% случаев по трем позициям. В 90,19% случаев выходили из строя уплотнительные резиновые кольца штока, в 77,2 – пружина

резинового клапана и в 72,7% деформировался резиновый клапан.

Во второй группе неисправности составили от 40,9 до 54,5% случаев по четырем позициям. Стирание резинового кольца отмечено в 54,5% случаев, поломка хомутика взводного рычага – в 50, резьбы крышки с сопловым отверстием – в 45,4 и стягивающего винта – в 40,9% случаев.

В третьей группе неисправности отмечены от 18,1 до 27% случаев по восьми позициям. Поломка правой втулки, закупорка отверстия сопла и мелкоячеечного фильтра, расположенного до резинового клапана, выход шариков из сепаратора и поломка втулки отмечены в 27,2% случаев. В 18,1% выявлены поломка взводного рычага, силовой пружины, поджимающей шток, и закупорка мелкоячеечного фильтра, расположенного после резинового клапана.

В четвертой группе неисправности отмечены от 4,5 до 9,08% случаев по двум позициям. В 9,08% случаев установлен выход из строя резьбы гайки, поджимающей шарики сепаратора, и в 4,5% – выход из строя уплотнительной резиновой прокладки крышки с сопловым отверстием.

Необходимо отметить, что значительное количество указанных неисправностей не может быть устранено ветеринарными специалистами. Это осложняется недостаточным количеством находящихся в комплекте инъекторов запасных частей.

К значительным недостаткам безыгольного инъектора БИ-7 «Овод» можно причислить и затруднительность применения его в зимний период из-за охлаждения туберкулина во флаконе, размещенном открыто на корпусе инъектора, и замерзание его в магистралях в период работы, а также трудоемкость и неудобство взвода и спуска. Некомпактность конструкции инъектора влечет за собой задевание частью тела при беспокойстве животного, особенно рогом, дозирующего узла с флаконом. Зачастую оператор при взведении устройства задевает сопло ладонью, что может привести при непроизвольном спуске к введению диагностикума в руку

оператора, в результате чего у него может развиться аллергическая реакция. Привод инъектора в работу производится путем нажатия большого пальца руки оператора на спусковую кнопку, что создает неудобство и требует большого усилия, а это, в свою очередь, приводит к тому, что насадка инъектора скользит по коже животного, при этом во время инъекции происходит ее порез, диагностикум не попадает внутрикожно.

По итогам наших исследований был составлен и отправлен на Лебедянский механический завод отзыв-рекламация о работе инъектора БИ-7 «Овод» и в плановом порядке на базе этого инъектора сконструирован новый безыгольный инъектор под условным названием БИ-7 «Овод-Зима». Конструктивное решение этого инъектора Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий от 07.07.1981 за № 843996 было признано изобретением (А.С. Донченко, А.Г. Нестеров, Н.Ш. Мамедов, В.В. Майер).

Испытание этого инъектора показало, что он лишен ряда конструктивных недостатков безыгольного инъектора БИ-7 «Овод», особенно удобен в применении и использовании в зимние месяцы. Главным управлением ветеринарии МСХ СССР было положительно оценено достоинство разработанного безыгольного инъектора, и он рекомендован Главному управлению зооветеринарного снабжения и промышленности «Союзглавзооветснабпром» для выпуска на Лебедянском инструментальном заводе. На ВДНХ СССР экспонат безыгольного инъектора «Овод-Зима» был в 1986 г. удостоен бронзовой медали.

В дальнейшем после моего отъезда в Новосибирск Н.Ж. Жанузанов и Н.Ш. Мамедов сконструировали еще один автоматический безыгольный инъектор для введения в организм животных лекарственных растворов. Новизна его была удостоверена патентом (№ 837).

Сегодня ветеринарные специалисты в исследованиях животных на туберкулез не обходятся без использования с

этой целью безыгольных инъекторов. В настоящее время имеется несколько марок таких ветприборов. Я с удовлетворением вспоминаю будни в КазНИВИ, когда наша группа исследователей с упоением занималась приведенными выше исследованиями. Хотя они и не были фундаментального характера, но внесли ряд качественных технических, экономических и функциональных дополнений в процесс окончательной технической доработки этих ветаппаратов и необходимости использования их в тяжелом труде ветеринарного специалиста.

В отношении создания эффективного прибора – кутиметра – для измерения утолщения кожной складки при туберкулинизации животных мы потерпели фиаско. Не было в то время ясной технической мысли в отношении конструирования такого прибора. Впоследствии, работая уже в ИЭВСиДВ, я не прекращал исследования в этом направлении. С коллегами Е.В. Козеевым, Я.В. Плотниковым, Е.А. Козеевым, Н.А. Донченко сконструировали такой ветеринарный аппарат под названием кутиметр. Его новизна была подтверждена патентом на полезную модель (№ 3284, 2003 г.). До настоящего времени кутиметр с успехом реализуется и используется ветеринарной практикой для оценки показания внутрикожной туберкулиновой пробы при туберкулезе крупного рогатого скота. Привлекателен он для использования в ветеринарии тем, что цифровые показания утолщения складки высвечиваются на электрическом табло, что очень важно при исследовании животных в затемненных условиях скотопомещений.

Большую часть жизни, если исключить временные затраты на сон, ты находишься в стенах института, то есть на работе. Естественно, общаешься не только с руководством института, но и с научными сотрудниками. Чаще всего причиной такой взаимосвязи служат или общие научные интересы, или общие кланово-оппозиционные защитные рубежи от наступающих на тебя старших по науке коллег, или спортивные интересы.

Обычно в первую группу таких сотрудников входили ученые, понимающие тебя, твои заботы, неурядицы, научные задумки. Таких нас в институте было немного, но мы сосуществовали согласно афоризму Плавта «Всем умным людям следует находиться во взаимном обращении». Каждый из нас старался в общении перенять то хорошее, ценное, умное, что имеется у твоего коллеги, и попытаться использовать все это в своей научной работе. Я уже ранее говорил о таких коллегах, которые тесно работали со мной в одном научном направлении. Это В.Н. Лапыко, В.С. Золотов, В.Г. Зуев, А.С. Жумашев, Э.А. Шарифиллин, А.С. Тажибаев. Кроме них, тесно общался, даже можно сказать, дружил, с Н.П. Ивановым, научным сотрудником лаборатории бруцеллеза сельскохозяйственных животных, незаурядным человеком, влюбленным в свою конкретную научную тему – изучение бруцеллеза. С Николаем Петровичем мы практически одного возраста, он родился 21 июля, я 25 июня, в один и тот же год – 1939. Он, как и я, с отличием окончил АЗВИ. Но его жизнь с институтской скамьи тесно связана с КазНИВИ, где он прошел все научные ступени, вплоть до заместителя директора института по научной работе. В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в 1988 г. – докторскую, стал профессором, членом-корреспондентом КазАСХН (ныне НИН КР), в 2003 г. – академиком НИН РК. В наше время он уже проявил себя очень перспективным ученым в области разработки средств диагностики и специфической профилактики бруцеллеза сельскохозяйственных животных. Я часто консультировался с ним по этим проблемам, так как, бывая в командировках по своим проблемам (туберкулез сельхозживотных), приходилось отвечать на вопросы ветспециалистов по проблеме бруцеллеза. Не хотелось в этих случаях показывать себя ученым, не знающим другие направления науки.

Впоследствии Николай Петрович стал ведущим специалистом в области бруцеллеза сельскохозяйственных живот-

ных не только в Казахстане, но и в СССР. Я видел, как к нему прислушивались по этим вопросам другие корифеи науки. Самые лучшие отзывы о нем как о фундаментальном специалисте-иммунологе я слышал от И.А. Косилова. Игорь Алексеевич всегда говорил при обсуждении каких-то специальных вопросов: «А что по этому вопросу думает или где-то писал Н.П. Иванов?». Эта высшая оценка научного статуса Н.П. Иванова. Николай Петрович в быту был своеобразен, очень любил шутить, но шутки его не всегда воспринимались объективно. В результате он часто приобретал из ничего если не врага, то стойкого оппонента. Я ему не раз об этом напоминал, но такая привычка, видимо, была у него на генном уровне. Николай Петрович был прекрасным семьянином, однолюбом. Потеря жены сильно ударила по его здоровью. Нам, его друзьям, было больно смотреть на его внутренние, может быть, только нам понятные, переживания.

Работая в Гурьеве и Сибири, я с большой радостью встречался с Николаем Петровичем. В первую очередь всегда мы обсуждали научные вопросы, а во вторую – житейские. Он и сейчас является большим оптимистом, никогда не жалуется. Сейчас реже, но все-таки проскальзывают у него различные шуточки.

Вторым близким мне человеком в ту пору был Л.М. Ходун. Леонид Михайлович (тоже мой одногодок) был влюблен в истину научного поиска, был перспективным биохимиком. Нас с ним в то время сблизило активное наступление Д.Д. Новака на наши научные позиции, который почему-то всегда выступал против нас на любых совещаниях, отчетах. Леонид Михайлович окончил Львовский ветеринарный институт, работал главным ветеринарным врачом совхоза, ветврачом, старшим ветврачом районного ветеринарного управления, младшим научным сотрудником лаборатории биохимии КазНИВИ. В это время он активно изыскивал методы серологической (прижизненной) диагностики туберкулеза

крупного рогатого скота. В то время это было новое перспективное научное направление. В нашем институте этими исследованиями занимались, как я указывал ранее, В.С. Золотов и Э.А. Шарифиллин в лаборатории туберкулеза, которой руководил в это время Д.Д. Новак. Шло негласное научное соревнование касательно этой тематики. Поэтому, естественно, и было определенное давление на Л.М. Ходуна, выполняющего параллельно аналогичную научную работу в лаборатории, руководимой Д.Д. Новаком. А у Дмитрия Доргудиновича всегда был свой личный лозунг: если это не наше (то есть научная тема не его лаборатории), то она никуда не годится. Так как я и Леонид Михайлович выполняли научные темы по туберкулезу сельскохозяйственных животных, но сами не были в штате его лаборатории, естественно, наша работа подвергалась обструкции Д.Д. Новаком. Нам ничего не оставалось делать, как объединиться и вместе отбиваться от его наскоков. Это было не так тяжело, так как Новак не пользовался личным авторитетом не только среди заведующих лабораториями института, но даже среди сотрудников своей лаборатории. В некоторых случаях мы даже наступали на Д.Д. Новака. Был такой случай. Намечался научный отчет лаборатории туберкулеза животных. Одним из рецензентов части научной тематики был Б.И. Софиев. Он был недостаточно компетентен в нюансах выполняемой работы. Пользуясь хорошими отношениями, он попросил меня глубоко подвергнуть рецензии представленные ему на отзыв научные материалы так, чтобы это было известно только нам двоим. Мне пришлось изрядно потрудиться, глубоко вникнуть в представленные научные материалы и представить развернутую рецензию с критическими замечаниями Б.И. Софиеву.

На расширенном заседании ученого совета Борис Ибрагимович, как говорят, не оставил «камня на камне» на рецензируемой работе лаборатории туберкулеза сельскохозяйственных животных, к моим замечаниям добавив целый ряд своих. Это вызвало большой отрицательный резонанс уче-

ного совета института. Д.Д. Новак, конечно, сорвался, в не установленных между учеными отношениями резко стал возражать официальному оппоненту. Дмитрию Доргудиновичу было сделано большое количество обоснованных замечаний по выполняемой научной теме, в том числе по некорректному поведению в отношении рецензента. Он был очень взвинчен, такой обструкции он не имел, видимо, давно в своей научной деятельности.

На следующий день меня остановил заведующий лабораторией болезней овец В.С. Анисимов и с хитрецой спросил: «Скажи, Александр, честно скажи, это ты подготовил Бориса Ибрагимовича, который разложил по косточкам рецензируемую научную работу?». Естественно, я ему не признался в моих небольших грехах, но он был уверен в своей правоте. В целом спесь с Д.Д. Новака была сбита. Он в дальнейшем стал с оглядкой строить свои взаимоотношения в научном коллективе.

Наступило время выехать в командировку в Актюбинскую область для участия в совещании, как было ранее согласовано с первым секретарем обкома КП Казахской ССР В.А. Ливенцовым. На совещании в зале обкома КП Казахской ССР собрались советско-партийное руководство области вплоть до районных звеньев, руководители сельхозорганов и ветеринарных служб. В зале присутствовали не менее 400 человек. Мы с Николаем Владимировичем сидели в президиуме. Первым выступил Василий Андреевич. Он в деталях, с глубоким знанием дела охарактеризовал сложившуюся социально-экономическую ситуацию в области, особенно в сельском хозяйстве. Была и критика в адрес руководителей всех категорий, и выводы по сложившейся ситуации, а также предложения по ее улучшению. Говорил Василий Андреевич грамотно, с хорошей дикцией, выкладывал на обсуждение многие факты, и выступал без написанного текста. Я сверху из-за стола президиума заглянул через плечо Василия Андреевича и увидел у него в руках толстенную пачку таблиц. Он,

когда выступал, иногда заглядывал в эти таблицы. Вот и вся вспомогательная мудрость, способствовавшая удачному выступлению.

Далее выступил я, охарактеризовал ситуацию по туберкулезу в области, сделал ряд предложений по необходимым мерам проведения оздоровительных противотуберкулезных мероприятий, оттенил вопросы убоя больного скота, пастеризации молока, необходимости санитарного ремонта животноводческих помещений. После меня с аналогичным докладом выступил по проблеме бруцеллеза сельскохозяйственных животных мой коллега Николай Владимирович.

После этого В.А. Ливенцов начал задавать вопросы в отношении эпизоотического состояния животноводства по туберкулезу и бруцеллезу секретарям райкомов. Здесь был полный конфуз партработников районного звена. Практически они показали незнание состояния производственных дел на своей территории. Быстро сориентировавшись, они пытались подключить к диалогу ветеринарных врачей. Но Василий Андреевич резко их обрывал, говоря, что на его вопросы должны отвечать сами партийные руководители районов. Конструктивного разговора не получилось. В конце совещания Ливенцов сказал: «Дорогие коллеги, через месяц мы соберемся опять, если вы не будете владеть в полной мере вопросами эпизоотической ситуации сельхозживотных по этим двум зоонозам, бюро обкома партии будет по каждой персоне делать надлежащие выводы». Это был ощутимый удар по партийному районному звену, но для ветеринарной службы совещание стало переломным моментом в деле освоения необходимых мероприятий по профилактике и борьбе с этими двумя зоонозами.

Через месяц было второе подобное совещание, только в усеченном составе, подобно областному партактиву. Здесь уже партийные руководители районов осознанно освещали состояние дел по зоонозным инфекциям, предлагали планы

оздоровительных мероприятий, ставили перед областным руководством встречные задачи – дополнительное финансирование на проводимые ветмероприятия, закупку здорового скота для замены поголовья скомпрометированного по туберкулезу и др.

После совещания В.А. Ливенцов наметил посетить ряд неблагополучных по туберкулезу крупного рогатого скота хозяйств, пригласив меня для этих целей. Рано утром мы втроем: В.А. Ливенцов, начальник областного управления сельского хозяйства Юрман и я – сели в машину «Волга» и поехали, к моему удивлению, в сторону города Темир, где я в 1965–1966 гг. работал преподавателем в сельхозтехникуме. Февраль, погода «мерзопакостная», температура воздуха не менее минус 30 градусов, кругом снег. Правда, дороги очищены, едем неплохо. Прошло около двух часов, в кабине чувствуется низкая температура. Ее прелесть в первую очередь ощутил я, так как одежда моя была не по сезону. Юрман, очень культурный, уважительный и умный специалист, сидя за спиной Василия Андреевича и переговариваясь с ним, часто оглядывался в мою сторону, вовлекая в их разговор. Потом вытащил объемистую котомку, из которой извлек бутылку водки, три граненых стакана и, подмигивая мне, налил почти полный стакан. Обращаясь к Ливенцову, сказал: «Василий Андреевич, Александр Семенович скоро дубу даст, надо поднять ему внутреннюю температуру». Подает ему стакан водки. Василий Андреевич берет этот стакан и через плечо строго говорит: «Ты что мне так много налил, да еще на ходу, да в такую холодную погоду». Юрман напрягся, и что-то неразборчиво пробормотал в ответ. Василий Андреевич с хитрецой посмотрел на нас и со словами: «С удовольствием», – опрокинул стакан водочки. Мы с радостью повторили этот прием, немного закусили. На душе стало хорошо, тепло, пошли более активные разговоры. Посетив два неблагополучных по туберкулезу хозяйства, отметив недостатки в организации оздоровительных мероприя-

тий, выехали в Темир. Сердце у меня учащенно билось: я еду в Темир, Актюбинский сельхозтехникум, где около десяти лет тому назад после окончания института работал преподавателем ветеринарных дисциплин и в средней школе учителем химии.

Нас, вернее, В.А. Ливенцова, встретило большое количество народа. Он приветливо со всеми здоровался, из числа присутствующих многих знал в лицо, общался с ними по имени и отчеству. К моему удивлению, ко мне с распростертыми объятиями подошли несколько преподавателей техникума, которых я знал по нашей совместной работе. Мне было очень приятно, на морозе, видимо, у меня появились слезы на щеках. Василий Андреевич приятно удивился и в присутствии большого количества встречающих нас людей сказал: «Да, ты, Александр Семенович, вообще наш актюбинский человек». Из толпы послышалось несколько громких хлопков.

Мы ознакомились с техникумом, осмотрели построенное уже после моего переезда в Алма-Ату новое учебное здание. Все это радовало В.А. Ливенцова, у него было хорошее, приподнятое настроение.

После наших конструктивных встреч с руководством области мы вместе с ветеринарной службой области начали разрабатывать и проводить конкретные специальные мероприятия по ликвидации туберкулеза и бруцеллеза в неблагополучных пунктах. По области было подготовлено решение исполкома областного совета депутатов трудящихся «О дополнительных мерах по профилактике и ликвидации туберкулеза сельскохозяйственных животных». В решении было обращено особое внимание на организацию изолированного выращивания ремонтных телок, а также на санитарное состояние животноводческих ферм, оборудование санпропускников и меры по контролю хода оздоровления хозяйств от туберкулеза и бруцеллеза.

В развитие решения облисполкома был издан приказ по областному Управлению сельского хозяйства, приняты по-

становления районных исполнительных комитетов, в которых были сконцентрированы основные вопросы профилактики и ликвидации этих инфекций среди стад крупного рогатого скота.

Помимо указанных мероприятий, дополнительно были включены следующие меры: режимная пастеризация молока и обрата в хозяйствах и на молочных заводах; исследование коров, невзирая на период беременности; при оценке внутрикожных реакций сомнительно реагирующих животных подвергать убою; при прохождении контрольных исследований в случае появления в гуртах реагирующих животных (1–2%) подвергать их диагностическому убою; в случае исключения туберкулеза (вскрытием и лабораторным исследованием) туберкулиновые реакции считать отрицательными. В этом случае появлялась возможность снятия ограничения по туберкулезу хозяйств даже при наличии реагирующих на туберкулин животных. Кроме этого, на фермах, где туберкулез имел длительное течение и заболеваемость его превышала 15% от среднегодового поголовья на ферме, оздоровление последних проводили путем замены больного скота здоровым. При этом здоровый скот завозили из длительно благополучных (4–5 лет) по туберкулезу хозяйств. В неблагополучном по туберкулезу хозяйстве гуртам животных присваивали постоянные номера, а не учитывали их по фамилиям гуртоправов. Животных поили из артезианских скважин, молоко от реагирующих коров после кипячения использовали внутри хозяйства или изготавливали из него топленое масло, телят выращивали изолированно, до 7–9 дней выпаивали молозивом, в дальнейшем – пастеризованное молоко и обрат, или ЗЦМ.

При оздоровлении хозяйств в области уже в то время мы стали использовать систему снятия ограничений при наличии положительно и сомнительно реагирующих на туберкулин животных в период прохождения контрольных диагностических исследований. Мне пришлось настойчиво убеж-

дать ветеринарное руководство области ввести этот прием в технологию снятия карантинных мероприятий при оздоровлении хозяйств от туберкулеза. Эта система через многие годы была все же включена в правила борьбы с туберкулезом в нашей стране.

В частности, касательно применения такой технологии, хочу привести один пример. В совхозе «Хлебодаровский» Актюбинского района поголовье животных в декабре 1976 г. и январе 1977 г. при двух контрольных исследованиях не реагировало на внутрикожную туберкулиновую пробу. Животные были поставлены на первый трехмесячный контроль. Через три месяца они не реагировали на туберкулиновую пробу. В октябре 1977 г. при втором контрольном исследовании 993 коров у 4 (0,4%) животных были отмечены положительные туберкулиновые реакции. На вскрытии этих животных туберкулез был исключен, а в дальнейшем его не подтвердили и лабораторными исследованиями, взятого от них биоматериала. На основании этого с хозяйства решением Актюбинского райисполкома № 501 от 27 декабря 1977 г. были сняты ограничения по туберкулезу. Такую ответственность при снятии карантина с неблагополучных по туберкулезу ферм и хозяйств не каждая ветеринарная служба могла в те времена взять на себя. Это, как я считаю, было профессиональным подвигом. Мне пришлось активно участвовать в проведении противотуберкулезных мероприятий в Актюбинской области до 1979 г., до моего отъезда в Новосибирскую область. После меня кураторство области по этой инфекции было возложено на А.С. Жумашева, кстати, бывшего жителя этой области.

Необходимо отметить, что с 1976 по 1981 г. в Актюбинской области в результате активного проведения противотуберкулезных мероприятий резко снизилось заболевание туберкулезом молодняка. Так, если в 1976 г. в области реагировали на туберкулиновую пробу 8,2 тысячи телят, в 1977 г. – 11,8, то в 1978 г.– 10,7, в 1979 г. – 6,7, в 1980 г. – 5,9 и в

1981 г. – 2,4 тысячи. Заболеваемость телят туберкулезом уменьшилась в 3,4 раза, в хозяйствах Актюбинского района – в 9,8 (от 1043 до 106 гол.), Ленинского – в 20,5 (от 1027 до 50 голов), Мартукского – в 3,9 (от 2792 до 700 голов) и Октябрьского – в 38,9 (от 1284 до 33 гол.) раза.

В результате проведения специальных ветеринарных, а также организационно-хозяйственных мероприятий в области с 1976 по 1981 г. были оздоровлены от туберкулеза стада крупного рогатого скота 27 хозяйств. Экономический эффект, по нашим подсчетам, составил 10,6 миллиона рублей.

Помимо этого, внедрение всего комплекса противотуберкулезных мероприятий позволило сократить количество реагирующих на туберкулин животных от 26,2 тысячи голов в 1977 г. до 7 тысяч в 1981 г. (в 3,7 раза), заболеваемость – от 6,6 до 1,3% (в 5 раз). Организация и участие в оздоровительных противотуберкулезных мероприятиях в Гурьевской и Актюбинской областях лично мне в профессиональном плане дало очень многое. Я набрался опыта общения с руководителями советско-партийных органов, ветеринарных служб областей, районов, а также совхозов и колхозов. Апробировал на практике ряд новшеств, разработанных с моим участием в системе мер борьбы с туберкулезом, освоил, как говорят, с закрытыми глазами, схему полного вскрытия животных, изучил расположение поверхностных и органных лимфатических узлов, лабораторную диагностику туберкулеза. В общем, я чувствовал себя подготовленным научным и практическим ветеринарным специалистом. С некоторым почтением в этом плане ко мне относились подобные мне научные сотрудники. В научном плане до 1979 г. на момент отъезда в Новосибирск мною с соавторами было опубликовано 42 научные статьи, в том числе, где я был одним автором, – 17. Остальные научные статьи были опубликованы в соавторстве с В.Н. Лапыко (1), М. Кибасовым (7), Е.А. Фаткеевой (3), В.Н. Донченко (12), Ш. Кинжеевым (2), Н.М. Львовым (1), Я.А. Благодарным (1), Н.Ш. Мамедовым (2), В.В. Майером (3), О.В. Якушевой (1).

Моим основным помощником в выполнении камеральных научных исследований в первую очередь была супруга Валерия Николаевна. Она содержала наш дом, воспитывала детей и плодотворно работала в качестве заведующей лабораторией биохимии. Практически все электрофоретические исследования белкового состава крови верблюдов она проводила лично, в этом ей помогала лаборант Жумазия Нурмаганбетовна Есимова, впоследствии ставшая кандидатом ветеринарных наук.

Существенное влияние на мое научное специальное мировоззрение во многом оказал Яков Абрамович Благодарный, доктор медицинских наук, профессор, заведующий лабораторией эпидемиологии туберкулеза Казахского института туберкулеза. Он был значительно старше меня, родился в 1925 г., но как ученый, как личность всегда общался со мной практически на равных. Первоначально его научная деятельность не была связана с туберкулезом людей. Он в 1955 г., когда я еще учился в 10-м классе, защитил кандидатскую диссертацию «Укусы каракурта (распространение, динамика, лечение)». В дальнейшем он стал одним из ведущих эпидемиологов Казахстана в области туберкулеза, глубокие исследования провел по диагностике, профилактике и лечению этого заболевания у людей. Особенно мне были близки его научные исследования в области взаимосвязи туберкулеза человека и животных. Он впервые во весь научный голос говорил об эпидемиологическом значении бычьего вида микобактерий. Исследования сотрудников его лаборатории показали в то время значительное выделение от крупного рогатого скота возбудителя туберкулеза бычьего вида и персистирование его в организме человека.

Мне всегда казалось, что Я.А. Благодарный должен быть в числе академиков Российской академии медицинских наук СССР. Его обширные научные исследования в области эпидемиологии туберкулеза, большое число подготовленных им специалистов высшего научного звена

(И.М. Блехман, К.К. Сергазин, С.Г. Сулейманов, С. Басыбеков и многие другие) – все это свидетельствовало об его громадном научном потенциале. Видимо, внутренняя неудовлетворенность своим научным положением сыграла основную роль в том, что он с семьей в расцвете своего научного творчества эмигрировал в США. Нам всем в научном и личном плане его часто не хватало. Последний раз я его встретил на курорте в Минводах, где мы в течение нескольких минут обмолвились о взаимном уважении, обнялись и в силу курортных обстоятельств разошлись в разные стороны. Приехав в Алма-Ату, я узнал, что Яков Абрамович решил уехать за рубеж.

Очень полезным помощником в выполнении научных исследований был и Мади Кибасов. Живой, схватывающий нюансы научных проблем с первого взгляда, он внес свой помол в выполнение исследований в области эпизоотологии туберкулеза животных, особенно верблюдов. Он был одним из основных моих коллег в проведении оздоровительных противотуберкулезных мероприятий в Гурьевской области. Очень ценную научную работу мы провели с Ольгой Васильевной Якушевой по вопросу восприимчивости овец к различным видам возбудителей туберкулеза. Результаты ее очень мне помогли в споре с Д.Д. Новаком о восприимчивости овец к возбудителю туберкулеза птиц. Авторитет как патологоанатома Ольги Васильевны в этом вопросе был непоколебимым, поэтому я был на высоте сути этого научного поиска.

Кстати, меня как уже признанного специалиста в области эпизоотологии туберкулеза посылали в командировки по выяснению причин реагирования сельскохозяйственных животных и в другие области Казахстана – Алма-Атинскую, Кокчетавскую, Павлодарскую. Наиболее запоминающаяся командировка состоялась в Северо-Казахстанскую область. Директор института И.Ф. Задорожный пригласил меня к себе в кабинет и попросил возглавить комиссию по проверке снятия опыта по изучению протективных свойств вакцинного штамма и

«БК-Харьков», испытываемом в Северо-Казахстанской области под руководством Д.Д. Новака и начальника ветотдела облсельхозуправления В.М. Баранникова. Я стал отказываться, ссылаясь на не особенно хорошее отношение между Д.Д. Новаком и мною. Иван Федорович как бывший руководитель областной ветслужбы, посмотрев в мою сторону исподлобья, сказал: «Александр Семенович, это не является преградой вашего участия во главе комиссии по проверке очень значимого для нас научного опыта». Ничего не оставалось делать, как взять по козырек: «Хорошо, я вас понял, выполню ваше поручение». По институту был издан приказ, и комиссия выехала в Петропавловск.

Чем вызвана постановка большого опыта по изучению использования противотуберкулезного вакцинного штамма «БК-Харьков» в специфической профилактике туберкулеза у сельскохозяйственных животных? Немного истории. В эти же годы ученые (Х.Г. Гизатуллин, М.А. Сафин, Б.Я. Хайкин и другие) начали активно апробировать в ветеринарии для этих целей вакцину БЦЖ. Эта вакцина была сконструирована французскими учеными Леоном Шарло Альберт Кальметтом (1863–1933 гг.) и Жаном-Мари Камилл Гереном (1872–1961 гг.). Они 13 лет проводили многократные исследовательские пассажи (230 пассажей) вирулентного штамма микобактерий бычьего вида на среде с глицериновым картофелем и бычьей желчью и в 1919 г. добились стойкого изменения используемых микроорганизмов, получили вакцинный штамм, обладающий специфичностью, аллергенностью, иммуногенностью и стойкой авирулентностью. Убедившись в его безвредности на животных в эксперименте, они вместе с педиатром Вайль-Алле в 1921 г. впервые применили его новорожденному ребенку, находящемуся в контакте с бацилярным больным. Туберкулезная мать ребенка умерла при родах, оставив ребенка на руках туберкулезной же бабушки. Ребенок хорошо перенес вакцинацию и остался здоровым в течение 5,5 лет (срок наблюдения). В даль-

нейшем вакцину БЦЖ (BCG–Bacillus Calmett–Guerin) начали применять для специфической профилактики туберкулеза у людей, в том числе и в нашей стране.

Опыты использования этой вакцины с такой же целью на крупном рогатом скоте (кроме клеточных животных) не дали обнадеживающих результатов. В дальнейшем в своих научных изысканиях я тоже пришел к такому же выводу. Поэтому, зная не особенно обнадеживающие результаты использования вакцины БЦЖ в ветеринарии, Д.Д. Новак, который всегда следил за новшествами в научных изданиях, нашел в них сведения о проводимых исследованиях украинских ученых (Г.П. Черкас, С.Г. Кандыба, И.Л. Диких), где описывались опыты по изысканию нового вакцинного штамма, как они его назвали, «БК-Харьков» № 841, вариант штамма *Vallee* типа *Bovis*. В статьях они привели научные данные о высокой эффективности этого вакцинного штамма в специфической профилактике туберкулеза у крупного рогатого скота, привели обнадеживающие показатели по специфической безвредности, слабой аллергенности, биологической нивелированности остаточной вирулентности и ограничения во времени персестирования вакцинных клеток в организме телят. Впоследствии на этот вакцинный штамм авторами было получено свидетельство на изобретение (1979 г.).

Видимо, взвесив все за и против, Д.Д. Новак, прежде чем предложить для ветеринарной практики штамм «БК-Харьков», в качестве вакцины решил провести дополнительные научные опыты по изучению его протективных (иммуногенных) свойств. К этому опыту он привлек начальника областного ветеринарного отдела В.М. Баранникова с таким условием, что эти исследования будут основой его кандидатской диссертации. Все это поддавалось логике, в том числе личным интересам В.М. Баранникова.

Нашу комиссию хорошо приняли в Петропавловске, разместили в небольшом доме типа гостиницы. При озна-

комлении с первичными документами у меня и моих коллег сложилось общее представление о методологии опыта. В опыт были взяты по десять бычков, которые составили три группы. Одна группа животных была контрольная (здоровые животные). Вторая группа объединяла животных, привитых вакцинным штаммом «БК-Харьков», третья – вакциной БЦЖ. Впоследствии, после наступления иммунитета, как считали исследователи, последние две группы животных заразили ранее оттитрованном на телятах возбудителем туберкулеза бычьего вида. Нас пригласили на снятие опыта, то есть на готовые результаты, которые бы показали протективную эффективность вакцинного штамма «БК-Харьков», в том числе в сравнении таковой у животных, привитых вакциной БЦЖ.

В общем, я не буду приводить опытные данные по каждому животному или группам животных. Остановлюсь на сравнительных показателях двух последних групп животных. Исследования показали, что протективные свойства вакцинного штамма «БК-Харьков» были несколько хуже, чем вакцины БЦЖ. Когда нам всем было уже все ясно, осталось одно животное, привитое вакцинным штаммом «БК-Харьков», которое еще не вскрывали. Если бы у этого животного не обнаружили туберкулезные поражения во внутренних органах, то вакцинный штамм «БК-Харьков» не уступал бы по протективным свойствам вакцине БЦЖ. Все вначале шло хорошо, на вскрытии не были обнаружены туберкулезные изменения в лимфатических узлах, легких, печени, почках, и Д.Д. Новак уже поднял руки кверху и сказал: «Ну, вот наш вакцинный штамм не уступает вакцине БЦЖ по протективным свойствам». Он так эмоционально это говорил, что мы все невольно повернулись к нему. Меня почему-то привлекли его широко расставленные ноги. Взгляд остановился на его ноге, из-под которой выглядывала селезенка убитого последнего животного. Попросили Д.Д. Новака перейти на другое место. Я и вся наша комиссия увидели такую картину: из-под его большого

резинового сапога показалась селезенка, на которой отчетливо вырисовывались туберкулезные очаги. Всем нам стало как-то не по себе, здесь я еще раз увидел во всей красе Д.Д. Новака. Пришлось мне все это свести к шутке. На этом и закончилась наша комиссионная проверка «великого» опыта, заложенного лабораторией туберкулеза КазНИВИ.

Акт комиссионной проверки опытнического дела Д.Д. Новака мы передали директору. Что было дальше, мне неизвестно, так как я поменял место своей работы. Одно знаю, что вакцинный штамм «БК-Харьков» в Казахстане не нашел применения. Правда, позже была защищена диссертация Марата Базарбаева «Оптимизация условий культивирования вакцинных штаммов микобактерий и изготовление вакцин против туберкулеза животных». В диссертации наряду с вакцинным штаммом БЦЖ в сравнительном аспекте диссертант использовал и вакцинный штамм «БК-Харьков», изучая и сопоставляя их при культивировании на различных питательных средах.

Марат Базарбаев привез мне свою диссертацию в Новосибирск с целью защиты на диссертационном совете в ИЭВСиДВ, где в то время я работал заведующим лабораторией туберкулеза. Посмотрев его работу, зная, что научным руководителем диссертации является Д.Д. Новак, я сказал: «Марат, работа неплохая, но у меня есть серьезные замечания. Давай договоримся: я не буду нигде выступать против результатов твоих исследований, но у нас твоя работа не пройдет». Марат, видимо, обиделся, но поступил мудро, уехал и успешно защитил свою работу в другом диссертационном совете. Мои крайне отрицательные воспоминания о нашей комиссионной работе в Петропавловске с Д.Д. Новаком на всю жизнь оставили у меня негативный след, и я не хотел свои нехорошие флюиды переносить на его учеников.

К нам в КазНИВИ к Н.П. Иванову зачастил с дружеским визитом его коллега из Новосибирска заведующий лаборато-

рией бруцеллеза сельскохозяйственных животных И.А. Косилов. Я был в приятельских отношениях с Н.П. Ивановым, поэтому мне посчастливилось (видимо, это судьба) в неформальной обстановке пообщаться с Игорем Андреевичем. Мы друг другу понравились, нашли общие интересы, много переговорили по специальным ветеринарным вопросам. Вероятно, ему стала понятна моя неудовлетворенность положением в институте. Он словно бы мимоходом спросил у меня: «Саша, ты не хочешь переехать к нам в Россию, в наш институт? У нас в настоящее время есть свободное место заведующего лабораторией туберкулеза животных». Я также полушутя-полусерьезно ответил ему положительно. Прошло некоторое время, и на мое имя пришло письмо от директора ИЭВСиДВ СО ВАСХНИЛ академика А.А. Свиридова, в котором он приглашал меня переехать на работу в его институт. Я вначале воспринял это письмо недостаточно серьезно, поэтому ничего не говорил об этом супруге Валерии Николаевне. Потом мы поговорили, несколько дней мусолили этот вопрос и решили: надо мне съездить в Новосибирск и на месте определиться по поводу переезда на другое место жительства, а точнее, на новую работу. После сообщения о своем намерении посетить ИЭВСиДВ СО ВАСХНИЛ на мое имя пришло приглашение провести семинар с научными сотрудниками института и практическими ветеринарными врачами Новосибирской области по вопросу использования безыгольного метода диагностики туберкулеза крупного рогатого скота. Ничего не подозревая, наш директор И.Ф. Задорожный дал мне положительную отмашку, тем более оплату командировочных расходов гарантировала вызывающая сторона, и я приготовился к отъезду. Узнав о моей поездке, ко мне зашел Л.М. Ходун и попросил меня взять его с собой в командировку, сказав, что поедет за свой счет. Так мы и сделали. Леонид Михайлович взял без содержания неделю, и мы полетели самолетом в Новосибирск. В аэропорту нас встретила директорская «Волга», за рулем которой был директорский шофер А.Н. Рыжиков. Анатолий Никитич сразу нам

сообщил, что едем в институт, там уже собрались научные сотрудники, которые хотят с нами познакомиться.

Мы прямо с самолета были представлены расширенному ученому совету института. Открыл ученый совет академик ВАСХНИЛ директор института А.А. Свиридов. Он представил нас присутствующим научным сотрудникам. Алексей Александрович сказал: «После отъезда в Москву заведующего лабораторией туберкулеза Юдина у нас уже длительное время вакантна его ставка. Я обратился к куратору программы нашей страны по проблеме туберкулеза сельскохозяйственных животных профессору В.Е. Щуревскому с просьбой подобрать нам хорошего специалиста по туберкулезу». Виктор Евтихиевич сказал мне: «Есть хороший специалист в Казахстане – Донченко Александр Семенович, однако имейте в виду: он непростой, сложный человек, но хорошо разбирается в этой проблеме и умеет продуктивно работать. Я письменно сделал предложение Александру Семеновичу»,– сказал Алексей Александрович, – «и вот он со своим коллегой Леонидом Михайловичем Ходуном находятся у нас». Затем добавил: «Давайте заслушаем приехавших ученых и примем решение о возможности на конкурсной основе принять их в наш научный коллектив».

Ничего не оставалось делать, как собраться и рассказать солидному научному коллективу института о себе, своем пути в ветеринарной науке и видимых мною дальнейших перспективах в своей научной деятельности. Такое же сообщение сделал и Леонид Михайлович. Мне пришлось объяснить его присутствие, сказав, что мне как будущему заведующему лабораторией туберкулеза очень важен научный сотрудник, который имеет ряд разработок по прижизненной диагностике туберкулеза. Это направление в настоящее время новое и перспективное. Он мне очень необходим в этом плане. Нам были заданы вопросы, я думаю, ученые института приняли нас хорошо, особенно пламенно выступил за наш переезд в Новосибирск И.А. Косилов, хорошо охарактеризовал меня, как он сказал, «из уст научных сотрудников КазНИВИ».

После совещания нас принял А.А. Свиридов. Окончательно отточковали все вопросы переезда, передали ему необходимые документы для прохождения конкурса. Он вызвал заместителя по общим вопросам В.М. Головатенко и сказал: «Василий Михайлович, съезди с Александром Семеновичем, покажи ему квартиру, которую мы зарезервировали для будущего заведующего лабораторией туберкулеза». В.М. Головатенко показал мою будущую трехкомнатную квартиру в научном городке Краснообск. Я был удовлетворен, передал свое удовлетворение жильем А.А. Свиридову. Вечером условились, что выборы будут проходить без нашего присутствия, и мы с Леонидом Михайловичем улетели в Алма-Ату.

Между собой с Леонидом Михайловичем договорились, что возврата назад не будет, будем ждать результатов конкурса, где я должен быть заведующим лабораторией туберкулеза, а он старшим научным сотрудником.

Мои домашние после моего рассказа о результатах поездки в Новосибирск согласились на наш переезд в другую республику, а точнее – Россию. Это тоже была эмоциональная проблема для меня, хотя в то время таких ограничений в смене гражданского подданства не было. На всей территории обширной страны действовали паспорта, выданные в других республиках нашей страны без всяких ограничений.

В КазНИВИ, пока еще моем родном институте, шла обычная будничная научная работа. Я стал потихоньку подбивать, как говорят, «бабки» – свои научные и научно-производственные документы, снял необходимые для дальнейшей работы копии с отчетов, рабочих журналов, все это делал в строжайшей тайне. В наших конкурсных делах не было научно-производственных характеристик, о чем я в свое время сказал А.А. Свиридову. Он меня заверил, что понимает нашу ситуацию: «Будем проводить конкурс без ваших научно-производственных характеристик», – сказал он. Правда, позже их все же дирекция КазНИВИ переслала в мой новый институт.

В марте 1979 г. на имя директора КазНИВИ И.Ф. Задорожного пришла телеграмма из ИЭВСиДВ СО ВАСХНИЛ о том, что мы с Леонидом Михайловичем прошли по конкурсу в этот институт и нас ждут на работе. Для Ивана Федоровича это было достаточно неожиданное извещение, поэтому он больше недели не сообщал нам об этой телеграмме, хотя из звонка И.А. Косилова мы уже знали о том, что она была выслана в адрес нашего института.

Звонит мне секретарь директора и говорит: «Зайдите к Ивану Федоровичу». Собравшись с мыслями, я предстал перед очами моего директора. Он завел меня во вторую комнату своего кабинета, посадил за стол, и пошел у нас нелицеприятный, особенно для меня, разговор. Он начал описывать мои перспективы. Когда я стал их опровергать, он начал нажимать на меня, что не даст характеристики, будет звонить в Москву в ВАСХНИЛ, чтобы приструнить академика ВАСХНИЛ А.А. Свиридова по поводу переманивания кадров. Когда он убедился, что я непреклонен в своем решении, то предложил мне должность заместителя директора института по НИВСам. На что я ответил, что эту должность занимает уважаемый мною человек – А.Ф. Сафонов, на «живое место» я не пойду. Тогда Иван Федорович сказал: «Знаешь, я буду с тобой откровенен, меня очень просил с тобой переговорить Н.Ж. Жанузаков в отношении твоего отъезда. Раскрою только тебе секрет: я скоро уйду с должности директора института, мое место займет Н.Ж. Жанузаков. У него на тебя имеются свои умозаключения».

Хотя для меня это известие, особенно о смене руководства института, было удивительное, но я Ивану Федоровичу все же окончательно сказал свое несогласие, так как уже практически мои мысли были поглощены новой перспективной научной работой. Тогда Иван Федорович собрал членов бюро партийной организации института, так как я был членом парткома и отвечал там за научную работу. Необходимо было согласие парткома на мой отъезд. Члены

бюро, в основном мои хорошие товарищи, с которыми много было сделано за эти три последних года, были удивлены моим отъездом. Они прямо задали вопрос Ивану Федоровичу: «Вы почему не предложили Александру Семеновичу высокую, более интересную работу?» Видя заминку Ивана Федоровича, я ответил моим коллегам, что директором были мне сделаны предложения, но я решил твердо поменять место работы. На этом и была поставлена окончательная точка моей научной деятельности в Казахстане.

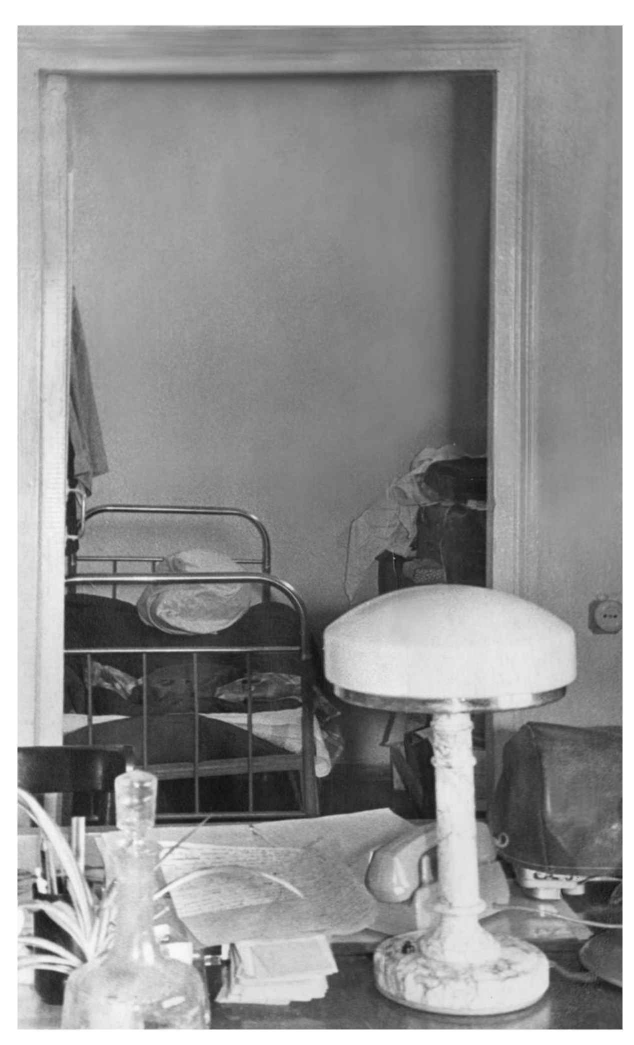
Здесь, видимо, надо заключить, что проведенные детские, отроческие (9–10-й классы) и взрослые годы жизни в Казахстане я всегда вспоминаю с внутренним волнением. Многое пережито, подавляющие годы были прожиты с большой пользой для меня. Я стал неплохим специалистом. Много, особенно во взаимоотношениях с младшими и старшими по возрасту, усвоил от коренного населения Казахстана. В Казахстане осталась большая часть моего сердца, большое количество друзей, с которыми и до нынешнего времени тесно общаюсь. Здесь я нашел свою любимую супругу Валерию Николаевну, мои дети родились в Алма-Ате, там начали обучаться в школе. Большую часть своей здоровой физической жизни в Казахстане посвятил спорту, стал неплохим тяжелоатлетом, режим и правильное питание, видимо, стали залогом моего хорошего здоровья. Здесь я начал свою трудовую закалку в качестве тракториста, а это незабываемое для нас, молодых парней, время. Учеба в техникуме, институте и аспирантуре – вот фундамент моей специальной ветеринарной подготовки. Я уяснил, что профессиональный авторитет – это моральный эквивалент врача, так называемый моральный капитал, который накапливает каждый в меру преданности делу и личного творческого взноса в общее дело – ветеринарную медицину. Здесь важны такие черты специалиста чисто человеческого качества, как общительность, готовность и способность помочь друг другу. Здесь я защитил кандидатскую диссертацию, собрал науч-

ные материалы для докторской диссертации. Я никогда не увиливал ни от какой тяжелой работы, большую часть рабочего времени проводил в командировках. Таким образом, мое появление в ИЭВСиДВ СО ВАСХНИЛ было не в виде какого-то просителя, а профессионально подготовленного научного сотрудника, неплохо знающего и практическую ветеринарию. Не могу не вспомнить моих близких, похороненных в обширных степях Казахстана: дедушку, папу, маму, родного брата, братьев и сестер моего отца, их детей, моих двоюродных братьев и сестер. По мере возможности, через год-два обычно я приезжаю на могилы моих предков, которые похоронены в Алма-Ате, Петропавловске, бывшем Приишимском совхозе (хутор «Повозочный»), кладу цветы, вспоминаю родственников, выпиваю чарочку за упокой.

Май 1979 г.... Третьего дня этого месяца я собрал у себя на квартире заведующих нашего института, заместителей директора, самого Ивана Федоровича не было на прощальном обеде. Мероприятие было интересное, много сказано хороших слов обо мне и о Валерии Николаевне, бывшей сотруднице нашего института, хотя она в это время работала уже в медицинском институте. Присутствовал практически весь состав ученого совета института. Тепло попрощавшись со своими коллегами, на следующий день (5 мая 1979 г.) поездом я выехал в Новосибирск, 7 мая 1979 г. прибыл в город. Меня сразу поселили в мою будущую трехкомнатную квартиру. На следующий день я вышел на работу. Май в Краснообске, где располагался наш институт, входящий в состав СО ВАСХНИЛ, был прекрасным, снег остался только в окружающих научный поселок перелесках. Ярко светило солнце, я считал это было хорошим предвестником моего приезда на новое место работы. На душе было прекрасно. Начиналась новая, очень важная в моей длительной научной жизни страница...

Здание Гурьевской НИВС

В таком закутке я жил в течение года
в Гурьевской НИВС

Николай Михайлович Львов, первый директор Гурьевской НИВС

Николай Михайлович Львов и я, передача директорского акта

Николай Михайлович Львов передает свои знания как руководить НИВС новому директору – мне

Сотрудники Гурьевской НИВС

Я с препараторами НИВС

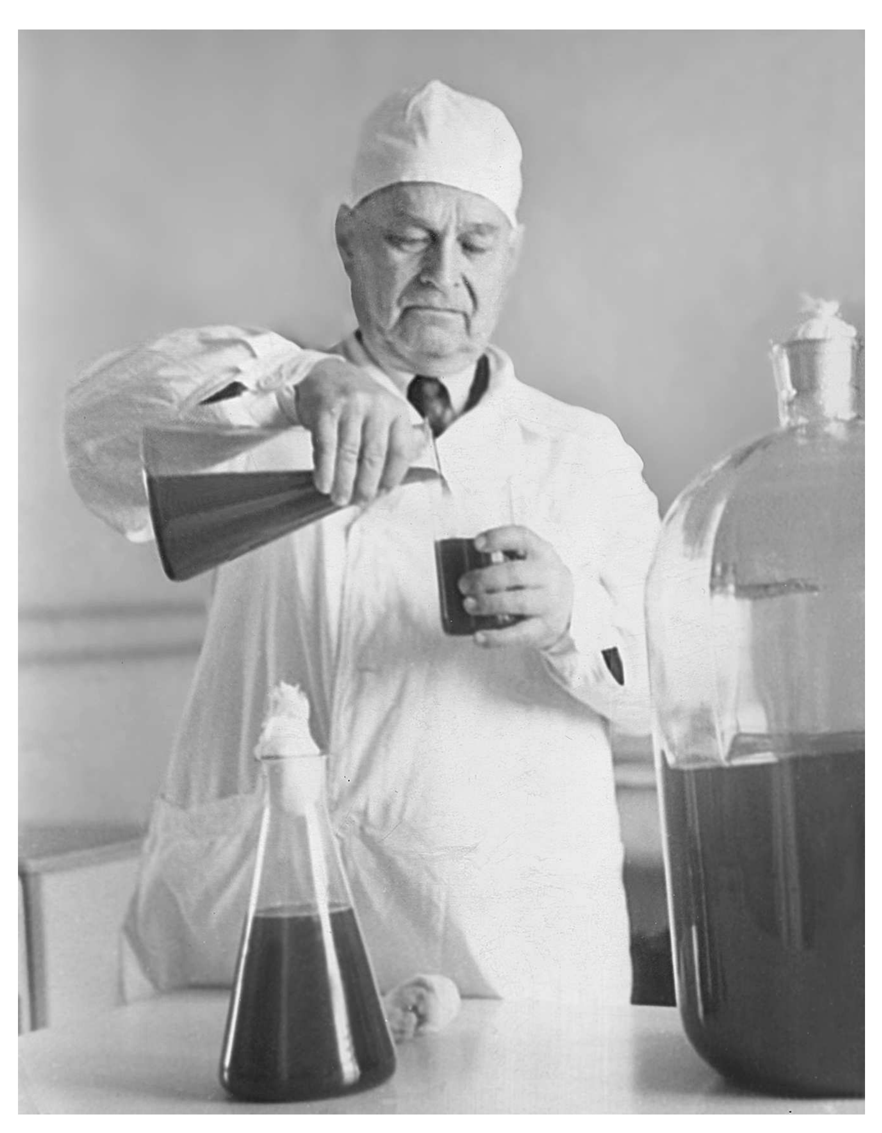
Я и Николай Михайлович Львов с корреспондентом газеты

Моя семья собралась воедино в Гурьеве

Такой приехала в Гурьев моя доченька Оля

Николай Михайлович Львов. Опыты по выращиванию хлореллы

Валерия Николаевна Донченко работает на полярографе

Сергей Кустанов обучает новых сотрудников НИВС
диагностике гельминтозов

Люба Зернова ставит электрофорез

Сергей Кустанов и Евгения Александровна Фаткеева

Валентина Иванова (виварий)

Валерия Николаевна Донченко
и Евгения Александровна Фаткеева
(Гурьев, НИВС)

Самигулла Хамиевич Хамиев

Семья Самигуллы Хамиевича Хамиева

Куаныш Исамберлиев

Куаныш Исамберлиев с супругой Нурщиян Абдоловой

Куаныш Исамберлиев и Йдияш Оспанов

Шора Калтаев

Максим Нагиевич Альмуханов

Жумазия Есимова (супруга Сергея Кистанова) с дочерью

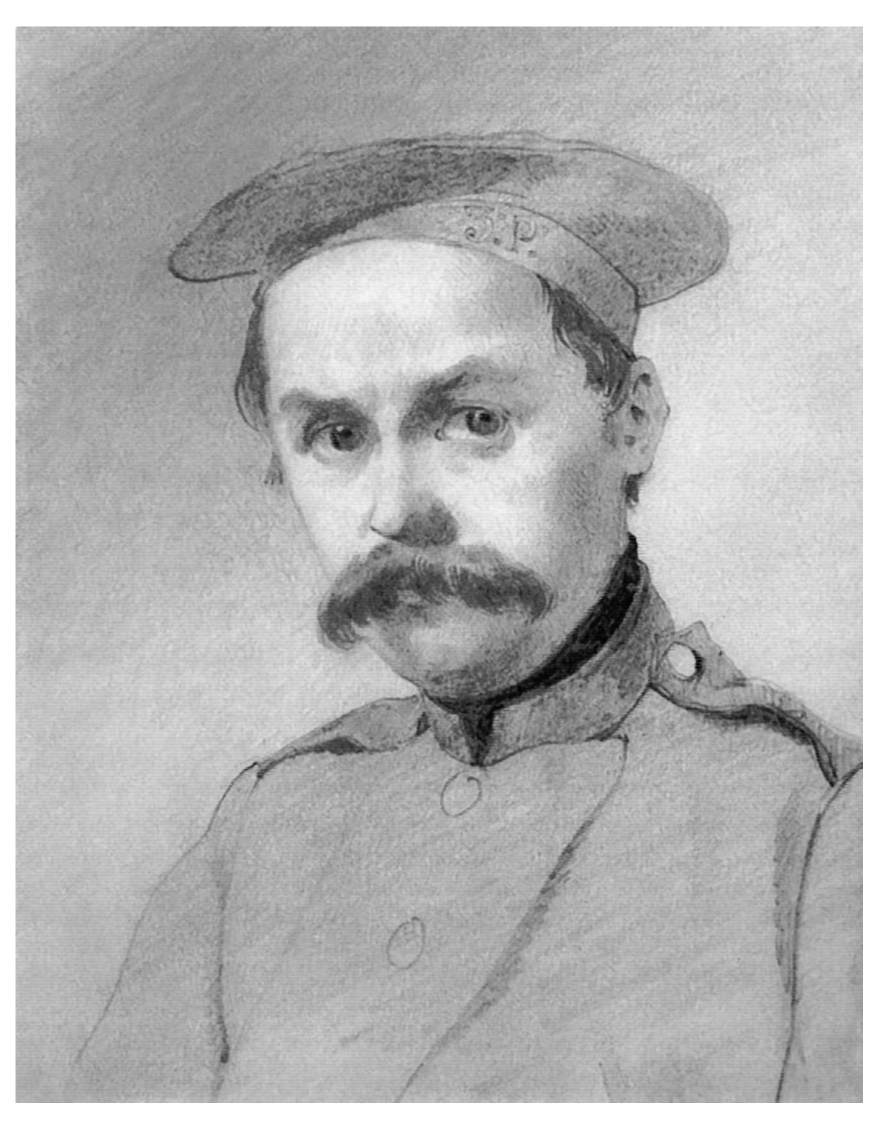
Магидолла Жугунисов

Так мы умели отдыхать (сотрудники Гурьевской НИВС)

Готовимся к демонстрации 1 Мая

Тарас Шевченко в солдатах. Автопортрет 1847 г.

Землянка Тараса Шевченко в г. Форт-Шевченко

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.С. ДОНЧЕНКО

ОТ ТРАКТОРИСТА ДО АКАДЕМИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

Художник *Н.А. Ларшина*
Редактор *Г.Н. Ягупова*
Корректор и оператор электронной верстки
В.Е. Селянина

Сдано в набор 15.12.2018. Подписано в печать 29.04.2019.
Формат 60 × 84 $^1/_{16}$. Объем 46,5 печ. л.
Тираж 200 экз. Заказ № 2181

Отпечатано в Издательском центре НГАУ
«Золотой колос»
630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, каб. 106.
Тел./факс (383) 267–09–10. E-mail: 2134539@mail.ru